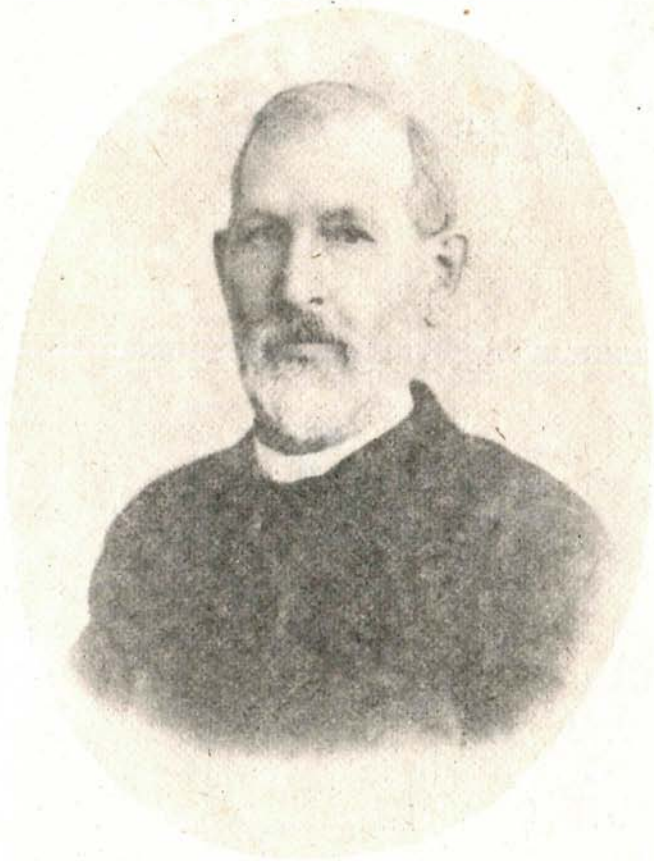

Ф. И. БУСЛАЕВ

**ПРЕПОДАВАНИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ЯЗЫКА**

Ведоръ Буслухъ

Ф. И. БУСЛАЕВ

ПРЕПОДАВАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Д о п у щ е н о
Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебного пособия
для студентов педагогических институтов
по специальности «Русский язык и литература»

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1992

ББК 74.261.3

Б92

Рецензенты:

*Кафедра методики русского языка МПГУ им. В. И. Ленина;
доктор педагогических наук профессор Ломизов А. Ф.*

Составители: доктор филологических наук, академик АПН, профессор И. Ф. Протченко и кандидат педагогических наук доцент Л. А. Ходякова, вступительная статья И. Ф. Протченко, комментарии Л. А. Ходяковой.

Буслаев Ф. И.

Б92 Преподавание отечественного языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» — М.: Просвещение, 1992.— 512 с., 1 л. ил.— ISBN 5-09-004461-9.

В книге впервые собраны основные работы выдающегося русского филолога Ф. И. Буслаева по методике русского языка, теоретические положения которых не потеряли значения и в наши дни. Эти работы помогут глубже овладеть материалами курсов «Методика русского языка» и «Современный русский язык».

Б $\frac{430900000-170}{103(03)-92}$ КБ-34-19-1991

ББК 74.261.3

Учебное издание

Буслаев Федор Иванович

ПРЕПОДАВАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Зав. редакцией *В. Л. Склярова*
Редактор *Г. В. Карюк*
Младший редактор *З. Д. Назарова*
Художественный редактор *Т. А. Никулина*
Технические редакторы *Т. Н. Зыкина, Л. М. Абрамова*
Корректоры *И. В. Чернова, Л. С. Вайгман*

ИБ № 14599

Сдано в набор 03.02.87. Подписано к печати 14.08.91. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. офсетная № 2. Гарнит. Литературн. Печать высокая. Усл. печ. л. 32. Усл. кр.-отт. 32. Уч.-изд. л. 36,07. Тираж 13 000 экз. Заказ 434.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Министерства печати и информации Российской Федерации. 127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Министерства печати и информации Российской Федерации. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

ISBN 5-09-004461-9

© Протченко И. Ф., Ходякова Л. А., 1992

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Федор Иванович Буслаев принадлежит к плеяде ученых, которые прославили отечественную науку и просвещение замечательными трудами по русскому языку, методике его преподавания, литературоведению, истории искусства.

Ф. И. Буслаев был заслуженным профессором Московского университета, имел ученую степень доктора русской словесности и доктора теории и истории искусств, был академиком Академии наук, почетным членом Петербургского, Казанского и Новороссийского (ныне Одесского) университетов, Казанского общества истории и археологии, Петербургского археологического общества, Московского общества этнографии, председателем Общества любителей российской словесности, членом Французского лингвистического общества.

Ф. И. Буслаев всегда помнил, что ученый своими делами, своим творчеством ответственен перед обществом, перед народом. Это нашло отражение во всех его трудах, исследованиях, учебниках и учебных руководствах и прежде всего в работах педагогического характера, заложивших основы научной методики преподавания русского языка. Издание в 1844 г. книги Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» стало знаменательным событием в истории отечественного просвещения. Идеи, заложенные в этом труде, получили дальнейшее развитие не только в работах самого Ф. И. Буслаева, но и в книгах, учебниках, методических пособиях последующих поколений учителей, методистов, языковедов.

Труды Ф. И. Буслаева педагогического характера, в том числе и по методике преподавания русского языка, впервые издаются в объединенном виде, что даст возможность студентам факультетов русского языка и литературы, будущим учителям-словесникам, познакомиться не только с положениями основного методического пособия Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка», но и статьями, в которых развиваются и конкретизируются положения этой работы, а также с программами по русскому языку и словесности, составленными ученым.

В соответствии с этим книга делится на три раздела. П е р в ы й включает полностью текст первого издания (1844 г.) руководства «О преподавании отечественного языка». Публикация именно этого издания, а не второго, сокращенного (1867 г.), обусловлена тем, что в нем наиболее полно отражены взгляды Ф. И. Буслаева на методику преподавания русского языка в школе, показано, какие грамматические и стилистические факты считал ученый важными при изучении русского языка. Не случайно, что выдающийся отечественный филолог А. А. Шахматов в статье «Буслаев как основатель исторического изучения русского языка (Четыре речи о Ф. И. Буслаеве, читанные в заседании Отделения Коменского 21 января 1898 г.)» останавливается на первом издании «О преподавании отечественного языка» и дает ему (особенно второй части) высочайшую оценку.

В т о р о й раздел включает статьи, рецензии, отзывы Ф. И. Буслаева, в которых развиваются и уточняются положения его фундаментального методического труда.

В т р е т ь е м разделе помещены программы по русскому языку и словесности для средних учебных заведений, составленные Ф. И. Буслаевым, а также отзыв на программу 1866 г. учителей гимназий Московского учебного округа.

Внутри второго и третьего разделов все работы расположены в хронологической последовательности.

В п р и л о ж е н и и приводится речь известного отечественного филолога Е. Будде (произнесенная в 1897 г. в Казанском университете) «О заслугах Ф. И. Буслаева

как ученого лингвиста и преподавателя», помогающая представить оценку педагогической деятельности современниками выдающегося отечественного ученого.

При публикации работ Ф. И. Буслаева приняты принципы, которые нашли отражение при издании лингвистических работ других отечественных филологов прошлого. Прежде всего, текст произведений приводится полностью, без купюр, что позволяет не только познакомиться с теоретическими положениями труда, но и с системой доказательств, примерами, подтверждающими эти положения. К сожалению, переиздание сокращенного варианта (1867 г.) «О преподавании отечественного языка» в 1941 г. имеет существенный недостаток — купюры, сокращения, не позволяющие подчас полностью правильно воспринять мысль Ф. И. Буслаева.

Тексты всех произведений, включенных в том, даются по первой печатной публикации с исправлением опечаток, неточностей, но с сохранением авторской стилистики, принятых Ф. И. Буслаевым сокращений, отсылок на издания других филологов, вышедших до 1844 г. Все географические названия приводятся по административному делению, принятому в России в первой половине XIX в. Орфография и пунктуация основного текста Ф. И. Буслаева приближена к современной, за исключением тех мест, которые отражают сугубо авторское построение предложений. В примерах, особенно в руководстве «О преподавании отечественного языка», в основном сохраняется орфография, принятая Ф. И. Буслаевым, т. к. многие особенности правописания в примерах очень значимы для дальнейших рассуждений по вопросам преподавания или отражают архаичность цитируемого памятника. Старая орфография сохраняется и в примерах из текста «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, чтобы показать связь цитируемых отрывков с древними источниками, которыми воспользовался автор «Истории...» и о которых говорится в тексте руководства. Отступления сделаны в написании имен существительных со строчной буквы вместо прописной.

Примеры из произведений М. В. Ломоносова, И. А. Крылова, А. С. Пушкина и других авторов, особенно современных Ф. И. Буслаеву, приводятся по новой орфографии, но по тем изданиям, которыми пользовался автор публикуемых работ. Шрифтовые выделения в тексте и в примерах единообразны для всех произведений, включенных в том, независимо от принятых при первой публикации. Это облегчает восприятие текста. Подстрочные библиографические примечания сохраняются в том виде, в каком их давал Ф. И. Буслаев, кроме внешнего оформления.

При публикации работ сохраняется грамматическая терминология, принятая Ф. И. Буслаевым: *этимология* вм. *морфология*, *метода* вм. *метод*, *идиотизмы* вм. *идиоматизмы*, *числительные порядочные* вм. *числительные порядковые*, *ипербола* вм. *гипербола* и т. д. Кроме того, сохраняются принятые Ф. И. Буслаевым написания отдельных слов: *учители* вм. *учителя*, *зверьми* вм. *зверьями*, *узнание* вм. *узнавание*, *светлотень* вм. *светотень*, *восстановлять* вм. *восстанавливать*, *предложение* вм. *переложение*, *бояра* вм. *боярина* и т. д. Столь же последовательно сохраняются термины *белорусское наречие*, *малоросское наречие* в отношении белорусского и украинского языков и т. д.

В томе не приводится библиография работ Ф. И. Буслаева, т. к. полная библиография трудов ученого и литература о нем помещена в качестве приложения к книге С. В. Смирнова «Федор Иванович Буслаев» (М., 1978).

В комментариях сообщаются фактические данные о времени публикации включенной работы, переизданиях, рецензиях и т. д., что поможет студентам при знакомстве с трудами выдающегося отечественного филолога-педагога.

Ф. И. БУСЛАЕВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ФИЛОЛОГ И ПЕДАГОГ

Федор Иванович Буслаев, выдающийся русский ученый и педагог, прославивший своими многочисленными замечательными трудами отечественную науку и просвещение, прожил долгую и яркую жизнь, которая охватывает почти весь XIX в. (1818—1897).

Жизнь этого великого ученого-самородка являет собой образец беззаветного служения родине, которой он отдал свое сердце и свой талант, открывая законы родного языка, создавая труды по русской и славянской литературе, устному народному творчеству, истории древнерусского искусства и, наконец, по вопросам преподавания отечественного языка. Поистине велико значение его трудов как педагога-мыслителя для воспитания человека, что всесторонне и по заслугам было оценено уже после революции, в годы Советской власти. Вклад Ф. И. Буслаева в историю науки, культуры и просвещения по-настоящему замечателен и потому заслуживает как признания благодарного потомства, так и внимательного, всестороннего изучения.

Яркой и поучительной представляется и биография этого замечательного ученого.

Ф. И. Буслаев родился 13 апреля 1818 г. в Керенске, глухом уездном городке Пензенской губернии, в семье мелкого чиновника, секретаря уездного суда («уездного стряпчего» — по тогдашней должностной терминологии)¹. Годы детства, отрочества и юности будущего ученого протекали в среде, как об этом он сам говорил, просто-душно-патриархальных отношений «провинциального мелкого люда» (Б у с л а е в. Мои воспоминания. М., 1897), в условиях тяжелых материальных лишений, горькой бедности семьи.

Его отец умер в 1823 г., когда мальчику только что исполнилось пять лет. Вся работа о ребенке легла на плечи матери, оказавшей сильнейшее и благотворное влияние на формирование характера

¹ Более полные сведения о жизни и деятельности замечательного отечественного ученого Ф. И. Буслаева можно получить в книгах, вышедших в последние годы: Смирнов С. В. Федор Иванович Буслаев (1818—1897).— М., 1978; Чурмаева Н. В. Ф. И. Буслаев.— М., 1984.

сына, целиком посвятившей себя его воспитанию и образованию. О своей матери Федор Иванович до конца жизни сохранил самые светлые и нежные воспоминания. Она была дочерью армейского офицера, участвовавшего в альпийских походах Суворова; по наследству от отца к ней перешли несколько человек дворовых, с которыми у нее поддерживались отношения патриархального склада. Будучи женщиной умной, деятельной, настойчивой, она, хотя и не получила систематического образования, много читала и приобрела, судя по ее письмам, слог живой и сердечно-искренний, став, по признанию самого Буслаева, его настоящей наставницей по занятиям литературой наряду с гимназическим учителем словесности.

В 1823 г. семья Буслаевых переехала в Пензу, где мать купила дом в живописном уголке города, на крутом берегу реки. Через два года, в 1825 г., мать неудачно вторично вышла замуж за человека, который, вконец разорив небольшое состояние Буслаевых, вскоре умер, оставив жену с сыном и двумя маленькими дочерьми без средств к существованию. Буйства горького пьяницы отнима, разорение и бедность оставили глубокий след в душе впечатлительного мальчика, но не надломили и не озлобили его. Он только стал, по собственному признанию, робким, застенчивым и опасно-осторожным,— и эти особенности отмечались затем у него на протяжении всей жизни.

В нужде и несчастье выработывался и закалялся характер Буслаева. Примечательны такие его признания: «Несчастье сильно способствует развитию детей...»; «Будучи только двенадцати лет, я уже чувствовал и поступал, как взрослый, когда дело касалось злополучий матери» («Мои воспоминания», с. 56, 58).

Годы гимназического учения Буслаева протекали в Пензе. Сначала он учился в пригосударственном пансионе, а затем в возрасте десяти лет поступил в Пензенскую гимназию, которую окончил в 1833 г. В первом классе гимназии среди учителей Буслаева был В. Г. Белинский, преподававший русский язык и, как можно предположить, оказавший влияние на формирование его лингвистических и литературоведческих взглядов. Надо полагать, будущий великий критик преподавал грамматику в духе своего учебника «Основания грамматики русского языка»; влияние этой философской логической грамматики сказалось впоследствии на лингвистических трудах Ф. И. Буслаева, особенно на его работах по синтаксису.

В целом же учение в гимназии тех лет было поставлено довольно плохо: большинство учителей в основном полагались на самостоятельные занятия своих питомцев в классе и не очень интересовались ходом и результатом их работы. Но и здесь были учителя-энтузиасты. Так, юному Буслаеву особенно запомнился учитель словесности Евтропов, который сам много читал гимназистам, прививал им любовь к чтению произведений новейших писателей того времени (Жуковского, Пушкина, Гоголя и др.). Знаменательно признание самого Федора Ивановича Буслаева, сделанное им в конце жизни: «В Пензенской гимназии под руководством Белинского и Евтропова

я впервые узнал и полюбил русскую словесность, которой потом посвятил всю свою жизнь в литературных трудах и в лекциях с кафедры Московского университета» (Языков Д. Федор Иванович Буслаев.— Русский вестник, 1897, № 9, с. 379).

Стесненные материальные условия заставляли гимназиста Буслаева находить время не только для активных занятий, но и для частных уроков, которые он давал за небольшую оплату уже в четырнадцатилетнем возрасте.

В 1834 г. Буслаев поступил на словесное отделение философского факультета Московского университета, которое окончил в 1838 г. со степенью кандидата. Здесь ему довелось слушать лекции ряда известных ученых и общественных деятелей того времени; особенно большое влияние оказали на него профессора И. И. Давыдов, М. П. Погодин, С. П. Шевырев. Так, по заданию И. И. Давыдова студент Буслаев перевел с немецкого перевода на русский «Общую грамматику» известного французского филолога Дю-Саси. Для С. П. Шевырева составил систематический свод следующих грамматик: М. Смотрицкого, М. В. Ломоносова, академической, грамматик (больших, или полных) Н. И. Греча и А. Х. Востокова, церковнославянской грамматики Добровского.

Слушая лекции М. П. Погодина, Буслаев, по его собственному признанию, «живо почувствовал и оценил великое значение народного быта»; именно Погодин научил его «читать и разбирать наши старинные рукописи», помог овладеть приемами исследовательской работы. «Из уст Погодина,— вспоминает Буслаев,— в первый раз услышал я имя великого германского ученого Якова Гримма, который своими многочисленными и разнообразными исследованиями потом оказывал на меня такую обаятельную силу, так воодушевлял меня, что я сделался одним из самых ревностных и преданнейших его последователей».

Молодой Буслаев отличался трудолюбием и усидчивостью; он с увлечением занялся наукой, упорно и последовательно учился у старших, перенимая у известных профессоров все наиболее ценное, что нужно будущему ученому: тщательность в изучении конкретного материала, использование первоисточников, иностранной и отечественной литературы по избранной теме, словом, стремился усвоить все тонкости методики и техники научного труда.

После окончания университета Ф. И. Буслаев был назначен на работу в качестве сверхштатного учителя русского языка в младших классах 2-й Московской гимназии; кроме того, он становится домашним учителем в семьях известных аристократов — Боды, Самарина, Строганова.

В становлении педагогических взглядов Буслаева работа в качестве домашнего учителя имела положительное значение, ибо молодой начинающий педагог получил самостоятельность и полную возможность обучать и воспитывать своих учеников так, как считал нужным, творчески применяя передовые методы преподавания и воспитания. Домашняя система обучения в этот период была луч-

ше, нежели государственная. Здесь не было гнетущего полицейского надзора, контроля инспекторов, той казенно-чиновничьей обстановки, которая царила в государственных гимназиях, не было недостатка в средствах для приобретения необходимых учебников, литературы, пособий.

В 1839—1841 гг. Буслаев с семьей графа С. Г. Строганова, будучи воспитателем его детей, совершает путешествие по Западной Европе. За два года он побывал в Германии, Франции, Италии. Эта поездка по Европе дала возможность ознакомиться с замечательными произведениями мирового, в том числе античного, искусства, что оказало сильное влияние на научные взгляды и интересы молодого ученого: он увлекается древним искусством, создает ряд работ по археологии, древней живописи.

Вернувшись в 1841 г. в Москву, Буслаев стал преподавать русский язык в 3-й Московской реальной гимназии, а затем, в 1843 г., становится адъюнктом (помощником) профессоров русской словесности Московского университета И. И. Давыдова и С. П. Шевырева. В его обязанности входили разбор и исправление письменных студенческих работ. В эти годы появляются его первые публикации в виде статей, рецензий, обзоров в журналах «Москвитянин», «Отечественные записки». Эти работы по вопросам обучения русскому языку и словесности рассылались по всему Московскому учебному округу (попечителем округа был уже упоминавшийся С. Г. Строганов).

В своих воспоминаниях, говоря об этом периоде жизни и работы, Буслаев пишет: «Хотя я и приобрел на практике некоторый навык в преподавании русского языка и словесности, но, как самоучка, не умел давать себе ясного отчета в выборе дидактических приемов и особенно затруднялся, как следует вести дело с многолюдным классом учебного заведения. Мне недоставало теории, которая бы расширила мой кругозор» (Б у с л а е в Ф. И. Мои воспоминания. — М., 1897, с. 271).

И здесь, как нельзя кстати, пригодилась молодому ученому богатая библиотека С. Г. Строганова. Он знакомится с трудами В. Гумбольдта, Ф. Боппа, Р. Раска, А. Х. Востокова, Я. Гримма и других ученых. Всю лингвистическую деятельность Буслаева в сильной степени определило новое в те времена и чрезвычайно плодотворное учение о языке, известное под названием сравнительно-исторического метода.

Свои педагогические взгляды Буслаев имел возможность проверять на практике, посещая школы, знакомясь с опытом многих преподавателей. В 1841 г. Федор Иванович составляет комментарии, критические замечания и дополнения к учебнику В. Половцева «Русская грамматика для русских». Эта работа Буслаева, явившаяся как бы методическим пособием к данному учебнику, также рассылалась в качестве руководства по учебным заведениям.

Итогом многообразной практической и теоретической деятельности Ф. И. Буслаева в этот период стала книга «О преподавании

отечественного языка», опубликованная отдельным изданием в 1844 г. Это был первый в истории методики русского языка научный труд, в котором молодой 26-летний талантливый педагог стремится научно обосновать задачи, методы и приемы обучения родному языку в школе. Ф. И. Буслаев считает, что изучение родного языка должно быть систематическим, основываться на тех приемах и методах, которые позволяют учащимся понять и осознать сущность языковых явлений, закономерности тех процессов, которые в языке происходят. Вслед за Я. Гриммом Буслаев различает два способа изучения языка: филологический и лингвистический. В первом случае грамматика — это только искусство правильно писать и говорить, притом обучение ограничивается книжной речью. При втором подходе язык — это предмет сравнительно-исторического изучения с целью выявления законов его изменения и развития.

Труд «О преподавании отечественного языка», вышедший в Москве в 1844 г., состоял из двух частей. Первая (335 стр.) — была посвящена вопросам дидактики, познакомила с современными взглядами на преподавание родного языка, разными методами обучения, выработанными в Западной Европе, вводила в мир научно-педагогических интересов. Вторая (375 стр.) — включала обширный материал, теоретический и фактический по истории русского языка, стилистике, необходимый, по мнению Ф. И. Буслаева, учителю, стремящемуся именно научить родному языку, в частности, русскому.

Появление книги «О преподавании отечественного языка»¹ Ф. И. Буслаева сразу же привлекло к ней внимание как практиков-учителей, так и ученых. Она отличалась свежестью идей, направленностью на то, чтобы улучшить преподавание русского языка в школе.

Известный филолог XIX — начала XX в. проф. Е. Ф. Будде впоследствии в речи, произнесенной 28 сентября 1897 г., говорил: «Буслаев вдохнул живую душу в преподавание и преподавателей русского языка; он дал нам грамматику современного нам русского языка, а не чужого». И далее: «...Вся грамотная Россия добровольно признала в Ф. И. Буслаеве своего учителя по предмету отечественного языка... Мы все собственно — буслаевцы, мы все его ученики и воспитанники!.. Буслаев был учителем нескольких поколений...».

Методическая система Ф. И. Буслаева, изложенная в книге «О преподавании отечественного языка», была слишком новой, необычной для своего времени. Лишь в 60-е годы эти педагогические и методические идеи получают широкое и всеобщее признание, многие педагоги подробно разрабатывают намеченные Федором Ивановичем вопросы. В числе этих методистов-учителей были К. Д. Ушинский, В. И. Водовозов, В. Я. Стоюнин и мн. др.

¹ В 1867 г. вышло 2-е издание, сокращенное и переработанное, руководства Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка», которое было переиздано со значительными купюрами в 1941 г. Сокращения, сделанные Ф. И. Буслаевым во втором издании, коснулись в основном второй части книги.

Проблемы, анализируемые в труде «О преподавании отечественного языка» — объяснительное чтение, метод грамматического обучения, ведение письменных упражнений, преподавание орфографии на начальном этапе обучения, развитие речи учащихся, осмысленное восприятие обучающимися изменений и закономерностей, характерных для развития русского языка, — до настоящего времени находятся в центре внимания методики русского языка. Это говорит о том, что рассматриваемая книга Ф. И. Буслаева не утратила своего значения и в наши дни. И не случайно, что положения методического труда Ф. И. Буслаева постоянно используются в методических работах, статьях, исследованиях советских методистов, педагогов, филологов, в учебниках и пособиях для студентов педагогических институтов, будущих учителей-словесников.

Издание книги «О преподавании отечественного языка» сразу же привлекло внимание как учителей-практиков, так и ученых-филологов. На страницах периодических изданий («Библиотека для чтения», «Северная пчела», «Русский инвалид», «Современник», «Отечественные записки», «Москвитянин» и др.) появились самые противоречивые отзывы.

В публикациях того времени, в архивных документах имеется немало писем учителей, приветствовавших выход книги; в ряде рецензий отмечалось, что вопросы продуманного обучения и воспитания (волнующие всех и давно ожидающие решения) впервые рассмотрены с такой обстоятельностью, новизной, смелостью, так свежо и значительно, что книга Буслаева — это «драгоценный подарок для школы». Учителя находили в этом труде не только освещение общих проблем методики преподавания родного языка и литературы, но и разъяснение многих частных вопросов грамматического, этимологического, стилистического, литературоведческого и этнографического характера для конкретного анализа на уроках в школе.

В рецензии, опубликованной на страницах «Современника» (1844, т. XXXV), было сказано, что книга Ф. И. Буслаева является выдающимся и замечательным сочинением. Но при этом автор отзыва отмечал, что для проведения в жизнь методических принципов ученого-педагога нужно подготовить новое поколение учителей, способных не только воспринять эти идеи, но и воплотить в жизнь.

Однако были даны не только положительные оценки. Представители реакционной журналистики и педагогики — такие как Греч, Булгарин, Сенковский — отозвались о труде Ф. И. Буслаева недоброжелательно, резко критически. Их раздражало то, что Буслаев всесторонне и обоснованно отрицательно отозвался не только об отсталой системе преподавания языка в школе, но и о тех пособиях, которые эту систему пропагандировали.

«Наши грамматики, — писал Ф. И. Буслаев в одной из статей, — можно назвать уголовным сводом законов, полицейским исчислением правил, за неисполнение коих виновный подвергается наказанию». Было понятно всем, что в данном случае имеется в виду грам-

матика Н. И. Греча, который был автором популярных учебных пособий по русскому языку и литературе для начальных и средних школ. Его работы не только не отличались новизной, но и содержали в себе субъективизм в классификации языковых явлений, на что указывали учителя и методисты. Сошлемся на мнение В. Г. Белинского по этому вопросу: «Кто не согласится, что Грамматика г. Греча не без достоинств, что в ней есть много дельных замечаний, что ее автор умел иногда кстати пользоваться трудами и открытиями наших филологов? Но кто, вместе с этим, не согласится, что эта грамматика есть не что иное, как сбор, или лучше своз материалов, книга полезная для составителя грамматики, но отнюдь не то, что должно разуметь под наукою в высшем значении сего слова? И притом, сколько странностей, сколько клевет на бедный русский язык!..» (Избр. пед. соч. М.—Л., 1948, с. 122).

Н. И. Греч грешил тем, что нередко подгонял факты и особенности русского языка под готовые стандарты и формулы зарубежных и русских составителей грамматик, руководствовавшихся принципами универсально-логической теории.

В. В. Виноградов так отзывается об этом основном изъяне в работах Греча: «Широкая струя абстрактных логико-грамматических установок и априорных обобщений захватила Греча, освобождая его от необходимости глубокого исследования специфических особенностей русской грамматики. У Греча были и интерес к наблюдениям над языком, и умение описывать и характеризовать конкретные факты речевого употребления. Но он был лишен дара систематизации грамматических явлений. Он был больше похож на коллекционера и формалиста-систематизатора. Поэтому он без колебаний распределял, особенно в области синтаксиса, грамматические процессы и категории русского языка по чужой, заимствованной схеме и «системе» (Синтаксические труды Н. И. Греча и их роль в истории изучения русского синтаксиса.— В кн.: Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958, с. 137—138).

Закономерно, что именно Греч и его сторонники отрицательно оценили труд Буслаева, который «дал нам грамматику современного нам русского языка, а не чужого» (Е. Ф. Будде, см. выше).

Реакционер и обскурант Голохвастов, преемник С. Г. Строганова на посту попечителя Московского учебного округа, в резкой форме выразил недовольство лично Буслаеву за якобы «самохвальство» и «ниспровержение общепринятых порядков и авторитетов». «Особенно он (Голохвастов.— И. П.) был недоволен моей книгой «О преподавании отечественного языка», которой я преступно посягаю на авторитет таких грамматистов, как Булгарин и Греч»,— писал Ф. И. Буслаев (из архива внука Ф. И. Буслаева, Москва).

Приведенные факты говорят о большом общественном резонансе, который имела книга Ф. И. Буслаева. Однако сам автор не считал возможным представить свой методический труд в качестве магистерской диссертации, а после сдачи полагавшихся магистерских экзаменов подготовил с этой целью диссертацию на тему «О влиянии

христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию» (М., 1848, 211 с.). Здесь на основе сравнительно-исторического метода был осуществлен тщательный анализ словарного состава Остромирова евангелия (1056—1057 гг.). Ф. И. Буслаев показал, в какой мере данный памятник языческой мифологии и поверий христиан влиял на развитие языка. В этом исследовании историко-культурного характера Ф. И. Буслаев дал образец лингвистического анализа на фоне истории народа — носителя языка и его культуры; в работе содержится много тонких наблюдений из области древнерусской лексики, извлеченной из малоизвестных в науке рукописей.

Ф. И. Буслаев сознавал, что создать историю языка по материалам хотя и значительного, но только одного памятника невозможно. Это побудило его провести более широкое и основательное исследование древней письменности славян, в результате чего был подготовлен труд «Опыт исторической грамматики русского языка. Учебное пособие для преподавателей», ч. I—II (М., 1858, 428 с.).

Это исследование ученого впоследствии с исправлениями и дополнениями переиздавалось несколько раз (начиная со второго издания под названием «Историческая грамматика русского языка»): четыре раза в дореволюционное время (1863, 1868—1869, 1875, 1881 гг.) и шестым изданием в советское время (М., 1959, 623 с.). В основу шестого издания положено последнее прижизненное, пятое издание (М., 1881), при этом текст сверялся и с другими изданиями.

Книга эта представляет собой синтетический труд, в котором был собран богатейший материал; она имела большой успех среди преподавателей и студентов, тем более что к этому времени ее автор имел уже солидный опыт преподавательской работы. С 1847 г. Ф. И. Буслаеву было предоставлено право самостоятельно вести курсы русского языка и словесности. В 1861 г. ученый получил степень доктора русской словесности и назначение на должность ординарного профессора (он занимал кафедру до 1881 г., т. е. в течение 20 лет), а в 1880 г. был избран действительным членом Академии наук.

Создание «Опыта исторической грамматики русского языка» и его совершенствование при последующих переизданиях проходило в условиях непрерывной педагогической деятельности автора. Хотя книга и называлась «Исторической грамматикой русского языка», Буслаев вовсе не ставил своей задачей создать систематический труд по истории русского языка в том значении данного понятия, как это принято в наши дни. Он назвал свою грамматику исторической в том смысле, что написал ее на основе сравнительно-исторического метода, введя впервые в научный оборот обильный исторический материал из большого количества малоизвестных письменных памятников, широко включил факты живых народных говоров, фольклора, а также образцы литературной речи из художественных произведений русских писателей от Ломоносова до Пушкина.

Составленная по заданию военного министерства, эта книга по первоначальному замыслу предназначалась в качестве пособия для средних учебных заведений, но как бы переросла эти рамки, положив начало учебнику вузовского типа, явилась новым этапом университетского преподавания курса русского языка. Это по существу была грамматика современного русского литературного языка, в которой объяснялись особенности и явления современного строя языка с помощью широких исторических экскурсов. «Историческая грамматика русского языка» принципиально отличалась как от всех предшествующих пособий, так и от всех изданных к тому времени русских грамматик. Автор рассматривал и объяснял современный литературный язык, его систему, исторически вскрывая действующие закономерности развития русского языка. Впервые большое место было отведено синтаксису, в отличие от работ прежних грамматистов, где этому важному разделу почти не уделялось внимания.

Говоря о необходимости исторического подхода к изучению языка, Буслаев отмечал, что язык возник в глубине веков и призван обслуживать весь народ; автор подчеркивал важность этого общественно-культурного достояния: «Образование языков сокрыто от нас в глубине веков, предшествовавших появлению народов на историческом поприще. Знаем только, что ни один народ, даже на самой низкой ступени общественного быта, без языка не обходился. В церковнославянских книгах речением «язык» именуется не только дар слова, но и самый народ, согласно с той истиною, что язык образуется не отдельными лицами, а целым народом, составляя его существенное достояние» (6-е изд., с. 21).

В «Исторической грамматике русского языка» Ф. И. Буслаев говорит о различии научной и практической грамматики, о типе исторической грамматики и сравнительно-историческом методе изучения языка, о фонетическом, морфологическом и синтаксическом строе русского языка и его изменениях в ходе исторического развития. Здесь уместно привести авторитетное мнение об «Исторической грамматике...» Ф. И. Буслаева видного филолога-слависта И. В. Ягича (1838—1923): «... Это своеобразное сочинение изобилует действительно множеством метких наблюдений в области старинного языка по древним памятникам и также указаний на различные современные особенности в русских наречиях, но систематического анализа всех явлений русской грамматики... напрасно искали бы вы в сочинениях Буслаева. Оно стремилось в духе гриммовских идей только к тому, чтобы в глазах читающего и изучающего это сочинение поднять значение языка как народной святыни, богатого сокровища многих дорогих и важных воспоминаний, уцелевших в течение столетий. В доказательство собраны Буслаевым цветки по полю древнерусской письменности или произведений народного творчества не систематически, а с тонким подбором. Сочинение Буслаева написано так, что оно возбуждает уважение к автору и к предмету. Он поднял, так сказать, нравственное значение русской грамматики» («История славянской филологии». СПб., 1910, с. 537).

Близко к «Исторической грамматике...» стоит и работа «История русского языка. Лекции, читанные в 1866 / 67 академическом году» (литографированное издание Мавродиади и Десницкого; место и год выпуска не указаны; 147 с.).

В непосредственной связи с этими двумя книгами по истории русского языка находятся дополняющие их два учебных пособия, созданных Ф. И. Буслаевым. Первое из них — «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языка» (М., 1861), где приведены отрывки из старославянских, церковнославянских и древнерусских памятников, снабженные историческими и лингвистическими комментариями. Второе — «Русская хрестоматия. Памятники древнерусской литературы и народной словесности с историческими, литературными и грамматическими объяснениями и с словарем. Для средних учебных заведений» (М., 1870). Эта книга давала возможность учащимся пополнить знания о языке и стиле памятников письменности, об их палеографических особенностях.

«Историческая грамматика...» Ф. И. Буслаева сыграла большую и очень значительную роль в истории отечественной филологии. Эта книга стала образцом составления научных грамматик, сравнительно-исторического подхода к анализу языковых явлений для многих последующих поколений лингвистов.

Как мы уже отмечали, этот труд Буслаева по широте, глубине и системе изложения материала оказался несколько сложным для использования в средних учебных заведениях (напомним, что сам автор книгу относил к ряду учебных пособий для преподавателей). Учитывая это, Ф. И. Буслаев создал на основе своего фундаментального учебного руководства более краткое «Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянского, с приложением образцов грамматического разбора. Для средних учебных заведений» (М., 1869, 286 с.). В его содержание вошли следующие части: этимология (где рассмотрены звуки, буквы, образование и особенности изменения частей речи, сложные слова), синтаксис (виды и состав предложений, характер синтаксического употребления частей речи, простое и сложное предложение), а также прибавление, где рассматривался порядок слов и давались образцы грамматического разбора. По этой книге много лет велось преподавание в школе. Грамматические воззрения Ф. И. Буслаева, положенные в основу данного учебника, особенно предложенная им классификация частей речи и более подробно, нежели ранее, разработанная синтаксическая система, выдержанные в духе логико-грамматического направления, оказали в течение продолжительного времени большое воздействие на учебные грамматики и в целом на характер школьного преподавания. О широкой популярности и авторитете этого учебного пособия говорит и факт его неоднократного переиздания в 70—90-е гг. XIX столетия.

Созданию учебника предшествовала публикация Ф. И. Буслаевым «Краткого руководства к первоначальному преподаванию русского языка» (М., 1867), а также ряда статей по вопросам препода-

вания русского языка и словесности и составление программ по этому предмету.

В предшествующем изложении сделана попытка показать органическую связь научных исканий Ф. И. Буслаева в области филологии с решением практических запросов жизни, говоря более конкретно — с решением задач в сфере школьного и вузовского преподавания филологических дисциплин. Современники Буслаева из прогрессивного лагеря положительно отзывались о его трудах по методико-педагогическим вопросам, высоко ценили его работу по созданию учебной литературы.

По поводу его учебников уважительно отзывается в 1853 г. Н. А. Добролюбов: «Дело составления учебников признано наконец делом серьезным, за него принимаются люди, подобные гг. Соловьеву, Буслеву (выделено нами. — *И. П.*), В. Шульгину, и, без всякого сомнения, их труды скоро вытеснят те жалкие изделия, какими до сих пор снабжались наши учебные заведения от гг. Зуева, Н. Греча, Ив. Давыдова, Ив. Шульгина».

Деятельность Ф. И. Буслаева по созданию учебников, его забота о просвещении подрастающих поколений является прямым продолжением лучших традиций таких выдающихся филологов, как М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, других ученых, которые прилагали усилия к тому, «чтоб в просвещении стать с веком наравне».

Ф. И. Буслаев, будучи крупнейшим представителем сравнительно-исторического языкознания, уделил большое внимание разысканиям в области славянской и русской этимологии, чем способствовал последующей активизации в разработке исторической лексикологии, а также в создании этимологических и исторических словарей русского языка. Помимо создания исследований по русскому языку Ф. И. Буслаев многое сделал для того, чтобы филологи могли иметь научно подготовленные издания многочисленных памятников древней и средневековой письменности Руси. Кроме того, Ф. И. Буслаев оставил интересные наблюдения по русской диалектологии (некоторые из них содержатся во второй части первого издания руководства «О преподавании отечественного языка»), исследования по устному народному творчеству, древнерусскому искусству. Ф. И. Буслаеву принадлежит большое количество историко-литературных работ, в которых рассматриваются и лингвистические, языковедческие вопросы.

В 1881 г. Федор Иванович по состоянию здоровья вынужден был оставить преподавательскую работу в университете и вплоть до 1888 г. занимался узкоспециальной научной областью — изучением миниатюр в старинных священных книгах. В последние годы ученый ослеп, но ни на день не оставял работу: он диктовал воспоминания о своем жизненном пути, о своих творческих поисках, исследованиях, интересах. Этот последний труд Ф. И. Буслаева «Мои воспоминания» в 1890 г. начал печататься в журнале «Вестник Европы». В последующие годы была продолжена публикация. В 1897 г. «Мои воспоминания» вышли отдельной книгой.

В историю отечественного языкознания, как уже было отмечено, Ф. И. Буслаев вошел как крупнейший представитель логико-грамматического направления и один из основоположников исторического изучения русского языка. Именно труды Ф. И. Буслаева и И. И. Срезневского (1812—1880) заложили то направление в изучении истории русского языка, которое отмечено плодотворными усилиями связать изучение языка с историей народа, его носителя. Первую попытку анализа языка с этих позиций сделал Ф. И. Буслаев в книге «О преподавании отечественного языка», в разделе «Материалы для русской грамматики и стилистики» (ч. II).

«До Буслаева,— говорил Е. Ф. Будде,— у нас в России никто не дерзал заглянуть в доисторические времена Руси при посредстве нового орудия — языка. Сблизить историю народа с его литературой и искусством, найти связь произведений искусства и словесности с формами народного языка у нас в России, уметь читать в языке судьбу народа русского — это дело великое, которое впервые открыло новые горизонты для русской этнографии и археологии и обнаружилось в труде Буслаева...»

Буслаев, бесспорно, рассматривает процесс развития конкретного языка с еще очень условных и абстрактных позиций, пользуясь отвлеченной схемой двух этапов развития языка вообще, увязывая его с развитием человеческого мышления. При этом первый период развития языка в отличие от второго характеризуется большей конкретностью в значениях слов и грамматических форм.

Буслаев образно излагает этот вывод: «Сравнительная грамматика Боппа и исследования Гримма привели меня к тому убеждению, что каждое слово первоначально выражало наглядное изображение впечатление и потом уже перешло к условному знаку отвлеченного понятия, как монета, которая от многолетнего оборота, переходя из рук в руки, утратила свой чеканный рельеф и сохранила только номинальный смысл ценности» («Мои воспоминания», с. 282).

Отмечая уязвимость конкретных выводов и теоретических основ трудов Ф. И. Буслаева, следует иметь в виду, что стремление ученого связать историю языка с историей народа было чрезвычайно важно не конкретными выводами, а общей принципиальной направленностью, которая оказала воздействие на многих выдающихся филологов второй половины XIX — начала XX в., в том числе и на одного из крупнейших отечественных языковедов, историка русского языка А. А. Шахматова (1864 — 1920). Ф. И. Буслаев со своей книгой «О преподавании отечественного языка» был (как мы теперь часто говорим в таких случаях) первопроходцем в методике русского языка, выступившим еще до К. Д. Ушинского по вопросам воспитания средствами родного языка.

В преподавательской деятельности надо отметить приоритет Буслаева и в становлении нового курса истории русского языка в уни-

верситетах России, которое связано с его «Исторической грамматикой русского языка». Хотя программа этой новой дисциплины в конце 40-х годов XIX в. была составлена И. И. Срезневским, но систематизированного учебного пособия для высших учебных заведений до появления книги Буслаева не было.

Бесспорной заслугой Буслаева является то, что он в руководстве «О преподавании отечественного языка» критически отнесся к общей системе воспитания и обучения, которая царила в 40-х годах XIX в. в России, вскрыл сущность постановки в школе в те годы преподавания русского языка. В книге «Мои воспоминания» ученый пишет: «Мы все возрастали, формировались и преуспевали под давлением внушительного страха, как начала всякой премудрости, под бдительной ферулой¹ и с вразумительной указкой в руках. Нам говорили: меньше думай и больше слушайся того, кто тебя старше и потому умнее; не верь всякой правде, чтобы не нажить беды...» (с. 313). Буслаев с горечью говорит о правиле поведения, гласившем: «Меньше думай и больше слушайся».

Не случайно, а сознательно в противовес казенной школьной системе и палочной дисциплине, в основу своих педагогических взглядов Буслаев положил гуманизм и народность, что сближало его с первым учителем — В. Г. Белинским.

Столь же закономерно и то, что в книге «О преподавании отечественного языка» в центре внимания находится личность учащегося, проводится идея — человек — это носитель высоких мыслей и глубоких чувств. Задачу учителя Буслаев видел в том, чтобы всячески развивать и упражнять способности учащихся. Это общее теоретическое положение Буслаев раскрывает на конкретном материале изучения грамматики, отмечая коренное отличие своего подхода от предшествующих установок грамматик А. Х. Востокова и Н. И. Греча: «Здесь-то и выказывается великий недостаток грамматики Востокова и Греча, несмотря на все их ученые и научные достоинства. Оба эти филолога смотрят на грамматику только с ученой стороны, не обращая внимания на учебную, забывая личность учащегося, между тем как постепенное развитие сей последней составляет важнейшую часть отечественной грамматики» (с. 31). Этот важный принцип, лежащий в основе взглядов основоположника методики русского языка, а именно — развитие личности является задачей и непременным условием усвоения грамматики, — не потерял своего значения и в наши дни. Буслаев считал очень важным воспитать в ученике охоту к серьезным занятиям и пробудить любовь к науке.

Первостепенную задачу преподавания Буслаев, тогда еще очень молодой учитель, недавно закончивший университет, видел в том, чтобы дать ученикам знания, которые опираются на серьезную научную базу, на последние достижения филологической науки.

¹ *Ферула* (от лат. *ferula* — розга) — линейка, которой били провинившегося школьника.

Но Федор Иванович понимал, что учебный предмет в школе и университетский курс — это не одно и то же. Поэтому свой главный методический труд он начинает словами: «Надобно отличать учебную методику от учебной» (см. с. 27 настоящего издания).

В данном случае ученый предостерегает от смешения методов исследования и методов обучения. Казалось бы, это простое правило, однако оно нередко забывалось, что приводило к нежелательным последствиям. Так, уже в советское время (в 20—30-е годы) вновь возникла необходимость указать на важность различения понятий «методология» и «методика» (См., например, статьи П. О. Афанасьева. К вопросу о методологии и методике русского языка.— Русский язык в советской школе, 1929, № 3; А. М. Пешковский. О терминах «методология» и «методика» в новейшей методической литературе.— Русский язык в советской школе, 1931, № 2—3).

На эту важную сторону в методической системе Буслаева указывает известный ученый в области методики русского языка А. В. Текучев в статье «Ф. И. Буслаев как методист и наша современность (к 150-летию со дня рождения Ф. И. Буслаева)» (Русский язык в школе, 1968, № 2).

По мысли Буслаева, методика русского языка является дисциплиной научной, ибо она должна основываться на научно проведенном опыте и его результатах, на всестороннем и внимательном подходе к личности ученика, строгой научности изучаемого в школе материала.

А. В. Текучев отмечает: «Конечно, с тех пор изменились критерии определения научности, в некотором смысле они стали строже и разностороннее, и хотя с течением времени нигилистически относящихся к методике как науке людей становится все меньше и меньше, тем не менее надо отдать должное прозорливости Ф. И. Буслаева, его интуиции серьезного ученого, который, отчетливо представляя себе и содержание, и методы зарождающейся новой науки, не только предвидел развитие ее в дальнейшем, но и указал основные линии ее развития» (Русский язык в школе, 1968, № 2, с. 100).

Действительно, Буслаев, излагая впервые в истории русской педагогики свою методическую систему, опирается на достижения сравнительно-исторического языкознания того времени; этот методический труд («О преподавании отечественного языка») написан учителем на основе его личного опыта, проверенного практикой других учителей.

«В истории русской методической науки,— пишет А. В. Текучев,— немного найдется примеров, когда бы 26-летний домашний учитель и учитель гимназии мог бы предложить современному ему обществу вполне зрелый и в известной мере программный капитальный труд... каким является труд Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка»— первый в России значительный научный обобщающий труд по методике русского языка».

А. В. Текучев называет ряд идей, отраженных в методической

системе Буслаева, которые в той или иной мере сохраняют и теперь свое значение (пусть в несколько трансформированном виде), звучат как плодотворные, жизненные и в наше время.

А. В. Текучев особо отмечает три, важные, по его мнению, идеи в методической системе Буслаева.

1. «Изучение русского языка в школе должно быть сравнительно-историческим, то есть, в понимании Ф. И. Буслаева, оно должно быть связанным с изучением церковнославянского и древнерусского языков, сопоставительным, научным». Буслаев высоко ставил познавательную и социальную функции языка, считая отечественный язык основным, главным учебным предметом, поскольку, как это считается и теперь, знание его обеспечивает изучение любой дисциплины школьного или вузовского преподавания.

2. «Изучать в школе надо язык, а не только грамматику и правописание». Это утверждение звучит уже совсем по-современному.

3. «Педагог должен развивать, образовывать и упражнять способности учащихся: наука его тогда имеет свою цену, когда прилична тем лицам, коим преподается». Это одно из важных положений метода Буслаева.

Все перечисленные положения, отраженные в книге Ф. И. Буслаева, показывают, что его метод «столько же основывается на сущности самого предмета, сколько и на личности учащегося». Иначе говоря, как принято формулировать в наши дни, необходим учет индивидуальных особенностей детей, их психики и других возрастных качеств, для того чтобы добиться нужных результатов в преподавании русского языка.

Что касается тезиса о том, что необходимо изучать язык как единое целое, то в нем Буслаев отвергал схоластическую учебу, когда у учеников возникает «отвращение к голословным предписаниям грамматики». В добуслаевский период обучение русскому языку сводилось к грамматическому разбору и усвоению правил орфографии с пунктуацией, а сама суть этих закономерностей, правил оставалась для ученика закрытой.

Ф. И. Буслаев решительно выступил против формальной зубрежки правил грамматики. «Нет ничего вреднее в педагогическом отношении, — писал он, — как чрезмерное преобладание утомительного для ума и памяти, бесплодного заучивания наизусть грамматических правил, отрешенных от живой, осмысленной речи...» (Ф. И. Буслаев. Общий план и программы обучения языкам и литературе в женских среднеучебных заведениях. СПб., 1890).

В выборе методов преподавания педагог-ученый стоял на прогрессивной точке зрения, которая требовала их разнообразия, а предпочтение того или другого ставила в зависимость от предмета изучения и от личности учащегося. Правильно организованную учебную работу Буслаев видел в тех случаях, когда грамматика, чтение художественных произведений, развитие устной и письменной речи изучаются во в з а и м о с в я з и, когда не изолированно, а в ходе этого процесса анализируется лексика, даются сведения по

этимологии, стилистике, развиваются навыки делового письма и орфографии, активно ведется систематическая работа по культуре речи. Нелишне напомнить в этой связи, что после Буслаева, в годы поисков путей перестройки преподавания, наблюдался время от времени односторонний крен с выдвижением на первый план то обучения грамматике, то орфографии. Конечно, в наши дни выдвинутые Ф. И. Буслаевым проблемы разрабатываются в методической науке и на практике на более глубокой методологической и методической основе.

Ф. И. Буслаев был замечательным педагогом-гуманистом, которого очень любила молодежь. Е. Будде свидетельствует: «...его личность настолько обаятельна, его лекции были настолько полны жизни и силы, что привлекали массу студентов разных факультетов: каждый, привыкши со школьной скамьи смотреть на Буслаева как на авторитет, ссылаться на его мнения, спешил в университет послушать его, научиться у него и всмотреться в его личность... Картины, рисуемые Буслаевым в аудитории, заставляют слушателей жить жизнью чувства; увлечение учителя сообщается и ученикам, которые в своем воображении идут за своим профессором... Буслаев жил сам в своих лекциях, внося в них всю свою личность и душу, и в этом ему помогала его даровитая и пылкая фантазия. Это был профессор-поэт...» (Е. Будде. О заслугах Буслаева как ученого лингвиста и преподавателя. Казань, 1898). Ф. И. Буслаев стремился всеми силами способствовать развитию научных интересов у своих учеников. Большой популярностью пользовались встречи молодежи на квартире у Буслаева, ибо оказалось, что «знаменитый... профессор доступен донельзя», — как пишет в воспоминаниях один из его учеников А. Кирпичников (А. К и р п и ч н и к о в. Из воспоминаний о Ф. И. Буслаеве как о профессоре по отношению его к студентам. Воронеж, 1889)¹. Такие встречи сначала устраивались по пятницам, а затем по вторникам и воскресеньям. Богатая библиотека ученого с редкими книгами, старинными документами, картинами, миниатюрами предоставлялась в распоряжение всех пришедших студентов, кандидатов, учителей, магистрантов, литераторов, с которыми, по свидетельству того же А. Кирпичникова, Федор Иванович держался как старший товарищ; посетителей же у него бывало много, так что «трудно понять даже, как умещались все они в небольшой квартире Ф. И.».

Вот еще примечательное место из воспоминаний А. Кирпичникова, который отмечает демократизм, бескорыстно доброе отношение к людям, обаяние личности педагога Буслаева:

«Большинство студентов того времени было о себе очень скромного мнения и на профессоров смотрело снизу вверх. В гимназии мы разделяли наших учителей на две категории: старые учителя —

¹ Воспоминания о Ф. И. Буслаеве Кирпичникова А. И., Танкова А. А., Андреева А. А., Гурьяра Н. М. собраны в кн.: Русское и славянское языкознание в России середины XVIII—XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников). Л., 1980.

чиновники, водившие дружбу с надзирателями и угождавшие директору, герои гимназических легенд, стихотворений и объекты шуток и насмешек, тайных или явных, смотря по обстоятельствам, и учителя молодые, действительно стремившиеся нас научить чему-нибудь или хоть заохотить к учению. Последние нам представлялись настоящими героями, идеалами, и их сближение с лучшими из нас казалось нам незаслуженной милостью. А эти учителя сами говорили нам об университете и лучших профессорах почти с благоговением. Ведь «святые стены Московского университета» в то время были ходячей и звонкой монетой. Понятно, как мы должны были смотреть на эти идеалы наших идеалов и как недосыгаема казалась нам их ученость.

И вот один из этих профессоров, не уступающий в славе и научном значении никому из товарищей, а напротив, превосходящий значительное большинство их (другие профессора, не тем будь они помянуты, по крайней мере в отношении первокурсников, держали себя «на высоте своего положения»: допускали нас к себе до крайности редко и неохотно, а на запрос относительно тайников науки отвечали более или менее иносказательно, советом — получше учить лекции и учебники), — не только дает нам указания и книги, но и допускает нас в круг своих приятелей и уже созревших учеников, показывает нам в своей лаборатории, как делается эта самая наука, ободряет всякого убеждением, что она легко доступна, только бы была любовь к ней и усердие, является, короче сказать, для нас не начальником и не педагогом, а старшим товарищем!» (А. Кирпичников. Указ. соч.).

Как бы продолжает и дополняет А. И. Кирпичникова ученик Ф. И. Буслаева литературовед и педагог Н. М. Гурьяр: «Зимы 1887 — 1892 годов Федор Иванович проводил в просторной и светлой квартире близ Арбатских ворот на Молчановке, куда и собирались к нему сначала по воскресеньям, а потом (кажется, с 1890 г.) по воскресеньям и четвергам некоторые из профессоров университета и другие его знакомые, среди которых встречалось немало и молодежи.

Эти литературные вечера никогда не исчезнут из памяти посещавших их. Сначала — живая, остроумная беседа за чайным столом. Затем Федор Иванович переходил в залу, где помещался его письменный стол, шкафы с старинными рукописями и книгами и обширные коллекции редких гравюр в папках. Здесь обыкновенно часть гостей усаживалась около Буслаева, продолжая беседу, некоторые рассматривали гравюры или редкие книги, с другими разговаривала приветливая хозяйка, жена Федора Ивановича, или сестра ее, — словом, каждому из гостей было легко и весело под уютным кровом добрейшего Федора Ивановича.

Приветливость и ласковость Федора Ивановича, особенно по отношению к молодежи, были необычайны. Если на его вечерних собраниях появлялась какая-либо из его бывших учениц, он обыкновенно говорил, что даже помнит, где она, на какой скамье,

сидела, и, знакомя ее с обычными своими посетителями, рекомендовал как «лучшую свою ученицу»...

Скромнен был Буслаев так, как умели быть скромными лишь знаменитые его современники из поколения сороковых годов...

Сообщая какие-либо ценные указания и мысли тому или другому из молодых ученых, Федор Иванович всегда старался делать это так, чтобы этого не узнали другие. Качество, редкое в таком крупном деятеле, как Буслаев,— редкое особенно ввиду того, что последние поколения ученых более грешат замалчиванием чужих заслуг в своих работах, чем ученые прежних поколений» (Гурьяр Н. М. Из воспоминаний о Ф. И. Буслаеве. Оренбург, 1877).

Ф. И. Буслаев всю свою жизнь был Учителем, пропагандистом научного методически продуманного обучения русскому языку. Это заложено во всех его работах о русском языке и прежде всего в книге «О преподавании отечественного языка», которая является первой научно обоснованной методикой преподавания русского языка. Книга «О преподавании отечественного языка» стала этапной для развития методики русского языка. Конечно, это произведение было создано в середине XIX в. и поэтому многое, в силу развития методики и педагогики того времени, для нас, работающих в последней трети XX в., устарело. Следует также учитывать и то, что Ф. И. Буслаев был человеком своего времени, отдающим дань господствовавшим в этот период взглядам. Это отражается и в отборе примеров, и в привлечении для доказательства тех или иных положений, связанных с проблемами воспитания средствами русского языка, текстов религиозного содержания, отрывков из памятников письменности, созданных деятелями русской церкви.

Несмотря на это, труд Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка», представляющий этап в истории отечественной школы, сохраняет значение и для наших дней. Книга «Преподавание отечественного языка», объединяющая впервые основные методические работы выдающегося отечественного ученого, начиная с замечательного труда «О преподавании отечественного языка» и кончая программами, ценна и для наших дней рядом своих положений, общих идей и частных рекомендаций.

Издавая труды Ф. И. Буслаева, основоположника научной методики преподавания русского языка в средней и высшей школе, мы тем самым не только воздаем должное одному из лучших представителей отечественной филологии, педагогики, но и даем возможность молодым, ищущим учителям-словесникам познакомиться непосредственно с богатейшим наследием прошлого, понять, как следует искать то новое, что нужно школе в период совершенствования системы народного образования.

*Академик АПН СССР,
доктор филологических наук,
профессор И. Ф. Протченко*

О ПРЕПОДАВАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Предисловие

Занимая средину между низшими и высшими учебными заведениями, гимназия, за исключением немногих предметов, равняется первыми классами с низшими училищами, а последними с первым курсом университета: потому и говорю о преподавании отечественного языка вообще, хотя разумею, по преимуществу, преподавание гимназическое. Имею более права говорить о гимназии, ибо, будучи в ней преподавателем, частью привожу в действие на практике те основания, которые предлагаю читателям в этом сочинении. Разделяю его на две части: в первой метода преподавания, во второй самый предмет. Учитель должен не только знать свой предмет, но и уметь передать, что знает: о знании во второй части, об умении в первой. Должен смотреть на науку и глубже и дальше того, сколько сообщает ученикам: путь к дальнейшему изучению во второй части; мера, сколько сообщить ученикам — в первой.

Хотя опровергаю все педагогические начала, которым не следую, однако вовсе не с той дерзкою мыслию, чтобы решительно их уничтожить, а единственно, чтобы показать вредные их крайности и разительнее выставить основания, по коим бы я всегда желал действовать в гимназии. А по обязанностям службы всяк должен поступать по крайнему своему разумению и сознательному убеждению. О преподавании нельзя говорить слегка, и тем более когда касается оно казенных учебных заведений. Вот для чего строго поверял я свои выводы судом опытных педагогов, мнения коих постоянно цитую. И для чего было бы говорить от своего имени то, что сказано уже другими? Однако, надеюсь, меня не осудят в компиляции, ибо заметят, что позади чужих мнений я старался ставить собственную критику. В деле общем и общественном, каково

есть обучение юношества, оригинальным быть не следует: потому моя цель единственно та, чтобы показать современное воззрение на предмет. Как же я применил оное к русскому языку, пусть судят наши опытные наставники.

В настоящее время вопрос о преподавании отечественного языка едва ли не более всех других вопросов дидактических занимает педагогов. И действительно, после закона божьего нет ни одного гимназического предмета, в котором бы так тесно и гармонически совокуплялось преподавание с воспитанием, как в обучении отечественному языку. Постепенное раскрытие дара слова и законов оного должно быть вместе и раскрытием всех нравственных сил учащегося: ибо родной язык есть неистощимая сокровищница всего духовного бытия человеческого. Сверх того, современные блистательные успехи филологии и лингвистики заставили педагогов основательнее вникнуть в язык. Кто понял сравнительное языкознание, для того уже не существует непроходимого средостения между своим, т. е. русским, и между чужеземным. Столь же недостаточно изучать только свое, не ведая чужого, как и толковать только о чужом, ни во что ставя свое. Истинный гуманизм везде видит и уважает человека: сравнительная лингвистика и в языке народов грубых открывает великие законы творческой силы. Точно также отстали в науке и те, которые думают, что наш древний быт не имеет никакой связи с теперешним. Истинный гуманизм, повторяю, везде видит человека и сознает, что в необъятной махине создания не пропадает ни единого волоса с головы человеческой. Историческая лингвистика убедит всякого в настоятельной необходимости изучения всей нашей древности для преуспевания настоящему и будущему. Столько же не правы и те, которые полагают, что исследование буквы убивает в ученом всякое сочувствие к живой идее. Чем более вникаешь в малейшие подробности творения, тем разительнее и глубже созерцаешь неистощимость и многообразие творчества: а буква есть самая дробная стихия человеческого слова. Философия языка только тогда будет незыблема, когда глубоко укоренится на изучении буквы. Кто с надлежащей точки смотрит на букву, тот понимает язык во всей осязательности его, изобразительности и жизненной полноте.

Итак, основательное изучение родного языка раскрывает все нравственные силы учащегося, дает ему истинно гуманическое образование, а вместе и свое собственное, народное; заставляет вникать в ничтожные, по-видимому, и безжизненные мелочи и открывать в них глубокую жизнь во всей неисчерпаемой полноте ее. Так думаю о своем предмете: почту себя счастливым, если хотя малую частицу этой мысли умел я выразить в предлагаемом сочинении.

Из всех современных ученых преимущественно следую Якову Гримму, почитая его начала самыми основательными и самыми плодотворными и для науки и для жизни. В моем сознательном выборе укрепляет меня и авторитет императорской Академии наук, Московская комиссия которой, принимая на себя разработку мате-

риалов для Академической русской грамматики, поставляет себе образцом грамматику Гримма (см. Отчет по второму отделению императорской Акад. наук за 1842 г., в «Журн. Мин. нар. пр.», 1843, ч. XXXVIII).

Приношу мою искреннюю благодарность гг. профессорам первого отделения философского факультета императорского Московского университета, у которых я имел честь учиться, и 3-й Московской реальной гимназии, в которой имею честь учить. Первые сообщили мне основания, по коим я впоследствии изучал свой предмет, а вторая дала мне полную возможность применить оный на практике.

Часть первая

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАЧАЛА

ПРЕДМЕТ И МЕТОДА ПРЕПОДАВАНИЯ

Надобно отличать ученую методу от учебной. Ученый, излагая науку, увлекается только ею одной, не обращая никакого внимания на личность читателя или слушателя: он предлагает свою науку единственно тому, кто поймет его. Напротив того, педагог должен развивать, образовывать и упражнять способности учащихся: наука его тогда имеет свою цену, когда прилична тем лицам, коим преподается. «По моему глубокому убеждению,— говорит аб. Жирар¹,— всякая элементарная для детей книга должна быть средством к воспитанию. Если же она ограничивается только тем, чтобы дать сведения и развить умственные способности дитяти, я могу похвалить порядок и жизнь, вложенные автором в его книгу, но не буду доволен. Мне даже неприятно видеть исключительно только учителя языка, естественной истории или географии и пр., когда я ожидаю большего: воспитателя детей, образующего разум для образования сердца и вносящего светоч в души еще новые, чтобы осветить их благородным и добродетелью. Нет ни одного предмета в обучении юношества, который, в руках несколько искусных, не мог бы служить средством к воспитанию. Всякий предмет приносит свою дань по своей собственной природе. Таким образом, великая обязанность и долг воспитателя состоят в том, чтобы собрать эти различные приношения, соединить их и поставить в преуспеяние чувств благородных, честных и великодушных». Следовательно: чтобы определить преподавание языка, надобно, во-первых, определить самый предмет, т. е. языкознание, и, во-вторых, показать, каким образом этот предмет должен быть средством к воспитанию и каким образом довести учащегося до основательного знания и сознательного действия.

¹ См. „Explication du plan de Fribourg en Suisse, par Girard“, 1827.

Два рода изучения языков: филологический и лингвистический¹. «Для первого язык есть только средство к изучению древней литературы, но средство, неистощимо богатое содержанием. Цель филолога достигнута, если он мало-помалу сживаетея с древним языком и, долго и непрерывно упражняясь вглядываться в него и чувственно и духовно, так усваивает себе его образ и состав, что свободно может употреблять его, как собственное врожденное достояние, в разговоре и чтении памятников литературы отжившей. Содержание и форма взаимно обуславливаются друг другом, так что с возрастанiem уразумения речи и поэзии богатеет и содержание для грамматики. Идет она шагом более твердым, чем смелым, с взглядом более здравым, нежели проникающим вдаль на богато разнообразной поверхности, и, кажется, боясь исказить ее, не любит вскапывать ее в глубину. Такая грамматика преимущественное внимание обращает на синтаксис, которого нежная ткань дает знать о цветах и плодах изучаемой почвы и в котором особенно высказывается душа языка. Она не заботится о происхождении изменчивых звуков и отдельных форм, довольствуясь тщательным и обычным употреблением их в речи. В учении об образовании слов занимается она не столько обнажением корней, сколько производством и сложением слов. Все правила языка направляются к лучшим произведениям литературы и неохотно распространяются на области языка, не обработанные искусством и запущенные. Все грамматическое изучение неукоснительно служит критике словесных произведений, полагая в том свое призвание и цель.

Другой род изучения, лингвистический, углубляется в язык, как в непосредственную цель свою и менее заботится о живом и целом выражении. Действительно, можно изучать язык сам по себе и открывать в нем законы, наблюдать не то, что на нем выражается, а то, что живет и вращается в нем самом. В противоположность предыдущему, такое языкоучение можно назвать членоразлагающим, ибо оно более любит разнимать по частям состав языка и высматривать его кости и жилы, менее заботясь наблюдать свободное движение всех его членов и подслушивать нежное его дыхание. Как успехи анатомии вообще зависят от сравнения, так и здесь возникло сравнительное языкоучение, извлекающее правила из сближения целых языков или форм одного и того же языка, исторически развивающихся друг из друга, хотя различных, однако сродных и между собою соприкасающихся. Это изучение мало следит за ходом и судьбою литературы и находит себе такую же пищу в языке необработанном, даже в грубом диалекте, как и в возвышеннейших произведениях классических. Прежде всего берется оно за простейшие стихии в звуке и флексиях и в гораздо меньшей мере занимается синтаксисом. Исследователь сравнительного языкознания применяет свои правила в безграничной области, которую он никогда не может обозреть

¹ Grimm. Deutsche Grammatik, ч. I. Предисловие к третьему изданию. 1840.

совершенно. Изумляет множество открытых и извлеченных корней из почвы исследования; но трудно победить замазчивость к разнообразию, легко можно рассеяться, и последовательные выводы возводят иногда на такую крутую высоту, с которой как раз упадет, кто легко спутывается. Плодоносная жатва, столь надежная на нивах вышеописанной филологии, ограниченных и огороженных, удаётся сравнительному языкоучению единственно тогда, когда оно медленно и осмотрительно поднимается от надежного основания. Оно нашло средство обуздать и скрасить дикую, всем опротивевшую этимологию и положило конец прежнему произволу: но он опять вкрался бы, если бы оно загромодило себя бесконечными исключениями и аномалиями и не расширило и не укрепило своего основания. В органическом языке нет неправильностей, которые не исходили бы от глубоко коренящегося закона, нет исключений, которые, основательно поняты, не подходили бы под правило. Все дело в том, чтобы дать первенство закону перед неправильностью и правилу перед исключением». Филологически обрабатывали грамматику — греческую — Буттманн, Германи, Тирш, Маттиэ, Рост, Бернгарди, Кюнер и др.; латинскую — Гротенд, Цумпт, Рамсгорн, Билльрот, Кригер, Мадвиг и др. Лингвистически обрабатывали языкознание: Шнейдер в „Ausführliche Gram. d. latein. Spr.“, 1819—1821, 3 ч.; Гумбольдт. Über die Kawi-Sprache auf der Insel Java, 1836; Потт. Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen, 1833—1836, 2 ч.; Бопп. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Lithauischen, Altslawischen, Gothischen und Deutschen, 1833—1842. Як. Гримм, хотя совершеннейший лингвист в своей „Deutsche Grammatik“, однако, применяя языкознание к реальным предметам, дает своим лингвистическим исследованиям и филологический интерес, именно в след. сочинениях: „Deutsche Rechtsaltertümer“, 1828; „Reinhart Fuchs“, 1834; „Deutsche Mythologie“, 1835, 2-е умноженное и улучшенное издание 1843 г. Отечественный язык, по существу своему, необходимо должен подвергаться и филологическому и лингвистическому способу исследования¹. Хотя лингвистическому следует преимущественно, ибо нам неизвестнее происхождение форм своего языка, нежели употребление оных; однако нельзя упускать из виду и применения законов отечественного языка к литературным памятникам, тем более потому, что для уразумения древней нашей словесности, на коей держится современный язык, требуется некоторых усилий, какие полагает филолог при знакомстве с памятниками классической древности. Сверх того, безошибочное и точное употребление отечественного языка на практике не довольствуется одним врожденным умением, но руководствуется известными правилами, и особенно у нас, потому что произвол, ложное иностранное влияние, мода и педантизм весьма много

¹ Слич. характеристику философской, сравнительной и исторической грамматики в начале 2-й части.

попортили врожденный нам дар русского слова. До сих пор обучаются у нас отечественному языку по грамматикам, составленным на образец латинской и греческой; следов., в них, с одной стороны, недостает элемента лингвистического, а с другой, много лишнего, особенно в мелочных правилах при склонении, спряжении, управлении и согласовании. Именно за эти ненужные подробности и оподозрена годность отечественной грамматики в преподавании.

Но для учебника мало одной науки: нужна еще педагогическая метода. Здесь-то и выказывается великий недостаток грамматик Востокова и Греча, несмотря на все их ученые и научные достоинства. Оба эти филолога смотрят на грамматику только с ученой стороны, не обращая внимания на учебную, забывая личность учащегося, между тем как постепенное развитие сей последней составляет важнейшую часть отечественной грамматики. Русский с малых лет умеет уж и склонять и спрягать правильно, не ошибется в согласовании и управлении — за исключением весьма немногих частностей, которые одни и должны быть замечены в учебнике. Детям совершенно бесполезно знать, что есть этимология, синтаксис, правописание, до тех пор, пока не узнают они предложения с частями его, слова и категорий частей речи; до тех пор, пока не умеют правильно писать и отчетливо понимать прочитанное. Самый порядок изложения наших учебников, от частей речи восходящий до синтаксиса, противоречит естественному развитию дара слова. Как часть непонятна без целого, так и целое без частей: часть речи понятна тогда, когда известна речь; а самая краткая и простейшая форма речи есть предложение. Это начало, выведенное из сущности самого предмета, находит полное применение к личности учащегося: дитя говорит предложениями, а не словами, ему легче понять предложение, нежели слово; а начинают обыкновенно с известного, из коего извлекают неизвестное. Родной язык так сросся с личностью каждого, что учить оному значит вместе и развивать духовные способности учащегося. Таким образом, в самом предмете преподавания, в языке отечественном, находим мы необходимость педагогической метода.

Не надобно смешивать методы с приемами преподавания, зависящими или от произвола самого учителя, или от личности учеников. Так, иной учитель, заставляя целый класс писать под диктант, вызывает одного ученика писать на доске; иной не вызывает; или, поправляя письменные упражнения, иной подчеркивает ошибки под строками; иной делает замечания на полях, не подчеркивая. Особые приемы в способе изложения для детей низшего, среднего и высшего сословия, для детей бойких и тихих, быстрых и медлительных и пр.

Метода может быть принята, во-первых, как способ или образ учения; напр., одни считают удобнее проходить историю этнографически, другие хронологически, третьи синхронистически. На этой ступени большая часть наших педагогов. В значении гораздо высшем метода имеет целью подчинить человеческий дух, как существо учащееся, известным законам. Педагог психологически вникает в познавательную способность детей и, сообразуясь с общими законами

развития оной, ведет учащегося к изучению какого-либо предмета. На этой ступени педагогического образования все внимание учителя с любовью обращено на лицо учащегося; предмет же изучения остается только средством к духовному развитию ученика. Такая методика, соответствующая Кантовой философии¹, хотя несовершенна, ибо односторонняя, однако желательна, чтобы как можно более у нас распространилась. Тогда не слышались бы жалобы учителей на скуку толковать в низших классах ежегодно одно и то же. Интерес учителя не столько в науке, сколько в обучении, в наблюдении за развитием детских способностей: следовательно, с каждым новым курсом открывается преподавателю новое поприще деятельности, являющее ему новые предметы для наблюдения, новые заботы и новое удовольствие. Односторонность этой методики выказывается от двух побудительных причин: первая — дурная: совершенное равнодушие к науке, к сожалению, столь часто замечаемое в учителях; вторая — добрая: иные педагоги слишком мало ценят науку из крайней любви к лицу учащемуся; для них предмет учения важен не сам по себе, а потому только, что является средством к образованию ума, духовною пищею, веществом, перерабатывающимся в жизненные соки ученика. Этому мнению диаметрально противопологаются заступники самостоятельности знания в обучении; для них всякая наука, грамматика, математика и пр., есть предмет, постоянно пребываемый и неизменный. Как Эвклид, говорят они, даже для царя не находит особого пути к изучению геометрии, так же нет и различных путей к изучению латинской грамматики или геометрии для различных возрастов². Такое противоречие должно было разрешиться необходимым явлением третьей степени методики: направление субъективное, ограничивающееся одной личностью учащегося, должно было расшириться и уничтожить противоречие между личностью ученика и предметом обучения. На этой ступени методики требует совокупного развития предмета изучаемого и мыслительности учащегося³. Она столько же не терпит одного формального обучения, сколько и одного материального, хотя более наклонна к последнему: ибо материальное дает учащемуся содержание и вместе с тем развивает умственные способности, формальное же ограничивается только развитием умственных способностей. Так, напр., выучка наизусть страницы на каком-нибудь вовсе неизвестном языке будет учение чисто формальное, отрешенное от всякого материального интереса, а только изощряющее память ученика. Если же выучивает-

¹ Кант в предисловии ко 2-му изданию „*Kritik d. reinen Vernunft*“ пишет: „*die Gegenstände müssen sich nach unserer Erkenntniß richten*“ (Предметы должны соответствовать нашему познанию). *Перевод Е. Петровой.*

² См.: *Ma g e r. Die deutsche Bürgerschule, 1846.*

³ Напомним слова Спинозы „*ordo et connexio idearum idem est ac ordo et connexio rerum*“, которые объясняют эту методику: («Порядок и последовательность идей тождественны порядку и последовательности природы вещей», т. е. расположение мыслей в обучении должно соответствовать логике науки о реальном мире). *Перевод Е. Петровой.*

ся что-нибудь на известном языке, то вместе с упражнением памяти приобретается и положительное знание. Формальное обучение без материального возможно: таково обучение во многих плохих школах, где заставляют детей учить наизусть учебники, из которых они не понимают ни слова. Материальное же без формального быть не может.

Способ преподавания двоякий: или заставляют ученика самого доискиваться и находить то, чему хотят научить его, или же предмет преподаваемый дается ему готовый, без всякого с его стороны питания. Первая метода называется гейристической, вторая — историко-догматической¹. Иные противоплагают гейристическую методу строго научной или систематической, почитая характером последней нисхождение от отвлеченного к конкретному, а первой — восхождение от конкретного к отвлеченному. Несправедливы те, которые полагают сущность гейристической методы в разговорном, диалогическом изложении, а историко-догматической в сплошном рассказе: метода эроте-матическая и акро-матическая² основываются только на внешнем изложении, не касаясь сущности самого дела³. Применительность той или другой методы условливается отчасти предметом преподавания (объективно), отчасти личностью учащегося (субъективно). Так, все историческое и положительное не может преподаваться гейристически, ибо ученик никоим образом не дойдет своим собственным рассуждением до факта, подлежащего только памяти. Напротив того, эта метода применительна к математике, философии и языку отечественному. Впрочем, в отношении субъективного гейристическая метода и в преподавании отечественного языка требует известных ограничений: малые дети, без запаса наглядного знания и без умения выражаться о чем-либо определенно, не могут с первого раза обучаться гейристически. Поэтому весьма ошибаются те, которые употребляют так называемую сократическую методу⁴ в первоначальном преподавании⁵; ученики Сократовы были опытные мужи и взрослые юноши, владевшие языком и многими знаниями.

Для желающих заняться педагогикою указываю лучшие сочинения: Aug. Herm. Niemeyer. Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Eltern, Hauslehrer und Schulmänner, 9-е изд., 3 части,

¹ Beneke. Erziehungs- und Unterrichtslehre, 2-е изд., 1842, II, с. 282.

² *Erogito* — выпрашивать, выведывать; отсюда идет название системы обучения на основе вопросов и ответов в классе. *Ас्रोата* — удовольствие, доставляемое чтением вслух; от этого слова идет название системы обучения на слух, путем рассказывания и рассуждения, изложения предмета самим учителем. *Примеч. Е. Петровой.*

³ Diesterweg. Wegweiser für deutsche Lehrer, 2-е изд. т. I, с. 142.

⁴ Метод получил свое название от имени греческого философа Сократа, который считал необходимым, чтобы истина выводилась самими учениками из рассуждения на основе имеющих уже знаний. *Примеч. Е. Петровой.*

⁵ Эта мысль Песталоцци; см.: Krüsi. Erinnerungen aus meinem pädagogischen Leben und Wirken, в „Mager's Pädagogische Revue“, октябрь, 1840.

1834—1835. Содержит в себе теорию, руководство к практике и историю воспитания и обучения.

Er. H. Chr. S c h w a r z. Erziehungslehre, 2-е улучшенное изд., 3 части, 1-я в двух отделах, 1829. В первой части — история воспитания (лучшая часть), во второй — система воспитания, в третьей — обучение. Нимейер и Шварц в свое время были светилами в области педагогической теории и до сих пор еще остаются наставниками и нынешних педагогов. Оба они сначала были богословами, но прославились не столько богословием, сколько педагогикою. В ясности и определенности изложения Шварц уступает Нимейеру, богатством же содержания и психологическими наблюдениями выше его.

Er. Ed. B e n e k e. Erziehungs- und Unterrichtslehre, 2-е улучшенное изд., 2 части, 1842. В первой — о воспитании, во второй — об обучении. Все сочинение основано на психологических началах, постоянно с эмпирической точки зрения. Последовательностью и точностью, особенно в системе обучения, Бенеке превосходит Шварца.

H e r b a r t. Umriss e p ä d a g o g i s c h e r V o r l e s u n g e n, 2-е пополненное изд., в одной части, 1841. Делится на три отдела: основание педагогики, очерк общей педагогики, отдельные отрасли педагогики. Второй отдел содержит в себе управление детьми, обучение, воспитание и педагогику по возрастам; в третьем отделе — о предметах преподавания, о недостатках учеников, о домашнем воспитании и о школах. Хотя это сочинение, подобно другим Гербартовым, не отличается стройным органическим построением, однако при удивительной краткости и определенности содержит в себе множество метких и решительных педагогических начал.

J. H. D e i n h a r d t. Der Gymnasialunterricht, 1837. Хотя уступает предыдущим в самостоятельности, однако, как специальное для гимназий сочинение, смело может быть рекомендовано учителям гимназии, по умеренности здравых начал и ясному изложению. Делится на три части: в первой — о назначении гимназии, во второй — о предметах гимназического преподавания, в третьей — о методе его; в заключении представлен краткий очерк гимназического преподавания как органического целого.

Er. S r a m e r. Geschichte der Erziehung und des Unterrichts im Altertume, 2 части, 1832—1838. В первой части — практическое воспитание, начиная от китайцев, индийцев, евреев до христианской эпохи. Во второй — теоретическое воспитание, также от самых древних времен до Лукиана. Единственное для истории древней педагогики сочинение; содержит в себе множество фактов по всем отраслям преподавания и воспитания в древнем мире. Обладая филологическою критикою, автор искусно умел вложить педагогику в общую историческую картину развития человечества и таким образом представить историю воспитания и обучения в связи с историей образованности вообще.

K. v. R a u m e r. Geschichte der Pädagogik vom Wiederaufblühen klassischer Studien bis auf unsere Zeit, 1843. До сих пор 2 части:

в первой — от Данта до Монтеня, во второй — от Бекона до смерти Песталоцци; в третьей будет заключение истории и характеристика современной педагогики. Это сочинение лицом к лицу знакомит с педагогами средних и новых времен. Автор положил себе за правило общее историческое развитие педагогики, в совокупности с историей цивилизации, подчинить отдельным биографиям знаменитых наставников, мнения которых, подробно изложенные, с одной стороны, являются исторической характеристикой, а с другой, служат материалом для педагогических соображений.

F. Diesterweg. Wegweiser für deutsche Lehrer, 2-е изд., 2 части, 1838; готовится 3-е изд. В первом отделе — общие начала, во втором — рассуждения об отдельных предметах обучения, от религии до пения и рисования, от азбуки до обучения слепых, глухих и немых. При таком разнообразии Дистервег не мог сам основательно и сознательно говорить обо всем: потому большая часть этих рассуждений писана людьми, специально занимающимися тем предметом, о котором писали. Это сочинение должно быть настольной книгой всякому учителю, ибо вместе с здоровыми началами предлагает самую полную литературу сочинений по всем частям педагогики.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

Окончательное решение вопроса о преподавании отечественного языка единственно тогда воспоследует, когда, уразумев друг друга, примирятся две враждующие партии педагогов и полюбовно согласят свои требования. Партия древнеклассическая отвергает всякое систематическое обучение отечественному языку, примыкая его к латинскому; напротив того, реальная, вовсе отстраняя классическую литературу, слишком расширяет объем преподавания отечественного языка. На стороне классиков или гуманистов вековой авторитет и блистательная обработка древней словесности; на стороне реалистов жизнь действительная и сама природа с своими требованиями. Нет сомнения, что обе партии не правы в крайностях, но вместе с тем и основательны обе в своих началах. Первая глубоко коренится на историческом развитии европейских школ, вторая на разумном отношении современного быта в школе. Держась одного предания, без соображения с настоящим, партия гуманистов теряет историческую нить, связывающую былое с теперешним: увлекаясь современностью, реалисты забывают тот животворящий корень, на котором разумно движется настоящее. Столкновение и борьба противоположных мнений — эта педагогическая диалектика весьма выгодна для науки, придавая ей движение и жизнь, и чрезвычайно многое обещает в будущем, будучи предтечей твердого, разумного начала, на коем построится педагогика. Противоположное только тогда сольется воедино, когда каждая из стихий, утратив свой первоначальный вид, как бы химически претворится в другую, себе противную. Уже есть попытки такого полюбовного соединения; только нельзя не заметить, что все они принадлежат людям либо той, либо

другой партии: а потому и самое соединение является не более как безвременным еще столкновением, в котором, смотря по примирителю, то реализм, то гуманизм берет верх над своим противником. И возможно ли еще теперь примирение, когда всякое общественное зло и гуманисты и реалисты взваливают на плечи враждебной себе партии. Нагель¹ все упреки, возводимые гуманистами на реалистов, подводит к пяти главным пунктам: 1) в реализме выказывается материальное направление нашего века; 2) в реализме вина безбожия и современной безнравственности; 3) в реализме возмутительные начала для быта общественного; 4) реализм ведет к духу каст и 5) полагает ложное начало для преподавания.

И упреки эти и опровержения их заключают в себе весьма много дельного, но, вдаваясь в крайности, и те и другие, по односторонности своей, недостаточны. Так, Тирш² восстает на реалистов за материальное направление: одно из двух направлений, именно идеальное, защищает предание, другое — отступает от него, ищет одного положительного³ и думает тем наставлять современность и поколения будущие: это направление называется материальным не потому, чтобы оно не признавало идей, но по своему господствующему характеру. Для направления идеального современная образованность есть сокровище, переданное словом и делом от веков протекших, сокровище, потребление коего связано с изучением языка, судьбы и обстоятельств того времени, откуда пришло оно. Сюда относятся не только обе классические литературы, но и восточные вместе с св. писанием, и язык и литература наших предков, и все, что исторически вошло в жизнь нашу; сюда относится и христианство с своими различными формами, и поэзия, и глубокое знание истории, и философия. Вся наша народная старина с своими поверьями, убеждениями и обычаями, на коих покоится общественный и политический порядок современного быта, следов., все, что есть в религии, в высшем образовании и в самом государстве, все это покоится на предании и своими по целым столетиям глубоко внедрившимися корнями извлекает из него себе пищу и возрастание. Срубите дерево при корне, отлучите настоящее от прошедшего: что станет с образованием?

Против этого идеального направления воздвигается другое, обращенное к барышу, приращению и потреблению мирских благ. Это материальное начало признает сообразным для себя единственно то, что ведет к его цели, т. е. что умножает кучу богатств, сопряженных с благополучием и силою в обществе. Для материалиста всякое дело ничтожно и глупо, если его нельзя сосчитать на деньги или смерить аршином. И на этом-то основании хотят положить все настоящее для

¹ Nagel. Die Idee der Realschule, 1840.

² Über den gegenwärtigen Zustand des öffentlichen Unterrichts, 1838, ч. 1, с. 6 и след.

³ Автор употребляет здесь слово «положительного» в смысле фактически существующего в жизни, реального, вещественного, материально полезного, в противовес духовному преданию, сохранившемуся лишь в умственной жизни народа.

сооружения на нем будущего! Занятия восточными языками и древностями реалисты почитают делом ненужным, ибо все, чем полезен Восток для современности, давно уже приведено в простое и вразумительное учение христианское. Высшее образование в поэзии и философии кажется им игрою и глупостью. Общение с классического древностию, по их мнению, выказывает незнание современных потребностей и нужд и влечет за собой порчу в молодом поколении, которое, переселяясь таким образом в мир опасных мечтаний, становится непотребно для современности. Им дорого единственно то, что насущная польза запечатлела клеймом своим,— железные дороги, пароходы, сахарные фабрики и новые изобретения по части химии, физики, механики. Вот что говорил против этого Нагель за реалистов: хотя реализм исходит от сознания, что одни гуманистические учебные заведения недостаточны для потребностей сословия промышленного, которому классическая древность излишня, однако не ограничивается одним временным и насущным, а стремится к высшей цели. Не все достигают этой цели, равно как не всякий гимназист или студент университета становится ученым. Материальное направление должно вести к духовной цели. Первоначально из своего грубого состояния человек дошел до образованности постепенною деятельностью материальною, сооружением жилищ, укрощением зверей, обработыванием земли, так что каждый значительный шаг деятельности материальной был вместе и шагом к духовному развитию. Чем же именно наш век стал выше древности, как не рядом изобретений, кои хотя были устремлены к веществу, однако заключают в себе цвет современного развития духовного? Чем беднее природа, чем однообразнее и проще отношения ее к нашему духу, чем уже физический горизонт нашего зрения, тем ограниченнее и теснее круг умственной нашей деятельности. С возрастанiem сокровищ, доставляемых нам природою, обогащается наша умственность и образуется духовная связь разума с природою. Изощрением наших органов производим мы духовное влияние на природу. Сколько остается тайного для ума нашего, когда недостает какого-либо органа! Всякое новое открытие, коим покоряем мы природу, есть новый орган, посредством коего она приходит с нами в соотношение, есть усовершенствование собственного нашего простого органа. Как зрительная труба изощряет нам зрение и сближает нас с предметами отдаленными, так и пароход, коим дух человеческий победил бури и непогоды морские, распространяет собственную нашу родину, сближая нас с странами самыми отдаленными. Земное назначение человека быть господином природы. Как дух первоначально возникает из плоти, так и человек должен образоваться в природе для того, чтобы воспрянуть от нее и овладеть ею. Вот для чего новая промышленная деятельность машинами старается заменить людей для того, чтобы люди перестали быть машинами.

Яростно нападает Гинтер¹ на реалистов за безбожие и безнрав-

¹ Die Realschulen und der Materialismus, 1839.

ственность, говоря: материалисты стремятся только к одному чувственному, корыстному и грешному, и не воображая, что их начала в основании своем враждебны церкви. В своих школах, в кругу самых чувственных и материальных наук, при односторонности умственного образования, с гордостью знания или даже всезнания, назначают они только два часа в неделю для закона божия, возбуждая в учащихся пылкий и мудрствующий дух проблематическим изложением учения церкви. Что же спасет детей от неверия и безбожия? — Математика? Но Пифагорово учение не доказывает бытия божия. — Физика и химия? В них не дают места никакой думе: все проходит практически, применительно к жизни. — Новые языки — французский и английский? Избави боже от такого противоядия! это то же, что у гомеопатов *similia similibus*. Вот образование реальной школы! Корысть породила ее, к корысти же и стремится она. Труд и болезнь принесет она в плод свой. Ибо кто не воздаст божьего богу, тот не воздаст и кесарева кесарю. — Защита Нагеля: действительно ли наш век безнравственнее прочих? Достаточно вспомнить разврат и безбожие прошлого столетия, чтоб убедиться в нравственном превосходстве нашего. Направление жизни, нравственное или безнравственное, никак не может зависеть от того, чему более учится дитя в школе — латинскому языку или математике. Из среды самих гуманистов восставали против безнравственности от обучения древним языкам. Известно, какую войну поднял Ейт (Eyth), учитель в одной вюртембергской школе, против языческой и антихристианской стихии в изучении древних языков, будто бы приносящем безбожие и порчу нашему веку. Многие учителя восстали тогда на Ейта и доказали ему, что классическая древность никогда не повредит нравственности, и особенно в низших и средних школах латинских, где учителя столько бывают заняты внешними формами языка, что им и не приходит в голову рассуждать о содержании прочтенного с детьми классика. Гирцель, защитник гуманизма против Ейта, в своем сочинении „Die Klassiker in den gelehrten Schulen“ (1838), рассказывая, как его самого в юности занимали больше всего слова и обороты классиков, прибавляет: «По всему этому должны мы признаться, что Ейт не с надлежащей точки зрения смотрит на низшие школы, возлагая на детей, не достигших даже пятнадцатилетнего возраста, такие требования в отношении ученом и нравственном, кои совершенно противоречат естественному развитию духа человеческого». Отсюда заключает Нагель: как латинский язык не возвысит и не унижит нравственности детей, так и математика с естественной историей. Обвинение в безнравственности преподавания может быть основано не на содержании оногo, а на способе и образе изложения.

Далее Тирш, а за ним и Гинтер укоряют реализм в возмутительном начале для жизни общественной. Гинтер резко утверждает, что реальные школы возникли на развалинах революции, что самая революция и началась и поддерживалась реалистами. Вместе с этим гуманисты упрекают своих противников в антинациональном на-

правлении, под влиянием французской образованности. Так, по этому случаю Шварц приводит известное двустишие Шиллера:

„Ringe, Deutscher, nach römischer Kraft, nach griechischer
Schönheit!
Beider gelang dir; doch nie glückte der gallische Sprung“¹.

Весьма любопытно, что реалисты, защищаясь от сих упреков, с своей стороны укоряют в революционном начале именно гуманистов, которые будто бы возбуждают в своих воспитанниках возмутительные мечты изображением древней свободы.

Гуманисты говорят, что реализм влечет за собой касты разделением сословий на ученых и неученых. Это возражение действительно имеет вид правды: ибо дитя, которое могло бы со временем стать украшением науки, при самом начале своего учения навсегда отстраняется от поприща, самой природою ему предназначенного. Впрочем, исключения не идут в общее правило, и гений, при современном просвещении, всегда найдет свою дорогу. Притом переход из одной школы в другую никому не возбраняется. И в этом пункте реалисты хотят сложить с себя обвинение на гуманистов, утверждая, что сии последние монополиею своего знания, как египетские жрецы, скорее приведут общество к раздроблению на касты.

Предлагаю начала реалистов о воспитании и преподавании. Замечательно, что против каждого гуманисты выставляют свое, диаметрально противоположное².

А

1. Воспитание предполагает только одну внешнюю цель — образование человека для его будущего назначения в жизни. Гуманисты напротив: воспитание имеет свою собственную внутреннюю цель в общем образовании человека.

2. Цель преподавания — сообщение полезных сведений в самом обширном объеме. По мнению гуманистов — образование духа.

3. Учи детей предметам, а не словам; начинай образованием, нужным для света: для высших идей ученик еще не созрел. Гуманисты: начинай идеями и словом, как выражением идей; образуй ученика для высшего мира духовного, для здешней жизни научит его сама жизнь.

Б

4. При необъятности человеческих знаний самые дети должны уже заучивать сколько возможно больше сведений. Гуманисты: множество предметов рассеивает и ведет к поверхностному знанию: *pop multa sed multum*³.

¹ «Борись, Германия, за достижение римской силы, греческой красоты! Обе тебе удалось, но никогда не удавался галльский прыжок». *Перевод Е. Петровой.*

² M a g e r. Die Deutsche Bürgerschule, с. 230.

³ Не многое, однако много; «много» в значении глубоко. *Перевод Е. Петровой.*

5. Из множества предметов знания выбирай полезнейшие для жизни практической. Гуманисты: юношеский дух полнее развивается предметами духовными, нежели вещественными.

6. Образование никак не может быть ограничено одними языками классическими. Гуманисты: предмет изучения должен иметь классическую форму, а кроме древности, нет ничего классического.

В

7. Учение для детей должно быть игрою; по мнению гуманистов — важным занятием.

8. Преподавание должно быть разнообразно: потому все предметы проходят в одно время; по мнению гуманистов — один за другим в последовательном порядке.

9. Следуй природе в развитии духовных сил и с ранней поры возбуждай и упражняй в дитяти все высшие способности души, ум, рассудок и т. д. Гуманисты: так как природа сначала дает человеку память и потом уже рассудок; потому сначала упражняй детскую память и тем укрепляй дух: *tantus scimus, quantum memoria tenemus*¹.

Учение распалось на две противоположные части от рассечения круга (*κνκλόζ* — энциклопедия) наук на две половины². Гуманизм произошел от того, что из круга образованности вырезали только один сектор и от этого сектора — именно наук нравственных (исторических, антропологических) взяли только сегмент — классические языки и литературы. Первая степень гуманизма — гуманизм, основанный на предании: он ничего не хочет знать, кроме языков древних, отвергая все остальное. Противники Песталоцци возвели его на степень рационального гуманизма, который основывается на образовании формальном, обращая все внимание на обучение мыслить. Оба эти направления, образуя учащихся эстетически и нравственно и не упуская из виду практического применения к школе, в отношении педагогическом стоят выше новейшего гуманизма, требующего строгой науки и основательности от школьного образования. Эти «основательные» филологи (точно так же, как и непедagogические учителя математики, физики, химии, естественной истории, географии и т. д.) суть истинная зараза многих теперешних немецких школ: ибо они из школы делают академическую или университетскую аудиторию; преподавание их, будучи только чисто ученым, не имеет в себе ничего всесторонне образующего, ничего воспитывающего. Впрочем, все-таки гуманизм стоит выше своего противника. Как гуманистов можно назвать педагогическими еретиками, однако остающимися внутри святилища науки, так реалисты суть неверующие, педагогические идолопоклонники, стоящие вне.

¹ Столько знаем, сколько памятью удержим, или — столько узнано, сколько памятью удержано. *Перевод Е. Петровой.*

² *Ma g e r. Die modernen Humanitätsstudien, 1843, тетр. 2-я.*

его успехам в школе. Их метода гораздо прочнее, потому что держится на предании, чуждая опасных нововведений, строгая нравственностью, скромная и незаносчивая. Предлагаю в параллели главные статьи реалистов и гуманистов касательно обучения отечественному языку.

1. *Реалисты*: в преподавании отечественный язык преимуществует перед древним, ибо на нем дети естественнее и легче узнают строение языка вообще. *Гуманисты*: отечественный язык не может дать детям ясного понятия о грамматических формах, ибо он так тесно совпадает с личностью дитяти, что его никак нельзя представить отдельным от сознания предметом; язык же иностранный, и преимущественно древний, как чуждый сознанию с первого раза, имеет все выгоды объективности преподаваемого предмета.

2. *Рр*: начинать грамматическое обучение отечественным языком. *Гг*: латинским языком.

3. *Рр*: вместе с формами языка дети должны обогатиться обильным запасом наглядного энциклопедического учения. *Гг*: энциклопедия ведет к поверхностному знанию и чужда грамматике; учи только языку.

4. *Рр*: развивай судительную силу детей умственными упражнениями. *Гг*: не приучай детей умствовать по-пустому, изощрай их память учением наизусть грамматических форм и классического писателя.

5. *Рр*: читай с детьми как можно больше различных писателей отечественных и со всех сторон развивай душевные способности учащихся. *Гг*: ограничься весьма немногими, но самыми лучшими писателями.

6. *Рр*: читай писателей большею частью современных, в угоду настоящим потребностям времени. *Гг*: истинно хорошее никогда не стареет; читай лучше образцовое, даром, что оно старинное.

7. *Рр*: чтение должно забавлять детей; скука не принесет плода. *Гг*: школа не для забавы; учи детей побеждать и скуку; этим возбудишь в них нравственное чувство долга и обязанности.

8. *Рр*: отечественный классик должен читаться в школе с комментариями точно так, как и латинские или греческие. *Гг*: все комментарии на новых писателей пошлы и смешны; убивают в детях живую восприимчивость к прочтенному; влекут к педанству, а не к истинному сочувствию с писателем. Отечественного, близкого к нам писателя в школе не изучают.

9. *Рр*: знакомь детей со всем, что есть прекрасного в литературе. *Гг*: ранним эстетическим наслаждением не притупляй детского чувства. Преждевременное удовольствие неминуемо влечет за собой охлаждение и расслабление.

10. *Рр*: лелей свободную восприимчивость детей при чтении писателя, не принуждай их заучивать наизусть прекрасные произведения; иначе они наскучат им, потеряв интерес новости. *Гг*: у детей память помогает рассудку и укрепляет его. Чем более учат они

наизусть, тем яснее понимают заученное; следуя природе, не испортишь ничего.

11. *Рр*; образуй в учащихся самостоятельный слог чтением отечественных писателей и разнообразными письменными упражнениями на родном языке. *Гг*: лучшие писатели научились слогу у древних классиков, а создали его своими мыслями. Все предметы гимназического курса совокупно силою образуют в учащемся слог.

12. *Рр*: сочинения на отечественном языке лучше развивают способности учеников. Пиша по-латыни, они думают только о грамматических формах: на родном языке свободнее выливаются мысли. *Гг*: прочнее крепнет грамматика, правильнее ложатся предложения в латинских упражнениях. Сочинения на своем языке — дар божий, на латинском — плод науки. Вредно питать в учениках дух авторства, заставляя их самостоятельно сочинять. Безвременное авторство ведет к болтовне и посредственности.

13. *Рр*: излагая риторiku и пиитику, представь характеристику произведений не только древнеклассических литератур, но и новых. *Гг*: от учителя нельзя требовать, чтобы он знал все новые литературы; греческую и латинскую он должен знать, толки же обо всем понемножку влекут к вредной посредственности. Учитель весьма легко может опошлиться, если будет судить с учениками о таком писателе, которого не читал в подлиннике, а знает понаслышке.

14. *Рр*: стройно и соразмерно проходи с учениками и философскую и историческую часть словесности. *Гг*: давай преимущество знанию историческому, положительному и в грамматике, и в литературе.

ГРАММАТИКА

1. УМСТВЕННЫЕ УПРАЖНЕНИЯ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ

Неопределенное понятие о предмете преподавания дало повод учителям русского языка восполнять пустоту своих уроков различными манерами. Когда пошли в ход умственные упражнения, учителя отечественного языка первые хватились за них. Но разве умственное развитие детей исключительно лежит на ответственности учителя словесности? А учителя математики, истории неужели не предлагают в своих уроках половину того, чем набиты книги об умственных упражнениях? Язык есть выражение мысли; следов., надобно постигнуть законы мысли, чтобы уразуметь язык, а в умственных упражнениях анализируется строение мысли, следов., они предшествуют грамматике и сопровождают ее. Таково оправдание учителей математики, преподающих умственные упражнения, но к нему присоединяются два потаенные повода: личность учителя, по большей части философа, и завлекательность энциклопедического характера умственных упражнений. Следует решить: 1) необходимо ли предпосылать логическую пропедевтику изучению математики; 2) полезно ли упражнять детей определением логических категорий и 3) сов-

местна ли с преподаванием отечественного языка энциклопедия наглядного учения и умственных упражнений?

1. Если язык есть выражение мысли, то почему же не начинать с детьми прямо от языка и потом уже переходить к мысли? Ибо, изучая язык, они изучают и то, что им выражается, т. е. мысль. Для детей логические категории являются гораздо понятнее в языке, в грамматике, чем в отвлеченных умствованиях. Учитель должен в самой грамматике, в чтении басни, в разборе предложения — учить детей мышлению; тогда он сохранит самостоятельность своего преподавания. «Развернем какую угодно хорошую грамматику; на всякой странице видим категории и общие отношения понятий. Бытие и действие; существенное и случайное; предмет и свойство; единство и множество; воззрения времени и места; отношения; содержание и форма; внутреннее и внешнее; средство и цель; причина и действие; основание и следствие; возможность, действительность и необходимость; определенность и неопределенность; субъективность и объективность; общность, частность и особенность; все формы суждений и умозаключений и множество иных категорий — не выражаются ли в грамматике формами языка, не объясняются ли во всех видах и отношениях, не подлежат ли умственному упражнению и не оживают ли пред душою? Поелику сим упражнениям лежит в основании чувственное вещество — язык, потому они и удобовразумительны ученику. Хотя сначала он придерживается форм, изменения и связи слов и предложений, но чем далее идет он в грамматической науке, тем более видит в отношениях слов отношения понятий. Из легкого учится он труднейшему. Потому грамматические упражнения по своему содержанию суть самые лучшие и живительные логические упражнения; и потому в гимназиях учат языкам только частью для языков и литературы, а большею частью для твердой и живой логики, которая возрастает и долговременно и многообразно упражняется в учениках посредством грамматического обучения языку до тех пор, пока не станет неотъемлемой собственностью юношеского духа»¹. Если в изучении языка ум детей упражняется и живет, и естественнее, и легче, нежели в логике, то для чего же занимать их умственными упражнениями? Но скажут: нельзя же девятилетнему ребенку прямо растолковать, что такое имя, что такое глагол, когда он не имеет понятия ни о предмете, ни о деятельности. И действительно, ему еще рано знать и глагол, и имя, а следов., и что такое предмет, что такое деятельность. Все дело вертится на вопросе: что делать с детьми, прежде нежели начнут они грамматику? Чем приготовить их к грамматике? Дети и готовятся к грамматике, и начинают, и продолжают, и оканчивают ее чтением и письмом. Глава из священной истории или одна басня Крылова и ученику и учителю предложат материала для умственного упражнения гораздо более целой книги наглядного учения или тому подобного. Следов., не логика предшествует обучению грамматике,

¹ De in h a r d t. Der Gymnasialunterricht, 1837, с. 58 и 59.

а наоборот, грамматика приуготовляет детей к логике. Вот что говорит об этом Гегель: «Трудно оценить достаточно всю важность учения грамматики, ибо ею начинается логическое образование. Содержание грамматики — категории, собственные произведения и определения ума; следов., в ней ум начинает изучать сам себя. Эти духовные предметы, с коими она первая нас знакомит, в высшей степени удобопонятны для юношества, и нет ничего духовного удобопонятнее: еще ограниченные силы сего возраста не могут обнять всего духовного царства в его многообразии, отвлеченности же грамматические совершенно просты. Они точно отдельные буквы, и притом гласные духовного бытия; ими начнем мы складывать и учиться читать оное. Грамматика предлагает сие отвлеченности по силам юного возраста, отличая оные внешними признаками, содержащимися в самом языке. Кто может отличить красный цвет от голубого, еще без всякого определения цветов по Ньютоновой гипотезе или по какой иной теории, тот имеет уже некоторые сведения, и даже великой важности уже и то, чтобы обратить внимание на сие отличие. Ибо, если умственные определения присутствуют в нас, как в существах мыслящих, и мы понимаем их непосредственно, то первоначальное образование состоит в том, чтобы их и м е т ь, т. е. возвести их в предмет сознания и отличить признаками. Так как грамматической терминологией обращаемся мы в области отвлечения и так как сие учение может почтяться элементарной философией, то грамматика, и латинская и немецкая, должна быть рассматриваема не только как средство, но и как цель».

2. Из предыдущего легко уже ответить и на второй нами предложенный вопрос. Определить всякий предмет логически, давать всему строгую систему — дело лишнее для детей; на первый раз довольно и того, если они сумеют отличить предмет по внешним признакам, в самом языке содержащимся. Всякая философская теория в голове учителя есть не иное что, как личное убеждение, иногда даже вредное для науки: ученикам нужно знать самый предмет, а не умствования учителя. Скажу более: забивать голову учеников первых трех классов гимназии логическими отвлеченностями и философскими определениями не только бесполезно, но и чрезвычайно вредно. Не в том сила, чтобы дети знали, что такое понятие, что суждение, а в том, чтобы умели понимать и судить. Лекарь не объясняет больному, что есть пищеварение и из чего состоит прописанный рецепт, а просто дает ему лекарство. А философы-учителя отечественного языка только определяют и толкуют, а не дают духовной пищи своим ученикам. Детям надобно сначала больше материала для их памяти, больше осязательного. Разумение не может быть непосредственно целью; оно есть естественное следствие развития духовных способностей учащегося. Только тогда начинается рассудок соединять однородное и разделять различное, когда память обогащается достаточным запасом¹. Неужели может похвалиться филосо-

¹ Günther. Über den deutschen Unterricht auf Gymnasien, 1841, с. 23, 24.

фом тот учитель, который вздумает преждевременно выжимать из детской головы понятия, определения и другие отвлеченности, забывая, что все отвлеченное есть плод глубокого соображения и опыта. Садовники не вытягивают растений из земли, а только поливают их да выпрямляют тычинками. Но возразят: опыт показывает, что десяти- и одиннадцатилетние дети очень легко могут вращаться в логических отвлеченностях. Действительно, силы юного /возраста неистощимы, но сколько бывало примеров, что мальчишки-виртуозы, вырастая, получали неодолимое отвращение к тому инструменту, за которым преждевременно погубили их музыкальный талант? В старину и женили десятилетних детей. Философствующие учителя отечественного языка, думая слыть философами, именно тем и предают себя, что философствуют там, где и не место и не время философствовать. Те же самые отвлеченности, над коими безвременно и без толку дитя ломает голову, в одно мгновение поймет в свое время, как подрастет; зачем же насиловать природу и не следовать ее законам? И почему же развивать в детях только один ум, оставляя в стороне и чувство, и нравственность, и дар слова? А ведь умственными упражнениями, кроме рассудка, ничего не упражнишь. Не полнее ли удовлетворит всем способностям дитяти чтение автора, соразмерного его силам? Тогда учитель ограничит самостоятельно свою науку и не будет бросаться из нее во все стороны, выказывая тем ее бессилие и несостоятельность. Нечего бояться, что до десяти или двенадцати лет дети не сумеют определить, что есть понятие, признак, суждение, что есть причина, условие и т. д. Впереди остается еще много времени для образования ума. Напротив того, надобно бояться, чтобы ранним философствованием не забить голову детей пошлыми общими местами, которые надолго останутся для них тягостными веригами. Система не дает материала, а при материале будет и система: дитя на память учит существенное в науке и тем упражняет уже свой разум. Всякое материальное учение есть вместе и формальное, т. е. развивающее умственные силы; другими словами: во всяком предмете учения есть логика, а тем более в грамматике, как показано выше.

3. Впрочем, кроме формального образования, метода умственных упражнений и наглядного учения дает и материал учению, заключая в себе энциклопедию многообразных сведений, начиная от богословия и философии до механики, технологии и ремесел. Без сомнения, во всем этом очень много занимательного и наставительного для детей; но для чего же братья за все это учителю отечественного языка? Законоучитель, учитель математики, истории имеют такое же право толковать о нравственности, статистике, о земле и небе, о звездах. Но преподаватели отечественного языка приурочивают себе эту энциклопедию на том основании, что язык есть всеобщее выражение всякой деятельности человека. В таком случае это основание можно повернуть и в другую сторону: так как и учителя катехизиса, математики, истории учат детей и языку, ибо учат их на нем выражать свои мысли, то или вовсе не нужно учителя отечественного языка,

или же он должен занимать детей чем-либо исключительно принадлежащим его науке. Иные педагоги¹ этой энциклопедии дают более систематический характер, строя ее на развитии умственной, нравственной и художественной деятельности. Упражнение каждой деятельности заключается в отдельных статьях, снабженных изречениями и примерами. К чему же такое насильственное разграничение способностей? В человеке развиваются и действуют все способности души заодно. Только слепых, горбчатых да калек пользуют тем, что лечат их отдельный, местный недостаток, здоровому же дают пищу для питания всего тела. Другие педагоги в такой начальной энциклопедийке ограничиваются только кругом наук, извлекают общее понятие науки из отношения человека к миру духовному и нравственному, отсюда выводят деление наук с определением каждой, от эстетики до анатомии. Спрашивается же, в котором классе гимназии преподавать такую энциклопедию? И какой учитель гимназии возьмет на себя смелость добросовестно и с сознанием дать понятие обо всех науках? Говорить же о всем как-нибудь и что-нибудь могут только одни шарлатаны. Но систематикам непременно хочется, чтобы дети, прежде чем начнут грамматику, знали, какое место занимает сия наука в кругу знаний человеческих. Почему же не поступают так учителя математики, катехизиса, истории? А именно потому, что они довольны богатым содержанием своих наук. Действительно, надобно было заменить чем-нибудь старинную методу грамматики; неужели же тем, что пуститься на фокусы наглядного энциклопедического учения? Отбросим все крайности энциклопедического учения, множество всего непонятного для детей и возьмем самую скромную, по силам юного возраста написанную книгу в этом роде. Если бы она была замечательна своим слогом, остроумием, глубокомыслием, словом, если бы она по достоинству была не ниже «Естественной истории» Бюффона или басен Крылова, то учитель языка мог бы взять ее в руководство при чтении и грамматическом разборе. Но где подобные книги? Укажите хоть одну. Сочинители детских книг пишут как ни попало, чтобы только было наивно, просто да понятно для детей. Но этого мало. В школе дети должны читать и заучивать только то, что имело бы для них цену, и тогда, когда они вырастут². Басни Крылова учат наизусть малые дети, ими же зачитываются и взрослые. Пушкин с удовольствием читал «Русскую историю», написанную Ишимовой для детей. Следов., книги для первоначального чтения ошибочны именно в том, что, будучи соразмерны силам детского возраста, следов., удовлетворяя субъективной, временной потребности учащихся, не имеют никакой внутренней, материальной ценности. Пусть же учитель отечественного языка даст в руки своим

¹ Напр., Цоллер в своем сочинении „Das erste Schul- und Bildungsbuch“ (1840).

² «Для меня книги то же, что люди,— говорит Магер в предисловии к своей «Французской хрестоматии»,— лучше никогда не видеть того человека, которого не захочешь увидеть в другой раз; лучше никогда не читать такой книги, которую не вздумаешь еще раз перечесть».

юным питомцам такую книгу, чтение которой оставит в их душе следы на всю жизнь. Мысли классического писателя плодотворным семенем лягут в нежной душе их, сначала еще не развитые. Конечно, дети не все поймут в этих мыслях, ибо и взрослые различно понимают писателя — одни более, другие менее, но довольно уже и того, что они узнают их хотя с одной внешней стороны, запечатлев их своим детским сознанием. Младенец еще не понимает высокого значения молитвы, но мать уже учит его священному обряду, и он молится усердно. Дитя не осознает высокой нравственности самоотвержения, но, по примеру старших, охотно подает милостыню и радуется, что утешил тем убогого. Пройдут годы — и вместе с возрастанием детей возрастут и окрепнут в них и те истины, которые вычитали они некогда в любимом писателе, и, проведенные через многие случаи жизни их, оправдаются и уяснятся опытностью. Греки учили малолетних по Гомеру, наши предки после азбуки тотчас заставляли детей читать псалтырь. Итак, пусть дитя узнает и поймет великие нравственные мысли, хотя и не во всем их глубоком объеме; оно учит их не для одного мгновения, а на целую жизнь, в продолжение коей они разовьются опытом и делами¹.

2. ОБУЧЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОМУ ЯЗЫКУ ПО ЛАТИНСКОЙ ГРАММАТИКЕ

Отстранив крайность в учении реалистов, обратимся к гуманистам. И они, чувствуя несостоятельность отечественной грамматики, прибегают к посторонней помощи. Как все преподавание сосредоточивают они к древнеклассической литературе, так и грамматическое учение к грамматике латинской или греческой. В основание грамматическому обучению, говорят они², надобно положить изучение языка чуждого.

«1. Родной язык сросся с духовным бытием ученика. Он как бы кость от костей его и плоть от плоти его. Слишком близок ученику и потому не может быть прямым объектом науки, составляя субъективность самого ученика. Ученик даже не может никак понять, для чего он будет учиться тому, что знает и без науки. Напротив того, чужой язык выступает перед ним совершенно объективно. Учащийся принужден выйти из самого себя, чтобы его усвоить; и напряженность духовных сил, необходимая для сближения с предметом вовсе чуждым, должна быть несравненно больше, чем при изучении отечественного языка, от которого не так легко может отрешиться учащийся. В этом отношении справедливо говорит

¹ Читатель припомнит слова Гегеля: «То же самое нравственное изречение в устах юноши, который весьма правильно понимает оное, не имеет того объема и значения, какие получит оно в уме опытного мужа, для коего раскрывается в нем вся сила внутреннего содержания». Логика, ч. I.

² См.: De in h a r d t. Der Gymnasialunterricht, 1837, с. 59 и след.

Ф. А. Вольф¹: чужой язык сильнее возбуждает внимание и заставляет нас подводить явления к умственным соображениям, тогда как отечественный коренится на внутреннем чувстве. 2. С этим соединяется вторая еще важнейшая причина, состоящая в том, что через сравнение двух языков, с большей ясностью и силой запечатлеваются в уме отношения грамматические и логические. Только сравнением многих языков полагается отличие между отношениями слова и мысли, между единичным и всеобщим. Когда один и тот же предмет выражается и познается в двух различных формах, тогда ясно определяется и самое понятие оного. Так и в грамматическом преподавании. Отношения понятий будут выражаться на двух различных языках особенными флексиями и различною связью слов. Какой прекрасный способ довести таким образом до сознания, что всякое содержание, как нечто общее, является существенным в различных явлениях! Как понятие о жизни приобретает исследование ее различных форм и явлений, так и об языке сближением по крайней мере двух различных языков. Одинаковость и всеобщность содержания оживут в различии и особенности разнородных форм. Отечественный язык предпосылается как известное основание, к которому все должно относиться. Он будет мерилем для чужих языков. Когда ученик сознает отношения грамматические на своем и на чужом языке, тогда необходимо извлечет для себя из различия форм того и другого языка понятие о единстве мысли как всеобщего, которое повторяется и отражается в многообразии».

Из чужих языков, разумеется, предпочитают латинский и греческий, против коих не устоит никакой другой в богатстве содержания и в обработке учебных пособий. Вот как педагог² определяют ничем незаменимую пользу обучения древним языкам:

1. «Вначале обучение языку есть упражнение памяти, которого важность для юного возраста не подлежит ни малейшему сомнению. Память есть запас насущного капитала для ума. Чем меньше у человека памяти, тем меньше и духовного содержания для непрестанного употребления и обработки. Сила человека словом и делом, по большей части, зависит от хорошей памяти. Чем больше у него духовного запаса, тем сильнее и свободнее действует он, тем больше содержания и объема делам его. Человек без памяти никуда не годится; достоинство его возрастает вместе с усилением памяти. Следовательно, упражнение ее необходимо для практической деятельности и для высших сил духовных, которые берут из памяти запас и пересоздают его в слово и дело. С этой стороны упражнение ее является средством к цели. Цель в деятельности разумения и воли, для свободного развития коих необходима достаточная сила памяти. Она же приобретает, и развивается, и упра-

¹ Вольф Фридрих Август (1759—1824) — немецкий филолог, поставивший так называемый «гомеровский вопрос», суть которого в определении: являются ли поэмы Гомера созданием личным или собранием отдельных песен и легенд. *Сост.*

² Deinhardt, с. 197 и след.

жняется в детском возрасте; притом тогда имеет и в себе самой конечную цель, будучи для дитяти силою воспринимательною. Дитя понимает предметы преимущественно памятью, а не высшею силою духа. В человеческом развитии есть известная степень — степень памяти, совпадающая с детским возрастом. Образование познавательной способности и образование памяти в этом возрасте одно и то же. Не укрепись память в молодости, на всю жизнь будет чувствителен недостаток. Потому-то дети находят удовольствие в упражнении ее; потому-то великие люди, в лета зрелые оказавшие сильное действие на человечество словом и делом, отличались превосходною памятью в своем детстве. Но чем же образовать и упражнять ее? Изучением форм чужого языка. Чем тоньше и незначительнее оттенки в изменении слов, тем сильнее она изощряется. В этимологии заучиваются малейшие отличия слогов и букв. Чтобы приступить к разумному изучению языка, надобно до такой степени впечатлеть в свою память этимологические формы, чтобы никогда не забывать их. Кроме этимологии, разумеется заучивание и лексикальной части древних языков, и потом правил.

2. Между тем как этимологическое изучение языка преимущественно образует память, заучивание, уразумение и применение синтаксических правил развивает силу судительную. Вначале заучивание правила слово в слово — есть дело памяти. Но как скоро синтаксические правила применяются к примерам и к переводу с чужих языков на свой и с своего на чужие, тотчас открывается ученику обширное и силам его сообразное поле, где он по преимуществу упражняет свою судительную силу. Ибо — что значит судить? Узнавать в единичном всеобщее, возводить единичное к всеобщему, применяя общее к частному и находя в частном общее. Потому изучение и применение синтаксических правил есть непрерывное суждение. Общее в суждении будет правило, а частное — известные примеры, к коим применяется правило. Так, при переводе с одного языка на другой ученик в каждом примере находит применение заученному им правилу. Сверх того, при переводе с древнего на родной узнает он в данном примере общее правило, и его суждение будет теоретическое. При переводе же с родного на древний он сам переносит правило в данный пример, и его суждение будет практическое. В первом случае берет верх уразумение, во втором действование; в первом он как бы философ, в последнем художник. Когда же примеры будут более подробные, тогда вместо одного правила приложится к ним множество. Потому и суждение ученика при переводе их будет труднее, ибо будет состоять из совокупности многих суждений. Кто не видит в этом стройного перехода от простого к сложному? Следующие правила сопровождаются труднейшими примерами: хотя главная цель в переводе и здесь будет объяснение и применение последнего правила, однако и прежние правила, по крайней мере многие из них, будут здесь же повторяться. Таким образом, суждение постоянно идет к новому и труднейшему, постоянно удерживая при себе пройденное, простейшее.

3. Кроме упражнения памяти в заучивании форм этимологических и кроме упражнения судительной силы на синтаксических правилах, и в том и в другом случае развивается и усовершенствуется третья способность, необходимая для изучения всякой науки, именно внимание к мелочам и незначительным подробностям. В этимологии малейшая перемена в форме слова тесно связана с изменением его понятия. Ничтожная перемена только одной буквы в слове дает другое отношение понятию. Поелику от столь малого, по-видимому, и незначительного зависит великое и важное, то на этимологии, более нежели на чем другом, научишься обращать полное внимание на мелочи. Нельзя проглядеть ни одной буквы, ни одного знака: все требует точнейшего наблюдения в грамматическом обучении. Во многом ином и смешно и противно с важностью хлопотать о мелочах; в грамматических же формах и естественно и необходимо, ибо от ничтожных подробностей в буквах зависят различные отношения мыслей».

Все это весьма дельно и основательно для изучения древних языков, даже частью и отечественного; но как же применить к школе? Чем начинать — латинскую или отечественную грамматикой? Гуманисты решают задачу очень просто¹: «Все нужное для немецкой грамматики в этом классе (*Sexta*, соответствует первому классу наших гимназий) достаточно передается в латинском уроке. Хотя и в немецком языке дитя узнает части речи, падежи, роды, времена, наклонения и пр., однако от того нельзя сказать, что оно учится немецкой грамматике. Упражняясь в склонении *mensa*, ученик должен узнать, что по-немецки говорят *der Tisch, ein Tisch* и *Tisch*. Латинский учитель вместе с латинскими примерами постоянно должен упражнять детей и в отечественных. Уже на первом склонении ученик, хотя и не ясно, узнает член, нужнейшее из средств немецкого языка для означения падежей и чисел. Важным шагом будет для него изучение правил о родах в связи с прилагательными. Согласование прилагательных с существительными, в коем он никогда не ошибется на родном языке, доставит ему много трудного на латинском, но он опять узнает необходимое и для немецкого прилагательного, именно отличие между *der gute Mann, guter Mann, ein guter Mann, der Mann ist gut* и т. д.»

Ошибка подобных гуманистов в том, что они не отличают совершенно противоположных методов в изучении чужого и своего языка. Если мы возьмем в руководство грамматики Востокова, Греча и др., то, конечно, лучше учиться русскому языку по латинскому, ибо эти грамматики составлены по методу грамматик для чужих языков: начинаются определением частей речи, склонениями и спряжениями, с ненужными для детей подробностями, и потом уже предлагают синтаксис. Многие наши педагоги до сих пор все хлопчут о спряжениях да склонениях, и не догадываясь, что русские

¹ См.: Günther. Über den deutschen Unterricht auf Gymnasien, 1841, с. 155.

без правил умеют правильно и склонять и спрягать. Половец частью применил преподавание русского языка к требованиям русских учеников, но и он не достиг своей цели, предпоставив этимологию синтаксису и не связав синтаксическим разбором всех частей речи в одно целое. В ошибку другого рода против отличия в преподавании отечественного языка от иностранного впал Вурст¹. Хотя, следуя Беккеру, имеет он надлежащее понятие об отношении этимологии к синтаксису, однако в своем руководстве принимает методу латинских и греческих грамматик для изучения правил отечественного языка: перед каждым правилом примеры, а за правилом задачи для упражнения в оном. Всяк видит, что все внимание Вурста обращено на правило как средоточие и примеров и упражнений, а в этом-то и ошибка, ибо правила в отечественной грамматике стоят совершенно в другом отношении к практике, нежели в грамматике иностранного языка. Потому, сосредоточившись на правилах, Вурст упустил из виду годность примеров и упражнений, ибо его отрывочные примеры вовсе не идут для отечественной грамматики, составляя не более как подмостки, леса, на которых он строит правила и которые, как ненужный хлам, ученики выбрасывают из головы, как скоро понято правило. И практические задачи Вурстова учебника не имеют никакой самостоятельной ценности, будучи хвостами тех же правил. В грамматике латинской и пустой пример имеет значение, ибо содержит в себе материал для заучивания в неизвестных ученику словах и в грамматических формах, к которым он еще не приучил свой язык и ухо. Вурстовы же примеры — *Feuchter Lehmen ist weich; Mein Buch ist neu; Dieser Griffel ist spitzig*² (с. 28) и т. п. действительно подлежат осмеянию³. Немного выигрывает такая метода и тогда, когда эту болтовню заменим мы маленькими отрывочками из писателей образцовых, ибо отношение правил к примерам остается то же самое, а клочки из писателей также не дают реального содержания для заучивания, будучи по большей части фразами, в коих мысль только в половину выражена, а иногда того менее. В латинской же или греческой грамматике краткие цитаты из классиков не только терпимы, но даже необходимы. Да и в русской стилистике отрывочные фразы из писателей имеют свое значение и педагогическую ценность. Но в отечественной грамматике первоначальной являются предрассудком, составленным по неумению отличить преподавание языка своего от преподавания чужих. Все, что Дейнгардт говорит о применении правил к примерам касательно языков древних, может быть отнесено и к грамматикам отечественным, подобным Вурстовой, здесь мерило их погрешности. И как скучно для учеников подробное исчисление различных правил с подразделениями и видоизменениями! Спра-

¹ См. *Praktische Sprachdenklehre*. Слич. извлечение из этой книги: *Практический синтаксис сложного предложения*, составл. П. Перевлесским, 1842.

² *Влажная глина мягка; Моя книга — новая; Этот грифель остр.*

³ См.: M a g e r. *Die deutsche Bürgerschule*, 1840, с. 134.

ведливо опровергает Гикке подобные методы. «Отстраняя всякое подробное изложение целой доктрины,— говорит он¹,— и заставляя учеников останавливаться на прочитанном и приискивать в оном примеры, мы ставим себя решительными противниками другого столь распространенного способа преподавания. В учебниках такого рода находим, например, ряд простых предложений, подлежащим которых — существительное masculini generis (мужского рода), второй ряд — с подлежащими женского рода, третий — среднего; затем четвертый ряд — с двумя подлежащими, сначала мужского, потом женского, наконец среднего рода; далее новые роды предложений, в которых по два подлежащих: одно мужского, другое женского, и т. д. А там пойдет та же история с числами: здесь отыскиваются предложения, подлежащие которых — имена существительные: а) не употребляющиеся во множественном числе, б) не употребляющиеся в единственном, с) имеющие двоякое множественное; или такие предложения, в которых подлежащим будет: а) сложное, б) производное существительное. Коротко сказать: кажется, будто сочинители таких метод думают, что можно и должно исчерпать все возможные видоизменения предложений; по крайней мере, будут такого мнения бедные ученики, живая восприимчивость которых систематически убивается такой методою. Сочинители, по крайности, подумали бы вот о чем: если потребуется несколько дней, даже целых недель, чтобы систематически развить все возможные видоизменения предложения только с тремя простыми элементами, то при десяти элементах предложения не достанет и жизни человеческой, чтобы наполнить примерами все возможные случаи сочетания сих элементов; даже одно только исчисление всех этих видоизменений есть уже дело невозможное. Зачем же хлопотать о том, чего и нельзя, да вовсе и не нужно доводить до конца? Или, может быть, такой способ, дробящий все до бесконечности, по преимуществу есть способ методический и практический? Напротив того, самый неметодический и неудобоприменительный. В сравнении с этим хотя еще не до такой степени ошибочна, однако вовсе несообразна с целью и неприменительна к делу та метода, по которой заставляют учеников отыскивать примеры на отдельные правила синтаксиса. Сколько труда стоит даже самому учителю найти дельный пример на какую-нибудь более распространенную форму предложения. Сколько же труда ученику! И к чему все это поведет? К более ясному воззрению, к сильнейшему впечатлению формы предложения? Но нельзя ли всего этого гораздо совершеннее достигнуть отысканием примеров в прочтенном?»

На степени того же безразличия между грамматикою своего и чужого языка стоит „La Grammaire mise à la portée de l'enfance“, par H. A. Dupont (1839). Дюпон начинает этимологию, отделяя ее от синтаксиса, и учит детей фразам и по фразам; ибо, говорит он:

¹ См.: „Der deutsche Unterricht“, 1842, с. 215—218.

„Pour nous, l'étude de la grammaire est l'étude des phrases“¹. В самом начале спряжения: «Спряжение может быть изустное и письменное. Думаем, что в начале должно быть только изустное и потом уже письменное. Это упражнение для наших учеников сначала совершенно механическое: дети, еще не умеющие читать, с пользою могут им заниматься» и пр. После всего этого не удивительно, что Дюпон заставляет детей даже зубрить наизусть спряжения отечественных глаголов и т. п. Разумеется, если такими методами захотим мы тягаться в преподавании отечественного языка с греческою и латинскою грамматикою, нас тотчас побьют; ибо все то, чем самостоятельны грамматики языков древних, мы некстати прикладываем к отечественной и рядим ее в чужие перья. Гуманисты тотчас их ощиблиют, и все ничтожество методы обнажится.

3. МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОМУ ЯЗЫКУ

Итак, где же искать спасения самостоятельному и годному для школы преподаванию отечественного языка? «Метода² всякого обучения определяется, с одной стороны, естественным развитием духа человеческого, с другой, сущностью предмета преподаваемого. Потому мы должны обратить внимание на то, с какими сведениями в языке поступает ученик в школу и какому развитию подлежит он сообразно с природою познающего духа и с свойствами познаваемого предмета. Первые начатки упражнения в отечественном языке скрываются в таинственном сумраке первых годов детского возраста. Никто не помнит за собою этого начала, ни наступающей затем следующей степени развития; никто не может составить себе представления об этом темном состоянии сознания, когда народившийся человек еще не умеет отличить себя от предметов, его окружающих. Но с удивительною быстротою заучивает дитя множество слов и предложений, и его радость, при выражении своего внутреннего мира, иногда столь велика, что он творит собственные свои слова, выговором коих радуется и счастливает своих родителей. Словом, узнание родного языка совершается при темном сознании, как бы инстинктивным подражанием, и восходит до совершенно быстрого разговора о всех приобретенных представлениях, разумеется, без отличия отдельных звуковых частей в слове и без всякого предчувствия об органической связи между мыслию и словом. Поелику таков естественный путь, коим всякий человек узнает свой родной язык, то извлекаем отсюда первое правило для методы преподавания: 1) Приводи дитяти все явления языка таким образом, как поступает сама природа, то есть помощью изустного выражения непосредственных представлений, помощью разговора и чтения. Этим и следующими правилами отделяем мы методу преподава-

¹ «Для нас изучение грамматики есть изучение фраз».

² Diesterweg. Wegweiser für deutsche Lehrer, I, с. 329 и след.

ния отечественного языка от метода преподавания иностранных, ибо отношение дитяти к тому и другому совершенно различно. Чужие языки, как показывает само слово, чужды духу, стоят вне его; напротив, отечественным языком обладает уже в некоторой степени даже семилетнее дитя; он стал его духовной собственностью, как бы всосанную вместе с молоком матери, дитя даже не может существовать без него. Потому-то и не может он преподаваться, как чужой язык. Отечественный язык узнает всякий человек непосредственно, вместе с наглядной восприимлемостью внешних явлений и внутренних ощущений; потому дар слова непосредственно связывается с восприимлемостью и впечатлением, так что слова являются сознанию живым соответствием (*correlativ*) вещей. В начале изучения чуждого языка отдельное слово не кажется в соотношении с предметом и представлением, а понимается посредственно, именно через слово отечественного языка, выражающее тот предмет или то представление. В чуждом языке каждая форма, каждое слово представляется чем-то разрозненным и отдельным от познающего субъекта и таким должны быть заучаемо; в отечественном языке ум обнимает целое, вместе все предложение, выражающее мысль, и потому отечественная речь есть постоянное выражение суждений, постоянно в целых предложениях. Потому твердо полагаем мы первым правилом, что отечественный язык не должен преподаваться так, как преподается иностранный, т. е. не наблюдением отдельных звуковых видоизменений, не путем рассуждающего наблюдения, а практическими примерами, т. е. сообщением ученику понятного и полезного такими словами и формами, с какими хочешь познакомить ученика. Первое дело в области преподавания отечественного языка состоит в том, чтобы ученик практическим путем узнал все формы речи, чтобы они являлись ему не одни сами по себе, но постоянно в органической связи с мыслию, ими выраженной, так, чтобы ученику вместе с формою непрестанно давалось и содержание. Итак, первое и важнейшее дело развить практическую способность, состоящую в том, чтобы понимать выраженное формами речи и пользоваться ими правильным образом, т. е. так, как говорят люди образованные. Следовательно, уметь всему здесь основание: это уметь, как данное, предпосылается уже самому началу преподавания, а преподаванием должно еще тверже укрепиться. Таким учением мы продолжаем вперед шествие самой природы и изустной речью о предметах действительной жизни, внимательным чтением приличного и понятного, изустными и письменными упражнениями образуем в ученике способность с надлежащей легкостью правильно понимать формы речи в разговоре и на письме. На способность говорить выражаем мы в ученике строгое внимание, именно на способность выражаться легко, благозвучно, ясно, определенно, с толком и со смыслом. Не один отечественный язык, но и все остальные предметы преподавания должны быть направлены к образованию в ученике этой способности, столь необходимой для развития его умственных способностей, для образования характера и вообще для всей

жизни. Мы слушаем говорящего сто раз, прежде нежели однажды прочтем им написанное. Уже по одному этому уметь говорить важнее всего прочего. Упражнив на преподавании языка уметь и разумение ученика, мы должны дать ему знание, должны объяснить сознанию его то, что более или менее ясно представлялось ему; отсюда второе правило: 2) Формы речи, коими ученик умеет уже пользоваться, доводи до его сознания разбором, следовательно, путем анализа. Хотя это правило постановили мы вторым, однако это не значит, чтобы мы пользовались им тогда только, как ученик достигнет высокой степени в способности дара слова; мы его можем применить тотчас же, как заметим, что ученик достаточно к тому приготовлен соответственным упражнением. Но все-таки наше мнение таково, что упражнение должно предшествовать рассуждению и сознанию явлений. Ученик сначала должен приобрести уметь в отечественном языке и потом уже возвыситься до сознания о его формах и законах. Необразованная толпа и не достигает того никогда. Уж одно то чрезвычайно много бы значило, если бы все правильно говорили и писали. Но образованному человеку вменяется в обязанность не только правильное действие, но и разумение законов, коим подлежит действие. Это сознание (нельзя сказать учение, ибо ученик еще до вступления в школу знает уже все формы, хотя и не умеет их привести в порядок, произвести одну от другой и пр.), итак, это сознание должно развиваться разбором или путем аналитическим. Весьма естественно. Ибо язык есть живое целое; человек никогда не произнесет ни одного слова бессмысленного, но всегда говорит предложениями, выражающими мысль. Органическое целое ему известно прежде, нежели отдельные части оно. Так как естественный и легчайший ход преподавания состоит в извлечении неизвестного из известного и в постепенном присовокуплении неизвестного к известному, потому в отечественном языке надобно начать с органического целого, т. е. с предложения. Части же его до самых простейших стихий, коими заключается процесс раздробления, могут быть найдены только путем анализа. Итак, в преподавании отечественного языка сначала упражнение, потом возведение форм к ясному сознанию, сначала уметь, потом знание, сначала упражнение в языке (*Sprechübungen*), потом упражнения над языком (*Sprachübungen*), сначала практика, потом теория, и к тому же аналитическим путем. Само собою разумеется, что отдельные формы языка, имеющие между собою нечто общее, должны сравниваться и приводиться в порядок; но еще мы не дошли до всеобщих законов языка, мы заготовляем только материалы для оных. Путем анализа возведши к сознанию отдельные частности, преподавание следует третьему правилу: 3) С разбором соединяй синтесис, совокупление отдельного в практических упражнениях. Разнообразное упражнение — добрый знак хорошего преподавания; заучивание и суждение пусть идут об руку с упражнением и уметь. Вначале подражание, потом знание; теперь опять

упражнение. Как скоро какие-либо формы языка дошли до ясного сознания в голове ученика, тотчас надлежит заставить его, чтобы он употребил их в деле на задаче. Когда, напр., объяснены из предложения падежные окончания, ученик сам составляет предложения с различными падежами; или, объяснив сослагательное наклонение, учитель задает задачу, в коей ученик употребляет оное. Таким образом, в обучении языку постоянно соединяется знание и умение, учение и упражненье, восполняя друг друга. Действованием начинает ученик, им же и оканчивает; первое без ясного сознания, последнее совершенно сознательно. В середине между тем и другим рассуждение: оно нужно не для простого действования, но для сознательного. Четвертое и последнее общее правило: 4) Соединяй внешнее с внутренним, форму с содержанием. Обучение языку имеет дело хотя с внешним, с формами и плотью языка, однако никогда не должно забывать, что плоть жива только духом, что душа важнее плоти, что изучение форм самих по себе не имеет никакой цены и что они не могут быть исключительным предметом наблюдения. Всегда и везде ищи значения представлений и отношений, выражаемых формами. Иначе учение будет нестерпимо сухо, отвлеченно и совершенно внешнее, образуя только экстенсивно, а не интенсивно. Постоянная связь содержания с формою требует, чтобы учитель никогда не рассматривал частей речи и отдельных форм — самих по себе, но постоянно представлял их в органическом целом, в предложении, показывая отношение отдельных к целому, которое дает им существенное значение. Только таким путем можно образовать посредством обучения языку».

4. ОТНОШЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА К ПРОЧИМ ПРЕДМЕТАМ ПРЕПОДАВАНИЯ

Итак, сущностью самого предмета в связи с психологическим развитием дитяти определяется метода преподавания отечественного языка, как предмета самостоятельного, совершенно отличного от обучения языкам иностранным. Вначале отечественная грамматика является для дитяти самую простою логикою, в коей от удобопонятнейшего и легчайшего дитя нечувствительно переходит к более трудному, от данного самую природою к искомому наукою. Предложение есть исходный пункт отечественной грамматики; в предложении же и сущность построения всякого языка. Нет сомнения, что дитя поймет латинское выражение только тогда, когда переведет его себе по-русски, потому анализ предложения отечественного предшествует латинскому. Даже для выгод самой латинской грамматики надобно предпослать некоторое грамматическое значение в языке отечественном. Грамматика отечественная должна быть посредником между врожденным ученику даром слова и между латинской грамматикой, т. е. данное природою нечувствительно и постепенно объясняется по русской грамматике, и потом, когда ученик уже чувствует отношение своей речи к науке об оной, надобно

будет перейти к иностранной грамматике, как к высшей степени теоретического изучения языка. В противном случае преподавание языка будет бессмысленно, ибо латинские склонения и спряжения, не одушевленные связью предложения, безжизненны. Русская же грамматика с самого первого урока знакомит детей с предложением и постоянно к нему примыкает все явления языка; зная предложение, следовательно, глагол и падежные отношения, дитя чувствует смысл латинских спряжений и склонений, вставляя их в форму предложения. Следовательно, первоначальное обучение отечественному языку относится к обучению латинского, как синтаксис к этимологии, как живое предложение к отдельным склонениям и спряжениям, как мысль к звуку.

Таким образом, отечественный язык постепенно и нечувствительно введет ученика в область науки. Тогда наступает уже время обучения латинскому языку. «Несправедливо поступают,— говорит Мадвиг¹, профессор Копенгагенского университета,— несправедливо поступают, начиная столь рано преподавание латинского языка, как обыкновенно везде заведено. Это предмет слишком отдаленный и трудный, к нему дитя не приготовлено еще ближайшим и легчайшим; потому-то изучается он долго и медленно, в какой-то неясности, которая после с трудом проходит. Когда же начинается латинское преподавание несколькими годами позднее (около двенадцатилетнего возраста), но с силами сосредоточенными и с упражненной способностью заучивать и работать, тогда, думаю я, с трудом гораздо меньшим можно достигнуть тех же результатов».

Защищая самостоятельность преподавания отечественного языка, мы должны показать отношение, в каком стоит обучение языку в противоположности своей в области учения реального — к математике². «Математика и грамматика суть такие предметы преподавания, цель коих состоит во всеобщем и чисто формальном образовании духа. Математика и грамматика должны быть логикой для гимназии, начиная от самых низших классов до последнего. Собственно же логика может преподаваться только в высшем классе, и то в лучших гимназиях, где случится для того способный учитель. В математике систематическая форма логики, в грамматике ее содержание. В математике ученик впервые видит образец органической науки и научается доказывающему, основательно и необходимо шествующему вперед мышлению. В грамматике развиваются, упражняются и применяются всеобщие отношения мыслей, входящие во всякую науку; повторяются и присоединяются к другим, новым до тех пор, пока не станут в душе ученика живою его собственностью. Вооружившись систематическим мышлением в математике и обильным запасом категорий в грамматике, гимназист легко

¹ „Bemerkungen über verschiedene Punkte des Systems der lateinischen Sprachlehre“, 1844, с. 14.

² Deinhardt. Der Gymnasialunterricht, с. 63 и след. Дейнгардт — старший учитель математики и физики в Виттенбергской гимназии.

и основательно может проникнуть во всякий род знания и подчинить его своим силам». Напрасны все усилия математиков заменить свою наукою формальную пользу обучения языкам, особенно когда дружно, совокупными силами будут действовать русская и латинская грамматики, как живая природа и стройная наука, как всеобъемлющий синтез и дробящий анализ, в непрестанном, естественном переходе от практики к теории, как постепенное восшествие к сознанию и как непрестанное утверждение памяти. Математика дает дитяти первые понятия об отвлеченных воззрениях на пространство и время; грамматическое учение наполнит эту *tabulam gasam* живым, конкретным содержанием. В этом отношении грамматика будет для формального образования ученика средним термином между знаниями реальными, как наглядностью мира осязаемого, и между математикою, как отвлечением всякого живого содержания в общую форму измерения и числа. Ибо на первой степени своей учение языка (следов., отечественного) не отделимо от реальных предметов преподавания, на высшей же степени переходит в область отвлечения. В этом же отношении преподавание математики в низших классах гимназии приносит великую пользу и обучению языкам, приуготовляя детей к восхождению от наглядного учения к отвлеченностям грамматическим.

Отношение преподавания русского языка к языкам новым не прямое, а посредственное. Ибо между русским и языками новыми стоит язык древний. Все, чем полезны языки новые в формальном отношении, заключается уже в обучении латинскому, только в большем объеме. Потому-то не учащиеся древним языкам ничем уже не могут восполнить существенного недостатка. Нет ни малейшего сомнения, что формы языка русского гораздо богаче французских и немецких, а синтаксис, столь важный для формального образования учеников в языке латинском, весьма беден в учебниках языков новых. Потому в школах реальных, напр. в корпусах, коммерческих училищах и т. п., грамматика русская получает еще большее значение, чем в гимназиях, ибо, в связи с церковнославянскою, должна анализом форм заменить латинскую и греческую, но только в высших классах, где единственно возможно строгое грамматическое изучение отечественного языка. От французской грамматики этого требовать нельзя, ибо дети, не учась по-латыни, не могут узнать в корне ни одной французской формы. А немецкая могла бы стать наряду с русской разве только историческая Гриммовская; но и в сей последней постоянные сближения с языками древними и множество исторических подробностей необходимых, но вовсе недоступных для элементарного курса. Потому-то учителя новых языков избрали ближайший и полезнейший путь — практический: верно и прямо ведет он к цели, подкрепляясь практическим же учением языка русского в низших классах; но поэтому-то именно и не может это обучение заменить теоретической методой латинского. Следовательно, можно сказать решительно, что в реальных школах, корпусах и т. п. низшие классы остаются без правильного и

строгого грамматического обучения, ибо по-русски склонять да спрягать никто теперь не учит, а новые языки формами беднее латинского и должны изучаться более практически. В гимназиях же отечественный язык стоит посредником между новыми и древними: так, напр., русский учитель анализом предложения познакомит с значением падежей, латинский отделит каждый падеж флексиею, новые же языки к флексиям присовокупят члены и вспомогательные предлоги, а русская грамматика укажет в предложении на отношение падежей к предлогам и т. п. Касательно внутреннего содержания, т. е. литературы, новые языки стоят к русским гимназиям в ином отношении, нежели к французским или немецким: чем для прочих европейских народов были литературы древние, тем для нас, кроме древних, и французская и немецкая, т. е. образцом для изучения и подражания. Конечно, может быть, придет и наше время самостоятельного действованиа, но будущее во власти божией. Унизительно для науки предаваться суетному гаданию о том, чего еще нет; неутомимая деятельность в настоящем есть залог достойного будущего, а прозорливый взгляд на прошедшее — руководство для настоящего. Не животворно было для нас одностороннее изучение литератур новых, ибо мы скользили только на поверхности образования европейского, не заглядывая вглубь, откуда оно началось, чем поднималось и совершенствовалось. Предметы познаются от знания сокровенных элементов, из коих они слагаются, а прошедшее есть необходимый элемент жизни народной, следов., и литературы; можно ли же узнать литературу французскую без знания языка латинского, в истории которого заключается определение многих форм французского, или литературу немецкую, возрастание коей лежит на изучении языков древних? Отсюда связь преподавания языков новых с древними, основанная на понятии о живом организме развития литератур европейских. Следов., основательное знание языков французского и немецкого предполагает уже и знание древних, как необходимого элемента оных, следов., для собственного интереса преподавание новых языков должно заступаться за усиленное преподавание древних, следов., только в гимназиях и в школах не реальных может быть истинное образование европейское. Всему своя пора: изучение национального элемента литератур новых, т. е. изучение языков и образованности средних времен во всей подробности, придет своей чередою; это дело университета. В средствах гимназии — посильное сближение истории языков новых с латинским, греческим и славянским. Отсюда необходимость возведения русской грамматики до сравнительной и исторической. Здесь посредничество языка отечественного между древними и новыми, здесь твердое основание отличию национального от общечеловеческого.

Дальнейшее объяснение метóды обучения отечественному языку стоит в связи с остальными предметами преподавания¹. «Исто-

¹ См.: Магег. Deutsches Sprachbuch, 1842, VI—VIII.

рию нельзя признать элементом (говоря языком химиков). Предметы нравственных наук имеют свою историю, но ее нельзя отделить от самих предметов: как история догм и церкви относится к богословию, история философии — к философии, история языка к лингвистике, история прав к юриспруденции, так и история государства к политике. Конечно, академия может все эти истории, без самих наук, собрать в сотне фолиантов и назвать общим именем «Всеобщая история», но дело останется в прежнем своем виде, ибо из такого собрания всяк будет читать историю только того предмета, который ему известен. Весьма полезно знакомить юношество с жизнью великих людей, с всемирными событиями и вообще с историческим развитием жизни народов в политическом, художественном, религиозном и в других отношениях; даже в высших классах (и именно только в высших) следует назначить для того особые уроки, но такой предмет будет иметь ценность только в педагогическом отношении и не будет он всеобщее историюю точно так же, как и энциклопедический лексикон. И в Гегелевом смысле *Weltgeschichte*, т. е. философия истории, имеет все недостатки остальных книг этого рода. Истинною философиею истории мог бы быть только средний (исторический) термин в философском обозрении целой области всех нравственных наук, т. е. философия права, воспитания, нравов, государства и пр. в совокупности составляет так называемую философию истории. И так, если справедливо, что история не есть самостоятельная наука, каковы грамматика или юриспруденция, что она между науками не имеет права называться элементом, далее, если справедливо, что история какого-либо предмета непонятна без знания оного, следов., история человека предполагает знания психологические, история государства — политические, история литературы — эстетические и литературные (и *vice versa*); наконец, если справедливо и то, что школьное обучение должно стремиться к возможной простоте и естественности, то необходимы еще многие перемены в преподавании. В низших и средних классах историческое обучение должно бы примкнуться к обучению языкам, именно к чтению на отечественном, французском, латинском и пр.; в высших же классах оно усилилось бы начальными основаниями положительной психологии, этнологии, естественного права, морали, политики, поэтики и прозаики. Пока не будет знания об этих предметах, до тех пор и история оных будет столь же бесплодна, сколько недостаточно одно догматическое изложение элементов сих наук без истории. Ясно, как много выиграют ученики таким упрощением методы: учитель древних и новых языков, в связи с формальным обучением языку, знакомя ученика и с историею, и с этнографическими и статистическими и другими сведениями (математические и физические относятся не сюда, а к преподаванию физико-математическому), увидит совершенно иные плоды от своих уроков, чем специальные учителя истории, географии и пр., которые имеют смысл только в высших классах. Учащиеся узнают так называемое и с т о р и ч е с к о е гораздо основательнее, вычитав

оное из самых источников; чуждые языки будут казаться им полезнее и необходимее, и они скорее им выучатся, подобно тому, как дети — стрелять, когда заставляют их сшибать свой завтрак с шеста. И это также не маловажно, что перед таким преподаванием умолкнет крикливая толпа реалистов. И преподавание языка может назваться реальным столь же справедливо, как и физико-математическое обучение, с тою только разницею, что содержанием первого духовное, второго вещественное, или же отвлеченное от вещественного. Пора перестать толковать об одном только формальном преподавании или формальном образовании; привидений в науке не бывает. Если я отношу языки к реальному, это не значит, чтобы хотел я возвысить содержание прочтенного по-французски или по-латыни в ущерб знанию языка грамматическому. Я не принадлежу к числу тех, кои думают, будто классики написаны для того, чтобы подводить к ним комментарии; не считаю себя и на стороне реалистов, по мнению коих угол или площадь, камень или травка способствуют к образованию более, чем произведения человеческого духа. Нет! душа воспламеняется душою, и поелику язык есть перворожденный души, потому материал языка — который я называю о н о м а т и к о ю — должен быть лучшим средством к образованию». Это остроумное мнение Магера можно принять только под условием двух необходимых уступок: а) Магер хотя и желает примирить реальное с гуманическим, однако и сам подходит к реалистам, и именно таким, кои иногда задают задачи неразрешимые и составляют планы, которые едва ли можно еще выполнить; таких реалистов он сам хорошо характеризовал¹, назвав фантастическими, б) Магер постоянно является гегелистом и потому проповедует превосходство разума над преданием и вносит много философского в школу. Впрочем, восстановление живого содержания в языке и прямое отношение филологии к наукам нравственным и преимущественно к истории заслуживают полного внимания; это особенно важно для русских, ибо связывает филологию с изучением лучшего произведения нашей литературы, с «Историей государства Российского» Карамзина. Что же касается до реального содержания в чтении на различных языках, то это не более как продолжение и необходимое следствие методы наглядного энциклопедического учения. Магер вовсе не прав касательно языков чуждых, ибо чтению исторических и других источников предшествуют года более формального изучения этих языков. Хорошо, если и с третьего класса наши гимназисты начнут толковито читать Евтропия и Цезаря. В первом же классе надобно учиться им склонять да спрягать, а там разбирать конструкцию. Притом мы должны изыскивать средства к улучшению преподавания при тех обстоятельствах, в каких устроены наши школы, а не мечтать об идеальном преобразовании учителей языков древних и новых в преподавателя географии, истории и пр. Следов., мысль Магера может примениться к преподаванию обратным отно-

¹ См.: Магер. Die deutsche Bürgerschule, 1840, с. 233.

шением, т. е. если все нравственные предметы учения могут преподаваться учителями языков, то, наоборот, и прочие учителя могут заменить учителей языков, и по преимуществу русского¹. «Учитель чужого языка вместе есть уже и учитель отечественного. Все остальные учителя действуют также в области и в границах своего предмета, способствуя изустному и письменному развитию языка учеников, на удел же учителя языка остается только грамматическое обучение. При таком содействии всех учителей к образованию в учениках отечественного дара слова преподаватель языка будет стоять в иных отношениях против прежнего. Если справедливо, что язык в каждом возрасте жизни есть плод совокупного образования всего человека, то никак нельзя требовать, чтобы учитель отечественного языка один мог дать оное. И вообще это зависит от учителей только таким образом, что каждый вкладывает свою часть в общее воспитание ученика и за нее только отвечает. Так точно и учитель отечественного языка. Он не может один постановить учеников на ту ступень образования, следствием коей — точный и чистый язык; а если бы он и захотел, то никак не должен, ибо язык без содержания есть ложь. И мог ли бы он в два урока на неделе усовершенствовать учеников в том, что портилось бы нерадением других учителей в остальные двадцать уроков? Или на одном сочинении в продолжение двух-трех недель улучшить слог ученика, когда в течение того же времени двадцать других письменных упражнений увлекают его в противоположные направления? Задача же учителя собственно отечественного языка ограничивается (до четырнадцатилетнего возраста детей) правильным и ясным чтением, упражнением в правописании, знакомством с национальной литературой по сборникам, нарочно для того составленным, и наконец, письменным и словесным повторением прочтенного или сказанного. Мы совершенно убеждены, что обучению чужому языку не должно предшествовать грамматическое преподавание отечественного: он нам родной, не по грамматике. Именно поэтому-то и изменяется отношение следующим образом: невозможно выучиться чужому языку без того, чтобы вместе не учиться грамматически и своему. Ибо правила чужого языка ученик понимает посредством своего, постоянно соотносит формы первого с последним, и таким образом вместе с сравнительною грамматикою учится и отечественной. Родной же язык мы первоначально узнаем непосредственно, не так, как язык, но как мышление, действие, ощущение, как совокупность того, что им выражается. Потому чрезвычайно односторонне во главе многих грамматик стоящее определение языка, будто он есть средство к выражению и сообщению представлений или мыслей. Скорей наоборот: так как мы наследуем от других мысли и знания с помощью языка, то язык есть средство, которым приобретаем мысли. Обучение отечественному языку есть не иное что, как развитие положенного в дитяти семени дара слова. Воз-

¹ См.: Wackernagel K. Der Unterricht in der Muttersprache, 1843.

растает оно подобно зрению и слуху, подобно душе в зрении и слухе, подобно любви к душе. Основательное же грамматическое изучение отечественного языка не может быть предложено ученикам ранее четырнадцатилетнего или пятнадцатилетнего возраста». В дополнении последней мысли припомним слова Дистервега: *der Völksschüler soll in den Sprache, der Gymnasiast über die Sprache denken lernen*¹.

Впрочем, Ваккернагель слишком ограничивает преподавание отечественного языка, придерживаясь в своих мнениях школы гуманистов, хотя и стоит в этом отношении выше Тирша. «Казалось бы², что, примыкая грамматическое обучение отечественного языка к преподаванию чуждых, мы низошли опять на ту же степень, на которой стояли некогда и которую так решительно защищал Тирш. Но что прежде делалось из равнодушия и нерадения и на чем упорствовал Тирш односторонне, то низводится теперь до глубокого своего основания, и потому, по-видимому, кажущееся одно и то же, в сущности, совершенно иное. Во-первых, упражнение в отечественном языке должно и предшествовать и идти рядом с обучением чужим языкам, о чем прежде и не думали; потом, правила чужих языков должны придти в сознание при посредстве отечественного, следов., вместе с правилами оно, и наконец, родной язык не будет употребляться по-прежнему, как служитель, но будет обрабатываться, как главный двигатель всего духовного развития, и благоговейно уважаться, как национальное святилище».

5. ГРАММАТИКИ

Магер в своей рецензии на книгу К. Ваккернагеля³ весьма остроумно разделяет неудачных преподавателей отечественного языка на след. три статьи: 1) нигилистический формализм: рациональные дидактики учат науке немецкого языка (*deutsche Sprachlehre*), прежде чем дадут своим ученикам самый язык (Вурст, Шерр, Гонкамп, Прейсс и мн. др.); 2) мизологический материализм: пиэтисты-романтики заботятся только об одном языке, не желая ничего знать о науке об языке, и с некоторого времени проповедают крестовый поход против школьных грамматик (Гинтер, Гильсманн, К. Ваккернагель); 3) между теми и другими стоят те педагоги, которые, не пускаясь в умствования и теории, нашли себе жалкую посредственность и идут по старинной избитой колее.

Столь же метко разделяет Магер и грамматики:

1. Грамматика, как полицейское предписание, какую представили ее Готтшед, Аделунг, Гейнзиус, Гейзе и др., по образцу Доната и французов. Хотя и с этой точки зрения в грамматике есть

¹ Ученик народного училища должен научиться думать на языке, а гимназист о языке.

² Клумп в рецензии на Ваккернагеля, см. „Pädagogische Revue“, 1843, № 1.

³ См. „Pädagogische Revue“, 1844, № 1.

польза, ибо надобно в разговоре и письме избегать ошибок, однако такая наука нисколько не образует ума.

2. Систематическая грамматика (Беккер, Герлинг, частью и Шмиттеннер), которая, думая изложить организм языка, дает только логическую систему; такая грамматика ищет сущности вещей не в самом языке, а в значении, т. е. она предлагает не частную логику того или другого языка, но всеобщую, к которой приурочивает все языки. Вместе с этим опускает она часть лексическую, определение смысла отдельных слов и выражений.

3. Положительная грамматика: а) Гримма историческая и сравнительная в тесном смысле, б) Боппа сравнительная в обширном смысле, в) Раппа и Вохера физиологическая.

4. Истинно философская, или, точнее, психологическая грамматика, начала которой положены В. Гумбольдтом и для которой надобно еще работать.

Магер, как философ-гегелист, в этой последней грамматике видит соединение всех достоинств систематической и положительной грамматики. Он весьма удачно определяет значение отечественного языка и отношение его к иностранным: «Родное воззрение на мир не должно стесняться и помрачаться изучением чужих языков; напротив того, должно просветляться и обогащаться сродными с ним стихиями; изучением отечественного языка становимся мы истинными соучастниками своего народа и наследниками его духа, так что всяк образованный в своем языке может сказать: «la nation — c'est moi»¹; обучение латинскому, греческому, французскому языку должно из нас сделать не греков, не французов, а граждан всему миру, и не таких, которые живут только так называемыми идеями и, стремясь быть везде, нигде не находят себе места, но мировых граждан в добром смысле, которые, хотя больше всего любят свою отчизну и служат ей, однако умеют ценить все истинное, благое и прекрасное, наслаждаться и пользоваться всем, что предлагают чуждые народы, отделенные от нас пространством и временем. Поелику мы живем и непрестанно обращаемся в родном языке и посредством его усвоили себе особенный способ к составлению общих понятий и категорий, то уже каждое дитя бессознательно носит в себе ключ к аналогии, коим открывает смысл даже и того, что слышит только впервые. Такой инстинктуальной понятливости нет у того, кто сначала учится чуждому языку; генетическою мето́дою образуется ученик не в пример скорее, чем обыкновенною грамматическою наших школ».

6. РЕЗУЛЬТАТЫ

В последовательном порядке разобрав педагогическую диалектику мнений о преподавании отечественного языка, мы нечувствительно обращаемся от последних результатов оной прямо к тому,

¹ «Нация — это я».

что еще лет за двадцать сказал великий филолог нашего времени Я. Grimm¹ о преподавании отечественного языка: «Мало-помалу начинает входить в употребление это сочинение (Аделунгова немецкая грамматика) не только в школах, но даже и между людьми взрослыми. Такого несказанного педантизма никоем образом не понял бы воскресший грек или римлянин; большая часть современных народов смотрят более здравым взглядом, нежели мы, ибо не включают отечественного языка в число предметов школьного учения. Окажется тайным вред, приносимый этим преподаванием, как делом излишним. Я уверен, испортится от того свободное развитие слова в детях и повредится этот прекрасный дар природы, который, вместе с молоком матери, дает нам и речь и доводит ее до совершенства в лоне отческого дома. Подобно всему естественному и нравственному, язык есть неосызаемая, бессознательная тайна, от юности в нас вкоренившаяся и самые органы слова определившая нам для собственных отечественных звуков, оборотов, изгибов, жестких или мягких; оттого схватывает нас заветное, вожделенное чувство, когда на чужой стороне прозвучит нам родное слово; оттого и невозможность узнать иностранный язык, т. е. в искреннем, родном употреблении его. И кто бы мог подумать, чтобы зародыш, столь глубоко положенный в нас и возрастающий по природным законам мудрой бережливости, учителя грамматики вздумали вытягивать и усиливать пошлыми и неуместными своими правилами? И кто не запечалится о юношах и детях, вовсе не детствовавших, которые говорят чисто и правильно, но под старость не сочувствуют своей юности? Спросите-ка истинного поэта, который владеет содержанием, духом и правилами языка, разумеется, иначе, нежели все вместе грамматисты и составители словарей, спросите его, чему он научился из Аделунга, да еще и заглядывал ли в него? За 600 лет всякий простой мужик из ежедневного своего употребления знал такие совершенства и тонкости немецкого языка, о которых и не мечтают наши теперешние, даже лучшие учителя грамматики. В стихотворении какого-нибудь Вольфрама фон Эшенбаха или Гартманна фон Ауе, никогда даже и не слышавших о склонениях да спряжениях, едва ли умевших читать и писать, отличия существительного и глагола постоянно удерживаются в изменениях и в предложении с такою верностью и точностью, которые мало-помалу можем мы открывать только путем науки, но употреблять никогда уже не можем, ибо язык идет своим неизменным путем. И сами эти грамматик обман и заблуждение; ясно, какой плод они могут принести в школах, когда не лелеют, а обрывают те роспуски, которые должны бы развертываться сами собою. Весьма важно и неоспоримо замечание многих, что девицы, обыкновенно менее мучимые в школах, умеют чище говорить, красивее ставить слова и естественнее выбирать их, ибо они образуются более по внутренне развивающейся необходимости, а гибкость и

¹ См. в предисловии к первому изданию „Deutsche Grammatik“, ч. I, с. IX.

утонченность языка возрастают рука об руку с духовным усовершенствованием. Всякий немец, знающий по-немецки плохо, но правильно, т. е. всякий необразованный, может быть назван, по меткому выражению одного француза (Ch. Villers: *la grammaire en personne*), самостоятельной живою грамматикою, которой нет дела ни до каких правил, составленных учителями языка. Поелику нет грамматики отечественного языка для школ и домашнего употребления, нет легкого извлечения простейших и потому именно удивительнейших элементов, из коих каждый доходит до теперешнего своего вида от незапамятной древности, то обучение грамматическое может быть только строго ученое». В дополнение к этому мнению надлежит припомнить объяснение, высказанное Гриммом в предисловии ко второму изданию грамматики: он нападает только на бессмысленное первоначальное преподавание, но нисколько не уничтожает разумного обучения отечественной грамматике в высших классах¹.

Авторитет Гримма так велик, суждения его о предмете, коему он с любовью посвятил всю свою жизнь, так беспристрастны, что всякий учитель отечественного языка невольно убедится в их глубокой справедливости. Для нас особенно важно то, что Гриммову филиппику гуманисты обыкновенно бросали в глаза реалистам; между тем как в ней же и сильная защита обучению языку отечественному. Если слова Гримма не противоречат последовательному развитию педагогических споров, изложенных мною выше, то беру на себя смелость сказать, что мы уже стоим на пути к примирению враждующих мнений.

В заключение предлагаю главнейшие положения, с которыми надлежит соображаться в преподавании отечественного языка.

1. Все грамматическое учение должно быть основано на чтении писателя. Главная задача состоит в том, чтобы дети ясно понимали прочтенное и умели правильно выражаться словесно и письменно.

2. Грамматика должна быть только прибавлением к чтению, к письменным и словесным упражнениям, она не может быть самостоятельной систематическою наукою в первоначальном обучении.

3. На первой, низшей степени отечественная грамматика, в связи с практическими упражнениями, предполагает две цели: образование и развитие детских способностей (общая грамматика) и безошибочное употребление русского языка словесно и письменно (частная грамматика).

4. На высшей степени грамматика является наукою: здесь выступает сравнительное и историческое языкознание, в связи с чтением церковнославянской, древнерусской и новой литературы. Эта степень должна быть необходимым восхождением от предыдущей; так, напр., первоначально дети привыкли безошибочно ставить *ѣ* в наречиях *гдѣ*, *кромѣ*; теперь объясняется им, почему здесь

¹ См.: „Deutsche Grammatik“, ч. I, с. XIX.

следует быть этой букве. Как частная русская грамматика от правописания восходит здесь до исторической, так общая до сравнительной.

5. Метода первоначальному преподаванию отечественного языка должна быть г е н е т и ч е с к а я, основывающаяся на постепенном развитии в дитяти врожденного дара слова: она следит за ходом самой природы, безусловно подчиняя ей предмет преподаваемый. По этой методу ученику не дается ничего нового, но только уясняется и приводится в сознание то, что он уже имеет. Этим отличается метод обучения отечественному языку от всякой иной. Остальные предметы преподавания строятся на искусственной системе, родной же язык развивается и уясняется по законам самой природы. Следуя этим законам, метод становится генетической. Она столько же основывается на сущности самого предмета, то есть родного языка, сколько и на личности учащегося. Даже можно сказать, что на первой степени юношеского возраста родной язык и личность совпадают друг с другом. Из этого общего начала следуют частные положения:

а) Вместе с языком образовывать и развивать все духовные способности, разумеется, на чтении писателя.

б) Не подчинять учения искусственной системе; напр., не начинать грамматики определением этимологии, синтаксиса и т. п. Система должна быть в голове учителя и в успехах учеников, а не в учебнике.

в) От конкретного, чувственного представления, в самом языке заключающегося, восходить к отвлеченностям, а не наоборот; потому, напр., педагогически ложно обыкновенное определение предложения: предложение есть суждение, выраженное словами; для первоначального преподавания правильнее будет наоборот: суждение есть предложение, не выраженное словами, а продуманное втихомолку. Предложение же объяснить практически при чтении писателя.

г) Начинать грамматическое обучение объяснением предложения, из коего вывести части речи в связи с частями предложения.

д) Склонения, спряжения, согласование, управление и т. п. объяснять гейристически, т. е. искусными, но простыми вопросами доводить детей, чтобы они сами с первого раза сумели отличать грамматические формы своего языка; напр., учитель спросит: можно ли сказать *добрая учитель, ученики прилежен?* Дети сами поправят и дойдут до понятия о родах и числах.

6. Так как язык, кроме знания, предполагает и умение, потому и отечественная грамматика не довольствуется только развитием природного дара слова, но руководствует ученика в и с к у с т в е читать, говорить и писать. Все это искусство должно быть основано на практических упражнениях. Доселе грамматика и язык в обучении были две совершенно разрозненные области, между тем как грамматика, даже как руководство к искусству правильного употребления языка, должна исходить из чтения, разговора и письма. Потому величайшая ошибка многих учителей в том, что они за-

ставляют детей выучивать, напр., правила правописания не в связи с письмом, тогда как учебник должен быть только справочною книгою при диктанте.

7. Чтение и письмо должны идти в параллели с грамматическим обучением; так, напр., как скоро дети узнали предложение, тотчас уже могут разделить одно предложение от другого — при чтении остановкою голоса, на письме знаком (сначала только запятою). Следовательно, искусственная система наших учебников, помещающая знаки препинания на конце грамматики, вовсе не система, ибо нисколько не применительна в педагогическом отношении.

8. Правописание и словопроизношение не составляют теоретической части грамматики: они суть не что иное, как применение этимологического и синтаксического учения к практике.

9. Постоянно надобно отличать преподавание отечественного языка от иностранного, следов., никогда не говорить детям того, что они знают уже сами; стало быть, и не мучить их склонениями и спряжениями со множеством подразделений и различий. Подробностей, неизвестных детям, немного: они узнаются при чтении и диктанте.

10. Отечественная грамматика как наука в низших классах заменяет логику, а в высших становится сравнительно-историческою грамматикою. Многие педагоги несправедливо исключают сию последнюю из гимназического курса, между тем как необходимость ее неоспорима — и в практическом отношении, ибо сравнительное языкознание служит руководством в переводах и облегчает изучение чужих языков, а историческое необходимо для уразумения памятников древней, средней и даже новой литературы нашей; — и в теоретическом, ибо только сравнительное изучение языков дает истинное и ясное понятие о законах языка и только историческое исследование генетически объясняет, почему так, а не иначе употребляем мы ту или другую форму.

11. Как скоро изучение отечественного языка переходит в науку, тотчас должно получить систематический характер. Но поелику система имеет ценность тогда, когда уже знаешь материалы, имеющие быть приведенными в систему, то и систематической сравнительно-исторической грамматике должно предшествовать, с одной стороны, практическое изучение чуждых языков в сближении с русским, а с другой — чтение памятников нашей литературы, и древних и новых. Разумеется, в голове учителя постоянно должна быть система, но он сначала передает ее детям при чтении только частями, объясняя частные явления языка. Таким путем возбуждается в учащихся внутренняя потребность системы и будет для учителя указателем, что уже пришло время собрать разрозненные материалы в органическое целое.

12. Так как много потеряли мы живого сочувствия к родному языку вследствие постоянного его движения и изменения, а частию и порчи, потому и он, как бы несколько чуждый, заключает для нас много неясного, иногда даже неизвестного, не только в древ-

ней нашей литературе, но и в народной речи.. Возведение к сознанию всего неясного и неопределенного требует науки отечественного языкознания, которая, будучи сравнительной и исторической, нисколько не противоречит основным началам гуманизма и примиряет его с реализмом.

13. Отечественный язык и на высшей степени, т. е. сравнительно-исторической, где только возможно, должен преподаваться гейристически: формы устарелые сближать с теперешними, чуждые с родными, и намеками заставлять, чтобы сами ученики открывали неизвестное посредством известного.

РИТОРИКА И ПИИТИКА

1. СХОЛАСТИКИ И БЕЛЛЕТРИСТЫ

Преподавание риторики и пиитики обыкновенно страдает всеми недостатками поверхностного реализма. Учителей словесности в этом отношении можно разделить на три статьи: одни простодушно проходят с своими учениками, строка в строку, схоластические учебники; другие, вкусившие в университете плод философского познания, берутся за эстетику и философию словесности; третьи, не имея призвания философствовать, передают ученикам множество фактов из истории всеобщей словесности по университетским тетрадам, по Вильмону, Сисмонди и т. п. Опытный и рассудительный учитель, к какому бы отделу из этих трех ни принадлежал, часто приносит большую пользу, только не теорией, а практическими занятиями, чтением образцовых писателей и письменными упражнениями. Что же касается до этих трех родов теоретического преподавания, то, при беглом взгляде на них, увидим, как они недостаточны.

1. Толкователь устарелых риторик, не мудрствуя лукаво, приносит пользы более, нежели учитель эстетической или исторической школы. Схоластическая риторика знакомит учеников по крайней мере с терминами и старинным учением, которое, без сомнения, нужно знать всякому образованному человеку хоть до тех пор, пока в шутку ли, серьезно ли будут говорить и писать о хриях¹, источниках изобретения и т. п. Учитель даже принесет пользу, если эту старобытную теорию пройдет при чтении писателя. Но величайшее затруднение в том, как согласить это отжившее учение с современным состоянием знания? Всякий учитель, сколь ни равнодушный к преподаванию, верно, не раз посмеется с своими учениками над старинными приемами схоластических риториков, заимствуя свои аргументы по крайней мере хоть из какого-нибудь ежемесячного издания. Неужели учитель употребит год или даже два на такую

¹ Хри́я — во времена Ф. И. Буслаева довольно распространенный термин риторики, означавший речь, рассуждение на заданную, определенную тему, которые составлялись по формальным правилам, стандартным планам. Старые учебники использовали этот термин в руководствах по обучению сочинениям, выдвигая идею стандартного плана для любого сочинения. *Сост.*

риторику, которую потом профессор университета уничтожит и докажет слушателям, что они учились пустякам? Следов., как же согласить совесть учителя с преподаванием того, во что он не верит, как в отжившее и давно падшее? Как сберечь время на более полезное, удержав из прежней риторики все нужное?

2. Учителя эстетической или философской школы еще опрометчивее. Не дав ученикам заучить хорошенько ни хрией, ни общих мест, они уже смеются над этою стариною, как профессор с кафедры. Свой курс располагают они по идеям истины, добра и изящества, покушаются на разделение искусств и т. д. Некоторые учителя охотники толковать гимназистам об Аполлоне Бельведерском, Геркулесе Фарнезском и даже Венере Медицейской. Конечно, не вина учителей гимназии, что они рассуждают о том, о чем не имеют ясного понятия: для эстетики нужны музеи и галереи. Может ли она быть введена в русское образование — это другой вопрос, но зачем же гимназистов учить тому, что еще не привилось и к университетам по своей трудности? Восторженные же возгласы учителей об Лаокооне не только нелепы и смешны, но даже и вредны для детей, ибо приучают их к поддельному восторгу и фальшивым ощущениям. Многие учителя, по справедливости недовольные старинными учебниками, берут в руководство университетские лекции о теории словесности. Ошибка очевидна: что назначено для университета, то не годится для гимназии; и учителя гимназии унижают тем глубокомысленные труды профессоров, вколачивая их в голову гимназистам почти выучкой наизусть. Студенты словесного отделения читали уже Гомера, Виргилия, может быть, даже Данта и Ариоста; для них, разумеется, понятна университетская теория эпоса. Как же гимназистам растолковать оную во всем объеме, начиная от греческого эпоса до романа, когда они еще ни одной эпопеи не прочли сполна? Еще несообразнее определять в гимназии так называемое философское красноречие, ибо учителя сами, не учась философии в университете или учась кое-как, не в силах уяснить себе этого предмета положительно. Притом же в теории словесности очень много несостоятельного и ни на чем не основанного; часто случается читать и слушать журнальные споры о том, поэма ли, или роман, ода или элегия такое-то произведение? Вообще, строгое систематическое определение родов и видов поэзии в гимназии невозможно. Категории эпического, лирического и драматического, извлекаясь из общей идеи изящного в искусстве, проходят по всем родам оногo — и по скульптуре, и живописи, и поэзии. Чтоб объяснить, напр., эпическое, надобно взять в соображение и фронтоны египетские, и ельджинские антики, и скульптурные идеалы богов греческих, и «Страшный суд» Микель-Анджело, и пр., и пр. Для определения изящного надобно показать значение идеи и, следов., переселиться в самую отвлеченную и возвышенную часть философии. Но в гимназии все это неисполнимо, как бы следовало, то нечего и упоминать ученикам, как не следует и кое-как, о том, в чем часто и учитель не отдает себе ясного отчета. Надобно же,

однако, зная поступающим в университеты роды и виды словесных произведений; как же исполнить неисполнимое? Где прямой и естественный путь к этому знанию?

3. Едва ли не столько же ошибаются учителя историки, заменяющие философскую систему рассказами о жизни и содержании сочинений различных писателей всех времен и народов. Удивительно, как достает смелости и совести у тех, кто по чужим толкам восхищается, судит и осуждает таких писателей, коих не только никогда не читал в подлиннике, но, может быть, никогда и не прочтет за незнанием языков. А многие наставники словесности любят помечтать с своими учениками о Рамайяне и Махабхарате, о Нибелунгах и романсах Сида, не видав и в глаза ни одного из сих произведений. Пусть люди образованные, но не филологи по ремеслу толкуют и пишут о чем хотят, хватая знания из седьмых рук; учителю следует быть скромнее и добросовестнее. Одно уж то вредно и смешно в классе, когда учитель, рассказывая содержание какого-нибудь произведения, сочиненного на неизвестном ему языке, перековеркает и перевернет собственные имена, что почти неизбежно при незнании языка подлинника. Еще смешнее, когда учитель, не читавший в оригинале, напр. хоть Шекспира, станет с учениками восхищаться глубокими мыслями его драм в переводе, ибо во всей глубине и точности передать отдельные красоты гениального сочинения невозможно. А случается и то, что учитель с учениками восхищается ошибками переводчика. Из истории литературы можно останавливаться на подробностях только при таком произведении, которое не только учитель изучил добросовестно, но и сами ученики прочли; такое учение будет иметь смысл и цену. Конечно, многие учителя на различных языках изучали некоторых классиков, но они не должны рассказывать содержания оных ученикам — во-первых, уж потому, чтобы не дать им повода к поверхностным и легким толкам о том, чего они не знают основательно; во-вторых, чтобы или слишком подробным или некрасноречивым и неискусным рассказом не опозлить произведения и не отнять у учеников охоты прочесть оное когда-нибудь в подлиннике. Если кому хочется насладиться красотами Данте или Сервантеса, пусть тот купит свое наслаждение трудом, изучив их в оригинале. Тунеядцы в науке нетерпимы, и учителя сами не должны расплывать их. Неуместное и преждевременное пользование чем-нибудь не есть довольство, а порочная роскошь. Если уже необходимо, чтобы учитель гимназии познакомил учеников с иностранными писателями, то пусть ограничится самою голою номенклатурою собственных имен и оглавлений сочинений и сочинителей с самыми краткими характеристиками, чтобы как-нибудь запечатлеть их в воображении и памяти учащих-ся без скуки и принуждения. Касательно же подробного изложения содержания произведений, думаю, что, кроме отечественных да классических греческих и римских, никакие другие писатели не имеют права быть подробно объясняемы в гимназии, ибо всякий учитель словесности обязан прочесть в подлиннике Гомера,

Софокла или Горация. Основательное и добросовестное чтение Гомера и Вергилия, с подробным разбором, лучше всякой теории и истории литературы познакомит гимназистов с значением эпоса. Разбор греческой трагедии, прочтенной учениками в подлиннике, будет для них лучшей теорией драмы. Конечно, такое знание будет не полно; для эпоса, напр., необходимо бы познакомиться с поэмой Данте, но всякий ли профессор обладает достаточными к тому сведениями, чтобы решиться на этот подвиг добросовестно и сознательно? Для гимназии же такое всеобъемлющее произведение средних времен вовсе недоступно, ибо предполагает самое подробное знание европейской истории XII, XIII и XIV вв. Произведения других писателей, как, напр., Боккачио, Петрарки, Ариоста, Тасса и т. п., не могут в гимназии трактоваться в подробности потому, что учитель верно не захочет быть орудием соблазна для своих питомцев; дети еще не умеют господствовать над страстями; художественное произведение измеряют они не эстетическим чувством, а совокупным нравственным действием на всю душу. Лучшие эпизоды в «Освобожденном Иерусалиме» — об Ерминии, Армиде и т. п. — вовсе недоступны им в своей эстетической чистоте, отрешенные от всякого интереса низкого желания.

Итак, *pop multa, sed multum*, в мале учить многому, а не во многом малому. Для гимназистов строгая система эстетики невозможна; довольно, если сумеют они отличить эпос от драмы, трагедию от комедии, оду от элегии. А для этого очень, очень достаточно будет и тех материалов, которые заготовят гимназистам история русской литературы и учителя древних языков подробным изучением классиков.

2. ФИЛОЛОГИ

Опыт всего важнее в педагогике; вот исповедь одного глубоко-мысленного немецкого учителя словесности в том, как он преподавал пиитику и риторику¹.

«С 1829 и 1830 г. теория словесности опять принята была в число учебных предметов в баварских гимназиях. До той же поры почти по всей Германии была она оподозрена, причиною этому — схоластическая форма сей науки, особенно учение о тропях и фигурах, и педантское применение их к чтению и письменным упражнениям. Отвращение от сей науки мало-помалу дошло до такого предрассудка, что вся риторика казалась наукой устарелюю, сборищем пустых формул; саморазвитие и воспитание природного чувства к изящному почиталось полезнее всякой теории; древние правила изящного и постоянное указание на подражание древним образцам считались ярмом дарованию. Но общее сознание, за несколько лет пред сим, нашло необходимым опять восстановить падшую науку. Тогда я взял на себя преподавание этого предмета.

¹ Döderlein L. Reden und Aufsätze, 1843, с. 261.

И риторике и пиитике учил я постоянно по правилам древних и сколько возможно теснее примыкал свой предмет к гуманистическому учению, старательно избегая того, чтобы не дать своим ученикам характера реальных школ. Мой курс располагался на три года, по два часа в неделю, ученикам от 14-летнего возраста до 21 года. Первый год посвящался пиитике, второй риторике, третий стилистике. Так как все три класса соединялись вместе, то каждому приходилось начинать курс не одним и тем же предметом. Пиитика начиналась элементарной метрикою, ограничивавшеюся изложением употребительнейших метров: пределом полагался метр трагического хора. С теоретическим учением соединялось практическое упражнение в древней версификации. Вместо систематического изложения пиитики предлагал я историю поэзии, так что все отвлеченное об эпосе или трагедии излагалось конкретно в разборах Гомера, Софокла или Шиллера. Отрывочное и афористическое преподавание этого предмета самое полезнейшее для юношеского возраста. И в истории литературы не требуется полноты. Из александрийского периода, напр. (за исключением буколических поэтов), заучивались немногие имена с краткими замечаниями. Гимназисту нет беславия, если он еще не знает Оппиана или Никандра. О древней немецкой поэзии, напр. о Нибелунгах, равномерно и о поэзии всех новых народов, говорилось столько, сколько нужно было для того, чтобы возбудить в учениках охоту к изучению ее в свободные часы, на досуге домашнем. Я никак не мог решиться на то, чтобы когда-нибудь почтенью необходимою задачею школы чтение Нибелунгов или еще тем менее чтение Шиллеровой или Гётевой трагедии. И тем сильнее удивлялся я апатии такого юноши, который, для чтения Шиллерова «Вильгельма Телля», дождался бы побуждения со стороны школы.

Преподавание риторики требует иного начала. Гимназия должна образовать своего питомца оратором, т. е. прозаиком, а не поэтом. Даже ученика, одаренного решительным поэтическим талантом, благоразумный учитель старательно удерживает на приобретении твердого навыка в хорошей прозе и даже скорее препятствует излишнюю его поэтического духа, нежели возбуждает: природа возьмет свое.

Итак, задача учителя в том, чтобы учащиеся умели прозу в о с п р о и з в о д и т ь сами, а поэзию п о н и м а т ь, наслаждаться и ценить ее. Поэтому в риторике более, нежели в пиитике, отдаю я теорию от истории. Разбираю важнейших, т. е. классических историков, философов и ораторов, преимущественно древних, и обращаю внимание более на их сочинения, нежели на жизнь, и притом не на все их сочинения, а на те, которые занимательнее и полезнее возрасту моих учеников и которые я сам лучше знаю и более люблю. Ибо скольк заслуживает порицания учитель, сообщающий в классе свои л и ч н ы е м н е н и я, столько приносит пользы тот, кем движет л и ч н о е ч у в с т в о, выступающее из-за предмета преподаваемого; пусть будет оно и односторонне —

только чтобы не было затейливо, вычурно и нелепо.

Отдел о философии начинаю обзором области философии, т. е. исчислением главных философских наук с кратким объяснением. История философии проходится столько, сколько нужно для философских намеков у Цицерона. Из новых философов привожу только таких, кои, кроме своей системы, имеют и литературное достоинство. Потом излагаю первоначальные элементы логики, ограничиваясь тремя частями чистой логики, дающими материал для умственных и практических упражнений. И. Г. Фосс возложил на мою совесть обязанность, чтобы я учил своих учеников составлять правильные силлогизмы. От обзора знаменитых ораторов перехожу к остальным частям теории, объясняя описания, послания и т. п. Изобретение прохожу весьма кратко. Расположение же давало повод к полезным практическим занятиям. Не забывал я и старомодной хрии. Особенно полезно было для учеников извлекать расположение из разобранных речей.

Стилистика занимает целый год. Начинаю грамматикой, с законов общего языковедения, не углубляясь слишком в философию языка. Вместе с Гриммом, я признаю себя решительным противником систематической грамматики отечественного языка, как необходимого предмета в школах. Сравнительный синтаксис, как мне кажется, слишком мало распространен в гимназиях. Учение о грамматической, логической и риторической правильности слога состоит в моем преподавании болес из примеров, чем из правил. Тропы и фигуры — разумеется, несравненно в меньшем числе, нежели у древних — предлагают самый удобный случай к упражнению учеников в строгом разграничении и определении понятий. Отличием трех родов слога, в противоположность безыскусственной речи, оканчивается курс».

Читатели заметили, вероятно, в Дёдерлейне истого гуманиста, но умеренного и скромного. Всякое положение его проникнуто здравым смыслом и скреплено опытом. Ни один урок при такой методе не пропадает для учеников даром. Только замечу, что эта теория пиитики и риторики, неизменно служа древним классикам, слишком чуждается истории отечественной литературы. Притом хотя Дёдерлейн прекрасно отделяет пиитику от риторики в педагогическом отношении, однако не проводит постоянного соответствия между теорией и практическими упражнениями, без коих риторика и стилистика и бессмысленны и мертвы.

3. ЛИНГВИСТЫ И ФИЛОСОФЫ

Успехи филологии и лингвистики, подвинув вперед грамматику, предлагают множество новых материалов для стилистики, которая, как руководство к практике и как наука, должна органически примкнуться к грамматике; у Дёдерлейна от грамматики к стилистике скачок. Разумеется, такая наука еще в будущем. Посмотрим, по крайней мере, как мечтают о ней в наше время.

Вот план ученой риторики, составленный Кригером, ректором гимназии в Эмдене¹.

«Введение объясняет отношение риторики к предыдущему и последующему. Показывается, как идея и язык вовсе не составляют того нераздельного единства, какое представляют они с первого взгляда. Возможность лжи и разнообразие в выражении одной и той же мысли различными народами и людьми возбуждают подозрение в том, чтобы сие единство было первобытное. Таким образом положится различие между мыслью и словом. Бессловная мысль может и предшествовать слову и последовать за ним. Даже у великих писателей (Гегеля, Гёте, Шекспира) остается позади слова бесконечное множество мыслей, коих они или не хотели или не могли выразить, следов., произвол есть начало словесному творчеству. Здесь исходная точка к первой части, рассуждающей об идее языка; дальнейшее развитие этой части составляет содержание второй об особенных формах языка; затем следует третья часть об отдельных родах и видах слова, речи и словесных произведений.»

Первая часть об идее языка, в трех отделах, рассматривает объективное чувственное выражение языка, субъективное, т. е. мысль и ее отношение к слову, и, наконец, единство того и другого в речи. В первом отделе рассматривается звук сам по себе, и из сравнения звуков зверя и начинающегося языка детей определяется символика языка (вопрос о начале языка: природа или изобретение? Платонов «Кратилос», Гумбольдта «Введение в грамматику языка Каиви, Гегель). Для определения объективной характеристики звука в гласных, согласных и в образовании слов при сравнительной этимологии показать противоположные крайности — междометия и логическое изменение слов в склонении и спряжении. Второй отдел, о мысли, имеет предметом общие места. Этот отдел подразделяется на три: во-первых, loci ideales²: утверждение, отрицание, отношение, соответствующие трем логическим категориям — быть, не быть и стать³; во-вторых, loci reales⁴: сочинение (coordinatio), подчинение, переход; в-третьих, loci grammatici, или syntactici⁵: подлежащее, сказуемое, предложение; последнее чрез сложное предложение развивается до периода. В общих местах, имеющих целью найти содержание определенной формы речи, обозначается противоположность между содержанием и выражением; сюда идут в расчет ложь, двусмыслие, невыразимое. Потребность сообщать мысль будет переходом к третьему отделу, о связи звука с идеею. Сообщение мысли постепенно восходит от телодвижений до звуков, как выражения более родственного мысли. Переходя от второго к третьему

¹ „Pädagogische Revue, herausg. Von Dr. Mager“, 1843, № 1, с. 29.

² Положения идейные.

³ Так как существительным нельзя перевести Гегелево werden, то и остальные два момента перевожу неокончательным наклонением, соответствующим, как известно, имени существительному (*Примеч. Ф. И. Буслаева*).

⁴ Положения вещественные.

⁵ Положения грамматические и синтаксические.

отделу, можно указать на пресловутое изречение: *le style c'est l'homme*¹; или здесь вовсе не взята в расчет ложь, и потому мысль остается ограниченная, полуверная; или говорится вообще о том, что внутреннее выражается внешним: тогда положение это ничтожно, излишне, ибо точно так же можно сказать *le rire, l'écriture, la danse, le travail, la joie etc. c'est l'homme*² — потому что в каждом из сих действий отсвечивается все внутреннее бытие человека; в этом отношении и слово будет выражением отдельной части общего, хотя и самое высшее выражение. Переход от первой части ко второй образует общая всем людям потребность к взаимному выражению в формах вопроса, ответа, доказательства, в формах, кои определяются в общей части топики.

Вторая часть об особых формах языка граничит с личным слогом, свободным выражением индивидуума. Делится на три отдела. Первый отдел об общечеловеческом, что принадлежит всем языкам, согласно развиваясь исторически и логически. Изменения (флексия) слов, как первобытные и общие всем языкам; части речи. Общим сравнительным синтаксисом будет переход ко второму отделу, об идиомах различных народов. Идиом есть граница свободе языка, ограничение общечеловеческого в отдельных языках. Задача этого отдела показать особые явления языков в главных типах — восточном, эллинском и германском. Ориентализм более указывает словом, нежели высказывает (символика, благоговейная вера в слово, как в нечто таинственное); эллинизм наиболее совокупляет идею и слово; германизм, в противоположность ориентализму, сознанием возвышается над словом, отчего пропадает внешнее, чувственное разнообразие первоначальных флексий. Третий отдел — об индивидуальном слого, в коем соединяется, для единой цели, общечеловеческое с особенностью того или другого языка. Во-первых, простой слог (по Квинтилиану, *genus tenue*; непосредственное единство содержания и формы); во-вторых, противоположность между принуждением и свободой, с одной стороны — фразеология, пословицы, поговорки и пр., а с другой стороны — произвол, оригинальность писателя; в-третьих, образцовый классический слог. Примеры последнему слого выбирать с осторожностью и притом более из греческих авторов, чем из латинских и немецких, между коими, кроме Цицерона, Лютера и Гёте, весьма немногие обладают слогом вполне классическим.

Третья часть — система отдельных словесных произведений. Первый отдел указывает на три степени речи: первая, природная или народная (*avant la lettre!* опущение этой речи до сих пор составляет чувствительный недостаток во всех риториках); вторая, умствующая и рассуждающая (*verständig-reflectierte*): она освобождает себя письменами от первобытного единства; третья, свободно-разумная (*vernünftige Sprache*), сознательно восстанавливает это пер-

¹ Стиль — это человек.

² Смех, письмо, танец, труд, веселье и т. д. — это человек.

воначальное единство. Второй отдел разделяет содержание на объективное, субъективное и абсолютное. Каждое из этих содержаний находится в каждой из трех степеней речи (первого отдела): первая, природная, степень бывает рассказом, наблюдением и разговором; вторая — история, рассуждение, речь; третья — эпос, лирика, драма. В системе поэзия стоит выше прозы, потому что искусственно изящный язык есть совершеннейший. Последний отдел развивает понятие о слоге в тесном смысле (*elocutio*) на основании грамматической топики, по качеству, количеству и отношению. Во-первых, качество слова определяется понятием о *χρῆσις* (*proprietas* с подразделением об архаизме, неологизме, пуризме), об *ἄλλολεξία*² (*γλῶτται*³, синонимы, омонимы и пр.), о тропе. Кстати, опровергнуть здесь странный предрассудок, будто некоторые языки (то греческий, то английский, то французский) так отличают речь прозаическую от народной и стихотворной, что одно слово принадлежит одной речи, другое другой. Во-вторых, количество слова отличает речь совершенную от эллипсиса и плеоназма. Под плеоназмом разумеются повторения, перемены слова при неизменности смысла, грамматический избыток. Особенно неопределенно понимается первый вид плеоназма, повторение: что может повторяться, как (грамматически, логически, риторически), когда, и в какой мере, и в каких границах. Та же неопределенность и в понятии об эллипсисе в форме патетической речи (в противоположность речи этической, непосредственной, бесстрастной). Наконец, качество и количество соединяются в отношении слова по ладу (*nach Ton*) и постановке. Этот отдел подразделяется на статьи: о простом (логическом или грамматическом) ладе, об эмфазисе⁴, или эмфатическом ладе (по Беккеру, риторическом), о рифме (*rhythmus*) как соединении логического и эмфатического лада. Наука об элементарном или прозаическом рифме являет еще обширное поле для обработки».

В этом плане риторики надобно отличать две стихии: философскую, по Гегелю, и лингвистическую, как результат трудов Гримма, Гумбольдта, Беккера и др. Вся система лежит на логике Гегеля и потому без внутренней самобытной основы распадается противоречиями и не имеет самостоятельной цены; стремление же соплотить филологическое учение, общую грамматику, стилистику воедино заслуживает внимания учителей. Действительно, только со стороны грамматики, теории и истории языка и можно ожидать воскресения падшей риторики. Только филология и лингвистика дадут непреложные начала теории словесности и защитят ее от пошлой болтовни беллетристов. План Кригера не противоречит курсу Дёдерлейна, будучи пополнением и объяснением стилистики. Извест-

¹ Кириолексия — собственное значение.

² Аллолексия — иносказание.

³ Глоссы, диалектизмы.

⁴ Сила выражения, придающая речи эмоциональность: восклицания, риторические вопросы, обращения, повторения и т. п.

ные мне немецкие риторики все примыкают или к философской школе, или филологической, или беллетристической: Риторика Гоффмана¹ есть самое отвлеченное гегелианское толкование об изобретении, расположении и выражении. Риторика Ринне² сначала предлагает учение о слове (лексикон, синонимы, архаизмы и пр.), потом о предложении и периоде, преимущественно по Беккеру; наконец, о слоге и целом сочинении, причем подробно исследуется гейристика (изобретение), тематика, экономика или расположение и пр., с весьма забавными правилами, как, напр., выставлять заглавия сочинениям, как читанное записывать в памятные книжки, как соображать сочинение, уединившись в кабинете или в прогулке на вольном воздухе и т. п. Даровитее их обоих Теодор Мундт³ трактует науку, как беллетрист, что даже видно из самого заглавного листа: *ästhetisch, literargeschichtlich, gesellschaftlich*⁴. Впрочем, сила лингвистики столь могущественна, что и Мундт иногда находится под наитием учения Гримма, Гумбольдта и других. Только отчаянные философствующие головы еще осмеливаются, подобно Гоффману, отрешить риторику от грамматики. Кригер в своем плане совокупил направление философское с лингвистическим. Можно опровергнуть порядок содержания его риторики, односторонний способ воззрения, под наитием Гегеля, но самые факты, вносимые им в риторику, должны быть действительно удержаны. Так, напр., деление речи на народную, бессознательную и разумную натяжкой примененное Кригером к красноречию и поэзии и подведенное под Гегелевы рубрики непосредственного, умного и разумного, может занять важное место в стилистике, но только с другой точки зрения — т. е. как речь народная в песнях, сказках, пословицах, речь письменная, неустроенная и бессознательная в древних памятниках и, наконец, речь разумная, сознательно по науке обработанная от времен Ломоносова.

4. ПРАКТИКА

Сверх того, риторики, подобные Кригеровой, Мундтовой, Ринне, Гоффмановой, недостаточны потому, что ограничиваются одной теорией, без постоянного применения к практике. В этом отношении стилистики, напр. латинская Ганда⁵, имеют большее преимущество, непрестанно служа руководством письменному упражнению учеников. Немецкая стилистика Герлинга⁶, за исключением синтаксических правил, малым отличается от старинных риторик, однако, как сборник риторических мнений, может с пользой быть под рукою учителя. Риторика же как руководство к практике до сих пор составляет педагогическую задачу. Нельзя вполне согласиться с планом риторики Герлинга, ибо применительная часть оной отде-

¹ „Philosophie der Rede“, 1841.

² „Die Lehre vom deutschen Styl“, 1837.

³ „Die Kunst der deutschen Prosa“, 1-е издание, 1837; 2-е дополненное, 1843.

⁴ Эстетический, историко-литературный, общественный.

⁵ *H a n d. Lehrbuch des lateinischen Styls*, 2-е издание, 1839.

⁶ „Theoretisch-praktisches Lehrbuch der Stylistik“, 2 части, 1837.

лена от теоретической; надобно, чтобы она органически входила в нее. Теория словесности в гимназии только тогда возможна и необходима, когда служит непрестанным руководством практике.

Потому-то и почитаю методу Гикке¹ самую лучшею, ибо она исходит от практики и тотчас ведет к ней же. Чтение писателя, по Гикке, есть исходная точка учению словесности; теория и история не только примыкают к нему, но и извлекаются, как из своего источника, ибо наука словесности предполагает знание писателей. Следов., самой природой указывается путь преподаванию; как у всех народов теория словесности составлялась вследствие изучения образцов, так и каждый ученик должен вступить в теорию через самостоятельное чтение. Всякая теоретическая мысль, высказанная преждевременно, связывает ученика и лишает его свободного сознания, получая вид предрассудка. Определение поэзии, драмы, лирики, которое учитель дает ученику прежде, нежели прочтем с ним какую-нибудь драму или оду, сковывает его фантазию и мутит чувство изящного. Следов., теоретическое учение должно быть результатом чтения. Тот же самый классический писатель служит и материалом для письменных упражнений учеников: по мере чтения готовится запас для теории и дается вещество для собственных сочинений. В продолжение долгого времени ученики набирают отрывочные сведения, не имеющие между собой систематической связи. Дело учителя давать этим сведениям верное определение и показывать их отношение к другим соответственным; поле науки таким образом мало-помалу наполняется; сведения нарастают и смыкаются одно с другим, подводя под общую мысль, и наконец знания ученика умножаются до того, что могут быть приведены в систему науки. Из риторики ученики должны извлечь не только знания, но и уменье. Теория должна быть оправданием практики, уразуме-ем уменья. А так как в поэзии ученики должны более ограничиться разумением, потому красноречие в гимназии должно брать верх над пиитикою; сверх того, так как внешнее выражение, слог по преимуществу требует упражнения практического, потому в риторике преимущественно следует обращать внимание учащихся на стилистику. Мы не можем заставить гимназиста писать философские сочинения, историю, проповедь, но должны упражнять его в слоге историческом, ораторском и т. д. Следов., главнейшею частью риторики в гимназии должна быть та, которая всего ближе применяется к письменным упражнениям учеников. Только таким образом мы ограничим и определим, что и сколько должно проходить гимназистам из теории и истории словесности, и решительно отделим преподавание гимназическое от университетского. Теория словесности, с одной стороны, совпадает, таким образом, с руководством к практическим занятиям, а с другой стороны, удерживает характер филологический и лингвистический, примыкая к грамматике.

¹ „Der deutsche Unterricht auf deutschen Gymnasien“, 1842.

5. ПЕДАГОГИ-СИСТЕМАТИКИ

Не знаю, можно ли и скоро ли можно у нас такую методу соединить с систематическим преподаванием самой науки; по крайней мере, для соображения, предлагаю Магеров план систематического обозрения курса словесности, в связи с методою преподавания¹.

А. Теоретическое образование.

АА. *Положительная часть* (philomatische Bildung).

I. Обучение языку и литературе.

1. Язык:

- а) Грамматика.
- б) Ономатика.
- в) Техника: уменье.

2. Литература

а) Содержание ее посредством чтения.

б) Знание литературы:

- а) История литературы.
- б) Теория литературы (пиитика и прозаика).
- в) Критика.

II. Историческое обучение: знакомить ученика с народом, частью из самого языка, частью из чтения.

III. Реальное обучение: избранное чтение дает обширный запас сведений для наук физических и нравственных.

ББ. *Философское образование*: изучением языка мышление приобретает силу и ловкость.

ВВ. *Филологическое образование*: чтение образцов с применением к изустным и письменным упражнениям в слоге.

Б. *Практическое образование*: чтение должно избираться такое, которое образовало бы в учащемся благородный образ мыслей, волю и нрав.

В этом плане со многим можно не согласиться, но попытка разумно совокупить систему науки с методою преподавания заслуживает полного внимания. К объяснению этого плана не мешает показать, как разумеет Магер положительную часть в словесности², «Пиитику, как положительную науку (не как философскую или часть философии искусства), разделил бы я на три части, из коих первая, а б с т р а к т н а я, содержала бы в себе учение о свойствах поэзии, ее родах и о поэте. Нынешние учебники (за исключением Аристотелева отрывка) содержат только одно это. Вторая часть, которую я назвал бы историческою и которую можно назвать также и диалектической, показала бы, как основные начала, изложенные в первой части, в течение столетий у различных народов различно проявлялись; в этой второй части должны занять место: 1) история, 2) харак-

¹ „Die modernen Humanitätstudien“, 1843, тетрадь 2-я, с. 30—31.

² „Pädagogische Revue“, 1842, ч. 4-я, с. 301—302.

теристика и 3) критика лучших произведений всех времен и народов; здесь покажется движение и развитие поэтического идеала. Третья часть, которую назвал бы я постулятивною, должна основываться на двух предыдущих; результат их обеих — пиитика современная и притом немецкая в Германии, французская во Франции и т. д.; техника и руководство для поэтических дарований, желающих образоваться». Такая наука вовсе не годится для гимназии. Даже едва ли она годна и в другом месте, ибо науки для образования поэта и нет, и быть не может: *poëtae nascuntur*¹. Что же касается до пиитики и прозаики немецкой, французской или русской, то действительно такие быть могут, ибо у одного народа преимуществует тот или другой род словесных произведений, у другого другой; напр., в Италии есть поэма и нет трагедии, в Испании роман и драма, во Франции особый род песни и т. д.

ЧТЕНИЕ

Итак, лучшее и вернейшее, что можем извлечь из различных педагогических мнений о преподавании словесности в гимназиях, есть то, что надобно читать писателей. Чтение есть основа теоретического знанию и практическим упражнениям.

Некоторые педагоги дают своим ученикам слишком многое и разнообразное чтение. Другие чтение отечественных писателей слишком ограничивают, почитая оное делом посторонним для школы. К первым принадлежат и Гикке с Магером. Хотя я не держусь ни того, ни другого мнения, однако более согласен с последним, не потому, чтобы почитал его справедливым безотносительно, но потому, что нахожу его полезным применительно к русской словесности. Разумеется, можно читать многое и разнообразное с учениками английских, итальянских или французских школ, у них богата литература. На русском же языке так немного гениального и классического, что учителю, читающему с своими учениками многое и разнообразное по-русски, будет стыдно перед учителями древних и новых языков. В классе греческой и римской словесности гимназисты читают Геродота, Virгилия, Цицерона и сейчас затем в классе русской словесности разбирают и учат наизусть стишки какого-нибудь дюжинного русского стихотворца или отрывочек из легонькой и ничтожной повести. Что за безалаберный хаос будет в голове учеников, когда перетасуются в ней эти доморощенные образцы с чтением классиков! Если же учитель русской словесности, читая с гимназистами всякую пустошь, объясняет им, что вся она ничтожна в сравнении с теми писателями, каких изучают они у греческого и латинского учителя, то зачем и убивать дорогое школьное время на пустяки? Две причины могут быть для чтения посредственных, дюжинных писателей: или изучение языка во всем его разнообразии,

¹ Поэты рождаются.

или знакомство с внутренним содержанием произведений. Но слог посредственных писателей не выступает из колеи подражания образцу: так, все наши новые поэты пишут стихом Пушкина, но содержание дюжинных произведений вовсе не наставительно, и бесцветно, и вяло. Разумеется, все это говорится в отношении к школе, следов., этим не порицается наша современная литература сама по себе, она предлагает очень много занятного для человека досужего, но досуг не указ школе. Пристрастие и личность навсегда должны быть изгнаны из школьного чтения. Потому-то нет ничего несообразнее, как знакомить детей в гимназии с новейшими современными произведениями, место которым еще не обозначено в истории русской литературы. Что предлагает русская современность для гимназического чтения? Журнальные новости и стишки. Но журналы наши ведут постоянную войну, следов., учителю придется или причалить свою убеждения к которому-нибудь одному журналу и сквозь его критику посмотреть на все остальное, или из каждого журнала брать понемножку в угоду всему пишущему миру. Первое выказывает человека слабого, несамостоятельного, второе — лукавого или равнодушного, а равнодушие есть самая плохая посредственность. Не беда, что ошибается журнал, ибо его влияние на публику временное, минутное; как пишутся его статьи наскоро (в чем никто не усумнится, ибо журналисту из месяца в месяц надобно заготовить статью), так и читаются, для приятного препровождения времени. Детей мы учим на целую жизнь их, следов., не можем давать им заучивать то, что издается на время, на один месяц. Если же что попадет в журнал живучее, то не умрет со следующим номером, а как раз верно всплывет наверх, тогда воспользуются и гимназии. Столь же опасно полагаться и на сочинения современных знаменитостей, ибо известно, что наша словесность разделяется теперь на множество партий, из коих каждая рекомендует свою собственную знаменитость, с различными ее окружающими спутниками. Если примирить всех, придется и читать всех. Тогда не останется времени и на дело. Если же ограничиться мнениями одной партии, будешь пристрастен и односторонен. Опыт уже показал, как современные классики обманчивы, кто посредственным и даже слабым не назовет половины так названных некогда образцовых сочинений? Многие учителя не веряются новым знаменитостям, по справедливости будучи напуганы словами Пушкина¹: «Наши поэты не могут жаловаться на излишнюю строгость критиков и публики: напротив. Едва заметили в молодом писателе навык к стихосложению, знание языка и средств оно, уже тотчас спешат приветствовать его титулом гения за сладкие стишки, нежно благодарят его в журналах от имени человечества. Неверный перевод, бледное подражание сравниваем без церемонии с бессмертными произведениями Гёте и Байрона; добродушие смешное, но безвредное!» Всякий век ошибался, почему же мы правее предшественников в своем личном вкусе? Не будут ли и над нами смеяться

¹ Сочинения Пушкина, т. XI, с. 236.

наши ученики, если мы будем хвалить им то, что нравится нам теперь именно потому, может быть, что мы еще не столь образованны, как должны быть наши ученики и все следующее за нами поколение! Но скажут: надобно следить за веком, не отставать от современности. Но ведь современность выражается не в стихах да легкой прозе. Понятно всякому, как полезно и необходимо следить за своим веком в глубоких филологических соображениях Гримма и Гумбольдта, в исторических исследованиях Тьери и Раумера; но эта ли современность выражается в нашей беллетристике? Поэзии нет дела до наук — скажут: надобно следить за современным развитием поэзии — продолжаю словами Пушкина¹: «ибо наш век и Россия идут вперед, а стихотворец остается на прежнем месте. Решение несправедливое (т. е. в его заключении). Век может себе идти вперед, и науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться, но поэзия остается на одном месте, цель ее одна, средства те же. Поэтическое произведение может быть слабо, неудачно, ошибочно — виновато уж верно дарование стихотворца, а не век, ушедший от него вперед».

Да и некогда гимназистам следить за современною литературою: им еще надобно познакомиться с писателями прежними. Если они не прочтут Ломоносова или Державина в школе, то, вероятно, и никогда в жизнь свою не прочтут их. А современное всегда будут читать от нечего делать, как вырастут. Потому преимущественное внимание учеников должно быть обращено на сочинения старинные. Следов., чтение должно быть запасом истории литературы. Не надобно слишком заботиться об образцах для родов и видов поэзии и с этой целью выбирать чтение из русских писателей, даже классических, каковы Жуковский, Пушкин. Значение поэмы или трагедии лучше всего извлекут ученики из чтения Гомера и Софокла в классе греческом; оду узнают от латинского учителя на чтении Горация и т. д. Вся задача гимназической теории словесности состоит в том, чтобы ученики умели отличить в словесных произведениях один род от другого, философского же, эстетического определения передать невозможно, следов., и теория драмы или поэмы в гимназии преподаваться не может. Потому, мне кажется, некоторые педагоги слишком много хлопочут над эстетическим разбором. Вот как, напр., Гикке читает писателей с учениками. В низших и средних классах небольшие поэтические рассказы: 1. Чтение. 2. Объяснение подробностей при вторичном чтении. 3. Содержание и ход: что рассказывается? 4. Размер, рифма, строфы и пр. 5. Главные части, отделы, акты. 6. Как рассказано? Способ представления, выражение, характеры. 7. Значение целого, извлечение главной мысли или основной темы. 8. (Для средних классов) сравнение нескольких стихотворений одного рода. В высших классах эпические и лирические произведения: а) Идеальный состав¹ (der ideelle Gehalt). б) Поэтическая

¹ Сочинения Пушкина, т. XI, с. 234.

² Автор имел в виду идейное содержание.

форма: 1) пластический момент; 2) музыкальный момент; 3) основной лад произведения (der Grandton); 4) архитектурный момент. Примеры для сравнений: 1. Сравнение баллад и романсов Уланда по содержанию и обработке. 2. Сравнение Шиллеровых баллад по идеальному составу, по характерам, течению пьесы и по расположению. 3. Сравнение стихотворений различных писателей по сходству основных тем. 4. Сравнение баллад и романсов Бюргера, Гёте, Шиллера и Уланда — не по их достоинству (чтобы не критиковать), но по материи и обработке. 5. Отношение этих баллад к первобытной форме грубого рассказа (т. е. сличение старинных и народных рассказов с художественными переделками оных).

Для чего столько хлопот? Образовать поэта, критика? Но такой задачи никогда не задавала и не задаст себе гимназия. Будущему поэту надоеет до крайности кропотливое толкование о том, что и без объяснений ему, как поэту, ясно. Для критика же чрезвычайно узко ограниченное поприще отечественной литературы. Притом будущие поэты и критики составляют исключение в общей массе учащихся, для чего же мы будем готовить в литераторы несколько поколений, которые все поступят в звание чиновников, в военную службу или останутся мирными гражданами, без всяких литературных претензий? Критика дело нелегкое, и верно учителя сами откажутся от трудной обязанности воспитать журналиста. Зачем забираться далеко? Довольно и того, чтобы разобрать с учениками смысл писателя, склад речи, указать на основную мысль произведения, а главное, проследить логическую связь оногo и внешнее выражение, преимущественно с грамматической точки зрения. Сентиментальные возгласы пошлы, а рассуждение о красоте только искажает ее, заменяя живой образ отвлеченным предрассудком какой-нибудь философской системы. При нынешнем высоком значении филологии нечего бояться грамматики. Не одна правильность языка подлeжит ее ведению, но и красота его. Ибо, как прекрасное лицо предполагает здоровье и цветущую силу, так и изящество предполагает правильность. И как изящный профиль греческий мы называем правильным, так и поистине изящное выражение изящно потому, что правильно. Оттого простую, безыскусственную речь древних произведений ставим обыкновенно в образец красоты, оттого меткое и точное выражение, схваченное из уст народа, возбуждает в нас чувство эстетическое, несмотря на то, что это выражение только правильно, ибо без всякой прикрасы передает мысль так, как она есть. Законное отправление органической жизни вместе и необходимо, и приятно: сон и утоление голода или жажды подкрепляют силы человека и вместе доставляют ему удовольствие. Так и речь, как органическое отправление, вместе сообщает мысль и нравится нам, если живо и здраво схватывает то, что хотим выразить. Благозвучие, одно из главных достоинств красоты словесной, основывается на сочетании звуков гласных и согласных, следов., на грамматике; быстрота и живость — на кратких предложениях, эллипсисе, на употреблении видов глагола и т. п.; живописность действия — на отличии свойств, выражаемых прилагательными.

тельными и причастиями, от выражаемых глаголами, и т. д. Тропы, составлявшие в риториках главу об украшении, ведут свое начало от словаря, ибо перенесение названий от одного понятия к другому есть необходимый путь исследованию лексикологическому. Все, что относится в словесном произведении к внешнему выражению, подлежаит грамматике. Что же касается до внутреннего содержания, до истины, нравственности, изящества, то идет в особые науки — каковы философия, юриспруденция, история, эстетика и пр. Потому, чтобы не разбегаться во все стороны и не толковать обо всем, — следов., о многом кое-как, лучше всего учитель должен строго определить себе ту точку зрения, с которой он может смотреть на писателя, не выходя из области своего предмета, а его область грамматика, в обширном смысле принимаемая. В ней, в периодах, в предложениях и т. п., учитель найдет и свою эстетику, и философию, и нравственность, и историю. «В предложении есть свои телодвижения, звуки, краски; оно может соединить в себе действия почти всех искусств, и преимущественно живописи, устраняя, впрочем, все намеренные эффекты оных. Простая постройка подлежащего с сказуемым являет глазам нашим совершенно живую фигуру, глагол приводит в движение ее поступь и одушевляет действием; придаточное предложение, определения и дополнения живописно группируют ее; полнота выражения одевает ее приличною драпировкою с прекрасными складками, и шествие ее — музыка, очарование рифма»¹. Эстетический элемент заключается в языке необходимо; ибо мысль, переходя в слово, подлжит закону творческой фантазии, потому основательное объяснение писателя грамматическое будет вместе и эстетическое. Почитаю излишним распространяться о том, сколько в языке философии; укажу только несколько мест из Гегеля, где философ берет язык в помощь своим умствованиям: в «Энциклопедии»²: объяснение слов *aliud* — *aliud*, с. 183, *aufheben*, с. 191, *мерять*, с. 214 и 215, *Seyn* и *Wesen*, с. 225, *иметь*, с. 254, *Urtheil*, с. 326, *правда* и *истина*, с. 334; в «Феноменологии духа»³: *здесь, теперь*, с. 73, *auch*, с. 84, *однако*, с. 85, *свойство*, с. 86, и пр. Именно только филологическим объяснением писателя поставим мы себя в выгодный нейтралитет между гуманистами и реалистами. «Чтение отечественных писателей остается на досуг ученика, — говорят гуманисты⁴, — настоящая же работа — в изучении древних классиков. Если ученик отклоняется от работы и в урочные часы читает отечественные произведения даже со вниманием и тщательностью, а о древних классиках не радеет, то непременно сделает он из себя человека эстетического, мечтательного и сентиментального, остроумного, чувствительного и

¹ M u n d t. Th. Die Kunst d. deutschen Prosa, 1837, с. 120, 121. Здесь и в некоторых других местах слово *рифм* в соответствии с традицией времени создания книги используется вместо слова *ритм*. Это следует учитывать при изучении труда Ф. И. Буслаева.

² Издание 1840 г., ч. I.

³ Издание 1841 г.

⁴ D e i n h a r d t. Der Gymnasialunterricht, с. 143.

приторного, который ни к чему важному и годному не годится, а принадлежит к обществу гуляющих по собраниям, и вечеринкам, где много толкуется и ничего не решается о театре, Шиллере, Гёте и т. п.». Но здесь также крайность, ибо можно читать и своих писателей, и греческих с римскими; впрочем, много и правды, которая тем страшнее для нас, что мы очень малое имеем в своей новой литературе, что бы могли поставить наравне не только с древними классиками, но даже с Шиллером и Гёте. Напротив того, реалисты почитают необходимым чтение отечественных писателей потому, что ученик приучается на них схватывать общую мысль и обнимать целое, тогда как при писателях древних и вообще чужих он ломает голову на отдельных выражениях и словах; потому говорят они¹: «Какая помощь и для произведения чужеземного, в котором ученик находит удовольствие тогда только, как дочитает до конца! Если привыкнет он, при чтении отечественных писателей, во всем открывать целое, то и при чтении чуждого произведения сумеет опознаться в подробностях оригинала и тем облегчит труд учителя в объяснении оногo. Да какой высокий и живой интерес возбудится и к иностранной литературе, если труд и терпение, необходимые для уразумения отдельного периода, будут казаться ученику только неизбежною дорогою к свободному обозрению целого, к совершенному усвоению оногo!» Следов., если мы примем и при отечественном произведении по преимуществу объяснение филологическое, то сравняем чтение писателя отечественного с иностранным, значит, стало быть, уничтожим пользу чтения отечественного? Нет, именно потому, что реалисты тоже увлекаются. Во-первых, подробности подводить к общему гимназисты научаются из уроков истории, географии, математики, точно так же, как из чтения писателя; во-вторых — аргументы, брeвиарии, введения и т. п. при одах Горация, при книгах Тацита, песнях Гомера и пр. ясно указывают на то, что читающему подробные комментарии надобно знать и общую мысль и следить ее по всем стихам и периодам произведения; в-третьих, главная мысль произведения, как жизненная сила, разливается по всем частям оногo; следов., чем более вникаем в подробности, тем безошибочнее и тверже схватим общую мысль, надобно только в подробностях видеть органические части живого целого; в-четвертых, в классических произведениях предложения с предложениями и периоды с периодами связываются такими тесными узами, что учителя древних литератур необходимо должны и сами объяснять ученикам общую мысль для уразумения особенностей, и ученики с своей стороны из ближайшего сцепления частей произведения древнего необходимо увлекают для себя понятие о стройном единстве произведения; следов., в этом отношении чтение классическое более помогает отечественному, а не наоборот. В-пятых, учась по новым легким произведениям схватывать общее, гимназисты разучатся достаточно вникать в подробности и будут во всем верхоглядами, что существенно повредит всякому основательному изучению. Из всего этого

¹ Niecke. Der deutsche Unterricht, с. 72 и 73.

вывожу, что чтение, и свое, и иностранное, должно быть одинаково: углубляться в подробности слов, оборотов, предложений и постоянно рассматривать частности в связи с общим, ибо словесное выражение отличается от всякого другого именно тем, что во всяком предложении виднеется необходимая часть живого целого. К этому надобно прибавить еще два необходимых условия: ограниченные требования и способы гимназического курса и неустроенное состояние языка русского; первое отклоняет всякие высокопарности, второе требует тщательнейшего изучения языка. Наконец, самые побудительные причины для филологического объяснения; первая: при бедности общего содержания и так называемых гуманных идей в русских произведениях — неистощимое богатство языка, еще непочатого, свежего, мощного и глубокого; и вторая: при шаткости и болтливой неопределенности правил эстетических и критических — непреложные законы филологические. Именно глубоким и всеобъемлющим взглядом на подробности отличается человек знающий от профана; дилетанты, не разумея техники искусства, хватаются за общие мысли произведения, т. е. за общие места; истинный знаток видит в ничтожной для непривычного мелочи высокое значение, ибо здраво понимает ее и чувствует ее отношение к целому.

Касательно объяснения отечественных писателей есть два противоположные мнения: гуманисты почитают смешным, пошлым и вредным комментарием на современных писателей; напротив того, реалисты объясняют их также кропотливо и педантски, как Горация или Пиндара. Действительно, объяснения на современников как раз могут обратиться в пустую болтовню и только загромождают смысл текста. Особенно нетерпимы комментарии так называемые эстетические. Впрочем, строгая филологическая критика может быть допущена; она даже необходима, ибо приучает к отчетливому сознательному чтению, на которое столь мало обращают внимание люди необразованные, и к отличию истинного достоинства словесного выражения от ложного блеска и натянутых фраз. Охотники что-нибудь почитать от нечего делать увлекаются только одним занимательным содержанием, нисколько и не предчувствуя гармонического соотношения между звуком и мыслью, их не увлекают красоты речи, простота, точность выражения, правильная связь мыслей, они скользят только на поверхности того, что читают, ибо не привыкли при чтении писателя обращать внимание на то, что составляет существенное в произведении. Именно, чтобы уничтожить такое бессмысленное чтение, надобно с учениками читать образцовых русских писателей и объяснять их. Главная задача должна состоять в том, чтобы объяснения были необходимы, не случайны. Потому учитель обязан все свои мнения основывать на данных, самим автором указанных, следов., обязан свою филологическую экзегетику подчинить так называемой субъективной, т. е. заставить, чтобы писатель объяснял сам себя. Так, при чтении Карамзина надлежит сличать слог его «Истории» с древними источниками; оды и речи Ломоносова объяснять его риторикой, стихотворения Державина — объяснениями, им

самим сообщенными, поэтические переводы Жуковского сличать с подлинниками и т. д.

О способе чтения также разногласие мнений. Одни педагоги заставляют учеников учить писателя наизусть, другие полагают это вредным. «Изусть-учение вредит разуму и памяти¹. Что остается от хорошо упражненной памяти? Любовь к предмету, изящное, посредством коего я с ним соединяюсь, а эту внутреннюю связь не приобретешь выучкой наизусть. Только неприятное способно к тому: вокаблы, числа, имена. Прекрасное же удерживается, как собственность, как непосредственно понятое; прекрасное разлюбишь, заучивая наизусть. У дитяти притупляется всякое чувство к поэзии от долгого заучиванья наизусть стихотворения. Гораздо полезнее упражнять память на произведениях чуждых языков, на выучке одной страницы по-французски или по-латыни. Говорю только против выучиванья наизусть, а не знания наизусть. Я видал людей, никогда не учивших ничего наизусть и знавших многое на память. Удовольствие читать и слушать и потом вновь перечитывать и переслушивать ведет к такому основательному знанию, которое, при нужде, легко может быть доведено и до знания наизусть. Потому учитель должен руководить ученика, как учить на память; должен вместе с ним заучивать наизусть и тем препятствовать, чтобы ученик не впал в мертвящий механизм. Должен помогать ему вникать во внутреннюю связь произведения и в содержание каждого предложения, как необходимого звена между предыдущим и последующим. Поэтому на прозу должно более обращать внимание, нежели на поэзию. Стихотворение уже своею внешнею формою поддерживает механизм учения наизусть и ведет ученика от стиха к стиху только формально, а не внутреннюю связью». Все это весьма дельно, только за исключением излишнего человеколюбия и заботливости об эстетическом чувстве гимназистов. Память с толком не только не вредит разуму, но даже помогает ему и у детей часто заменяет самый разум. Года гимназического учения именно таковы, когда память и воображение берут верх над умственными соображениями. Весьма замечательно то обстоятельство, что лучшие ученики хотя отчетливо понимают, что учитель объясняет, однако все-таки выучивают уроки слово в слово. На уроке дитя всегда более или менее в принуждении: свободной игры духовных сил его никак не добудешь. Чувство эстетическое убивается и анализом так же, как и выучкой наизусть. Нечего делать — стерпится-слюбится, а из школы нельзя сделать ни театра², ни литературного вечера. Толковитое заучивание наизусть всегда и всему будет приносить пользу. Учитель вместе с учениками неоднократно прочитывает разбираемое произведение. Это необходимо, но без заучивания на память недостаточно. «Перечитывание одного и того же со-

¹ Wacker n a g e l K. Der Unterricht in der Muttersprache, 1843, с. 97 и след.

² Забавно мечтание Гикке знакомить учеников с целым впечатлением драмы на театральном представлении (см. с. 123). Стало быть, для объяснения со-вещательной речи класс превращается в площадь, для судебной — в сенат и т. д. Вот куда из класса заводят учителя с учениками эстетические мечтания.

ответствует продолжительному рассматриванию картины, прочтение один раз — беглому взгляду. Глаз беспрепятственно может соображать все подробности картины в одно время, ухо собирает их в последовательном порядке одну за другой; слышанное прежде — уходит вдале, более и более утрачивая свою ясность, так что воспоминание не может совокупить для себя в одно целое всех частей, как в картине. Только повторительное чтение даст представлению стройность и жизнь. Малые дети с удовольствием слушают несколько раз одни и те же рассказы или одну и ту же песню. Взрослые хотя и не любят повторения, однако через несколько дней охотно внимают тому же, что недавно слышали»¹. Постепенное уразумение писателя и произношение с толком и чувством дает ученику новый интерес в неоднократном прочтывании того же. Только основательная вдуманность в каждое слово и предложение и в связь предложений ведет учащегося к чтению с толком. Величайшая ошибка заставлять учеников читать ораторски то, что они не совсем понимают, это влечет к манерности и портит чувство обманом. Увлекательное театральное чтение лежит вне обязанности гимназической, во-первых, уж потому, что из самих учителей немного хороших чтецов; во-вторых, драматическое чтение, не имея до сих пор положительных законов, не может быть предметом строгой науки. Только правила, основанные на синтаксисе, дает учитель для произношения, следов., должен выучить читать с толком и смыслом; чувство придет само собой. Впрочем, если учитель умеет читать изяшно, то его пример будет руководителем ученикам.

О предметах чтения два мнения: одно стоит за хрестоматию, другое за целые произведения. *Variatio delectat*², говорят собиратели хрестоматий³: для учителя и учеников нет ничего утомительнее чтения одного и того же в продолжение целых недель и месяцев; притом вещи познаются из сравнения⁴, а на одном только писателе не узнаешь ни его самого, ни слога, будь этот писатель даже Гёте. Польза хрестоматий более и более признается. Не дойдет ли это до крайности? Распределение хрестоматий обыкновенно бывает с точки зрения реальной, а не филологической. Одни располагаются по родам и видам красноречия и поэзии, напр. хрестоматия Магерова, старые французские и мн. др. Но если в определении родов словесных произведений немного заботы учителям отечественного языка, то нечего и разделять хрестоматии таким образом, зачем неважное для школы брать основанием делению? Такая хрестоматия обыкновенно задает себе задачи неисполнимые: под рубрикою романов, повестей, поэм, драм предлагает из этих родов произведений только отрывки, из коих, разумеется, нельзя узнать ни драмы, ни поэмы, ни романа. Притом заглавия над отделами статей: история, ода, элегия и пр.—

¹ Wackerpigel K., *ibid.*, с. 93.

² Перемена доставляет удовольствие.

³ Wackerpigel K., *ibid.*, с. 4.

⁴ Nieke, *ibid.*, с. 246.

выказывают в компиляторах хрестоматий недостаток педагогического такта. Под влиянием заглавия ученик получает понятие о пьесе прежде, чем прочтет ее, следов., его суждение о родах и видах словесных произведений будет предрассудком, понятием, преждевременно составленным о предмете. Потому, в избежание такого вреда, лучше было бы составлять хрестоматии (как В. Ваккернагеля), не разделяя пьес по родам слога или поэтических и прозаических произведений, для того чтобы ученики, с помощью учителя, из самой вещи выводили себе понятие и название, а не наоборот. Разделение хрестоматии по предметам дает ей характер энциклопедии, заставляя учителя выступать из области своей науки и толковать о предметах, более или менее ему известных. Так, Дистервег делит свое собрание на три отдела: религия, природа и человек; Гаупт¹ к этим трем отделам прибавляет еще два: искусство и наука, с подразделениями: архитектура, живопись, скульптура, общая грамматика, философия, богословие, юриспруденция, медицина и пр., и пр. Невозможно никак решить, в каком отношении стоят подобные энциклопедии к теории языка, к филологии, ибо все внимание компиляторов обращено на внутреннее содержание. Иные хрестоматии, как Магера, Гикке и мн. др., берут в расчет личность учащихся, будучи расположены по возрастам детей. Это едва ли не основательнее, только надобно заметить здесь два обстоятельства: во-первых, все приличное для малолетних должно быть таково, чтобы годилось и для учеников взрослых², следов., хрестоматия для последних может и должна заключать в себе и то, что в хрестоматии первоначальной; разумеется, наоборот нельзя. Во-вторых, степени возраста и смысленности учащихся так неприметно переходят и сливаются, что резкого разграничения в книге никак быть не может. Притом и в самом легком, напр. в баснях Крылова, много для детей необъяснимого, и наоборот, искусный учитель легко растолкует детям многое, что для другого кажется трудным. Итак, в чем же существенная польза хрестоматии? В разнообразии? Но если оно только ради забавы учеников, то не может быть достоинством учебной книги. Если же касается только внутреннего содержания, то ничего не дает филологическому курсу словесности, если же касается слога, то как нельзя из чтения одного писателя узнать слог вообще, так и из отрывков нельзя познакомиться ни с одним писателем. Невыгоды одинаковы и на той и на другой стороне, с тою только разницею, что короткое знакомство с слогом одного писателя образцового будет знанием более прочным и основательным, тогда как отрывочное чтение понемножку из того и другого дает учению легкое и поверхностное направление.

Двух родов хрестоматии полезны и необходимы для гимназии: первоначальная и историческая. Первоначальная для низших классов, где еще дети не созрели для продолжительного классического

¹ „Deutsche Prosa“, 1841.

² Магер в предисловии к «Французской хрестоматии» и в „Pädagogische Revue“, 1843, № 5, в рецензии на Гикке.

чтения. На такой хрестоматии они выучатся плавно читать, узнают первоначальные основания грамматики, правописание. Историческая же должна быть сборником литературных памятников: некоторые предложит вполне, из больших отрывки; такая хрестоматия, следов., должна быть как бы историческою библиотекою, служа материалом для истории и теории литературы. Как образец исторической хрестоматии рекомендую Вильгельма Ваккернагеля „Altdeutsches Lesebuch“, 2-е умноженное и улучшенное изд., 1839, с словарем и вариантами; содержит памятники литературы от IV до XV в. включительно. Для классического же детского чтения желательно было бы, чтобы у нас явилась когда-нибудь книга, подобная народным рассказам, собранным и выданным¹ братьями Гриммами.

Полезьа же хрестоматий эстетических и энциклопедических только относительная: во-первых, они содержат отрывки из таких произведений, коих целиком читать детям еще рано по некоторым причинам; во-вторых, доставляют случай в малом объеме и за дешевую цену приобрести разнообразные сведения о текущей литературе, хотя и отрывочные, но тем не менее любопытные. В этом отношении хрестоматии полезны, и дай бог, чтобы они вытеснили собою нескладные притчи и наставления умственных и наглядных упражнений, которые пишутся обыкновенно без больших претензий на слог и мысли. Но очевидно, что собственно место таких хрестоматий не класс словесности; пусть будут они домашним чтением для учеников, пусть заменят они им чтение журналов, сказок, повестей. Учитель может руководить учеников, указывая им ту или другую пьесу для досужего прочтения, может брать от них и краткий отчет, в какой зблагорассудится ему форме, словесно или письменно. Только, повторяю, энциклопедическое и эстетическое чтение хрестоматий очень желательно было бы изгнать из гимназии и употребить классное время с большею пользою.

Множество французских, немецких хрестоматий нисколько не доказывает необходимости русской для гимназий, ибо наша литература еще не идет в сравнение с французскою и немецкою по устройренному состоянию языка письменного и разговорного и по бедности внутреннего содержания. И везде высшие таланты редки, а там и подавно, где меньше соревнования и больше монополии. Что сказал Гёте² о немецкой беллетристике, очень идет и к нам: «Стихотворная образованность так распространилась в Германии, что уже никто не пишет дурных стихов. Молодые поэты, присылающие мне свои произведения, нисколько не хуже своих предшественников, а так как сих последних очень высоко ценили и ценят, то новые поэты вовсе не понимают, почему и их не хвалят также. И все-таки нельзя сделать для них ничего поощрительного, именно потому, что их целые сотни, а излишнего нельзя желать, когда остается непочатым много гораздо полезнейшего. Если бы из них был один выше всех,

¹ В значении «изданным».

² E s k e r m a n n. Gespräche mit Goethe, 1837, I, с. 243.

было бы хорошо, ибо для света нужно одно превосходное». А школа имеет полное право быть еще изыскательнее публики. Итак, если мы отбросим все посредственное и преходящее, останется для учения хотя немного, но поистине превосходное. Непонятно, для чего читать с учениками подражателей Карамзину и Пушкину и не обратиться к самим образцам и источникам? Если от времен Карамзина наш слог и поднялся, или изменился, то все же вследствие трудов Карамзина. Слог его до сих пор еще окончательно не разработан и не принес еще тех плодов, какие имеет принести, ибо так называемый карамзинский слог, коим многие ныне пишут, по большей части усвоил себе только отрицательные качества — каковы легкость периода, гладкость фразы, иногда переходящая в бесцветность и вялость, мерная проза, приторная в своей крайности, славянизмы, которые, будучи в оправе истертого выражения, придают речи напыщенность и театральность, и т. п. Не этому гимназия должна учить своих питомцев по «Истории...» Карамзина.

«Историю...» Карамзина надлежит рассматривать как средоточие гимназического курса словесности. К ней должны примкнуться и теория словесности с стилистикой и историей литературы, и собственные упражнения. Никакая русская хрестоматия не заменит полноты ее. Если бы кто возразил, что с филологическим направлением я небрежу внутренним содержанием, думаю о словах без живого смысла, то именно тем и опровергну возражение, что вместо *disjecti membra*¹ хрестоматии предлагаю живое, целое произведение. Защитник хрестоматий скорее действует с ущербом внутреннему содержанию, ибо в отрывке мысль не полна. Касательно же слога; вся выгода на моей стороне, ибо никто из наших писателей, кроме Ломоносова и Пушкина, не внес в свои произведения столько филологического изучения, сколько Карамзин в свою «Историю...». Литературную школу можно уподобить живописной или скульптурной. Нынешние живописцы учатся своему искусству, копируя по преимуществу Рафаэля, Тициана или иного какого начальника целой школы. Изучив основателя, легче сладишь с его последователями. Так как современный и притом прозаический слог в гимназии нужнее устарелого и поэтического, то Карамзин для нее необходимее Ломоносова и Пушкина. Прекрасная проза последнего есть дальнейшее развитие карамзинской и может быть изучена только после оной. Как современный слог наш воспитался Карамзиным и Пушкиным, пусть так же воспитываются в гимназии, тогда школа не будет противоречить обществу, а притом оснуется на прочном историческом ходе современной нашей литературы. И как Карамзин от первого до последнего тома «Истории...» более и более усовершенствовался, пусть и ученики в последовательном порядке читают из первого, потом из второго тома и т. д. Сам Карамзин постепенным развитием своего слога будет наставлять учащихся: учитель словесного останется в стороне и только будет руководством для уразумения его «Истории...». Таким

¹ Разбросанных членов.

образом, учащийся сам над собой заметит, как силы его более и более возрастают, когда последовательно изучит Карамзина, так сказать генетически: ему ясны будут все преобразования его, ибо увидит их источник и постепенный ход. Итак, кроме соответствия с развитием современной литературы, класс словесности будет органически устроен по историческому развитию слога самого Карамзина.

Вот истинное применение методы генетической к стилистике! Разумеется, из «Истории государства Российского» должны быть избраны для подробного изучения только места лучшие и по преимуществу имеющие отношение к литературе. Для этого необходима была бы хрестоматия карамзинская. Она же была бы вместе и историческою, ибо слог Карамзина находится под непрерывным влиянием древних источников. На изучении Карамзина учащиеся ясно поймут, что все прошедшее в языке и литературе никогда не умирает для настоящего, а как необходимый элемент входит живительную силою, чудотворно претворяется в современное и остается залогом усовершенствованию для будущего. Современный слог ежеминутно движется, следов., учить ему невозможно вне исторического развития, и сам Карамзин покажет, сколько русского и теперешнего в старинных памятниках нашей литературы, начиная от XI в. Могут сказать мне: если домогаться живого исторического развития, то не естественнее ли начать старинною литературою, откуда Карамзин почерпал многое для своего слога, и потом постепенно дойти до «Истории государства Российского»? Нельзя; ученики еще дети, нельзя их насильственно отторгнуть от современности и, увлекши в отдаленное прошедшее, говорить, что и там то же, что ныне у нас. Пусть они увидят это сами и сами почувствуют необходимость прошлого в современном. Наконец, пусть их учителем в этом деле будет образцовое произведение Карамзина, а не личность наставника, пусть сама «История государства Российского», как средоточие прошедшего и настоящего, нечувствительно сдружит их с древностью, в законной и простой форме настоящего; пусть сам Карамзин введет их в нашу древнюю литературу.

Чтение писателя и для материала, или так называемого изобретения мыслей, и для расположения, и для выражения принесет самые надежные плоды. Выгоды неисчислимые и ученику, и учителю, и самому предмету обучения. Ученик выигрывает тем, что учится не личным мнениям учителя или школьным системам без всякого содержания: короткое знакомство с писателем есть уже неоцененное приобретение, и ученик на всю жизнь будет с благодарностью вспоминать того учителя, который заставил его полюбить и изучить «Историю государства Российского». На стороне учителя та выгода, что при чтении писателя он избегает скольких построений теории словесности, ничтожных общих мест о чистоте и красоте слога, правильности расположения и т. п. Главное искусство его состоит в том, что он заставляет за себя говорить изучаемого писателя и тем наставляет детей в стилистике и риторике. Тогда умолкнут

насмешки над учителями словесности, что они занимают учеников своих пустою болтовнею и с ветру нахватанными фантазиями.— Еще более выгод касательно успехов грамматики и риторики. Учитель, отстраняясь от всяких учебных руководств, самостоятельно обращается к писателю и из него самого извлекает законы языка и словесных произведений. Таким образом, верование в школьные руководства рушится под авторитетом классических писателей; и всяк занимающийся словесностью вложит свою собственную лепту в науку, ибо трудится по источникам.

Изучением Карамзина мы нисколько не отстраняемся от существующих теперь грамматик, ибо в основании их принят авторитет карамзинской речи, но даем предмету более обширный объем. Словарь и грамматика еще не вполне воспользовались трудами Карамзина, а пуристы надавали нам несколько правил, которые противоречат слогу Карамзина. Латинские грамматики не ставят Цицерону или Титу Ливию в ошибку какое-либо единожды попавшееся выражение, несколько противоречащее общему употреблению, но замечают оное как исключение.

Внимательное чтение Карамзина не только ученикам, но и учителю доставит весьма много нового и повлечет к важным соображениям, обогативши запасом слов и выражений для стилистики, образовавши судительную силу разбором расположения. Для примера укажу несколько выражений, любопытных частью для синонимии, частью для грамматики и стилистики¹.

Имена существительные: зная же, что так называемый вѣчный мир есть пустое слово, они заключили перемирие от 1 августа до 26 октября (т. V, с. 34); *говорили о мире ъ, но заключили только перемирие* (т. IX, с. 169); *жестокую осаду превратить в тихое облежание* (т. IX, с. 338); *не упоминает о таком бесчестном, неосторожном подманѣ наших вельмож* (т. IX, с. 100).

Имена прилагательные: наступить на Россию конною и судовою ратию (т. VI, с. 20); *Сии внушения действовали тѣм сильнѣе, что были согласны с правилами собственного опасения Иоаннова* (т. IV, с. 152); *австрийский кабинет, издавна опасливый* (т. IX, с. 277); *ливной дождь затопил многие улицы* (т. X, с. 13); *государь боялся спешною ѣздою утомить его* (т. XI, с. 48); *Никто не смѣл взглянуть на оглашенные измѣнников* (т. XI, с. 104).

Местоимения: суд нелицемѣрный, безопасность каждаго и общая (т. IX, с. 6) (для отличия от местоимения всякий).

Глаголы: он не был, но бывал тираном (т. XI, с. 182); *двѣ крѣпости, Стрѣлецкая и так называемый Острог, обтекаемые Двиною и Полотою* (т. IX, с. 295); *увязил коня в болоте* (т. XII, с. 221).

Частицы: сквозь² степи и пустыни достигнув до ханского

¹ По 2-му изданию «Истории государства Российского».

² Слич. 2 часть, с. 267.

стана (т. IV, с. 33); *с к в о з ь безопасные для-него степи* (т. IX, с. 201); *опасности пути дальнего, невѣдомого с к в о з ь степи* (т. IX, с. 375), *вм. чрез; Пощади нас, преступников, не д л я моления нашего, но д л я своего милосердия* (т. VI, с. 46), *вм. за, по; Нас немного, а враг силен; н о бог не в силѣ, а в правде* (т. IV, с. 25) — для синонимии союзов; *распустив слух, что б у д т о б ы я участвовал в сем замеслѣ* (т. IX, с. 215) — плеоназм в союзе; *Он лишился тогда супруги: х о т я, может быть, и не имел особенной к ней горячности; н о ум Софии...* и пр. (т. VI, с. 326).

Синтаксис: *он не мог избавить Россию от ига* (т. IV, с. 69—70); *В Ордѣ находился сын Михайлов, Иоанн, удержанный там за 10 000 рублей, ко и ми Михаил был должен царю* (т. V, с. 28); *Н е с к о л ь к о тысяч земледѣльцев ш л и впереди* (т. V, с. 23). Греч односторонне предложил правило, ограничившись примером из сочин. Карамзина (т. VIII, с. 248): *н ѣ с к о л ь к о иностранцев стояло на улице и с м о т р ѣ ло на пожар*, см. Г р е ч. Практическая русская грамматика, 1827, с. 264.

Сличение грубого материала древних памятников нашей литературы с художественною обработкою их в «Истории государства Российского» может предложить самые любопытные результаты, не только для расположения и выражения, но и вообще для критики Карамзина. Критика философская более или менее шатка и подвержена сомнению, ибо всякий может и не признать философского основания, на коем полагается критика. Притом философствование или безусловно (и часто бессознательно!) покоряется чуждому мнению, как аксиоме, или же переходит в личное мечтание и доводит до произвольных предположений. С писателем классическим шутить нельзя; опасно с ветру кричать, что тó и другое у него ошибочно, нехорошо. Надобно какое-либо положительное мерило, самим разбираемым автором принятое за правду. Итак, для «Истории...» Карамзина основанием критики будут исторические и литературные источники, по коим она составлена. Разумеется, что говорю о критике литературной, оставляя в стороне историческую со всеми ее условиями и правилами.

«История...» Карамзина и в отношении содержания и слога предлагает самое разнообразное изучение. Кроме образца исторических рассказов, в ней есть и повествования, и рассуждения, и письма, и речи различных родов, и юридические акты. Будучи составлена по источникам, требует изучения памятников нашей литературы от древнейших времен до дома Романовых. Слог ее, напитанный всею древнею словесностью, в современной форме предлагает множество старинных слов и оборотов, которые Карамзин воскресил и ввел в употребление. Вся «История государства Российского» так крепко держится на предании, что изучать ее — значит вместе изучать и древние памятники нашей литературы; последовать Карамзину в слог — значит, подобно ему, воспитать себя в древней нашей литературе.

Для примера и соображения извлекаю из «Истории государства Российского» (по 2-му изд.) выражения, намеренно заимствованные Карамзиным из древних памятников.

Том I

си варвары (обры) великіе тѣломъ и гордые умомъ (пишет Нестор), исчезли въ нашемъ отечествѣ отъ моровой язвы (с. 40).

славяне думали, что оно (божество) ужасаетъ людей грозными привидѣніями или страшилами (с. 82).

творил и надъ умершими тризну (с. 102).

посланные Олегомъ, великимъ княземъ русскимъ, и всѣми сущими подъ рукою его, свѣтлыми боярами, къ вамъ, Льву, Александру и Константину (брату и сыну перваго), великимъ царямъ греческимъ, на удержаніе и на извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ бывшія любви между христіанами и Русью (с. 136).

первымъ словомъ да умиримся съ вами греки (с. 136).

также и вы, греки, да храните всегда любовь неподвижную къ нашимъ свѣтлымъ князьямъ русскимъ (с. 136).

когда убійца домовитъ и скроется, то его имѣніе отдать ближнему родственнику убитаго (с. 137).

проводимъ (лодью) сквозь всякое страшное мѣсто до безстрашнаго (с. 138).

прислать его (русина, умершего в Греции) имѣніе въ Русь къ милымъ ближнимъ (с. 139).

съ моремъ кто совѣтенъ (с. 150).

которую (цену) хозяинъ объявитъ подъ крестомъ (или присягою) (с. 153).

клянутся хранить истину союза (с. 154).

обручи и мечи (с. 154).

поди въ дань съ нами. Ходить въ дань значило тогда обѣзжать Россію и собирать налоги (с. 156).

когда же иные враги помыслятъ на Грецію, да буду ихъ врагомъ и да борюся съ ними. Если же я или сущіе подомною не сохранятъ сихъ правыхъ условій, да имѣемъ клятву отъ бога, въ коего вѣруемъ: Перуна и Волоса, бога скотовъ. Да будемъ желты какъ золото и собственнымъ нашимъ оружіемъ изсѣченны (с. 191 и 192).

императоръ, окруженный златоносными всадниками (с. 192).

изъ разныхъ областей Россіи ходили въ столицу обозы съ медомъ и шкурами или съ оброкомъ княжескимъ — что называлось: возить повозъ (с. 244).

клѣти, или горницы, съ обѣихъ сторонъ дома раздѣлялись помостомъ, или сѣньюми; спальни называли одринами (с. 253).

Ярославъ вошелъ въ Кіевъ и, по словамъ лѣтописи, отеръ потъ съ мужественною дружиною, трудами и побѣдою заслуживъ санъ великаго князя російскаго (с. 19).

Мстиславъ, по словамъ лѣтописи, былъ черменъ лицомъ и дебели тѣломъ (с. 26).

холопомъ обѣльнымъ, или полнымъ, бываетъ 1) человекъ, купленный при свидѣтеляхъ (с. 48).

закупъ, то есть наемникъ или на время закабаленный человекъ (с. 48).

выдаетъ его на потокъ — или в руки государю (с. 49).

съ вора клѣтнаго — т. е. домашнего или горничнаго — взыскивается въ казну 3 гривны, съ вора житнаго, который унесетъ хлѣбъ изъ ямы или съ гумна, 3 гривны и 30 кунъ (с. 52).

имя набойная (лодя) происходитъ отъ досокъ, набиваемыхъ свехъ краевъ мелкаго судна, для возвышенія боковъ его (с. 55).

опознавъ вещь у горожанина, идетъ съ нимъ на свидѣ, то есть спрашиваетъ, гдѣ онъ взялъ ее? (с. 55 и 56).

ежели мать умретъ безъ языка, или безъ завѣщанія... (с. 64).

истецъ во всякой тяжбѣ долженъ идти съ отвѣтчикомъ на изводъ передъ 12 гражданъ (с. 65).

взяли въ тали, или въ аманаты (с. 110).

онъ не блюдетъ простаго народа (с. 183).

давъ свѣтлый пиръ митрополиту и боярамъ (с. 191).

заключивъ союзъ съ Изяславомъ, не хотимъ нарушить онаго и не можемъ играть душою (с. 232).

нетъ! сказалъ князь: я добылъ Кіева и Переяславля головою (с. 233).

опоясалъ мечемъ многихъ сыновей боярскихъ (с. 235).

навсегда остался (Гейза) другомъ Изяславу, или, по тогдашнему выраженію, не разлучался съ нимъ ни въ добрѣ, ни въ злѣ (с. 259).

еще не обсохли уста твои, которыми ты цѣловалъ крестъ въ знакъ искренняго дружества (с. 310).

нѣтъ! сказали ему жители: ты ударилъ пятою Новгородъ (с. 47).

(Роман и Александр) должныствовали господствовать только въ качествѣ ихъ данниковъ или подручниковъ (с. 129).

Константинъ оскорбился, негодовалъ и, какъ говорятъ лѣтописцы, со гневомъ воздвигъ брови свои на Георгіа (с. 134).

не обвинуяся лица сильныхъ, по словамъ лѣтописца,

и не туне носи мечь, ему богом данный, онъ (Всеволод Георгиевич) казнилъ злыхъ, миловалъ добрыхъ (с. 125).

сѣдлами закидаютъ (суздальцы) новгородцевъ (с. 156).
встревоженные полки Георгиевы стояли всю ночь за щитами, то есть вооруженные и въ боевомъ порядкѣ (с. 157).

жители дружицъ городовъ, подвѣдомыхъ областному и называемыхъ обыкновенно пригородами (с. 201).

ограды деревянные, или остроги, служили внѣшнюю защитою для крѣпостей, замковъ, или дѣтинцевъ (с. 204).

стѣнобитныя орудія, или пороки, уже давно были у насъ извѣстны (с. 204).

нѣмецъ даетъ вѣсовщику за двѣ капи, или 24 пуда, куну смоленскую (с. 213).

другіе князья мордовскіе были ротниками или присяжными данниками Георгія (с. 275).

съ того времени сіе мѣсто (где убилаь Евпраксія с младенцем) въ память ея называлось заразомъ или убоемъ (с. 278).

Том IV

граждане, по выраженію лѣтописца, стремились къ Даниилу, какъ пчелы къ маткѣ, или какъ жаждущіе къ источнику водному (с. 8).

пріятный голосъ сего князя (Александра Невского) гремѣлъ какъ труба на вѣчахъ (с. 22).

Александръ собственнымъ копіемъ возложилъ печать на лице Биргера (с. 26).

новгородскій бояринъ, отправленный къ епископамъ и къ чиновникамъ дворянъ божіихъ — такъ у насъ именовали рыцарей ливонскихъ (с. 99).

три дня стояли россіяне на костяхъ, то есть на мѣстѣ сраженія (с. 101).

донынѣ — пишетъ митрополитъ — уставы церковные были омрачены облакомъ еллинской мудрости (с. 123).

между тѣмъ великій князь Дмитрій наказалъ данниковъ Новагорода, кореловъ, взявъ ихъ землю на щитъ, то есть разоривъ оную (с. 128).

такъ Левъ, свѣдавъ о тяжелой болѣзни Владиміра, прислалъ къ нему святителя перемышльскаго, Мемнона, чтобы выпросить у него Брестъ; на свѣчу для гроба Даниилова (с. 148).

онъ можетъ послать три ватаги, для ловли на море (с. 168).

не позволятъ самосуда ни себѣ, ни княжескимъ судьямъ, но рѣшить тяжбы единственно по законамъ (с. 170).

не заплатилъ ли я ему (хану) выхода, или царской пошлины? (с. 179).

...гдѣ бога безсмертнаго силою наша власть держитъ и слово наше владѣетъ (с. 192).

зобница ржи стоила тамъ 5 гривенъ (с. 193).

Дмитрій Михайловичъ, прозваніемъ Грозныя Очи (с. 201).

*христиане на сорокъ лѣтъ опочили отъ истомы и насилій
долговременныхъ (с. 214).*

*и руки его (рода московских князей) въздутъ на плеча
враговъ нашихъ (с. 216).*

...въ вотчину и въ дѣдину (с. 223).

*отрубивъ голову ему и юному Феодору, розняли ихъ по
оставамъ (с. 233).*

голодъ, названный въ лѣтописяхъ рослою рожью (с. 241).

въ челяднѣ, или въ людской избе (с. 243).

оставляю сію душевную грамоту (с. 244), вм. духовную.

ожерелье матери ея, чело и гривну (с. 245).

*не искавъ чести, по словамъ лѣтописи, но отъ чести
възысканный (с. 288).*

*судить и рядить земледѣльцевъ свободныхъ и численныхъ
людей (с. 291). Люди численные — то есть вольные, окладные,
платившіе дань государственную (с. 244).*

Том V

*Князья ростовскіе и ярославскіе со мною одинъ человекъ
(с. 42).*

мѣсто было изобильно, пчелисто и пажитно (с. 46).

*доказывая, что сей архимандритъ еще новоукъ въ монаше-
ствѣ (с. 56).*

*«Мамай со всѣмъ царствомъ идетъ въ землю Рязанскую противъ
меня и тебя», писалъ онъ къ великому князю: «Ягаило также; но
еще рука наша высока: бодрствуй и мужайся» (с. 63).*

сталъ на костяхъ, или на полѣ битвы (с. 72).

гдѣ братъ мой и первоначальникъ нашей славы? (с. 73).

*сія многолюдная столица кипѣла прежде богатствомъ
и славою (с. 87).*

*посадникъ, бояре, житые (именитые) и черные люди всѣхъ
пяти концовъ (с. 94).*

*черный боръ, или дань, собираемую съ чернаго народа
(с. 96).*

*Димитрій и князь Владиміръ Андреевичъ, братья и друзья,
казались доголѣ однимъ человекомъ (с. 102). Здесь Карамзин
написал уже от себя, по примеру летописи (слич. V, с. 42).*

*что гости, суконники и городскіе люди, свободны
отъ службы (с. 104).*

*силою одного разума и характера заслужилъ отъ современни-
ковъ имя орла высокопарнаго въ дѣлахъ государственныхъ
(с. 107).*

*вывезли къ намъ изъ земли нѣмецкой арматы и стрѣль-
бу огненную (с. 122).*

*ходить на войну съ нимъ или съ полками великокняжескими,
сидѣть въ осадѣ, где онъ велитъ (с. 126).*

*немедленно объявилъ гнѣвъ, то есть войну Новгороду
(с. 160).*

они смиренно били челомъ (с. 163).

онъ, какъ сказано въ лѣтописи, не потокалъ боярамъ (с. 174).

вездѣ туга и скорбь, предсказанная нѣкоторыми книжниками года за три или за четыре (с. 200).

земля Русская была нашимъ вѣрнымъ улусомъ; держала страхъ, платила дань (с. 201).

князь возстаеъ на князя, братъ остритъ мечъ на брата, племянникъ куетъ копье на дядю (с. 217).

въ семь завѣщаніи Василій, благославляя сына великимъ княженіемъ и поручая матери, отказываетъ ему все родительское наслѣдіе и собственный промыслъ (Нижній Новгородъ, Муромъ) (с. 221).

да не скажутъ легкомысленные: отлучимся отъ нихъ, когда они удалились отъ церкви греческой (с. 232).

наместникъ беретъ куницу шерстью (с. 235 и 237).

уличенный въ самосудъ платитъ 4 рубля; а самосудъ есть то, когда гражданинъ или земледѣлецъ, схвативъ татя, отпуститъ его за деньги, а намѣстники о семъ узнаютъ (с. 235).

былъ смертельно уязвленъ оружіемъ въ Коломнѣ на игрушкѣ, какъ сказано въ лѣтописи (с. 239): рыцарские игры.

пѣшіе и конные обгоняли другъ друга, стремясь въ слѣдъ за государемъ, какъ пчелы за маткою, по старому, любимому выраженію нашихъ лѣтописцевъ (с. 262).

легать отъ ребра (a latere) апостольскаго (с. 292).

митрополитъ отдалъ ее (вѣру) на златѣ римскому папѣ (с. 294).

мужъ святой! обѣщаю доставить тебѣ санъ митрополита, но прошу твоей услуги. Иди въ свою епископію, въ городъ Муромъ; возьми дѣтей великаго князя на свою епитрахиль и привези ко мнѣ (с. 322).

Димитрій хотѣлъ, по тогдашнему выраженію, связать душу Васильеву крестомъ и евангеліемъ (с. 325).

народъ, угѣшенный сожалѣніемъ и милостію государя, почилъ (какъ сказано в летописи) отъ минувшаго зла (с. 343).

в 1228 году они (поединки) уже были в Россіи способомъ доказывать свою невинность предъ судьями и назывались полемъ (с. 387).

вмѣстѣ съ судьями и докладчиками засѣдали присяжные (с. 388).

дѣло предлагалось такъ называемыми разскащиками, или стряпчими (с. 388).

монетки назывались денежниками (с. 401).

сразились не только оружіемъ, но и сами о себя избивая другъ друга (с. 406).

принявъ власть отъ бога, онъ съ богомъ возвеличилъ землю Русскую, которая во дни его княженія воскипѣла славою (с. 407).

кротко-повелителенъ съ князьями, тихъ, увѣтливъ съ боярами (с. 407).

благоворя всѣмъ, (Дмитрий) могъ назваться окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ, трубою спящихъ въ опасности (с. 407).

о день скорби и туги, день мрака и бѣдствія, вопля и заклипанія (с. 407).

оба (князь и княгиня) жили единою добродѣтелию, какъ злато-перистый голубь и сладкоглаголивая ластовица (с. 407).

княгиня горько восплакала, проливая слезы огненныя (с. 407).

Том VI

немедленно отправились, по тогдашнему выраженію, искать ратной чести (с. 18).

принудили Ибрагима заключить миръ на всей волѣ государя Московского: то есть исполнить всѣ его требованія (с. 23).

въ земли и воды мои не вступалися, имя мое держали честно и грозно по старинѣ (с. 25).

въ утверженіе договора цѣлуй крестъ къ Великому Новгороду за все свое княжество и за всю Ряду Литовскую въ правду, безъ извѣта; а послы наши цѣловали крестъ новгородскою душею къ честному королю за Великій Новгородъ (с. 33). Слич. честный король польскій (с. 31).

не уклоняйтесь отъ святой, великой старины (с. 35).

ополченіе наше (говорятъ лѣтописцы) колебалось подобно величественному морю, ярко освѣщенному солнцемъ (с. 55).

самъ богъ посылаетъ ему столь знаменитую невѣсту, отрасль царственнаго древа, коего сѣнь покоила нѣкогда все христіанство (с. 60).

она (Софія) одѣлась въ царскія ризы (с. 65).

во всю дорогу (легатъ папскій) ѣхалъ съ латинскимъ крыжемъ (с. 66).

ты, великий князь, обязанъ слать ко мнѣ, царю, поминки, или дары ежегодные (с. 87).

рыбій зубъ и поставъ рудожелтаго сукна (с. 103).

онъ привелъ Великій Новгородъ во всю волю свою (с. 128).

сіи, какъ сказано въ лѣтописи, тучные вельможи любили свое имѣніе, женъ и дѣтей гораздо болѣе отечества и не преставали шептать государю, что лучше искать мира (с. 152).

мы всѣ благословляемъ тебя на Ахмета, не царя, но разбойника и богоборца (с. 155).

шлетъ твоему величеству тяжелый поклонъ съ легкимъ даромъ (с. 187).

государь, пожаловавъ его въ золотоносцы, далъ ему золотую цѣпь съ крестомъ, горностаевую шубу и серебряныя остроги или шпоры (с. 216).

ему велѣно было именемъ Иоанновымъ спросить Максимилиана о здравіи, но не править поклона (с. 222). ревностнымъ обѣтникомъ св. Николая (с. 231).

пользуясь невзгодою Россіи, Литва завладѣла ихъ странами (с. 248).

другъ и братъ великое дѣло; не скоро добудешь его (с. 257).

правилъ имъ поклонъ стоя, не на колѣняхъ (с. 272).

ты отъ чистаго сердца прислалъ добраго мужа къ моему порогу (с. 273).

присягнули въ вѣрности къ Россіи и пили воду съ золота предъ нашими чиновниками (с. 284).

когда же ни добромъ, ни лихомъ не возьмемъ Кіева (с. 291).

Иоаннъ, сложивъ съ себя крестное цѣлованіе, объявлялъ войну Литвѣ (с. 296).

москвитяне и татары не саблями свѣтлыми рубили поганыхъ (с. 308).

Магметъ-Аминь велъ нашихъ служилыхъ татаръ (с. 309).

требуя поля и единоборства (с. 355).

самыя злочестивыя цари ординскіе, боясь господа, щадили собственность монастырей и святительскую: не смѣли двигнути вещей недвижимыхъ (с. 362).

Том VII

посламъ и купцамъ обѣихъ державъ вездѣ путь чистъ и свободенъ (с. 23).

говорю съ нимъ предъ тобою съ очи на очи (с. 28).

ты, царь всея Руси, держишь насъ въ старинѣ (с. 33).

твой намѣстникъ утѣсняетъ добровольныхъ людей, псковитянъ (с. 33).

народъ думалъ, что ему дѣлать? ставить ли щитъ противъ государя? затвориться ли въ городѣ? (с. 35).

а мы, сироты твои, и прежде и нынѣ были отъ тебя, государя, неотступны и ни въ чемъ не противились (с. 36).

вы держали имя наше честно и грозно (с. 36).

предъ лицемъ государя мы единомысленно дали ему крѣпкое слово своими душами за себя и за васъ, братья, исполнить его приказаніе (с. 37).

требовалъ его именемъ, чтобы они, если хотятъ жить по старинѣ, исполнили двѣ воли государевы: отмѣнили вѣче, сняли

колоколъ онаго и во всѣ города свои приняли великокняжескихъ намѣстниковъ (с. 38).

другихъ среднихъ и младшихъ гражданъ отпустили въ дома, съ увѣреніемъ, что имъ не будетъ развода (с. 42), т. е. что их не выведут из Пскова.

онъ просилъ новаго опаса и получилъ его (с. 55): опасная грамота.

земля наша, твоя отчина, пустьъетъ: прими градъ съ тихостію (с. 64).

бояре смоленскіе, народъ, жены и дѣти встрѣтили Василия въ предмѣстіи съ очами свѣтлыми (с. 65).

изобразили свирѣпость, хитрость, счастье Селима, упоеннаго кровію отца и трехъ братьевъ, возжигающаго предъ собою свѣтильники отъ тука сердца христіанскихъ (с. 92 и 93).

молили его обьявить искренно, желаетъ ли или не желаетъ мира съ Литвою, чтобы не плодить рѣчей бесполезно? (с. 93).

онъ здравствовалъ съ великимъ княземъ и сталъ на колѣна (с. 95).

здравая политика велитъ намъ мириться с Литвою, ибо время воюетъ сію державу (с. 100).

не хотѣлъ слушать поклоновъ отъ великаго князя (с. 102). обьявилъ ей, что она будетъ матерію Тита, широкаго ума (с. 157).

но — какъ сказано въ лѣтописи — не приказывалъ къ нему о братствѣ: ибо не зналъ, что онъ самодержецъ или только урядникъ Индѣйскаго царства (с. 161).

и да высится рука христіанъ надъ невѣрными (с. 167).

мы природные вамъ государи, а вы наши извѣчныя бояре (с. 167).

служите сыну моему, какъ мнѣ служили: блюдите крепко, да царствуетъ надъ землею (с. 167).

а ты, князь Михаилъ, за моего сына Іоанна и за жену мою Елену долженъ охотно пролить всю кровь свою и дать тѣло свое на раздробленіе (с. 168).

жалованись также на любовь его къ новымъ обычаямъ, привезеннымъ въ Москву Софіиными греками, которые, по ихъ словамъ, замѣшали Русскую землю (с. 181).

великий князь, какъ говорили тогда, судилъ и рядилъ землю всякое утро до самаго обѣда (с. 181).

опредѣляетъ пошлину судную, мировую, брачную, стадную, убойную (с. 187). Слич. т. VII, с. 129: волохи путники мои и стадики.

Макарій первый учредилъ общежительство въ монастыряхъ новгородскихъ (с. 191).

(иконы) спасителя и апостоловъ Петра и Павла, устроенныя (какъ сказано въ лѣтописи) изъ золота и серебра (с. 191).

правительство наблюдало, чтобы сіи денежники не обманывали въ вѣсѣ и чистотѣ металла (с. 207).

свѣчами богоявленскими и зажгли брачныя, обогнутыя соболями и вдѣтые въ кольца (с. 221).

свѣчи съ короваями отнесли въ спальню, или въ сѣнникъ (с. 222).

на лавкахъ стояли оловянники съ медомъ (с. 222).

князь Юрій Іоанновичъ сидѣлъ опять на большомъ мѣстѣ (с. 223).

въ дверяхъ знатнѣйшій бояринъ выдавалъ великую княгиню и говорилъ речъ (с. 223); свадебный обрядъ.

защитникъ государства, отецъ вельможъ и народа, мудрый слагольникъ духовенства (с. 229).

Том VIII

въ болѣзни и тоскѣя отбылъ ума и мысли (с. 14).

Шійдякъ считалъ себя главою всѣхъ ногаевъ и писалъ къ Іоанну, чтобы онъ давалъ ему, какъ хану, урочныя поминки. Бояре отвѣтствовали: государь жалуетъ и хановъ и князей, смотря по ихъ услугамъ, а не даетъ никому урока (с. 20).

поддѣльщиковъ и обрѣзчиковъ велѣла казнить (с. 43): кто подделывает и обрезывает деньги.

казанцы терзаютъ Россію, а мы, въ угодность ему, не двигаемъ ни волоса для защиты своей земли (с. 54).

воеводы Іоанновы, по словамъ лѣтописцевъ, пировали духомъ, готовясь къ рѣшительной битвѣ слѣдующаго дня (с. 65).

всевышній оградилъ сего христіанскаго Давида силою св. духа, посадилъ на престолъ добродѣтели, даровалъ ему ужасъ для строптивыхъ и милостивое око для послушныхъ (с. 99).

одобревъ Судебникъ, Іоаннъ назначилъ быть в Москвѣ Сороку слугъ божіихъ (с. 109).

описалъ все претерпѣнное въ додѣствующую Россію во дни его сиротства и юности (с. 109).

князь Семеонъ Микулинскій съ передовою дружиною разбилъ его наголову и втопталъ въ городъ (с. 115).

вы, угождая имъ, кладете бритву на брады свои, и въ постыдной нѣге стыдитесь быть мужами (с. 142).

въ сей день войско увидѣло предъ собою Казань и стало въ шести верстахъ отъ нея, на гладкихъ, веселыхъ лугахъ, которые подобно зеленому сукну разстилались между Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость (с. 156).

имъ велѣно не давать намъ покоя и дѣлать всевозможный вредъ частыми наѣздами (с. 162).

татары гнали ихъ, втиснули въ обозъ, начали водить круги передъ нашими укрѣпленіями и пускали стрѣлы дождемъ (с. 164).

казанцы не слушали ни краемъ уха, по выражению лѣтописца (с. 170).

но явились муромцы, дѣти боярскіе, стародавныя племенемъ и доблестью (с. 171).

наконецъ, 1 октября, Иоаннъ объявилъ войску, чтобы оно готовилось пить общую чашу крови — то есть къ приступу (ибо подкопы были уже готовы), и велѣлъ воинамъ очистить душу накануне дня роковаго (с. 173).

послалъ бояръ и ближнихъ людей во всѣ дружины съ хвалою и съ милостивымъ словомъ (с. 183).

многіе витязи, по словамъ летописца, сіяли ранами драгоценнѣйшими алмазовъ (с. 184).

тутъ же послы отъ царицы, князя Юрия, митрополита, здравствовали государю на богомъ данной ему отчинѣ, царствѣ Казанскомъ (с. 189).

терзаемый бѣдствіемъ отечества, ты, царь великодушный, возложивъ неуклонную надежду на бога вседержителя, произнесъ обѣтъ спасти насъ; ополчился съ вѣрою; шелъ на труды и на смерть; страдалъ до крови (с. 193).

а вы, Захарьины, чего ужасаетесь? Поздно щадить вамъ мятежныхъ бояръ: они не пощадятъ васъ; вы будете первыми мертвецами (с. 208).

важнѣйшимъ обстоятельствомъ сего, такъ называемого кирилловскаго ѣзда (с. 214), т. е. путешествія в Кириллов монастырь.

князя Симеона выставили на позоръ и заточили на Бѣлоозеро (с. 216).

въ сей нѣкогда ужасной странѣ, полной мечей и копій, обитала тогда безоружная, мирная робость (с. 222).

россіяне могутъ свободно ловить рыбу отъ Казани до моря, вмѣстѣ съ астраханцами, безданно и безъявочно (с. 223).

племянники и дѣти мои единодушно дали мнѣ поводъ уздѣ своихъ: я властвую надо всѣми улусами (с. 228).

король нѣмецкій сгрубилъ намъ (с. 247).

скажемъ вамъ также не въ укоръ, но единственно въ расудѣ: кто государь вашъ? Вѣнценосецъ, правда; но давно ли еще торговалъ волами? (с. 249).

ихъ встрѣчали и провожали во дворцѣ знатные сановники; угощали на золотѣ, пышно и великолѣпно (с. 249).

шесть дней продолжались битвы жестокия и достойныя мужей рыцарскихъ, какъ пишетъ воевода Курбскій (с. 280).

мы готовы умереть, готовы обороняться, пока есть у насъ блюдо на столѣ и ложка въ рукахъ (с. 281).

читали торжественно донесеніе Адашева, радовались, что онъ положилъ намъ путь въ нѣдра сего темнаго царства, где до толъ сабля русская еще не обагрялась кровію невѣрныхъ (с. 296).

не говори безлѣпны и докажи опытомъ свое искреннее миролюбіе (с. 297).

она (Ливонія), съ вѣдома и согласія нашего, избирая себѣ

нѣмецкихъ магистровъ и мужей духовныхъ, всегда платила дань Россіи (с. 302).

такъ называемые стороны и псковскіе, или вольница, уже не находя ничего въ ливонскихъ селахъ, искали земледѣльцевъ въ лѣсахъ (с. 304).

избираю тебя, моего любимаго! иди и побѣждай (с. 305); любимый вм. любезный часто употребляется в древнемъ языке, напр.: и по семъ же слышавъ, любиміи, како грехъ ради нашихъ (Акты историч., I, с. 58).

Том IX

обремененный дѣлами, онъ не знаетъ иныхъ утѣхъ, кромѣ совѣсти мирной, кромѣ удовольствія исполнять свою обязанность; не хочетъ обыкновенныхъ прохладъ царскихъ (с. 6).

сей богомъ уроденный царь (с. 6).

вымышляютъ дѣтскіе страшила (с. 13).

начали забавлять царя, сперва бесѣдою пріятною, шутками, а скоро и свѣтлыми пирами (с. 18).

Іоаннъ велѣлъ отсѣчь ему голову — за противное слово (говоритъ летописецъ) (с. 27 и 28).

знаю только дѣла церковныя; не стужайте мнѣ государственными (с. 38).

руки твои наполнились плѣна и богатства (с. 43).

онъ нѣсколько разъ хотѣлъ удалиться отъ дѣлъ и посвятить себя житію молчальному или пустынному (с. 49).

царь Іоаннъ въ 1547 году искалъ въ Германіи художниковъ для книжнаго дѣла (с. 49).

печатъ на одной сторонѣ должна представлять образъ богоматери съ младенцемъ, а на другой руку благословенную съ именемъ митрополита (с. 52).

такъ было до временъ великаго мстителя неправдамъ, моего дѣда; до славнаго родителя моего, обрѣтателя древней нашей отчины, и до меня смиреннаго (с. 54).

митрополитъ и духовенство вступаютъ за виновныхъ, грубятъ, стужаютъ ему (с. 75). Здесь последний глаголъ является прямо в собственной Карамзина речи. Слич. т. IX, с. 38.

мы всѣ съ своими головами ѣдемъ за тобою битъ челомъ государю и плакаться (с. 76).

однимъ словомъ, люди земскіе, отъ дворянина до мѣщанина, были безгласны, бѣзотвѣтны противъ опричныхъ; первые были ловомъ, послѣдніе ловцами (с. 86 и 87).

убѣждалъ его не вѣрять бремени великаго лодымалой (с. 95), т. е. не давать ему митрополи.

люди умирали скоропостижно, знаменіемъ, какъ сказано въ лѣтописи: вѣроятно пятномъ или нарывомъ (с. 110).

в Казанской (области) и въ сосѣдственныхъ съ нею явилось неописанное множество мышей, которые тучами выходили изъ лѣсовъ (с. 110).

дворянъ первой и второй статьи (с. 115).

Рига и Венденъ необходимы намъ для безопасности Юрьева, или Дерпта, самаго Пскова и Новагорода, коихъ торговля стѣснится и затворится, если сіи города ливонскіе останутся у короля (с. 115).

Іоаннъ взялъ Кучума подъ свою руку, въ обереганіе (с. 134).

бояре, дворяне, приказные люди надѣли смиренное платье, или трауръ (с. 139).

кто не могъ заплатить сей пени, того ставили на правеежъ: всенародно били, сбкли съ утра до вечера (с. 149).

сие, какъ говоритъ летописецъ, неисповѣдимое колебаніе, паденіе, разрушеніе Великаго Новагорода продолжалось около шести недѣль (151).

Іоаннъ тѣшился съ своими палачами и людьми веселыми, или скоморохами (с. 165).

слышали вдали прыскъ и ржаніе табуновъ (с. 179).

жгу и пустошу Россію (писал хан) единственно за Казань и Астрахань; а богатство и деньги примѣняю къ праху (с. 185).

послы увѣряли, что король во всемъ исправится и добьет челома царю за вину свою (с. 192).

200 конныхъ воиновъ, снаряженныхъ по нѣмецкому чину (с. 192).

нынѣ видимъ противъ себя одну саблю, Крымъ; а если отдадимъ хану завоеванное нами, то Казань будетъ вторая сабля, Астрахань третья, Ногаи четвертая (с. 210).

злочестіе выситъся; христіанство никнетъ (с. 214).

мы цари изначальныя и происходимъ отъ Августа кесаря (с. 229).

шестою Іоанновою супругою — или, какъ пишутъ, женищемъ — была прекрасная вдова, Василиса Мелентьева (с. 274).

началъ копать борозды (или вести траншеи) (с. 331 и 332).

но Шуйскій, узнавъ отъ бѣглеца литовскаго о сихъ тайныхъ девяти подкопахъ, умѣлъ перенять нѣкоторые изъ нихъ; другіе сами обрушились (с. 337).

кидали гранаты (кувшины съ зеліемъ) (с. 337).

отдать ему, но только въ конечной нѣволе, всю Російскую Ливонію (с. 342).

сія вылазка была сорокъ шестая — и прощальная (с. 347).

называться полнымъ отчествомъ или Вичемъ (с. 356).

сидѣлъ Іоаннъ только съ боярами, дворянами сверстными и князьями служилыми (с. 359).

утверждалъ, что мы новоиуки въ христіанствѣ (с. 362).

католики вольны (сказали Антонию) жить у насъ по своей вѣрѣ, безъ укорижны и зазору (с. 367).

принимать къ себѣ всякихъ людей вольныхъ, не тяглыхъ и не беглыхъ (с. 376).

съ обязательствомъ не дѣлать рудъ, и если найдутъ гдѣ

серебряную, или мѣдную, или оловянную, то немедленно возвѣщать о семъ казначеевъ государевыхъ (с. 377).

имъ должно покрыть вины свои совершеннымъ усмирениемъ остяковъ и вогуличей (с. 384).

казнилъ за всякое ослушаніе, за всякое дѣло студное (с. 390).

государь и народъ воспрянули духомъ (с. 398).

заиграло Кучюмово сердце, какъ сказано въ лѣтописи (с. 407).

нельзя ничего купить на торгу или съ лавки безъ поруки (с. 450).

дни черезъ два совершается избраніе, объявляемое ему благовѣстниками, архимандритами Спасскимъ и Чудовскимъ (с. 464).

избранный между осьмью стоящими огненниками, подъ орломъ, читаетъ исповѣданіе вѣры (с. 465).

Том X

на громогласномъ престолѣ свирѣпаго мучителя Россія увидѣла постника и молчальника (с. 6).

и да боятся серпа небеснаго (с. 16).

въ угодность имъ не затворимъ дорогъ въ свою землю (с. 29).

желаетъ всегда блюсти ихъ подъ своею рукою (с. 31).

въ высокохвальномъ королевствѣ Шведскомъ (с. 49).

служить ей усердно до издыханія (с. 64).

царская наша дума благоразумно совѣтовала ему манить султана и не раздражать до общаго возстанія Европы на Оттоманскую имперію (с. 65).

я кину свое бѣдное царство и побѣгу, куда несутъ очи (с. 66).

избывая мірскіе суеты и докуки, онъ не хотѣлъ слушать ихъ и посылалъ къ Борису (с. 82).

они всѣ головами своими кинутся къ Кракову (с. 101).

онъ трепеталъ, какъ голубь, испуская духъ, и скончался (с. 133).

началъ играть съ ними ножемъ въ тычку (с. 139).

богъ даровалъ ему побѣду раденіемъ и промысломъ Борисовымъ (с. 156).

сами пойдемъ на Москву своими головами (с. 174).

онъ залегъ всѣ пути крымцамъ къ Дунаю (с. 182).

имѣю 40 000 всадниковъ, 30 000 пѣшихъ воиновъ, 6000 стрѣльцовъ съ огненнымъ боемъ (с. 194).

изъявивъ Ѳедору желаніе быть съ нимъ въ крѣпкой любви (с. 199).

правитель сказалъ царю, что Смоленскъ будетъ ожерельемъ Россіи (с. 211).

въ предисловіи сказано, что безъ сей численной философіи, изобрѣтенія финикійскаго, единой изъ семи свободныхъ мудростей (с. 259), т. е. без арифметики.

слова были писаны съвязью, или невразумительными чертами (с. 269).

а въ деревянномъ городѣ или Скорородомѣ (т. е. на скоро выстроенномъ в 1591 году) жили мѣщане и ремесленники (с. 271).

нѣсколько пѣтуховъ разсолныхъ съ инберемъ, курицъ безкостныхъ, тетеревей съ шафраномъ (с. 275).

подъ сею верхнею одеждою другую, шелковую, называемую лѣтникомъ (с. 280).

Том XI

тогда здравствовали новому монарху все россіяне (с. 6).

доносить о всякихъ скопахъ и заговорахъ (с. 7).

чтобы въ дѣлахъ разрядныхъ и земскихъ не доводить государя до кручины (с. 8).

устроилъ еще плавную, или судовую, рать на Окѣ (с. 15).

клятва и казнь всякому мятежнику, раскольнику любовательному (с. 20).

имѣла бѣлизну млечную, волосы черные, густые и длинные, трубами лежащія на плечахъ — лице свѣжее, румяное, брови союзныя (с. 49).

не менѣ плѣняла и душою, кротостію, благорѣчіемъ (с. 50).

Александръ палъ, ибо не пріимилъ Россіи и не стоилъ ея сильнаго вспоможенія (с. 69).

она стоя пила чашу Борисову (с. 74).

политики вообще благоразумной, не чуждой властолюбія, но умѣреннаго: болѣе охранительной, нежели стяжательной (с. 85).

взялъ къ себѣ для книжнаго дѣла (с. 124).

желаніе избыть Бориса овладѣло сердцаши (с. 175).

князь Иванъ Голицынъ спѣшилъ въ Путивль, уже не къ царевичу, а къ царю съ повинною, отъ имени войска (с. 194).

граждане выѣхали изъ столицы съ повинною къ самозванцу въ Тулу (с. 202).

на службѣ пріимать и мужествовать неизмѣнно (с. 210).

московскій благовѣщенскій протоіерей Терентій сочинилъ ему похвальное слово, какъ вѣнценосцу доблему, носящему на языкѣ милость (с. 218).

положили избыть разстригу и ляховъ (с. 387).

покрыть милосердіем вину заблужденія (с. 31).
 вельможы его — говоритъ лѣтописецъ — были въ смущеніи и
 въ двоемыслии (с. 96).

велѣли ему дѣлать подъ башнями такъ называемые слухи,
 или ямы въ глубину земли, чтобы слушать тамъ голоса или стука
 людей, копающихъ въ ея нѣдрахъ (с. 104).

св. Сергій — говоритъ летописецъ — о х р а б р и л ь и невѣждъ
 (с. 109).

требовать и молить слезно (с. 255).

главнымъ дѣломъ для пословъ было возвратиться въ Москву
 съ Владиславомъ, дать отца сиротамъ (с. 255).

ручаемся вамъ душами за боярина Шеина и гражданъ
 (с. 256).

всѣ, отъ мала до велика, и тамъ и въ другихъ городахъ
 цѣловали крестъ Владиславу (с. 257).

москвитяне пировали съ ляхами, скрывая взаимное опасеніе
 и неприязнь, называясь братьями и нося камень за пазу-
 хою, какъ говоритъ историкъ-очевидецъ (с. 266).

вдругъ заговорили смѣло о необходимости соединиться душа-
 ми и головами для изгнанія ляховъ (с. 274).

россіяне уже не могутъ терпѣть сиротства, будучи стадомъ
 безъ пастыря или великимъ звѣремъ безъ гла-
 вы (с. 274).

имя львообразнаго стратига (с. 295).

многолѣтствовали въ церквахъ благовѣр-
 нымъ князьямъ и боярамъ (с. 297).

(дѣти боярскіе) стоятъ нынѣ со всею землею противъ
 измѣнниковъ и враговъ (с. 312).

ПИСЬМЕННЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ

Часто случается слышать жалобы родителей на то, что их дети, учаь в гимназии всяким премудростям, не умеют написать простого объявленія или расписки. Удовлетворяя практической потребности, учителя внесли в риторику руководство к сочиненію деловых бумаг, как то: газетных объявленій, квитанцій, свидѣтельств, просьб и т. п. Для образца привожу из теоретико-практическаго руководства Гуртеля, профессора Политехническаго института в Вене¹:

§ 223. Объявленія бывают:

1) о предметах потерянных, нанимающихся или продающихся;

¹ „Grundriß der Aufsatzlehre“, 2-е изд., 1841.

- 2) о предложении чего-либо;
- 3) об особенных событиях, о чьей-нибудь смерти и других семейных обстоятельствах;
- 4) о вспомоществовании бедным и несчастным;
- 5) о благодарности за оказанное благодеяние.

§ 244. Для возвращения потерянной вещи объявляется:

- 1) когда и где потеряна;
- 2) что потеряно, признаки потерянной вещи;
- 3) кто потерял, или по крайней мере место, куда нашедший имеет возвратить потерянную вещь.

Пр и м е р: *потеряна табакерка.*

7-го числа сего месяца, между 5 и 6 часами вечера, на дороге от такого-то места (имя рек), через такие-то улицы и такую-то площадь и до такого-то дома потеряна золотая табакерка.

Форма ее плоская, нынешняя, на середине крышки в дубовом венке буква F, от коей идут лучи до самых краев; узкие бока украшены арабесками; по углам орлы; на нижней доске волнистые линии.

Нашедший благоволил вручить оную на такой-то улице дворнику в доме под № 1, за что получит три дуката золотом.

Вена, такого-то числа, месяца и года.

§ 243. Квитанции суть такие документы, которые дает кто-либо в получении денежной суммы от того, кто обязан был ему выдать оную. Они важны для выдавшего потому, что обеспечивают от вторичной выдачи.

В квитанции должно быть означено:

- 1) сколько денег;
- 2) от кого, т. е. имя платящего;
- 3) за что.

§ 244. Под последним пунктом разумеется причина платы, будет ли то жалованье, или награда, или долг и т. п. За работу или за товары квитанция совершается обыкновенно под счетом: *отдано сполна, такой-то* — и пр.

Читатель сам видит ясно, что систематическая теория такой риторики договорилась до пустяков.

О таких руководствах к деловым бумагам надобно заметить следующе: 1) исчислить все случаи, при коих необходима деловая бумага, невозможно; следов., учебник всегда будет неполон, руководство недостаточно. 2) Если уже учить, как пишутся квитанции, то еще необходимее учить, как составляются счета и счетные книги: риторика перейдет в бухгалтерию. 3) В практической жизни объявления столь же необходимы, как просьбы и рапорты; риторика перейдет в юриспруденцию. 4) Следов., практическое руководство к составлению деловых бумаг никоим образом не может войти в риторикку как органическая часть органического целого. Маленькие наставленья, попадающиеся в учебниках, касаются только одних формальностей, которые стоят наравне с адресами на письмах, т. е. с правилами, что генерал величается *его превосходительство*, князь или граф *его сиятельство* и т. д. 5) Не имея никакого

научного достоинства, эти руководства содержат некоторую педагогическую ценность, и особенно для низших учебных заведений, откуда дети выходят прямо в купцы или ремесленники. Литературное образование лежит вне средств и цели уездных училищ; но надобно, чтобы кончившие в них курс умели написать письмо или объявление, а то для чего же они учились писать? 6) Что же касается до гимназий и других средних учебных заведений, то в них, кажется, вовсе не должно быть места руководства к деловым бумагам, или по крайней мере до тех пор, пока не заведутся учителя юриспруденции и не возьмут их под свое ученое и разумное покровительство, дав им строгое юридическое значение. 7) Если учитель русского языка выучил своих учеников основательно обдумывать заданную тему, правильно располагать мысли, точно выражать оные, то ему уже вовсе не нужно будет и намекать, как пишутся ярлыки о продаже домов или найме комнат, выставляемые на воротах или на будке дворника. 8) Следов., гимназия должна образовать в ученике ум и способность; применение же остается на удел самой жизни: школа никак не может предупредить всех случаев, в коих понадобится ученику писать о том или другом.

2. ПИСЬМА

Ступенью выше стоят упражнения в письмах. С одной стороны, примыкают они к деловым бумагам, а с другой, восходят до литературного, изящного произведения. Так как всякому чаще всего приходится писать письма, потому с ранних пор появились особые руководства, под именем письмовников, из коих древнейший у нас относится ко временам Петра Великого под названием «Приклады, како пишутся комплименты». Впоследствии письмовник вошел в риторiku. Пример руководства к письмам привожу из Фалькманна¹:

«1. (П о н я т и е). Под именем письма разумеется речь, написанная к одной или многим особам. Письмо иногда не требует ответа, иногда требует. В последнем случае происходит мена письмами; корреспонденция есть не иное что, как письменный разговор.

2. (О т л и ч и т е л ь н ы й п р и з н а к). Отличительная черта письма — индивидуальность, коею выражаются характер пишущего и отношения лиц, между которыми переписка. Отсюда извлекаются все риторические правила для писем.

3. (С о д е р ж а н и е). Содержание письма столь же разнообразно, как и разговора, ибо нет ни одной самой ничтожной вещи, которая не могла бы быть предметом письма. В некоторых случаях для письма решительно все равно, о чем пишется, главное, чтобы было написано в хорошем тоне. Потому в письмах часто касаются

¹ „Praktische Rhetorik für die odern Klassen der Schulen und zum Selbstunterricht“, 1831, с. 336 и след.

ся до десятка различных предметов и весьма редко бросают глубокий и всеобъемлющий взгляд на что-либо одно.

4. (П о р я д о к). Распорядок письма делим мы на внутренний и внешний. Внутренний или расположение, будучи обще у письма с другими сочинениями, зависит от содержания и только в немногих случаях бывает обстоятельно и подробно развито. Но на него имеют существенное влияние цель письма, длина его, особы, к коим пишется, и обстоятельства, при коих пишется. Под внешним порядком разумеется все то, чем отличается письмо от других сочинений по внешности, как-то: постоянное обращение к лицу, в начале воззвание, на конце подпись своего имени, означение места и времени, т. е. где и когда написано, иногда *postscriptum* и приложения, запечатание, иногда вложение в особую бумагу (конверт), надпись (адрес) со всем, что к тому относится».

Это систематическое обозрение конвертов и адресов до такого наивного педантизма пошло, что почитаю уместным прекратить выписку, разве только прибавлю из 7-й статьи, что достоинство письма, между прочим, должно состоять *сколько возможно в непогрешительном качестве бумаги, чернил и почерка*. Учителя словесности заслуживали бы самого живейшего сострадания, если бы принуждены были учить таким пустякам. От разделения писем на роды Фалькманн прямо ведет к практическим упражнениям. Он их делит на письма дружественные — от равного к равному, вежливые — к высшей особе, или не столь знакомой, деловые и ученые. Для практического руководства приводятся письма, на которые ученики должны писать ответ, рассказываются вымышленные обстоятельства, соображаясь с которыми ученики ведут переписку и т. п. Так, в пример дружественного письма, между прочими, приводится письмо от товарища, проигравшегося в карты и просящего у ученика займы денег, чтобы обмануть отца. Ученик должен написать ответ. Пример выбран, вероятно, с педагогическою целью, чтобы гимназист обругал своего товарища за дурное поведение. Как на дружественных письмах Фалькманн учит своих учеников лицемерить в дружбе, любви, обманывать своих товарищей поддельными, небывалыми чувствованиями, так — еще хуже — на так называемых вежливых — отравляет еще благороднейшие движения сердца, напр. благодарность и признательность к благодетелю, заставляя писать благодарственные письма. Как мало теплого, человеческого чувства в тех учителях, которые думают, что детей надобно учить даже изливать свою благодарность перед благодетелем! Выучат только одному — напыщенным фразам, льстивым выражениям без мысли и чувства. И будто можно, как в куклы, играть признательностью и благотворительностью и всеми возвышенными побуждениями души! К сожалению, многие учителя вовсе не догадываются, как портят они чистые сердца своих питомцев, заставляя выдумывать небывалые чувствования. *Ложь никогда не родит ничего доброго*¹.

¹ Слич. Günther. Über den deutschen Unterricht, 1841, с. 34 и след.

По-моему, лучше вовсе не учить писать детей письма, нежели, вместе с письмами, научить только одной болтовне и загрязнить их душу лицемерием и обманом. О деловых и ученых письмах надобно сказать то же, что и о деловых бумагах, надобно знать дело, а без самого дела и деловое, и ученое письмо будет бездельно. Не худо припомнить слова Гердера¹ против сочинения писем в школе: «заставляй ученика описывать, что он сам испытал и наблюдал, по всей истине; описывать факты из истории и географии во всем их свете; описывать историю религии и человечества во всей силе. Он приобретет все роды слога, ибо приобретет всякий род мышления. Конечно, не будет он учиться здесь сочинять пустопродукции, отвратительные письма, хрии и уродливые стихи; зато научится кой-чему лучшему: живости и очевидности в образах, повествованиях и картинах, сильному и неподдельному чувству в ситуациях. Та вышеупомянутая метода портит навеки; портит образ мышления и образ выражения, ничего не дает и отнимает многое: истину, жизненность, силу, словом, природу; на всю жизнь не дает ничего доброго, но весьма много злого; делает тощих педантов, вычурных периодистов, пошлых писак, коими полна Германия; такая метода яд на всю жизнь».

3. ОПИСАНИЯ, ПОВЕСТВОВАНИЯ И РАССУЖДЕНИЯ НА ВЫДУМАННЫЕ УЧИТЕЛЕМ ТЕМЫ

Весьма естественно, что ученики даже высших классов гимназии всегда в большом затруднении найти тему, собрать материалы и расположить оные. Потому многие учителя, задав тему, рассуждают о ней с учениками в продолжение целого урока; ученики из собственных соображений и слов учителя набирают материалы и приводят их в некоторый порядок, на следующий урок приносят письменное расположение и потом уже готовят сочинение. Для упражнений подобного рода есть особые руководства; таково, напр., Герцога, директора и профессора гимназии в Бернбурге². Для примера привожу первую задачу, на тему: Почему воспоминания о детстве самые приятные?

„I. Введение

1. Человек редко умеет жить в настоящем. Охотнее занимается будущим и прошедшим. Так бывает во всяком возрасте. Юноши живут более в будущем, старики в прошедшем.

2. Опыт научает: из возмужалого возраста старец сохраняет более мрачные воспоминания, чем светлые; дитя легко забывает и радость и горе, но, возрастая, припоминает из своих ранних лет более радостное, чем печальное.

¹ „Ideal einer Schule“ („Werke z. Philos. u. Geschichte“, Bd. X, c. 331).

² „Stoff zu stylistischen Übungen in der Muttersprache“, 2-е улучшенное и дополненное изд., 1838.

II. Чем объяснить это?

1. Отрицательно. Не потому, чтобы детские радости были выше. — Неужели взрослому человеку придет мысль и охота забавляться детскими играми? Хотя любимы мы ими с наслаждением, но не пренебрегаем на такие удовольствия, к которым мы по летам способнее. — Сравнение высших радостей юности и мужа с радостями дитяти. Несмотря на то, воспоминания о детских радостях так приятны!

2. Причина должна заключаться в чем-либо ином. В чем же?

а) Дети невиннее: они еще не испытали собственных своих нравственных недостатков; все кажется им в прекрасном цвете; они не заботятся о мнении общественном; незнакомы с душевными страданиями, потому-то воспоминания о детских радостях, чужды раскаяния.

б) В детском возрасте впервые просыпается чувство к наслаждению радостями. А всякое первое благо незабвенно и сладко, потому и продолжительно воспоминание о всяком благе, которое достается нам впервые (так и первая любовь). Все позднейшие радости только повторение прежних. Теряется не сила к ощущению радостей, а новизна.

в) Дети легко забывают неприятное и живо припоминают приятное, и с этими воспоминаниями переходят в другие возрасты. Впрочем, остаются некоторые и неприятные из юношества воспоминания, однако впоследствии мы удостоверяемся, что все неприятное послужило нам к усилению и улучшению нашего характера.

г) Детский возраст есть возраст надежды. Дети редко разочаровываются в надежде. Частая перемена в детском быту; переход из класса в класс; всегда что-нибудь новое. Потому для дитяти время летит не так скоро, как для мужа и старца, которые при однообразии своих занятий удобно могут судить о долготе и краткости времени.

д) Дети малым бывают счастливы. Их радости дешевле. Они беззаботны. Взрослые заботою покупают себе радости.

III. На всем этом основывается идея древних о «золотом веке».

К сожалению, надобно заметить, что подобные руководства относятся к тем учебным пособиям, которые в Германии называются «ослиными мостами», т. е. разжевывают все, так что ученикам ничего не остается делать, как глотать. Главнейшие причины их негодности: 1) учитель должен быть энциклопедистом для того, чтобы руководствовать учеников в сочинениях по всем отраслям знания; следов., материалы, им сообщаемые ученикам, будут весьма недостаточны, а иногда и вовсе ложны. 2) Ученики сами не в состоянии писать о таких предметах, которых они не изучали или не знают, и о таких чувствованиях, которых они не ощущали;

так, напр., вышеприведенная тема вовсе чужда гимназисту, ибо он еще живет в том возрасте, о котором заставляют его уже вспоминать. Или еще несообразнее для детей предлагает Герцог тему «О радостях старческого возраста». 3) Следов., все подобные задачи будут весьма скудны содержанием, так что ученик или только перефразирует то, что слышал в классе, или же канву сочинения, данную учителем, разведет пустою болтовнею; обыкновенно бывает последнее, особенно с учениками прилежными. 4) Казалось бы, здесь больше выгод на стороне расположения; но при бедности содержания расположение будет тощею и безжизненною формальностью, которая приучит только к педантству и к суетному, бездельному мышлению, без знания и опытности. Мышлению, как огню, нужна пища, иначе оно будет потешным огнем. 5) И в отношении слога, или выражения, такие задачи бесплодны, ибо уста говорят истинно и красноречиво только от избытка мыслей и чувствований. Здесь же дети научатся только натянутым, пошлым выражениям, общим местам, педантским, напыщенным фразам, чухлому и безжизненному представлению. 6) Наконец, такая метода письменным упражнениям не имеет никакого твердого основания и ни с чем не связывается. Чтение писателей отечественных и иностранных вовсе не берется в расчет. Рассуждения учеников по различным отраслям наук преподаватель отечественного языка ценит только по слогу и расположению, не будучи судьей содержания, будто содержание не главнейшая часть сочинения! Описания и повествования, не воспитанные отчетливым изучением писателей, но взлелеянные только одним праздным воображением ученика, и по большей части не согретые ни малейшим сочувствием, развивают ложную сентиментальность и авторские замашки, всегда столь смешные в ученике.

А сколько муки приносят детям подобные сочинения, и преимущественно потому, что ученики еще бедны мыслями. «Я еще живо припоминаю себе из своего учебного возраста, — говорит один педагог¹, — сколько терзали учеников этими мнимыми пробными камнями, и ничему столько не радовался я, по выходе из школы, как тому, что навсегда отвязался я от этого беззаконного развязывания зародыша моих мыслей, которое угрожало мне через каждые три или четыре недели. В этом удостоверяет меня не одно воспоминание о собственных муках, но и постоянное наблюдение над сотнями моих учеников. Сочинение лежит гирею на душе их, не в пример тяжелее всех прочих учебных занятий вместе. Чем это объяснить? А разумеется, тем, что требуют от учеников с о б с т в е н н ы х п р о и з в е д е н и й». «Нет ничего несообразнее²,

¹ Проф. Боннель в „Neues Jahrbuch der berl. Gesellschaft für deutsche Sprache“, ч. 2, тетр. 4.

² См.: Отто Шульц в „Schulblatt für die Provinz Brandenburg“, 1836, 4-я тетр.

как требовать от детей собственно их мыслей и собственного изложения оных. Дети еще не умеют ни совладеть с своими мыслями, ни вращать их в какой-либо предписанной форме». «Дети должны производить,— говорит Ф. А. Вольф,— тогда как над ними самими только что совершается процесс произведения. Напрасно трудятся они, и выйдут из них или пошлые болтуны, или же скороспелки, которые ничего порядочного не сделают, когда придет время для собственных произведений. Это не что иное, как духовное загрязнение и скаредное уродство». «Всего недостойнее такие задачи, на которых принуждают детей выставлять на позорище собственное их внутреннее бытие. Об этом удачно и остроумно замечает Борманн: «Есть старинное, в народе распространившееся предание, что человек умрет, если увидит самого себя. Это внешнее представление мысли, будучи понятно в своем основании, содержит глубокую истину. А именно, всякий человек питает некоторую боязнь объективировать самого себя или извлекать себя из самого себя и ставить отдельным от себя предметом». Дитя,— прибавим мы,— легко может победить эту боязнь, делая себя предметом собственных мыслей и чувствований, но тогда оно теряет уже часть своего детства и подвергает себя опасности ошибаться в своих духовных силах и вести странную и опасную игру своими чувствованиями»¹.

4. ОТНОШЕНИЕ ПИСЬМЕННЫХ УПРАЖНЕНИЙ К ПРОЧИМ ПРЕДМЕТАМ ПРЕПОДАВАНИЯ

Замечательно, что учителя, выдумывающие для ученических сочинений темы, кроме нравоучительных, всего чаще задают исторические. Некоторые истины столь ясны и светлы, что к ним приходят и блуждающие во тьме по окольным дорогам. И действительно, какое богатое поприще предлагает для письменных упражнений история! Но главное, чтобы описываемые исторические события имели отличительный характер, были бы замечательны по своему историческому влиянию на жизнь народа; и особенно не надобно забывать, чтобы источниками для этих описаний служили классические образцы². Так, напр., войны могут быть предметом для сочинений: 1. Завоевательные: а) романически-героического характера (походы Александра Великого), б) воинственно-политического характера (Цезарь в Галлии). 2. Войны за свободу: а) отражение сильного врага (Персидская война), б) ниспровержение ига (отпадение Нидерландов). 3. Славное, великодушное отступление (Анабазис). 4. Решительная всемирная битва двух народов на живот или на смерть (Пунические войны). 5. Гражданские войны (Пелопон-

¹ Слич.: Diesterweg Wegweiser, I, с. 379; Herling. Theoretisch Praktisches Lehrbuch der Stylistik, 1837, I, предисловие, с. IX.

² Nieckе. Der deutsche Unterricht auf deutschen Gymnasien, 1842.

несская). 6. Религиозные (гугеноты). 7. Войны смешанного характера, где соединяются и политические, и религиозные, и патриотические, и завоевательные интересы (Тридцатилетняя), и т. д. То же самое должно сказать и о географии или естественной истории, где только введена сия последняя. Напр., общее географическое обозрение, частное описание известной страны в отношении к естественным произведениям, к образованию земли, к истории и т. д.; течение реки (Рейна, Днепра, Волги); образование гор (Альпийских, Кавказских); в отношении этнографическо-статистическом, описание образа жизни народов южных и северных, западных и восточных, описание крепостей, городов торговых, приморских, нагорных, столичных и т. п. Чтение классиков греческих и римских также должно применяться к письменным упражнениям; напр. из чтения Цезаря можно извлечь след. темы: 1. Храбрость некоторых воинов в Галльском походе. 2. Характеристика римского войска в Галлии под начальством Цезаря. 3. Какое участие принимали в делах Цезаря его легаты? 4. Политические отношения Галлии до завоевания ее. 5. Военские и 6. Политические действия Цезаря при завоевании Галлии. 7. Цезарь в Галлии.

Так как в гимназии все учителя совокупными силами стремятся дать ученикам общее образование, потому непременно должны помогать друг другу. Как учитель отечественного языка иногда по необходимости входит в области преподавания других учителей, ибо язык есть выражение всякой духовной деятельности человека, так и прочие учителя должны помогать в образовании отечественного дара слова не только изустными упражнениями, но и письменными. Многие, к сожалению, вовсе не хотят этого понять. Начальники часто жалуются именно на учителя русского языка, когда заметят, что ученик, рассказывая урок исторический или географический, сделал какую-нибудь грамматическую ошибку, а учителя истории или географии остаются правы за то, что потакают грамматическим ошибкам своих учеников; язык им кажется делом посторонним, будто он лежит на ответственности только учителя словесности. Но можно ли сему последнему в немногие уроки твердо и безошибочно научить тому, что все остальные учителя портят своим невниманием и небрежением?

Если уже для образования изустного выражения необходимо совокупное действие всех учителей, то тем паче для письменного. Для учителей древних языков пусть письменно переводят ученики классических писателей, для учителей новых языков — французских и немецких классиков; да не так, как это весьма часто делается, т. е. учителя чужих языков смотрят в переводе только на то, понял ли ученик автора, а как выразился по-русски, о том им и горя мало. Притом учителя новых языков как иностранцы по большей части плохо знают по-русски, следов., переводы с новых языков не приносят никакой пользы для языка отечественного. В этом случае учителя французский и немецкий пускай передают ученические переводы учителю отечественного языка. Прочие учителя

тоже должны задавать гимназистам письменные упражнения, даже учитель математики, разумеется, только из физики. О темах из истории и географии сказано уже выше: учителя этих предметов, задавая письменные упражнения, сами увидят, сколько принесут ученикам пользы; до сих пор они обогащают только их память, посредством же сочинений предметы их преподаваний войдут живительным элементом в общее духовное образование ученика, в воспитание его характера. Обыкновенно говорят, что учитель отечественного языка оказывает самое сильное влияние на нравственное направление ученика. И действительно, такое мнение останется правдою до тех пор, пока он один будет упражнять учеников в сочинении. Впрочем, нравственные и религиозные темы, задаваемые в классе словесности, часто вредят нравственности, вызывая в ученике лицемерное излияние добродетельных чувствований и таким образом вовлекая в ханжество. Потому-то законоучитель постоянно должен быть правителем нравственности учеников; он не столько образовывает ум и память учащихся, сколько сердце и душу со всеми ее сокровенными движениями. Чем же он может проверить успехи своих учеников на поприще искреннего, внутреннего совершенствования всего духовного бытия их? Нравственность не в слове, а в деле и благородном чувстве. Не заучиванье наизусть, а внутреннее, в себя углубляющееся созерцание дружит нас с правдою. Одно из лучших средств к тому сочинение.

Потому¹ «прямое, сообразное с школою содействие всех предметов преподавания должно состоять в том, чтобы каждый учитель, в известное время, напр. в продолжение трех месяцев, один раз или дважды, задавал ученикам письменные упражнения. Таким образом ученику придется писать более, нежели тогда, когда бы представлено было упражнение в письме только одному учителю отечественного языка. Следовательно, не будет и несообразных, с ветру пойманных тем, какие обыкновенно выдумывают учителя словесности единственно для того, чтобы образовать слог во всем разнообразии, выбирая предметы для сочинений из всего круга наук, как будто бы учитель отечественного языка есть вместе и учитель истории, и технологии, и естественной истории».

«Очевидное и главное свидетельство духовного образования есть отечественный слог²; только жаль, что ему нельзя непосредственно выучить, как истории, математике и др.; тоже нельзя учить и так, как учат латинской стилистике. Он не есть плод известных, определенных знаний в отечественном языке, ни частых упражнений письменных, ни внимательного чтения писателей, но, с одной стороны, есть врожденное дарование, а с другой — плод общего духовного совершенствования. Можно сказать, что совокупное гимназическое обучение способствует развитию отечественного слога,

¹ Wackernagel K. Der Unterricht in der Muttersprache, 1843, с. 86, 87.

² Döderlein. Reden und Aufsätze, 1843, с. 243.

как цвету всякого образования; и чем справедливее пословица: *le style c'est l'homme*, тем менее можно предполагать, чтобы слог давался; слог не дается точно так же, как и характер».

5. ОТНОШЕНИЕ ПИСЬМЕННЫХ УПРАЖНЕНИЙ К ПРЕПОДАВАНИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Учитель отечественного языка должен выучить детей правильно писать чужое и потом сочинять свое. К первому относится правописание, ко второму, кроме собственно сочинений, переводы, извлечения и т. п. И то и другое не должно выходить из пределов предмета преподавания, т. е. как правописание исключительно основывается на грамматике, так сочинения, извлечения, переводы на чужие образцовых писателей, на истории литературы, на сравнительном языковедении и т. п. Все собственные письменные упражнения учеников Бенеке¹ подводит к четырем статьям: 1) дается содержание вместе со словесным выражением оно, т. е. вместе с формою; 2) дается содержание, но во внешнем или внутреннем воззрении на предмет, следов., без формы; 3) дается форма; найти содержание; 4) ни того, ни другого не дается; найти и форму и содержание. Эти статьи идут в восходящем порядке; первая легчайшая; к ней относятся ответы на вопросы о том, что уже было сказано: письменное или словесное повторение предложенного учителем; извлечение из прочтенного и т. п. Перевод с чужого языка составляет переход ко второй статье, ибо хотя дается и содержание и форма, но форму надобно переделывать, самостоятельно вращаясь в понятиях родного языка. Ко второй статье относятся описания предметов природы видимой и духовной, произведений искусства. К третьей — подражания в форме басни, повести, письма, разговора и т. п. Последняя статья имеет самое обширное применение: на низшей ее степени дитя приискивает сказуемое к подлежащему, подлежащее к сказуемому, дополнения, определения и обстоятельства к тому и другому; на степени высшей сочиняет, напр., на заданную пословицу, описывает вымышленный характер и т. д. Из этого обозрения следует исключить, во-первых, все то, что лежит в обязанности не одного учителя русского языка, но и прочих учителей; и, во-вторых, все упражнения, не соответствующие детскому и юношескому возрасту. По моему мнению, учитель русского языка, ограничиваясь собственным своим предметом, мог бы подвести все письменные упражнения учеников к трем отделам: 1) к выражению, 2) расположению и 3) изобретению. В первом случае даны и содержание и расположение; следует найти выражение: перевод с чужого языка. Переложение с церковнославянского и древнерусского и для выражения дает материалы, из коих следует избрать речения, приличные современному слогу. Во втором случае — или даны со-

¹ „Erziehungs- und Unterrichtslehre“, 1842, II, с. 414 и след.

держание и форма — привести их в порядок: сюда относятся систематические извлечения планов из прочтенного; переработка старинного памятника нашей словесности по мысли, требующей иного порядка в расположении; систематическая обработка какого-либо предмета, извлеченного из различных книг и писателей. Или же дано одно содержание — привести в порядок и приискать выражение: обработка какого-нибудь произведения с языка чужого, не просто перевод, но или извлечение плана, или изменение одного, или извлечение из разных иностранных сочинений, писанных на разных языках, приведенное в стройный порядок; письменное изложение урока из словесности, с изменением расположения. В третьем случае, так как не дается содержания, то вместе с тем, разумеется, не дается и расположения и выражения: упражнения этого рода должны задаваться с большой разборчивостью и в известных границах. Темы на такие сочинения должны быть представляемы на волю самих учеников: учитель заблаговременно должен одобрить то, о чем им вздумается писать, и все-таки указать на некоторые источники, чтобы обогатить содержание сочинения или дать образец для расположения. Учитель отечественного языка таким образом примкнет письменные упражнения к своему предмету: в выражении и расположении он главный руководитель; касательно же материала для сочинений; он дает историю словесности, отрывок из образцового писателя, точно так как учитель истории или географии — факты своих наук.

а) Правописание

Правописание на низшей своей степени лежит в обязанности учителя не грамматики, а азбуки и чистописания. Пока эта простая истина не признается и не приводится в исполнение в наших школах, до тех пор не будет успешной педагогической методой в обучении правописанию¹. Сначала дитя должно учиться писать так, как слышит и говорит; здесь связь правописания с звуковой методой азбуки. Буквичная методой, т. е. обучение читать по буквам, т. е. *буки аз* — *ба*, или *бе а* — *ба*, изгнанная теперь из школ, не принесет такой пользы для правописания, как звуковая, по которой дитя с первого раза знакомится с элементами слова в естественном и живом соединении оных. Если дитя правильно пересчитает порядок звуков в слове, то в последовательности и напишет соответствующие звукам буквы, не пропустив ни одной, ибо твердо умеет складывать. Если же к тому с самого начала при чистописании будет обращать внимание и на правописание, т. е. если на чистописании дети привыкнут писать правильно многие слова и выражения, то учитель грамматики, на таком твердом основании, легко и скоро может выучить детей писать правильно. Грамматическое обучение правописанию не ограничивается уже правилом — писать так, как говоришь и слышишь, а требует писать, как должно грам-

¹ Diesterweg. Wegweiser..., I, с. 367—374.

матически, согласуясь с законами производства и изменения слов и связи предложений; следов., учит не только правильно писать слова, но и отделять их знаками препинания. К этому надобно прибавить одно весьма важное условие: в обучении правописанию не делать никаких нововведений, несмотря даже и на то, если бы они были истинными улучшениями, но следовать общему употреблению. Ибо мы учим детей для жизни, как она есть. Разногласица же с обществом ни к чему доброму не поведет учеников. Осуждение общепринятого возбудит в них дух неразумной гордости и суетного чванства, неразлучного с дерзким осмеянием. Учитель может писать, как ему угодно, как находит правильное, ученики же должны писать так, как пишут все.

Г л а в н е й ш и е н а ч а л а при обучении правописанию:

1. Элементарная ступень, т. е. писать, как говоришь и слышишь, должна быть отделена от высшей, от собственного правописания.

2. Идти вперед как можно осмотрительнее: не начинать нового до тех пор, пока ученики не укрепятся в показанном.

3. С упражнением соединять объяснение.

4. Сначала дети списывают себе в тетрадь написанные на доске слова и предложения.

5. Потом переписывают из книги заданные учителем для того уроки.

6. Далее переписывают на бумагу выученное наизусть, разумеется без книги.

7. Наконец пишут под диктант.

8. При диктанте учитель, сказав предложение, заставляет нескольких учеников повторить оное, для того чтобы убедиться, что они правильно его расслышали. Притом можно заставлять пересчитывать в порядке все буквы сказанного слова.

9. Когда уже продиктовано, при корректуре учитель употребляет следующие разнообразные приемы: или заставляя учеников дома сличить продиктованное с подлинником, если диктовалось из хрестоматии; или пишет сам, или же лучший ученик — на доске, и по мере писания ученики поправляют свои тетради, для того чтобы не сидели даром, пока исписалась бы вся доска; или ученики меняются тетрадями и поправляют друг друга; или учитель берет тетради домой и замечает ошибки, но не поправляет; это дело учеников; при этом случае следует заметить одно обстоятельство: некоторые ученики, или по рассеянности или по недобросовестности, кой-как поправляют подчеркнутое учителем слово; для того лучше не подчеркивать ошибки под строками, а делать знак против строки на полях, тогда ученик обязан будет прочесть целую строку и найти ошибочно написанное слово. Учитель не должен ограничиваться каким-либо одним из этих приемов, но пользоваться всеми. Сверх означенных, может употреблять и другие.

10. Касательно полицейской части при диктанте, надобно также держаться некоторых приемов: рассаживать учеников по числу оши-

бок; ленивых и неисправных заставляя дома один или даже несколько раз переписать правильно то, в чем наделали много ошибок. Полезно также раз десять или двадцать написать правильно какое-нибудь слово, в котором ошибаешься.

11. Обыкновенно не радуют дети о правописании, когда пишут для учителей прочих предметов. Надобно, чтобы все учителя строго следили за правописанием учеников.

12. Правописание должно обратиться в привычку, ученик должен дойти до того, чтобы и бессознательно, не думая, писал правильно. Потому весьма неудачна метода тех, которые учат правописанию по ошибочно написанному или ошибочно напечатанному, заставляя учеников поправлять ошибки. Как же дитя привыкнет к правильности, если постоянно читает только ошибки? Намеренно напечатанные с ошибками практические упражнения в правописании могут употребляться с пользою только на экзаменах или в уроке, но уже при испытании, чтоб увериться в знании ученика.

13. Дальнейшее и окончательное утверждение учеников в правописании при сочинениях и переводах.

б) Начальные письменные упражнения

В низших классах еще нельзя задавать ни переводов, ни извлечений, ни переложений. Для переводов требуются знания чужих языков и несколько упражненного отечественного периода. Вредно и опасно слишком рано задавать детям переводы, даже и тогда, когда они порядочно владеют языком, с которого переводят. Сначала им надобно укрепиться в русской речи, иначе они исказят ее варваризмами. Извлечение из хрестоматии вначале также неудобно, хотя не столько мучительно для детей, как перевод. Это еще не главная беда, что они будут слово в слово выписывать по целым строкам, а нехорошо то, что, выписывая из разных мест статьи, приучаются к бессвязному, нелогическому изложению. В высших классах и извлечение имеет смысл. Переложение с русского на русский же едва ли не опаснее извлечения. Перед учеником лежат, напр., басни Крылова или сказки Пушкина, и он немилосердно искажает их, переписывая в тетрадь свою детскою речью. А важнейшая-то ошибка в том, что дети получают дурной предрассудок, что ту же самую мысль можно выразить другими словами, нежели те, в какие облек ее классический писатель. Переложение стихов в прозу также имеет свою невыгодную сторону: ученики сызмала приучатся думать, что стихотворная форма есть нечто случайное в поэзии и что всякое поэтическое произведение можно разложить в прозу. И вообще есть что-то неорганическое, мертвящее и убивающее в ученических первоначальных переложениях.

Так как сочинение есть тот же рассказ и разговор, только на бумаге, то самым естественным началом собственных сочинений должен быть нечувствительный переход от изустного рассказа к письменному. Заставляя ученика правильно пересказать рассказанную басню, учитель учит его уж и сочинять. Итак, постоянным

рассказыванием дети приготавливаются к сочинениям. Впоследствии, когда они несколько укрепятся в правописании, учитель задает им дома написать на бумаге то же самое и точно так же, что рассказывали в классе. При этом надобно обратить внимание на два обстоятельства: 1. Для сочинений учитель должен рассказывать или читать из писателей о б р а з ц о в ы х, из русской и священной истории и т. п.; одним словом, всегда что-нибудь д е л ь н о е. 2. Строго наблюдать, чтобы не было у учеников книги с тем рассказом, который должны они пересочинить, в противном случае, вместо сочинения, будут извлечения и переложения, с своими вредными следствиями.

в) Переводы

Письменные упражнения должны органически смыкаться с теоретической частью преподавания. В грамматике переводам соответствует сравнительное языкознание. Каждый народ смотрит на вещи по-своему, с своей точки зрения. Можно решительно сказать, что слова на разных языках, выражающие совершенно одну и ту же мысль, не имеют одного и того же значения¹, ибо всякое слово выражает особое впечатление, особенный взгляд на природу, а на каждый предмет можно смотреть со множества точек зрения. Так, *жито* по-нем. *Getreide* (двн. *gitrakidi*) означает 'выносимое из земли' (*getragen*), по-лат. *frumentum* значит и 'плод' (*fruges, fructus*) и 'пользование им' (*fruor*); по-слав. *збожіе* или *сбожіе* (богатство), *обиліе* употребляются вм. *жита*. Один и тот же предмет одарен различными свойствами, и каждый язык называет его по одному какому-либо свойству. Напр., *лиса* — красная, волосатая, хищная, лукавая; по-нем. слово *лиса* значит 'красный' (т. е. зверь), по-санскр. *lomaça, lorâçaka* — волосатый, слич. гр. ἀλώξ; лат. *vulpes* (одного корня с нем. *wolf*; гот. *vilvan* — грабить) значит 'грабитель, хищник', по-фр. в старину также *volps*; нынешнее же *le renard* перешло в нарицательное от собственного имени *Reinardus, Reinhart fuchs, Renart*. Сравнительная этимология и особенно сравнительный синтаксис постоянно применяется к переводам. Дети не только узнают, но и учатся применять к делу идиотизмы отечественные (идиоматику.— И. П., Л. Х.) и строго отличать от иностранных. Будет великая заслуга учителя словесности, если он на переводах убедит своих учеников в том, что всякое классическое сочинение вполне изящно только на своем языке и что никакой перевод не заменит подлинника, ибо всякий язык выражает впечатления по-своему.

г) Переложения

Переложение древних памятников нашей литературы так же тесно связывается с историческим языковедением, как переводы с сравнительным. Карамзин должен ввести в упражнения этого рода, ибо его «История...» предлагает множество образцов переложения.

¹ Humboldt W. Sprachbau, с. 222.

Кто слышал эти переложения с подлинниками, знает, сколько заимствовал из них Карамзин, и, вероятно, убежден, что писать карамзинским слогом и вместе с тем быть самостоятельным — значит перелагать древние памятники. Если цель обучения состоит в том, чтобы дать ученику общие начала, коим бы он следовал и кончив ученье, т. е. воспитать ученика так, чтобы он, вышедши из школы, был сам себе учителем, то лучший наставник в слоге — Карамзин. Следуя ему, будешь самостоятелен. Как при переводах случаются выражения чисто русские с варваризмами, так при переложениях показывается отношение старинного языка к современному. Переводы дают слогу общеевропейское, многостороннее направление; переложения удерживают его на родной почве. Разумеется, что переложение не всегда может быть надстрочное и потому иногда переходит в переработку. Напр., написать по летописям о Мамаевом побоище, об Александре Невском, присоединении Новгорода, Пскова и т. п. Древние памятники писаны частью на церковнославянском, частью на древнерусском языке, весьма близком к теперешнему народному, так что от сочинений религиозных, через послания, летописи, юридические документы, нечувствительно переходишь к древним русским стихотворениям, а от сих последних к народным сказкам и песням. Потому в переложениях, кроме архаизмов, научаешься отличать и выражения чисто народные и также провинциализмы. Следов., в стилистике статьи об архаизмах, народном языке и провинциализмах относятся к переложениям точно так же, как варваризмы к переводам. Мы не можем теперь постоянно удерживать старинную связь предложений и периодов, потому ученик древнему материалу должен иногда давать современную форму предложения; этому научит его Карамзин.

д) Извлечения

Извлечения также органически связываются с теоретическою частью курса, примыкаясь, с одной стороны, к чтению писателя, а с другой, к логическому отделу риторики, к расположению. Упражнения этого рода могут быть следующие:

1. Извлечение выражений. Ученики выписывают из какого-нибудь классического произведения замечательные слова и выражения, тропы, фигуры, синонимы и т. п. Так, напр., из «Истории Пугачевского бунта» (по изданию 1834 г.): а) Отдельные слова: *слѣдъ ихъ чемъ далее шелъ, тѣмъ болѣе разсыпался* (с. 116); *ночью, в волновую погоду, Суворовъ переправился черезъ Волгу* (с. 162); *кто былъ скуденъ, очутился богатъ* (с. 134); *прости, народъ православный; отпусти, в чемъ я согрубилъ предъ тобою* (с. 166). б) Падежи: *Голинынъ потерялъ до четырехъ сотъ убитыми и ранеными* (с. 91). *Пугачевъ потерялъ послѣдніе пушки, четыреста человекъ убитыми и три тысячи пятьсотъ взятыми въ плѣнъ* (с. 95). *Михельсонъ потерялъ одного офицера и шестьдесятъ рядовыхъ убитыми и ранеными* (с. 113). *Пугачевъ былъ разбитъ и бежалъ, потерявъ восемьсотъ*

человѣкъ убиты ми и сто восемьдесятъ взяты ми въ плѣнъ (с. 131). Михельсонъ потерялъ до ста человекъ, убиты ми и ранены ми (с. 133). Пугачевъ потерялъ до четырехъ тысячъ убиты ми и до семи тысячъ взяты ми въ плѣнъ (с. 156). в) Числа: бунтовщики потупили голову (с. 160). Зарубинъ уехалъ и въ ту же ночь передъ свѣтомъ возвратился съ Тимофеемъ Мясниковымъ и съ невѣдомымъ человекомъ, всѣ трое верха ми (с. 17, вм. верхомъ). г) Предлоги: донощикъ названъ отъ Пугачева полковникомъ (с. 121). (Меллин) взялъ подъ карауль прапорщика Шахмаметова, посаженного въ воеводы отъ самозванца (с. 145). д) Согласование: взято въ плѣнъ три тысячи бунтовщиковъ (с. 97). е) Порядок слов: въ смутное сіе время (с. 13). ж) Сравнения: Выстрѣлы, говоритъ одинъ свидѣтель, сыпались подобно дробу, битой десятью барабанищами (с. 67). Все это насъ такъ ободрило, говоритъ свидѣтель осады, претерпѣвшій весь ее ужасъ, какъ будто мы съѣли по куску хлѣба. (с. 103). Такие извлечения не только обогащают слог учеников, но и будут им живою, самостоятельную грамматикою и стилистикою. Для образца можно им указать еще в этой части с. 151—177 и во второй с. 224—225, 305—309, 339, 343.

2. Извлечение содержания. Это упражнение должно заменить так называемые общие места. Дети еще бедны мыслями и фактами, пусть выписывают они себе отрывочные замечания из того, что читают. Это приучит к наблюдательности и обогатит знание.

3. Извлечение плана. Оно служит применением теории расположения к чтению писателя и к письменным упражнениям и чрезвычайно укрепляет судительную силу. Из разобранной статьи ученик извлекает главную мысль и проводит ее через все частности; главная мысль будет как бы подлежащее, частности же — различные сказуемые, ее определяющие. Надобно, чтобы отделы плана с подразделениями ученик означал цифрами, буквами, отделял в новую строку и т. п.

е) Собственные сочинения

Собственные сочинения должны быть не более как видоизменение и соединение вышеозначенных упражнений. Содержание их — чтение писателей и теоретический урок словесности. Желательно, чтобы в высших классах гимназии ученики дома составляли краткое письменное обозрение того, что услышат в классе от учителя словесности. Особенно история литературы может дать богатый материал. Напр., в классе прочтена Державина ода «Бог» вместе с замечаниями на нее, самим поэтом сделанными; учитель ставит в параллель строфы оды с историческими обстоятельствами, при коих она была написана, указывает главную мысль и проводит ее через всю оду, — т. е. что человек должен возноситься к богу не фантазиею, не тщетными словами, а умиленною молитвою и слезами.

Ученики гораздо лучше поймут и учителя и разобранное сочинение, если сообразят дома, на бумаге. Пускай не заучивается беллетристическая часть курса словесности, а передается от учеников письменно. Для соображения предлагаю несколько тем:

О Ломоносове: по статье Батюшкова, по письмам Ломоносова, по его портфелю (в «Очерках России» Пассека) и т. п.

О «Недоросле» Фон-Визина и о комедии вообще: по статье кн. Вяземского, по Гоголеву «Разъезду».

О Кантемире: по разговору Батюшкова.

Жизнеописание некоторых преподобных писателей древних: по житиям святых.

Характеристика князей и царей русских: по летописям и по Карамзину; взять в соображение отрывки из хронографа Кубасова, помещенный в «Славянской хрестоматии» Пенинского.

Характеристика древних великих людей: по Плутарху, Курцию, Корнелию Непоту и др.

Изложение некоторых теоретических мнений о поэзии: по теории поэзии в историческом развитии проф. Шевырева; по чтениям о словесности проф. Давыдова.

Описание некоторых народных праздников, обрядов, игр: по сочинению Снегирева об этом предмете; по «Сказаниям русского народа» Сахарова¹.

Так как ученики начнут писать собственные сочинения, уже достаточно упражнявшись и постоянно упражняясь в слоге на переводах, переложениях, то в сочинении преимущественное внимание следует обращать на расположение, и притом на расположение не только главных частей плана, но и подробностей. Т. е. следует наблюдать за течением мысли и за логическим естественным переходом от одного предложения к другому. Для этого весьма полезно выставлять на полях тетради против каждого периода цифру. Когда, таким образом, все предложения будут на перечеете, тогда ученик ясно увидит, не повторил ли он во втором периоде то, что было уже в первом, естественно ли следует второй период за первым или его переместить туда, где третий, и т. д. Следов., логика должна проходить через все предложения, связывая их неразрывную цепью.

¹ Вероятно, интересно будет некоторым узнать, что сочиняют немецкие гимназисты. Т. Гейнзиус в последние два года, в берлинской гимназии, между прочими, вот какие задавал темы: Шиллер как дидактический поэт. Дант и его «Божественная комедия». О характере романтической школы. Жизнь Демосфена. О характере маркиза Позы. О характере Креона в Антигоне. О греческой драме. О единстве в эпосе. Reineke Fuchs. Das Kirchenlied. Об «Эмили Галотте» Лессинга и об его же «Лаокооне». О поэзии по цели и средствам. Сравнение трех греческих трагиков: Эсхила, Софокла и Эврипида. Что способствовало процветанию красноречия у древних. О Цицероне как ораторе. См. „Zeitgemäße Pädagogik der Schule“, 1844, с. 184—185.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Отрывочные сведения, набранные учениками в течение целого курса чтения писателей и из материалов для письменных упражнений, должны быть приведены в систему, разумеется, уже в последнем классе гимназии. Это систематическое обозрение будет вместе и повторением. Так как историческое направление гораздо надежнее философского и доступнее юношескому возрасту, то, без сомнения, это общее обозрение должно состоять в истории русской словесности и языка. До сих пор в наших гимназиях мало обращают внимания на древнюю церковнославянскую литературу, между тем как короткое знакомство с нею необходимо всякому образованному человеку, уж для одного того, чтобы отчетливо понимать св. писание и церковную службу. А для основательности науки выгода огромная, потому что древние памятники дадут истории литературы направление филологическое. Критическая оценка писателей должна развивать в учениках не одно чувство эстетическое, но и нравственное, а наша старина предлагает для того бесценные памятники. Хотя преимущественное внимание обращается на сочинения, однако великую пользу можно принести и жизнеописанием сочинителя. Так, жизнь Ломоносова будет для детей образцом учебной и ученой деятельности, ибо жизнь его делится на две половины: в первой он только учится, во второй и учится и учит; в первой он ученик, в последней учитель.

Так называемая теория словесности взойдет в историю как часть. Напр., учение о стихосложении начинается чтением стихов, оканчивается же историею нашего стихосложения от силлабических вирш и древних стихотворений через теории Тредьяковского, Державина до наших времен.

Главное дело в истории литературы — основательность, т. е. говорить ученикам по большей части только о таких произведениях, которые они прочли и изучили. Этим определяется и объем и метода науки.

ОПЫТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

1. НАЧАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

С самого начала следует приучать детей читать так, как говорят, и отклонять их сколько возможно от чтения чисто механического. Для того заставлять перечитывать одно и то же выражение до тех пор, пока они не поймут его и не прочтут как следует. Начинать простыми предложениями, утвердительными, отрицательными, вопросительными, с разбором логическим и вещественным (réelle); разбор грамматический придет после. Учитель постоянно дает вопросы и не ограничивается единственно собственным своим объяснением. Сначала делает он разбор логический, впрочем не говорит при нем ни о подлежащем, ни о сказуемом. Заставляет детей

отыскивать подлежащее через сказуемое и дополнение, а сказуемое и дополнение через подлежащее; подлежащее через определение и определение через подлежащее. Дитя механически прочло, напр., следующее предложение: *Бог сотворил небо и землю*. Учитель спрашивает: кто сотворил небо и землю? потом: что говорится здесь о боге? После дать объяснение вещественное, т. е. определить значение слов: *Бог, сотворил, земля, небо*. Заставить дитя еще раз прочесть это предложение, и уже по самому способу выражения, по голосу, каким прочтет, можно судить, что оно поняло. Чтобы убедиться окончательно, разумеют ли дети прочтенное, самое лучшее средство — заставить их то же самое сказать другими словами, некоторым образом перевести. Потом приступить к разбору предложений более сложных и длинных. Здесь отыскивается главная мысль. Вместе с детьми перечитав то же самое несколько раз, заставить их переложить прочтенное по-своему, своими словами — словесно или письменно; здесь начало собственным сочинениям. Все эти упражнения, образуя судительную силу детей и вместе уча их правильному чтению, развязывают дар слова и учат грамматике. И только после таких упражнений можно уже будет приступить собственно к грамматике и разбору грамматическому¹.

Понятно, что в первоначальных уроках нельзя взять для чтения писателя классического. Надобно избрать что-нибудь самое краткое, для детей удобопонятное и занимательное; надобно разбудить судительную их силу рассказами самыми яркими, такими, где бы они с первого раза могли быть судьями, следов., могли бы судить. Для первых уроков заимствую у одного голландского педагога упражнения в отличии истинного от ложного².

Учитель предварительно говорит детям, чтобы они внимательно рассудили, чему в следующих рассказах можно поверить и чему нет.

1. *Две собаки гнались за зайцем, а заяц обернулся назад, искусал собак да и прогнал их.*

Разбор. *Две собаки гнались за зайцем*: о ком говорится? что сказано о двух собаках? сколько было собак? за кем гнались собаки? сколько было зайцев? Если дети ответили на эти вопросы, значит, поняли предложение. *А заяц обернулся назад*: о ком здесь говорится? что же сделал заяц? куда он обернулся? *искусал собак да и прогнал их*: кто? что сделал? кого искусал и кого прогнал? можно ли этому поверить? почему нет? Здесь выступает разбор вещественный, ибо дети отличают собаку от зайца. Учитель опять спрашивает: могут ли летать собаки и зайцы? кто же может летать? стало быть, собаки и зайцы не птицы? что же они такое? Таким образом довести детей до того, чтобы они сказали, что собаки и зайцы звери. Разбор вещественный заключается логическим.

¹ „Essai sur l'éducation du peuple“, par Willm, Inspecteur de l'Académie de Strasbourg, 1843, с. 197 и след.

² „De l'instruction publique en Hollande“, par Victor Cousin, 1837, с. 290 и след.

2. *Один ручеек вытекал при подошве горы; потом тек на гору до ее вершины и, наконец, перетекиши через гору, спустился на другую ее сторону.*

Р а з б о р. О чем вы прочли? что же было с ручейком? откуда он вытекал? что такое подошва горы? потом куда он тек? на гору или по д гору? все ли равно, что на гору тек, что по д гору? до каких пор тек он на гору? все ли равно, что подошва горы, что вершина? может ли ручей перетечь через гору? Стало быть, вы знаете, почему здесь неправда. Какое различие между ручьем и рекой? что больше, чем они сходны?

3. *Была одна курица, и снесла эта курица двенадцать яиц и стала их высиживать. Через десять дней вывела она цыплят; из одного яйца вывела она два цыпленка, из другого яйца вывела она четыре цыпленка, из третьего яйца вывела она шесть цыплят, а было и такое яйцо, из которого вывела она двенадцать цыплят.*

Р а з б о р. О чем мы читаем? что же прочли о курице? о скольких курицах говорится? а сколько она снесла яиц? что значит: *высиживать яйца*? что случилось с курицей через десять дней? сколько вывела она цыплят из одного яйца? сколько из другого? можно ли из одного яйца вывести двенадцать цыплят? на кого курица более похожа, на собаку или ворону? Довести детей до того, чтобы они назвали ворону и курицу птицами. Какое различие между курицею и цыпленком? как называются дети собак, лошадей, коров, овец?

4. *Загорелся дом со всех четырех углов: прилетела добренькая птичка да своими крылышками и потушила пожар.*

Р а з б о р. *Загорелся дом со всех четырех углов*: о чем говорится? что случилось с домом? как он загорелся, с одного конца или с двух? кто прилетел? почему эта птичка была добренькая? прилетевши, что сделала птичка? чем она потушила пожар? почему это неправда? чем же можно потушить пожар?

5. *Один раз лев очень проголодался и пошел по лесу искать себе пищи; долго он искал и не мог найти. Что же он сделал? поднялся на задние лапы да и полетел, как птица, вверх для того, чтобы сверху лучше видеть во все стороны.*

Р а з б о р. Кто проголодался? что такое лев? как же лев хотел помочь своему горю? нашел ли он себе пищи? на какие лапы поднялся лев? кроме задних лап, какие бывают еще? поднявшись на лапы, что сделал лев? для чего полетел? все ли равно, что вверх, что вниз; что вверху, что внизу? может ли летать лев? кто же летает? Дети опять отличают зверей от птиц.

6. *Однажды летом в сильные жары вдруг замерзли все реки, а когда пришли зимние морозы, реки растаяли.*

Р а з б о р. Кто замерз? когда замерзли реки? что растаяло? когда растаяли реки? о чем здесь говорится? что говорится о реках? бывает ли жаркий мороз? холодный жар, теплый снег, холодный огонь? В этой историйке ложь переложить на правду, т. е. *зимой замерзли, летом растаяли.*

7. *Маленький барашек встретился на лугу с волком; барашку очень хотелось есть, и потому он убил волка и съел его.*

Р а з б о р. Кто встретился с волком? что случилось с барашком? какой был барашек — большой или маленький? где встретился барашек с волком? кому хотелось есть — барашку или волку? кто кого убил? кто кого съел? может ли это быть? Дети должны рассказать эту басню наоборот: т. е. *волк проголодался и съел барашка.*

8. *Был такой искусный плотник, что один-одинехонек построил огромный дом только в одну ночь.*

Р а з б о р. Почему плотник был искусен? может ли быть искусный столяр, живописец, музыкант? можно ли в одну ночь одному человеку построить огромный дом? Это вперит детям понятие о времени.

9. *В некотором царстве, в некотором государстве растут на деревьях алмазы, золото, серебро, коровы, лошади и овцы.*

Р а з б о р. Что растёт? на чем растут алмазы и пр.? могут ли на деревьях расти лошади, овцы? Довести детей до понятия о растениях в противоположность животным. Где случаются такие чудеса? Дать понятие о месте.

10. *Жил был золотых дел мастер, и сделал он из золота воробья; и этот золотой воробей летал и клевал пшеницу, как живой.*

Р а з б о р. О ком говорится сначала? а потом о ком? может ли золотых дел мастер сделать воробья из золота? может ли золотой воробей быть живым? Показать отличие вещи неодушевленной от предмета живого.

11. *Один шалун разложил огонь, зажег пруд и сожег всех рыб, которые были в пруду.*

Р а з б о р. Что сделал шалун? что он разложил, что зажег и кого сожег? где были рыбы? где водятся рыбы? может ли гореть вода?

12. *Одному шалуну мальчику вздумалось наловить себе птичек; вот взял он в одну руку хлеба, а другою стал манить их к себе; птички обрадовались корму и слетелись к мальчику на руку; и мальчик очень легко наловил себе птичек и был рад.*

13. *Однажды ночью поднялась сильная буря с градом и дождем, перебила все окна и сломала много крыш с домов и церквей. Особенно жалко было то, что ветер свалил огромную гору на большой город; жители с великим трудом насилу могли поднять гору и поставили на прежнее место.*

14. *Ворон увидел жирного барана и, вцепившись в него своими когтями, поднял его на воздух и за один раз всего его съел, усевшись на дереве.*

15. *Некоторый мясник, не успевая распродавать всей говядины, вздумал убивать только половину коровы.*

Точно так же разобрать и остальные рассказы. В уроке можно пользоваться различными приемами. Сначала учитель спрашивает, ученики отвечают; потом один ученик спрашивает, другой отвечает; один расскажет, другой объяснит, почему в рассказе неправда; третий — ложный рассказ переделает на правильный. Упражнения над

такими рассказами могут продолжаться недели две-три; главная цель в том, чтобы дети приучались понимать прочтенное; средства к ней логический и вещественный разбор. Этими рассказами дети нечувствительно приготовятся к чтению басен и сказок.

Разбор сказки Пушкина «О рыбаке и рыбке».

*Жил старик с своею старухой
У самого синего моря;*

О ком мы прочли? кто жил? с кем жил старик? чья была старуха? где жил старик со старухой? какое море, красное или черное? что такое море?

*Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.*

Кто жил в землянке? что разумеется под словом *они*? где они жили? долго ли они там жили? что такое землянка? какое различие между избой и землянкой? все ли равно, что год, что лето?

Старик ловил неводом рыбу,

О ком говорится? что делал старик? что ловил старик? чем ловил старик рыбу? кроме невода, еще чем можно ловить рыбу? как называется тот, кто ловит рыбу? Стало быть, старик был рыбак, рыболов.

Старуха пряла свою пряжу.

Опять о старике говорится или нет? чем же занималась старуха? что она пряла? можно ли прясть лен, коноплю, шерсть? как называется женщина, которая прядет? Выходит, что старуха была пряха. Все ли одно, что пряха, что ткачиха?

Раз он в море закинул невод,

Кто закинул невод в море? что закинул в море? куда закинул? зачем закидывают невод в море? можно ли закидывать невод в реку, в озеро?

Пришел невод с одною тиною;

Кто пришел? может ли ходить невод? с чем пришел невод? что такое тина, грязь, песок, глина?

Он в другой раз закинул невод,

Кто закинул невод? в первый раз или в третий?

Пришел невод с травою морской.

А в первый раз с чем пришел невод? почему трава названа морскойю? все ли одно, что трава, что цветы, что деревья?

В третий раз закинул он невод,

В который раз закинул он невод? что вытащил он в первый раз? что во второй? Теперь увидите, что вытащил он в третий раз:

*Пришел невод с золотой рыбкою,
С непростою рыбкой, золотою.*

С чем же пришел невод в третий раз? видали ли вы золотых рыбок? какая была рыбка? простая или не простая, золотая? какая это была рыбка — плотичка, карась или ерш?

*Как взмолился золотая рыбка,
Голосом молвит человеческим:*

Кто взмолился? что такое *взмолиться*? все ли одно, что просит, молит? каким голосом просила рыбка? может ли рыбка говорить по-нашему?

*Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь, чем только пожелаешь.*

Вот как просила рыбка. Кого же она просила, с кем она говорила? *Старче* — то же, что *старик*. О чем она просила? куда отпустить? кого отпустить? зачем же рыбке хотелось в море? живет ли рыба в воздухе? кто обещается дать откуп? что такое *откуп*? Прочтите следующий стих и узнаете, что такое откуп. Она хотела дать ему за себя все, что угодно старику, только чтобы он отпустил ее в море. Какой откуп хотела она дать ему? дорогой или дешевый? кто хотел откупиться? чем хотела рыбка откупиться?

*Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтобы рыба говорила.*

Что же случилось со стариком, когда он услышал, как заговорила рыбка человеческим голосом? почему же он удивился и испугался? Если не знаете почему, прочтите два остальных стиха и узнаете: потому что он никогда не слыхивал, чтобы рыба говорила. Что такое рыбачил? кто рыбачил? как долго старик рыбачил? слышал ли он прежде, чтобы говорила рыба? Стало быть, он в первый раз услышал, как по-нашему заговорила рыба, потому он удивился и испугался. Все ли равно, что удивиться, что испугаться? Когда бросится на вас большая собака, вы удивитесь или испугаетесь? Если бы вы сами услышали, как заговорила рыбка, удивились ли бы или испугались?

*Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо,
Ступай к себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе.*

Что же сделал старик? куда он отпустил рыбку? что он сказал ей? какое слово сказал он ей, ласковое или грубое? хорошо ли говорить грубости? кому он сказал ласковое слово? что старик говорил рыбке? когда мы говорим: *бог с тобою*? хотел ли старик взять откуп с рыбки? нужен ли ему был откуп или нет? кому не надо было откупа? чего не надо было старику? Еще что сказал он ей? куда он велел ей идти? где он велел ей гулять? почему рыбке в море просторно? В этой комнате просторно или тесно? зачем же отпустил старик рыбку? Видите, какой он был добренький. А если бы с вами то же случилось, что с стариком, отпустили ли бы рыбку?

Несколько времени упражняя учеников таким отчетливым чтением, учитель нечувствительно приуготовит учеников к уразумению главных начал грамматики. Надобно только избирать для чтения статьи легкие и образцовые, напр. из басен Крылова, из сказок и повестей Пушкина, Жуковского, из писем Карамзина.

Если у учеников нет книг для чтения, можно писать на доске; так как они еще не знают правописания и самым писаньем затрудняются, то учитель крупно и разборчиво сам пишет на доске, разумеется, предложения по два вдруг и много уже по три. Дети сначала не пишут в тетрадах, а читают и разбирают написанное учителем на доске. Смотря по успехам, через месяц или два, могут начать писать и сами.

Так как детям очень трудно сообразить целую статью вдруг, напр. все, что разобрано выше из сказки Пушкина, то перед чтением статьи учитель кратко скажет только, о чем будет читать, и приступает к разбору по предложениям. А потом уже, когда дети разобрали всю статью и ее поняли, пусть рассказывают своими словами: тогда уяснится им главное содержание статьи.

Удостоверившись, что дети привыкли вникать в прочтенное, учитель в продолжение урока уделяет от чтения несколько времени на грамматику — столько, сколько нужно для точнейшего уразумения прочтенного. Таким образом, при чтении статей всегда должны быть краткие грамматические эпизоды.

Всего естественнее и легче передать детям первые понятия о частях речи в связи с понятиями о предложении и частях его. Учитель берет из разобранных статей отдельные краткие предложения и начинает объяснять грамматически, напр. таким образом:

Помните, мы читали и говорили о ручейке, как он тек через гору (рассказ 2)? Если я скажу только два слова: *ручей течет* — понимаете ли, что я сказал? о чем я говорю? о *ручье*. Что говорю о ручье? что он *течет*. То, о чем говорят, называется *п о д л е ж а щ и м*, а то, что говорится о подлежащем, называется *с к а з у е м ы м*. *Ручей течет*: которое подлежащее? которое сказуемое? Помните также, что читали мы о том, как загорелся дом (рассказ 4) и как проголодался лев (рассказ 5)? Ну, расскажите же. Теперь я вам скажу: *загорелся дом*; о чем здесь говорится? где подлежащее? где сказуемое? почему? *Проголодался лев*: где подлежащее, где сказуемое? почему? что есть подлежащее? что есть сказуемое? Теперь вы знаете, что *ручей, дом, лев* — подлежащие; *течет, загорелся, проголодался* — сказуемые; но заметьте, что я говорю подлежащее вместе с сказуемым: *ручей течет*. *П о д л е ж а щ е е* и *с к а з у е м о е*, вместе соединенные, называются *п р е д л о ж е н и е м*; следов., *дом загорелся, лев проголодался* — предложения. Так как подлежащее есть то, о чем говорится, а сказуемое — то, что говорится о подлежащем, то в предложении мы говорим что-нибудь (сказуемое) о каком-нибудь предмете (подлежащее). Сколько частей узнали вы в предложении? две. Следов., подлежащее и сказуемое части предложения; а потому вот как надобно их определять: *п о д л е ж а щ е е* есть то, о чем говорит-

ся в предложении; с к а з у е м о е есть то, что говорится о подлежащем в предложении.

Подлежащее есть предмет для разговора. Название предмета именуется еще и м е н е м с у щ е с т в и т е л ь н ы м; потому что всякий предмет с у щ е с т в у е т¹, т. е. где-нибудь находится — или перед глазами: *окно, дом*; или далеко от нас, и мы их не видим, напр. *горы, моря*; или хотя и около нас, но невидимые, напр. *воздух*. В темной комнате и все предметы бывают невидимыми, однако они в ней находятся, т. е. с у щ е с т в у ю т, стало быть, названия их все же и м е н а с у щ е с т в и т е л ь н ы е. Есть еще много предметов, коих хотя мы никогда не видим, ни днем ни ночью, однако они все-таки существуют; напр., бога мы не видим, но он существовал прежде всех вещей, прежде земли и неба, и будет существовать во веки веков: следов., название *бог* есть и м я с у щ е с т в и т е л ь н о е. Ангелов мы также не видим, но их видят праведники на небесах; стало быть, и *ангел* — и м я с у щ е с т в и т е л ь н о е. Молитву можно видеть, когда она написана на бумаге или напечатана в святцах; но ее можно и слышать, когда ее читает священник в церкви; потому молитва существует, название ее и м я с у щ е с т в и т е л ь н о е. Когда ты читаешь молитву про себя, тогда, хотя и ты сам ее не слышишь, ни я и никто из людей, однако она существует, потому что ее слышит сам бог, если твоя молитва доходна к богу. Стало быть, молитва и тогда будет именем существительным; где же тогда она существует? в голове, в сердце. Таким образом, нечувствительно можно довести детей от предметов вещественных к духовным.

Теперь будемте искать имена существительные в том, что вы прочли.

В 1-м рассказе: где существительные? почему *собака* и *заяц* существительные? Вы помните, что и собаки и зайцы называются зверьми: *зверь* также имя существительное; сыщите несколько названий зверей — все они будут существительные имена.

Во 2-м рассказе: почему имена сущ. *ручеек, гора, вершина, сторона*? какое различие между ручьем и ручейком, рекою и речкой, горою и горкой? что больше? *Ручеекъ, рѣчка, горка* имена сущ. у м е н ь ш и т е л ь н ы е. Что больше: нога или ножища, рука или ручища? Ножища, ручища — имена сущ. у в е л и ч и т е л ь н ы е. Что меньше: рука или ручка, нога или ножка? Видите, что *рука, нога, гора, ручей* — не увеличительные и не уменьшительные: это имена сущ. о б ы к н о в е н н ы е.

В 4-м рассказе: какое различие между существительными *домъ* и *птичка*? Птичка живет, клюет корм и летает; дом не движется сам, он не живой, не поет, как птичка, не кричит, как зверь, не говорит, как человек, не плавает по своей воле, как рыба; *звѣрь, ры-*

¹ Последователь Жирара, Ламбускини всегда объясняет детям грамматическую терминологию: см. „Studio della lingua nativa“ в его журнале „Guida dell'educatore e letture per i fanciulli“, 1839 и 1840, № 45, 47, 48, 50, 52, 54 и 55.

ба, человекъ — предметы одушевленные; *домъ, дерево, камень, гора, вода* — не одушевленные. И вода движется, да не так, как зверь или человек: воли у ней нет идти туда, куда хочет; помните, вы сами говорили, что вода не может течь на гору (рассказ 2); а зверь и человек ходят и на гору и под гору. Часы с кукушкою кукуют, как птица, но та беда, что кукуют только через час, а живая кукушка, когда захочет, тогда и кукует. Стало быть, предметы одушевленные делают по своей воле, как захотят. Правда, что человек может делать, что хочет, однако должен делать только добрые дела; за злые наказывается: потому вас наказывают за леность, за ослушание. А птичка, как видите, была добренькая: почему? Стало быть, помогать ближнему — доброе дело. Птичка могла сделать доброе дело потому, что она предмет одушевленный. А какое различие между птичкой и птицей?

В 5-м рассказе: какие предметы *лѣвъ* и *лѣсъ* — одушевленные или неодушевленные? почему? лев добр или зол? а *лапа*, так же как *лѣвъ*, предмет одушевленный? Если отрубите у зверя лапу или у птицы крыло: и лапа и крыло будут мертвые, стало быть, неодушевленные. Лапа есть часть льва; какие еще части льва? Какие части птицы? Теперь припомните, как глуп был мясник (рассказ 15), вздумавший убивать только половину коровы; он не умел отличать предметов одушевленных от неодушевленных и предмета от частей его. Какие части дерева? Дерево состоит из различных частей, каковы: корень, ствол, ветви, листья; а лес из одинаковых, только из деревьев, точно так же как полк из солдат, толпа из людей: *лѣсъ, полкъ, толпа* называются имен. сущ. собирательными, потому что лес есть собрание деревьев, полк — солдат, толпа — людей.

В 6-м рассказе: почему река предмет неодушевленный? Воду нельзя назвать существ. собирательным, потому что как ни дели воду, все остается та же вода: и капелька — вода, и река — вода, и море — вода; напротив того, части леса — деревья, толпы — люди. Точно так же золото, серебро, железо, молоко, вино, как ни дробят, все выходит то же золото, то же молоко и пр. Такие предметы называются в е щ е с т в а м и д е л и м ы м и. Они меряются, тогда как прочие предметы считаются, напр. *пудъ золота, стаканъ воды*.

В 9-м рассказе: какие вы знаете государства? назовите. И Россия есть государство, и Франция государство, и Турция и Персия также. Видите, что *государство* есть имя общее и России, и Франции и пр., а *Россия* собственное имя государства, где мы живем, *Франция* собственное имя государства, где живут французы. Известно ли вам собственное имя того государства, где алмазы и коровы растут на деревьях? У каждого из нас есть собственное имя: одному имя *Иванъ*, другому *Николай* и пр., а общее нам всем — *человекъ*. Скажите несколько собственных имен городов, рек, деревень.

В 3-м рассказе: сколько было куриц? сколько яиц? какое различие между *курица* и *куры*, *яйцо* и *яйца*? Итак, первое — е д и н с т в е н н о е число потому, что одна курица, одно яйцо; второе —

множественное, потому что, когда говорю *яйца, курицы*, разумею много яиц и куриц. Когда говорю: *цыплята*, сколько *цыплят* вы разумеете — двенадцать или больше, или меньше? Когда же скажу: *двенадцать цыплят, пять цыплят*, вы тотчас скажете о пределе не, сколько их. Название чисел: *пять, шесть, двенадцать* именуется числительными: они означают множественное число предметов определенно, именно сколько числом; а множественное число существ. имен., напр. *куры* — означает много кур, а неизвестно сколько.

Разумеется, в продолжение всех сих упражнений надобно постоянно указывать детям на подлежащее и сказуемое и на предложение. Так как при определении принадлежностей имен существительных более нужна наглядность, потому и считаю полезнее упражнять детей сначала именами существительными и потом уж глаголами и прилагательными.

Для определения глагола учитель берет те же рассказы. Расскажите, как две собаки гнались за зайцем (рассказ 1). *Собака бѣжитъ*: где подлежащее? где сказуемое? как называются оба слова вместе? Сказуемым обыкновенно бывает глагол. *Глаголъ* есть старинное речение и значит то же, что *слово*: стало быть, глагол есть все то, что говорит, что сказывает о предмете; потому-то глагол и бывает с казуемыми. Итак: *бѣжитъ* — будет сказуемое и глагол. Когда я говорю: *собака, заяцъ* — вы понимаете два предмета. Но когда говорю: *собака бѣжитъ* — вы понимаете только один предмет — *собака*, а *бѣжитъ* есть только ее движение. Как движутся птицы, рыбы? *Птицы летаютъ, рыбы плаваютъ*: где здесь глаголы? Итак, глагол означает движение предметов.

Расскажите, как птичка потушила пожар (рассказ 4). Что птичка сделала? Потушила пожар. *Пожаръ*, вы знаете, существительное; а *потушила* что такое? и глагол и сказуемое: *потушила* означает дело, действие птички: стало быть, кроме движения предметов, глагол выражает и действие их. *Домъ загорѣлся*: здесь глагол не означает ни действия, ни движения, а выражает то, что случилось с домом. *Человѣкъ говоритъ, птица поетъ*: здесь глагол означает способность, умение. *Камень лежитъ, дерево стоитъ*: означает, как предмет находится, и т. д. Следовательно, глагол выражает движение, действие, умение, способность и пр.

Расскажите, как жар заморозил все реки (рассказ 6). Можно ли сказать: *ледъ грѣетъ, ледъ жжетъ*? Эти слова не соединяются потому, что греть и жечь способность огня, а не льда; стало быть, здесь подлежащее и сказуемое не связываются (т. е. нет связи вещественной). Можно ли сказать: *огонь горю, огонь горимъ*? как же надобно (связь формальная)? В речи мы принуждены отделять предмет от его действия или движения; а на самом деле, в природе, действие нераздельно с предметом, в нем и при нем находится. Чтобы выразить сущую истину, нужно бы название действия произносить в одно время с названием предмета. Можно ли это? Скажите в

одно время и *дерево* и *растетъ*. (Ученики, смеясь, пробуют и, разумеется, не могут¹.) Написать это можно бы, да только та беда, что буквы одного слова смешаются с буквами другого:

Др Еа Рс Ете Втъ О².

Впрочем, природа избавила нас от такого затруднительного письма, дав нашей речи способ для соединения подлежащего с сказуемым гораздо простейший. Чувствуете, что *дерево растемъ* — нескладно, *дерево растетъ* — складно; вся разность в окончаниях, следов., окончанием глагол связывается с подлежащим. Можно ли сказать: *деревьа растетъ, дерево растутъ*? Стало быть, при единственном числе одно окончание глагола, при множественном — другое.

Найдите глаголы и сказуемые в сказке о рыбаке и рыбке. Какое различие в глаголах: *жилъ старикъ и они жили? Онъ в море закинулъ неводъ, онъ рыбачилъ*: кого понимаете вы под словом *онъ*? Стало быть, *онъ* употреблено вместо *старика*; а *они жили* вм. *старикъ и старуха*. *Онъ, они* — называются местоимениями, потому что стоят вместо имени. Увидите тотчас, что есть и другие местоимения и имеют другое употребление.

Басня Крылова «Лисица и Сурок»

*Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?
Лисицу спрашивал Сурок.*

Сурок говорил лисице: *куда ты бѣжишь?* Складно ли бы было, если бы он сказал ей: *куда я бѣжишь?* Когда мы говорим кому-нибудь, употребляем *ты, вы*: *ты бѣжишь, вы бѣжите*; а о себе говорим *я, мы*: *я бѣгу, мы бѣжимъ*. А когда говорим о ком-нибудь другом, употребляем *онъ, они*, напр. о старике и старухе: *онъ жилъ, они жили*. Слова: *я, мы, ты, вы, он, они* называются местоимениями. Лисица отвечает сурку:

*Ох, мой голубчик, куманек!
Терплю напраслину и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была в курятнике судьей...*

Можно ли сказать: *ты терплю?* а как же надобно? Стало быть, лисица о себе говорит. Хорошо ли сказать: *я знаешь?* Видите, что здесь лисица говорит сурку. *Я, мы* означают лицо говорящее; *ты, вы* — лицо, которому говорят или лицо слушающее; *онъ, они* — лицо или вещь, о коих говорят; лицо говорящее называется *первым*, слушающее — *вторым*, а последнее — *третьим*. Стало быть, местоимениями означаются лица, участвующие в разговоре. Заметьте, что лисица сказала просто: *терплю*, а не *я терплю*; видите, что лицо выражается, кроме местоимения, и окончанием глагола: *терпл-ю, терпи-шь, терпи-т, терпи-мъ, терпи-те, терпя-тъ*.

¹ Беру весьма остроумный прием Ламбрускини.

² Сначала написать *дерево*, а потом уже вписать *растетъ*. Ученики будут чрезвычайно внимательны, посмеются и поймут совершенно.

Не надобно выпускать из виду, что учитель предлагает все эти грамматические правила в постоянной связи с чтением. Объяснив на чтении личные местоимения, тотчас заставляет детей читать что-нибудь и обращает их внимание на объясненное; напр., продолжение сказки о рыбаке и рыбке:

Воротился старик ко старухе,

Подлежащее, сказуемое? куда воротился, к кому?

Рассказал ей великое чудо.

Кто? Подлежащее сказано уже прежде. Где глагол? что и кому рассказал?

*Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;*

Кто здесь говорит? где сказуемое? Я — подлежащее, стало быть, местоимение бывает подлежащим.

*По-нашему говорила рыбка,
Дождь в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась, чем только пожелаю.*

Кто говорил? как говорила рыбка? *Говорила, просилась, откупалась* — глаголы и сказуемые. Куда просилась? чем откупалась? *пожелаю* — кто? *я пожелаю* или *ты пожелаю*, или же *рыбка пожелаю*? Здесь узнаёте первое лицо по окончанию глагола: *пожелаю*.

*Не посмел я взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море.*

Здесь подлежащее опять первое лицо: *я не посмѣлъ, я пустилѣ*.

*Старика старуха забрала;
Дурачина ты, простофиля!*

Найти местоимение. Которого лица? почему?

*Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто:
Наше-то совсем раскололось.*

Здесь *ты* подлежащее; *не умѣлъ взялѣ* — его сказуемые. Чье было корыто? что случилось с корытом?

Вот пошел он к синему морю.

Кто? куда пошел? и *он* бывает подлежащим. Заметьте, что старик говорил: *я не посмѣлъ, я пустилѣ*, но можно сказать и *ты не посмѣлъ, ты пустилѣ*, и *онѣ не посмѣлъ, онѣ пустилѣ*, *мы не посмѣли, вы не посмѣли, они не посмѣли*. Видите, что иногда глагол не имеет своего личного окончания и различается по лицам только местоимениями.

Когда вы говорите: *небо, земля*, вместе с этим сказываете уже и то, что они есть, существуют. Но мне неизвестно, есть ли у вас теперь деньги в кармане или нет, потому говорят: *у меня т е п е р ь*

есть деньги, в ч е р а были деньги, з а в т р а будутъ деньги. Вчера уж прошло, *завтра* еще будет, а *теперь* — сегодня, нынче; все эти слова означают в р е м я: *вчера* — п р о ш е д ш е е, *теперь, сегодня, ныне* — н а с т о я щ е е, *завтра* — б у д у щ е е. Можно ли сказать: *завтра были деньги? вчера будутъ деньги?* Видите, что прошедшее *вчера* складно с *были*, а будущее *завтра* — с *будутъ*; выходит, что глагол может означать различные времена: настоящее — *есть*, прошедшее — *были, былъ*, будущее — *будутъ, я буду, ты будешь, мы будемъ, вы будете*.

Ученики читают басню Крылова «Лжец»; учитель останавливает их внимание на временах глагола, напр.:

*Нет, говорит, что я видал,
Того уж не увижу боле.*

Сколько глаголов в первом стихе? Следов., сколько сказуемых? Можно ли сказать: *вчера говоритъ, завтра говоритъ? завтра видалъ?* Стало быть, *говоритъ* — настоящее время, *видалъ* — прошедшее. Лжец говорит, что он видал уж давно, может быть, *третьего году, прошлого году*; следов., и эти слова означают прошедшее время. Во втором стихе можно ли сказать: *увижу вчера, третьего году?* Это будущ. время. Время означаетя глаголом гораздо определеннее, нежели другими словами, напр. можно сказать: *теперь видалъ, теперь вижу, теперь увижу*.

Подлежащее и сказуемое называются ч а с т я м и п р е д л о ж е н и я, а существительное, глагол, местоимения — ч а с т я м и р е ч и. Есть еще другие части предложения и речи, как вы тотчас увидите.

Читайте далее о рыбаке и рыбке и увидите, что старик просит у нее *новое* корыто, потому что у них было уже *старое* корыто. И книга может быть *новая, старая*. *Книга новая*: сколько предметов? Видите, что предмет только один — *книга*; а *новая* не предмет, потому что нет такого предмета, который бы назывался *новая*, а бывает *новое корыто, новая книга, новое платье*. Какая еще может быть книга? Напр., эта книга, что лежит на столе, уж не *новая*, а *старая, большая, запачканная*. Видите, сколько слов можно приложить к одной книге, все они называются п р и л а г а т е л ь н ы м и именами, потому что п р и л а г а ю т с я к существительным; они означают не предмет, а то, что п р и н а д л е ж и т предмету; следов., прилагательные означают принадлежность предмета, его качество, т. е. к а к о в предмет или к а к о й предмет. Потому-то, когда я спрошу вас: к а к о е, к а к о в о корыто, вы отвечаете прилагательным: *старое* или *новое*. Качествами отличается один предмет от другого: напр., я отличаю ученика прилежного от ленивого, одного гражданина, другого наказываю; отличаю человека доброго от злого, одного люблю — другого нет. Видите, как важны качества в предметах. Старайтесь иметь хорошие качества, т. е. чтобы о вас говорили: ученик *добрый, прилежный, внимательный, учтивый, вѣжливый, послушный*; все это будут имена прилагательные. А какие противо-

положные этим качества? Теперь найдите в сказке о рыбаке и рыбке имена прилагательные: *синее* море — что еще бывает синим? какие бывают цвета? *Ветхая* землянка — а землянка не ветхая как называется? Прилагательное *новый* противоположно *ветхому* или *старому*. Трава *морская*: трава бывает *зеленая, желтая, густая, сухая, рваная, болотная. Золотая* рыба; противоположное здесь же сказано: *простая* рыба. *Дорогой* откуп — а напротив того: *дешевый* откуп. *Ласковое* слово: это хорошее качество, а *грубое* слово — дурное качество слова.

Найдите прилагательные, противоположные следующим: *большой* — *высокий* — *длинный* — *широкий* — *сильный* — *толстый*, *богатый* — *тихий* — *холодный* — *сладкий* — *приятный* — *острый* — *сухой* — *черный* — *храбрый* — *умный* — *честный* — *истинный* — *скупой*. Я вам скажу несколько существительных, с которыми не связываются, не согласуются прилагательные: *бълая саж*, *черный снѣгъ, сухая вода, глубокое дерево, высокая яма, горький сахаръ, горячий ледъ, радостная печаль*; поправьте сами, как надобно сказать (связь вещественная).

Складно ли будет, если скажу: *добрая старикъ, добрый старуха, добрый дѣло*? Все неловкости происходят от окончаний: *добрый старикъ* — складно, *добр-ая старикъ* — нескладно; и наоборот: *добр-ая старуха* — связно, *добр-ый старуха* — нет. Прилагательное само по себе одно не ставится, а прилагается к существительному, и по различным существительным принимает различные окончания: *старикъ* — мужчина, *старуха* — женщина; найдите несколько названий мужчины, несколько названий женщины; с названиями мужчины говорится *добр-ый*: *добрый старикъ, добрый ученикъ, отецъ, учитель*; с названиями женщины говорится *добр-ая*: *добрая старуха, добрая ученица, мать, сестра*. Названия мужчины — рода мужского, а женщины — женского. Некоторые предметы, напр. *дерево, зеркало, море*, — не мужского, не женского рода, а среднего: о старике скажете *высокий старикъ*, о старухе — *высокая старуха*, а о дереве как? *высок-ое дерево*; о рыбе — *золотая рыба*, о воробье — *золотой воробей*, а о зеркале — *золотое зеркало*. Прилагательные, прилагаясь к существительным, принимают род существительных, потому что только предмет может быть мужчиною или женщиною; следов., родовые окончания прилагательных: мужское — *добр-ый, золот-ой, син-ий*; женское — *добр-ая, золот-ая, син-яя*; среднее — *добр-ое, золот-ое, син-ее*. Хотя мужчиною или женщиною может быть только лицо одушевленное, однако мы различаем роды и в предметах неодушевленных: *морской берегъ, морск-ая трава, высок-ий домъ, высок-ая изба*. Теперь скажите, хорошо ли говорить: *добрый старики, добрые старикъ*? как же надобно? Видите, что с единств. числом существительного ставится прилагательное в одном окончании: *добр-ый старикъ*, а с множественным в другом: *добр-ые старики*. И число в прилагательных именах зависит от числа существительных. Прилагательное, ставясь при существительном, не должно ему противоречить окончанием ни

в роде, ни в числе, т. е. должно с ним быть согласно и в роде и в числе, должно с ним согласоваться, потому что оно одно стоять не может и стоит при существительном, а чтобы стать при нем, оно должно быть с ним согласно, одинаково в роде и числе. Теперь найдите в сказке о рыбаке и рыбке прилагательные с существительными и скажите, в каком они роде и в каком числе.

Прилагательные присовокупляются к существительным для того, чтобы объяснить предмет, сказать, каков он, определить его, потому что прилагательные в предложении бывают словами определительными: *итак, синее* есть слово определительное *моря, ветхая* — *землянки* и пр. Прилагательное есть часть речи, определительное слово — часть предложения.

Глаголы — *былъ, были, буду, будутъ* — могут стоять со всяким прилагательным: напр. *ученикъ былъ здоровъ, ученики будутъ прилежны, я буду внимателенъ*. Сказуемое в этих предложениях не один глагол: *былъ, будутъ, буду*, а глагол вместе с прилагательным, потому что этот глагол, присоединяясь ко всякому прилагательному, имеет значение общее, неясное, неопределенное, а сказуемое должно сказать о предмете что-нибудь определенное; поэтому и соединяется здесь глагол *былъ, буду* с словом определительным. Одно же прилагательное, без глагола, не может быть сказуемым, потому что сказуемым всегда бывает глагол, стало быть, прилагательные *здоров, внимателен*, соединенные с глаголом *былъ, буду: былъ здоровъ, буду внимателенъ*, — перестают быть прилагательными и становятся глаголами. *Я здоровъ, ты здоровъ, онъ здоровъ* — также предложения; это видно из того, что подлежащие личные местоимения — *я, ты онъ* — могут стоять только с глаголами, а глагол здесь пропущен: *я емъ здоровъ, ты еси здоровъ, онъ есть здоровъ емъ, еси, есть, емы, есте, суть* — настоящее время того же глагола, от которого прошедшее — *былъ*, будущее — *буду*. Итак, *здоровъ* как часть речи есть имя прилагательное, а как часть предложения переходит в глагол.

Учитель встретил бы большое затруднение, если бы вздумал прежде глагола объяснить детям прилагательное как сказуемое; во-первых, потому, что дитя тотчас смешает сказуемое с определением; во-вторых, учитель должен или коверкать русский язык, прибавляя — *есть: книга есть полезна*, или на первом шагу затруднить ученика, растолковывая опущение связи; в-третьих, берет сказуемое составное, в котором, кроме связи, должен будет объяснить согласование, следов., развлечет внимание ученика решением двух вопросов вместо одного.

Значение падежей объяснить на той же сказке Пушкина. *Старик ловил неводом рыбу, отпустил он рыбу золотую*; если я скажу только: *старикъ ловилъ... старикъ отпустилъ...*, вы не знаете кого и тотчас спросите: кого, что ловил? кого, что отпустил? На вопрос *кого*, что — говорится *рыб-у, рыбок-у*, а на вопрос *кто*, что — *рыб-а, рыбок-а: какъ взмолился золотая рыбка*. Такое изменение в окончании имени или местоимения называется падежом: на вопрос

кто, что — бывает падеж и м е н и т е л ь н ы й; на вопрос кого, что — в и н и т е л ь н ы й. Подлежащее бывает в именительном падеже. Найдите в этой сказке именительные падежи. Винительный падеж бывает при глаголе: *старикъ ловилъ неводомъ рыбу, старуха пр я л а свою пр я ж у*; глаголы, требующие после себя винительного падежа, называются д е й с т в и т е л ь н ы м и; следов., действительные глаголы в этой сказке: *ловилъ, пр я л а, закину* и пр. Найти винительные падежи. Винит. пад. при глаголе действительном называется дополнением. Окончания на вопросы кем, чем называются творительным падежом: *старухой, неводомъ, голосомъ* и пр.; кому, чему — д а т е л ь н ы м: *и сказалъ ей ласковое слово*, т. е. рыбе, *твоего м н ѣ откупа не надо*, т. е. старику; *воротился старикъ ко старухѣ*; кого, чего — р о д и т е л ь н ы м: *у самого синего моря*. Падежи дополняются особыми словами, стоящими перед именами и местоимениями, и потому называются они п р е д л о г а м и; твор. пад. *старухой* — стоит с предлогом *съ: съ своею старухой*; род. *моря* — с предлогом *у*; винит. *море* с предлогом *въ* и пр. У нас есть один такой падеж, который бывает только с предлогом и потому называется п р е д л о ж н ы м: *о рыбахъ и рыбкѣ, в ветхой землянкѣ*. Так как в разговоре нам часто случается назвать того, с кем говорим, то мы употребляем особый падеж для имени того, к кому обращаемся или кого з о в е м: потому этот падеж называется з в а т е л ь н ы м: *отпусти ты, с т а р ч е, меня в море*. Слово в этом падеже не составляет части предложения, потому и ставится в запятых. Прилагательное согласуется с существительным не только в роде и числе, но и в падеже. Отыскать прилагательные с существительными в род., дат. и других падежах. И для множественного числа имен и местоимений бывают те же самые падежи и познаются по тем же вопросам; отыскать в сказке Пушкина.

Изменение слов по числам и падежам называется с к л о н е н и е м, а изменение по лицам и временам — с п р я ж е н и е м; имена и местоимения склоняются, глаголы спрягаются.

Так как прилагательное бывает и словом определительным и сказуемым, т. е. собственно прилагательным и глаголом, потому и надобно отличать прилагательное с к л о н я е м о е — *внимательный ученикъ*, от с п р я г а е м о г о — *ученикъ былъ внимателенъ*: первое бывает словом определительным, второе — сказуемым.

Кроме прилагательных, определительными бывают еще некоторые слова, напр. в той же сказке: *жилъ старикъ со своею старухой у с а м о г о синего моря; надобно ей новое корыто; н а ш е-т о совѣмъ расколосъ*. Слова: *мой, твой, свой, нашъ, вашъ* — местоимения, потому что *мой* — что мне принадлежит, *твой* — что тебе принадлежит и т. д. Всего лучше можно определить предмет, о котором хочу говорить, указав на него пальцем. Если я скажу — *маленькая книжка*, вы еще не знаете, которая книжка; но если я укажу пальцем, вы тотчас видите, о которой книжке сказал я вам. Именно есть в языке такие слова, которые так определяют то; о чем хотим

сказать, будто мы указываем пальцем: *эта книжка, этотъ ученикъ, это перо; та книжка, тотъ ученикъ, то перо*; иногда вместо *этогоъ, эта, это* употребляется *сей, сія, сіе*. Этого еще мало: к такому определению можем присовокуплять еще другое, от чего наше указание на предмет бывает еще определеннее: *этогоъ с а м ы й ученикъ, эта с а м а я книга*. Все эти указывающие и определяющие слова, как часть предложения, называются определительными, и следов., согласуются со своим именем, а как часть речи суть местоимения.

Кроме подлежащего, сказуемого, определения и дополнения, есть еще одна часть предложения; познается она по вопросам: как, где, куда, откуда, когда, как долго, сколько, чем и др. и называется обстоятельством. Найдем их в сказке о рыбаке и рыбке. Как жил старик, один или с кем-нибудь: *со своей старухой* — обстоят. Где он жил? *у самага синего моря* — обстоят. Они жили у моря в чем, как, где? *в ветхой землянкѣ* — обстоят. Как долго, сколько времени? *ровно тридцать лѣтъ и три года* — обстоят. Когда закидывал старик невод, сколько раз? *одинъ разъ, въ другой разъ, въ третій разъ* — обстоят. Куда закидывал невод? *въ морѣ* — обстоят. Откуда выходил невод и откуда притащил он рыбку? *изъ моря* — обстоят. Как молила рыбка, как она молвила? *голосомъ человѣчьимъ* — обстоят. На вопросы где, куда, откуда бывают обстоятельства места; на вопросы когда, как долго, сколько времени — обстоятельства времени; на вопросы как, с кем, чем, каким образом — обстоятельства образа (действия.— *Сост.*). Теперь видите, что обстоятельствами мы называем время, место, где и когда что делается, образ, т. е. каким образом что делается.

Теперь разберите, какими частями речи выражаются исчисленные нами в сказке обстоятельства. Видите, что все они выражены именами существительными, прилагательными, местоимениями, именами числительными. Но есть особенная часть речи, которую мы употребляем только для обстоятельств: называется наречием. Наречия времени — на вопросы: когда? *вчера, нынѣ, сегодня, завтра*; с которого времени? *смолоду, исстари, испоконъ вѣку*; до которого времени? *донынѣ, до сих поръ, до завтра*. Наречия места — на вопросы: где? *здесь, там; куда? туда, сюда, домой*; откуда? *оттуда, отсюда*. Наречия образа — на вопросы: как, каким образом? *учусь хорошо, дурно, прилежно, внимательно, много, мало*.

Теперь вы знаете все части предложения, знаете, что во всяком предложении должен быть глагол, т. е. сказуемое; сказуемое с подлежащим суть главные части предложения, а определение, дополнение и обстоятельство — второстепенные. Отделимте же в сказке одно предложение от другого:

- 1) жил старик со своею старухой у самого синего моря;
- 2) они жили в ветхой землянке ровно тридцать лет и три года.
- 3) старик ловил неводом рыбу,
- 4) старуха пряла свою пряжу.
- 5) раз он в море закинул невод,
- 6) пришел невод с одною тиной;
- 7) он в другой раз закинул невод,
- 8) пришел невод с травой морской;
- 9) в третий раз закинул он невод,
- 10) пришел невод с золотой рыбкою, с непостою рыбкой, золотою.
- 11) как взмолился золотая рыбка,
- 12) голосом молвит человечьим:
- 13) отпусти ты, старче, меня в море,
- 14) дорогой за себя дам откуп;
- 15) откуплюсь, 16) чем только пожелаешь.
- 17) удивился старик, 18) испугался;
- 19) он рыбачил тридцать лет и три года
- 20) и не слыхивал, 21) чтоб рыба говорила.
- 22) отпустил он рыбку золотую
- 23) и сказал ей ласковое слово:
- 24) бог с тобою, золотая рыбка!
- 25) твоего мне откупа не надо,
- 26) ступай себе в синее море,
- 27) гуляй там себе на просторе.

Теперь взгляните на конец каждого предложения и увидите, что стоит какой-нибудь знак: или запятая, или точка с запятой, или двоеточие, или точка. Стало быть, одно предложение отделяется от другого знаком п р е п и н а н и я, т. е. остановки, потому что, читая, мы несколько останавливаем голос при окончании предложения.

Учитель совершит уже большую половину труда, если покамест выучит детей отделять одно предложение от другого только запятою. Впоследствии, спустя полгода или и больше, легко можно будет растолковать и другие знаки. А главное, только что дети начнут писать, чтобы тотчас отделяли предложения знаком; это верное ручательство, что они понимают предложение и связь его с предыдущим и последующим. Упражнение в знаках препинания должно идти постепенно. Умея отделять предложения запятыми, дети учатся отделять запятыми же части предложения: несколько подлежащих, несколько сказуемых, несколько дополнений или одинаковых падежей, несколько определительных или прилагательных отделяются запятыми; напр., в 9-м рассказе отделяются запятыми подлежащие: *алмазы, золото, серебро, коровы, лошади*. Впрочем, если определения не равносильны, а одно определяет другое, то между ними запятой не ставится, напр., *новое деревянное корыто, у самого синего моря*. Такое соединение определений называется в к л ю ч е н и е м. Употребление двоеточия перед вводною речью весьма легко; потому объяснить его прежде точки с запятой, напр.:

Голосом молвит человечьим:

Здесь двоеточие потому, что далее идут собственные слова рыбки. Дальнейшее объяснение знаков идет в связи с объяснением предложений сложных. Как знаки препинания отделяют слова и предложения, так есть особая часть речи, соединяющая, связывающая слова и предложения. В 1-м рассказе предложения: *двѣ собаки гнались за зайцемъ, заяцъ обернулся назадъ* — связываются словом *а*; *искусаль собакъ, прогналъ ихъ* — связываются словами *да и*. Слова *а, да, и* называются с о ю з а м и, потому что связывают слова и предложения. Если *и* соединяет одну часть предложения с другой, т. е. подлежащее с подлежащим, определение с определением и пр., то перед ним не ставится запятой; напр., в 9-м рассказе: *золото, серебро, коровы, лошади и овцы*. Если же *и* соединяет два предложения, то перед ним ставится запятая (а иногда и точка с запятой), напр. в 7-м рассказе: *барашку очень захотѣлось ѣсть, и потому онъ убилъ волка*.

В заключение о частях речи объяснить междометие, в связи с знаками препинания: т. е. они отделяются или запятыми, или знаком восклицания и, точно так как звательный падеж, не составляют части предложения.

Общее значение частей предложения и речи составляет первую ступень грамматической пропедевтики. Теперь наступает время к объяснению утвердительного, общего, частного и особенного, причины, цели, средства и т. п.

Вы уже знаете, какие свойства противопоставляются вот этим: *новый — большой — высокій — толстый — богатый — холодный* и пр. Назовите их. Итак, *большому* противоположно *маленькій, высокому — низкій, богатому — бедный, холодному — жаркій*. Но все ли равно, что *невысокій и низкій, небогатый и бедный, холодный и жаркій*? Ведь вы чувствуете, что здесь не холодно, однако и не жарко; многие из вас не богаты, однако и не бедны. Стало быть, *небогатъ, нежарокъ* не будут противоположны *богатому, жаркому*: эти слова означают только, что, напр., такого человека нельзя назвать богатым, нынешний день нельзя назвать жарким; такие слова называются *отрицательными*. Сила отрицания находится в частице *не*, которая называется *наречием отрицательным*. Если эта частица стоит перед сказуемым, то предложение называется *отрицательным*, напр. в сказке Пушкина: *и не слыхиваль, чтобы рыба говорила*. Сия частица от глагола отделяется, т. е. пишется не слитно с ним. Это небольшое слово так важно, что, прибавив или убавив его, весьма часто, вместо правды, скажешь ложь. Напр., *бог всемогущ* — великая правда; а если бы мы сказали: *бог не всемогущ*, то это было бы не только ложь, но и великий грех; видите, что ложь и неправда всегда ведут к греху. Говорите же всегда правду. Вы что-нибудь сшалили, вас спрашивают: зачем ты нашалил? Если вы скажете: *виноват* — сделаете доброе дело, потому что раскаетесь в своем проступке; если же скажете: *не виноват* — то к своей вине прибавите еще другую, ббльшую. Теперь видите, как важно в разговоре это отрицательное наречие *не!*

Припомните, что во 2-м рассказе говорится только об *одномъ* ручейкѣ, который тек вверх, в 3-м рассказе только об *одной* курицѣ, которая из яйца выводила двенадцать цыплят. Но ведь вы знаете, что *всѣ* ручьи текут вниз; знаете также, что *всякая* курица может вывести из одного яйца только одного цыпленка. Если говорится что-нибудь обо всех или обо всем, то предложение бывает о б щ и м: *всѣ птицы летаютъ*. Если же только о чем-нибудь одном, то предложение бывает о с о б е н н ы м: *городъ Москва стоитъ на Москвѣ-рѣкѣ*. Если же говорится и не о всех, и не об одном чем-либо, а о нескольких, о многих или немногих предметах, то предложение бывает ч а с т н ы м, напр.: *нѣкоторыя птицы приятно поютъ*. Но нельзя сказать, что *всѣ птицы приятно поютъ*, потому что вороны, воробьи кричат вовсе не приятно. Стало быть, одно и то же предложение, будучи общим, правильно; а изменяясь в частное, становится ложным. И наоборот, истинное частное, становясь общим, переходит в ложь. Напр., *всѣ твари созданы богомъ* — истина; *нѣкоторыя твари созданы богомъ* — ложь, и думать так грешно. *Нѣкоторые люди воры* — истина; *всѣ люди воры* — гадкая ложь, и думать так грешно и постыдно, потому что оскорбляешь ближнего. Видите, любезные дети, как часто суждения наши бывают ложны; а потому, что мы приписываем что-нибудь всем, что прилично только одному, или некоторым. Особенно дети впадают в погрешность ложных суждений оттого, что говорят много, а мало знают. Итак, говорите только то, что знаете действительно, что сами видели и слышали, и не говорите о предмете вообще прежде, нежели не узнаете всех частей его. Слова, означающие общее, частное и особенное, т. е. *весь, вся, все, всѣ, всякій, каждый, нѣкоторый, нѣсколько, одинъ*, относятся к м е с т о и м е н и я м.

Для чего старик закидывал невод в море? Чтобы наловить рыбы. То, для чего что-нибудь делается, называется ц е л ь ю¹. Для чего заговорила рыбка с стариком? Она хотела на свободу, это была ее цель. Невод же есть орудие, инструмент, которым ловят рыбу: орудие, которым что-нибудь добывается, называют с р е д с т в о м. Ружье есть орудие, инструмент, из него стреляют в цель, так чтобы только до цели летела пуля и в ней оставалась. Так точно и цель всякого дела человеческого есть тот конец, для которого оно делается. А средство, как ружье, есть орудие, которым достигается цель. Блаженство на том свете есть цель нашей жизни, а достигается она добрыми делами и молитвою, стало быть, добрые дела и молитва — средства, коими приобретает человек блаженство. Средства бывают и добрые и злые для одной и той же цели. Напр., одни добывают деньги трудом, другие воровством: труд доброе средство, воровство — злое. Цель выражается в языке словами *за, для того, чтобы*, а средство — творит. падежом.

¹ Применяю методу Вильмссена к чтению писателя; см. „Der Deutsche Kinderfreund, ein Lesebuch für Volksschulen“.

Почему испугался старик, когда заговорила рыбка? Потому что он никогда не слыхивал, чтобы рыбы говорили. Это была причина его испуга. Какая бывает причина наказанию ученика? Без причины ничего не делается на свете. Она выражается в языке словами: *ибо, потому что*.

Когда мы разговариваем, то или спрашиваем или же отвечаем. Так, в басне Крылова «Лисица и Сурок» сурок спрашивает лисицу: *куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?*, а лиса отвечает. Когда вы хотите узнать, сколько часов, спрашиваете: *Который час?* Вы спрашиваете своего товарища: *Откуда идешь? где был? когда придешь ко мне? что делал ты дома? кто там пришел? как тебя зовут?* Слова, которыми спрашиваем, называются *вопросительными*: *который, кто, что* — вопросительные местоимения; *откуда, куда, где, когда, как* — вопросительные наречия. Кроме того, мы спрашиваем еще вот как: *Знаешь ли ты урок? Отпустил ли старик рыбу? ли* — союз вопросительный. После вопросительного предложения ставится знак вопроса. А перед вопросительным предложением, если только не им начинается речь, ставится запятая; в этом случае оно часто перестает быть вопросительным; напр.: *я знаю, куда ты идешь, где был; вижу, кто пришел; учитель любит ученика, который учится прилежно*. Здесь слова: *куда, где, кто, который* — связывают два предложения, и то предложение, в котором они находятся, называется *придаточным*, а к которому прибавляется *придаточное*, называется *главным*. Когда вопросительные слова стоят в придаточном предложении, тогда называются *относительными*, потому что относятся к главному предложению¹.

Вместо — *который учится прилежно* — можно сказать: *учащийся прилежно; который учился прилежно — учившийся прилежно; учащийся, учившийся* — называются *причастиями*: они происходят от глагола, заменяют глагол с относительным местоимением и суть не что иное, как прилагательные отглагольные; от прилагательных простых отличаются тем, что имеют времена: *учащийся* — настоящее, потому что вместо: *который учится; учившийся* — прошедшее, потому что вместо: *который учился*. Ясно, что предложение с причастием будет также придаточным предложением. Кроме прилагательных, от глаголов происходят и наречия: *учась, выучившись*; от *посмотреть* — *посмотря*, от *думать* — *думая*. Предложение с деепричастием также бывает придаточным. Предложение придаточное ставится в запятых.

Теперь разберем басню Крылова «Мальчик и змея» и расставим знаки.

Мальчишка схватил змею — главное предлож.; *думая поймать угря* — придаточное предлож.; главное соединяется с следующим главным союзом *и*, стало быть, перед *и* запятая. Далее главное: *и стал бледен*; придаточные: *воззрившись от страха* — как его ру-

¹ См.: ч. 2-я, с. 227—228.

баха. Стало быть, знаки должны стоять так:

*Мальчишка, думая поймать угря,
Схватил змею (,) и, въззрившись от страха,
Стал бледен, как его рубаха.*

Далее: *змея говорит* — главное предлож.; *на мальчика спокойно посмотря* — придаточное. *Послушай* — одно предлож.; *коль ты умней не будешь* — другое предлож.; *то дерзость не всегда легко тебе пройдет* — третье. Стало быть, знаки:

*Змея, на мальчика спокойно посмотря,
«Послушай», говорит: «коль ты умней не будешь,
То дерзость не всегда легко тебе пройдет».*

После *говорит* стоит двоеточие, потому что следуют слова, которые *говорит змея*. *На сей раз бог простит* — главное предлож.; *но берегись вперед* — другое главное предлож.; *и знай* — третье главное предлож.; *с кем шутишь* — придаточное предлож. Заметьте, что перед союзом *но* по большей части ставится точка с запятой, в противоположность союзу *а*, перед коим по большей части ставится запятая. Итак, знаки:

*На сей раз бог простит; но берегись вперед (,)
И знай, с кем шутишь!*

Для ясного понятия о придаточном предложении следует обяснить придаточные подлежащие, определительные, дополнительные и обстоятельственные предложения. Т. е. придаточное предложение составляет главному: а) или подлежащее: *кто любит бога и ближнего, награждается свыше* — любящий бога и ближнего награждается свыше; б) или определение: *ученик, который прилежно учится, достоин награды* — прилежный ученик достоин награды; в) или дополнение: *учитель награждает того, кто прилежно учится* — учитель награждает прилежно учащегося; г) или обстоятельство, и притом аа) времени: *когда сотворены были звезды, восхвалили господа все ангелы великим гласом*; бб) места: *рай находился там, где Тигр и Евфрат соединяются при Персидском заливе*; вв) образа: *на горе Фаворе одежда спасителя стала бела, как снег, а лик сиял, как солнце*; гг) причины: *старик испугался, потому что никогда не слыхивал говорящих рыбы*; дд) цели: *старик закинул в море невод для того, чтобы наловить рыбы*, и проч. Надобно предупредить, чтобы ученики не впали в ошибку, определяя придаточные по внешним признакам; так, напр., не всякое предложение с относительными *когда*, *где* бывает обстоятельственным, напр.: *никто не знает, когда придет страшный суд*; *человек не знает, где будет по смерти*; эти предложения придаточные дополнительные, ибо глагол *знать* требует дополнения; и стоят они вместо дополнения того... , т. е. *никто не знает того*, т. е. времени, *когда...*, места, *где...*

Если союзы связывают два равных предложения, т. е. главное с главным или придаточное с придаточным, то называются *сочиняющими*; если же соединяют главное с придаточным или придаточное с подчиненным ему придаточным, то называются *подчиняющими*. В первом случае соединения предложений называется *сочинением*, во втором — *подчинением*. Для объяснения сочинения и различных степеней подчинения полезен следующего рода разбор, напр., басни Крылова «Волк и Пастухи»:

А. Волк сам молвил про себя

Б. 1) *близко обходя пастуший двор* 2) *и видя сквозь забор* 3) *прочь уходя в досаде*

В. 1) *что спокойно пастухи барашка потрошат* 2) *а псы смирнехонько лежат*

Г. 1) *выбрав лучшего себе барана в стаде*

А — главное предложение; при нем Б три придаточных; при Б 2-м два придаточных В; при В 1-м одно придаточное Г. Б — придаточные на первом плане, В — придаточные на втором, Г — придаточные на третьем. *И* — союз сочиняющий, ибо соединяет придаточное Б 1-е с придаточным Б 2-м. *Что* — союз подчиняющий, ибо соединяет придаточное подчиненное В 1-е с придаточным подчиняющим Б 2-м. *А* — союз сочиняющий, ибо связывает два придаточных: В 1-е с В 2-м. После такого разбора дети непременно правильно отделят предложения знаками:

*Волк, близко обходя пастуший двор (,)
И видя сквозь забор,
Что, выбрав лучшего себе барана в стаде,
Спокойно Пастухи барашка потрошат,
А псы смирнехонько лежат,
Сам молвил про себя, прочь уходя в досаде, и пр.*

Первоначальная грамматика, кроме уразумения прочтенного, учит и правильному письму. Как на чтении дитя учится преимущественно синтаксису, так на письме — этимологии. Особенности склонений, спряжений, образования слов объясняются на письме. Так,

напр., окончания родит. муж. и средн. ед. прилаг. на *-аго, -его*, в противоположность местоимениям: *тотъ, этотъ, одинъ, какой, такой*, кончающимся на *-ого*. Творит. муж. и средн. ед. прилаг. на *-ымъ, -имъ* в противоположность предложному на *-омъ, -емъ*. Падежи имен существительных на *ѣ*: здесь предупредить ошибку, чтобы не ставить *ѣ* в винит., а именно отличить, напр., *иду въ поле, и хожу въ полѣ*. Указать на творит. ед. местоим. с *ѣ*: *къмъ, чѣмъ, всѣмъ, тѣмъ*. Во множ. во всех падежах *ѣ* местоим. *тѣ, всѣ*. Прилагат. множ. имен. муж. на *-е*, женск. и средн. на *-я*; *ѣ* в глаголах, кончающихся в прошедшем на *-ѣлъ*, в настоящем на *-ѣю*; в наречиях: *гдѣ, здѣсь, кромѣ* и проч., предупредив, что *прежде* кончится на *е*; *ѣ* в сравнительной степени, и т. д. Когда попадется в диктанте глагол, учитель объяснит, какого он спряжения, для того чтобы правильно написать окончание: *-ишь* или *-ишь, -утъ, -ютъ* или *-атъ, -ятъ*. Когда попадется предлог перед глаголом, объяснить, почему пишется слитно; отдельно же он ставится, когда управляет падежом, и т. п. Одним словом, случаев, неизвестных дитяти в отечественном правописании, весьма немного, надобно только укрепиться в правилах на практике, следов., никогда не должно заучивать их в учебнике, а постоянно применять к делу на письме.

Предложенных примеров, кажется, достаточно, чтобы видеть, как дитя, хотя без видимой системы, однако, систематически и методически и готовится к изучению грамматики как науки. Когда, таким образом, в продолжение года или даже и двух ученики узнают язык на практике, на чтении и письме, тогда как повторение можно предложить им систематический свод отрывочным и разрозненным их знаниям. Взыскательный учитель да не почтет недостатком, что я опустил многие весьма важные грамматические положения; моя цель показать методу, а не представить полный учебник, и она будет совершенно достигнута, если читатели увидят, что я умел соединить первоначальное грамматическое учение с чтением и развитием нравственных способностей детей.

2. ЧТЕНИЕ КАРАМЗИНА¹

Летопись Нестора

(том I)

В первом томе своей «Истории...» Карамзин еще весьма недостаточно пользуется языком летописца. Возьмем лучшие места Нестора — похвалу Ольге, крещение Руси — и посмотрим, как передал их Карамзин.

Наконец, сделавшись ревностною христианкою, Ольга — по выражению Нестора, денница и луна спасения — служила

¹ В разборах цифры указывают на страницы второй части «О преподавании отечественного языка», где находятся объяснения разбираемого.

убедительным примером для Владимира и предуготовила торжество истинной веры в нашем отечестве (т. I, гл. VII).

Денницу спасения еще можно понять, но *луна спасения* — пустая непонятная фраза. В Несторе так: «Си бысть предътекущия крестьянствѣи земли аки деньница предъ солнцемъ и акі зоря предъ свѣтомъ, си бо съяше аки луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ челоуѣцѣхъ свѣтящесе аки бисеръ в калѣ; калньи бо бѣша, грѣхъ нешмовени крещенемъ святымъ». В подлиннике ясные, полные образы и уподобления, притом с строгим синонимическим различием *денницы* и *зари*: первая предшествует солнцу, вторая спутница всякого света (оттуда *зарев*). Ольга у Нестора не *луна спасения*, а сияет, как луна в нощи, и соответствует Владимиру, который называется солнцем (припомнить в древних поэмах: *Владимир Красное солнышко; солнце*, с. 295). Таким образом, разобранное выражение Карамзина может служить примером излишней краткости в ущерб ясности, смысла и изящества. Любопытно также заметить, что Карамзин не обратил здесь внимания едва ли не на самое лучшее место во всей Несторовой летописи: «мы же рцѣмъ къ неи (т. е. к Ольге): радуися, руское познанье къ богу; начатокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде в царство небесное штъ Руси, сію бо хвалять русіе сынове, аки начальницу; ибо по смерти моляще бога за Русь» (с. 309—310).

Тогда Владимир в радости и восторге сердца, устремив взор на небо, громко произнес молитву: «Творец земли и неба! благослови сих новых чад твоих, дай им познать тебя, бога истинного: утверди в них веру правую. Будь мне помощью в искушениях зла, да восхваляю достойно святое имя твое!»... В сей великий день, говорит летописец, земля и небо ликовали (т. I, гл. IX).

Подлинник: «Володимеръ же радъ бывъ, яко позна бога самъ и людье юго, възрѣвъ на небо, рече (проще, чем у Карамзина): боже, створивый небо и землю! призри (церковная, молитвенная форма, и сильнее и шире выражает мысль, нежели *благослови*) на новыя люди сия (т. е. на людей обновленных, перерожденных, а не на новых детей, как у Карамзина), и дажь имъ, господи, оувѣдѣти тебе истиннаго бога, якоже оувѣдѣша страны хрестьянская; оутверди и вѣру в нихъ праву и несовратну (прекрасное слово, к сожалению, пропущенное у Карамзина), и мнѣ помози (проще и сильнее, чем *будь помощью*), господи, на супротивнаго врага (и проще, и осязательнее, и соответственнее тому веку, нежели: *в искушениях зла*), да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни юго». Что же касается до выражения: *земля и небо ликовали*, будто бы сказанного летописцем, то оно у Нестора иначе — и проще, и полнее, и понятнее: «и бяше си вѣдѣти радость на небеси и на земли, *толико душъ спасаемыхъ*». Опустив сии последние слова, Карамзин лишил эту мысль высокого нравственного значения.

Удачное переложил Карамзин речь Святослава:

Бегство не спасет нас; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамим отечества, но ляжем здесь костями: мертвым не стыд-

но! Станем крепко. Иду пред вами, и когда положу свою голову, тогда делайте, что хотите!

Сличив с подлинником, увидим ясно, как Карамзин Несторову связанную союзами речь изменил в отрывистую. Курсивом означены союзы и л и ш н и е выражения, пропущенные Карамзиным.

«Оуже намъ нѣкамо ся дѣти! волею и неволею стати противу, да не посрамимъ землѣ рускѣ, но ляжемъ костью; мертвыи бо срама не имамъ, *аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати* (опущено у Карамзина, как ослабляющее краткую речь повторение и объяснение): *но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою*».

В подлиннике лучше, нежели у Карамзина: *некуда деться; стать противу* — неокончателное наклонение вместо глагола с вспомогательным *должны* (с. 266); *земля Русская* вм. *отечества* союзнее с тем веком. Зато у Карамзина сильнее: *мертвым не стыдно* вм. *срама не имамъ*; при глаголе *иду* опущено местоимение 1-го лица. Кость, с. 307, честь, с. 311.

Слово о полку Игореве

(том III, глава VII)

1. Игорь, князь Северский, желая воинской славы, убеждает дружину идти на половцев и говорит:
2. «хочу преломить копие свое на их дальнейших степях, положить там свою голову
3. или *шлемом испить Дону!*» Многочисленная рать собирается: кони ржут
4. за Сулою, гремит слава в Киеве, трубы трубят в Новгороде, знамена развеваются в Путивле: Игорь ждет милого брата, Всеволода.
5. Всеволод изображает своих мужественных витязей:
6. «они под звуком труб повиты, концом копья вскормлены; пути им сведомы, овраги знаемы; луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наточены; носятся в поле как волки серые: ищут чести самим себе,
7. а князю славы». Игорь, *вступив в золотое стремя*, видит глубокую тьму перед собою; небо ужасает его грозою, звери режут в пустынях, хищные птицы станицами парят над воинством, орлы *клектом* своим предвещают ему гибель, и
8. лисицы лают на багряные щиты россиян. Битва начинается; полки варваров сломлены, их девицы красные взяты в плен, золото и ткани в добычу; одежды и наряды половецкие лежат на болотах, вместо мостов для
9. россиян. Князь Игорь берет себе одно багряное знамя
10. неприятельское с древком серебряным. Но идут с юга черные тучи, или новые полки варваров: ... ветры,
11. Стрибоговы внуки, веют от моря стрелами на воинов
12. игоревых... Всеволод впереди с своею дружиною: ... сыплет на врагов стрелы, гремит о шлемы

13. их мечами булатными. Где сверкнет золотый шишак его, там лежат головы половецкие... Уже два
14. дни пылает битва, неслыханная, страшная: земля облита кровию, усеяна костями. В третий день пали
15. наши знамена: *кровового вина* не достало; кончили пир свой храбрые россияне, напоили гостей и легли
16. за отечество... Киев, Чернигов в ужасе: половцы, торжествуя, ведут Игоря в плен, и девицы их поют веселые песни на берегу синего моря,
17. звеня русским золотом... Сочинитель молит всех князей соединиться для наказания половцев и говорит Всеволоду III: «ты можешь Волгу раскропить веслами, а
18. Дон вычерпать шлемами». — Рюрику и Давиду: «ваши шлемы позлащенные издавна обагрятся кровию; ваши мужественные витязи ярятся как дикие волы, уязвленные саблями калеными». —
19. Роману и Мстиславу Волинским: «Литва, ятвяги и половцы, бросая на землю свои копыя, склоняют головы под ваши мечи булатные».
20. Сыновьям Ярослава Луцкого, Ингварю, Всеволоду и третьему их брату: «о вы, славного гнезда шестокрыльцы! заградите поле врагу стрелами острыми».
21. Он называет Ярослава Галицкого *осмомыслом*, прибавляя: «сидя высоко на престоле златокованном, ты *подпираешь* горы Карпатские *железными* своими полками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь путь к Киеву, пускаешь стрелы в земли отдаленные».
22. В то же время сочинитель оплакивает гибель одного Кривского князя, убитого литовцами: «дружиину твою, князь, птицы хищные приодели крыльями, а звери кровь ее полизали.
23. Ты сам выронил *жемчужную* душу свою
24. из мощного тела чрез золотое ожерелье». В описании несчастного междоусобия владетелей российских и битвы Изяслава I с князем полоцким сказано: «на берегах Немана стелют они снопы головами, молотят цепями булатными, веют душу от тела...
25. О времена бедственные! Для чего нельзя было *пригвоздить* старого Владимира к горам Киевским» (или сделать бессмертным!)...
26. Между тем супруга плененного Игоря льет слезы в Путивле, с городской стены смотря на чистое поле:
27. «Для чего, о ветер сильный! легкими крылами своими навеял ты стрелы ханские на воинов моего друга? Разве мало тебе волновать синее море и *лелеять* корабли на зыбях его?..
28. О Днепр славный! ты пробил горы каменные, стремясь в землю Половецкую; ты нес на себе ладни Святославовы до стана Кобякова: принеси же и ко мне друга милого, да не шлю к нему утренних слез моих

29. в синее море!.. О солнце светлое! ты для всех тепло и красно: почто же знойными лучами своими изнурило ты воинов моего друга в пустыне безводной?»...
30. Но Игорь уже свободен: обманув стражу, он летит на борзом коне к пределам отечества, стреляя гусей и лебедей для своей пищи.
31. Учинив коня, садится на ладию и плывет Донцом в Россию.
32. Сочинитель, мысленно одушевляя сию реку, заставляет
33. оную приветствовать князя: «Не мало тебе, Игорь, величия, хану Кончаку досады, а Русской земле веселия».
34. Князь отвечает: «Не мало тебе, Донец, величия, когда ты лелеешь Игоря на волнах своих, стелешь мне траву мягкую на берегах *сребряных*, одеваешь меня теплыми мглами под сению древа зеленого, охраняешь гололями на воде, чайками на струях,
35. чернетями на ветрах»... Игорь, прибыв в Киев, едет благодарить всевышнего во храм Пирогощей богоматери, и сочинитель, повторив слова Бояновы: «худо голове без плеч, худо плечам без головы», восклицает: «счастлива земля и весел народ, торжествуя спасение Игорево».
36. Слава князьям и дружине.

2. «Хошу¹ бо, рече, копіе приломити конецъ поля Половецкаго съ вами, Русици, хошу главу свою приложити, а либо испити шеломомъ Дону». Копье, с. 306, голова, с. 307, шлемъ, с. 306.

4. «Комони ржуть за Сулою; звенить (новее и более поэзии, чем *гремит*: *звон славы* напоминает *звон колокольный*) слава въ Киевѣ: трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода». У Карамзина тот же порядок и построение слов, что и в подлиннике: доказательство, как близок к нашей речи текст Слова о полку Иг. Заметить мерные дактилические окончания предложений и у Карамзина и в подлиннике: *Сѹлою, Кіевѣ, Новѣградѣ (Новѣградѣ)*. Комонь, с. 202, трубы трубять, с. 282—283, 293—294, милый, с. 294.

6. «Подъ трубами повити, подъ шелома възлелѣяны (пропущено у Карамзина это прекрасное выражение), конецъ копія въскрѣмленн, пути имь вѣдоми, яругы имь знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачуть, акы сѣрый вльци въ польѣ, ишучи себе чти, а князю славѣ». У Карамзина почти слово в слово: так родственен нам язык Слова о полку Иг. Те же дактилические окончания предложений: *пóвйтѣ, вѣскрѣмленѣ, свѣдомѣ, знáемѣ, натянутѣ, отвóренѣ, нáтóченѣ, сѣрый, самѣмъ сѣбѣ*. Замечательно, что для двух последних дактилей Карамзин намеренно изменил порядок слов подлинника. Быть воинской, с. 305, яругы, с. 364, сѣрый волкъ, с. 320..

7. «Тогда вѣступи Игорь князь в златъ стремянь, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тѣмою путь заступаше (Карамзин не выразил этого поэтического олицетворения солнца); ночь стонуши ему грозою птичь убуди (и этот поэтический образ у Карамзина сглажен); свистъ звѣринъ въ стазби (свист зверя придает более

¹ Выдержки из памятников письменности XI—XVII вв. Здесь и далее печатаются с сохранением орфографии, данной у Ф. И. Буслаева.

мрачный оттенок, чем рев)... Уже бо бѣды его (Игоря) пасеть птицъ (понятнее и короче: сила мысли зависит от глагола *пасети*); подобю вльци грозу въсрожатъ, по яругамъ; орли клетомъ на кости звѣри зовуть (картина определена и ярка; у Карамзина вообще сказано: предвещают ему гибель), лисицы брешутъ на чръленыя шиты». Из разбора этого места очевидно выступает поэтическое превосходство подлинника над прозаическим переложением Карамзина.

Чудесное предзнаменование, с. 314—315, орлы, с. 317—318, 318—319, золотой, с. 295, стремянь, с. 255.

8. «Съ заранія въ пяткъ потопташа (сильнее выражает гибель врагов, а *сломлены* — может означать только: сдвинуты с места) поганяя плѣкы Половецкыя и расушяся стрѣлами по полю (быстрота действия, не замеченная Карамзиным), помчаша красныя дѣвки Половецкыя, а с ними злата, и паволокы и драгыя оксамиты». В подлиннике изображается самое действие — *помчаша*, у Карамзина уже результат оногo — взяты в плен, и потому не живописно; в подлиннике, вместе с девицами влекутся и злато и проч.; Карамзин быстроту действия вовсе останавливает, гладнокровно разделяя, что было взято в плѣн и что в добычу. «Орьтъмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорьчы Половѣцкыми». Исчисление видов (*орьтмы, япончицы, кожухи*) гораздо картиннее общей суммы их или рода (одежды и наряды, как у Карамзина). *Мосты мостягъ* — действие, теперь совершающееся, живописнее результата оногo: лежат вместо мостов. Красный, с. 294, мосты мостить, с. 282—283, 293—294.

9. «Чрълень стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружіе храброму Святъславличю». Опускание глагола с дательным падежом сильнее и быстрее выражает действие.

10. «Чръныя тучя съ моря идуть». Объяснением *или...* Карамзин разрушил поэтический образ.

11. «Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы». *Се* — для живейшего представления в настоящем. *Съ моря* — и шире, и далее, и пластичнее схватывает действие, нежели *отъ моря*. Стрибогъ, с. 221, вѣтеръ, с. 248.

12. «Яръ туре Всеволодъ! стоиши на борони, прыщеси (*сыплет* — менее силы и быстроты) на вон стрѣлами (творит. вм. винительного: *сыпать стрелы* и *сыпать стрелами*), гремлеши о шеломы мечи харалужными». У Карамзина двусмыслие: *о шлемы их мечами*: к чему относится *их*, к шлемы или мечам? Туръ, с. 295.

13. «Камо туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганяя головы Половецкыя». То же правильное построение периода, что и у Карамзина: следов., в древних памятниках нашей литературы можно учиться и периоду. *Посвѣчивая* шишаку приличнее, нежели *сверкнет*: и приставка *по* означает уже умеренное качество: *сверкнет* слишком много. Заметить, что и 12 и 13 периоды оканчиваются у Карамзина и в подлиннике дактилем: *булѣтнѣмъ (харалужнѣмъ), половецкѣмъ*. У Карамзина рассказ, в подлиннике же поэтическое обращение к Всеволоду.

14. «Чръна земля подь копыты, костью была посеяна, а кровію поляна, тугою взыдоша по Руской земли». Из близкого, последовательного сравнения с нивую Карамзин сделал фразу; ибо *посеяна* и *полита*, употребляющиеся для растений, изменил в более общие понятия *усеяна* и *облита*: следов., заметить силу предлогов. Притом сначала земля вспахана (под копытами), потом посеяна, далее полита и наконец уже взшла; Карамзин обрубил начало и конец полного сравнения и переставил порядок глаголов неестественно. Сравнение с песнями см. с. 292.

15. «Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрїи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоса за землю Рускую». Словами *гостей* и *отечество* Карамзин подновил подлинник. Сравнение с песнями, с. 292, родственное выражение, 312.

16. «Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня Рускимъ златомъ». Строение предложений то же самое, что и у Карамзина. Дактилич. окончание: *злѣтѣмъ*. Красный, с. 294.

17. «Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы *выльятѣ*». Хотя у Карамзина изменен порядок слов, но соотношение между словами симметрическое, то же, что и в Слове: у Карамзина оба глагола в середине, в Слове *оба* на конце; и у Карамзина и в Слове дактилич. окончание: *шлѣмѣмъ*, *выльятѣ*. Шлемъ, с. 306.

18. «Ты, буй Рюриче и Давыде, не ваю ли злаченны шеломы по крови плаваша (обагрятся — мало)? не ваю ли храбра дружина рыкають (определенное действие, *ярятся* — более общее, следов., менее изобразительное) акы тури, ранены (у Карамзина точнее — ранить можно и пулею и камнем) саблями калеными не полъ незнаемъ?» Замечательно, что и подлинник и переложение разделяются на две части, оканчивающиеся дактилем: *плѣваша, не знаемъ; кровей, калеными*. Таким образом, самые памятники литературы нашей частью воспитали в Карамзине мерную прозу. Впоследствии Карамзин исправился от недостатков ее. Тур, с. 295, дружина рыкают, с. 259, каленый, с. 295.

19. «Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы своя повръгоша, а главы свои поклониша подъ тьи мечи харалужныи». Дактилическое окончание и в подлиннике и в переложении.

20. «Иньгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславици, нехуда гнѣзда шестокрылци!.. Загородите полю ворота своим острими стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буге Святъславлича!» На конце Карамзин изменил порядок слов, постановив прилагательное на конце для того, чтобы придать дактилическое окончание предложению: *острымъ*. В подлиннике дактилем оканчиваются далее два следующие выражения: *русскую* и *Святъславлича*.

21. «Галичкы Осмомыслъ Ярославѣ, высоко съдиши на своемъ златокваннѣмъ столѣ. Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плѣки, заступивъ Королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча беремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Киеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями». В первом предложении Карамзин поставил на конце *златокваннѣмъ* для дактиля. В подлиннике *своими желѣзными*, у Карамзина *железными своими*, местоимение после прилагательного, следов., и тот и другой порядок слов равно употребительны; окончание периода: *отдаленный* — дактиль. Золотой, с. 282—283, 293—294, суды рядя, с. 295.

22. «Дружину твою, княже, птицъ крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша».

23. «Единъ же изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе». В 22 и 33 периодах близость переложения к подлиннику. Душа, с. 248, 277.

24. «На Немизѣ снопы стелють головами, молотятъ чеши харалужными, на тоцѣ животь кладуть (выпустив это, Карамзин испортил подробное, обстоятельное сравнение), вѣют душу от тѣла». Видя такую близость подлинника к языку Карамзина, ученики захотят читать древние памятники.

25. «Того старога Владиміра не лъзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ».

26. Песня Ярославны в подлиннике начинается игривою прелюдиею: «полечю, рече, зегзицею по Дунаеву; омочу бебрянъ рукавъ в Каялъ рѣцѣ, утру кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ». Далее вся песня делится на три куплета, из коих

перед каждым повторяется: «Ярославна рано плачеть въ Путивль на забралъ, аркучи». А у Карамзина эти слова являются не поэтическим разделением куплетов, а рассказом историческим, и потому стоят только в начале песни. Зегзица, с. 243—244, Дунай, с. 247, 324, пѣсни, с. 315—316.

27. «О вѣтрѣ! вѣтрило! чему, Господине, насильно вѣеши? Чему мычeши (сильнее нежели *навеял*) Хиновъскыя стрѣлки на своюю не трудною крилцю на мояя лады вои? Мало ли ты бяшетъ горъ подь облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ?» Напрасно не оставил Карамзин деепричастия *лелѣючи*, а изменил придаточное предложение в главное. В Слове о полку Иг., точно так как в народной нашей поэзии, обыкновенно заключается период придаточными предложениями с деепричастиями на *-чи*. Жаль, что Карамзин не удержал следующих за тем прекрасных слов: «чему, Господине, мое веселіе по ковылію развѣя?» *Зыбѣх ѣгб*: дактилическое окончание. Олицетворение ветра, с. 248.

28. «Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забороль, аркучи: «о Днепре словутицю! ты пробилъ еси каменные горы сквозь (для чего *стремся* у Карамзина?) землю Половецкую (тот же порядок слов и дактилич. окончание, как и у Карамзина), ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады до плѣку Кобякова (одинаковые дактилич. окончания и в подлиннике и у Карамзина): възлелѣй (Карамзин ослабил и лишил поэзии, изменив в *принеси*), Господине, мою ладу ко мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано». Забрало, с. 253, насадъ, с. 251, лада, с. 323.

29. «Ярославна рано плачеть въ Путивль на забралъ, аркучи: «свѣтлое и тресвѣт-ное слѣнце! всѣмъ (для чего Карамзин изменил в *для всех?*) тепло и красно еси: чему, Господине, простре горячую свою лучю на ладъ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугю имъ тули затче». Олицетворение солнца, с. 242.

30. «(Князь Игорьъ) вржеся на брѣзъ комонъ, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подь мѣглами, избивая гуси и лебеди, завтраку и обѣду и ужинѣ». Эти сверхъестественные подвиги, рассказанные в поэтических образах, Карамзин передает с положительностью и хладнокровием историка. Волкъ, с. 320—321, соколь, с. 244, сравнение с песнями см. с. 293.

33. «Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселія. За исключением слова *нелюбія*, все остальное у Карамзина слово в слово. Дактилич. окончание. Олицетворение и разговор, с. 296—297.

34. «О Донче! не мало ти величія, лелѣявшу князя на влънахъ (у Карамзина *волнахъ свѣйхъ* — для дактиля), стлавшу ему зелѣну траву (Карамзин поставил прилагательное позади существительного) на своихъ сребреныхъ брезѣхъ (у Карамзина опять прилагательное позади: в подлиннике проще, менее вычурной перестановки), одѣвавшу его теплыми мѣглами подь сѣнію зелену древу (у Карамзина дактиль и опять прилаг. позади); стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядыми на ветрѣхъ!» Сличив этот период с переложением, ученик удивится близости языка Слова о полку Иг. к слогу Карамзина и с убеждением примется изучать старинные памятники нашей словесности, как материал, вечно неизменный для языка и слога русского. Серебряный, с. 295.

35 и 36. «Тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы, Руской земли безъ Игоря». Жаль, что Карамзин опустил последнее предложение, ибо стройность и красота этого периода состоит в том, что к пословице, как к главной мысли, прилагается частный случай, как меньшая посылка умозаключения, «Страны ради, гради веселни». «Княземъ слава, и дружинѣ». Пословица, с. 332, о течении ораторской речи в Слове о полку Иг., с. 335, о приметах см. с. 317—318.

1. Князь Владимир так говорит Дмитрию: воеводы наши крепки, витязи русские славны, кони их борзые, доспехи тверды, щиты червлёные, копья злачены, сабли булатные, *курды* ляцкие, колчаны фряжские, сулицы немецкие; все пути знакомы им, берега Оки сведомы.
2. Хотят витязи положить свои головы за веру христианскую и за обиду великого князя Дмитрия...
3. Великая княгиня Евдокия с женами воеводскими сидит печально в златоверхом тереме, под окнами южными, смотрит вслед супругу милому, льет слезы ручьями и, приложив руки к персям, так вешает:
4. Боже великий! умоляю тебя смиренно, сподоби меня еще видеть моего друга, славного между людьми, князя Дмитрия! Помогни ему на врагов рукою крепкою! Да не падут христиане от Мамаево неверного, как пали некогда от злого Батыя! Да спасется остаток их и
5. да славит имя твое святое! Уныла земля русская: только на тебя уповаем, око всевидящее! Имею двух младенцев беззащитных: кому закрыть их от ветра бурного, от зноя палящего? Возврати им отца, да царствует вовеки!..
7. Славный Волынец, муж, исполненный ратной мудрости, накануне битвы, в глубокою ночью, зовет великого князя в чистое поле,
8. да узнает там судьбу отечества. Впереди стан Мамаев: за ними Российский.
9. *Внимай!* сказал Волынец... и Дмитрий, обратясь к Мамаеву стану, слышит стук и клич, подобный шуму многолюдного торжища, или создаемого града, или звуку труб бесчисленных.
10. Далее грозно воют звери и кричат вороны; гуси и лебеди плещут крылами по реке Непрядве и предвещают грозу необычайную.
11. *Обратися к стану русскому!* говорит Волынец — *что слышишь?..* Все тихо, отвечает Дмитрий: *вижу только слияние огней небесных с блестящими зарями...*
12. Волынец сходит с коня; ухом приникает к земле; слушает долго, встает и безмолвствует.
- 13 и 14. Великий князь требует отповеди. *Добро и зло ожидает нас,* говорит ему сей мудрый витязь: *плачут обе страны, единая как вдовица, другая как дева жалобным гласом свирели.*
15. *Ты победишь, Дмитрий; но много, много*
16. *падет наших!* Дмитрий пролил слезы...
- 17 и 18. Сходясь рати под густою мглою. Знамена христианские воспрнули: кони под всадниками присмирели; звучат трубы наши громко,
19. татарские глухо. Стонет земля на восток до

20. моря, на запад до реки Дуная, Поле от тягости перегибается; воды из берегов
- 21 и 22. выступают... Час настал.
Каждый воин, ударив по коню, воскликнул: *Господи! помози христианам!* и быстро вперед устемился...
23. Сразились, не только оружием, но и *сами о себя избивая друг друга*; умирали под ногами конскими; задыхались от тесноты на поле Куликове.
24. Зори кровавые блистают от сияния мечей, лес копий трещит и ломается.
25. Удалые витязи наши как величественная дуброва склонялись на землю.
26. О чудо! разверзлось небо над полками Дмитрия; видим светлое облако, исполненное рук человеческих, которые держат лучезарные венцы для победителей...
27. И се воины князя Владимира рвутся из засады на Мамай, как соколы на стадо гусиное, как гости на пир брачный; ударили, и враг бежит, восклицая: *увы тебе, Мамай! вознесся до небес, и в ад нисходишь!*

1 и 2. «И говорить князь Владимиръ Анѣдрѣвичъ: господине князь Димитрей Ивановичъ, воеводы оу насъ велми крѣпцы, а Русскіе оудалцы свѣдоми, имѣють подь собою борзы кони, а доспѣхи имѣють (повторение одного и того же неудачного глагола портит речь) велми тверды, злаченные колантыри и булатныя байданы, и колчары фряжскія, корды лятцкіе, сулицы немецкіе, щиты червенья, копя злаченыя, сабли булатныя, а дорога имъ велми свѣдома, берези имъ по Оцѣ изготовлены, хотять головы свои сложити (живописнее, нежели у Карамзина *положить*) за вѣру христианскую и за твою обиду Государя Великаго Князя». Сочинитель Побоища подражал Слову о полку Иг., см. период 6-й. В Слове о полку Иг. более сжатости, силы и упругости; в Побоище — растянуто. Карамзин все это место передал столь искусственной мерной прозою, что его переложение можно прочесть следующими стихами. Сначала идут хорейческие окончания, потом дактилические:

Воеводы наши крѣпкѣ,	сулицы немецкѣ;
витязи русскіе слѣвны.	все пути знакомѣ имъ,
Кони ихъ бѣрзы,	берега Оки свѣдомѣ.
доспехи твѣрды,	Хотятъ вѣтязѣ
щиты червлѣныѣ,	положить свои глѣбвы
копя злаченыѣ,	за веру христианскую
сабли булатныѣ,	и за обиду великѣго
курды лятцкѣ,	князя Димитрѣя.
колчаны фряжскѣ	

3. «Княгини же Великая Евдокѣя съ своею снохою (снохи тогда у ней еще не было, потому опущено у Карамзина) и иными княгинями и с воевотскими женами въезде на златоверхнї свой теремъ, въ набережный и сядѣ подь южными окны... А въ слезахъ не можетъ словеси рещи; слезы бо отъ очю льются акирѣчныя быстрины. Воздохнувъ печально. и шибѣ руцѣ свои к персемъ, и рече». Подлинник предложил Карамзину не слишком связный материал, из коего он искусно округлил период.

4. Плач Евдокии есть подражание песне Ярославниной в Слове о полку Иг., см. от 26 до 29 периода. В Слове поэтический романс в трех куплетах с прелюдиями, в Побоище — ораторская речь; в песне Ярославны — нежное чувство жены, в плаче Евдокии — риторика самого сочинителя; в первой — с поэзиею перепутаны остатки язычества в обращении к ветру и солнцу; во втором — с риторическими прикрасами исторические факты и чувство христианское. «Господи боже великий, призри на мя смиренную, сподоби мя еще государя своего (*моего друга* — как у Карамзина — приличнее жене) видѣти славнаго во челоуѣцѣхъ великаго князя Дмитрея Ивановича. Дай же, господи, ему помощь отъ крѣпкія руки твоея, да подѣдитъ противныя своя! (у Карамзина все это выражено вдвое короче) не сотвори, господи, яко же за мало лѣтъ брань была на рецѣ на Калкѣ христіаномъ съ татары отъ злаго Батыя (историч. ошибка). Отъ таковыя же беды нынѣ, господи, спаси и помилуй! Не дай же, господи, нынѣ погибнути оставшему христіанству». Растянуто.

5. «Отъ тое бо рати русская земля оуныла (Карамзин изменил порядок слов для дактиля). Ни на кого же бо надежи не имамъ, токмо на тебя всевидящаго бога».

6. «Азъ же оунылая имѣю двѣ отрасли, князя Василя, да Юрія, но еще и тѣ мали суть. Егда похизитъ ихъ вѣтръ с оуга или з запада (не разумеются ли здесь татары и литовцы?): то не могу терпѣти, ни на что опираяся; ихъ или зной поразитъ, тако же имъ погибнути (Карамзин сжал в одно предложение с двумя дактилями, для того и прилаг. после существительных); а противу сему что сотворятъ? Возврати имъ, господи, отца ихъ по здорову (народное русское выражение): то и земля ихъ по здорову будетъ, и онѣ во вѣки царствуютъ».

7 и 8. «И бысть же теплота и тихость в нощи той и мрацы ронися (в других списках: росніи, розни) являшеся. По истинѣ бо рече: ночь не свѣтла невѣрнымъ, вѣрнымъ же просвѣщеніе. Рече же Дмитрей Волынецъ Великому Князю примѣту: войску оуже бо вечерняя заря потухла. Дмитрей же сядъ на конь свой, поимъ съ собою Великаго Князя, выехавъ на поле Куликово и ставъ посреди обохъ полковъ...» У Карамзина сжатая переделка.

9. «Обратився на полки татарскіе, слышахъ стукъ великъ и крикъ, аки торзи снимаются, аки города ставятъ, аки трубы гласяще». В подлиннике сравнение живописнее, ибо глаголы (*снимаются, ставят, гласяще*) выражают совершающееся действие, а прилагательные (*многочудного, созидаемого, бесчисленных*) — свойство предмета, следов., более действуют на судительную силу, чем на воображение.

10. «И бысть же назади татарскихъ полковъ (у Карамзина *далее* неопределенно) волцы воютъ вельми грозно, по правой же странѣ ихъ вороны и галицы безпрестанно кричаше» — в подлиннике очевиднее изображена местность, следов., живее описание: «противу же имъ на рецѣ на Непрядве гуси и лебеди и оутята крилами плещутъ необычно и велику грозу подають». Карамзин не выразил мысли: в подлиннике ясно, что птицы подают грозу тем, что крыльями плещут *необычайно*; а Карамзин прибавил это последнее слово к *грозе*. Гадание по птицам, с. 316—317.

11. «И рече Волынецъ: обратижеся, князь же, на полки рускія! і якоже обратишася и бысть тихость велика. Волынецъ же рече великому князю: что еси, господине, слышалъ? Он же рече: ничто же, брате, слышати, но токмо видѣхомъ, отъ множества огней зари имашася». Мысль понятна и изящна: так много разложено

огней, что от них занимается заря; у Карамзина непонятная фраза, *ибо слияние огней небесных с блестящими зарями* ничего не значит.

12. «Сшедь съ коня, и паде на землю на правое оухо, предлежа на долгъ часть и ставь, абие пониже». Языческая примета — слушать землю.

13. «И рече ему Князь Великій: что есть, брате, примѣта?» О приметах см. с. 316.

14. «Едина ти есть на ползу, а другая скорбная: слышахъ землю плачущуюся на двое (прекрасное выражение: Карамзин неясно представил гадание землею), едина страна, аки нѣкая жена плачущаяся чадъ своихъ еллинскимъ языкомъ (следов., примета дурная, языческая, елленская: у Карамзина *вдовица* ничего не значит), другая же страна аки нѣкая дѣвица, просопѣ аки въ свирѣль, едина плачевнымъ гласомъ».

15. «Азъ чаю побѣды на поганыхъ, а крестьянъ множество падеть». Повторение *много, много* подновляет слог.

16. «Слышавъ же то князь великій, прослѣзвися»...

17 и 18. «Бывъше же оутра того мгла: начаша гласы трубныя от обоихъ странъ сниматися. Татарскія же трубы аки онемѣша, рускія же паче оутвердишася».

19. «Велми земля стонеть, а ту грозу подаетъ (прекрасное выражение, пропущенное у Карамзина) на востокъ до моря, на западъ же до Дуная».

20. «Поле же Куликово прегибаетъся (Карамзин прибавил *от тяжести*, для ясности), вострепеташа лузи и болота, рѣки же и озера (определеннее и изобразительнее, чем *воды*) изъ мѣстъ своихъ выступиша».

21. «Наставшу же второму часу дни...»

22. «оударша кождо по коню своему и крикнуша вси единогласно: Боже крестьянскій, помози намъ! Татарове же скликнуша своими языки, и крѣпко ступишася».

23. «Не токмо оружіемъ біюются, но и сами о себе избивахуся и под конскими ногами оумираху, от великія тѣсноты задыхахуся, яко не мощно бѣ вмѣститися имъ». Последнее предложение, как лишнее, Карамзин опустил.

24. «Трепетали силніи молніе от облистания мечнаго и от саблей булатныхъ, и бысть яко громъ от копейного сломленія». За молнию следует гром: *молния* от облистания мечей, *гром* от ломки копий — следов., сравнение выдержано прекрасно. У Карамзина же сравнение случайное, фраза: *ибо, каким образом заря кровавая бывает от сияния мечей?* О копьях и у Карамзина хорошо, но не вяжется с предыдущим, тогда как в подлиннике обе части сравнения выражают две половины одного и того же действия — грозы.

25. «Руские оудалцы побіени суть, аки сильніи древа сломишася». Сравнение верно, ибо сильный ломается, а не склоняется, как у Карамзина, который совершенно испортил мысль подлинника; притом неясно, что значит: *величественная доброва склонялась?* гнула от ветра или падала?

26. «Во шестую годину сего дни, видѣвъ надъ ними небо отверсто, изъ него же изыде облакъ, яко ранняя заря, и надъ ними низко держащися и той же облакъ исполненъ рукъ человеческихъ: каяждо рука держаши оружіе и отпустишася отъ облака того на главы христіански».

27. «И выедоша из дубравы единомысленныя друзи, аки соколы испущени, и оударшася на стада жаравлина ... непрестанно порывающася, аки званнии на бракъ сладкаго вина пити». «Бѣжаша же татарове, глаголюще своими языки: «Оувы и гебѣ, честный царю Мамаю! высоко вознеслься еси, и до ада зъшелъ еси!». У Карамзина подновлено выражением *до небес*. Соколы, с. 244, 295.

Похвальное слово Димитрию
(том V, глава IV)

1. Некоторые люди заслуживают похвалу в юности, другие в лета средние, или в старости; Димитрий всю жизнь совершил во благе.
2. Приняв власть от бога, он с богом возвеличил землю Русскую, которая во дни его княжения *воскипела* славою; был для отечества стеною и твердию, а для врагов огнем и мечом; кротко повелителен с князьями, тих, *уветлив* с боярами; имел ум высокий, сердце смиренное; взор красивый, душу чистую; мало говорил, разумел много; когда же говорил, тогда философам заграждал уста; *благоговоря* всем, мог назваться *оком слепых, ногою хромых, трубою спящих в опасности...*
3. Когда же великий *царь* земли русские, Димитрий, заснул сном вечным, тогда *азр* возмущился, люди ужаснулись.
4. О день оскорби и *туги*, день мрака и бедствия, вопля и захлипания! Народ вешал:
5. «*О горе нам, братие! Князь князей преставился; звезда, сияющая миру, склонилась к западу!*»
6. О супружеской взаимной любви Димитрия и великой княгини Евдокии сказано так:
7. «Оба жили единою душою в двух телах; оба жили единою добродетелию, как *златоперсистый* голубь и *сладкоглаголивая* ластовица, с умилением смотряся в чистое зеркало совести...»

1. «Иньмъ бо человѣкомъ въ начадецѣхъ похваленіе бываетъ, иньмъ бо въ средовѣчіе, другимъ же въ старость: сій же убо всь съ похвалою добродѣтели вся лѣта живота своего сврѣши».

2. «Богомъ дарованную примъ власть, и съ богомъ веліе царство сътвори». Карамзин дал искусную форму этим словам, намеренно поставив ближе два раза *бог* и соединив это предложение с другим, не связывающимся с предыдущим в подлиннике: «и вскипѣ земля Русская въ дне княженія его». «Бываетъ же другомъ стѣна и *твердь* (Карамзин этому слову в таком значении дал право гражданства и в нашем языке), противнымъ же мечь и огонь — Князи Рускыя въ области своей крѣпляше, но тихъ въ нарядѣ и вельможамъ увѣтливъ бываше», следов., *уветлив* можно употреблять и с дательн. падежом, «высокій умъ, смиренный смыслъ — красенъ бѣ взоромъ и чистъ душою» — прилагат. с творительным наречием, нежели у Карамзина с глаголом *имел*. «Вмалѣ (не то, что *мало*) глаголаше, а много разумѣваше; предсѣданіемъ словесъ учитель препираше и философъ уста смотрѣніемъ заграждаше... яко отецъ міру, око слѣпымъ, нога хромымъ, труба спящимъ». В последних выражениях дат. падеж. лучше родительного. Карамзин смягчил эту фигурную речь, прибавив: *мог назваться*.

3. «Егда же успе вѣчнымъ сномъ великій царь Димитрій Рускыя земли, азр възмутися, земля трясаешя и человѣци смятошася».

4. «День той день скорби и туги, день тмы и мрака, день захлипанія и кричанія». Карамзин внес в русский язык слова *туга* и *захлипаніе*.

5. «Но токмо слышахъ народѣ глаголющъ: о горе нам, братье! Князь

княземъ (лучше и древнее, чем *князей*) успе: звѣзда сіяющая всему міру къ западу грядеть!»

7. «Объма едина душа бѣ, двѣ тѣлѣ носяще, и единое объма добродѣтельное житіе, яко золотопрѣснстый голубь и сладкоглаголивая ластовица съ умилениемъ смотряху своего спасенія въ чистѣй совѣсти». Смотреть спасенія, находить спасенія въ чистой совести — мысль проста и ясна; у Карамзина же довольно наивная, вычурная картина. Голубь и ластовица, с. 244, сладкоглаголивая, с. 319.

3. ЧТЕНИЕ ДРЕВНЕГО ПАМЯТНИКА

Отрывок из Сказания о взятии Пскова

(Псковск. летоп., с. 176—178. Слич. Карамзина «История гос. Рос.», том VII, глава I)

1. И Князь же Великій велѣлъ своимъ бояромъ по своей думѣ творити, какъ себѣ здумали; и бояромъ псковскимъ и посадникомъ и всякимъ жалобнымъ людѣмъ учили говорити: Государь приказалъ вамъ всѣмъ копиться въ царской дворѣ своей исполна; а кой не будетъ, ино боялся бы государевы казни; а Государь хочетъ всѣмъ управу дати.
2. И посадники пошли на владычень дворѣ съ воды.
3. И бояре спрашивали: ужели всѣ скопилися?
- 4 и 5. Они же рекоша: вси. И посадниковъ и бояръ и купцовъ ввели в полату, а молодшія люди на дворѣ остались.
6. И внидоша Великого Князя бояре, рекоша псковичамъ: поиманы есте богомъ и Государемъ и Великимъ Княземъ Васильемъ Ивановичемъ, всеа Русіи.
7. И ту посадиша посадниковъ, а молодыхъ людей переписавъ, подаваша Новгородцомъ по улицамъ поити и кормити и беречи до управы.
8. И переняша псковичи полоняную свою вѣсть и горе от Филипа поповича, отъ купчины, отъ псковитина.
9. А онъ ѣхалъ къ Новугороду и сталъ у Веряжи, и услышавъ тую злую вѣсть, и оставя товаръ и погонилъ къ Пскову, и сказалъ псковичамъ, что Князь Великій челобитщиковъ Псковскихъ всѣхъ переималъ.
10. И нападе нь (на) Псковичъ страхъ и трепеть и пресхоша гортани ихъ отъ скорби и печали, и уста ихъ пресмягли, якоже многажды приходиша нѣмцы на нихъ и таковы имъ скорби и печали не бывало тогда, яко же нынѣ.
11. И собращася на вѣчи, начаша думати: ставити ли щить противъ царя и запиратися ли во градъ?
12. И воспоминавше крестное цѣлованіе, что же мощно на Государя руки подняти, ни воздвигнути противъ Великого Князя.
13. А посадники и бояре и вси люди лучшіе у него.
14. И послаша гонца Евстафія Сотцакаго бити челомъ со слезами отъ мала до велика, чтобъ ты Государь нашъ Великій Князь Василей Ивановичъ жаловалъ свою отчину старинную; а мы си-

роты твои преже сего и нынѣ не отступны были отъ тебя Государя и не противны были тебѣ Государю; богъ воленъ да и ты своею отчиною и съ нами людишками своими.

15. И прислалъ Князь Великій дѣяка Третьяка Далматова зъ жаловальнымъ со льстивымъ словомъ, и псковичи обрадовались отъ государя жалованья и старины, еже Третьякъ имъ на вѣчи сказалъ первую и новую пошлину, поклонъ отъ Великаго Князя, что де и отчина моя, псковичи, только (sic) хотите въ старинѣ прожити, и вы бѣ есте двѣ воли мои изволили, чтобъ у васъ вѣча не было, да и колоколъ бы вѣчной сняли, а здѣсь быти двѣмъ намѣстникомъ, а по пригородомъ по намѣстнику же быти; и вы еще въ старинѣ проживете.
16. А только тѣхъ двухъ волей не сотворите Государю и не изволите, ино какъ богъ по сердцу положить, ино у него много силы готовой: и то кровопролитіе на тѣхъ будетъ, кто Государевы воли не сотворить.
17. Да Государь нашъ хочеть побывать на поклонъ къ троицы во Псковъ.
18. Да отговоривъ то, да съѣлъ на степені.
19. И псковичи удариша челомъ въ землю, и не могли противъ его отвѣта дати отъ слезъ и туги сердечныя; и никого же нѣсть, иже бы тогда не плакалъ; токмо тые не испустили слезъ, иже младенцы ссушіи (ссущіе) млеко.
20. И токмо ему отвѣщали: «Посоль Государевъ, дастъ богъ завтра и мы себѣ подумаемъ, да тебѣ о
21. всемъ скажемъ». И бѣ тогда во Псковъ плачь и рыданіе и стонаніе во всѣхъ домѣхъ, другъ друга обнимающе.
22. Наутрѣжъ освитающу дни недѣльному позвониша на вѣче, и собращася посадники и всѣ псковичи, и приѣхалъ дѣякъ Государевъ и начаша ему тако говорити: «Тако у насъ написано въ лѣтописцехъ — съ прадѣды и дѣды и со отцемъ его Государемъ крестное цѣлованіе съ Великими Князьями положено, что намъ псковичамъ отъ Государя своего и Великаго Князя, кой ни будетъ на Московскомъ государствѣ, а намъ отъ него не отъити ни въ Литву, ни въ нѣмцы, а намъ
23. жити по старинѣ въ добровольи. А мы псковичи отъидемъ отъ Великаго Князя въ Литву или въ нѣмцы, или о себѣ станемъ жить, безъ Государя, ино на насъ гнѣвъ божій, гладъ
24. и огонь и потопъ и нашествіе поганыхъ. А Государь нашъ не учнетъ тое крестное цѣлованіе на себѣ держати, ино на него тотъ же обѣтъ,
25. коли насъ не учнетъ в старинѣ держати. А нынѣ богъ воленъ да Государь въ своей отчинѣ и дѣдинѣ во градъ Псковъ,
26. и въ насъ и въ колоколъ нашемъ. А мы прежняго своего цѣлованія не хотимъ измѣнити, и мы на Государя своего руки подняти, въ городъ заперетися не хотимъ.
27. А Государь нашъ хочеть живоначальныя троицы помолитися, а

въ своей отчинѣ побывати во Псковѣ, и мы его Государя своего ради всѣмъ сердцемъ, что нас не погубил до конца.

28. И генваря в 13 день спустиша колоколь вѣчной у святыхъ троица; и начаша псковичи, на колоколь смотря, плакати по своей старинѣ и по своей воли, и повезоша его на Снятогорской дворъ ко Иоанну богослову... (с. 179).
- 29 и 30. И кто сего не восплачетъ и не возрыдаетъ? О славнѣйшій граде Пскове, великій во градѣ,
31. почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, или како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія!
32. И прилетель бо на мя многокрыльный орелъ, исполнь крыль львовыхъ ногтей, и взять отъ меня три кедра ливанова, и красоту мою и богатество и чада мои восхити, богу попустившу за грехи наши, и землю пусту сотвориша, и градъ наш разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя роскопаша, а иные торжища коневымъ каломъ заметаша; а отец и братію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наша, а тамо отцы и братію нашу и други наша заведоша, и матери и сестры наша въ поруганіе даша.
33. И мнози тогда мужи и жены постригошася во иноческій образъ, не хотяще итти въ плѣнъ отъ своего града.

1. Себѣ, с. 240, жалобные люди, т. е. пришедшие с жалобою, с. 260—261, ино, с. 269, бы, с. 269. *Государевы* — прилагательное, краткое, склоняющееся как существительные.

2. *С воды*, потому что были на водокрещении.

3. *Спрашивали* — русская форма, образовавшаяся эллипсом из прошедшей описательной, с. 264. *Скопились*, idem.; зн. 'просто собрались'; а существ. *скопъ* зн. 'заговор, собрание заговорщиков', напр. Древн. рос. вивлиоф., VIII, с. 62: также «мнѣ самовольствомъ, скопомъ, заговоромъ ни на кого не приходити».

4. *рекоша* — окончание *-ша*, с. 234, *еси*, от коего *всѣ*, с. 233.

5. *Палата*, с. 252 *молодций* — русская полногласная форма, с. 202 нынешняя же *младший* — церковнославянская.

6. У Карамзина: «вы поиманы богом и государем Василиемъ Ионновичемъ».

8. Полоянная вѣсть, с. 261, *отъ* — повторение предлогов, с. 266—267.

9. *И* — повторение союзов, с. 268.

10. У Карамзина: «от трепета и печали (говорит летописец) засохли наши гортани, уста пересмягли. Мы видали бедствія, язву и немцев перед своими стенами; но никогда не бывали в таком отчаяніи». *Таковы* — родит. жен. ед. от краткой формы.

11. *Щитъ*, с. 306 у Карамзина: «ставить ли щит против государя? затвориться ли в городе?»

12. Рука, с. 307; на государя руки подняты — ни воздвигнути против великого князя: синонимический параллелизм, с. 289.

14. бити челомъ, с. 270, от мала и до велика, с. 339, отчина с. 312; *преже* — русская форма, церковнослав.— *прежде* с. 213, людшики, с. 313. У Карамзина: «бьем тебе челом от мала до велика, да жалуешь свою древнюю отчину;

а мы, сироты твои, и прежде и ныне были от тебя, государя, неотступны и ни в чем не противились. Бог и ты волен в своей отчине». Заметить, что в подлиннике более русского складу, нежели у Карамзина; напр., для чего церковнославянская здесь форма: *да жалуешь?* Псковичи говорили, *чтоб ты жаловал*.

15. *Третьякъ* — языческое имя, с. 222; старина, с. 308, *есте изволили* — церковнославянская форма: вспомог. глагол не выпустился, вероятно, потому, что во 2-м, а не в 3-м лице, с. 264. Вообще заметить, как мешаются формы церковные с русскими. У Карамзина: «Чтобы они, если хотят жить *по старине*, исполнили *две воли* государевы». В подлиннике тавтология в звуках: *изволили двѣ воли*, с. 283, 293; *быти* — неокончат. наклонение *вм. изъявит.*, с. 266; пригороды — меньшие города при главном.

16. Богъ по сердцу положит, с. 310.

17. Тронца *вм. Пскова*, с. 310.

18. *да* — плеоназм в союзе: так как *да* (соединит.) союз сочиняющий, следов., не может связывать предложения придаточного с главным, то второе *да* следует почесть не более как вставкою для благозвучия. Из этого места видно, что вече было с ступенями, кои назывались степенями; у Карамзина также: сел на ступени веча.

19. *И* — обратить внимание, что старинные периоды обыкновенно начинались этим союзом, слич. периоды 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14, 15, 19, 20, 21, 28, 29, 31, 32, 33. Из новых писателей Жуковский любит так же начинать периоды; напр., в «Описании Мадонны»: «и такова сила той души... и в самом деле, это не картина... и точно приходит на мысль... и Рафаэль прекрасно подписал свое имя... и как мало средств... и он, как царь земли и неба... и в этом нахожу я главную красоту... *никого же несть*» — усиленное отрицание, с. 228, 343. У Карамзина: «одни грудни младенцы, по словам летописи, не плакали тогда от горести».

21. У Карамзина: «на улицах, в домах раздавалось стенание: все обнимали друг друга, как в последний час жизни». *Обнимающе* — *дееприч. наст. множ. числа*.

22. *Освитающе дни недѣльному* — дательный самостоят.; у новых писателей, см. с. 338; *день недѣльный* — воскресенье; в Малороссии, как в старину, *недѣля* — воскресенье: отсюда *понедѣльникъ*, т. е. день после недели. Летописецъ, с. 308. Вот как Карамзин переложил этот и следующий период: «на рассвете ударили в вечевый колокол; сей звук представил гражданам мысль о погребении. Они собрались. Ждали дьяка московского. Долматов приехал. Ему сказали: «Господин посол! Летописцы наши свидетельствуют, что *добровольные* псковитяне всегда присягали великим князьям в верности: клялися непременно иметь их своими государями, не соединяться с Литвою и с немцами, а в случае измены подвергали себя гневу божию, гладу, огню, потопу и нашествию иноплеменников».

23. В первой части этого периода подразумевается условный союз *если*, коему соответствует во второй *ино*. О себѣ, с. 240.

24. Опять подразумевается союз *если*. Кроме *и* древние периоды любили начинаться союзом *а*: слич. периоды 9, 13, 16, 23, 24, 25, 26, 27; или союзом *да*, периоды 17, 18. У Карамзина: «но сей крестный обет был взаимным: великие князья присягали не лишать нас древней свободы; клятва та же, та же и казнь преступнику».

25. У Карамзина: «Ныне волен бог и государь в своей отчине, во граде Пскове, в нас и в нашем колоколе!»

26. У Карамзина: «По крайней мере мы не хотим изменить крестному целованию, не хотим поднять руки на великого князя».

27. Части условного союза, вместо союзов *если — то*, начинаются *а — и*. У Карамзина: «если угодно ему помолиться живоначалной троице и видеть свою отчину, да едет во Псков: мы будем ему рады, благодаря его, что он не погубил нас до конца!»

28. Колоколь, с. 310. У Карамзина: «Генваря 13 граждане сняли вечевою колокол у святой троицы и, смотря на него, долго плакали о своей *старине и воле*». Этим надстрочным сличением с «Историею гос. Рос.» ученики вконец убедятся в необходимости изучения древних памятников для того, чтобы самостоятельно усвоить себе слог Карамзина.

29. Заметить древнее управление глаголов *восплакать и возрыдать*.

30—31. Та же самая фигура олицетворения и разговора попадает в древнейших памятниках славянских племен и в нашей народной поэзии, с. 296—297. Особенно обратить внимание в ответе на частицу *како*, точно так же употребляющуюся в Суде Любуши и в народных песнях. Заметим управление глаголом *скорбѣти*.

32. *Исполнь* — прилагательное несклоняемое, относится к *крыль*: т. е. два крыла исполнены львовых ногтей. Или же можно отнести *исполнь* к орлу, а *крыль* винит. греческий, с. 343; *взять* вм. *взя* — прош. вр. Полногласная форма *богатество* вм. *богатство* попадает в народные песни. *Богу попустившу* — дат. самостоят., грехъ, с. 273, 280—281; *люди* вм. *людей* — церковнославянск. винит. множ.; точно так же и *отцы* вм. *отцевъ заведоша*; а *отец разведоша* уже по-новому, т. е. родит. вм. винительного, хотя и в древней форме, т. е. *отець* вм. *отцевъ*. Так постоянно смешиваются в наших летописях и грамотах формы церковные с русскими. *Торжище* слич. с *торгъ* и *торжество*. Жаль, что Карамзин уничтожил разговорную фигуру этого места: «О град, некогда великий! ты сетуешь в опустении. Прилетел на тебя орел многокрылый с когтями лвыными, вырвал из недр твоих три кедр ливанские: похитил красоту, богатство и граждан; раскопал торжища или заметал дрязгом; увлек наших братьев и сестер в места дальние, где не бывали ни отцы их, ни деды, ни прадеды». Манерность карамзинского переложения оказывается в дактилич. окончаниях: *опустѣнѣй — лвънѣймѣй — ливанскѣй — дальнѣй — прадѣды*.

33. *Хотяще* дееприч. множ. ч.; *итти* — новая форма вм. древней *ити*.

4. ЧТЕНИЕ ОД ЛОМОНОСОВА

Желая дать схоластической риторике исторический характер и педагогическую ценность, я применяю ее к чтению Ломоносова. Он написал лучшую у нас риторику, по которой, более или менее, писаны все прочие, и по преимуществу Кошанского, введенная в наших гимназиях. По своей «Риторике» Ломоносов объяснял свои оды, приводя их в пример правилам; следов., историческая и субъективная критика требует объяснять стихотворения Ломоносова схоластическою риторикою. Разбросанные по его учебнику отрывки собираю в одно, к какой оде какой отрывок принадлежит. Для большего удобства нумерую порядок строф. Так как о многих строфах Ломоносов не говорит ничего в «Риторике», то их пропускаю: цифра указывает, сколько их опущено. Учитель в классе будет читать, разумеется, всю оду сполна и, кроме извлеченных мною из «Риторики», предложит и другие замечания. Для переложения из псалмов

прилагаю подлинник. Так как переложение из Иова Ломоносов не объясняет в «Риторике», потому, к сожалению, не предлагаю здесь этого превосходного произведения. Под каждой строфой выписываю варианты из текста, помещенного в «Риторике»: они подаются весьма полезные соображения для стилистики и, вероятно, со временем внесутся в издания од Ломоносова. В объяснениях означаются параграфы «Риторики».

Переложение псалма 14

1. Господи, кто обитает
В светлом доме выше звезд?
Кто с тобою населяет
Верх священный горных мест?
2. Тот, кто ходит непорочно,
Правду всегда хранит
И нелестным сердцем точно,
Как языком говорит.
3. Кто устами льстить не знает,
Ближним не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед.
4. Презирает всех лукавых,
Хвалит высшего рабов
И пред ним душою правых
Держится присяжных слов.
5. В лихву дать серебро стыдится,
Мзды с невинных не берет,
Кто так жить на свете тшится,
Тот во веки не падет.

Строфа 1, стих 4. Верх священных горных мест.

2. 4. Как устами говорит.

3. 1. Кто языком льстить не знает.

Это переложение Ломоносов приводит в пример к правилу о жизненных свойствах: «к одному животному приписаны быть могут многие жизненные свойства», § 59.

В выписке славянского текста курсивом-разрядкой означаются места, близкие к переложению. *Господи, кто обитаетъ въ жилищи твоемъ? или кто вселится во святую гору твою? Ходяй непороченъ и дѣлаяй правду, глаголай истину въ сердцѣ своемъ. И же не ульсти языкомъ своим и не сотвори искреннему своему зла и поношенія не пріять на ближнія своя: Уничженъ есть пред нимъ лукавнуй, боящіяжеса господа славить: кленыйся искреннему своему, и не отменяся: Сребра своего не даде*

в лихву, и мзды на неповинных не пріять: творяй сія не подвижится во вѣкъ.

По славянскому тексту *Иже не ульсти языкомъ* следует удержать вариант: «Кто языком льстить не знает» и, следовательно, в предыдущем стихе тоже восстановить текст по варианту: «устаи говорит» вм. «языком говорит». Замет. сильное переложение: *Правду завсегда хранитъ* — Держится присяжных слов; в этих стихах русским складом Ломоносов резко отделился от подлинника. Буквальное сходство первого стиха с началом псалма указывает ясно, что размер переложения зависел от впечатления, произведенного началом псалма на Ломоносова.

Переложение псалма 145

1. Хвалу всевышнему владыке
Потщится, дух мой, воссылать:
Я буду петь в гремящем лике
О нем, пока могу дышать.
2. Никто не уповай во веки
На тщетну власть князей земных:
Их те ж родили человеки,
И нет спасения от них.
3. Когда с душою разлучатся,
И тленна плоть их в прах падет:
Высоки мысли разрушатся,
И гордость их и власть минет.
4. Блажен тот, кто себя вручает
Всевышнему во всех делах,
И токмо в помощь призывает
Живущего на небесах; —
5. Несчетно многими звездами
Наполнившего высоту
И непостижными делами
Земли и моря широту; —
6. Творящего на сильных нищу
Поистине в обидах суд;
Дающего голодным пищу,
Когда к нему возопиют.
7. Господь оковы разрешает,
И умудряет он слепцов:
Господь упавших возвышает
И любит праведных рабов.

8. Господь пришельцев сохраняет .
И вдов приемлет и сирот.
Он дерзкий грешных путь скончает,
В Сионе будет в род и род.

4. 2. Всесильному во всех делах.
8. 3. Он грешных дерзкий путь скончает.
Следует восстановить этот вариант в
тексте оды, ибо порядок слов в нем луч-
ше.

§ 272. В разделительных силлогизмах равным образом полага-
ется, как и в других, прежде всего первая посылка, и к ней присово-
купляется парафрастическое истолкование, либо доказательство
или распространение из мест риторических обеих частей оные по-
сылки; потом следует другая посылка с риторическими изъяснения-
ми, украшениями или доказательствами; наконец, заключением
оканчивается, соединенным с движением или утолением страсти к
матери приличной.

§ 273. Первая посылка разделительного силлогизма может быть
отставлена, и вместо оной положен быть краткий приступ, как то вид-
но в псалме 145-м, который основан на следующем разделительном
силлогизме: *Или уповать на бога, или на князей сынов человечес-
ких; но уповать на них не надежно, следовательно, лучше уповать
на бога.*

*Хвали душе моя господа: Восхваляю господа в животѣ моемъ,
пою богу моему дондеже есмь. Не надѣйтесь на князи, на сыны че-
ловѣческія, в нихже нѣсть спасенія. Изыдетъ духъ его, и возвратит-
ся в землю свою; в той день погибнутъ вся помышленія его. Блаженъ,
емуже богъ Иаковль помощникъ его, упование его на господа бога
своего, сотворшаго небо и землю, море, и вся, яже в нихъ: храняща-
го истину в вѣкъ, творящаго судъ обидимымъ, дающаго пищу алчу-
щимъ. Господь рѣшитъ окованныя господь умуд-
ряетъ слѣпцы, господь возводитъ низверженныя, господь
любитъ праведники, господь хранитъ пришельцы, сира
и вдову приметъ, и путь грѣшныхъ погубитъ. Воцарится гос-
подь во вѣкъ, бог твой Сионе в родъ и родъ.*

Вечернее размышление о божием величестве при случае
великого северного сияния

1. Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь,
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

1. 2. Поля покрыла *влажна* ночь.
1. 3. Взошла на горы *чорна* тень.
1. 4. Лучи от нас *прогнала* прочь.

2. Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне;
Так я в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

2. 5 и 6. Как персть между высоких гор,
Так гибнет в нем мой ум и взор.

3. Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

3.3. *Солнцы.*

3.6. Там та же сила естества.

4. Но где ж, натура, твой закон?
С полных стран встает заря!
На солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се холодный пламень нас покрыл!
Се в ночь за землю день вступил!

4.6. *Ночь.*

5. О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет:
Скажите, что нас так мятет?

5.5 и 6. *Вы знаете пути планет,*

Скажите, что наш ум мятет?

6. Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

6.1. *Ночью.*

7. Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блещут,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верхи горят,

Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

8. Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест:
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Не сведом тварей вам конец:
Скажите ж, коль велик творец?

8.6. Кто ж знает, коль велик творец?

§ 268. В неполном силлогизме или энтимеме полагается одна посылка; потом присовокупляется причина, что все заключается следствием. Таким образом расположена у Горация ода 30 книги третьей, которая состоит в следующей энтимеме: *Я поставил знак бессмертной своей славы: затем что первый сочинял в Италии оды, какие писал Алцей, зольский стихотворец: того ради должна моя муза себя лавровым венком увенчать* (§ 270). Вместо причины можно положить распространение какой-нибудь идеи, которая имеет принадлежность к терминам, составляющим посылку, как в сей энтимеме: *Тварей исследовать не можем, следовательно, и творец есть непостижим*; распространить можно идеи о ночи, о мире и о северном сиянии.

Оды похвальные

Ода 1

На взятие Хотина. 1739 г.

1. Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл,
В долине тишина глубокой.
Внимая некто, ключ молчит,
Который завсегда журчит,
И с шумом вниз с холмов стремится;
Лавровы выются там венцы,
И слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

1.6 и 7. *Что меж травой в лугу журчит
И вниз с холмов шумя стремится.—
Лучше текста.*

2. Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр музыку;
Перемесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику,
Врачебной дали мне воды:

Испей и все забудь труды;
Умой росой кастальской очи,
Чрез степь и горы взор простри,
И дух свой к тем странам впери,
Где всходит день по темной ночи.

10. Не сей ли при Донских струях
Рассыпал вредны россам стены?
И персы в жаждущих степях
Не сим ли пали пораженны?
Он так к своим взирал врагам,
Как к готфским приплывал брегам,
Так сильну возносил десницу,
Так быстрый конь его скакал,
Когда он те поля топтал,
Где зрим всходящу к нам денницу.

10. 3—7. В Иранских жаждущих странах
Не сим ли персы низложены?
Он так взирал к врагам лицом,
Он так бросал за Белт свой гром,
Он сильну так взносил десницу.

1. 2. В рассуждении речений должно остерегаться, чтобы речений не перемешать ненатуральным порядком и тем не отнять ясность слова, например: *горы ведет на верхъ высокой*, ибо лучше сказать: *ведет на верх горы высокой* (§ 175).

1. Вымысл, умягченный фигурую — мечтанием. Умягчаются же вымыслы и в косвенные обращаются тремя способами: условием, сомнение значащими словами и фигурами (§ 163).

2. Вымысл, умягченный фигуною — вопрошением (§ 163).

10. От признаков можно распространить слова, ежели они будут состоять во многих действиях или иметь будут разные части, свойства или обстоятельства. Иногда самые свойства и действия как признаки предлагаются, будучи совокуплены с некоторым усумнением (§ 68).

10. 5—7. Повторение есть многократное положение речения в предложениях. Иногда и два и больше речений в начале повторяют (§ 203). (Для этого правила следует в тексте восстановить вариант.)

Ода 2

На прибытие Елисаветы из Москвы в Санктпетербург, 1742 г.

1. Какой приятный зэфир веет,
И нову силу в чувства льет?
Какая красота яснее,
Что всех умы к себе влечет?
Мы славу дщери зрим Петровой,

Зарей торжеств святящу новой.
Чем ближе та сияет к нам,
Мрачнее ночь грозит врагам.
Брега́ Невы руками плещут,
Брега́ Ботнийских вод трепещут.

1. 8. *Ночь*

1.10. Брега *Балтийских* вод трепещут.

5. Священный ужас мысль объемлет;
Отверз Олимп всеильный дверь,
Вся тварь со многим страхом внемлет,
Великих зря монархов дщерь,
От верных всех сердец избранну,
Рукою вышнего венчанну,
Стоящу пред его лицом,
Котору в свете он своем
Прославив, щедро к ней взирает,
Завет крепит и утешает.
8. Мой образ чтят в тебе народы,
И от меня влиянный дух;
В бесчисленны прочится роды
Доброт твоих неложный слух.
Тобой поставлю суд правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугам мзду дарить;
Господствуй утвержденна мною,
Я буду завсегда с тобою.
23. Так флот российский в Понт дерзает,
Так роет он поверх валов;
Надменна бездна уступает,
Стеня от тягости судов.
Во след за скорыми кормами
Спешит седая пена рвами.
Веселый шум, гребущих крик
Наносит готфам страх велик;
Уже надежду отвергают
И в мгле свой флот и стыд скрывают.
- 23.6. *Бежит кипяща* пена рвами. В тексте
седая живописнее.
32. Как лютый мраз она прогнавши,
Замерзлым жизнь дает водам;
Туманы, бури, снег поправши,
Являет ясны дни странам,
Вселенну паки воскрешает,

Натуру нам возобновляет,
Поля цветами красит вновь!
Так ныне милость и любовь,
И светлый дщери взор Петровой
Нас жизнью оживляет новой.

32.1. Как лютый мраз *весна* прогнавши.

Весна — не следует считать вариантом,
ибо стоит в отрывочном примере для
ясности.

33. Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сон?
Еще горит во мне охота
Торжественный возвысить тон.
Мне вдруг ужасный гром блистает,
И купно ясный день сияет!
То сердце сильна власть страшит,
То кротость оное живит;
То бодрость страх, то страх ту клонит,
Противна страсть противну гонит!

33.8. То кротость *разум мой* живит!

33.10. Противна *мысль* противну гонит!
Здесь можно показать ученикам отлич-
ные *мысли от страсти* и тем определить,
какое чтение вернее.

36. Но речь их шумный вопль скрывает:
Война при шведских берегах
С ужасным стоном возрыдает,
В угрюмых кроется лесах.
Союз приходит вожденный
И глас возносит к ней смиренный:
Престань прекрасный век мрачить,
И фински горы кровавить.
Се царствует Елисавета,
Да мир подаст пределам света.

36. 1—6. Но речь их шумный *глас* скрывает:

Война при *Готских* берегах
С *угрюмым* стоном возрыдает
И в диких кроется *горах*:
Союз *возлюбленный* приходит
И с кротостью свой глас возводит.
Вариант чрезвычайно любопытный!
Он может подать повод к рассу-
ждению, весьма полезному для уче-
ников.

42. Когда бы древни веки знали
Твою щедроту с красотой:
Тогда бы жертвой почитали
Прекрасный в храме образ твой.
Что ж будущие скажут роды?
Покрыты кораблями воды,
И грады, где был прежде лес,
Возвысят глас свой до небес:
Великий Петр нам дал блаженство,
Елисавета — совершенство.

42. 1—4. Когда бы древни *лета* знали
Толику бодрость с красотой.
То б храмы в честь твою создали,
И жертвой чтили б образ твой.
Показать ученикам, почему связь
текста правильнее этого варианта.

43. Целуй, Петрополь, ту десницу,
Которой долго ты желал,
Ты паки зришь императрицу,
Что в сердце навсегда держал.
Не так поля росы желают,
И в зной цветы от жажды тают,
Не так способных ветров ждет
Корабль, что в тихий порт плывет,
Как сердце наше к ней пылало,
Чтоб к нам лице ее сияло.

43. 7. Не так *пособных* ветров ждет.

43. 9 и 10. Как сердце наше *ожидало*,
Чтоб к нам *лицо* твое сияло.

В этом варианте более связи, чем в тексте. Ее следует удерживать.

1. 9 и 10. Действие и страдание витиеватые речи рожают: 1) когда, от чего производится противное действие в той же вещи или в двух подобных (§ 136).

1. 9 и 10. Повторение есть многократное положение речения в предложениях, что бывает: 1) когда в начале каждой части периода или в начале многих коротких периодов одно слово повторяется (§ 203).

5. Восхищение есть, когда сочинитель представляет себя как изумленна в мечтании, происходящем от весьма великого, нечаянного или странного и чрезвычайного дела. Сия фигура совокупляется почти всегда с вымыслом и больше употребительна у стихотворцев (§ 239).

8. 5—8. Сила в украшении риторическом есть такова, каковы суть пристойные движения, взгляды и речи прекрасной особы, до-

рогим платьем и иными уборами украшенной. Ибо хотя она пригожеством и нарядами взор человеческий к себе привлекает, однако без пристойных движений, взглядов и речей вся красота и великолепие как бездушны. Равным образом слово риторическое, хотя будет чисто составлено, приличным течением установлено и украшено великолепно, но без пристойного движения речений и предложений живости в нем никакой не будет (§ 168). Сие движение состоит в обращении речений или предложений, которым слово от простого отменяется. Таковые движения называются фигурами речений (§ 169).

23. Изображение есть явственное и живое представление действия с обстоятельствами, которыми оно в уме, как самое действие, воображается (§ 236).

32. Эту строфу Ломоносов относит к периодам зыблющимся, т. е. к таким, которых части и члены неравны,— в противоположность периодам круглым или умеренным, члены и части коих мало разнятся величиною. В этой строфе двучленный период с первым членом много больше второго (§ 43).

33. Восхищение (§ 239).

36. Заимословие бывает, когда то, что самому автору или представляемому от него лицу говорить должно, отдается другому лицу живому либо мертвому или и бездушной вещи. Почему сия фигура не мало надлежит до вымыслов (§ 219).

42. Косвенные вымыслы имеют в себе оговорку или какое-нибудь умягчение, чем они с правдою сопрягаются и к ней ближе подходят (§ 153). В этой строфе, по Ломоносову, вымысел смягчается условием.

43. 5—10. Великую силу, важность и пространство слову придает уравнивание, когда уравниваемая вещь и то, с чем она уравнивается, или которое-нибудь из них обстоятельно предлагается (§ 71). В этой строфе, по Ломоносову, уравниваемое больше, нежели то, с чем оно уравнивается.

Ода 3

На прибытие из Голстинии и на день рождения
Петра Феодоровича, 1742 года, февраля 10

5. О коль велика добродетель
В Петровых днях... цветет!
Коль славен севера владетель
В тебе, Россия, возрастет!
Он ради твоего блаженства
Даров достигнет совершенства,
И счастье бег остановит,
Любовью оных восхищенно,
Союз с тобою утвердит,
И вечно будет непременно.

5. 2. В Петровых *нежных* днях цветет!

Этот вариант непременно должен быть восстановлен в испорченном тексте; удивительно, как до сих пор никто не позаботился об этом стихе.

5. 5 и 6. *Уже для твоего блаженства*

Доброт в нем спеют совершенства.

6. О плод от корене преславна,
Дражайшая Петрова кровь,
К тебе горит уже издавна
Россиян искренняя любовь!
Петрополь по тебе терзался,
Когда с тобою разлучался
Еще в зачатии твоём.
Сердца желаньем закипели,
Когда под дерзким кораблем
Балтийски волны побелели.

9. Коликой славой днесь блистает
Сей град в прибытии твоём!
Он всех веселий не вмещает
В пространном здании своём;
Но воздух наполняет плеском,
И нощи тьму отъемлет блеском.
Ах, если б ныне россов всех
К тебе горяща мысль открылась,
То б мрачна ночь от сих утех
На вечный день переменилась!

9. 3. Он *всей отрады* не вмещает.

11. Но спешно толь куда восходит
Внезапно мой плененный взор?
Видение мой дух возводит
Превыше Фессалийских гор!
Я деву в солнце зрю стоящу,
Рукою отрока держащу
И все страны полночны с ним.
Украшенна кругом звездами,
Разит перуном вниз своим,
Гоня противности с бедами.

11. 3. Видение мой *ум* возводит.

5. Обращение с удивлением (§ 217).

6. 8—10. Емфазис есть, когда действие или состояние вещи не прямо изображается, но разумеется из другого и чрез то великолепно возвышается. Побеление волн есть обстоятельство бегущего по

морю корабля, чрез которое здесь скорое оногo течение разумеется (§ 195).

9. Гипербола есть повышение или понижение слова невероятное (§ 196). В этой строфе она употреблена, по Ломоносову, для напряжения (в противоположность послаблению).

11. Седьмой способ к составлению вымыслов есть переложение с места на место или из одного времени в другое (§ 161). Здесь с места на место.

Ода 4

На день тезоименитства Петра Феодоровича, 1743 г.

1. Уже врата отверзло лето,
Натура ставит общий пир.
Земля и сердце в нас нагрето,
Колеблет ветви тих зефир,
Объемлет мягкий луг крылами.
Крутится чистый ток полями.
Брега питает тучный ил.
Древа и цвет покрылись медом.
Ведет своим довольство следом
Поспешно ясный вождь светил.

1. 8. *Листы* и цвет покрылись медом.
— Лучше текста.

1. 10. Поспешно *красный* вождь светил.
— И это предпочитаю тексту.

5. Тебе Россия вся открыла,
Клянущись вышнего рукой:
Я в сердце много лет таила,
Что мне достойт жить с тобой;
Мне полдень с утром вдруг вступает,
Весна цветы и плод являет
В возлюбленной душе твоей.
Но грудь пронзит народов льстивных
Ужасный луч в полки противных,
Блестая из своих очей.

5. 5—7. *Нам* полдень с утром вдруг *сияет*.
Весна *плоды и цвет* являет
В *дражайшей младости* твоей.

9. Мой дух течет к пределам света,
Охотой храбрых дел пленен,
В восторге зрит грядущи лета
И грозный древних вид времен:
Холмов Ливанских верх дымится!
Там Наввин, иль Сампсон стремится!
Текут струй Евфратски вспять!

Он Тигров челюсти терзает,
Волнам и вихрям запрещает,
Велит луне и солнцу стать.

9. 2. *Любовью* храбрых дел пленён.

9. 4. И *древних грозный* вид времен.

Этот вариант в сличении с текстом по-
дает случай к замечанию о порядке слов.

12. В берегах да льются тихо реки,
Не смея чрез предел ступить;
Да придут все страны далеки
С концов земных тебе служить.
Возри на света шар пространный,
Возри на Понт, тебе подсланный,
Возри в безмерный круг небес:
Он зыблется и помавает,
И славу зреть твою желает
Светящих тьмами в нем очес.

12. 5. Возри *на круг земной* пространный.

— Вариант, может быть, и лучше тек-
ста, но надобно удержать текст, чтоб
избежать повторения *земной* в двух сти-
хах сряду.

12. 7. Возри в безмерный *шар* небес.

1. Речь состоит из весьма коротких и по большей части одночлен-
ных периодов, в которые могут переменены быть долгие чрез отъятие
союзов. Такие периоды называются *отрывными* (§ 44). *Примеч.* Потому-то по цитате в «Риторике» изменил и я пунктуацию
этой строфы, поставив вместо точек с запятою точки.

5. 5—7. От времени витиеватые речи рождаются: 1) когда про-
тивные или разные времена вместе соединяются (§ 137).

9. Восхищение (§ 239).

12. 5—10. Указание есть, когда идея представляет, как бы она
была в самое то время в действии, и для большего одной оживления
употребляются при том речения указательные: *се, вотъ, воззри, смо-
три, здѣсь, тамъ* и проч. (§ 218).

Ода 5

На день брачного сочетания Петра Феодоровича
и Екатерины Алексеевны, 1745 г.

5. Как сладкий сон вливает в члены
Во дни, трудами изнуренны,
Отраду, легкость и покой,
Как мысль в весельи утопает!
О коль прекрасен свет блистает,

Являя вид страны иной!
Там мир в полях и над водами,
Там вихрей нет, ни шумных бурь,
Меж бисерными облаками
Сияет злато и лазурь.

5. 2. *Чрез день.* В издании.

5. 9. *Между млечными.* В издании.

5. 9. *Над бисерными облаками.*

6. Кристальны горы окружают,
Струи прохладны обтекают
Усыпанный цветами луг.
Плоды румянцем испещренны
И ветви медом орошенны
Весну являют с летом вдруг.
Восторг все чувства восхищает!
Какая сладость льется в кровь!
В приятном мире сердце тает;
Не там ли царствует любовь?
7. И горлиц нежное вздыханье,
И чистых голубиц лобзанье
Любви являют тамо власть.
Древá листьями помавают,
Друг друга ветвymi обнимают,
В бездушных там любовна страсть!
Ручьи во след ручьям крутятся.
То гонят, то себя манят,
То прямо друг к другу стремятся
И, слившись меж собой, журчат.

7. 6. В бездушных зрю любовну страсть.
В издании.

8. Нарцисс над ясною водою,
Пленен своею красотою,
Стоит, любуясь сам собой.
Зефир, как ты по берегу дуешь,
Стократ листки его целуешь
И сладкой те кропишь росой.
Зефир, сих нежных мест хранитель,
Куда свой правишь с ним полет?
Зефир, кустов и рощ любитель,
Что прочь от них тебя влечет?
19. С горящей, солнце, колесницы,
Низвед пресветлые зеницы,
Пространный видишь шар земной,

В Российской ты державѣ всходишь,
Над нею днѣвный путь преводишь
И в вѣлны кроешь пламень свой.
Ты нашей радости свидетель,
Ты зришь усердий наших знак,
Что ныне нам послал содетель
Чрез сей благословенный брак.

- 5, 6, 7 и 8. Вымышленное описание царства любви (§ 294).
7. 4—10. К украшению описаний и повествований много способствует оживление бездушных вещей (§ 312).
19. Обращение с засвидетельствованием (§ 217).

Ода 6

На день восшествия на престол Елисаветы, 1746 г.

1. На верх Парнасских гор прекрасный
Стремится мысленный мой взор,
Где воды протекают ясны
И прохлаждают муз собор.
Меня не жажда струй прозрачных,
Но шум приятный в рощах злачных
Поспешно радостно влечет:
Там холмы и древа зывают,
И громким гласом возвышают
До самых звезд Елисавет.

1. 5 и 6. Меня *надежда* струй прозрачных
На шум приятный в рощах злачных.
— Вариант чрезвычайно важный.

2. И се ужé рукой багряной
Врата отверзла в мир заря.
От ризы сыплет свет румяной
В поля, в лесá, во град, в моря,
Велит ночным лучам склониться
Пред светлым днем и в тверди скрыться.
И тем почтить его приход.
Он блеск и радость изливает
И в красны лики созывает
Спасенный днесь российский род.
3. Взирая на делá Петровы,
На град, на флот и на полкí
И купно на свои оковы,
На сильну власть чужой руки,
Россия ревностно вздыхала
И сердцем всякой час зывала
К тебе, защитнице своей:

Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни нам Петрово племя,
Утешь печаль твоих людей.

9. Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей
С пределами небес сражалось,
Земля стенала от зыбей,
Что вихри в вихри ударялись,
И тучи с тучами спирались,
И устремлялся гром на гром,
И что надуты вод громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнить хребты гор с влажным дном.
10. Я духом зрю минувше время:
Там грозный злится исполин
Рассыпать земнородных племя
И разрушить природы чин!
Он ревом бездну возмущает,
Лесисты с мест бугры хватает,
И в твёрдь сквозь облака разит.
Сиканский как вулкан дымится,
Так мгла из челюстей курится
И помрачает солнца вид.
10. 8. *Как Этна в ярости дымится.* В изда-
нии.
11. Но, о прекрасная планета,
Любезное светило дней!
Ты ныне, чрез пределы света
Простерши блеск твоих лучей,
Спасенный север освещаешь
И к нам веселый вид склоняешь,
Взирая на Елисавет
И купно на ее доброты:
От ней текут на всех щедроты,
Как твой повсюду ясный свет.
12. О вы, недремлющие очи,
Стреγουщие небесный град!
Вы, бодрствуя во время ночи,
Когда покоясь смертны спят,
Взираете сквозь тень густую
На целу широту земную.
Но чаю, что вы в оный час,
Впротив естественному чину,
Петрову зрели дочь едину,
Когда пошла избавить нас.

13. Сладка плодам во время зною
 Прохлада влажные росы,
 И сон под тенью дров густою
 Приятен в жаркие часы;
 Но вящщу радость ощущает
 Мой дух, когда воспоминает
 Российския отрады день.
 Еще приходит плеск во уши!
 Пленяюща сердца и души
 Тогдашней ноши зрится тень!
14. По стогнам шумный глас несется
 Елисаветиных похвал,
 В полках стократно раздается:
 Великий Петр из мертвых встал!
 Мы пройдем с ним сквозь огонь и воды,
 Преодолим бури и погоды,
 Поставим грады на реках,
 Мы дерзкий взор врагов потупим,
 На горды выи их наступим,
 На грозных станем мы валах.
16. Что вы, о поздние потомки,
 Помыслите о наших днях?
 Дела Петровой дщери громки,
 Представив в мысленных очах,
 И видя зрак изображенный,
 Среди героев вознесенный,
 Что молвите между собой?
 Не всяк ли скажет быть чудесно,
 Увидев мужество совместно
 С толикой купно красотой!
19. Хотя от смертных сокровенно
 Грядущих бытие вещей;
 Однако сердце просвещенно
 Величеством богини сей
 На будущие дни взирает
 И больше счастье предвещает.
 Конец увидим оных дел:
 Что ради нашего блаженства
 На верх поставить совершенства
 Всходящий в небо Петр велел.

1. Восхищение (§ 239).

2. Второе (правило к составлению чистых вымыслов) состоит в приложении, когда части, свойства или действия вещам придаются от иных, которые суть другого рода. Таким образом прилагается бессловесным животным слово и пр. (§ 156).

2. 1—4. Указание (§ 218).

3. 1—5. Деепричастия с своими падежами полагаются приличнее наперед (§ 319).

9. Вымысл, умягченный словами, сомнение в себе заключающими (§ 163).

10. Увеличение вещей к составлению вымыслов весьма способно, которыми стихотворцы особливо возвышают героические поэмы, представляя вещи чрезвычайно великими, к чему много силы придают ужасные действия и свойства (§ 158).

11. Вымысл, умягченный обращением (§ 163).

12. Вымысл, умягченный словами, сомнение в себе заключающими (§ 163).

13. Великую силу, важность и пространство слову придает уравнивание, когда уравниваемая вещь и то, с чем она уравнивается, или которое-нибудь из них обстоятельно предлагается. Здесь уравниваемое есть больше, нежели то, с чем оно уравнивается (§ 71).

14. Заимословие бывает, когда то, что самому автору или представляемому от него лицу говорить должно, отдается другому лицу, живому либо мертвому или и бездушной вещи (§ 219).

16. Ответствование есть, когда сочинитель слова сам себе на свой вопрос отвечает (§ 215).

19. 1—6. По союзам располагаются периоды так, как сами союзы друг другу натурально следуют (§ 322).

Ода 7

На день рождения Елисаветы Петровны, 1746 г.

1. В сей день, блаженная Россия,
Любезна небесам страна!
В сей день от высоты святых
Елисавет тебе дана,
Воздвигнути Петра по смерти,
Гордыню сопостатов стерти
И в ужас оных привести,
От грозных бед тебя избавить,
Судьей над царствами поставить
И выше облак вознести.

1. 5. *Воздвигнуть нам.*

1. 9. *Судей.*

3. Сквозь тучи бывшия печали,
Что лютый рок на нас навел,
Как горы о Петре рыдали
И Понт в берегах своих ревел,
Сквозь страшны россам перемены,
Сквозь прах, войнами возмущенный,
Я вижу тот прекрасный час:

Там вокруг младой Елисаветы
Сияют счастливы планеты;
Я слышу там природы глас.

10. Ты суд и милость сопрягаешь,
Повинных с кротостью казнишь,
Без гневу злобных исправляешь,
Ты осужденных кровь щадишь.
Так Нил смиренно протекает:
Брегов своих он не терзает,
Но пользой выше прочих рек
Своею сладкою водою,
В лугах зеленых пролитою,
Златой дает Египту век.

10. 3. Без *гнева*.

10. 7—6. Но пользой *больше* прочих рек
Своею *тихою* водою,
В *брегах* зеленых пролитою.

16. Парящей поэзии ревность
Дела твои превознесет;
Ни гнев стихий, ни ветха древность
Похвал твоих не пресечет.
Открыты естества уставы
Твоей умножат громкость славы.
Но все художество свое
Тебе Иппократ посвящает
И усугубить тем желает
И век и здравие твое.

16. 10. *Дражайше* здравие твое.

17. Да будет тое невредино,
Как верх высокия горы
Взирает непоколебимо
На мрак и вредные пары;
Не может вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвигнуть:
Взнесен к безоблачным странам,
Ногами тучи попирает,
Угрюмы бури презирает,
Смеется скачущим волнам.

1. Напряжением или стечением называется стеснение многих важных идей, до одной материи подлежащих и в одном периоде или члене периода включенных (§ 232).

3. Седьмой способ к составлению вымыслов есть переложение с места на место или из одного времени в другое. Здесь прошедшее

время относится в настоящее и изображается под видом места (§ 161).

10. Уподобление служит к распространению слова, когда многие свойства, части или обстоятельства самой уподобляемой вещи и самого подобия между собою прилично снесенные предлагаются (§ 69).

16 и 17. Желание (§ 234).

З а к л ю ч е н и е и п е р е х о д к о в т о р о й ч а с т и

Пока не будет разработана отечественная филология во всей подробности, до тех пор не будет и учебника для гимназии. А без учебника никоим образом нельзя определить, что и сколько должно проходить в том или другом классе. Для примера преподаванию я взял две крайности — самую низшую и высшую, и этим частью уже обозначил, чему бы следовало быть в средних классах. Разумеется, что основательному изучению Карамзина и летописей предшествует изучение библейского языка. Руководство к тому Грамматика Добровского. Вместе с чтением идет сравнительно-историческая грамматика. Для логической стихии в языке можно пользоваться сочинениями Беккера, Герлинга, Шмиттгеннера. Опыт раскрытия нравственного чувства учеников на изучении языка предлагаю во 2-й части «О преподавании отечественного языка», с. 273—282. Опыт сравнительной лингвистики, *ibid*, в статьях: о звуках, образование местоимений, степени сравнения и пр.; исторической лингвистики — в истории русских местоимений, в сложных словах, в синтаксических заметках, в истории народного языка. С одной стороны, учащиеся вникают в живое значение буквы — в статьях: приставки и окончания (между прочим, воспользоваться Филологическими наблюдениями Павского, во 2-й части: об образовании существительных), образование местоимений и местоименных наречий и пр.; а с другой стороны, на изучении языка знакомятся со всем внутренним бытом своего народа, начиная от мифологии и поверий народных до поэзии, философии и христианства — в статьях: роды имен существительных, ономастика, архаизмы и пр.

Так как теоретические исследования постоянно основываются на цитатах, то руководство теории при чтении писателя не представляет больших затруднений. Сверх того, для облегчения предлагаю краткий указатель некоторым речениям, объясненным во 2-й части.

азь, 207, 229

armbrust, 253

ать, 269

бережисть, 219

березозоль, 344—345

бисеръ, 347

блаженство, 281

блудъ, 280—281

богъ, 282, боги, 324—325

борзый, 294—295.

братань, -а, 312

братучадъ, -о, -а, 312

братъ, 211

братъсестрѣ, 312

буйной, 294

буя палата, 330

быстрый, 273

быть, 211

бѣлбогъ, 221

бѣсъ, 242

вельми, 226

верста, 276

весь, 231

весьма, 226

- вещь, 275
 вз-, воз-, 268
 взводъ, 355
 видѣть, 278
 вкусъ, 278—279, 353
 вліяніе, 352—353
 вмѣсто, замѣсто, 268
 внѣ, 226
 вода, 211, 273
 войскій, 219
 волкъ, 212, 243, 320
 Wolf, 212, 243
 Волховъ, 247
 воля, 281
 вороноградъ, 223, 317
 воскресить, 277
 время, 276
 всюду, 232
 vulpes, 243
 въ, 267
 выну, 225—226
 Вышеградъ, 221
 вѣмъ, 234
 вѣра, 280
 вѣщій, 274
 гдѣ, 232
 Heide, 271
 höll, 273
 gentilis, 271
 годъ, година, 276
 gold, 273
 голова, 307
 гораздо, 227
 гостинець, 355
 грабить, 211
 громъ, 242
 грѣхъ, 273, 280—281
 гудьба, 331
 гулебщикъ, 356
 гусь, 211
 д, 232
 дажьбогъ, 221
 дамъ, 234
 дверь, 211
 двѣнадцать, 224
 деисусъ, 328
 день, 242, 270
 десница, 211
 дивъ, 323—324
 днище, 219—220
 доба, 277
 долой, 205, 225
 домой, 205, 225
 досадникъ, 217
 dospѣть, 355
 Дунай, 247, 324
 духовница, 329
 душа, 277, 310
 дщи, 211
 дѣвый, 217
 дѣдина, дѣдній, 311—312
 еллинскій, 323
 есмь, 234
 желать, 281
 жизнь, 277
 жиловать, 219
 заводъ, 216
 займище, 356
 заревъ, 345
 заступъ, 216
 звѣрь, 243
 звѣряница, 320—321
 зерно, 211
 земля, 242
 змѣй, 244—245, 271, змѣи-
 ная крылица, 277
 золотой, 295
 и, 230
 изголовъ, 216
 изокъ, 345
 имовитъ, 219
 ино, 269
 искусный, 217—218
 искусство, 278—279
 исполинъ, 347
 истина, 279
 к, 230, 232
 каждый, 231—232
 каленый, 294—295
 калугерь, 334
 качество, 279
 керелешъ, корелесь, 348
 ключница, 329
 когда, 232
 кой, 230
 кокора, 356
 коло, 355
 коловратный, 273
 колымага, 348
 кольми, 226
 коляда, 323—324
 конь, 355
 копье, 306
 корабль, 250
 кость, 307
 который, 230, 238—239,
 258, 338
 красный, 294
 кромъ, 225
 куда, 232
 кукушка, 243—244
 кумысь, 348
 купало, 323—324
 купальница, 324
 курокликъ, 223, 317
 кустодя, 349
 лада, 323
 ласточка, 206, 244, 319
 лебедь, 243
 лиса, 319—320
 листопадъ, 223, 344
 лихорадка, 253
 лицо, 307
 лобъ, 329, 346
 лукать, 271
 лупежъ, 273
 lupus, 273
 лѣкаръ, 275
 лѣто, 277
 лѣтопись, 308
 любовь, 281
 любь, 216—217
 лютый, 320
 малолѣтокъ, 356
 малый, 257
 матерой, 294
 медвѣдина, 325
 медвяный, 295
 медуша, 329
 меченоша, 217
 мечта, 329
 мечь, 306
 милость, 281
 милый, 294, 353

мирникъ, 217
 мірское или княжее нмя, 222
 міръ, 275—276
 Москва, 249—250
 мужатая, 219
 мьстьбогъ, 223
 мѣстничество, 308
 мѣсяць, 242
 мѣхоноша, 217
 мя, 237
 на, 267
 надъ, 263, 267
 наизусть, 226
 намедни, 226—227
 настъ, 357
 наука, 279—280
 наукъ, 216
 небо, 211
 невѣрникъ, 217
 пейп, 228
 нелюбки, 217
 пето, 228
 нетій, 312
 nihil, 228
 низги, 228
 nicht, 228
 новый, 204—205
 поп, 228
 ночь, 242, 273
 нѣ, 232
 нѣкій, 237
 нѣмецъ, 348
 нѣсмь, нѣтъ, 228
 о, объ, 267
 обловы, 356
 обонять, 278
 обръ, 347
 огонь, 242, 270—271
 однава, 225
 океанный, 217
 океанъ, 246—247
 око, 211
 около, 226
 омылка, 356
 оп, 232
 оно, 269
 онъ, 230, 238
 опричь, 226
 опыть, 279
 особа, 240
 осязать, 278
 отній, отечній, 312
 отчаянный, 217—218
 паганный, 271
 рас, 228
 рауеп, 271
 пекельница, 329
 первый, второй и пр., 258
 Переяславль, 221
 personne, 228
 печальникъ, 217
 плавать, 263
 плеча, 329
 плугъ, 249
 по, 267
 побоище, 220
 побѣдище, 219
 повалуша, 329
 поводъ, 216
 подъ, 267
 point, 228
 покрай, 267
 пол-, 224
 полный, 211
 полчище, 219
 понятіе, 278
 поперекъ, 226
 пора, 276—277
 порокъ, 281
 посаженикъ, 217
 пошибъ, 330
 поясъ, 329
 правда, праведникъ, 280
 прежде, 232
 прелестный, 217—218
 пресловутый, пресловущій
 218
 признакъ, 279
 промысль, 282
 просинець, 344
 птаха, птица, 211, 243
 rigus, лѣг, 270
 пуша, 356
 пѣсни, 316
 пятница, 330
 пятьдесятъ, 224
 ради, 268
 радигость, 222
 рало, 249
 развитие, 352
 разумъ, 278
 распалиться, 355
 гien, 228
 рипида, 328
 ролейный, 356
 рокъ, 282
 рука, 307
 рыба, 244
 рюень, 344
 самъ, 231
 сватовитъ, 221
 свобода, 270
 свойство, 279
 свычай, 356
 свѣсть, 311
 свѣтъ, 275
 св. Софія, 310
 св. Спасъ, 310
 св. троица, 310
 себя, 240
 сей, 231
 серебряный, 295
 сестреничь, 312
 сидѣтъ, 211
 силлогизмъ, 346
 ситаргла, 322
 синій, 295
 сквозь, 268
 слава, 308, 324
 слово, 278
 слонъ, 273
 слухъ, 278
 соколь, 244
 soleil, 294
 солнце, 242, 270, 294
 соловей, 244
 солома, 318
 сочиненіе, 279
 статья, 211
 старина, 308
 стрибогъ, 221
 стрый, 321

стрѣла, 253	тогъ, 231, 237—238	хорсь, 322
стрѣлище, 219	точю, 226	хотѣть, 281
стрѣлять, 271	травень, 345	художество, 279
студеный, 344	трагедія, 342, 346	царь-огонь, царь-водица, 321
судьба, 282	три, 211	цѣловать крестъ, 263
сужденіе, 278	тридцать, 224	цята, 328
сухой, 344	тугой, 295	часть, 276
счастіе, 281	турій рогъ, 295	челомъ бить, 270
съ, 267	туры, 253	червень, 345
сыновець, 312	ты, 229	червонный, 179
сырой, 295	тъма, 273	черта, 353
сытиврать, 221	тѣ, 237	честь, 311
сыть, 216	тябло, 329	чортъ, 275
сънь, 328	тяну, 211	шипъ, 216, 300
съченъ, 344	удалой, удатный, 294	шлемъ, 253, 306
ся, 229	ужикъ, 311	шить, 306
т, 230	уй, 312	этотъ, 231
тамъ, 232	умъ, 278	яйцо, 244
творки, 217, 254	уразъ, 216	ямь, 234
теперь, 227	feind, freund, 259	ясный, 294
тогда, 232	foras, foris, 226	яровой, 277
тонокъ, 211	хворость, 210	ятровь, 311
топъ, 216, 300	хладъ, 211	

Часть вторая

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ И СТИЛИСТИКИ

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время наука об языке достигла высокой степени совершенства. Одни филологи исследуют вдруг по несколько языков древних и новых, азиатских и европейских и сравнивают их между собою; другие берут какой-либо один язык, проходят его по всем наречиям и последовательно ведут его историю от самых древних памятников его литературы до позднейших времен; третьи подводят все частные видоизменения грамматических форм к общим философским законам. Первый способ изучения называется *с р а в н и т е л ь н ы м*, второй — *и с т о р и ч е с к и м*, третий — *ф и л о с о ф с к и м*. Таким образом, филология разрабатывается теперь и в ширину, т. е. сравнительно, и в длину — исторически, и в глубину — философски. Эти три способа взаимными силами подкрепляют друг друга. Так, исторический обыкновенно идет рука об руку с сравнительным; притом исторический есть уже вместе и сравнительный,

ибо предполагает сравнение форм языка в различных периодах времени; а сравнительный вместе и исторический, ибо сравнивает языки различных времен. Оба они служат материальной основой способу философскому, который, с своей стороны, освещает идею и совокупляет стройным единством многообразные и разрозненные факты изучения исторического и сравнительного. Теперь лучшая сравнительная грамматика Ф. Боппа „Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Litthauischen, Altslawischen, Gothischen und Deutschen“, 1833—1842 гг.; лучшая историческая Я. Гримма „Deutsche Grammatik“, в четырех частях; последняя часть вышла в 1837 г., третье издание первой в 1840 г.; лучшая философская К. Ф. Беккера „Organism der Sprache“, второе издание, 1841 г.

Состоя в тесной связи со всеми славянскими наречиями и преимущественно с церковным, русский язык необходимо должен изучаться сравнительно; славянское народописание, составленное Шафариком и переведенное на русский язык проф. Бодянским в 1843 г., предлагает материал для сравнительной грамматики славянских наречий; грамматика Боппа связывает славянский язык с индоевропейским. Обоюдное содействие русского и церковнославянского в течение всей истории нашей словесности и вследствие того, изменение форм того и другого вменяют в обязанность изучение нашего языка историческое. Для истории церковнославянского классическое сочинение Иос. Добровского „Institutiones Linguae Slavicae dialecti veteris“, 1822 г., переведенное проф. Погодиным и Шевыревым в 1833—1834 гг.; для истории русского языка грамматики не имеем. Лучшее сочинение в области славянской филологии, соединяющее в себе историческое изучение с сравнительным, Иос. Юнгмана „Slovník Česko-Němcký“ (Словарь чешско-немецкий), в пяти частях, 1835—1839 гг.; дополнением к нему может служить «Польский словарь» Линде, в шести частях.

Хотя общая философская грамматика легко применяется ко всякому языку, однако без сравнительного и исторического запаса будет она у нас весьма шатка и несостоятельна. Исследователь русского языка должен иметь в виду последние, непреложные результаты ее, но не поддаваться остроумным сближениям и систематическим натяжкам. Главнейшие заслуги философии языка состоят: 1) в определении языка органическим, живым и целым произведением духа человеческого; 2) в признании теснейшей, неразрывной связи между этимологиею и синтаксисом; 3) в точнейшем определении частей речи и 4) в систематической обработке синтаксиса.

1. Мысль об организме языка принадлежит В. Гумбольдту, который преимущественно развил оную в предисловии к своему сочинению „Über die Kawi-Sprache auf der Insel Java“, 1836. Беккер проводит ее через всю грамматику. Прежде думали, что язык составиля каким-то безжизненным, механическим набором звуков, начиная от букв и складов до предложений; предполагали,

что прежде всего человек изобрел отдельные звуки, потом отдельные слова, далее начал их изменять, склоняя или спрягая, и наконец из слов составил предложение. Этому-то мнению о мертвенном составе языка противопоставляется теория о живом организме оного. Человек говорит, ибо мыслит; мысль выражается не отдельным звуком, но целым рядом слов: следовательно, предложение есть основная форма речи.

2. Как понятие есть сжатое суждение, так и во всяком имени или глаголе основой лежит предложение, напр. *источник* — то, что истекает; *дѣло* — то, что сделано, делается; *крыло* — то, чем покрывается; *идеть, говорить* — подразумевается: кто-нибудь. Определение также вышло из предложения: *прилежный ученикъ* — из *ученикъ прилеженъ*; следовательно, прилагательное вне предложения не может быть объяснено. Дополнение есть необходимая синтаксическая принадлежность глагола и прилагательного, напр.: *богъ сотворилъ небо и землю, дитя наклонно къ добру*; следовательно, падеж и предлог объясняются только в предложении. Существительные, происшедшие от глаголов и прилагательных — относительных, требуют тоже дополнения; так, из предыдущих предложений образуются: *сотвореніе неба и земли, наклонность къ добру*. Выражения: *восходъ солнца, посьвъ пшеницы, густота лѣса* — вышли из предложений: *солнце восходитъ, пшеница посьяна, лѣсъ густъ*. Таким образом, синтаксис есть основа всему построению языка; этимология же только приспособляет слова различными изменениями и формами к составлению предложения. Как слово есть часть предложения, так и этимология входит в синтаксис, как его часть. Части речи суть не иное что, как различные формы мысли. Подлежащее и сказуемое могут выражаться различными формами: подлежащее — существительным, прилагательным, местоимением, глаголом и пр., однако всегда в виде именительного падежа; сказуемое — глаголом, прилагательным, существительным и пр., однако всегда в виде глагола. Равным образом обстоятельство может быть выражено или в форме наречия — *вчера, сюда*, или существительного в падеже или с предлогом — *ночью, в городъ*, или деепричастия — *говоря*, однако всегда в виде наречия. Дополнение выражается или падежом, или предлогом: то и другое есть внешняя форма дополнения. Определение бывает или в виде прилагательного — *суконный кафтанъ*, или существительного в именит. пад. — *рѣка Днѣпръ*, или в косвенном — *кровать слоновыхъ костей*, или с предлогом — *кафтанъ из рудожелтаго сукна*, однако все эти формы употребляются в виде прилагательного. Смотри по своему служению в предложении — *когда, тогда, гдѣ, здѣсь* — могут быть и союзами и наречиями. Следовательно, все части речи и изменения их получают свой смысл по месту, занимаемому ими в предложении. Впрочем, кроме того имеют они и свое собственное неизменное значение, как отдельные формы. Определение этих форм составляет учение о категориях частей речи.

3. Между частями речи с первого взгляду замечается следующее

весьма важное различие: имен существительных, прилагательных и глаголов несметное множество, число же местоимений, предлогов, союзов весьма ограничено. Наречий коренных также немного, а производных можно образовать столько же, сколько имен и глаголов. Имена числительные хотя могут восходить до бесконечности, но отличаются от прочих частей речи тем, что вращаются повторением немногих основных названий. Следовательно, разнообразие мыслей выражается именами существительными, прилагательными и глаголами; собрание их составляет словари. Прочие же части речи все исчисляются в грамматике, за исключением производных наречий и разнообразных повторений в образовании имен числительных. В словаре содержится вещество языка; грамматика этому веществу дает образ и смысл; достояние словаря — только одни неподвижные названия предметов; грамматика определяет их общее значение и указывает на живое вращение их в языке. Так как число местоимений, предлогов, союзов, основных наречий и числительных ограничено, а употребление их в языке необходимо ежеминутно, то очевидно, что сии части речи должны выражать в себе какие-либо общие отношения, применяемые ко всякому содержанию разговора или речи. А так как общее для всякой речи не может выразить того, что хотим сказать определенно о каком-либо известном предмете, то ясно, что для изображения точной, определенной мысли должны мы употреблять существительные, прилагательные и глаголы: ибо только сии части речи выражают все разнообразное содержание мысли, а потому могут быть названы знаменательными (*Begriffswörter*), в противоположность остальным, кои назовем служебными (*Formwörter*)¹. Служебные части речи соответствуют флексии, приставкам и окончаниям знаменательных; предлог соответствует падежу: *въ Кіевѣ* по-церковнослав. *Кіевѣ*, *въ Кіевѣ* — *Кіеву*; *два*, *двѣ* — двойственному числу: *два крыла* — *крылѣ*; личное местоимение — личному окончанию глагола: *знаю*, *знаешь* и *я зналѣ*, *ты зналѣ*; союз — иногда наклонению: *да будетѣ* и *будѣ*. Два предложения могут соединяться или окончанием — *дѣла-ющій*, или местоимением — *который дѣлаетѣ*, или союзом. Глаголы вспомогательные относятся также к служебным частям речи, ибо и они соответствуют флексиям и образующим слогам: *сдѣлаю* и *буду дѣлатѣ*. Знаменательные части речи выражают предмет речи, служебные — личность говорящего, способ представления этого предмета. Так как самодеятельность говорящего отпечатлевается и на именах и глаголах флексиями, то и в этом отношении сходство между флексиями и частями речи служебными.

4. Так как синтаксис более, чем этимология, подлежит анализу логическому, потому большую и существеннейшую пользу принесла философская грамматика синтаксису. По системе Беккеровой обработан теперь синтаксис греческого и латинского языка. Кроме Бек-

¹ Эти термины беру из Ломоносовой грамматики.

кера, для синтаксиса должно указать на сочинение Герлинга „Die Syntax der deutschen Sprache“, две части, 1830—1832 гг.

Односторонность философской грамматики состоит в том, что она видит в языке только одну логику, опуская из виду всю полноту и многосторонность народной жизни. Поэтому-то несравненно глубже исторический взгляд Гримма на язык. Grimm полагает филологию краеугольным камнем не только истории, но и правоведению и мифологии, в чем всяк убедится из его „Deutsche Rechtsalterthümer“ и „Deutsche Mythologie“. Только историческая грамматика может познакомить с внутренними силами и богатством языка. Сравнительный способ надежен единственно тогда, когда исторически исчерпаны все сокровища языка; так, главный недостаток «Филологических наблюдений» Павского (1841—1842 гг., 3 части) состоит в том, что сравнение русских форм с языками чуждыми не скреплено историею славянского языка: оттого недостает и сравнения с славянскими наречиями.

Держась методы Гриммовой, предлагаю несколько материалов для исторической русской грамматики. Надеюсь, что меня не осудят за то, что рассматриваю русский язык в тесной связи с славянскими наречиями: «Немецкая грамматика» Гримма обнимает все немецкие наречия. Главнейшие памятники литературы, коими я пользовался:

1. Остромирово евангелие 1056—1057 гг., изданное Востоковым с грамматическими объяснениями, 1843 г. Для грамматики этого памятника: «Рассуждение Востокова о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам», в «Труд. Общ. люб. рос. сл.», 1820, XVII. Остромирово евангелие есть древнейший церковнославянский памятник, писанный кирилловскими буквами.

2. Кеппена собрание словенских памятников, 1827 г., содержит в себе статьи Фрейзингенской рукописи, относящейся к X в. (957—994 гг.). С грамматикою и словарем.

3. „Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache“, издан. Шафариком и Палацким, 1840; содержат в себе: Суд Любуши, отрывок Евангелия от Иоанна (оба IX или X в.), глоссы Mater verborum, 1202 г. Образцовое филологическое издание, с грамматикою и словарем.

4. «Иоанн Ексарх Болгарский» К. Калайдовича, 1824 г. Классическое, лучшее у нас филологическое сочинение; кроме отрывков из произведений Иоанна Ексарха (жившего в конце IX и начале X в.), содержит любопытнейшие приложения: три отрывка из повести о разорении Трои, переведенной по повелению болгарского князя Симеона пресвитером Григорием; о составлении словенского алфавита, сочинение монаха Храбра; о книгах истинных и ложных, и о суевериях, и др.

5. Русские достопамятности, две части, 1815—1843; в них Русская Правда и памятники литературы XI в. и позднейшие, с филологическими примечаниями.

6. Летопись Несторова по Лаврентьевскому списку, изд. Тимковским, 1824. Нестор жил в XI — в начале XII в.; рукопись 1380 г.

7. Памятники российской словесности XII в., изданные К. Калайдовичем, 1821; между ними сочинения Кирилла Туровского, Слово Даниила Заточника и др.

8. Слово о полку Игореве.

9. Краледворская рукопись, четвертое издание Ганки, 1843 г. Хотя эта чешская рукопись относится к XIII в. (около 1280—1290 гг.), однако содержит поэмы, носящие на себе следы гораздо большей древности и воспевающие языческий быт славян.

10. Новгородские летописи, изд. Археограф. комиссиею, в третьем томе «Полного собрания русских летописей», 1841.

11. Киевская и Волынская летописи, изд. Археограф. комиссиею; *ibid.*, во втором томе, под именем Ипатьевской летописи, 1843 г.

12. Псковская летопись, изд. Погодиным, 1837 г., с историческими и филологическими замечаниями.

13. «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», изд. К. Калайдовичем, с присовокуплением 35 песен и сказок, 1818 г. Драгоценнейший памятник для истории русского языка до Петра Великого.

14. Приводимые Карамзиным в примечаниях к «Истории государства Российского» отрывки из древних рукописей.

15. «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума», составленное Востоковым, 1842 г., содержит отрывки из рукописей различных времен.

Знаю, что остается еще необозримое количество материалов для исторической русской грамматики; чувствую и то, что я не мог и вышеисчисленными памятниками воспользоваться вполне, во-первых, уже и потому, что не имел в виду исследовать все части грамматики; по крайней мере по силам своим пытался дать историческую основу русскому языковедению.

В присоединении стилистики к грамматике не вижу никакого неудобства, ибо и некоторые грамматические статьи по своему отношению к древностям, к быту народному и литературе расширяют уже область грамматики, так, напр., статья о родах, о словах сложных. От словаря и синтаксиса стилистика восходит к построению целой речи, ораторского слова, поэтического описания и пр. В словесном произведении каждая часть проникнута общею мыслью целого; провести же эту общую мысль от отдельного слова и предложения через целую речь и прозаическую и поэтическую и связать единою жизнью все разрозненные части ее можно только тогда, когда совокупим тесною связью грамматику с стилистикой.

Кто знает, как труден в филологии исторический путь, тот верно не осудит меня в недостатке стройной системы и полноты. Я и сам очень хорошо вижу, что предложенные мною немногие материалы — только зародыш того, чему быть следует. История русского языка ожидает таких же необъятных трудов, какие положил Карамзин на создание «Истории государства Российского».

Впрочем, чтобы совершенно отклонить от себя нападки на то, почему избрано для обработки то, а не другое, и почему между некоторыми статьями нет систематического перехода,— должен признаться я в скромном, но чрезвычайно лестном для меня стремлении выполнить завещание Ломоносова. В 1825 г. обнародована была собственноручная его записка следующего содержания¹:

«Филологические исследования и показания к дополнению грамматики надлежащие.

1. О сходстве и переменах языков.
2. О сродных языках российскому.
3. О словенском церковном языке.
4. О простонародных словах.
5. О преимуществах русского языка.
6. О чистоте р. я.
7. О красоте р. я.
8. О синонимахъ.
9. О новых российских речениях.
10. О чтении книг старинных...
11. О лексиконе.
12. О переводах».

В этих двенадцати пунктах заключается оправдание, почему я, не думая о нововведениях, осмелился расширить пределы грамматики и для чего ввел в науку статьи об архаизмах, народном языке, провинциализмах и варваризмах.

Пока у нас не будет полной сравнительно-исторической грамматики, до тех пор, следовательно, не будет и краткого извлечения из оной для гимназий. Предложенными мной материалами можно пользоваться с учениками только при чтении писателей древней и новой литературы русской. Впоследствии, как результат чтения, можно предложить им некоторые статьи в систематическом порядке, согласуясь с силами и знаниями учащихся.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

Обращаю внимание: на членораздельные звуки, как важнейший и основной в этимологии предмет; на образование слов, т. е. на приставки и окончания, слова сложные, наречия; на местоимения в связи с склонениями и спряжениями; на роды имен существительных и степени сравнения прилагательных. О глаголах говорю в синтаксической части, ибо глагол есть среднее, основное звено предложения; туда же отношу статьи о союзах и предлогах. Впрочем, должно заметить, что я не счел нужным полагать строгого разграничения этимологии от синтаксиса: потому и в этимологической части найдется много синтаксического.

¹ «Московский телеграф», № XIX.

ЧЛЕНОРАЗДЕЛЬНЫЕ ЗВУКИ

Членораздельностью слово существенно отличается от музыкальных звуков и звериного крика¹. Согласные звуки необходимо сопровождаются движением воздуха, который по отверстию, где проходит, и по месту, где образует звук, определяет различные согласные звуки. Таким образом составляется слог. В нем собственно один звук, а не два или несколько, как казалось бы по обыкновенному нашему способу написания. Разделение простого слога на звук согласный и гласный, как на части самостоятельные, есть только искусственное. В природе же согласный и гласный так определяют друг друга, что составляя для слуха нераздельное единство. Для выражения на письме такого естественного свойства было бы правильнее изображать гласный не самостоятельной буквою, а видоизменением согласной, как это и существует во многих азиатских азбуках. Собственно говоря, и гласные не могут произноситься одни. Образующее их движение воздуха должно встретить слышимое препятствие и к чему-либо приражаться: отсюда необходимость при них или ясного согласного звука, или же придыхания, которое и означает на письме во многих языках при начальной гласной букве. Это придыхание мало-помалу может перейти до гортанных согласных, и различные степени этого отверждения выражаются в языке особыми буквами. Переход от гласных к согласным образует звуки полусогласные, разделяющиеся на плавные и придыхания. Бесконечно разнообразное слияние согласных и полусогласных с гласными, проникнутое внутреннею живительною силою, рождает благозвучие языка². Гласные текучи, согласные тверды. Согласные можно назвать костями и плотью языка, гласные же — тем, что орошает и живет твердые части кровью и дыханием. Из согласных тело, из гласных душа³; согласные дают образ, гласные цвет; без гласных в языке не было бы света и тени, без согласных — материи, на которую ложилась бы светлотень. На гласных основывается нежность и мягкость, на согласных — сила языка.

ЗВУКИ ГЛАСНЫЕ

Основные и первоначальные гласные звуки суть *и, а, у*; а самый полный гласный звук и притом самый простой и легчайший; оттого господствует он в первых словах дитяти: *папа, мама, баба*; в ряду гласных он занимает средину; *и, у* — крайности, где глас-

¹ Humboldt W. Über die Kawi-Sprache 1836, т. I, с. LXXXIV.

² Grimm Deutsche Grammatik, 1840, т. I, с. 30, 31.

³ Припомнить суждение наших предков: «Согласная писмена якоже плоть есть, немощно ими рещи что бесприкладу к ним писмене гласного... но стоят якоже без души. Вся же согласная наричутся плоть и столп и число, и вся же гласная нарицаются душа и число». Алфавит, в «Описании Румянц. музеума», с. 5.

ные переходят к согласным: *и* есть верхняя ступень лестницы гласных и переходит в придыхание, *у*, основание оной, переходит в *ѳ*; *е* есть срединный звук между *а* и *и*; *о* — срединный между *а* и *у*. Формам с звуками *и*, *а*, *у* часто соответствуют формы с *е*, *о*. Так, готские *а*, *і* переходят в немецком языке в *е*: готск. *giba*, нем. *ich gebe*; готск. *ǃalta*, нем. *ich falte*¹; греческим *ε*, *ο* иногда соответствуют латинск. *i*, *u*: *ἐν* — *in*, *ἔντος* — *intus*, *ἄνεμος* — *animus*, *πλέχω* — *plico*; греческим окончаниям *-ος*, *-ον*, *-ων* соответствуют латинские *-us*, *-um*, *ταῦρος* — *taurus*, *ἄντρον* — *antrum*². Романские *frare*, *mare*, *pare*, образовавшиеся от лат. *fratrem*, *matrem*, *patrem*, переходят во французские *frère*, *mère*, *père*³. Что *е*, *ο* происходят и от слияния главных гласных, т. е. *е* из *ai*, *ο* из *au*, очевидно из французских *ai*, *au*, произносящихся теперь как *е*, *ο*. Греческому доегласному *αι* соответствует лат. *ae*: *λαϊός* — *laevus*, *σκαϊός* — *skaevus*; да и в латинском языке *ai* предшествовало доегласному *ae*: *aidilis*, *quaiſtor*, *quairatis* — из надписи на гробе Сципиона⁴. Сличить лат. *per*, *fero*, *sterilis*, *rectus* с готск. *ǃair*, *ǃaira*, *stairō*, *rahts*⁵. Равномерно *ai* изменяется в *ο*: так, лат. *ausculum*, *ausculari* перешли в *osculum*, *oscklari*; простые слова *fauces*, *haurio* в сложных изменяются в *suffoco*, *dehorio*. Так, лат. *aurum*, *auris*, *claustrum* в итальянск. *oro*, франц. *or*, нем. *ohr*, фр. *oreille*, нем. *Kloster*⁶. Первобытность иных форм языка определяется именно тем, что в них присутствуют коренные звуки *и*, *а*, *у*; в формах позднейших этим звукам соответствуют производные *е*, *ο*. В некоторых языках вовсе нет *е*, *ο*, как, напр., в древнеарабском, который вместо оных употребляет доегласные *ai*, *au*⁷. В русском языке остаток древнейшего *а* виден в предлогах *пра*, *па*: *прадѣдъ*, *пращуръ*, *правнукъ*; *па-озерье*, *память* (*помяну*), *паволока*. Наше *пра*-одинаково с санскр. предлогом *pra(vor)*; впоследствии изменилось в *пре-* (*преумный*); от него происходит числительное *первый*: слич. лат. *primus*, греч. *πρῶτος*, санскр. *pratamas*⁸. Переход от *і* к *е* составляет *ѳ*: отсюда соответствие между лат. *nidus*, *nix* и нашими *гнѣздо*, *снѣгъ*. И в русском языке звуки *ο*, *е* являются производными, несамостоятельными: слич. цс. *гласъ*, *класъ*, *храмъ*, *нравъ* с рус. *голосъ*, *колосъ*, *хоромы*, *норовъ*; цс. *вѣтръ*, *врегъ* с рус. *вѣтеръ*, *берегъ*. Потому эти звуки бывают у нас соединительными: *пуг-е-шестье*, *вод-ο-падъ* и беглыми: *от-е-цѳ* — *отца*, *ов-е-цѳ* — *овца*, *з-ο-ву* — *звать*, *ок-ο-нѳ* — *окно*.

Следовательно, лестница гласных звуков может быть представлена так:

¹ В о р р. Vergleichende Grammatik, 3,4, Grimm. Deutsche Gram, I, с. 39.

² Schneider. Ausführliche Gram. d. latein. Spr., 1870, I, с. 13 и 27.

³ Raunouard. Choix des poésies originales des troubadours, 1816, I, с. 30.

⁴ Schneider. Ausf. Gr. I, с. 51.

⁵ Grimm. D. Gr. I, с. 52.

⁶ Schneider. Ausf. Gr. I, с. 58—60.

⁷ Gesenius. Hebräische Gr. 1842, с. 21.

⁸ В о р р. Verg. Gr. с. 392, 458.

(с, х, дж) и
 е
 а
 о
 у (в, б...)

или, если примем а центром:

аи, ä, е а
 и / \ ау, о
 у

Особенность гласных состоит в долготе и краткости, в повышении и понижении; изменение основных гласных в прочие бывает во многих языках не качественное, а количественное¹. Это можно объяснить русским произношением: я без ударения произносится как е, напр. в слове *ягнёнокъ*; о без ударения как а, напр. *хорошó*. Потому в языках существуют гласные краткие, каковы наши *ѣ, ъ, ѝ*, и длинные, напр. греч. *ω, η*. Согласная может быть произнесена только с гласной: потому *бѣ, бь, рѣ, рь, дѣ, дь* и проч. суть нечто иное, как соединение согласных с самыми краткими гласными, с твердым *ѣ* или с мягким *ь*.

Звуки *ѣ, ъ* первоначально соответствуют коренным *у, и*²: *вѣлкѣ, вѣлкѣ*, гр. *λύκος*, гот. *wulfs* (отсюда позднейшее нем. *wolf*), лат. *lupus*; *бѣха*, лат. *pulex* (нем. уже *floh*); *плѣнѣ*, гот. *fulls* (нем. уже *voll*); *ветѣхѣ*, лат. *vetus*; *тѣнѣк*, др.-нем. *dunni*; *лѣнѣ*, лат. *linum*; *гонѣзу*, гот. *ganisan* (*sanagi*); *стѣгна*, гот. *staigs* (*platea*); *дѣлѣгѣ*, гот. *dulgs* (*debitum*); *стѣкло*, гот. *stikls*; *мѣзда*, гот. *mizdô*, греч. *μισθός*. Также в окончаниях: *сын-ѣ*, гот. *sun-us*; *мед-ѣ*, англ.-сак. *med-u*; *лѣн-ѣ*, лат. *lin-um*; слав. супинум на *-тѣ*, лат. на *-tum*; *огн-ѣ*, лат. *ignis*, *гостѣ*, лат. *host-is*, *камен-ѣ*, лит. *akmen-is*. Славянск. окончание имен на *-ѣ* соответствует латинскому на *-us*, а на *-ь* лат. на *-is*. Слич. греч. *δίδωμι* с цс. *дам-ѣ*, *ѣст-и*, *естѣ*, древнейш. *ест-и*; цс. *творит-и*, рус. *творит-ѣ*, цс. *твориш-и*, рус. *твориш-ѣ*.

В древнейших памятниках чешской письменности IX и X вв., в Суде Любуши и в отрывке Евангелия от Иоанна, *ѣ* и *ь* заменяются буквой *е*: *sesyrausi* — *сѣсыравиши*, *deski* — *дѣски*, *okence* — *окѣнѣце*, *zpeo* — *зѣрно*, *tleiu* — *мѣлѣлю*. Попадается и *и* вм. *ь*: *iskati* — *искать*, *neuesti* — *невѣсть*, *jesti* — *естѣ*³. В чешских голосах „Mater verborum“ (1202 г.) *и* вм. *ѣ* и *ь*: *dilh* (*debitum*) — *дѣлѣгѣ*, *chirbet* (*dorsum*) — *хрѣбетѣ*, *zirbi* — *сѣрбы*, *wilk* (*lupus*) — *вѣлкѣ*⁴. В Фрейзингенской рукописи, памятнике корутанской пись-

¹ Бопп в „Jahrbücher für wissenschaftl Kritik“, 1828, с. 281.

² Grimm 'D. Gram., I, с. 33, и его же предисловие к «Сербской грамматике» Караджича, с. XXXVI.

³ Шафарик и Палацкий. Die ältesten Denkmäler der Böhmischen Sprache, 1840, с. 68 и след.

⁴ Ibid, с. 209 и след.

менности X в., ѣ заменяется буквою и: *pulti* — *плѣти*, *ni* — *нѣ*, *no* (*иж*); ъ буквами е, і: *vuez* и *vuiž* — *вьсь*, *вьсь*; *zelot* — *сьломѣ* и *zil* — *сьлѣ*; *zegresil* — *сьгрьшилѣ* и *zigreachi* — *сьгрьбахѣ*¹. Что же касается до древнейшего памятника цс. письменности, т. е. Остромирова евангелия (XI в.), то в нем ѣ, ъ соответствуют нашим о, е² в образовании слов: *влѣкъ*, *трѣѣ*, *сльза*, *врѣтъ*, *сѣтъ*, *дѣбрь*, *дѣвьрь*, *пѣртѣ*, *мѣчта*, *гѣрдѣ*; в производных словах: в имен. ед. существительных и прилагательных муж. р., в коих ныне употребляемые о, е для других падежей выпускаются: *дѣнь*, *жѣлѣ*, *отѣѣ*, *кратѣкъ*, *тяжѣкъ*; в твор. ед. существительных муж. р. и ср. р.: *словѣмь*, *огньмь*; в предложн. множ. существительных муж. и женск. р., оканчивающихся на ѣ: *дѣньхѣ*, *печальхѣ*. Надобно заметить, что те о, е, кои употреблялись в древнейших памятниках как в коренных, так и в производных слогах, остались неизменными во всех славянских наречиях. Древнейшие ѣ, ъ начали заменяться у русских производными о, е с XIII в., и притом сперва только во флексиях: *словомѣ* вм. *словѣмь*, *огнемѣ* вм. *огньмь*, а потом уже и в самых корнях: *торѣѣ* вм. *тѣрѣѣ*, *волкъ* вм. *вѣлкъ*.

Нет сомнения, что ѣ, ъ первоначально имели более явственный звук³, ибо полногласие составляет свойство древнейших форм языка: так, в старину *дѣля* вм. *для*, *комонь* (с плавною м) вм. *конь*, *порохѣ* вм. *прахѣ*, слич. санскр. *paraga*, *Parata* вм. *Прутѣ*, *Danapris* вм. *Днѣпрѣ*⁴, *Понотѣ* вм. *Понтѣ*; *харатѣя* вм. *хартія* (Нестор по Лавр. списку, ст. 4, 25). В полногласии русском при плавных от вставки беглых о, е замечается некоторое правильное отношение к другим языкам и к славянским наречиям: нем. *Berg*, цс. *врѣгѣ* и рус. *берегѣ*, нем. *Vart*, цс. *врѣда* и рус. *борода*, нем. *Milch*, цс. *млѣко* и рус. *молоко*, лат. *curtus*, нем. *kurz*, цс. *крат-кѣи* и рус. *корот-кѣи*, нем. *Helm* (чешское также *helm*), цс. *шлѣмѣ* и рус. *шеломѣ*, нем. *Gold*, цс. *златѣ* и рус. *золото*; т. е. в нем. и лат. гласная стоит перед плавною, в цс. после плавной, а в рус. по обе стороны оной. Слич. переход. цс. а в польское о и удвоенное в русском: *гласѣ* — *glos* — *голос*, *слама* — *slota* — *солома*, *прагѣ* — *prog* — *порогѣ*, *врѣда* — *broda* — *борода*⁵. Уже в XI в. попадают вставочные гласные: напр., в Остромир. еванг. *Володимирѣ* вм. *Владимирѣ*.

Острое придыхательное и, присоединяясь к другим гласным или облекая их, дает им свое качество: потому в я, ю, ѣ, е чувствуется присутствие острого придыхания и, что очевидно из самого

¹ Кеппен. Собрание словенских памятников. 1827, с. 43.

² «Труды Общества любителей российской словесности», 1820, ч. XVII, Востокова «Рассуждение о славянском языке».

³ В древних Стихирях (XIV и XV вв.): «...знаменья или крюковые ноты поставлены и над полугласными ѣ, ъ, и над и кратким, из чего видно, что сии буквы в старину слышимы были в произношении, а в пенья протягивались так же, как у французов *e muet*» (Востоков. Описание Румянц. муз., с. 650).

⁴ Максимович. История русской словесности.

⁵ Добровский. Etimologikon. 1813, с. 78; и «Грам. яз. слов», I. с. 44.

начертания сих букв: *ѡ, ю, ꙗ*, составленных из *і* с другими гласными. Изменение дебелых *а, у* на тонкие *я, ю* можно объяснить присоединением придыхания *і* к дебелым *а, у*¹: слич. *уродѣ* и *юродивый, оуноша* (Нест. по Лав. сп., с. 23) и *юноша; унѣ* (Пск. лет., с. 44) и *юнѣ; угѣ* (Новгор. лет., с. 83) и *югѣ; удольѣ* (Ипатьевск. летоп., с. 172), *удольѣ* (Пск. лет., с. 82) и *юдольѣ; узы* и *со-юзѣ*; в последнем примере к *у* присоединилось придыхание *і* для того, чтобы отделить *о* от *у*, кои неприятно звучали бы: *соузѣ*. Для этой же цели вместо придыхания *і* употребляется плавная *н*: *снузници* (в Ипатьевск. лет., с. 191) вм. *союзници*. Так как звук *а* не терпит славянским языком в начале слова², то и смягчается в *я* через придыхание *і*: *азѣ* переходит в *язѣ, агнецѣ* (*agnus*) в *ягня, арѣл* в *яблонь*. Весьма замечательно то обстоятельство, что в Реймском евангелии (может быть, XI в.) стоит гласная с придыханием там, где в Остромировом тонкая, составная с *і*: в Реймск. *ѣсть, ѣ, ѣмоу*, в Остром. *ксть, ꙗ, ꙗмоу*³. Придыхание *г* изменяется в *і*, напр. из *Георгий* образовалось *Юрий* через старинное *Гюрги*, попадающееся, напр., в Новг. лет., с. 35, в Ипатьевск., с. 36; равномерно и *і* изменяется в *г*, напр. вм. *январь* еще в Новгор. лет. (с. 45) употребляется *генварь*⁴. Лат. *j* переходит во французском языке в звук *ж*, в итальянском в *дж*, в испанском в *х*. Слич. *Іуда* и *жидѣ*. Приставное *і* при согласных: *икѣ* в малорусском вм. *кѣ*. Так как *ь* есть видоизменение звука *и*, то и он имеет значение придыхания⁵. Как все гласные через присоединение *і* становятся тонкими, так и само *и* от содействия себе противоположного *ѣ* изменяется в дебелое *ы*, начертание коего было прежде *ѣ*.

Вообще гласные звуки столь текучи и изменчивы, что каждый может перейти во все остальные. Так, *о* переходит: 1) в *а*, не имея на себе ударения, особенно в наречии великорусском и белорусском; в образовании слов: *поить* — *напаять, клонить* — *кланяться*; надобно отличать изменение *а* в *о*, напр. предлогов *па-, пра-, раз-* в *по-, про-, роз-*; 2) в *е*: цс. *озеро, елень, единѣ*, рус. *озеро, олень, одинѣ*: изменение цс. *ѣ* в рус. *о* весьма употребительно было уже в XIII в. Сличить изменение *е* в *о* через *ѣ*: *веду* — *вѣлъ* — *водѣ* (*за-водѣ*), *везу* — *вѣзѣ* — *возѣ*, слич. наше *пепель* с *попелѣ*, употребляющимся более у западных славян; однако *попелѣ* попадаетея и в нашей письменности, напр. в Ипатьевск. (с. 206). По Добровскому происходит от *по* и *плати*, т. е. *пылать*. Слич. *полынѣ* (сходное с лат. и греч. *polium, поллов*) и чешск. *пелунѣ*, или в рукописи XVII в. в Румянц.

¹ Юнгман в «Словаре чешском» под буквою *а* объясняет придыханием изменение *а* в *я*. Того же мнения и Линде в предисловии к «Польскому словарю».

² Линде в предисловии к «Польскому словарю».

³ „Rozbor staročeske literatury“, 1842, с. 209 и след.

⁴ Припомнить наивное толкование Сумарокова: «Генварь (вм. январь) выдумали старинные подьячие, находя в литере *г*, когда она как лат. *h* произносится, некое величество и пышность» (Соч. X, с. 41).

⁵ Этим соглашаю я догадку Павского с мнениями Гримма, Юнгмана и Линде.

музее: «гореть *пелыне* оуподобна», описание Востокова, с. 2; 3) в *i*, в малорусском наречии: *кнѣ* — *конь*, *пидошва* — *подошва*: этим объясняется изменение города *Roma* в *Римѣ*; 4) в *y*: *супругѣ* вм. *сопругѣ*, *сугробѣ* вм. *согробѣ*, *судороги* вм. *содороги* (*содрогаться*); попадаете уже в Русской Правде: *сусѣдне* (Русск. достоп., ч. II, с. 117) вм. *сосѣдне*; и в чешской старинной письменности, напр. в глоссах *Mater verborum*: *Zumrak* (*сумракѣ* вм. *сомракѣ*) — *serpusculum*; в Краледворской рукописи (XIII в.): *susiede* (с. 56), *sumrki* (с. 68); 5) *ы* переходит в *о*: *крыть* — *крою*, цс. *кыи* — рус. *кой*.

Звук *i* переходит: 1) в *e*: *сий* — *сей*, *чий* — *чей*; 2) в *о*: *пю* — *напоити*, *гнию* — *гноити*; 3) в *ѣ*: *зміи* — *змѣи*, *зіять* — *зѣвать*. Отличить переход *ѣ* в *и* в малорусском: *сѣтъ* — *свитѣ*, *гниздо* — *гниздо* (*pidus*), *бѣлий* — *билый* (чешск. *bjly*); отсюда в южно-русских летописях и других памятниках *ѣ* вм. *и*, напр. в Ипатьевск., с. 214: *городы моѣ*.

Я переходит в *ѣ*: *ясти*, *ядѣ*, *ядро*, *яства* и *ѣсть*, *ѣда*, *нѣдро*. Нашему *ѣ* соответствует польское *ia*, т. е. *я*.

Звуки *у*, *ы* сродны между собою: *духѣ* — (от)*дыхѣ*, *слухѣ* — *слышать*.

Вставка и изменение гласных имеют значение в образовании видов и залогов глагола: *сидѣть*, *сѣсть*, *сяду*, *сидить* (и сущ. *садѣ*); *лежать* — (по)*ложить*; *велѣть* — *волить*; *зрѣть* — (при)*зирать*; *звать* — (при)*зывать* и проч.

ЗВУКИ ПОЛУСОГЛАСНЫЕ: ПРИДЫХАНИЕ И ПЛАВНЫЕ

Еще старинные латинские грамматики признавали в языке существование полугласных (*semivocales*), к коим относили: *j, l, m, n, r, s, x*; звуки же *j, v* называли они гласными, принявшими характер согласных¹. В санскритск. грамматике *л, р* считаются гласными и согласными, *м, н* — придыханиями и согласными. Носовые гласные *ж, ъ* содержат в себе вместе с гласным звуки *н, м*. Придыхания и плавные, становясь более твердыми и неизменными, переходят в собственно согласные: потому звуки *в, г, х, с, л, м, н, р* суть вместе и согласные, и полусогласные.

В как придыхание соответствует эолической дигамме *F*. Она исчезла, или заменившись другими звуками, или вовсе уничтожившись²: в дорическом диалекте перешла в *β, γ*: *βία, vis, Fίς*, позднее *ϊγ; γῶνος* вм. *Γοῖγος, vinum*, позднее *οἶγος*; частью перешла в *υ* и образовала дигаммы *αυ, ευ* и пр.: *ναῦς* вм. *ναFς, navis, βοῦς* вм. *βοFς, bōvs, hōs, bovis*; или в тонкое придыхание: *Fig, vis, ἴγ; ἴδεν, Fιδεν, videre, ὄFις, ovis, οἴς*; или же в густое: *vesperus, ἔσπερος*, а в некоторых словах и вовсе уничтожалась: *νέος, véFος, novus*, гот. *nīwis*, рус. *новый*; *πλέω, рус. плыву*. *В* становится:

¹ Schneider. Lat. Gram., I, с. 215.

² Kühner. Ausführl. Gram. d. griech. Spr., 1835, I, с. 21.

1) в начале слова: *воспа, вотчина, вострый*; особенно в малорусском наречии: *вухо, вици, винъ, вивця* (ухо, очи, он, овца)¹, 2) в середине: *плы-в-у — плыть, жи-в-у — жить*; у Нестор. по Лавр. (сп. 18): *Семевонъ*, 3) на конце, как образующее окончание и как флексия: *посъ-въ, шов-ъ, кро-въ* от *посъю, шью, крою*; слич. *кр-овъ, свекр-овъ* с древними *кры, свекры*, напр. в глоссах *Mater verborum sги, zuesgi*; слич. род. мн. *столо-въ*, в последнем случае *в* соответствует краткому *й*: *двере-й*; слич. *рубле-въ* древнее и народное вм. *рубле-й*; также флексиям *-хъ, -ъ*: *добры-хъ, палат-ъ*. В выпускается: 1) перед гласным *у*: *дань ноуу* (Нест. по Лавр. сп., с. 10) вм. *нову*; 2) после согласного *б*: *обидѣтъ* вм. *обвидѣтъ, ободѣ* вм. *обводѣ, обычай* вм. *обвычай, облако* вм. *обвлако*. Как через придыхательные *я, ю* и пр. гласные переходят к согласным, так через *в* согласные к гласным: 1) звуку *в* соответствуют придыхательные *й*: древнесербские² *Николавъ* вм. *Николай, правовъ вѣровъ* вм. *правой вѣрой, правую вѣроу*: точно так же из *домови, домовъ* образовалось *домой*, из *доловъ* — *долой*. Потому вставное *в* и в середине слова может заменяться кратким *й*, которое обыкновенно сливается с следующей гласною, составляя мягкий звук; так, для благозвучия вм. *даать, одѣять*: *давать, одѣвать*, или *даяти, одѣяти, подаяніе, одѣяніе*³; 2) *в* сродно с *у*: и в русском, как в лат., краткое *у* произносится как *в*: *завтра* вм. *заутра*; и наоборот, *в* переходит в *у*: у Нестор. *оунукъ* вм. *внукъ*; в Новг. лет. (с. 44, 45) *уторникъ* вм. *вторникъ*; в Ипат. (с. 36) *у весельи* вм. *въ весельи*. Такое употребление в наших летописях объясняется наречиями; так, Несторова летопись и Ипатьевский список относятся к наречию малорусскому, в коем *в* переходит в *у*: *учора*, а *у* в *в*: *вже, вмираю*; Новгородская же летопись — к новгородскому подречью, в коем также *у* вм. *в*: *у городи*, и *в* вм. *у*: *вже*. В наречии белорусском также: *у лесъ* вм. *въ лѣсъ, въ мѣнѣ* вм. *у меня*⁴. Слоги *ов, ев* изменяются в *у, ю*, а не в *оу, еу*, для того чтобы сохранить то же предложение времени одного только слога, для избежания неблагозвучия, и потому что в русском доегласных нет. В этом случае *о, е* сокращаются в *ъ, ъ*: первое сливается с твердым *у*, второе, присоединяясь к *у*, образует мягкий звук *ю*: *лик-ов-ать* — *лик-у-ю, пл-ев-ать* — *пл-ю-ю*⁵. Что же касается до изменения *ы* в *ов*, то оно надобно отличать от изменения *ов* в *у*⁶: ибо *ы* собственно изменяется не в *ов*, а в одно *о*: *кры-ть* — *кро-ю*; а к этому *кро-* прибавляется придыха-

¹ Ш а ф а р и к. Славянское народописание, перев. Бодянского, 1843, с. 25.

² «Споменици, собрание памятников древнесербской письменности».

³ П а в с к и й. Филолог. наблюдения, I, с. 89.

⁴ Ш а ф а р и к. Славянское народописание, перев. Бодянского, с. 23.

⁵ Так как стечение звуков *-евну, -овну*, напр. *Григорь-евну, Иван-овну*, у нас весьма употребительно, то нельзя принять догадки Павского (Фил. набл., I, с. 86), будто *ов, ев*, перед *н* изменяются в *у, ю* тогда, когда сходятся две или три буквы, трудные для произношения. Мы могли бы сказать и *совну, плевну*, как говорим *овна, овну*.

⁶ Не соглашаюсь с Павским, I, с. 86.

ние *в*: *кро-вь*, или вставляется для благозвучия: *покро-в-енъ*; слить *ши-ть* — *шь-ю* — *шо-въ*; а *крыть*, *шить* изменяется в *крой*, *шей* точно так же, как *кый*, *чий* в *кой*, *чей*. Соответствие придыхания *в* с плавными явствует из перехода его в *л*: *свобода* — *слобода*; в малорус. *вовкъ* вм. *волкъ*. Равномерно *л* переходит в *в*, напр. в малорус. и сербск. наречии: *пришовъ*, *бивъ* вм. *пришолъ*, *билъ*. Через *в* плавная *л* переходит в гласную: так, в сербск. *вукъ* образовалось из *волкъ* или *влкъ*, а *у* сродно с *в*. Трудно решить, опускается ли *в* в нашем слове *ласточка*, *ластовица* (apud fire omnes Slavos, по замечанию Юнгмана), или прибавляется оно в чешском: *властовице* (Юнгман гадательно предполагает корень: *власт*); по крайней мере любопытно заметить, что в IX в., именно в Суде Любуши, попадаетея уже *ulastouica* (*властовица*), стих 27; также и в glossах Mater verborum: *wlasztowice*, *hirundo*.

Звуки *х*, *г* (*h*, греч. густое придыхание), *с* (*з*) приставляются как придыхания и переходят одно в другое и в прочие придыхания. Слич. нем. *über* (гот. *ufar*, др.-н. *ubar*) с гр. *υπερ* и лат. *super*. Придыхание *г* может прибавляться: напр. *г-нѣздо*, *Nest nidus г-рабить*, *rauben rapere*¹; в нареч. белорусск. *г-ето* вм. *это*, в малорусск. *г-острый* вм. *острый*; в лужицк. речи: *hokno*, *huzda*; может и отбрасываться: в древних русск. стихотв. *осударь* вм. *государь*, в Псковск. лет. (с. 158, 164) *осподарь* вм. *господарь*; в лужицк. речи *ladki* (гладкий), *nězdo* (*Nest*, гнездо). Переход *h* в *s*: *ἕξ*, *sex*, *ἑπτα*, *septem*, *седьмь*, *ε se*, *ἑός* *ὄς*, *suus*, *ἔρω*, *serpo*, *ἔσομαι* (первонач. *ἔδω*, откуда *ἔδος*), *sedeo*, *сидѣть*, *ημι*, *semi*, *ἵστημι* (первонач. *ιστάω*, *ιστῶ*), *sisto*, *ὑπνος*, *somnus*, *спать*, *сонъ*²; *ο*, *η*, санскр. *sas*, *sâ*, гот. *sa*, *sô*, рус. *сей*, *сія*; цс. *чесо* вм. *чего*. Переход *h* в *v*, *f* (эолич. дигамма): *herba*, *ἑρβω*, *φορβή*, *εσπερα*, *vespera*, *вечеръ*, *ἐντός*, *venetus*, *εστία*, *vestia*, рус. *ево* вм. *его*, малорусскому *гострый* соответствует наше *вострый*. Звуку *х* соответствуют *h*, *s*: *χιών*, *χεμών*, *hiems*, санскр. *hima* (снегъ), рус. *зима*; *хмуришь* — *смурый*; впоследствии *х* отвердилось в *h*, *k*: *καρπάλιος*, *ἀρπάλιος* и в окончании прошедшего *λελάιδεν-χα* вм. *лелáидев-ха*³. Слич. в наречии сербском, не любящем звука *х*: *женикъ* вм. *женихъ*, *орагъ* вм. *орѣхъ*, *прагъ* вм. *прахъ*. Нет сомнения, что приставка некоторых придыханий придавала особенный смысл слову (так, напр., мы отличаем смысл слова *вострый* от *острый*); может быть, первоначально была сродна с предлогом: по крайней мере это заметно в приставке *с*: др.-нем. *s-mal* (*parvus*), рус. *малый*: *s* могло иметь значение латинского *ex* в *ex-iguus*; с-нѣгъ, гот. *s-páivs*, др.-верхненем. *sn-êo*, лит. *s-nėgas*; гр. *νίψ*, лат. *nix*; *мотрѣть* и *с-мотрѣть*, *коликій* и *с-колько*⁴. Придыхательные звуки в окончаниях: *ду-хъ*, *ду-ть*, *спѣ-хъ*, *спѣ-ть*, *смѣ-хъ*,

¹ Линде в предисловии к «Польскому словарю».

² Шнейдер. Лат. гр., I, с. 196 и след.

³ Кюнер. Греч. гр., I, с. 20.

⁴ Grimm в «Нем. гр.» (II, с. 701) объясняет это предлогами *as*, *is*, *us*, сродными с *ar*, *ir*, *ur*.

смѣ-юсъ; здесь *х* соответствует окончаниям *-въ*, *-ѣ*: *посѣ-въ*, *бой*, *зной*; слич. сербские *смѣ-ѣ*, *грѣ-ѣ* вм. *смѣ-хѣ*, *грѣ-хѣ*¹; отсюда соответствие между флексиями *добры-хѣ* и *сынове-ѣ*. Во флексиях переход *х* в *с* и обратно: цс. *прѣсъ* вм. *прѣхѣ*, *прѣсомъ* вм. *прѣхомъ*, *падѣсомъ* вм. *падѣхомъ*, и наоборот, *ахѣ* (лат. *ego*) вм. *азъ*²; слич. *их* с лат. *iis*, *насъ* (лат. *nos*, санскр. *nas*) древнейшая форма вм. *нахъ*³. *Х* среди слова для благозвучия между двумя гласными: *зна-х-арь*, *ба-х-арь* от корней *зна*, *ба*, с окончанием *-арь*⁴. *С* в образующих слогах: *коло* — *кол-ес-о*, *чудо* — *чуд-ес-а*, *небо* — *неб-ес-а*, санскр. *navha-s*, лат. *nube-s*; *древ-ес-а*, *тѣл-ес-а*.

Древние буквы **ж**, **л** соответствуют гласной с носовым звуком (*н*, *м*). В Остромировом евангелии⁵ **ж**, **л** стоят именно там, где в других языках и в некоторых славянских наречиях гласная с носовым звуком, как, напр., польские *q*, *e*, *iq*, *ie*. Юсь (**ж**) соответствует польским *q*, *e*: 1) в словах: *зжбъ* — *zqb*, *голжбъ* — *golqb*, *гжба* — *geba*, *ржка* — *reka*: слич. лат. *columba*, лит. *ranka* (рука); *гжсь*, нем. *Gans*, санск. *hansa*; *жт-ка*, нем. *Ent-e*; *уголъ*, *angulus*, и с придыханием *Winkel узель*, *вензель*⁶; 2) винит. женск. *ѣрж* — *wiar*, *силж* — *silę*, *ржж* — *reke*: отсюда сродство нашего винит. на *-у*, *-ю* с санскр. на *-āt*, лат. на *-am* и пр.: *вдов-ж*, санскр. *vidāv-am*, лат. *vidu-am*; 3) твор. женск. *вѣрож* — *wiarq*, *силож* — *silq*, *ржкож* — *reka*; слич. сербские *женомъ* (женою), *рукомъ* (рукою), *душомъ* (душою), *землемъ* (землею): отсюда очевидно сродство окончаний твор. женск. на *-ю* с муж. на *-мъ*: *рук-ою*, *человѣк-омъ*, *земл-ею*, *цар-емъ*; 4) 1-е лицо ед. ч. наст. и буд.: *идж* — *idę*, *пишу* — *pisze*; этим объясняется сродство наших глаголов на *-у*, *-ю* с древнейшими формами *да-мь*, *вѣмь*, *ес-мь*, с греческими глаголами на *-μι*, и т. д.; 5) 3-е лицо множ. ч. тех же времен: *иджшь* — *idq*, *пишжшь* — *piszq* слог *-nti* составляет отличительный характер 3-го лица множ. ч., и замечательно, что из этого образующего слога *-nti* в некоторых наречиях славянских, как в польском, сохранилось только носовое *н*, а в некоторых, как в русском, *н* утратилось, а сохранилось *т*: *пиш-у-тѣ*; в древнейшей же форме цс. удержалось все *-nti* в окончании *-жть*. Сличить наше *суть*, польск. *sq*, нем. *sind*, лат. *sunt*, санскр. *santi*; *везуть*, лат. *vehunt*, санскр. *vahanti*; 6) в причастии: *иджще* — *idaç*, *пишжще* — *piszqç*; отсюда сродство нашего с окончанием лат. причастий *-ans*, *-ens*: *amans*, *legens*. Буква **л** ставится в Остромировом евангелии там, где у поляков *iq*, *ie*: 1) в словах: *лти* — *iqç*; отсюда объясняется изъявит. *ем-лю*, *пжть* —

¹ Шафарик. Слав. народописание, с. 52.

² Шафарик. Слав. народописание.

³ Добровский. Etymologikon, с. 28.

⁴ Павский. Фил. наб., I, с. 90.

⁵ «Рассуждение...» Востокова в «Труд. Общ. люб. рос. сл.», 1820, XVII, с. 42 и след.

⁶ Припомнить мнение Тредьяковского в «Трех рассуждениях»: «по примеру славенопольского *вензель* за словенский *узоль*; *вензъ* за *узь*; *венгры* за *угры*, 1773, с. 25.

pięc, санскр. *pañcan*, лит. *penki*, гр. πέντε, зол. лёмля, гот. *fimf* (оттуда нем. *fünf*), лит. *quinque*; *святый* — *święty*, лат. *sanctus*; 2) в окончаниях имен сред. рода: *има* — *imię*, *жеребѧ* — *zrzebię*, *телѧ* — *ciele*; отсюда объясняется вставка *-ен-*: *им-ен-и*, *жереб-ен-окѧ*, *тел-ен-окѧ*; 3) местоимения: *ма* — *mie*, *та* — *cie*, *са* — *sie*; отсюда *м-ен-я*, 4) 3-е лицо множ. ч. наст. и буд.: *творать* — *tworzę*, *хвалать* — *chwalcę*; 5) причастия: *любѧ* — *lubięc*, *сѣдѧ* — *siedzięc*. Два последних случая объяснены выше, при букве *ж*. Носовые звуки составляют признаки древнейших форм языка. В Фрейзингенской рукописи (X в.) они очевидны¹; *poronso* (*поржж*), *sunt* (*сжть*), *mogonьска* (*можща*), *uierun* (*вѣрж*); в Суде Любуши *plamen* в м. *пламѧ*. В польском наречии носовые звуки удержались; равномерно и в вымершем древанском или полабском: *runka* — *рука*, *dumb* — *дубѧ*, *disant* — *десять*, *рjunta* — *пять*, *sjunta* — *святой*². В русском наречии они вовсе утратились, за исключением весьма немногих слов, напр. *ентотѧ* в м. *эотѧ*, *пламень* в м. *пламѧ*. Потеряв носовой звук, *цс*, *ж*, *л* перешли у нас в *у*, *я*; изменение же носового звука в *у* замечается и в других языках: так, напр., греч. λέγουσι в м. λέγουσι, из λέγουτι. Впрочем, во многих производных словах *н*, *м* указывают на свое происхождение от носовых гласных: *мать* — *м-н-у*, *пять* — *п-н-у*, *гнать* — *гр-ем-ѣть*³ и др. Но даже и в флексиях русский язык уничтожает иногда последние следы носового звука: так, в древн. русск. стихотвор. *с того время* (с. 236) в м. *времени*; *пламемѧ* (с. 223) в м. *пламенемѧ*; *знамя*, *за знамемѧ идетѧ* (с. 322) в м. *за знаменемѧ*.

Плавные *м*, *н* переходят друг в друга: слич. лат. окончания *-at*, *-it* с греч. *-av*, *-nv*, *-ov*; *Николай* и *Миколай*; *меня* и санск. *tama*. *Н* приставляется: от *н-его*, *н-ей*, *за н-имѧ*; *с-н-ѣсти* — *сѣбѣсть*, *по-н-ять* — *поять*, *н-ѣдра* — *ядро*; *н-утрь*, *н-утрѧ*, лат. *uterus*, рус. *утроба*, чешск. уже в Суде Любуши: *utr*, стих 36: *utr Visegrade* (*утрь Вышеградѧ*, в Вышеграде). *Снузници* в Ипатьевск. (с. 191) в м. *союзници*. Слич. греч. λυ-vo с слав. *пю*; нем. *Name*, лат. *nomem* (слич. *отем*) и наше *имя*⁴. В окончаниях: *камень*, *ячень* в м. древн. *камы*, *ячмы*: слич. Глоссы Mat. verb.: *sami*, *iești*.

После губных *в*, *б*, *п*, *ф*, *м* прибавляется *л* вместо умягчающего *ј* (*й*, *ь*)⁵, содержащегося в мягких *ь*, *е*, *я*, *ю*: *трав-ить* — *трав-л-ю*, *люб-ить* — *люб-л-енѧ*, *воп-ить* — *воп-л-ѣ*, *траф-ить* — *траф-л-ю*, *земной* — *зем-л-я*. Вставкою *л* славянские наречия юговосточные отличаются от западных: *капля* — *капѣ*, *жеравль* — *жеравѣ*, *воплъ* — *вепѣ*, *явлю* — *евимѣ*, *куплю* — *купимѣ*, *ловленѣ* — *ловенѣ*, *остав-*

¹ Кеппен. Собран. словенск. памятн., с. 44.

² Шафарик. Славенское народописание, с. 103.

³ Павский. Филол. набл., I, с. 87.

⁴ Гримм в «Нем. грам.» (II, с. 701 и 702) видит в приставном *н* значение предложное.

⁵ Соглашаю мнение Шафарика («Слав. народоп.», с. 7) и Гримма с гипотезою Павского.

лень — оставен. Впрочем, и по-русски говорится *корабль, оземь, наземь* вм. *о землю, на землю*. Что звуки *вль, мль* и др. суть не что иное, как смягчение звуков *в, м*, видно, напр., из форм цс. сокращенного прош. деепртч. *оставль, преломль; рождь, оврашть, вкуошь*: т. е. как *д, т, с* смягчаются в *-ждь, -шь, -шь*, так и *в, м* в *-вль, -мль*. Слич. некоторые прилагательные, образовавшиеся смягчением окончания существительных: *Святополкъ, Святополчь, Іаковъ, Іаковль, Авраамль, Ярославль*. *Л* приставляется вначале: польск. *ledwa* вм. *едва*; выпускается: *бояринъ — боляринъ*; не препятствует через себя одному звуку оказывать влияние на другой: *слать — шлю, мыслить — мышление*: ю, е изменяют *с* в *ш* через *л*, переходит в *о*: сербск. *био, дао* вм. *бил, дал*; слич. франц. *beau* из *bel, biel, beal*; *château* из *chastel, chastiel, chastealx*¹. Изменение *al* в *au* указывает, что *l* первоначально изменилось в *и (v)*, как в наречии малорусск. *пысавъ* вм. *писалъ*. В образующих окончаниях *л* соответствует звукам *в, р, й*: *пои-ло — пои-во, дате-ль — лат. dato-r, пріяте-ль, ходата-й*².

От других плавных *р* отличается тем, что может иметь при себе придыхание или густое *h*, как в греческом языке, или *s*, как в польском наречии: *rzecz* (*рреч* вм. *рѣчь*), *przy* (*пржи* вм. *при*). Звук *рж* соответствует нашему *рь*. *Р* переходит в *л*: *peregrinus — pilgrim — pilgrim, прорубь — пролубь*³, *февраль* вм. *феврарь* в древних памятниках, напр., в Новг. лет. 2-й попадает еще: *мѣсяця феураря*; в старину *лыцарь* вм. *рыцарь*; слич. простонародные *калиторъ, секлетарь*. В глоссах Mat. ver. *velblud* вм. *верблюдъ*. *Р* переходит в *с*: *honor — honos, festus — feirae, carmin — casnien, etrusci — etruria*⁴. Составляет образующее окончание существительных: *да-рѣ — да-ть, вѣт-рѣ — вѣ-ти* вм. *вѣя-ти, вих-рѣ — вих-ать, вих-нуть*: в Древн. русск. стихотв. (с. 87): *а и буйны вѣтры не вихнутъ на ее*; прилагательных: *доб-рѣ — доба* (пора), *бод-рѣ — бд-ѣть — буд-ить, щед-рѣ — щад-ѣти, хит-рѣ — хит-ить, ост-рѣ — остъ*⁵. Во флексии, именно в склонении: *мат-ери, диц-ерь* от имен. *мати, дщи* — есть остаток древнейших полных форм; слич. *mater, Mutter*; *Θυγάτηρ*, гот. *daūhtar, Tochter*, санск. *duhitr*; слич. также наше *братъ*, чешское *bratr* и санск. *brâtr*.

Плавные *л, р* удобно переставляются: *хракъ* в Новг. лет. (с. 110) вм. *харкъ* (*харкать*), *Berg* и *брегъ, Gold* и *злато, ладонь* из *долонь, длань*; *ἐλκω — влеку — алкать — лак-омый, artus — рамо, Arbeit — работа*; в последних для того, чтобы избежать в начале слова нетерпимое нами *а*. Слич. *nervus — веѣров, Proserpina — персефѣнѣ*.

Полусогласные вместе с гласными составляют в словах часть более текучую, изменяемую, потому употребляются в приставках,

¹ Die z. Gram. d. romanischen Sprachen, 1836, I, с. 244.

² Павский. Филол. набл., I, с. 95 и 96.

³ Сумарокова сочинения, X, с. 24: «Февраль и пролубь были прежде феврарь и прорубь, как перепелъ стал пелепелъ».

⁴ K r ű g e r. Gram. d. lat. Spr, 1842; с. 31.

⁵ Добровский. Гр. яз. сл., I, с. 384 и 385.

в образующих окончаниях и во флексиях. Собственные же согласные составляют ядро слов, твердую, неизменную часть оных и потому по преимуществу употребляются в корнях.

ЗВУКИ СОГЛАСНЫЕ

Собственно согласным принадлежит самая определенная членораздельность. Дыхание отвергается под влиянием тех органов, к которым приражается, отсюда согласные гортанные: *г, к, х*; губные: *б, п, ф*; язычные: *д, т, ѿ*; зубные: *з, с, ш, ж, ц, ч, щ*. Как гортани, самому внутреннему органу, противопоставляется орган внешний, губы, так и гортанным звукам противопоставляются губные: те и другие наделены большею членораздельностью. Язычные же и зубные, как посреди стоящие, более текучи и менее членораздельны; именно потому язычные могут нести службу полусогласных, т. е. могут вставляться, входить в образующие слоги и во флексии и т. п.¹ Согласные звуки бывают: 1) **однoименные**:

б п ф
г к х
д т ѿ
з с ш

т. е. *б* и *ф* губные, *г, к, х* гортанные и проч., 2) **одностепенные**:

б г д з
п к т с
ф х ѿ ш

т. е. *б, г, д, з* тонкие, *п, к, т, с* густые, *ф, х, ѿ, ш* **придыхательные**; к последним относятся: *ж, з* — **придыхательные** от *г, д*; *ч, ц* — **придыхательные** от *к, т*; **придыхательное** *щ* сложено из *шт* или *сч*, как *ф, ѿ* происходят от *п, т, с* густым **придыханием** или с *h*: греч. *ψ, τ*, лат. *ph, th*, так *ш* от *х* с **придых.** *с* или от *с* с **придых.** *h*: слич. фр. *ch*, нем. *sch*; *ж* есть **смягченное** **придыхание** *г* или *д*; *ч* — **смягченное** *к* или *т*. Это **смягчение** можно объяснить влиянием мягких *е, ю, я*, в составе коих содержится *j*, соответствующая **придыханию** *s*. В отношении **придыхательных** греческий язык относится к славянскому точно так, как **придыхательные** *ф, ѿ к ж, ч, ш, щ*, коими у нас восполняется недостаток греческих. *ѿ* заменяет нам *т*: *театръ, теорема*; *ф* переходит в *б* (*faba* — *бобъ*), или в *п* (*Fasten* — *постъ, Стефанъ* — *Степанъ*), или в *хв* (*forêt, forestum* — *хворостъ*), слич. малорусские *хвартухъ, хвасоля*; в Новг. лет. (с. 33 и др.) *Тферь* и *Тхверь* вм. *Тверь*.

На переходе одноименных друг в друга определяется степень сродства между индоевропейскими языками. Славянский язык стоит на одной степени с санскритским, греческим и латинским, а по

¹ Becker. Organism der Sprache.

придыхательным ближе к санскритскому и зендскому, чем к греческому и латинскому; готский стоит степенью ниже; древневерхне-немецкий степенью ниже готского.

Для основательного производства слов чрезвычайно важна следующая таблица¹.

Греч. P. B. F.	T. D. TH.	K. G. CH.
Готск. F. P. B.	TH. T. D.	— K. G.
Двн. B(v). F. P.	D. Z. T.	G. CH. K.

I. P. F. B. V. пять, санскр. *pañcan*, плѣмле, г. *fiuf*, двн. *viuf*; полный, санскр. *pūrṇa*, плѣос, *plenus* г. *fulls* двн. *vol*; птаха, плѣров, *aln. fiōdhur* двн. *vēdar*; спать, санскр. *svapa*, ѱлвог, *aln. svefn*, *alts. suēbhan*; *rapina* англос. *reáf*, двн. *roub*, грабить.

II. B. P. F. хάνναβις, *cannabis*, *aln. hanpr* конопель, двн. *hanaf*.

III. PH. B. P. корни вспомог. глагола: гр. φυ-, лат. *fu-*, *бу-* (*бу-ду*, *бы-ть*), санскр. *bhu-*; *frater*, братъ, санскр. *brâtr*, г. *brôthar*, двн. *pruoder*; νεφέλη, *nebеса*, санскр. *nabhas*, *nebula*; г. *nibls*, двн. *nēpal*. Наши не стоят на первом плане, ибо ф чуждо славянам.

IV. T. TH. D. ты, *tu*, г. *thu*, двн. *dû*; тонокъ, *tenuis*, *tener*, *aln. thunnr*, двн. *dunni*; тяну, *ténveio*, *tendere*, г. *thanjan* двн. *dener*; три, санскр. *trayas*, трѣтс, *tres*, г. *threis*, двн. *dri* (отсюда *drei*); братъ, санскр. *brâtr*, *frater*, г. *brôthar*, двн. *pruoder* (отсюда *bruder*).

V. D. T. Z. два санскр. *dvau*, δύο, *duo*, г. *twai* двн. *zuei*, (*zwei*); десница, санскр. *dakṣinâ*, *dextra*, г. *taihsvô*, двн. *zēsawa*; сидѣть, *ēdos*, *sedes*, *sedere*, г. *sitan*, двн. *sizan* (*sitzen*); видѣть, *είδειν*, *eidēnai*, *videre*, г. *vitān*, двн. *wizan*; вода, санскр. *uda*, ὕδωρ, *unda* г. *vatô*, двн. *wazar* (*wasser*).

VI. TH. D, T. θυγάτηρ, дочеръ, *дици*, г. *dauhtar*, двн. *tohtar* (*tochter*); θύρα, *дверь*, санскр. *dvâr*, г. *daur*, двн. *tor* (*thür*); наши на второй степени за неимением ө.

VII. K. H, G. H, G. конопель, хάνναβις, *aln. hanpr*, двн. *hanaf*; око, санскр. *akṣa*, ὀκος, *oculus* г. *augô* двн. *auga* (*auge*); δέκα, г. *taihun*, двн. *zēhn* (*zehn*); наше десять к санскр. *daśan*.

VIII. G. K. CH. *gelu*, *gelidus*, г. *kalds*, двн. *chalt*, *хладъ*, с перестановкой гласной, как *bart* и *брада*; *jugum*, *уго*, г. *juk*, двн. *joch*. Но по большей части в этом случае у нас придыхательные: *granum*, *aln. korn*, двн. *chorn*, зерно; γυνή, *aln. kona*, двн. *chona*, жена; ἔγω, г. *ik*, двн. *ih* (*ich*), азъ, сродное с зендским *azêtm*, образовавшимся из санскр. *aham*.

IX. CH, H. G. K, χήν, санскр. *hansa*, гусь, г. *gans*, двн. *kans*; *hostis* (*peregrinus*), гость, г. *gasts*, двн. *kast*.

Согласные, составляя самую твердую часть языка, всех менее подвержены изменению. Одноименные б и п, г и к, д и т, з и с собственно один и тот же звук, что видно из произношения на конце слога (*Auslaut*); тонкие б, г, д, з произносятся как густые п, к, т, с: ко-

¹ По Гримму («D. Gram», I, с. 584) с дополнениями Боппа («Verg. Gram», с. 80).

ропъ, друкъ, претъ, востъ. Слич. *столбъ* и *столпъ*. Звук тонкий перед густым изменяется в соответствующий себе густой: *коронка, лотка, связка*: исключение составляет *мягкий* вм. *мяккий*, от корня *мяк-* (*мякишъ*). И наоборот, густой перед тонким в соответствующий себе тонкий: *здѣлать*. Вследствие произношения и в правописании удержались: *пчела* вм. древнего *бчела* (в Изборн. Святосл. 1073 г.), по-малорусски *бчола*; *свадьба* (а не *сватъба*¹), *свадебный* от *сватать*; *гдѣ* вм. древнего *кдѣ*, *здѣсь* вм. древнего *сдѣ*. Такое изменение звуков называется у п о д о б л е н и е м (assimilation), и притом у п о д о б л е н и е м н е п о л н ы м, как лат. *scrib-o, scrip-tum, scrip-si, reg-o, rec-tum, rec-si (rexi)*. Полного же у п о д о б л е н и я, как в лат. *suppono* вм. *subpono, occumba* вм. *obcumbo, assiduus* вм. *adsiduus*, у нас нет, ибо мы не терпим удвоения согласных. Так, в древности слово *Русь* вм. *Россия*, которое до сих пор более чуждо нам, что видно из прилаг. *русский*, взявшего перевес над прилаг. *российский*; так, в памятниках старинной нашей письменности постоянно *субота* вм. *суббота*². Переход одностепенных одного в другой, как, напр., к в т: *вопреки — воспретити, паукъ — паутина, Евдокия — Овдотья, блескъ — блестять, искать — истецъ* — особенно очевиден в греч. диалектах³: л в х в ионическом: *κῶς, ὄκῶς, κοῦ, κωτος* вм. *λῶς, ὄλως, λοῦ, лотос*, ж в т в дорическом: *λόχα* вм. *λάτε*, δ в м. γ в дорическом *δα* вм. γή: отсюда *δημίτηρ*; φ в м. θ: аттич. *φλᾶν* (ударять), *θλᾶν*. Сличить *λύκος, волкъ* с *lupus, Wolf*: греч. и слав. *k* соответствует лат. *p* и нем. *f*; а в придыхание⁴. На переходе одноименных одного в другой основывается образование многих французских слов из латинских: *abeille — apicula, ravis — rapere, chevre — capra, livre — liber, prouver — probare, courbe — curvus, oeuf — ovum*. Сличить переход губных *n, m*: в западных славянских наречиях *pátrit, patryć*; в юго-восточных *мотрѣть, смотреť* с придыханием *c*; в народе говорится *матри* вм. *смотри, мтица* вм. *птица, мчела* вм. *пчела*, в Костр. губ. (Труд. Общ. люб. р. с., 1820, XX, с. 137, 142), *Дюрди* вм. *Гюрги, Георгий*.

Язычные *д, т* отличаются от прочих согласных тем, что вставляются. Но их вставка существенно отличается от вставки гласных и придыханий, имея целью резкое разграничение между звуками, подобно *б: о-бъ этомъ, объ немъ*, греч. *μεσημβρία* от *μέσος, ἡμέρα*, и потому бывает между гласными: *pro-d-esse, pro-d-ire, re-d-ire*; между плавными: *eigen-t-lich, gelegen-t-lich, αν-δ-ρός* род. от *ανήρ*; между плавным и гласным: *ин-д-ицѣть* от *иней*. Между зубными *c, z* и плавным *p*, как в чешских: *s-t-ředa* (среда), *s-t-říbro* (серебро), и в наших: *с-т-рѣча* (*срѣтать*), *с-т-рамъ*; *раз-д-рѣшить* в старинной пись-

¹ Сочинения Пушкина, XI, с. 214.

² Павский по справедливости доказывает правописание *субота* вм. *суббота* в «Фил. набл.», I, с. 112.

³ Бутман. Греч. грам., § 16, Кюнер.

⁴ Grimm. Reinhart Fuchs, XXIV, XXV.

менности; между гласным и придыхательным: *при-т-чина*, *про-т-чий*¹. Славянские наречия западные отличаются от юго-восточных вставкою *д* перед *л*: *садло* — *сало*, *мыдло* — *мыло*, *модлитися* — *молитися*; а юго-восточные от западных опущением *д*, *т* перед плавными *л*, *н*: а) *паль* — *падль*, *велъ* — *ведль*, *шелъ* — *шедль*, *кралъ* — *крадль*, *счелъ* — *счетль*, *цѣлъ* — *квѣтъль*; б) *вяну* — *вадну*, *свѣну* — *свѣтну*². *Д* выпускается также перед плавным *м* и зубным *с*: *вѣмь*, *вѣси* — корень *вѣд*, *ямь*, *яси* — корни *д*; *д*, *т* перед *т* меняются в *с*: *влас-ть* от *влад*, *вес-ти* от *вед*, *крас-ть* от *крад*, *цѣвс-ти* от *цѣвтъ*, *плес-ть* от *плет*. Греч. *οἶδα* и *οἶσθα*. От древнего глагола *ити* нынешний *с* удвоением *итти*, от которого уже *идти*: обе эти формы составляют исключение против закона об изменении *д*, *т* в *с* перед *т*. Весьма многие образующие окончания содержат в себе звуки *д*, *т*: *широ-та*, *puri-tas*, сан. *bahu-tā* (множество), *Blü-te*, *lag-d*; *перна-т*, *косма-т*, *плех-тѣс*, *horta-tus*, *timi-dus*; глагола-ти, *взя-ть*, *нес-ть*, *облас-ть*. Сличить флексии: *дитя* — *дитяти*, *теля* — *телята* с *χάρις* — *χάριτος*, *σῶμα* — *σῶματος*, *aetas* — *aetatis*, *salus* — *salutis*.

Смягчаясь звуком *ь* (*j*, *ÿ*), *д* переходит в *жд*, *ж*; *т* в *шт* (*щ*), *ч*: санскр. *tadhja* (средина), лат. *medius*, готск. *medis*³, иллирийск. *медю*, цс. *междоу*, русск. *межю*, *межа*; сербск. *ноть*, *моть*, цс. *ночь*, *моць*, русск. *ночь*, *мочь*. Кроме *жд*, *д* умягчается в *зд*: *ѣзда* от *ѣд-у*, *громоздить* от *громада*, *гнѣздо* и *nidus*⁴. Как *жд* переходит в *ж*, так и *зд* в *з*; на этом основывается возможность перехода *д* в *з*. Слич. чешские *pauze*, *teze*, *woset* с иллирийскими: *нудя*, *медя*, *родьнѣ*; с цс. *ноужда*, *междоу*, *вожденѣ*, *рожденѣ*; с русск. *нужа*, *межа*, *вожень*, *рожень* (*рожество*). Что во всех изменениях сих *д* умягчается, видно из иллирийской речи, в коей, кроме *нудя* (*нужда*), *нудьнѣ* (*нужен*), говорится и *нуя*, *нуьнѣ*. А в древнесербском наречии *д* заменялось гортанным *г*: *мегю* (*межю*, *между*), *посагено* (*посажено*, *посаждено*)⁵. Таким образом, *д* сближается с *г* через *ж*, *з*, кои суть придыхательные вместе и для *д*, и для *г*. Равномерно и *т* сближается с *к* через *ч*, *ц*, в которые изменяются и *т*, и *к*. Скоро произнесенное *т* с мягкой *ю* (*ÿ*, *ь*) есть именно *ц*: лат. *tutius* и т. п. искони произносились *tucius*, что явствует из древнейших латинских памятников, в коих слог *ti* перед гласною писался *ci*⁶. *Ц* относится к *т* точно так, как *з* к *д*: как сербские *нудя*, *медя* изменяются по-чешски в *pauze*, *teze*, так сербские *ноть*, *моть* по-чешски в *nos*, *tos*. Итак, касательно язычных и их придыхательных вот в каком отношении стоят наречия русское и церковнославянское к сербскому и чешскому:

¹ «Опыт нового рос. правописания», 1773, с. 15; многие, подражая простому выговору, вносят несправедливо в речения лишние буквы, напр. *струбѣ*, *притчина*, *страмѣ*, *ндравѣ* и проч.

² Шафарик. Славянское народописание, с. 7.

³ Pott 'Etymologische Vorschungen, 1833, с. 105.

⁴ Это мнение Павского; впрочем, Grimm (D. Gram., II. с. 212) признает для латинского древнейшее *nidus*: этому *sd* соответствует немецкое *st*: *nest*, *nistem*.

⁵ «Споменици, сборник древней сербской письменности».

⁶ Крюгер. Лат. грам., с. 11.

Сербск. *д, т*.
Цс. *жд, шт* (ш).
Русск. *ж, ч*.
Чешск. *з, ц*.

Гортанные *г, к, х* изменяются в придыхательные *ж, ч, ш* и в *з, ц, с, т, е*:

г в *ж, з*,
к в *ч, ц*,
х в *ш, с*.

Звуки одноименные: *г, к, х; ж, ч, ш; з, ц, с*; одностепенные: *г, ж, з; к, ч, ц; х, ш, с*: княгиня, князья, княжна; *льг* (*льгота, легкий*), *льзя, лжае* (сравн. степ.); *ликъ, лице, личный*. Наречие церковнослав. отличается от русск. тем, что в русском переход *г, к, х* в *з, ц, с* менее употребителен, чем в церковнославянском, в коем замечается правильное и полное изменение гортанных в придыхательные, а именно в склонении: *богъ, боже, бози; внукъ, внуче, внуци; духъ, душе, дуси* и проч. Слич. склонения малорусские: *нози* (ногъ), *дивци* (дѣвкъ), *сваси* (свахъ), и белорусские: *дарозѣ* (дорогъ), *лузѣ* (лугъ), *руцѣ* (рукъ). В русском *г, к, х* изменяются в *ж, ч, ш* от влияния мягкого звука: *другъ — друженъ, скука — скученъ, страхъ — страшенъ*; *з, ц, с* в *ж, ч, ш*: *мазать — мажу, овца — овечка, писать — пишу*, а переход *г, к, х* в *з, ц, с* гораздо реже: *другъ — друзья, лугъ — во лузьяхъ, ликъ — лице, трухнуть — трусить*. К остаткам древних цс. форм должно отнести теперь употребляющиеся глаголы¹: *досязать (сягать), осязать (сягать), воздвизать (двигать), порицать (реку), созерцать (зракъ)* с существ. *зерцало, проицать (никну)* с нареч. *ницѣ*. Слич. лат. *са* (ка), *со* (ко), *си* (ку) и *сі* (ци), *се* (це); итальянские: *са* (ка), *со* (ко), *си* (ку) и *сі* (чи), *се* (че); французские: *га* (га), *го* (го) и *гі* (жи), *ге* (же). Составители и образователи азбук были того же мнения, что *ж, ч, ш* суть не что иное, как *г, к, х* смягченные тонкими гласными. Называются же они придыхательными потому, что в тонких гласных содержится придыхание *j*.

Трактат о звуках, будучи краеугольным камнем всей этимологии, должен в своих результатах служить основанием многим отдельным статьям, кои легко могут быть выведены из предложенного выше, а именно:

1. Признаки наречий славянских западных и юго-восточных.
2. Отличие речи русской от церковнославянской; отличие наречия русского от малорусского, белорусского и проч.
3. Полногласие как отличительный признак древнейших форм славянского языка.
4. Носовые звуки, другой отличительный древнейший признак славянского языка.
5. Построение слогов.

¹ Павский. Филолог. набл., I, с. 61.

6. Склонение. Сродство между славянскими и латинскими склонениями. Соответствие между различными флексиями одного и того же падежа, напр. *-хъ, -сѣ, -й* и проч.

7. Спряжение. Сродство славянских спряжений с латинскими, греческими и проч.

8. Образующие окончания и т. д.

Предлагаю несколько материалов для последней статьи. Преимущественно обращаю внимание на часть историческую, ибо в словах, более или менее отживших, следов., несколько чуждых нам, легче отличать составные части, употребляющиеся и теперь. При том сравнение неизвестного с известным и измерение первого последним будут прекрасною гимнастикою для наблюдательности.

ПРИСТАВКИ И ОКОНЧАНИЯ

Корни семитических языков изменяются в н у т р и, корни индоевропейских языков изменяются в н е, или, лучше сказать, корни семитические и з м е н я ю т с я, корни индоевропейские н а р а щ а ю т с я¹. Все грамматические формы языков семитических основываются на перемене внутренних гласных корня, которые в этих языках, при постоянной пребываемости одних и тех же согласных корня, подвержены непрестанному изменению. Напротив того, корни языков индоевропейских представляют собою неизменное, сомкнутое зерно слова, окруженное другими посторонними слогами, на изменении коих и основываются все грамматические формы. Следов., вся организация слова в этих языках лежит на приставках и окончаниях.

В образовании слов между приставкою и окончанием замечается некоторое сочувствие, т. е. как предлог, находясь перед именем, изменяет его падеж, так и приставка растягивает окончание слова, напр. *мастерѣ* с приставкою *под-* изменяется в *под-мастер-ѣе*. Славянские существительные с приставками могут вести свою историю от времен Плиния, Птолея и Аммиана Марцелина, которые упоминают *Pathissus, Partiskon, Parthiscus*, т. е. Потисье, город, урочище на Тисе; *na* есть древнейшая форма предлога *по*; *par* вм. *ра* — ошибка².

1) *Па-, по-*: Новог. лет., 143 *на Паозерью*; 28 *извеременившѣе погудѣе вѣтра*; 151 *побережье*; Ипатьевск. лет., 10 *Посульѣ*; 30 *Подесньѣ*; 51 *Подольѣ*; 132 *Посемьѣ*; 169 *Понизьѣ*; 124 *Побожье*; 206 *по Полѣсью*; 227 *от Поморья*; Пск. лет., 154 *пораньѣ* (раннее утро). 2) *За-*: Русск. Правда *о задушьи* (на поминѣ души, Русск. дост., II, с. 217); Нест. по Лавр. сп., 12 *изъ заморья*; Новог. лет., 48 *изъ заморья*; 73 *въ Загородьѣ*; 73 *на Зоволочьѣ*; 114 *Заполіѣ*; Пск. лет., 33, 37 и проч. *Запсковьѣ*; 46 *Залѣсьѣ*; 91 *изъ зарубежья*; 181 *Застеньѣ*; 196 *Задвиньѣ*. 3) *На-*: Новог. лет., 148 *въ навечеріѣ*;

¹ В о р р. Verg. Gram., с. 107 и след.

² Ш а ф а р и к. Slowanské starožitnosti, 1836, с. 207.

Пск. лет., 33 *изъ налѣсьи*. 4) *Без-*: Ипатьевск. лет., 19 *безголовіе* и *безмѣстье*; Пск. лет., 198 *бездождіе*. 5) *Вз-*: Новог. лет., 16 на *възводѣе*. 6) *Межи-* (между): Ипатьевск. лет., 167 *Межибожье*. 7) *Об-*: Новог. лет., 78 по *Обонѣжью*; Ипатьевск. лет., 112 *ободверье* (что около дверей). 8) *От-*: Пск. лет., 152 *оттепелье*. 9) *Перед-*: Ипатьевск. лет., 63 *передѣгородье*. 10) *Под-*: Ипатьевск. лет., 181 *подѣгорье*; Пск. лет., 201 *подгоріе*. При именах лиц, для означенія помощника: Котошихин 6 *поддружье* (на свадьбе второй поддружке); Древн. русск. стих., 227 *податаманье* (помощникъ, второй по атамане). 11) *При-*: Пск. лет., 89 у *примостья*. 12) *Роз-, раз-*: Новог. лет., 79 *розмиріе*; Пск. лет., 22 *разратье*. 13) *Су-*: Пск. лет., 24 *Сумежье*. 14) *У-*: Новг. лет., 5 въ *уденье* (вариант: в *полѣдни*); Пск. лет., 82 *удолье*; слич. Ипатьевск. лет., 172 *удоль*; Др. рус. стих., 114 *усолье*. 15) *Полу-*: Нест. по Лавр. сп., 2 къ *полуночью*; 4 на *полунощье*; Пск. лет., 103 *ползобенье* (половина зобницы, хлебной меры: корень *зоб*, по-сербски значит овес). 16) *Не-*: Ипатьевск. лет., 106 *непогодье*; 208 въ *нелюбьи*; 211 *нелюбовье*; Пск. лет., 17 *немирье*; 222—223 *отъ несовѣтїа*.

Этому удлиненному образованию слов противопоставляется усеченное, с следующими окончаниями: 1) *-ь*: в Нест. по Лавр. сп. собирательные названия народов: 2 *Русь, Чудь, Вель, Любь*; 3 *Серебь* (сербы); 6 *Черемись, Ямь, Корсь*; Новог. лет. также собирательные: 48 а *Борисовѣ чадѣ* (челяди) *показаша путь*; 54 *галь* (талей, заложников) *Пльсковскую пустиша*; Ипатьевск. лет., 213 *простую чадь*; 214 *досадила мѣ погань си* (досадили мне эти поганые). Вообще нарицательные: Новг. лет., 1 *лодь отринуша отъ берега* *вм. лодью*; 6 *бысть въстанъ велика* *вм. возстаніе*; 11 *Нифонтъ поби святую Софію свиньцемъ, всю прямь*; 15 *дорогѣвъ* *вм. дороговизна*; 64 на *усть Невы* *вм. на устье*; Ипатьевск. лет., 40 на *усть Медвѣдѣци*; Карамзин. Ист. гос. Рос., X, пр. 118: на *усть Терки*; Пск. лет., 165 *ярь сѣяна*, т. е. яровой хлебъ; 195 на *пособь*; 202, 203 *поводь* (вода): *веснѣ была вода велика въ рѣкахъ, и не памятятъ люди таковой поводи*; Древн. русск. стихотв., 206 *до любви я молодца пожалую, любь* *вм. любовь*; 354 а ты *волчьа съть*, т. е. волк тебя съешь; слич. Новог. лет., 17 *ту ихъ досыти* (вариант: много) *паде*; 131 *первую заступь заступовали* (в шахматной игре); 207 *заводь: и поѣхалъ къ морю синему, что на теплы, тихи заводи*. 2) *-ѣ*: в Несторе по Лавр. сп., 4. *сѣверъ*, собирательное, *вм. сѣверяне*; в Древн. русск. стихотв. *шипъ, топъ, наукъ*: 354 *не слыхал ты шипу змѣиногю*; 353 *и слышалъ Соловей разбойникъ того ли топу кониногю*; 46 *письмо ему въ наукъ пошло*. Сложные с предлогами: *уразъ, изголовъ*: Ипатьевск. лет., 172 *бѣ уразъ великъ въ полкахъ его*; Др. рус. ст., 84 *выпили вѣдъ по чарочкѣ зелена вина, съ того уразу молодецкого*; 116 *въ тѣхъ устьяхъ Тобольскихъ на изголовѣ становились*. 3) *-а, -ка* вместо нынешнего удлиненного: Пск. лет., 163 *нелюбки*; Др. рус. ст., 157 на *твою щаски княженецкія*; 254 а *творки творилъ не по маленькимъ*. Самое уже употребление этих слов во множественном числе показывает, что они выражаютъ понятія менее отвлеченныя, чем *нелюбье, любовь*,

счастье. 4) -а, в именах отглагольных названия лиц общего рода: *perozeda* (непоседа) — *turbidus, turbulentus, seditiosus, inquietus* в гл. *Mat. Verb. nestida* (нестыда) — *impudicus, tertius (digitus), ibid.* в Новог. лет., *меченоша, 42 Василья меченошоу Ярославля*; Др. рус. ст., 17 *мѣхоноша*. Такое сложение с отглагольным -ноша весьма древнее, ибо *Люцифер* в глоссах *Mat. Verb.* переводится *zuetlonose (свѣтлоноше)*. 5) -а собственных имен собирательн.: *Сѣвера* в Кенигсб. сп., 12 вв. *Сѣверь* или *сѣверяне*; *Мурома, мордва, Печера, литва, Зимѣгола, Сѣтгола*.

Образующие окончания прилагательных гораздо определеннее и числом и своим значением. Они могут быть подведены к трем отделам: 1) окончания местоименные, 2) падежные и 3) окончания причастий. Так, переход существительного в прилагательное может быть двойкой: а) или к существительному корню прибавляется местоимение, напр. *й, я, е*: от сущ. *дѣва, дѣвый*, напр. у Нест. по Лавр. сп., 88 *въ имя рожьшая тя матере, приснодѣвья Богородица*. Если же прилагательное усекается, то остается голый корень существительного: в Повести о разорении Трой (перевод Григория для Симеона Болгарского) *густобрадѣ, рѣдобрадѣ, велеокѣ, велеустѣ, бѣлорукѣ* (Калайдович, Иоанн Екс. Болг., с. 181, 183). В Русск. Правде *злонравѣ* (Рус. дост., II, с. 180); Пск. лет., 143 *злосердѣ*. Или б) к существ. прибавляется *въ*, соответствующий окончанию родительного падежа, напр. *Борисѣ — Борисовѣ, Глѣбѣ — Глѣбовѣ*. Эти усеченные прилагательные в старину могли удлиняться: Новг. лет., 48 *Князь пусти къ нимъ жены, Борисовую, Глѣбовую, Мишную*; Ипатьевск. лет., 156 *Княгини же Романовая; 159 Княгиню Романовую; 201 Княгини Миндовговая; 202 Великая княгинѣ Василковая*; Пск. лет., 167 *Княгину Борисовую*. Слич. Новг. лет., 29 *Преставися княгини Всеволожая*; 54 *Преставися княгини Ярославля*; Ипатьевск. лет., 3. *Княгини Всеволожая*, Древн. рус. ст., 153 *честна вдова Чесовая жена*, т. е. жена Чеса. Образующее окончание -кѣ, напр. в слове *дерзокѣ* (в старину и *дерзѣ* без -кѣ, Калайдович, Иоанн Екс. Болг., с. 181, Ипатьевск. лет., 164) и т. п., может быть признано корнем местоимения вопросительного, означающего вместе и качество: в именах существительных это окончание иногда соответствует окончанию причастия -щий: Ипатьевск. лет., *мирникѣ, мирящий*; Пск., 215 *многимѣ досадникѣ*; Карамзин, Ист. гос. Рос., X, пр. 82 *о земле великой печальникѣ* (заботлив); Карамзин, Ист. гос. Рос., XI, пр. 56 *и посаженникѣ былѣ тотѣ Валитѣ на Корельское владѣние отѣ Новгородскихѣ посадниковѣ*; здесь причастие страд. с означением качества окончанием -кѣ в форме существительного. Слич. в Пск. лет., 41 *невѣрникѣ*, отличающееся от прилагательного *невѣрный* тем, что означает понятие более деятельного. Образующее окончание -тѣ, с одной стороны, сродно с местоимением указательным *тѣ, та, то*, а с другой стороны, вместе с окончанием -нѣ сродно с окончаниями причастия страд. на -тый, -ный. Так, прилагательные *отчаянный, искусный, окаянный, прелестный* и т. п. суть не что иное, как причастия, что

очевидно в старинных памятниках нашей письменности, напр. в молитвах Кирилла Туровского: *тии бо бѣша всѣми отчаеми* (отвергнуты), *ты же пріять я. неискусну* (не искушену) *отъ злыхъ помыслѣ. всѣми челобѣки окаянѣ* (поносим) *быхѣ. удобѣ прелестное* (прельщаемое) *человѣческое естество*. Сродство окончаний *-та* и *-на*: *широта* и *ширина*, *высота* и *вышина*, *глубота* и *глубина*¹. Прилагательные на *-лѣ* сродны с причастиями прошедшими действительного залога, а некоторые и ясно происходят от них: *жилѣ* — *жилой*, *былѣ* — *былой*, *гнилѣ* — *гнилой*. При этом переходе замечается в прилагательном сокращение: так, от глагола *таять* прилагательное *талый*, напр. в Пск. лет. 163 *палѣ снѣгѣ на талу ю землю*. Слич. прилагательные *свѣтлый*, *теплый* и т. п. с глаголами *свѣтить*, *топить*. Это же окончание в существительных: *дѣ-ло* от *дѣять*, *весло* от *вести*, *крыло* от *крыть*², подобно тому как от *копать* *копы-то*. Слич. в чешских псалтырях XIV в. (в Витенберск. и Подебрадск.): *Spal* (dormitor), *ssal* (lactens, Säugling); в Ипатьевск. лет., 126 *ударѣша братья въ било*. Причастие настоящее на *-щій* переходит в прилагательное с окончанием *-чій*: в Др. русск. стих., 70 *зыбучія болоты напрокучили*; 88 *могучія плечи расходилися*; 93 *и наѣхалѣ Дунай бродучій слѣдѣ*; 249 *вскочилѣ въ полдрева стоячаго*. В старину часто и причастия вм. *-щій* оканчивались на *-чій*, напр. в Ипатьевск. лет., 76 *бѣжачега*; у Котошихина, 17 *будучимѣ* (вм. *будущимѣ*). Как *пресловутый* есть причастие страдательное, так *пресловущій* действительное, напр. в Пск. лет. 211 *пресловущій градѣ Псковѣ*. Причастия через прилагательные перешли в существительные: *стряпчій*, *кравчій* или *крайчій*, *пѣвчій*, *книгочій* и сокращенное *книгчій*, все склоняются как прилагательные.

Но так как в языке всякая форма стремится резко отделить себя от прочих, то некоторые окончания прилагательных столь отличны своим образованием, что не могут быть рассматриваемы в связи с местоимениями или причастиями, каковы *-р*, *-скѣ*, *-ствѣ*, *-ватѣ*, *-витѣ* и т. п.

Окончание *-скѣ* попадаетс³ уже у Тацита в названиях народов: *arav-isci*, *nar-isci*; у Аврел. Виктора собств. имя *attal-iscus*. В готском у Ульфилы: *mann-isks* (humanus), слич. *человѣч-ескій*, *judáiv-isks* (judaeus), слич. *иудей-скій*. В древневерхненемецком *évang-el-isc* (evangelicus) — *евангель-скій*, *samaritán-isc* — *самаритан-скій*. В англо-сакс. *engl-isc* (anglicus) — *англий-скій*, *graec-isc* (grae-cus) — *грече-скій*, *jude-isc* (judaeus). Древенс. *islend-skr* (islandicus) — *исланд-скій*. В среднем. *heim-isch* (domesticus), *wel-sch* (peregrinus, italicus, gallicus). В нынешн. нем. *arab-isch*, *deut-sch*, *engl-*

¹ См.: Болп. Über den Einfluss der Pronomina auf Wortbildung. 1832. Он почитает окончание *-ta*, находящееся в санскр. и других языках, признаком существительных женского рода, подлежащих действию и отвлеченных.

² И в немецких наречиях окончание *-il* означает орудие; Гримм. D. Gram., II, с. 397.

³ Grimm. Deutsche Gram., II, с. 375 и след.

isch, heidn-isch и проч. Может быть, влияние немецких наречий на образование некоторых слов в романских языках, как, напр., франц. *arab-esque, gigant-esque, grot-esque* и проч. В литовск. *lėtuw-iszka-litov-sкой*. С этим окончанием многие прилагательные наши или потеряли прежний объем своего у п о т р е б л е н и я, напр. у Нестора по Лавр. сп., 14: *бысть бо дѣтескъ вельми. нося Игоря дѣтска*. Или вовсе утратились, наприм. Нестор. по Лавр. сп., 10 *дѣвоческъ полъ*. Так нынешнее существительное *войско* образовалось от старинного прилагательного *войскій*, которое встречается в Русск. Правде: *воискою конѣ* (а не *своискии*), в Годунов. Кормч.: *воиньскій конь* (Русск. дост. II, с. 50), в Новог. лет.: 60 *Поромана подвоиского*, в Ипатьевск. лет.: 40 *подвоискъи и биричѣ*, в Пск. лет.: 117 *грамоты подувойского*, 124 *соцкихъ или подвоискихъ*, 154 *невойскъ* (т. е. невоинственный), 166 *со множествомъ войскимъ*, в Древн. русск. стих.: 422 *войской кругъ*.

Окончание *-сть* также обще у нас с другими языками. Слич. лат. *agr-estis, silv-estris* греч. превосх. степень *μεῦροτος*: *рогастый magnis cornibus*, отличается от *рогатый cornutus, corniger нѣдристый sinum latum habens, рѣчисть eloquens*¹. В Повести о разор. Трои: *бровистъ, прѣсистъ, плечистъ* (Кал. ИЕ. Б., с. 181, 182), Ипатьевск. лет., 123 *бѣ бо рѣка та твердо текущи, бережиста*. След. *-сть* означает избыток, чем и отличается от *-ть*, означющего принадлежность, свойство, напр. Русск. Правд.: *мужатая жена* (Русск. дост. II, с. 151), глос. Mat. Verb.: *zaiess vssati* (заяц ушатый), *leporos auritos*, в Соф. вр. II: 417 *а другой* (пушке): 202 *явися звѣзда на востоцѣ хвостата*, Ипатьевск. лет.: 202 *явися звѣзда на востоцѣ хвостата*, 202 *си же звѣзда нарѣчається власатая*, Пск. лет.: 180 *Андрей Волосатый*. Слич. окончания наши с латинск: *alatus — крылатъ, cornutus — рогатъ, barbatus — бородатъ, crinitus — власатъ, pennatus — пернатъ*. Слич. санскр. окончание *-wat*, напр. *bola-wat* (*stärkebegabt*)², с нашими *-витъ* у Нестора по Лавр. сп. 24 *имовитъ, неимовить*; и *-вать*, напр. в Пск. лет., 39, 123 *звѣзда хвостовата*; в Древ. рус. ст., 250 *жиловать*.

В связи с этими прилагательными окончаниями стоят многие существительные, каковы, напр. на *-ство, -ище*³ и др. Обращаю внимание на последнее окончание, в смысле пространства теперь гораздо менее употребительное, чем прежде. Нест. по Лавр. сп., 74 *дали града стрѣлище едино*, т. е. пространство, сколько пролетает стрела; Новог. лет., 35 *на томъ побѣдищи*, т. е. место, где победа, сражение; Ипатьевск. лет., 73, 74 *ста на полчищи на ночь*, т. е. место, где полк, сражение; Пск. лет., собств. имена, 116, 117 *Полонище*, 200 *Овсище*. Особенно любопытно употребление слова *день* с окончанием *-ище* для означения пространства, которое можно пройти в продолжение дня: Новог. лет., 99 *только за днище Галича не до-*

¹ Добровский. Instit. Lingual slavical, с. 329.

² Pott. Etymol. Forschungen, I, с. 92.

³ Павский. Филолог. набл., II, с. 138.

ходиша; Ипатьевск. лет., 40 и тако изъидоша Новгородци противу ему три днищъ (вариант: днища), а инии всѣми силами устрѣтоша ѿ днище отъ Новгорода; Карамзин, Ист. гос. Рос., X, пр. 39 (1595 г.) за Омь рѣкою, ходомъ днища съ два; XI, пр. 30 выше Чать три днища... отъ Калмаковъ въ дву днищахъ, XI, пр. 90: отъ Тарковъ до Таркаловъ полднища. Это слово надобно отличать от *днина*, напр. в Ипатьевск. лет.: 131 и тако бишася крѣпко ту днину до вечера. Так как *-ище* означает и орудие, то некоторые слова с сим окончанием имеют смысл и места, и орудия, напр. *побоище*, слич. в Древ. рус. стих., 399: одно было побоище большая рогатина.

СЛОЖНЫЕ СЛОВА

G r i m m. Deutsche Gram., II, с. 405—985.

Сложение (*compositio*) есть совокупление двух понятных слов. Если соединяется более двух слов, то именуется *п р е с л о ж н ы м*¹ (*decomposita*). Могут слагаться имена с именами, именѧ с глаголами, частицы с именами и глаголами, частицы с частицами, но никогда глаголы с глаголами.

Отличие сложения от производства: а) то и другое состоит из двух частей, но в *п р о и з в о д с т в е* первая часть главная и яснейшая, вторая сама по себе темна; ударение стоит обыкновенно на первой части, а вторая может быть и из одной согласной. В *с л о ж е н и* и вторая часть важнейшая, первая же служит только определением последней: та и другая понятны; б) когда отнимается производная приставка, часто остается непонятный корень, напр. *стра-хъ*. Если производство в древнейшую эпоху своего начала состояло, как и сложение, из частей равно понятных, то законы производства древнее законов сложения. В этом отношении сложные слова подобны *ч у в с т в и т е л ь н ы м*, ясным производным; в) между корнем и производною приставкою не может быть флексии (исключения весьма редки); сложение же основывается на флексии первого слова.

Строго надобно отличать сложение собственное от *н е с о б с т в е н н о г о*. Формальный признак *с о б с т в е н н о г о* сложения состоит в том, что первое слово соединяется со вторым *с л а г а ю щ е ю г л а с н о ю*, отличною от всякой иной флексии. Эта гласная ясна в сложных словах славянских, греческих, латинских, готских, древненемецких, но в новом немецком уже пропадает. Тогда-то выступает *н е с о б с т в е н н о е* сложение, прилагающее первое слово ко второму флексиею, падежным окончанием, напр. *Tageslicht, Donnerstag* суть нечто иное как *Licht des Tages* (*lux diei*), *Tag des Donnergotts* (*dies Iovis*). Следов., чтобы узнать собственное сложение, надобно обратить внимание на то, можно ли привести в конструкцию первое слово со вторым. Сложение с частицами отличается тем, что не терпит слагающей гласной, вероятно,

¹ Этот термин заимствуют у Иоан. Екс. Болг., с. 169.

потому, что частицы в отношении к именам и глаголам легко приводятся в конструкцию как отдельные части.

Из новейших языков немецкий всех богаче сложными словами, потому то немцы обладают многими живыми поэтическими выражениями, которые вовсе непереодоимы на другие языки. За то сии последние превосходят немецкий словами простыми и средствами производными. *Пр о и з в о д с т в о* дает слову отвлеченный смысл, *с л о ж е н и е* совокупляет два специальных понятия, которые остаются оба живыми и ощутительными в нашем воображении. Сложение изящно тогда, когда группирует в один образ два понятия; не изящно же, когда одно понятие разделяет на два слова. В немецкой прозе уж слишком много сложных слов, в поэзии других народов их слишком мало.

После немецких наречий славянские самые обильные сложными словами. В древнейшей истории сложных слов славянских надобно отличать два периода: языческий и христианский. В первом исконное славянское сложение, во втором — через перевод Библии от греков к нам перенесенное. Первое нам родственно по народности, освященной многими столетиями, второе — по молитве и чувству благоговения.

1. Период языческий. Божества языческие древнеславянские называются уже сложными словами: *Стрибог* из *стри*, что значит по Юнгману «поветрие», „luft“¹, и *бог*, слич. о полк. Игор. *се вѣтри*, *Стрибожи внуци*; *Дажьбог* или *Дажьдѣбогъ*, из *даждь* и *богъ*, по объяснению наших летописцев, значит «солнце»: *Ипатьевск. лет.*, 5: *и по семъ царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ*; *ibid.*: *солнце царь сынъ Свароговъ, иже есть Дажьбогъ*. От этих слов образовались и прилагательные *Стрибожий*, *Дажьдѣбожий*, попадающиеся в *Слове о полк. Игор.* В глоссах *Mater. verb.*: *Radhost, Mercurius a mercibus est diclus Sytiwrat* (слич. санскр. *satyavrata*). *Saturnum pagani illum esse aiunt, qui primus ab Olimpo venit, arma Iovis fugiens. Suatouyt* (Святовит), *Ares, pellum, Maors*; одни производят это слово: *свѣто-видъ*, другие: *свято-витъ, святой Витъ*². *Velboh, Beal ydolom*: как персидский *Ариманъ* противопоставляется *Ормузду*, так и *Бѣлбогу* — *Чернобогъ*. Как имена богов, так и людей слова сложные: в языческой поэме, в *Суде Любуши*; *staglau* — *Стяглавъ* 22; *zutozlau* — *Святославъ* 40; *lutobor* — *Лютоборъ* 42; *ratibor* 44; *radouan* — *Радованъ* 46; *jarosir* — *Ярожиръ* 47; *strezibor* 48; *samorod* 49. Наши языческие князья носили сложные имена: *Святославъ*, *Ярополкъ*, *Владимиръ*. Древнейшие названия городов слова сложные: в *Суде Любуши*: *Вышеградъ* 31; у нас *Новгородъ*, *Царьградъ*. У Иоанн. Екс. Болг. (IX—X вв.) *Доброславъ*, *Родославъ*, *Добромиръ*, *Драгомиръ*. Уже Нестор обратил внимание на слова сложные; припомнить его наивное производство: *Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томъ и нарече*

¹ «Чешск. словарь», IV, с. 349.

² См.: «Чешск. словарь» Юнгмана.

й *Переяславль, зане пер ея славу отрок-отъ*, Лавр. сп., 87. Наши сложные имена теряются в незапамятной дали веков; очень многие в названиях лиц сходны с готскими, гальскими¹ и др. Так, уже в комментариях Цезаря попадаетея имя *Viridomar*, во втором слове которого, точно так же как в готских *Witimir, Britmar*, звучит подобное нашему *-миръ*. Слич. слав. *Радигостъ* с готск. и гальск. *Wisogast, Hadugast, Radagais* и т. д. Замечательно, что у готов нет сложных слов с *-славъ*. Со введением христианства, хотя и вошли к нам христианские имена, однако в народе был постоянный обычай, кроме крестного имени, давать и языческое, называвшееся мирским: *въ крещении Иосифъ, а мирьскы Остромиръ*, в Остром. ев., *имя ему въ святомъ крещеньи Георгій, а мирьскіи Игорьъ*, Ипатьевск. лет. 58; *и бысть имя ему въ крещеньи Борисъ, а мирьское Святославъ*, *ibid*, 93; *нарекоша имя ему Ростиславъ, а в крещеньи Иван*, *ibid*, 107. Но особенно любопытно, что мирское или языческое имя называется еще княжком: *и нарекоша имя ему въ крещеньи Андрѣянъ, а княжее Святославъ*, Ипатьевск. лет. 119. Этот обычай продолжался еще и в XVII в. Слич. в Алфавите рукоп. XVII в.: *прежде оубо словяне еще суще погани и немѣху книгъ понеже не разумѣху писанию. и того ради и дѣтемъ своимъ даяху имена якоже суть сия. богданъ, баженъ. второй. третьякъ и прочая подобная симъ яже нынѣ прозвища имянуются*, Восток, Оп. Рум. муз., 2. Для истории нарицательных сложных имен любопытны в Суде Любуши: *strebropeni — сребропѣнну* (воду) 11; *zlatopescu — златопещаную* (глину) 15; *strebroposne — среброносная Мжа* (река) 49; *praidodatne — правдодатные доски законы* 60, и др. Замечательно, что все эти сложные слова суть прилагательные и многие из них, как украшающие, поэтические эпитеты.

2. Период от времен перевода св. писания. Сюда относятся славянские сложные, переведенные с сложных греческих: *богоносецъ — θεοφόρος*, *богородица — θεοτόκος*, *свѣтодавецъ — φωτοδότης*, *сребролюбие — φιλαργυρία*, *вѣнценосецъ — στεφανοφόρος*, *единоборецъ — μονομαχος*, *единосушный — ὁμοούσιος*, *всесилень — παντοδύναμος*, *всеблагий — πανάγαθος*, *вседержитель — παντοκράτωρ*, *самолубецъ — φίλαυτος*, *самовидецъ — ἀντοπτης*, *иноплеменникъ — ἄλλόφυλος*, слич. множество слов сложных с *благо-*, перевод греч. ἐν-² и проч. Сложные слова грецизмы отличаются от сложных кореннославянских тем, что первые означают понятия отвлеченные, необходимые для религии и философии, последние же — живые поэтические представления.

Слагающие или соединительные гласные в славянском *о*, *е*, в греческом *ο*, в латинском *і*, в немецких древних наречиях *а*, *о*, *е*. Отношение синтаксическое между частями сложного слова зависит от смысла оных: так, одно и то же слово *само-*, сложенное

¹ Вельтман. Древние славян. собственные имена, в IV книге «Очерков России».

² Добровский. Instit. linguae Slav., с. 456 и след.

с -*видецъ, самовидецъ* есть определение: *сам видит*; а сложное с -*любецъ, самолюбецъ* есть дополнение: *любит самого себя*. Сложение может быть: 1) о п р е д е л и т е л ь н о е, когда первая часть определение второй: *долготерпение* — μακροθυμία, т. е. *долго терпение, Стародуб*, или вторая определение первой: *Волоколамскъ*, в Новог. лет.: 17 на *Ламьскѣмъ волоцѣ*; 2) д о п о л н и т е л ь н о е, когда первая часть дополнение второй: *сребролюбие* — *любить серебро*, или вторая дополнение первой, как греч. φιλαργυρία; 3) о б с т о я т е л ь с т в е н н о е, когда наречие или какое обстоятельство присовокупляется к имени, глаголу: *многосѣтлый* — πολύφωτος, *противоборствовать, междуусобие*. Эти синтаксические отношения в сложных словах могут столько же видоизменяться, сколько и в предложении: а) родит. предмета действующего или родит. подлежащего: *листопад* (по-старинному вм. *ноябрь*). В статье о книг. истин. и лож. (К а л а й д о в и ч. Иоан. Екс. Болг., с. 211): *воронोगрай, курокликъ, мышепискъ, стенощелкъ*, т. е. *листья падают, вороны грают* (кричат по-вороньи) и т. д. Слич. Слов. о полк. Игор.: *врани граяхуть*; б) дательн. отношения к лицу: *Богомилъ* (собств. имя), *огнепоклонникъ*, т. е. *мил богу, поклоняется огню*; в) творит. лица действующего: *Богданъ* — Θεοδοτος, в Др. р. ст., 408: *богоданная матушка*, т. е. *данный, -ая богом*; г) творит. орудия: *окомгъ* (Калайдович, Иоан. Екс. Болг., с. 211), *паровозъ, пароходъ, рукопись, очевидец*, т. е. *мигает окомъ, писана рукою или отъ руки*; д) движение и пребывание в пространстве: *мореходъ, водолазъ, путешественникъ, ухозвонъ* (Калайдович, ibid), т. е. *ходит по морю, лезет в воду, звенит в ухе*; е) время: *зимородокъ* (alcedo), *лѣторасль*, т. е. *зимой родит, летом вырастает*. Таким образом, всякое сложное слово разрешается предложением, а так как в предложении бывает только один глагол, то и не может слагаться глагол с глаголом.

К несобственному сложению относятся сложные слова без соединительной гласной, напр. *Царьградъ* (и *Цареградъ*), *жаръ-птица, братъ-сестръ* (в Остром. ев., л. 228) *хлѣбъ-соль*, собств. имя *Мсть-богъ* (Ипатьевск. лет., 156). Сюда же относятся сложные из целых выражений: собств. им. в Ипатьевск. лет., 163 *Держиславъ*; 168 *Толигнѣвичь*; 179 *Молибожичъ*; 181 *Завихвостъ*; 194 *Данило посла Костятина, рекомаго Положишила*; 200 *Желиславъ*; в Пск. лет., 42 *Байборода*; 217 *Федоръ Умойсягрязью*; 266 *Умылбородинъ, Келарь Терпигоревъ* и т. п. В старинных сложных словах надобно отличать такое сложение из целого выражения, как, напр., *Дажьбогъ*, от соединения двух слов без слагающей гласной, как *Стрибогъ*. Трудно решить, к первому или ко второму должны относиться: *Творимиръ* (Ипатьевск. лет., 100), *Владимиръ, Казимиръ, Ростиславъ* и т. п. Слич. греческие с повелительным наклонением, ἀγέ-λαος и ἀγεσί-λαος, ἀρχέ-λαος и ἀρχεσί-λαος. Таким образом, древнейший период сложения предлагает нам вместе с собственным сложением: *Ярополкъ, Святославъ* и несобственное. Как в немецком языке древнейшее собственное сложение перешло в не-

собственное, падежное, так и в наших древних памятниках попадает сложение несобственное, искусственное; напр. в Новог. лет., 24, Пск., 173, *кровипролитіе* вм. *кровопротііе*: это уже есть разложение сложного слова, равно как и *протііе крови*, Пск., 113. Слич. Новг. лет.: 84 *богумерзское служение*; Ипатьевск. лет.: 170, 185 *братучаде*, *братучадо*; Пск.: 175 *не учалъ добрахотѣти*.

В составных числительных сложение несобственное: *двѣнадцать* — два на десять, *тридцать* — тридесать, *пятьдесятъ* — пять десятковъ: *десять* род. множ.; следовательно, в старину и в народном языке, напр. в Др. русск. стих., правильно употребляются: 32, 412, *по пятидесятъ*; 87 *за тридесать* вм. *по пятидесяти*, *за тридесатью*; также и в Остромир. ев: *осмидесатъ*, *пятиждесатъ*. Замечательно сложение чешских числительных порядочных *jedenmicitma* — 21, *dvatemcitma* — 22 и пр. до 30, т. е. *один между десятма*, *два между десятма*: это есть остаток старинной славянской формы, попадающейся весьма редко, напр. вместо 24 в Черноризце Храбре: *четыры междедесатма*¹. Сложение с *пол*: *онполь*, *обонполь*, в Нов. лет.: *на друиы поль Днѣпра*, 3, 4 *погорѣ онъполь*; в Тульск. губ. *оба пола* (кругом). Слич. *полтора*, *полтретья*. Сложение числительных с *пол* в старину было весьма употребительно: *полпятьдесятъ* — 45, *полсемьдесятъ* — 65, *полдевяносто* — 85; *полшестой* — $5\frac{1}{2}$, *полосьмой* — $7\frac{1}{2}$ и проч.². Слич. в Новог. лет., 19 *полъпятадесать лѣтъ*, 104 *полъдрузынадцаты недѣли*.

ОБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ

Производство наречий тем замечательно, что в нем очевидно, как флексия перешла в образующее окончание. Большая часть наречий не что иное, как имена, оставшиеся неизменными в каком-либо одном косвенном падеже. Если бы мы исторически дознались, что первоначально все эти имена, теперь превратившиеся в наречия, легко могли склоняться, то наречие можно бы было признать древнейшими именами. По крайней мере, справедливо можем заключить, что: 1) в наречиях сохранились многие непонятные для нас корни; 2) наши местоименные наречия, вместе с местоимениями, сродны с наречиями и местоимениями древнейших индоевропейских языков; 3) корни многих слов в чистоте являются в образовании наречий; 4) сложные наречия иногда так исковерканны и тесно соединяют понятные нам слова, что в сложении мы их не узнаем; 5) иные наречия удерживают древнейшие формы окончаний, напр. двойственного числа, местного падежа; 6) по крайней мере в отно-

¹ Бодянский в «Ж. М. н. п.», 1843, июнь; Добровский. Inst. lingual slav, с. 339.

² Так назыв. «Русская книга» в Берлинск. библиотеке, см.: Строев. Описание памятн. славянорусск. литературы, 1841.

шении склонения и сложения с приставками мы должны приписать наречиям большую древность: другие слова мы можем по своей воле склонять и составлять с предлогами, наречия же просклонялись уже прежде нас; то, что совершается еще и теперь с именами, давно уже совершилось с наречиями. Таким образом, менее подлежа нашему самоуправству, наречия сохранили народный, живой характер: напр. *намедни, втѣпоры, вечорѣ, ночесь, лѣтось, вчерась, напoлы, навзничь, вразрѣзѣ, вобрѣзѣ, захлестѣ, ничком* и т. п. Значение наречий определяется синтаксическим отношением их к предложению, ибо все они стоят в каком-либо падеже, за исключением немногих, носящих на себе признак глагола, напр. *знать, чать* (Ломоносов: *каковѣ-то, молвилѣ, лукъ вѣ дождѣ чать повредилсѣ*), почти или *почитай, лишь* и пр. Отглагольные наречия, как, напр., *ливмя, стоймя* и др., хотя и соответствуют несколько деепричастиям *ляя, стоя*, однако причисляются к падежному образованию, означая творит. падеж. Гораздо более отличаются наречия, происшедшие от прилагательных, но так как и они употребляются одиноко, без своего существительного, и, следов., потеряли синтаксический смысл прилагательных, то и их можно рассматривать заодно с наречиями, происшедшими от существительных, за исключением степеней сравнения.

Образование наречий по падежам:

Родит. падеж: *однова* вм. *однажды*, из древнего *одного* или *единого*, попадающего уже в Русской Правде (Рус. достоп., II, 2); слич. в Никон. лет.: *Теодора же Никитича съ братьею и съ племянникомъ, со К. Ив. Борис. Черкасскимъ, приводиша не одиново* (не *однова*, не *единожды*) *ко пыткѣ* (И. Г. Р., XI, и пр. 149); *долу, низу, верху, вчера* род. от *долъ, низъ, верхъ, вечеръ*. в греч. ὄμοῦ (simul) род. от ὄμός, ἀγχοῦ (горе) от потерянного ἄγχος; ἑσπέρας, πρῶτος, от πρώτος, слич. с нем. *abends, vergebens*. lat *militiae domique*, вероятно, и *heri* род. от потерянного слова.

Дат. падеж: *кроме* от сущ. *крома*: Нест. по Лавр. сп., 29 *а сама отвидѣ кромѣ*; 40 *и рече Святославѣ, кромѣ зря*, т. е. в сторону; Воскр. сп., II, 17 *стояще бо кромѣ полѣковѣ*, т. е. вне; *долой, домой*¹, древние *доловь, домовь, домови*, греч. ἄλλη (aliter), καινῆ (communiter), дат. множ. лавτάλαδι (progrus); κομιδῆ (cura).

Винит. падеж: прилагательные наречия на *о*, каковы *лѣпо, долго, мало* (по Гримму, III, с. 126) и др., суть винит. средн. рода; *между, противу, выну* винит. от *межда, протива, вына* по Добровскому; впрочем, Востоков, в «Славянской хрестоматии» Пепинского, с. 255, почитает *выну* сложным из предлога *въ* и прилагат. женск. род. пад. ед. числа *ину*, сокращенного из *едину*, и сравнивает с крайнск. vednu, vednu; *вечор* винит. от *вечеръ*, греч. χαλόν (pulchre), μακρόν (longe), ταχύ (cito); ἀρχήν, τὴν ἀρχήν (ab initio, olim), λίαν, λίην (valde) винит. от неупотребительного существи-

¹ Едва ли справедлив Пухмайер, почитая *домой* род. множ. вм. *домов*, см. его „Lehrgebäude d. russ. Spr.“ (с. 197).

тельного имени, лат. *multum, parum*, (вм. *paucum*), *verum, ceterum, facile, impune*, вин. мн. женск. *foras (hinaus)*, как *foris* (dranssen) дат. мн. от потерянного прилаг. *forus*; сущ. *domum*. франц. *peu, moult* (древнее, теперь замененное существв. *beaucoup*), *tard, loin, haut, bas; toujours* (вм. *tous jours*).

Творит. падеж: прилагат. *худымъ: а худымъ вѣдь свои думушки думаютъ*, Др. рус. ст., 355. От прилагательных старинные существительные в твор. падеже: *пѣшкоу, нагишоу*. От древних существительных *точию* (от *точь*, слич. *точь вѣ точь*), *дыбомъ*. Отглагольные существительные в виде наречий: *живьемъ: а и хочеть Дуная живьемъ стравить*, Др. р. ст., 91, т. е. живого. Слич. отглагольные *стоймя, ливмя, волочмя* и др. с *вельми* от *вель*, *кольми* от *коль*: *кольми паче, весьма* от *весь*, *полма* (на *полю*, *пополам*); также наши с чешскими: *летомъ-летмо, стоймя-стоймо, тайкомъ — таймо, даромъ — дармо, искрадомъ* (Пск. лет., 227 258 вм. *украдкоу*) — *крадмо* сродны с лат. окончаниями: *raptim, furtim, statim* и проч. лат. творит. падежи: *primo, secundo, raro, vero*, (как др. нем. *giwisso* вм. *gewiss*), *continuo*.

Местн. падеж: *горѣ* от *гора*, *долѣ* от *долъ*, *внѣ* от *винит. вонъ* слич. в Новог. лет., 12 *всю извѣну украси*, т. е. наружность церкви.

Наречия сложные с предлогами: *вѣ*: Нест. по Лавр. сп., 37 *вборзѣ вѣзде на конѣ*, и во множ. числе в Нов. лет., 44 *поиде вѣбързѣхъ*; Др. рус. ст., 84 *вскраснѣ хорошо не ухожено; 126 и встрѣчу ей изъ Кіева грозенъ посолѣ*. По: Ипатьевск. лет., 220 *поскуду* (т. е. помалу); *ibid.* 205 *поправу, полѣву* (т. е. сторону или руку); Пск. лет., 150 *порану*; *ibid.* 174, *поразну*. Изъ: Пск. лет., 114 *искрѣпка*, припомнить выражения: *искрасна-желтый, изжелта-белый* и т. п. На: Пск. лет., 31 *наборзѣ*, вм. *вдругъ*. За: Др. р. ст., 106: *они думушку думали заединое, вм. заодно*. О: *опричь*, образовавшееся из *опрочь* (Пск. лет., 150) изменением *о* в *и*, в Ипатьевск. лет., 78 *проче серебра, проче камени дорогого*, вм. *кромѣ*; происходит от *прокъ*, что значит «остаток»; в Русск. Правде: *а прока ему жалѣти; а прокъ вѣлѣж* (дележ) (Рус. дост., II, 39, 49); Нест. по Лав., 31 *а прокъ ихъ остави платити дань*. Разложение наречий, составных с предлогами, любопытно потому, что указывает на многие замечательные старинные и народные формы: *около*: *коло-* корень нынешних *кол-ес-о*, (*одно*) *колка*, приставка в слове *коловратный, вкратцѣ*, цс. форма падежа; **вновь, вплавь, впопть, впрядь, вскачь, встарь** — слич. с существит. краткими *любь, сыть, поводь*; *вопреки* изменяется в *перек*, в нареч. *поперекъ* (а не *поперегъ*, как часто печатают, ибо *поперечникъ*) и в приставку *преко-*: *прекословить; наизусть*, с старинным словом *усть*: напр. в Новог. лет., 64 *на усть Невы*; некоторые неправильно печатают *наизусть*, полагая *усть* род. множ., зависящим от *из*; но из двух предлогов всегда управляет первый, а не второй.

Сложные наречия иногда так искажаются, что в теперешнем их виде никак не дознаешься, что они такое. Так, сложное *онимидни*

(на этих днях, недавно)¹ у сербов изменилось в *ономадне*, *piper*, *superioribus diebus*, у чехов *онду*, *ондуно*, *piper*, *peulich*; у нас в Вологодск., Яросл. губ. (Тр. Общ. люб. р. с., 1822, I, 1820, XX): *ономеднись*; потом начинает портиться или первое слово: *намедни*, или второе: *анамедь* (Тверск. губ.—Труд. Общ. л. р. с., 1820, XX), *ономнясь*, *анамнясь* (в Волог., Костром., Тверск.—*ibid.*, 1822, I, 1820, XX). Это наречие надобно отличать от *анагодни* (*оногодни*), изменившегося в *анагдась*, *надысь*, *надыся* (в Курск. губ.—*ibid.*, 1822, II). Теперь, чешск. *teprw*, *teprwa*, польск. *dopiero* происходит по Юнгману (IV, 575) от *пора*, что не совсем вероятно, ибо перво-бытная форма, частью сохранившаяся в чешск. и польск., была *топерво*: Ипатьевск. лет., 104 *топерво великъ полкъ назадъ идешъ*; в Арханг. губ. употребляется и поныне. След. старинное *втапоры* и употребляющиеся ныне *втупоры*, *втѣпоры*, и даже *втапоры* (напр. в Вологодск. губ.—Труд. Общ. Л. Р. С. 1822, I) не имеют связи с *теперь*². *Вдругорядь*, *вдругоридь*, сократившееся из *другой рядъ* или *другой рядъ* (Новг. лет., 112, Пск. лет., 152).

Кроме степеней сравнения, наречия выражают высшую степень повторением одного и того же корня: *мало-мальски*, *ночь-ноченски*, *скоро-наскоро*, *мелко-намелко*; в Др. русск. стих., 6 *позднимъ поздно*; 15 *доселева те слыхомъ не слыхать*; и *доселева видомъ не видать*; 182 *рано ранешинько*. Замечательная поговорка, выражающая степень: *не много не мало*; Др. рус. ст., 126 *братъ съ него дани, невыплаты*, «*не много не мало за двѣнадцать лѣтъ*»; *ibid.*, 52, 115. Сравнит. наречие *гораздо* происходит от прилагательного *гораздый*, которое теперь значит «умный, искусный», а прежде значило «хороший, прекрасный», напр. в Новогор. лет., 57 (о церкви) *горазда бо бяше и лѣпа*. Как наречия *най-*, *еле-* приставляются для означения степени, так и предлоги, которые тогда получают значение наречий, напр. в повести о разор. Трои: *надрумянъ, надъ-русь, просѣдъ, добра бровма нарусо* (Калайдович. И. Е. Б., с. 181—183).

Отрицание принадлежит наречию³. Во всяком противоречии есть уже и отрицание себе противоположного, напр. *хорошо* и *худо*, *молод* и *стар*, *гора* и *долина*, *любовь* и *ненависть*. Иногда эта противоположность выражается отрицанием: *не хорошо*, *не молод*, *нелюбье*. Но противоположность высказывает всегда более, чем отрицание: *не любезен* — слабее, чем *противен*, и *ночь* — более, чем *не день*, ибо между *любезным* и *противным* есть середина равнодушия, а между *днем* и *ночью* — *сумерки*, и это-то срединное состояние выражается отрицанием, а не противоположением. Всякая противоположность содержит в себе отрицание, но не во всяком отрицании противоположность. Каким же образом язык выражает

¹ Рейф производит от единственного числа: *ономъ дни*, Слов., I, с. 241.

² Это мнение обстоятельно объяснено в сочинении Дашкова «О легчайшем способе возражать на критику».

³ Гримм. D. Gram., III, с. 708 и след.

отрицание? Части противоположения равносильны друг другу, потому противоположное может выражаться особенным словом. В ином отношении стоит отрицание к своему положительному, оно подчиняется ему. Положительное — главное, отрицательное — его исключение. Всякое отрицание выходит из начала положительного и его предполагает. Положительное самостоятельно, отрицательное необходимо относится к положительному и ничего нового не выражает, а только видоизменение положительного. Это видоизменение выражается приставкою отрицательной частицы.

Отрицание может выражаться или гласным или согласным звуком: гласным, как, напр., греч. *οὐ*, согласным: в слав., нем. и лат. *н*: в греч. *μ.*, лат. *nōn* образовалось из *ne ūnit neŭn* (с отпадшим окончанием среднего рода): слич. древнейшие формы у Нония Марцелл. (ed. Spangenberg, с. 143): *носпит*, и у Лукрец. (3, 200, 4, 716): *непи*, вероятно, вм. *непит*, *поепит*. Точно таким образом и нем. *nein* образовалось из *ni ein*. Как у нас к глаголу *есть*, *еси*, *есть* прибавляется *н*: *нѣсьмь*, *нѣси*, *нѣсть*, откуда *нѣтъ*, так и лат. *nolo*, *nescio* с *ne*, или *negotium*, *negligo* с *nes* вм. *nesotium*, *necligo*; *nemo* из *nehomo*. Нем *nicht* произошло от готского сложного слова *nivaihts* (*nihil, res nihili*).

Отрицание может усиливаться или а) удвоением, составляющим характер славянского отрицания: напр., Пс. 75, 6: *не обрѣтоша ничтоже*; Острожск.: *не обрѣтоше ничесоже*; Венец: *nihil invenerunt*; в исправленном же: *ничтоже обрѣтоша*; или б) прибавлением к отрицанию изобразительного, живописного выражения: напр. *ничтоже*, *ни крошечки*, *ни наволось*, *не видать низги*, *низгиночки*. Новог. лет., 69: *и скота не оставита ни рога*, вм. *ничего*. В греч. отрицание усиливается словом *οὐδὲ* (объясняют: *sordes, quae sunt sub ungue, res vilissima*): *οὐδὲ γὰρ ἀποκρίνεσθαι* — *ни слова не ответить*. Подобное же изобразительное описание в лат. *nihil, nil*, из *nihilum* вм. *nehilum, a hilum*, по Фесту, значит „quod grano fabae adhaeret“, что соответствует нашему *ни зерна, ни макового зерна* и древн. нем: *nicht eine bōne*. Романские языки таким же поэтическим прибавлением образовали свое отрицание. Франц. *pas* есть *passum*: первоначально имело смысл более изобразительный, но впоследствии частым употреблением перешло в отрицание вовсе отвлеченное: *il ne dit pas* или даже и без отрицательной частицы: *pas si bête, pas un mot*. Равномерно и *rien* есть изменившийся вин. *rem, ren* (Rayn, I, с. 429); оно также стало употребляться без отрицат. частицы: *rien du tout*. Слич. нем. *nicht*, по-готски *vaihts* — вещь, как и фр. *rien*. И *point* теперь употребляется и одно: *point du tout*; между тем, означает „*punctum*“. Точно так же перешло в отрицание и *personne*.

С большей подробностью предлагаю статью о местоимении как средоточии и краеугольном камне многих грамматических форм.

ПРОИЗВОДСТВО МЕСТОИМЕНИЙ

Местоимения так, как и окончания, суффиксы и флексия, по большей части состоят из звуков плавных и текучих¹, именно из гласных: *и* (он, его, они); из придыхательных с гласными: *азъ, я* (*ia*) *язъ, ю* (*iy*), *сей, ихъ, ёуѡ, ego, je, ich*; из плавных с гласными: *онъ, ег, самъ*; язычных: *тѡ, той, тѡ, id, der*.

1-е лицо. *Азъ, язъ* одинаково с зендским *azēm*²: придыхательной *z* соответствует *h*: санскр. *aham*, от коего эолич. *ἐγών*, гр. *ἐγώ*, лат. *ego*; санскр. форма первобытнее, ибо *a* древнее звуков *e, o*. Русск. *я* от *язъ*, которое приняло звук *я* потому, что славянский язык не любит в начале слова звука *a*. Немецкое *ich* от готск. *ik*, сродного с *ego*; фр. *je* образовалось из древнейшей формы *jeo, jo*, кои произошли от *ego* через *eo, io*³. А придыхательная *ж* соответствует придыхательным *i, g*. Прочие падежи единственного и множественного числа образуются буквами *м, н*. *Меня* соответствует древнейшему *мл*⁴ с носовым звуком *л*, коим объясняется вставка *-ен-* в *м-ен-я*; слич. польск. *mje*, санскр. *tama*, готск. *teina*, греч. *μὲν* и проч. Замечательны падежи род. и предл. мн. *насъ*, в коем к коренной *н* придается придыхательная *с* вместо *х* (*нахъ*)⁵: это окончание есть древнейшее, одинаковое с санскр. *nas*, лат. *nos*. Во многих индоевропейских языках множественное число 1-го лица отличается корнем от единственного. Это объясняется тем, что *я* собственно не способно к принятию на себя множественного числа: ибо только одно *я*, и понятие *мы* содержит в себе не только меня, но и множество других неделимых различного рода⁶; отсюда возможность перехода 1-го лица во 2-е и 2-го в 1-е. Этим объясняется, почему двойственное число 1-го лица *ва, вѡ* образуется звуком *в*, выражающим 2-е лицо.

2-е лицо образуется звуками *т, в*. *Т* переходит в одноименные *th* и *д*, и в придыхательную *s*, отсюда готск. *thu*, нем. *du*, греч. *σὺ*. Окончание (*т*)-*ебѡ*, лат. (*t*)-*ibi* сродно с наречиями лат. *ibi* (местный падеж от *is*), *ubi*, с окончанием дательного падежа *-ови*: *сынови*, ибо звуку *б* соответствует *в* — напр. санскр. *tava* — тебя, а вместо *тебе* употреблялось и *тобѡ* (следов., еще ближе к окончанию *-ови*), от коего *тобою*. О множественном *васъ*, санскр. *vas*, лат. *vos* тоже, что и о слове *насъ*.

Образование возвратного *са, себя* тоже, что *та, тебя*. Придыхательному *с* соответствует *h*, отсюда греч. *ὄν*.

¹ Веcker. Organism der Sprache. 1841, с. 202.

² В о р р. Vergleichende Grammatic., с. 467.

³ Ampère. Histoire de la littérature française au moyen age. 1841, с. 101; Diez. Grammatic der romanischen Sprachen. 1838, II, с. 84.

⁴ Востоков в «Труд. Общ. люб. рос. слов.», 1820, ч. XVII, с. 42 и след.

⁵ Добровский. Etymologikon. 1813, с. 28 и 33.

⁶ В о р р. Verg. Gr. с. 472 Слич. в речи Бонна „Über einige Demonstrativstämme ... 1830, с. 9: „Bemerkit haben, das es nämlich von dem ich kein plural gebe, und das in dem Begriffe Wir meine Person nur unter mehreren a'isser mir liegend in Personen mitbegrifen sei“. 1830, с. 9.

3-е л и ц о. Для именительного единственного и множественного *онъ, они*, краткое от указательного *оный* и сродное с числительным лат. *unus* (древнейшее на гробе Сципиона *oinos*), гр. ἕν, εἷος (первоначально, вероятно, οἶνος), готск. *ains*. Все эти слова происходят от санскр. указательного *ana, êna*¹: этот санскритский корень в славянском языке удерживает то же значение, как и в санскрите, а в других языках изменяется в понятие *одинъ*. Переход указания к единичности весьма естествен, ибо указание есть не иное что, как определение предмета, исключение его из всех остальных, обособление его, как одного, на который обращается внимание. Слич. переход слав. *единъ* в нем. *jeder*. Остальные падежи образовались от древнего местоимения *и, я, е*. Замечательно, что как в славянском, так в санскр.² и лат. *i* есть корень местоимения 3-го лица и глагола *идти: и-ти, is, ire*. Лат. *ei* муж. род. переходит в *ей* женск., *iis* в *ихъ*³, ибо *s* и *x* — равные придыхания. Наш дат. множ. *имъ* сходен с готск. *im* род., женск. *ea* соответствует готск. *iĳa*, женск. винит., наш дат. ед. муж. и средн. соответствуют древне-нем. и древне-сакс. тоже дат. ед. муж. и средн. *imu*⁴.

Вопросительные местоимения начинаются тонкой гортанной, указательные — язычной. Это весьма естественно. Из всех звуков человеческого голоса способнейший к выражению вопроса в начале слова есть звук *к*, самый полный согласный, какой только может быть произнесен горлом. Звук гласный слишком неопределен, а губной не равняется силою с гортанным. Хотя *т* может быть произнесен с такою же силою, как и *к*, а твердо выговаривается: и потому он более способен к спокойному, положительному, указывающему ответу. *К* спрашивает, ищет, зовет; *т* указывает, находит, отвечает⁵.

Вопросительное *к: кой, кто, какой*: санскр. *kas (quis)*, лит. *kas (quis)*. В латинск. *qu* вм. *ku: quis, qualis quantus*. В греч. ионический диалект *к* вм. *п: κόςος, κόςος*. Лат. *qu* в готск. смягчается до *hu: huas (quis)*, др. нем. *huer*, из коего образовалось нынешнее нем. *wer* через опущение *h*. *Который, лóтерος* (вм. *καίτερος*), происходят от санскр. *kataras* сравнит. степени от *kas (quis)*: кто из двух. Образовательная форма *tara* в *ka-tara-s* и в других сравнительных происходит от корня *tr*, означающего «переходить, переступать», сродна с лат. *trans, terminus (als das Ueberschrittene)* и, вероятно, в *tra* в глаголах *in-tra-re, pene-tra-re*⁶. С этой же образующей формой лат. *uter, neuter, alter*, готск. *hua-thar*, кто из двух, от *huas* и наше второй. *Сколько*: с приставное придыхание к *коликій*; образующая форма *-олик, -елик* обща у этого слова с словами *т-оли-*

¹ В о р р. Vergl. Gramm., с. 429.

² В о р р. Vergl. Gramm., с. 106.

³ Д о б р о в с к и й. Etymologikon, с. 28.

⁴ G r i m m. Deutsche Gramm., 1822, I, с. 780.

⁵ G r i m m. Deutsche Gramm., 1831, III, с. 1.

⁶ В о р р. Vergl. Gramm., с. 389.

кйй, в-еликйй, она сложена из *ол-и-к, ел-и-к*, что видно из слов *к-оль, ст-оль, б-оль-ше, в-елий, еле*. Слич. санскр. *balin* сильно, *полѹ*, лат. *valde*, нем. *viel*.

От умягчения звук *к* переходит в придыхательный *ч*: *к-ого, ч-ой, к-ой, ч-ей*, ибо тонкому *е* соответствует *ч*, а твердому *о* — *к*.

Как 2-е лицо смешивает звуки *т* и *с*, так и указательное местоимение. Нашим *тѣ (тогѣ)* и *сей* в санскр. и готск. соответствует одно местоимение, содержащее оба наши корня *т* и *с* в своем неправильном изменении: санскр. ед. им. муж. *syas, sya*, женск. *syā*, средн. *tyat, tyad*; готск. ед. им. муж. *sa*, женск. *so*, средн. *thata*; сюда же должно отнести и греч. *ὁ, ἡ, το*, ибо густому придыханию соответствует *s*. *Этогоѣ*, может быть, вместе с *этакой, экой* происходят от *тогѣ, такой, кой* с приставкою *э*. Впрочем, не худо заметить, что и в санскр. есть *etad (istud.)*. Нем. *der, dieser* удерживают *d*, одноименный звук с *t*. Нем. *jener* относится к *онѣ, оний*.

Овий, овѣ, по-зендски *ova* — этот. Отсюда и греч. *αὐ* в *αὐ-τός, αὐ-οι*.

Замечательно соединение вопросительного корня с указательным, *к* с *т* в словах *к-то, такой*.

Притяжательные происходят от личных и возвратного изменением существительной формы на прилагательную. *М-ой, тѣ-ой* (первобытная тема 2-го лица *tva*, в санскр.), *св-ой* (тема возвр. по санскр. *Sva*); слич. греч. *σφός*, лат. *tuus, suus*, где первому *и* соответствует наше *в*. Притяжательные образуются из род. падежа: *так, лат. teus, tuus, suus* из *mei, tui, sui*; *неговѣ* из *него, ихний* от *ихѣ*, которое употребляется и притяжательно, как и *его*; провинциальное *ейный* от *ея*; *нашѣ, вашѣ* от *насѣ, васѣ*; а изменение в придыхательную *ш* (или *ж, ч*) означает в нашем языке переход от существительного к прилагательному.

Самѣ, означающее не только *ipse*, но и *solus*, сродно с готск. *sams unus* и *sama, samō idem*, с лат. *semel, similis, simul*, с греч. *ὁμός, ἄμα* и с санскр. *samas (gleich, ähnlich)*; слич. гр. *σύν, лат. сит*.

Весь, всякѣ, сербск. *svak*, санскр. *visva*, перс. *ves* — довольно и *bes* — много, греч. *πᾶς*; точно так, как лат. *ille* переходит в нем. *alles*, готск. *alls omnis*, древненем. *alles (anders)*, греч. *ἄλλος*¹; так и наше *весь* переходит в чешск. в *wsak* — *doch, tamen*. От местоимения *весь*² Юнгман производит существительное *весь* — деревня. *Весьма* от *весь*, как *вельми* от *вель*.

Каждый из *кыйждо, кѣждо, кождо* с приставкою прилагат. окончания *й* к образовательной частице *ждо*, которая изменяется в *жде*: *тожде (тождество — тожество)*, а звуку *жд* соответствует *ж*, следов., *жде* = *же*. Может быть, сюда же относится *-жды* в числи-

¹ В о р р. Vergl. Gramm., с. 550.

² „Slovník česko-něm“, V, с. 75.

тельных *дважды, трижды*. Союз *же* сроден с греч. $\gamma\epsilon, \gamma\alpha\rho$ ¹.

Безличные: нем. *man* вместе с *niemand, jemand* от *Mann*; фр. *on* (древне *от*) от *hot, hoto*; слич. лат. *neto* от *nehoto*².

МЕСТОИМЕННЫЕ НАРЕЧИЯ

Наречия места, времени, качества образуются из местоимений и особых корней, означающих место или время и стоящих в сродстве с местоимениями.

Н а р е ч и я м е с т а: вопросительные: *г-дѣ (к-дѣ), ку-да*; указательные: *з-дѣсь (с-дѣ); ту-да, сю-да*; с местоимен. *весь*: *всю-ду*; с числит. *оба*: *обою-ду*; с мест. *ин* и с частицами *не, нѣ*: *ин-дѣ, не-г-дѣ, нѣ-ку-да*. Частица *нѣ*, может быть, соответствует нем. *je*, из коей она образовалась приставкою *н*³: *je-tand, нѣ-кто*. *Д* означает отношение к месту. Во всей чистоте является этот корень в сложении с предлогами *на, по, за, пре*: *на-дѣ, по-дѣ, за-дѣ, пре-дѣ*⁴. В наречиях же этот корень склоняется: *да (ку-да)* род. или вин. падеж, за родит. говорит народное *от-ку-дава*; *ду (всю-ду)* местный падеж; *дѣ(г-дѣ)* также местный или дательный: потому кончится на *ѣ*; сюда должно прибавить употребляющееся в Украине *кудою*, в коем *-дою* твор. падеж⁵; *ду (обою-ду)* двойственное число род. и местн. пад. *Д* употребляется и в сравнительной степени, изменяясь в *жде*: *пре-жде*, по Добровскому⁶, сравн. степень от *пре-дѣ*. Это *д* сродно с греч. $\delta\epsilon\nu, \delta\epsilon$ в *лѣев, лѣбі*, с лат. *de* в *inde, unde*, с нем. *da* и, может быть, с корнем указательным *т*.

Вопросит. *ка-мо*, указат. *та-мо, та-мѣ, ся-мѣ* с мест. *ов*: *ова-мо*. *М* может быть объяснено⁷ дательным и местным падеж., как, напр., *то-му, о то-мѣ*.

Н а р е ч и я в р е м е н и; вопросительные: *ко-г-да*, указательные *то-г-да*, с местоимен. *е, ин, все*: *е-г-да, ино-г-да, все-г-да*. Частице *да* соответствуют лат. *-do* в *quando* и греч. *τε* вм. *лѣте, тѣте, ѳте, ѳллотѣ*. Наши наречия совершенно сходны с санскр. *kadā, tadā, sadā* и с лит. *kadā, tadā*. И у нас народ произносит *kada, tada*. *Да* Бопп⁸ объясняет сокращением санскр. *divā* (днем), как *nolo* из *nevolo*.

Н а р е ч и я к а ч е с т в а *т-а-кѣ, с-я-кѣ, к-а-кѣ, я-ко (і-а-ко)*. Качество выражается звуком *к*; потому он образует прилагательные для означения качества: *выс-о-кѣ, глуб-о-кѣ, шир-о-кѣ, вели-кѣ*. Точно так же указательное *т* в *косма-тѣ, имени-тѣ*.

¹ В о р р. Vergl. Gramm., с. 581.

² G r i m m. D. Gramm., III. с. 6 и 7.

³ П а в с к и й. Фил. набл.

⁴ Ю н г м а н. Чешск. слов., I, с. 323.

⁵ Ш и м к е в и ч. Корнеслов, I, с. 60.

⁶ «Гр. яз. сл.», I, с. 491.

⁷ В о р р. Vergl. Gramm., с. 595.

⁸ С. 613.

СКЛОНЕНИЕ

Местоимение *и, я, е*, приставляясь к другим местоимениям, делает их более определительными: так, *оный*, как указательное, определительнее личного *онъ*; *самый* определительнее краткого *самъ*. Поэтому в церковнославянском прилагательные усеченные, соответствующие греческим прилагательным бесчленным, могут назваться не определенными, а полные, соответствующие греческим с членом, — определенными. Марк, 8, 22: *приведоша к нему слѣпа τυφλόν*, а 23: *ѣмъ за роукѣю слѣпаго тоутиφλοу*¹.

Имена прилагательные и местоимения, кроме 1-го и 2-го лица, склоняются местоимением *и, я, е, его, ея, ему* и проч., напр.:

<i>с-ей (с-ій)</i>	<i>с-и-я</i>	<i>с-и-е</i>
<i>е-его</i>	<i>с-ея</i>	<i>с-его</i>
<i>с-ему</i>	<i>с-ей</i>	<i>с-ему</i> и проч.

<i>ч-е-й (ч-ій)</i>	<i>чб-я</i>	<i>чб-е</i>
<i>чб-его</i>	<i>чб-ея</i>	<i>чб-его</i>
<i>чб-имъ</i>	<i>чб-ею</i>	<i>чб-имъ</i>
о <i>чб-емъ</i>	о <i>чб-ей</i>	о <i>чб-емъ</i>

Винит. женск. *сам-ое* (как *ее*) и *сам-у-ю* (как *ю*)

<i>син-и-й</i>	<i>син-я-я</i>	<i>син-е-е</i>
<i>син-яго</i>	<i>син-ія</i>	<i>син-яго</i>
<i>син-ему</i>	<i>син-ей</i>	<i>син-ему</i>
<i>син-имъ</i>	<i>син-ею</i>	<i>син-имъ</i>
о <i>син-емъ</i>	о <i>син-ей</i>	о <i>син-емъ</i>

Множественное число

<i>с-и</i>	<i>чб-и</i>	<i>син-и-е, син-и-я</i>
<i>с-ихъ</i>	<i>чб-ихъ</i>	<i>син-ихъ</i>
<i>с-имъ</i>	<i>чб-имъ</i>	<i>син-имъ</i>
<i>с-ими</i>	<i>чб-ими</i>	<i>син-ими</i>
о <i>с-ихъ</i>	о <i>чб-ихъ</i>	о <i>син-ихъ</i> ²

Если слово оканчивается на *-ый* вм. *-ій*, то мягкие изменяются в твердые: *добр-аго, добр-ому, добр-ыми*. На склонении по местоимению *и, я, е* основывается окончание имен. множ. имен прилагательных для муж. рода на *е* вм. древнего *и*: *добры-е (добры-и)*, для женского и среднего на *я*: *добры-я*; равномерно и употребление *ѣ* в местоимениях: *ч-ѣмъ, к-ѣмъ, т-ѣмъ, вс-ѣмъ* (вм. *-имъ*: *и* переходит в *ѣ*); *т-ѣ, т-ѣхъ, тѣ-ми вс-ѣ, вс-ѣмъ, о вс-ѣхъ* и проч. (вм. *-и, -ихъ, -имъ*). В местоимении *этотъ*: *эт-и, эт-ихъ, эт-имъ* и пр. сохранилось правильное, первобытное склонение.

¹ Добровский. Гр. яз. слав., III, с. 16.

² Следы местоимений заметны и в склонении существительных: *вод-ою, земл-ею, цар-емъ, цар-ямъ, цар-ями, о цар-яхъ*. У И. Екс. Болг.: род. ед. *человѣковъ, жена, естество* от сущ. *человѣкъ, жена, естество*.

Таким образом, наши склонения образованием своим несколько не противоречат склонениям немецким и французским. У нас местоимение входит в состав слова на конце оногo; во французском и немецком склонениях местоимения (члены) отпадают от слова и ставятся отдельно перед онымъ. У нас местоимения изменяются флексиею, у французов приставкою предлогов: *de la, à la*; а предлог и флексия падежа в этом случае одно и то же.

СПРЯЖЕНИЕ

Местоимения столько же необходимы и в спряжении, составляя личную флексию. В личных окончаниях глагола содержатся корни местоимений.

1-е лицо. Характером 1-го лица единств. и множ. числа звук *м*, корень местоимения 1-го лица: единств. *ес-мь* (древн. *ес-ми*), лит. *es-mi*, готск. *im*, лат. *su-m*, греч. εἰ-μί, ἐμ-μί (вероятно, из ἔσ-μί), санскр. *as-mi*; множ. *ес-мы*, лат. *su-mus*, гр. ἔσ-μεν, ἔσ-μεσ, санскр. *as-mas*; *да-мы*, лат. *da-mus*, гр. δίδω-μεσ, санск. *dad-mas*. Двойственное же число 1-го лица вместо *м* имеет *в*, что зависит, как сказано выше, от перехода 1-го лица во 2-е во множ. или двойств. числе: напр. нем. *wir*. Окончание двойственного изменяется по родам: *-ва* муж., *-вѣ* женск.: *ес-ва, ес-вѣ. Да-де-ва*, лит. *duda-va*, санскр. *dad-vas*. Окончание 1-го лица единств. на *-ми* есть первобытное; оно сохранилось в греческ. глаголах на *-μι*: δίδωμ-ι, ἴδτημ-ι, в лат. *inquā-m, dābā-m, placē-m* вовсе утратилось; в нашем *ес-ми* оно сохранилось вполне, а в других древнейших глаголах только вполнину, заменившись мягкою *ь*: *я-мь, вѣ-мь, да-мь*; корни этих глаголов *яд-*, *вѣд-*, *дад-* сохранились в санскр. полнейших формах 1-го лица: *ad-mi, vêd-mi, dadâ-mi*. К древнейшим же формам относятся сложные глаголы *снѣ-мь* и *има-мь*. Конечное *и* вовсе потеряло следы в теперешних *да-мѣ, ѣ-мѣ*; сюда относится и польская форма на *-m*: *dziala-m, czyta-m*. Следовательно, у нас три формы 1-го лица с *м*: *-ми, -мь, -мѣ*. В глаголах с 1-м лицом на *-у, -ю* первоначально видно было присутствие личного корня, ибо 1-е лицо вм. *у, ю* оканчивалось на носовое ж: *идж; пишж*, по-польски *idę, piszę*¹. Замечательно, что глаголы древнегерманские имеют окончание 1-го лица, одинаковое с нашим: *waltu* (impero), *sizu* (sedeo), *lizu* (lego) и проч. Окончание прошедшего *-х* нельзя считать местоименным, производя от нем. *ich* или лат. *ego*, ибо это *-х* присутствует и в остальных лицах, измененное в *с* и *ш*: *несо-хѣ, несо-с-те, несо-ша*; скорее можно сравнить это окончание *-хѣ* с греческим *-σα*, напр. в ἔλυ-σα².

2-е лицо. Для единственного числа *с*, соответствующее корню 2-го лица *т*, напр. греч. συ; для двойственного и множественного — *т*: *еси*, лит. *es-si*, готск. *is*, лат. *es*, греч. ἔσ-σί, из коего

¹ Востокова в «Труд. Общ. люб. рос. слов.», 1820, ч. XVII, с. 42 и след.

² В орр. Предисловие ко второму отделу «Сравн. грам.».

потом *eīs*, санскр. *asi*; *da-cu*, санскр. *dadâ-si*; *я-cu*, санскр. *at-cu*; в *ѣ-си*, санскр. *vêt-si*, снѣси. Прочие глаголы *-cu* изменили в *-ши*: *пие-ши*, *живе-ши*. Позднейшая форма сокращает *и* в *ь*: *живе-шь*. В лат. *dedi-sti*, *steti-sti* сохранилось *t* во 2-м лице ед. числа; равномерно и в греческих ἦσθα οἶσθα, но вообще 2-е лицо ед. греч. глаголов кончается на *c*; δίδω-ς, ἔχει-ς. Двойств. число 2-го лица: *стои-та* (*тѣ*), греч. ἴστα — ἴον, санскр. оканчивается на *-tas*. Множ. 2-го лица: *ес-те*, лат. *es-tis*, гр. ἔσ-τε, санскр. *as-tha*, *s-tha*.

3-е лицо образуется корнем указательного местоимения *t*: *ес-ть*, лит. *es-ti*, лат. *es-t*, гр. ἔσ-τι, санскр. *as-ti*. Как в 1-м лице наших глаголов мы заметили три формы: *-ми*, *-мь*, *-мѣ*, так в 3-м замечается тот же порядок, первобытная формы *-ти*: санскр. *as-ti*, греч. ἔσ-τι; потом *-ти* сократилось в *-ть*: *ес-ть*; наконец потерялся след звука *и*: лат. *es-t*. Древнейшие глаголы: *яс-ть* (вм. *яд-ть*); санскр. *at-ti*; *вѣс-ть* (вм. *вѣд-ть*), санскр. *vêt-ti*; *дас-ть* (вм. *дад-ть*), санскр. *dadâ-ti*. Нынешняя форма утратила и *ь*: *ѣс-ть*, *дас-ть*. Двойственное число: *ес-та*, гр. ἔσ-τόν, санскр. (а) *s-tas*. Множественное число в 3-м лице отличается от единственного вставкою *n* перед *t*; это *n* теперь не слышно в наших глаголах, но в древнейшую пору в них присутствовало, что видно из окончаний *-жть*, *-аъ* с носовыми *ж*, *а*; слич. древнейшие *иджть*, *пишжть*, *творятъ*, *хвалятъ* с польскими: *idq*, *piszq*, *tworzq*, *chwalq*. Итак, древнеслав. *сжть* (санть), нем. *sind*, лат. *sunt*, греч. (s)ενῖ, санскр. *santi*. Теперь мягкое окончание *-ь* отвердело в *ѣ*: *творятъ*, *идуть*.

ЗНАЧЕНИЕ И РАЗДЕЛЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

Самый общий род, под коим стоят все существительные, есть бытие или нечто: первое происходит от глагола *быть*, второе местоимение. Отсюда самое общее предложение будет *нечто есть*; оно же и самое неопределенное. Все существительные являются ближайшим и частнейшим определением местоимения *нечто*; все глаголы — определения глагола *быть*. Потому всякий предмет, нам неизвестный или не хорошо нами рассмотренный, мы называем *нѣчто*; потому всякое действие, напр. *ходитъ*, *делаетъ* предполагает уже в себе и глагол *есть*: оттого в будущем времени или в прошедшем описательном глагол вспомогательный *быть* соединяется с другими глаголами: *буду ходить*, *будешь делать*, *еси сотворил*, *есть создал*. Как глагол вспомогательный, кроме связи, имеет значение бытия, так и местоимения, кроме понятия флексии в именах и глаголах, имеют и свое собственное, самостоятельное значение.

Местоимения, с одной стороны, обозначают предмет или свойство — вообще¹: *нѣчто*, *онъ*, *это* — предмет вообще; *такой-то*, *нѣ-*

¹ Беккер видит в местоимениях только одну форму для склонений и спряжений, рассматривая местоимения как отпадшие окончания имен и глаголов: потому и не признает в них производства; как во флексиях, смотр. „Organism der Sprache“, с. 200 и след. Я гораздо шире распространяю значение местоимений.

который — свойство вообще; с другой стороны, выражают личное отношение говорящего к предмету: отсюда необходимость личных местоимений. Говорящий или не знает предмета, свойства, количества и спрашивает об оных: *кто, что, какой, который, сколько?* Или оставляет свое неведение без вопроса: *нѣчто, какой-то, нѣкоторый*. Или является равнодушен к предмету речи: *что-нибудь, какой-нибудь*, т. е. для него все равно, то или другое, тот или другой. Или отрицает: *никто, никакой, никоторый*. Или указывает и притом на ближайшее от него: *сей*, на отдаленнейшее: *тотъ*. Или сильнее определяет указанное: *этотъ самый, я самъ*. Или связывает два предложения: *не знаю, что завтра будетъ*.

В речи каждое слово, как живую душу, проникнуто личностью говорящего; потому местоимения являются спутниками имен и глаголов в склонении и спряжении. Как личное окончание глагола оживляет действие, придавая ему двигательную силу лицом действующим, так и член или падежное окончание придает всякому имени личное воззрение говорящего, который или не определяет предмета и придает ему член неопределенный, или указывает на оный и ясно определяет, придавая член определенный. Местоимение как знаменатель склонения соединяется в своем служении с предлогом, а как связь предложений — с союзом. Определительные *самый, весь* выражают степень сравнения: *самый покорный, всепокорный*. Все наречия суть не иное, что как ближайшее и частнейшее определение местоименных наречий *гдѣ, когда, как* и проч. К местоимению, как к средоточию, сходятся все части речи и пользуются его служением.

Основные и первобытные местоимения суть личные. Так как речь началась разговором между двоими, то необходимо было означать лицо говорящее, лицо слушающее и предмет разговора. Разговор между лицами идет вопросами и ответами: отсюда самый естественный переход от местоимений личных к вопросительным и указательным. Живое разговорное начало удержалось и в связи предложения придаточного с главным местоимениями *то — что, тот — кто, такой — какой* — *какой*, из коих первые указательные, последние вопросительные. Как вопрос стоит в зависимости от ответа, так и придаточное предложение от главного. Потому-то местоимения вопросительные и относительные одинаковы.

Числа и роды обозначаются или окончаниями, или членами, т. е. местоимениями. Поелику в разговоре между двумя лицами постоянно содержится отношение между двоими, потому в древнейших языках присутствует двойственное число. Следовательно, понятие чисел непосредственно соединяется со 2-м и 3-м лицом местоимений, ибо говорящий с слушающим составляет пару, а все остальное, подлежащее разговору, является во множестве¹. Как числительные *один (un, ein, санск. апа), другой* переходят в местоимения,

¹ Wilh. v. Humboldt. Über den Dual. 1828.

так и число означается или числительными, или членами и флексиею, находящимися в связи с местоимениями.

Участие членов или местоимений в различии родов очевидно. Впрочем, надо заметить, что источник родовых понятий содержится не в местоимениях, а в самих существительных, местоимение только дает форму того или другого рода.

ИСТОРИЯ РУССКИХ МЕСТОИМЕНИЙ

Для истории славянских местоимений мы имеем начала в «Грамматике...» Добровского, чем, вероятно, всякий и пользуется. Для истории же русских местоимений предлагаю малый эпизод о местоимениях «Древних русских стихотворений», с некоторыми прибавлениями.

Местоименное окончание в полном прилагательном удлиняется: *-ихъ, -ыхъ, -имъ, -ымъ* вм. *-ихъ, -ыхъ, -имъ, -ымъ*: *по высокимъ горамъ*, 303; *краснымъ золотомъ*, 293; *по пятьдесятъ гребцовъ — воровскихъ казаков*, 318¹. Сличить древнеславянские окончания прилагательных на *-ааго, -ууму* также в Остромировом евангелии (от Матфея, XXV, 8, от Марка, XVI, 13): *мъдримъ, прочимъ*. В Ипатьевск. лет.: 205 *иныхъ князій*; 224 *съ прочими рѣчьми*.

Родительный падеж местоимений женского рода единственного числа имеет правильную продолженную форму, как в церковнославянском языке: *своя* вм. *своей*, *тыя*, *тоя* вм. *той*: *ради корысти своя*, 109; *со тыя горы со высокія*, 210; *изъ тоя Карелы богатыя*. Здесь и местоимения, и прилагательные правильно оканчиваются по местоимению *ея*. В параллель с этой цс. формой идет русская для винит. единств. женск. *тое* вм. *ту*: *на тое княгиню новобрачную*, 97. Форма *тое* совершенно правильна, ибо подходит под общий закон склонений, т. е. склоняется по винит. женск. *ее*.

Краткая форма личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного, сходная с цс. *мя* вм. *меня*, *тѣ* (*ти*), *те* вм. *тебѣ*, *се* вм. *себѣ*: *не кому у тя помолитися*, 70; *али тѣ Никитѣ мало можется*, 330; *а самъ се молодець размышляетъ*, 308; *благослови мя отче*, 400.

В склонении 3-го лица любопытно опущение благозвучной приставки *н*, т. е. *на его* вм. *на него*, *на ее* вм. *на нее* и т. д.: *а и черезъ его только топоръ подать*, 170; *а и буйны вѣтры не вихнуть на ее*, 87; *что много трудовъ за ихъ положилъ*, 176. В противоположность этому употребление притяжательного *его* с *н*: *въ него мѣсто*, Ипатьевск. лет., 226.

Некий точно так как *ничто* разделяется предлогом на приставку и корень: *нѣ в кое время пригожуся тебѣ*, 217; *еще нѣ въ кое время пригожусь я вамъ всѣмъ*, 307. Слич. в Хлебн. и Ерм. рук. *нѣвкоемъ мѣстѣ*, Ипатьевск. лет., 217.

Указательное *тотъ, та, то* подобно греческому члену в древнюю

¹ В древн. стихотв. это удлинение, вероятно, для стихотворного ладу, ибо в стихирах даже позднейших столетий удерживаются древнейшие *-ааго, -ыхъ, -имъ* и др. для продолжения нот, см. «Румянц. муз.» Востокова, с. 650.

пору употребляется как указание и как член: *и сѣлѣ на палаты бѣлокаменны, на тѣ на палаты царскія, къ то му царю Индѣйскому и на то окошечко косящатое*, 49; *безѣ бою, безѣ драки великія, и безѣ того кроволитія напраснаго*, 244; *мало время позамѣшавши несутъ Тугарина Змѣевича на той доскѣ красна золота*, 188. Эти местоимения здесь вовсе не указывают на такие предметы, о коих было уже сказано, ибо прежде о них не говорилось ни слова.

Окончания *-атъ, -етъ*, прибавляемые к существительным и прилагательным, означают подобное же определение, соответствующее члену: *схватил его медвѣдь-атъ*, 400; *как будетъ лѣтній-етъ день въ половинѣ дня*, 327. Это окончание можно объяснить — или сокращением частицы *то*, очень часто приставляемой у нас к концу слов, или новоболгарским членом: *подданныцигѣ, десятата часть, на время дѣтинскіагѣ возрастѣ*. Слич. у Нестора: *сдѣлаша градокошь*, по Лавр. сп., с. 13; *и пойду въ грод-ось*; с. 30; *холм-отъ*, отрок-отъ, там же, с. 48, 87.

Местоимение 3-го лица ставится вместе с тем словом, которое оно должно бы заменить: *а втапори Волхъ о н ѣ догадливъ былъ*, 47; *доселева Рязань о н а селомъ слыла*, 345; *о н а тѣмъ узда дорога*, 33; *а втапори Терентъище о н ѣ жены своей слушался*, 15; *которы молодцы о н и поглавнѣ, срѣзали чембуры шелковые*, 144. Таковое употребление личного *онъ* следует отличать от стоящего с приложением, например, *только я Владиміръ князь холостъ жожу*, 86, ибо во всех вышеприведенныхъ примерахъ *онъ* употребляется как личная прибавка к сказуемому. Подобное же употребление местоимения в некоторыхъ американскихъ языкахъ, напр.: *Иванъ о н ѣ любитъ Петра*¹. Слич. Пск. лет.; 198 *и о н и нѣмцы учали бити челомъ государю*; Котошихин: *2 о н ѣ же бояринъ прииде к царю*; *ibid.* 52 *посольскихъ и х ѣ дворянъ верстаютъ на три статьи*. Также и притяжательное местоим.: *ibid.* *въ домахъ и х ѣ боярскихъ учинены прикази*; Даниил заточн.: *образъ т в о й государевъ красенъ* (Пам. лит. XII в., с. 233).

Употребление относительного *который* сходно с латинским. Оно ставится вместе с тем словом, к которому относится: *и въздѣвалъ на себя шубу соболиную, к от о р о й ш у б ѣ цѣна три тысячи*, 59; *за рѣку онъ броду не спрашиваетъ, к от о р а рѣка цѣла верста пятисотная*, 23. Так как и вопросительное и относительное употребление местоимения *который* должноствовало произойти от одного и того же начала, то ничего нет странного, что некогда относительное *который* ставилось рядом с своим существительным, как теперь вопросительное: *который час?* И ныне в деловыхъ бумагахъ для большей ясности при относительномъ *который* иногда ставится его существительное. Связь этого местоимения с своим существительнымъ такова, что существительное даже и упоминается не в главномъ предложении, а только в придаточномъ вместе с *который*: *при-*

¹ „Mithridates“, ч. III, отд. III, с. 397; Becker. Organism der Sprache, § 51.

казалъ казнить и вѣшати, которыя мужики были главные въ Угличѣ, 265 вм.: техъ мужиковъ, которые были. Потому такое придаточное легко можетъ стоять передъ главнымъ, ибо существительное в придаточномъ: и которыя старцы при церкви живут; даетъ золотой казны не считаючи, 174 вм.: старцамъ, которые при церкви живут, даетъ. Иногда в главномъ стоитъ местоимение 3-го лица: а которыя остались люди похужѣ, на другой сторонѣ въ такуюжъ они пещеру убиралися, 115. Иногда придаточное предложение с местоимениемъ который присовокупляется к главному союзамъ что, да: возьми ты дѣвушку поваренную, поваренную, что которая хуже всѣхъ, 342; вздѣлъ на себя шубу соболиную, да котора шуба в три тысячи, 58. Пользуясь такой свободой, местоимение который относится у нас и к прилагательному, от существительного происшедшему, становясь с существительнымъ, от коего произведено прилагательное, напр. Котошихин: 57 (покупають) также и на товарныя деньги, которыя товары продають у Архангельскаго города; *ibid.* 58 дается на церковное строение, которыя церкви бывають разорены. Местоимение который столь же древне в славянскомъ языкѣ, как и *иже*, ибо употребляется в Остромировомъ евангелии: котора аго же отъ васъ оцъ въспросить снѣ свои хлѣба. еда камень подасть ему, Луки, XI, 11. Оно отличается от *иже* темъ, что до сих пор сохраняет в своемъ значении малый остатокъ сравнительной степени, означая избрание из двухъ или несколькихъ: котораго возьметъ за руку, изъ плеча тому руку выломитъ, 254; тамо татара просто стоять, и которыхъ висячихъ всѣхъ оборвалъ, 259. А местоимение *иже*, *яже*, *еже* означаетъ связь¹, ибо состоитъ изъ личного местоимения *и*, *я*, *е* и союза соединительнаго *же*. Сейже употребляется такъ же относительно, как и *иже*: и поставя мя среди поля, се же бѣше полно костей человѣческихъ, Іезек., 37, 1. В Краледворск. рукописи: 14: *Wlasti na zachodie w siech ze wlastech luda mnoho ziue* (= власти на заходе (области на западе), в сихъ же властяхъ люда (людей) много живет).

Возвратное *себя* в древнихъ стихотворенияхъ означаетъ отдельность, исключенность, сосредоточенность предмета в себѣ самомъ; потому *по себѣ* значитъ «отдельно»: голова его по себѣ лежитъ, руки ноги разбросаны, 292. При глаголахъ это местоимение выражаетъ отдельное, сосредоточенное в предметѣ действие: думаетъ себѣ разумомъ своимъ, 96; а самъ се молодець размышляетъ, 308; а и сталъ тѣ то рѣчи размышляти собою, 286. Слич. Ипатьевск. лет.: нача собѣ думати, 206; тако собѣ во сердци мысля, 206. Потому слово *особа* прекрасно выражаетъ понятие неделимого, в себѣ самомъ сосредоточеннаго и отдаленнаго отъ всего прочаго. Слич. Нестора, по Лавр. сп. *полянномъ же жившимъ особѣ*, 4. Но в Кенигсб. сп. 7 уже: *полянномъ же живущимъ особѣ. волнамъ вельямъ вѣставшимъ засобѣ*; Лавр. сп. 14 *особѣ* вм.

¹ Гумбольдт. *Über die Kawi-Sprache*, с. ССХСIII.

особенно, напр. в Новгор. лет. 51 — *птица -о с о б я щ а я с я на здѣ*, Псал., 101, 8, *на особицу* вм. *особливо* в Др. русск. стих. 4 *быша в нихъ усобицѣ*, Нестор, 12. Имена, глаголы и прилагательные, происшедшие от местоимения *собѣ*, ясно указывают, что местоимения выражают не только отношения или формы, но и понятия¹.

Многие глаголы принимали возвратное *ся*, которого ныне не терпят: *выступался туто старой Бермята Васильевичъ*, 159; *из той скамьи богатырския выступается Иванъ гостиный сынъ*, 55; *постоялся турецкий царь*, 311; *а и втапоры ему бошлыки не отказывалися*, 268; *зздорилася баба Горынинка*, 361; *она ходитъ лукавится*, 416; *онъ думался не продумался*, 343; *втапоры доложился о томъ большой есаулъ Стафій Лаврентьевичъ*, 110, 111; *скажитесь, какъ васъ по имени зовут*, 187. Многие из этих глаголов могут быть употреблены и теперь. Напротив того, иные глаголы, ныне употребляемые с возвратным *ся*, не имели оногo: *лѣвая нога его по скользнула*, 62; *подымавши они богу молятся*, 231, т. е. *подымавшись*; *она плачетъ дѣвица убиваючи*, 304, т. е. *убиваючись*. Особенно любопытно употребление так называемых общих глаголов без *ся*: *надѣючи на свою родимую матушку*, 152. В глаголах безличных возвратное местоимение *ся* играет едва ли не главную роль: *али тѣ Никитѣ мало можетсяя*, 330; *со полуночи Никитичу не уснется*, 64. Так как *ся* должно относиться к подлежащему, на которое обращается или к которому относится действие, то надобно предположить в этих безличных глаголах подразумеваемое подлежащее, и к нему-то обращается возвратное *ся* или даже, можно сказать, в себе самом его содержит. Страдательный залог выражается и формою действительного с возвратным местоимением: *велѣтъ ихъ разослать по квартирамъ, до того часу, когда спросятся*, 119. По Иоан. екс. болг.: *Христосъ распинаетсяя, каменіе распадаетсяя* — страдательного залога. И греческий страдательный есть не иное что, как возвратный: *τυλτο-μαι* не иное что, как *τύλτω-με*². Чтобы отличить возвратный залог от среднего и страдательного, в русском языке употребляется *себя* вм. *ся*: *явился* — средний залог, *явилъ себя* — возвратный; *назывался* — средний и страдательный, *называлъ себя* — возвратный; напр.: *одинъ Марко Ефесскій явилъ себя достойнымъ служителемъ Христовымъ*, Кар., Ист. гос. Рос., т. V, с. 289.

Особенности некоторых местоимений. Вместо *друг с другом* — *друг с дружкой*: *другъ съ дружкой простится*, 248. *Всякий* вместо *каждый*, когда при существительном есть обозначающее какое-либо выражение, напр. предлог *по*: *всякаяя стѣнка по десяти рублевъ*, 23, 204, *а на всякой тычинкѣ по макотѣ*, 355. В употреблении не надо смешивать *всякий* и *каждый*: *каждый* предполагает — поодиночке, *всякий* — все. *Свой* с

¹ Против Беккера.

² Вескер. Organism der Sprache, с. 88.

прилагательным окончанием *-ский* получает значение качества: *не зи с в о й с к о й к у р с ъ т ы х в а т а е ш ь с я*, 331, т. е. не по твоим он силам и достоинству.

Любопытно, как многие древнейшие формы мало-помалу изменялись: так, род. жен. *тыя, тоя* в *тое*: Ипатьевск. лет., 213: *т о е ж е з и м ы*, следов., и прилагательные на *-ые* или *-ое* вм. *-ья, -я*. Ипатьевск. лет., 54: *изъ рускые земли*; *ibid*, 220: *одиное воды*; Пск. лет., 18: *т о е ж ъ о с е н и*; 22: *т о е в е с н ы*; 221: *отъ т о е м о л ы*; Никон. лет. в Ист. гос. Рос., X, пр. 6: *т о е ж ъ н о щ и*; Ист. гос. Рос., XI, пр. 36: *т о н а ш а б о л ь ш а я п р а в д а*; *т о е б о л ь ш е у н а с ъ н е ж и в е т ъ*; в Древ. рус. ст., 33: *т о е у з д ы*; 227: *с в е р х ъ т о е р ѣ к и Ч е р е г и*. И наоборот, винит. жен. на *-оя* вм. *-ю, -ю, -ое*: Древ. рус. ст., 349: *н а ш е л ъ в п а л а т а х ъ у з м ѣ щ а с ь с в о ю о н ъ л о б и м у ю т е т у ш к у*, *т о я т о М а р ь ю Д и в о в н у*. И в прилагат. *-ья, -я* для жен. дат. пад.: 349 *к о м а т у ш к ѣ р о д и м ы я с в о е й*; 96 *п р и ѣ х а л ъ к ѣ ц е р к в и с о б о р н ы я*; 50 *п о л е т ѣ л ъ к о с в о е й д р у ж и н ѣ х о р а б р ы я*. Предл. пад.: 213 *а и с а м ъ в ѣ д о б ы ч ѣ б о г а т ы р с к і я*, 283 *с и д ю ч и в б е с ѣ д ѣ с м и р н ы я*; 175 *и с т о я т ъ н а п р и с т а н и к о р а б е л ь н ы я*.

О РОДАХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

G r i m m D. Gr., III, с. 344—563

Естественный род отличается от грамматического. Естественный объемлет весьма малое число слов в сравнении с остальными, в которых не обращается внимания на родовое отличие или потому, что его действительно нет, или потому, что обыкновенная наглядность, господствующая в языке, лишена строгого естественного наблюдения. Так, *червь* мужского рода, а *муха* женского безо всякого отношения к природе; так, *рука* женского рода, *язык* мужского, *сердце* среднего, *душа* (*die Seele*) женского, *слово* (*das Wort*) среднего, *ветер* (*der Wind*) мужского, *земля* (*die Erde*) женского, *вода* по-рус. женского, по-нем. (*das Wasser*) среднего. Для чего же такое применение природного отличия к предметам неодушевленным и представлениям? В языке¹ господствуют два начала: разумное, основывающееся на чистых идеях, и чувственное, соединяющее наглядные понятия с действительностью. Без родов можно обойтись, и многие языки не имеют оных; в тех же языках, в кои род проникнул, составляет он необходимую принадлежность, без коей невозможно склонение. Грамматический род есть нечто иное как созданное фантазиею распространение естественного рода на все предметы: оттого многие отвлеченные и мертвые выражения получают жизнь и движение. Так, понятие действующее, мощное и самостоятельное действию, слабейшее и зависимое — женским или

¹ G. de Humboldt. Sur la nature des formes grammaticales et sur le génie de la langue chinoise, 1827, с. 12, 13.

средним: *бог, природа, земля и небо; дух и душа; ветер и ветвь; союз и связка; ворон и ворона, волк и лисица.*

Между естественным и грамматическим родом занимают средину такие слова, кои, не подлежа ни природному отличию, ни случайной игре фантазии, образовали свой род олицетворением (пропопеєю), каковы названия богов и обожествленных стихий и явлений природы.

1. *Бог, der Gott, θεος, deus.*

2. *Дьявол, diabolus, der Teufel* ^{бес} сродное с нем. *böse* (Grimm D. Gr., III, с. 605), *лукавый, леший, домовый.*

3. *Солнце и месяц* во всех нем. наречиях первоначально женского и мужского рода, как повествует ясно предание в Эдде: у Мундильфёри были два детища, сын *Мани (Mond)* и дочь *Соль (Sonne)*. Есть литовское предание о свадьбе солнца и месяца. Впрочем, в роде солнца различествуют даже немецкие древнейшие памятники; гр. ἥλιος и лат. *sol* муж. р., наше *солнце* сред. от уменьшительной приставки *-це*; муж. род *месяца* подлжит меньшим исключениям.

4. *День (der Tag)* существо муж., *ночь (die Nacht)* — женское, опять согласно с преданием в Эдде: *Ноттэ (die Nacht)*, дочь Нёрви, была за многими замужем и наконец за Деллингром, которому родила сына, именем *Дагра (dagr, tag)*, столь же блистательного и светлаго, как отец, а не темного и мрачного, как мать. *Ночь* и в гр. νύξ, и в лат. *nox* рода жен.; *день* же хотя в лат. *dies* муж., но переходит и в жен.; а в гр. ἡμέρα — женского.

5. В гр., лат., сл., нем. *земля* — женского рода: γῆ и γαῖα, *terra, die Erde*. По Эдде, земля дочь той же ночи, от другого мужа.

6. *Огонь* от санскр. *Agni*, что значит и огонь и бог огня.

7. Нем. *der Donner (donar, thunar)* потому мужского, что означает и гремящего бога, и гром его колесницы в небе; лат. *tonitrus* — муж., *tonitru* — сред., хотя одного корня с нем. *donner*, но уже не означает Юпитера; лит. *perkunas* — мужского, означает и бога, и гром: ему соответствует слав. *перун*, означающий только бога: употребление же его вместо грома есть позднейшее, поэтическое, напр. Ломоносов: *перуны мракъ густой сверкая раздбляютъ.*

Такое мифологическое олицетворение входит в названия многих зверей, явлений природы, стихий, деревьев и проч., так что трудно отличать постоянно и везде настоящее олицетворение от грамматического рода, исключения из коего во многих случаях объясняются мифологическими представлениями народа.

Поэты, живописцы и ваятели обыкновенно представляют в образе жен все способности душевные, добродетели и пороки; искусства, а знания (означается родом мужским; понятие подлежащее), не смотря на то, какого бы рода ни были, названия оных, женского ли, как *любовь, ненависть*, мужского ли, как *раздор, разум*, среднего ли, напр. *смирение, покаяние*. Это ведется от времен древних: римляне таковым отвлеченным понятиям давали женский род.

При отличии грамматического рода полагается следующее нача-

ло: мужской род означает древнейшее, великое, твердое, грубое и быстрое, действующее, движущееся и производящее; женский род — позднейшее, меньшее, нежное и тихое, страдательное и восприимлющее; средний род — произведенное, неразвившееся, веществообразное, собирательное.

Грамматический род чувственных предметов.

1. Царство животных

Общее название животного по-слав. среднего рода точно так же, как гр. ζῷον, лат. *animal*, нем. *das Thier* Последнее сродно с греч. ἄνη (муж.), ἄρνις (ср.), лат. *fera* (жен.), слав. *зверь*.

Лат. *vulpes* одного корня с *lupus* и *Wolf*: лат. *p* изменяется в гр. χ λύκος; наше *волк* относится к λύκος точно так, как нем. *Wolf* и лат. *vulpes* к *lupus*. Лат. название животного меньшего и лукавого *vulpes* перешло в нем. *Wolf*, в название животного большего и кровавого, потому и слабейший женский род переходит в сильнейший мужской¹. Слич. наши *волк* и *лиса*. Звери меньшего объема по большей части женского рода: так *мышь*, *die Maus*, впрочем, греч. μῦς, лат. *mus* — мужского. Слич. лат. женск. *talpa*, фр. *taupe* и наше мужского *крот*. Вообще млекопитающие животные подчиняются более естественному роду, чем грамматическому, оттого и малые зверьки удерживают мужской род.

Нашему женскому *птица* соответствует более употребительное у западн. славян мужского *птакъ*, от коего у нас женского *птаха*, *пташка*, *потка*, *поточка*; в слове *птица* -ца образующий слог; по корню родственно с греч. πτερόν (и *penna*, и *avis*) и нем. *Feder*; гр. ὄρνις общего рода, лат. *avis* женского, сродное с гр. οἰωνός, означающим уже более хищную птицу; нем. *der Vogel*. Хищные и большие птицы мужского: *орел*, сродное с гот. *ara*, днв. *aro*, средн. нем. *ar*; *сокол*, *журавль*, *коршун*, *ястреб*, *ворон*, отличающийся от меньшей и не столь благородной: женского *ворона*. Нем. мужского же: *Adler*, *Falke*, *Kranich*, *Geier*, *Sperber*, *Habicht*, *Rabe*. Слич. лат. женского *aquila*. *Лебедь* теперь у нас мужского, у чехов же *labut* — женского; прежде было общего, что сохранилось в народном языке и доныне, в Др. р. ст., 39; *бѣлу лебедь рушаютъ* (разнимаютъ). Замечательно, что это слово как украшающий эпитет придается более женщинам, оттого и ласкательные *лебеда*, *лебедушка*. Точно так же и в древнем. литературе женщины сравниваются с лебедями, собств. имена их слагают с *schwan*.

В Древ. рус. ст., 217, женщина оборачивается в белую лебедь, изображается колдуньей и называется *еретницею*. С грамматическим родом кукушки (малорус. *зозуля*, чешск. *gzegzica*, *zezhule* в Слово о полк. Игор. *зегзица*) согласуется предание о превращении де-вушки-сироты в эту птицу²: отсюда и растение *кукушкины слезы*. Горюющие женщины сравниваются с кукушками: слич. в Сл. о полк.

¹ Grimm Reinhart fuchs. 1834, XXIV и след.

² Ербен. Чешские народные песни. I, с. 178.

Иг.: *Ярославнынъ гласъ слышитъ; зегзицею незнаемъ рано кычетъ: полечю, рече, зегзицею по Дунаеву*. В нем. муж. *der Guckguck, Kuckkuck*, также и в лат. муж. *Cuculus*, переходящее в бранное слово. Напротив того, мужчины превращаются в птицу мужского рода, в сокола, и сравниваются с соколом: слич. в Др. рус. ст.: *утапоры учился Волхъ ко премудростямъ: а и первой премудрости учился: обертываться яснымъ соколомъ*; в Сл. о полк. Игор.: *Игорь соколомъ полетѣ; ibid.: Гзак говорит Кончаку об Игоре: аже соколъ къ гнѣзду летить, соколича (сына Игорева) рострѣляевѣ*. Олицетворение птиц и превращение людей в птиц у славян столь древне, что в древнейшем поэтическом памятнике, в Суде Любуши, является говорящая ласточка, вероятно, оборотень девушка¹: опять согласие превращения с грамматическим родом. Слич. в Похвальном слове Донскому сравнение его и жены его Евдокии: *яко златопръсистой голубь и сладкоглаволивая ластовица*. В Древ. рус. ст., 69, *еретница Марина обертывается касаточкой*. Нем. *die Schwalbe*, лат. *hirundo* (жен.) и гр. $\chi\epsilon\lambda\iota\delta\omega\nu$ соответствуют также превращению Прокне. *Воробей* постоянно мужского рода: $\sigma\tau\rho\nu\theta\acute{o}\varsigma$, *passer, der Sperling, le moineau*, вероятно, потому, что эта птица, живущая между людьми, играет мужскую роль в сказках и баснях (*thiefabel*). *Сова* женского рода: *die Eule, noctua, γλαῦξ*; припомнить символ мудрости и атрибут Минервы. Певчие пташки в нем. женского рода: слич. превращение Филомелы; по лат. *luscinia* и *luscinius*; у нас, согласно с грамматическим родом, *соловей* имеет другое применение: *Соловей-разбойник* в сказке об Илье Муромце; в Слове о полку Иг. о поэте: *о Бояне, соловию старого времени*.

Как у млекопитающих малые дети среднего рода, напр. *дитя, утя, жребя*, так у птиц *яйцо* (корень *яй*, *-цо* образующее окончание) тоже средн. рода: гр. $\acute{\omega}\nu$, лат. *ovum*, нем. *das Ei*.

Рыба в гр., лат., нем., франц.— мужского рода: $\iota\chi\theta\acute{\nu}\varsigma$, *piscis, der Fisch, le poisson*; замечательно отклонение нашего слова *рыба* (жен. р.) от других европейских языков. Рыбы также олицетворяются по своему роду и человечески действуют в преданиях и сказках народных: так, ерш изображается мошенником и пройдохой², щука одарена сверхъестественною силою; отсюда поговорка: *по щучьему веленью, по моему прошенью*. Названия рыб среднего рода не терпят.

Общее название пресмыкающегося есть *гад*, мужского рода: *всякий гадъ движущійся на Земли* (Кн. Бытия, 7, 21); употребляется более во множественном числе; *он* есть родовое понятие и для змей, потому в Древ. рус. ст. (223): *гады змеиные*. Соответствует нем. муж. р. *der Wurm*; наше *червь*, как и лат. *vermis*, мужского р.; *змея* первоначально мужского р.: *змія же бѣ мудрѣйшій всѣхъ звѣрей сущихъ на земли*. Кн. Бытия., 3, 1. Оттого с понятием *змѣя* соединяется дьявольское, чародейское, человеку враждебное: так, в Др. р. ст. (45) Волх Всеславичъ рождается от того, что змей однажды

¹ Шафарик и Палацк. Alt. Denkm. d. böhm. Spr., с. 92.

² См.: «Русские народные сказки», 1841, I, с. 154.

обвился около чобота его матери. Как существо сверхъестественное, это пресмыкающееся всегда мужского рода в нашей старинной поэзии: *налетѣлъ на его змѣй Горынчище, хочеть Добрыню огнемъ спалить, огнемъ спалить, хоботомъ ушибить* (Древ. рус. ст., 348). Остаток этого мифологического представления сохранился в детской игре «змей», муж. р., ибо летает; припомнить в Др. р. ст. о змие чародее (191): поднялся на бумажныхъ крыльяхъ под небесью летать. Более низкое понятие соединяется с тем же словом в женском роде. Нем. *die Schlange* имело прежде и муж. р.; лат. *anguis, serpens* общего рода; *vipera* и ἑχιδνῆ жен. р., фр. *serpent* муж. р.

Насекомые ради их слабости и малости по большей части женского рода, однако также с исключениями. Согласно с превращением в Арахне, за исключением слав. *паук*, женского рода по гр. ἀράχη, лат. *aranea*, нем. *die Spinne*, фр. *une araignée*. Также женского во всех языках: *муха*, мѣта, *musca, die Fliege, la mouche*; пчела, μέλισσα, *apis, die Biene, une abeille*; моль (гот. *malô*, дрс. *mōlr*), σῆς, *tinea, die Motte* и пр. Хотя нем. *die Ameise* и лат. *formica* женского, однако сл. *муравей* и гр. μύρμηξ мужского; припомнить превращение муравьев в людей на острове Эгине.

2. Деревя и растения

Дерево одного корня с гр. δένρον, с гот. *triu*, среднего рода, равно и *дрова, lignum, das Holz*; нем. *der Baum* мужского, ибо выражает понятие более специальное, лат. *arbor* женского, фр. *arbre* мужского, гр. δένδρον, как наше *дерево*, среднего. К названию дерев не применяется начало, соблюдаемое в родах царства животных, т. е. большее и сильнейшее — мужского рода; как нарочно, многие высочайшие деревья рода женского; также у греков и римлян большая часть дерев рода женского. Причиною тому, может быть, или ограниченная жизненная деятельность неподвижных дерев в сравнении с животными, или народные мифы, приводящие в соотношение с деревьями существа женские. Припомнить *Дриаду*, нем. *Holzweibchen*, наши *русалки*, которые хотя водятся в водах, однако не покидают и лесов, расчесывая на деревьях свои длинные косы; впрочем, наш *леший*, в пандан домовому, существо мужеское. Припомнить также из Краледворской рукописи старинное славянское верование в священные деревья и предание о том, что души усопших летают по деревьям; слич. Ипатьевск. лет., 184: *приходящѣ цари, и князи и вельможѣ, солнцю и лунѣ и земли, дьяволу и умершимъ въ адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ, водяше около куста поклонятися имъ*.

Языки лат. и греч. предпочитают для дерев род женский: *ilex, quercus, fagus, fraxinus, pinus, abies, tilia, betula* δένος, φηγός, λεύκη, ἑλάτη, φιλύρα и пр. В слав. и женск. *береза, липа, ель*, и муж. *бук, клен, дуб*; муж. род *дуба*, некоторым образом, объясняется преимуществом его перед прочими деревьями; в некоторых производных словах значение его столь обще, что подходит к родовому понятию дерева: *дубье, дубина, дуброва*; замечательно объяснение последнего

слова в глос. Mat. Verb.: *Dubrauà*, silua jovis quercum significat. В старину дуб стоял на межах, и за срубку его налагалась большая пеня: «аже дубъ потнетъ (посечет) знаменьнии или межнии: то 12 гривнъ продажи (Русск. Правд., см. Русск. достоп., ч. II, с. 57). Нем. жен. р. *die Eiche, die Buche, die Esche, die Fichte, die Fanne, die Zinde, die Birke*. Во фр. преиумществует муж. р.: *le chêne* (casnus), *le hêtre, le bouleau, le tilleul* и даже плодовиые деревья: *le pommier* и пр. Отношение плода, среднего рода, как нем. *das Obst* (сродн. с нашим *овощ*), к плодовиому дереву весьма правильно в латинском языке, который женское название дерева видоизменяет в среднее плода: *potus — potum, malus — malum, pirus — pirum, cerasus — cerasum, prunus — prunum, morus — morum* правильно в греч. *κέρασος — κέρασιον, ἄλιος — ἄλιον, μήλεα — μήλον, συκήη (συκῆ) — σῦκον, ὄινη (vitis) — οἶνος* муж. (*vinum*); слич. наши *яблонь — яблоко*. Названия жита, трав, цветов и пр. подлежат большим исключениям. Правильно в нем. среднего рода: *das Moos, das Gras, das Kraut, das Ried, das Rohr*, ибо эти растения, стоя друг с дружкой во множестве, обозначаются понятиями собирательными. Для травы у нас все три рода: *злак, трава, былие, зелье*; отличие *злака* от *травы* в Псалт., 103, 14; *прозябайя траву скотомъ, и злакъ на службу челоувѣкомъ; зелье же, как и коренье, переходит в значение отравы, заколдованного снадобья, потому означает лекарство, а в старину означало и порох: напр., Пск. лет., 153: зелей пушечныхъ.*

3. Царство ископаемых

Для означения мертвенного, неподвижного вещества надобно ожидать среднего рода; таковы и действительно наши *золото, серебро, железо, олово*; нем. *Gold, Silber, Eisen, Kupfer, Blei, Erz*; лат. *aurum, argentum, ferrum, cuprum, plumbum, aes, rudus*. Исключаются гр. муж. рода: *χρυσός, ἀργυρός, σίδηρος, χαλκός, μόλυβδος*. *Камень* во всех языках мужского рода, может быть, потому, что им бросают и лукают из пращи: *lapis, lās, der Stein*; фр. жен. *la pierre*, ибо происходит от жен. лат. *petra* (πέτρα), означающего уже массу; по той же причине и лат. *saxum* ср. р.

4. Вода

Если вода представляется только веществом, то бывает ср. р., как нем. *das Wasser*, ὕδωρ (поэт ὕδος); слич. как вещество ср. р. *das Feuer*. Если же воображается живая, движущая сила, то жен., как наше *вода*, лат. *aqua*. Наш морской царь (в Др. р. ст., 342) и море, олицетворяемое в него, не согласуется в роде, хотя большое соответствие в действии того и другого: когда расплясался морской царь, синее море всколебалось, быстры реки разливались, топят корабли и души напрасные. Нынешнее нем. *das Meer* ср. р., в старину было жен. р., фр. *la mer*, гр. θάλασσα. Разделение слова *See* на жен. для моря и на муж. для озера есть позднейшее и неорганическое. Весьма давно пришло к нам *океан* представляется у нас как собственное имя, что видно из соединения этого слова с *море*:

Окіянь-море; так, уже в грамоте Федора к Елисавете английской: *и тое божью дорогу, окіянь море, какъ мочно переняти, и унять и затворить* (Ист. гос. Рос., X, пр. 54). Иное дело с реками и источниками: они искони почитались у славян божеской почестью¹, вместе с деревьями. Собственные имена рек в гр. и лат. муж. р., в славянск. и нем. по большей части жен., хотя *der Fluss* муж. р. У древних преимуществует олицетворение рек в богов (слич., напр., Ποταμός), у нас и немцев в богинь и женщин; живут в них существа женские *ундины* и *русалки*. Впрочем, и у греков с римлянами малые реки и источники предоставлялись *нимфам*, а у нас, наоборот, некоторые старинные реки муж. р. находятся в связи с существами мужскими. Знаменитейшая из славянских рек, *Дунай*, стоит в связи с гибелью Владимирова богатыря Дуная в этой реке, отчего, по народному преданию, и дано ей имя *Дунай*: см. Др. рус. стих.; как собственное имя мужчины *Дунай* попадает, напр., в Ипатьевск. лет., 209. Славяне особенно любят эту реку, может быть, потому, что еще во времена стародавние они жили при ней. Даже собственное имя *Дунай* употребляется как нарицательное, означая всякую реку, что часто встречается в народной поэзии; особенно резко это видно в одной польской песне, в которой Дунай стоит во множественном числе: *за водами за быстрыми, Дунаями глубокими*². Другая старинная славянская река, *Волхов*, кажется, также находится в связи с мужским именем *Волх* (в Др. рус. ст.: *Волхъ-Всеславиць*); по крайней мере видно, что она образовалась именем прилагат.; слич. в Новог. лет. *черезъ Волхово*, в варианте: *черезъ волхову рѣку*, с. 6. Женские названия славянских рек греки переделывали в мужские, согласно с гением своего языка: так, из *Березины* образовали Βορυσθένης и название побочного рукава перенесли на Днепр³. Наши собственные имена женского рода стоят в родовом согласовании с словом *река*; некоторые остались прилагательными; теперь, напр., говорят просто *Великая*, а прежде *Великая река*, см. Пск. лет., 93. В Др. р. ст., 267, олицетворяются *Волга сестра* и *Ильмень* (муж.), ее *брат*; на с. 297 река *Смородина* олицетворяется с *душой красной девицей*. В старину был обычай кормить море и реки, опуская в них хлеб-соль, в Др. р. ст., 266, 339.

Волна, как у нас, женского рода, по-лат. *unda*, по-фр. *onde*, по-нем. *die Welle*. Греки менее прочего олицетворяли волну, употребляя ἄλμα ср. р. *Снег* у нас вместе с нем. *der Schnee* муж., сродные же греч. νιφάς, лат. *nix* и фр. *la neige* жен. Точно так же муж. наше *град* и нем. *der Hagel*, а лат. *grado* и гр. χάλασα жен.

¹ Это верование общее у славян с племенами немецкими. См. Гримма „Deutsche Mythologie“, 1835, с. 68 и след. Слич. слова Кирилла Туровского (XII в.); уже бо не нарекуются богомъ стихія, ни солнце, ни огонь, ни источники, ни дресеса (Памятн. рус. сл. XII в., с. 19).

² *Za wodami za bystremi, Dunajami głębokiemі* (Wojc., II, с. 318).

³ Ш а ф а р и к. Slowanské starožitnosti, 1836, с. 403.

5. Воздух

По лат. и по фр. *aër, air* муж., как и по рус.; гр. *ἀήρ* и нем. *die Luft* жен. Как рус. *душа* жен. от муж. *дух*, так и по-лат. *anima* — *animus*, слич. женские *ψυχή, die Seele*, фр. *âme* с муж. *der Geist, esprit (spiritus)*; следов., душа кажется более нежным и слабым проявлением духа. Славяне искони олицетворяли душу: так, в Краледворской рукописи души летают по деревьям.

Ветер постоянно муж. рода: *ἄνεμος, ventus, der Wind, le vent*. *Север* и *юг*, как ветры, также муж. рода; Новог. лет., 83 *вста угъ вѣтръ*; Деян., 27, 13 *дхнувшу же югу...*; у Ломоносова: *внимай, как юг пучину давит, ibid.: так север укротясь впоследствии возстал*; в Пск. лет., 202, *с весны были сѣверики вѣтры*. Ветры постоянно олицетворялись. В живописи, с весьма древних времен, они представляются дующими лицами или головами, что напоминает предание о дующей голове Иоанна, которую будто бы носит Иродиада в пустынях небесных¹. Следы этого предания были и у славян: семь дочерий Иродовыхъ трясами (лихорадками) басньствоваше, сихъ же ни евангелисты, ни единъ отъ святыхъ седми именоваша, но одина, испросившаа главу Предотечеву, о ней же явѣ есть, яко и та дщи Филиппова, а не Иродова (Калайд., Иоан. Екс. Болг., 210). По немецким преданиям, ветры выступают со всех четырех концов земли карликами. Греки считали их великанами и братьями (Гез., Феол., с. 371). Эол, первоначально герой и царь, возведен в достоинство божественного предводителя ветров. По русскому поверью, ветры сыновья одной матери; в Слове о полк. Иг. они Стрибоговы внуки; в одной русской народной притче ветер олицетворяется мужиком². Таково общее согласие грамматического рода в слове *ветр* с олицетворениями.

6. Небо и звезды

Наше *звезда* с лат. *stella* и фр. *étoile* жен. р., а нем. *der Stern* с гр. *ἀστὴρ* муж.; как *денница* согласуется в роде с *звездю*, так и *φωσφόρος, ἑωδφόρος* с *ἀστὴρ*, лат. *lucifer* в роде отступает от *stella*. Выражая неопределенное понятие, *ἄστρον* и *Sidus* рода среднего.

Небо, вместе с лат. *coelum*, ср. р., хотя есть и муж. *coelus*, по-нем. же *der Himmel*, по-гр. *οὐρανός* и по-фр. *le ciel* муж. р.

7. Мир, земля, страна, путь

Свет, мир, так же как гр. *κόσμος*, лат. *mundus*, фр. *le monde*, муж. р.; исключается нем. *die Welt*, которое, происходя от двн. *Wëralt*, первоначально означает «век» (*seculum*). Наши *земля* и *страна*, как лат. *terra*, жен. р.; нем. *das Land*, фр. *le pais*. *Отчина, дедина* согласны с *землею* в роде; *отечество* ср. р., ибо означает понятие отвлеченное, потому его не любили употреблять наши предки, заменяя его словами: *Русь, свояси, восвояси, дома, домой*.

¹ Grimm. Deutsche Mythologie, с. 360.

² Сахаров. Сказания русского народа. 1841, I, с. 104.

Как в лат. *iter* ср. р. отличается от *via* жен. р., так и у нас *путь* от *дороги*; нем. *der Weg*, фр. *le chemin*. *Тропа, улица, улка, стогна* в роде согласны с *дорогою*; *переулокъ* изменяет свой род утратою окончания от приставки *пере-*.

8. Тело и части его, части растений

Тело, сѡма, corpus, das Leib среднего рода, в противоположность душе и духу. Нем. *das Haupt*, подобно лат. *caput*; наше вместе с греч. κεφαλή жен.; наши *сердце, око, ухо*, как нем. *das Herz, das Auge, das Ohr*, ср.; лат. *cor, oculus, auris* ср., муж., жен.; гр. καρδία, ὤψ, οὖς — жен., жен., ср. Исключая славян., *язык* рода женского: γλῶσσα, *lingua (dingua), die Zunge, la langue*. *Зуб, ὀδούς, dens, der Zahn* муж.; исключается фр. *la dent*. *Рука, χεῖρ, manus, die Hand, la main* женского рода, как часть меньшая в сравнении с *ногою*, которая, кроме слав., в прочих языках мужского: πούς, *pes, der Fusz, le pied*. *Перст, палец, δάκτυλος, digitus, der Finger, le doigt* везде мужского; а *колени, γόνυ, genu, das Knie* среднего рода.

Лист, кроме слав., рода среднего: πέταλον, φύλλον, *folium, das Blatt*.

9. Земледелие

Названия орудий к обработке полей, как древнейшего и необходимого упражнения, весьма важны для истории языка. Наше *плуг*, употребляющееся у всех славянских племен, сходно с нем. *der Pflug*, тоже распространившимся по всем немецким наречиям. Немцы производят свое слово от *pflēgen solere*; славяне¹ свое от *plegideducit*, quasi extirpator; трудно согласиться с Гриммом, чтобы это слово заимствовали славяне у немцев, вместе с самим орудием. По крайней мере, замечательно то, что в обоих языках это слово мужского рода, что согласуется с древнейшим олицетворением плуга, приписывавшим ему голову и хвост. Как по *плугу* наше земледелие роднится с немецким, так по *оралу* ср. р. (*рало, радло*) с греч. ἄροτρον от ἀρόειν, лат. *aratrum* от *arare*; слич. *орать*, лат. *rallum*, гр. ῥοῶεω, нем. *roden, reuten*.

10. Город, место

Хотя все три рода употребляются в названиях городов и мест, однако преимуществом жен. в гр., лат., нем., фр.: πόλις, *civitas, urbs, arx, villa, die Burg, die Stadt, la ville*. У славян вместо города весьма употребительно место ср. р.

Как собственные имена рек, в согласии с нарицательным, по большей части женского рода, так названия городов мужского. Притом они по большей части имена прилагательные; так, *Кievъ* еще старинное предание производит прилагательным от существительного *Kiй*, от коего и перевоз назывался *Кievымъ: на перевозъ на kievъ*, Кенигсб. спис., 9. *Ярославль, Переяславль, Владимиръ (Вла-*

¹ Юнгман. Чешск. словарь, т. III, с. 128.

димирь) — прилагательные от *Ярославъ, Переяславъ, Владимиръ; Смоленскъ, Изборскъ, Полоцкъ* тоже с прилагательным окончанием, в старину оканчивались и на -о: *Смоленско, Полоцко, Изборско* (Пск. лет., 207, 210, Новог. лет., 53), как *Волхово* (Новог. лет., 6) в.м. *Волховъ и Московъ, Москва* в Ипатьевск. лет. в.м. *Москвова*. Слич. в.м. *Архангельскъ* в Ист. гос. Рос., X, пр. 135 *Архангельская городъ*. Названия среднего рода соответствуют нарицательным: *место, село* и т. п. Из имен женского рода замечательное отклонение представляет *Москва*; в употреблении с предлогами видно, что она казалась нашим предкам чем-то различным от иных городов: *преставися митрополитъ Киприанъ на Москвѣ* (Новог. лет., 103); *поѣхъа изо Пскова на Москву* (Пск. лет., 101); *прѣѣхавъ отъ Великого князя съ Москвы* (ibid., 103); *и тотъ зломышленный бояринъ велѣлъ на Москвѣ двory зажигати* (Котошихин., 2); *на Москвѣ и въ городѣхъ всѣхъ воровъ освобождаютъ на волю* (ibid., 12); *а на Москвѣ и въ городѣхъ по всѣмъ монастыремъ и по церквамъ, прикажутъ чинити по царѣ до шти недѣль поминаніе* (ibid., 16)¹. Если бы Москва получила свое имя от реки, то и женский род ее и таковое употребление с предлогами объяснились бы сами собой; иное дело, если предлоги *на, съ* относились к Москве как к месту высокому. Слич. Пск. лет., 111: *преставися князь Симеонъ Кіевскій на Кіевѣ*, но это весьма редко и, вероятно, употреблено на образец Москвы. Слич. также в Др. рус. ст., 104: *потерявъ мой сынъ царевичъ Димитрій на Угличѣ отъ тѣхъ отъ бояръ Годуновыхъхъ*.

11. Корабль, лодка

Если язык олицетворил плуг существом живым, то уже еще естественнее это оживотворение в корабле, который, подобно плавающему животному, ходит по волнам и, как конь, переносит людей с берега на берег; потому корабль, подобно животному, снабжен носом. У греков Ἀργώ (быстрая) женского рода, ибо ναῦς, νηῦς женского, как и лат. *navis*; этот корабль понимал слова Орфея и сам умел отвечать на них (Argon., 245, 259, 489, 1159). Корабль Фрикса назывался κριός (козел)². У нас *корабль* муж. р., называется *соколом* и олицетворяется зверем мужского рода: *у того было у сокола у корабля вмѣсто очей было вставлено по дорогу камню по яхонту, вмѣсто бровей было прибывано по черному соболу якутскому, вмѣсто уса было воткнуто два острые ножики булатные, вмѣсто ушей было воткнуто два остра конья мурзамецкія, и два горностая повѣшаны, и два горностая два зимніе, у того было у сокола у корабля вмѣсто гривны прибывано двѣ лисицы бурнастыя, вмѣсто хвоста повѣшено на томъ было соколъ корабль два медвѣдя бѣлые заморскіе, носъ, корма по туриному, бока взведены по*

¹ Во время Фон-Визина еще говорили: *живу на Москве* в.м. *въ Москвѣ*, см. IV часть его сочинений, 1830, с. 62.

² Потт. Etymol. Forschungen. 1836, т. II, с. 406.

звѣриному, Др. р. ст., Соловей Будимирович. В немецких старинных поэмах с кораблями говорят герои точно так же, как и с конями.

Франц. *la nef*, как остаток латинского, женского рода; нем. же *das Schiff* (*skip* от *skapen*, нечто произведенное, сосуд, ein Zeug, Fahrzeug) ср. р., как и наше *судно*, сродное с *сосудъ, судъ, посудина*: слич. франц. муж. (ибо нет средн.) *vaisseau*, означающего и корабль, и судно, и посуду, от лат. ср. *vas, vasis (vasum)*.

Будучи народом не приморским, славяне более употребляли лодки или лодьи, потому в видовых названиях преимуществует род женский; мужского рода меньше, среднего почти вовсе нет. Так, женского рода: *берлинка* — на реке Нарове, *бруснянка* — на Печоре, *бѣлозерка* — на Белеозере, *бѣлянка* — на Волге и Дону (ибо такая лодка не смолится), *вѣтка* — легкая лодочка, гораздо менее бота, удобная для переноски, челночек однодеревый, в Камчатке, на Лене, *гусьянка* — на Оке и Цне, *киржѣма* — плоскодонное судно на Куре и Каспийском море, *кладная* — на Волге, *коломенка* — род большой барки, сделанной в Коломне, на Москве-реке, в Др. р. ст. еще Ермак развѣзжает по сибирским рекам на *коломенке*, *комыга* — в Волыни и на Западном Буге, *коренная* — на Оке и Волге, *коробка* — род парома, или перевозного судна, на Немане, *лыжва* — на Днепре и Западн. Буге, *мокшанка* — на Волге, *мокшана* — на Мокше, *набойная лодка* — у которой борта возвышены приколоченными досками, в Камчатке, в Др. р. ст. в похождениях Ермака упоминаются *лодки набойницы*, *обласа* — на Северной Двине, *посуда* — всякое большое или малое судно, в коем перевозят какую-нибудь кладь по Волге, *разшива* — на Волге, большая барка с палубою и мачтою, *садка* — большое судно, на коем привозят дрова в Петербург, *унжанка* — на Волге и на Оке, *чайка* — маленькая лодка на Дунае, *шугалея* — большая лодка в Малороссии и пр. Мужского рода: *байдакъ* — барка, плоскодонное судно, в Малороссии *батъ* — тополевая лодка, выдолбленная из одного дерева, в Камчатке *бусъ*, старинное слово, более во множественном числе: *въ бусахъ и шнекахъ* (Новог. лет., 108), *а иныхъ на мори въ бусахъ много побиша* (Пск. лет., 76, 192), *витѣмъ* — на Немане, *гукаръ* — на Маринском канале и Белом море, *домшкоутъ* — на Свири и канале Маринском, *доцанѣкъ* — судно меньше парома, с настланным полом, *дубас* — на Западном Буге, *ельчѣкъ* (может быть, испорченное *яличек*) — в Камчатке, то же, что *вѣтка*, *жиганъ* — на Печоре и Каме, *межеумокъ* — на Волге, *мокшанъ* — судно для грузных тяжестей с возвышенною крышею, в Ярославск. губ., *насадъ* — плоскодонное судно, похожее на струг, старинное слово: *иные въ насадахъ, иные въ ладьяхъ* (Пск. лет., 45, 94, 125), *пáвозокъ* — малая лодка, сопровождающая большие, на Волге, Днепре и Дону, полубарка, употребляемая на Лене, *стругъ* — невысокое судно, без палубы, на судоходных реках: упоминается в Слове о полку Игореве, *трешкоутъ* (гол. *trekschuit*) — род яхты на Ладожском канале, *учанъ* — старинное слово, напр. в Пск. лет., 122, развѣзжают на них по Ловати и Ильмень-озеру, Новог. лет., 80.

12. Храм, дом

Славяне, так же как и немцы¹, первоначально поклонялись божеству в священных рощах, название коих доселе сохранилось в чешск. *hag* (гай) и слав. *gai*, сродном с нем. *der Hain*: оба муж. р., как наши *лес* и *бор*, может быть, сродное с древненемецк. названием священной рощи: *alth*, *Barr*, ags. *Bearo*, ahd. *Paro*². Когда же началось зодчество, немецкие племена, на образец священных лесов, стали строить свои храмы, что и дало начало готической архитектуре³.

Обширной церкви, *собору*, муж. р., противопоставляется у нас жен. *церковь*, первоначально *церкы*, а впоследствии с усиленным женским окончанием *церква*, не только в малорусском наречии и новгородском подречии, но почти по всей России употребляемое. Православной *церкви* противопоставляется иноверная *божница*, тоже жен. р.: (Исидор) *повелѣ въ лядскихъ божницахъ рускымъ попомъ свою службу служити, а въ русскихъ церквахъ капланомъ*, Новог. лет., 112. Магометанская *ропотня* тоже жен. р., попадаетея уже у Нестора по Лавр. сп. Читая в летописях, сколько и как скоро строились наши церкви, можем легко судить об их ограниченной величине. Весьма любопытно изменение женского рода *святая Софія* в мужской *святой Софей*, весьма употребительное в Псковской летописи, вероятно, в отличие названия собора от собственного имени святой жены; напр.; *у святого Софея поставя вѣче передъ святымъ Софеемъ* (Пск. лет., 111). Слич. *ecclesia*, фр. жен. *église*, нем. *die Kirche*; а нем. *der Dom*, как наше *собор*, фр. *le dôme*, *купол*, муж. р. *Храм* есть общее название для большого здания, потому *хоромы*; так же мужского, как нем. *der Tempel* и фр. *le temple*, хотя лат. ср. *templum*. *Капище*, *требнице*, по окончанию *-ще*, означают место, ср. р., как лат. *fanum*, *delubrum*.

Изба, в старину *истба*, *истпа*, *истьба*, *истопка*; *полата* (еще у Нестора), *грядня*, *комната*, *каморка*, как лат. *camera* (*жама̀ра*), нем. *die Kammer* и фр. *la chambre* жен. р., в противоположность мужскому *терему*. Жен. рода, в согласии с *гряднею* или *палатою*, *спальня*; в Др. р. стих., 222; *въ грядню спальную*; *столовая*, *кухня* одного корня и рода с нем. *die Küche*, фр. *la cuisine*, лат. *culina*.

13. Оружие

Для витязей *меч*, подобно змию или огню, казался существом одушевленным, которое, вылетая из ножен, наносит врагам удары. Это слово у нас обще с древненемецк. наречиями и с гр. жен. *μάχαρα*. Лат. муж. *einis* и *gladins*, от которого фр. тоже муж.

¹ „Lucos at nemora consecrant“,— говорит Тацит о германцах «Germ», 9. Слич. с. 39, 40. В Краледворской рукописи славяне оплакивают свои сожженные святыне рощи. Слич. Helmold., I, с. 1, о славянах. Также Дитмар Мерзебург, с. 151, 160.

² Так как христианские церкви ставились часто на ознаменованных язычеством местах, то не худо припомнить *Спас на бору*; *бор* в центре Москвы, *Боровицкие ворота*, *Боровичи*.

³ Grimm. Deutsche Mythologie, 1835, с. 41.

le glaive; теперешний нем. язык в слове *das Schwert* утратил живое представление.

В противоположность мечу и копью, *стрѣла*, лат. *sagitta*, фр. *la flèche* жен. р. Хотя теперешнее нем. *der Pfeil* муж. р., образованное из лат. *pilum*, однако в старину и у немцев было жен. *Strāla, Strāle*, однозвучное с нашим *стрела*. Остроумно производит Гримм это слово от муж. *der Strahl* — луч; замечательно по крайней мере то, что и наши *лук* и *луч* созвучны. Наше *самострѣль* ясно выражает живой и деятельный образ, тогда как нем. *die Armbrust* жен. р., ибо оно образовалось из лат. *arbalista*, фр. *arbalète* жен., *arcubalista*; чужестранные звуки немцы уподобили своим *arm* и *brust*, кои в этом слове вовсе не значат ни руки, ни груди. *Праща*, *funda* и *die Schleuder* жен. р.; *копье*, *telum, jaculum, spiculum* ср. р., по-нем. *der Speer* муж., прежде было и среднего.

Щитъ, *clipeus, der Schild, le bouclier* муж. р. *Шлемъ* одного рода и корня с нем. *der Helm, heaume*. *Шлемъ* или *шеломъ* переходит в значение горы: *шеломень*, точно так как *забрало* значит и часть шлема и стену, Слов. о полк. Игор.

В названиях орудий и военных действий есть также олицетворения: *туры*, *павлин*, *свинья*: *съ туровъ*¹ *пушками биша* (Пск. лет., 182), *съ пушками, зъ большими съ павлинами, и со огненными* (*ibid.*, 202), *и наѣхаша на полкъ немци и чюдъ, и прошибошася свиньею* (клином, углом) *сквозъ полкъ* (Новог. лет., 53).

14. Болезнь, смерть

Из болезней всего более распространены у нас имена лихорадки: в некоторых местах она называется *вѣснуха* и *вяснуха*, как в Волог. и Тверск. губ.; в иных, как в Малороссии, *трясця* и *стясса*; в иных *лихманка*, в Жиздре *тиотка* и *дитюха*, в Вѣлогод. губ. *кумоха*, в Малорос. *поганка*, в Курск. губ. *варягуша* и пр. Постоянно жен. рода, согласно с преданием о сестрах трясовицах, существах сверхъестественных, что видно из статьи о книгах истинных и ложных: *по молитвенникомъ лживые молитвы, о трясавицахъ*². Подобно болезни, и *смерть*, лат. *mors*, представлялась существом женским; в этом отношении замечателен у лужичан обряд, при котором изгоняют смерть, как существо одушевленное, и неоднократно повторяют: *мы выгнали смерть, привели лето*³. У греков же *θάνατος*, как и брат ее *сон*, существа мужские.

Предложенных примеров считаю достаточным, чтобы показать, как не одна логика, а совокупность всех духовных сил народа, вся жизнь его с обычаями и повериями выражается в формах языка.

¹ Туры, по объяснению «Русской книги» в Берлинск. библиот., *schanzkerbe*. Строева «Описан. пам. славяно-русск. лит.», 1841. В Др. р. ст. 259: *и копали они ровы глублие, заплетали туры высокіе*.

² К а л а й д о в и ч. Иоанн Екс. Болг., с. 210.

³ *Smeré smy wuhnali, ljesózaso pšiwedžemy*. См.: Смолер и Гаупт. Лужицкие песни, I, с. 20 и 21.

Грамматический род отвлеченных предметов подлежит иному закону: в названиях вещественных окончание родовое совершенно подлежит значению предмета; в отвлеченных род более зависит от окончания. Впрочем, так как, напр. в лат., слова на *-us*, *-a*, *-um* не потому муж., жен., средн., что так оканчиваются, а наоборот: так оканчиваются, потому что они муж., жен., средн. р.¹, то и в отвлеченных названиях роды должны были подлежать какому-либо внутреннему началу, кроме внешней приставки. Впрочем, фантазия гораздо равнодушнее к их родам и легко изменяет их по какому-либо евфоническому требованию языка. Можно только сказать, что чем общее отвлеченное понятие, тем менее подчиняется оно воображению и принимает род средний, а чем частнее, тем скорее может быть мужского или женского рода. Так, жен. *творка*, *счастка* понятия менее отвлеченные и общие, чем *творение*, *счастье*. Образование слов для понятий отвлеченных принадлежит позднему, более развитому периоду жизни народной. Как божества греческие, напр. Аполлон, Зевс, в древнейшем периоде были богами природы физической, солнца, неба, земли, а в последующем богами понятий духовных, искусств и наук, власти царской и т. п., так и слова в языке имеют два периода, древнейший вещественный и позднейший нравственный. Олицетворение предметов духовных принадлежит уже этому второму периоду образованности народа, когда развивается в нем мыслительность. В поэзии отвлеченное слово олицетворяется уже аллегорией, иногда еще согласную в роде с поэтическим представлением, как, напр., в Слове о полк. Игор.: *встала обида въ силахъ Дажь-Божа внука; вступилъ (-ла) дѣвою на землю Трояню, въплескала лебедиными крылы на Синѣмъ море*, и пр. Слич. в Краледворской рукописи: *bieda wstanet uzsia ro krainach*; русск. поговорку: *встань бѣда, да не лягъ*; в Пск. лет., 180: *правда ихъ и крестное цѣлованіе возлетѣла на небо, а кривда в нихъ нача ходити*. Иногда же аллегорическое олицетворение вовсе не согласуется с родом, напр. в прекрасной старинной песне «А и горе, горе гореваньнице» олицетворение горя: *а горе прежде вѣкъ зашелъ... а горе зашелъ, впереди сидитъ* и пр., Др. рус. ст., 381 и 382.

Частый переход из одного рода в другой зависит частью от истории окончаний и склонения, как, напр., *пламень*, *стремень* вм. *пламя*, *стремя*, частью от произвола фантазии. Так, греч. *μῆσος* переходит в жен. *мзда*, лат. *nasus*, сл. *нос* в жен. *die Nase*; *молоко*, согласуясь в роде с лат. *lac*, отклоняется от нем. *die Milch*; *снег* однородно с нем. *der Schnee*, а не с лат. *nix*; лат. *penna* с нем. *die Feder*, а наше *перо* с гр. *πτερόν* и т. д. Переход мужского в женский²: *змѣй* — *змѣя*, *лучь* — *луча*: *от малыя лучи солнечныя грѣемое растаявашеся*. Прем. Солом., 16, 27; *пар* — *пѣра*: *пара бо есть силы божия*. Прем. Солом., 7, 25, *пара идетъ отъ коней*, Ипатьевск. лет., 205, *проступок* — *проступка*: *о своей проступкѣ*, Пск. лет., 167; *полет* — *полет-*

¹ Потт. Etymologische Forschungen, II, 1836, с. 408.

² Слич. «Труды Общ. люб. рос. слов.», 1824, V, с. 177.

ка, поступок — поступка: *знать-де полетка соколиная, видеть-де поступка молодецкая*, Др. русск. стих., 172; *потопъ* — в Ипат., 92, *потопь*; *жаръ* — *жара*, *вкладъ* — *вклада* и пр. Переход женского в мужской: *лиса* — *лисъ*: и рече им: *шедше рцыте лису тому*, Луки, 13, 32. Старинное *куръ* есть коренное, а не изменившееся в роде от слов *кураца*, *куры*. Переход женского и мужского в средний для означения понятия собирательного: *часть* — *частье*: *иссѣкли топоры* (топорами) *въ частье*, Пск. лет., 144, *вой* — *вое*: и *нача вое свое дѣлити*, Новог. лет., 1; *коренье*, *уголье*, *каменье*, от коих множественное собирательное *коренья*, *уголья*, *каменья* и пр. Переход среднего в мужской: *пламя* — *пламень*: еще в Суде Любуши, 62: *plamen praidozvesten* (= пламен правдозвестен) *ignis juris nuntius*; *стрема* — *стремь*: *тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремь*, Сл. о полк. Игор.; *чрево* — *черевъ*: *онъ перву ступень ступилъ, по черевъ конь утонулъ*, Др. русск. стих., 293. Некоторые слова даже без изменения окончания изменяются по родам, или различествуя склонением, как *степень* — *степенью* жен., а прежде *степень* — *степенемъ* муж., или даже склоняясь одинаково, как в муж., так и в женск. роде, напр.: *языкъ мой прилпе гортани моему*, Пс., 21, 16.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ

G r i m m. Deutsche Grammatic, т. III, с. 364—663.

В о р р. Vergleichende Grammatic, с. 388—428, 457—469.

Качества, выражаемые прилагательными, могут возвышаться по степеням. Низшая степень — *п о л о ж и т е л ь н а я*, высшая — *п р е в о с х о д н а я*; иногда положительная может уменьшаться или смягчаться, напр. *бѣловатъ*, *сѣроватъ*, и особенно в качествах недостаточных: *глуповатъ*, *простоватъ*; иногда и превосходная может еще подниматься, как нем. *allerschönste*; такое нелогическое усиление превосходной степени извиняется гиперболой. Между положительной и превосходною неопределенное множество степеней, кои все выражаются *с р а в н и т е л ь н о ю*: *красивѣе* значит не только немножко выше *красивого*, но даже и почти *самый красивый*. Хотя у нас и выражается первая нижайшая степень сравнительная приставкою *по-*: *покрасивѣе*, однако обозначение отдельных степеней предназначено в языке только числительным именам порядочным. В степенях положительной, сравнительной и превосходной замечается такая же *т р и л о г и я* языка, как в родах — муж., жен. и средн., или как в залогах — действ., страд. и средн. И как в некоторых языках могут отсутствовать средн. или жен. род, страд. или средн. залог, так и в некоторых языках, напр. в славянском, нет формы превосходной степени или, напр. во французском, ни превосходной, ни сравнительной; такие языки принуждены употреблять описание, напр. в русск. *самый* для превосходной степени: *самый полезный*; эту превосходную степень можем мы гиперболически увеличивать, изменяя положительную степень прилагательного в сравнительную: *самый нужнѣйший*. Хотя против такой будто бы излиш-

ней формы восстают некоторые наши грамматики, но лучшие наши писатели, употребляя оную, уничтожают всякое сомнение, напр. Карамзин. Ист. гос. Рос., I, 177: (Ольга) *давала уставы, самые простые и самые нужнѣйшіе*.

Образующие слог в степенях сравнения:

1. Санскр. для сравн. *-tar*, *-s*, для превосх. *-tam*, *-schth*: санскр. срав. *-tar*, в наших *ко-тор-ый, в-тор-ый*; в гр. *πό-τεο-ος, εὐρύ-τεο-ος* (*latior*) от *εὐρύς* (*latus*); в лат. *uter, dexter, noster*; нем. *größer, schöner*. Санскр. прев. *-tam*, в лат. *in-tim-us, ul-tim-us*, санскр. прев. *-schth*, в лат. *-issimus*, в нем. *-st*, в слав. *-ший* (и может быть, увеличивающее окончание *-ще: домище*).

2. Греч. для сравнит. *τεο-των*, соответствующее латинскому *-ius* и нашему *-яе, -ѣе*; для превосходн. тат, вместо санскр. *tam*, и *-ιοςτος*, одинаковое с нем. *-st*; *καθαρός* (*purus*), *καθαρώτερος* (*purior*), *καθαρώτατος* (*purissimus*); в прилаг., означающих направление вверх, вниз и т. п., *τεο* и для положительной степени: *ἀνώτερος* (*superior*), *κατώτερος* (*inferior*), *δεξιτερός* (*dexter*), *αριστερός* (*sinister*) и проч., *ἡδύς* (*suavis*), *ἡδίωv* (*suavior*), *ἡδιστος* (*suavissimus*); *κράτυς* (*fortis*), дор. *κράσσων*, атт. *κρείσσων*, превосх. *κράτιστος*.

3. Латинск. образующий слог сравнит. *-ter, -er*, превосх. степени *-tim, -im*: *uter, neuter, alter, noster, vester, exter, dexter, sinister, inferus, superus, nuperus*; нареч. *aliter, breviter* и пр.; частицы *inter, praeter, subter, super*; *intimus, ultimus, optimus, similimus, nigerrimus, minimus, primus, septimus, decimus*; нареч. *virilim, gradatim, statim, sensim, pensim, raptim*. Сравн. *-ior, -ius*, превосх. *-issimus*: *facilis, facilior, facilius, sanissimus, maximus* (вм. *magsimus*), *proximus* (вм. *propsimus*).

4. Немецк. сравнит. *-r*, превосх. *-st*: *welch-er, -er -ste*; некоторые существительные образовались степенями сравнения: *die Eltern* (*parentes*), *die Vordern* (*majores*), *der Herr* (*hêriro*), *der Fürst* (*furisto*), *der Jünger* (*jungiro*), *der Nächste* (*proximus*). Как сравнительная и превосходная степени являются *selber* и *selbst*. Слич. у Плавта *ipsissimus*, прев. ст. от *ipse*; фр. *même*, прежде *meismes, mesme*, от превосходной степени *medesimo, metipsimus*, положит. степень коего есть *metipse*, испорченное из латинск. *ipsemet*.

5. Славянск. сравн. *тр* и превосх. *тм* сохранились в немногих словах: *который, второй, седмый*, слич. *septimus, осьмый*. Окончание *-тр* во всех языках, кроме санскр. и греч., является только исключением для сравнительной степени, в греч. же и санскр. главным правилом. В нашем двойном окончании сравнительной степени видно сродство и с сравнительным окончанием гр.-των, лат. *-ior, -ius*, и с превосходной степени окончанием санскр. *-schth*, лат. *-issimus*.

В образовании степеней некоторых прилагательных оказывается древнейшая и вместе органическая неправильность, которую должно признать формальным преимуществом, впоследствии затерянным другими прилагательными. Об этой неправильности должно сказать, равно как и о неправильном спряжении и склонении (именно место-

имений), что она касается таких слов, которые всех чаще употребляются и, будучи непрестанно необходимы в речи, по большей части становятся вспомогательными для описательных выражений, заменяющих утраченные флексии. Потому в этих словах высокая формальная сила и, так сказать, удобоприменительность, отчего они становятся способными к исправлению своего вспомогательного служения. Здесь гений языка удачно сочетает внутреннюю тайну формы словесной со внешней ее красотой и удобоприменительностью к употреблению. Так, неправильность степеней сравнения происходит от различных корней для трех степеней одного и того же прилагательного: правильное образование оных было бы утомительно однообразно, ибо прилагательные, неправильно восходящие по степеням, весьма часто встречаются в речи.

Прилагательные во всех сродных языках с неправильными степенями сравнения:

1. Понятие хорошего: *хорошѣ, лучшій*; цс. *доврын, оґніи, оґніши*, польск. и чешск. *лѣпши* (от *лѣпный*), сербск. *болій*, крайнск. *большій*, гр. ἀγαθός, ἀμείνων, ἄριστος, βελτίων, βέλτιστος и κρείστων, κράτιστος, λῦων, λῦστος, лат. *bonus, melior, optimus*, нем. *gut, besser, beste* (старин. *basz*, гот. *batiza*), фр. *bon, meilleur* (старин. *mieldre, meilleur*¹).

2. Понятие дурного: цс. *злыи, горшии*, гр. κακός, κακίων, κάκιστος правильно, но вместе и χειρόν χειρίστος, ἥσσων, ἥκιστος, лат. *malus, pejor, pessimus*, фр. *mauvais, pire*, старин. *mal, pire (pejor, pious), pesme*;

3. Понятие великого: *великѣ, большій*; цс. *воліи, впацшии*, чешск. *větši* (ветши), гр. μέγας μείζων, μέγιστος, лат. *magnus, major, maximus*, фр. *grand (majeur)*, старин. *maire (maior)*.

4. Понятие малого: *малый, меньшій*, цс. *мнии*, гр. μικρός — σμικρός, ἐλάσσων, ἐλάχιστος, μείων, μείστος, лат. *parvus, minor, minimus*, нем. *minder*, фр. *petit, moindre (mineur)*, старин. *mendre (menor)*.

5. Понятие многого: *много, больше*; гр. πολύς, πλείων, πλείστος, лат. *multus, plus, plures, plurimus*, нем. *viel, mehr* (родственно с гот. *mikils* — велик, и μέγας), фр. *meist, am meisten*, фр. *plus*.

6. Понятие немногого; гр. ὀλίγος, ὀίζων, ὀλίγιστος, μείων, μείστος, лат. *paucus, paucior, paucissimus*.

Понятия хорошего и великого, великого и многого переходят одно в другое: так, в одних славянских наречиях *большій* значит „melior“, в других „major“. Переход прекрасного в доброе: гр. βελτίων — ἀμείνων, *лѣпшій* от *лѣпный* — pulcher. Нашему *малый* родственны лат. *malus*, нем. *small (tenuis)*. Замечательно, что французский язык, употребляющий описание для степеней сравнения, удерживает особенные формы для оных в прилагательных, неправильно восходящих по степеням.

¹ Diez. Gram. d. romanisch. Spr. 1838, т. II, с. 58.

В образовании порядочных числительных все индоевропейские языки допускают форму степеней сравнения. Если *тысячный* представить самым высшим, то *первый* будет самым нижним; и наоборот, если *первый* рассматриваем как самый высший, то *тысячный* покажется нам самым нижним; в связи с этим слова, означающие верх, вниз и т. п., в образование свое допускают во многих языках формы сравнительной и превосходной степени. Замечательно, что о порядочных числительных мы и спрашиваем словом, стоящим в сравнительной степени, именно вопросительным *который?*

1. Лат. *primus* и нем. *erst* образовались превосходною степенью: *-m, -st*, гр. πρῶτος.

2. *Второй*, с сравнит. *-top* — как *ко-тор-ый*, гр. тоже сравнит. ἕτερος, из лат. *alius*, сравн. степень *alter* (*aliter*, что видно еще из наречия). Как с нашим *другой* однозвучно *друг*, так и с греч. ἕτερος — ἑταῖρος, ион. ἑταρος, слич. ἕτης (propinquus).

3. *Третий*, *tertius*, *dritte*: *t* превосходная степень.

4. *Четвертый*, *quartus*, τέταρτος, *vierte*.

5. *Пятый*, *quintus*, πέμπτος, *fünfte*.

6. *Шестой*, *sextus* и пр., санск. *шаштас* от числительного количественного *шаш* (шесть).

7. *Седьмой*, *septimus*, ἕβδομος (вм. ἕττομος), с формою превосходной степени *tm*.

8. *Ос-мой*, 9 — *девя-тый* и т. д.

Синтаксические заметки

Научное преподавание отечественного синтаксиса может быть только сравнительное и историческое, на основании логических начал: сравнительное исследование определит, в чем состоят идиотизмы (идиоматизм.— Л. Х.) нашего словосочинения; историческое же укажет их происхождение и вековою давностью запечатлеет их необходимость и исконность. Пока у нас не будет полного исторического синтаксиса, до тех пор нельзя и решить, что и сколько нужно знать из него гимназисту. По крайней мере, для соображения при чтении писателей и при задачах письменных предлагаю несколько заметок.

Имя

G r i m m D. Gr., т. IV, с. 254 и след.

Существительное дает предмету имя, прилагательное обозначает свойством. Первоначально, вероятно, и существительное произошло от названия свойства, но это название со временем стемнело и перешло в общее понятие, тогда как односторонний смысл прилагательного упорнее поддается изменению. По той причине удобнее переносятся в язык чужестранные существительные, нежели прилагательные, ибо сии последние требуют большей вразумительности; по тому же прилагательные и стареют легче,

ибо как скоро их значение несколько стемняется, употребление тотчас отбрасывает их.

Хотя оба, и прилагательное и существительные, происходят от глагола, однако простое прилагательное по своему ясному и прозрачному значению стоит ближе к корню, чем простое существительное; и синтаксически признается эта теснейшая связь прилагательного с глаголом. Древнейший период языка менее нуждается в прилагательных, пользуясь вместо оных еще глаголами; один глагол выражает тогда то же самое, что впоследствии заменяется описанием, состоящим из прилагательного и глагола вспомогательного. Впрочем, отделение понятия глагольного от понятия прилагательного необходимо и для точности выражения, ибо прилагательное означает свойство более спокойное, пребывающее, глагол же — деятельное: слич. *viget, valet, pollet* и *fortis est* и пр.

Глаголам дана сила непосредственно переходить в имена через причастие и неокончателное наклонение. Однако пока в причастии преобладает понятие глагольное, выражает оно действие живее, чем прилагательное: потому *зеленѣющій, горящій* деятельнее, чем *зеленый, горячій*. В некоторых именах существительных значение причастия более и более утрачивается, напр. нем. *freund, feind, heiland*¹. Вместо причастия или вместо глагольного сказуемого с лицом в старину употреблялись существительные, напр.: *поминатель злу и забыватель добру* (Молитв. Кирил. Туровск.); *и о землѣ великой печальникъ* (Ист. гос. Рос., X, пр. 82); *посаженикъ былъ тотъ Валитъ на Корельское владѣніе отъ Новгородскихъ посадниковъ* (Ист. гос. Рос., XI, пр. 56). В первых двух примерах существительное вместо глагола действительного, в последнем вместо страдательного. Надобно отличать еще описательное употребление существительного вместо глагола: *съ отравы бѣ ему смерть* (Ипатьевск. лет., 91); *что у него были въ изыманьи* (Новог. лет., 102), т. е. были им взяты в плен.

Касательно согласования замечательно употребление множественного числа глагола с существительным собирательным единственного числа: в Остромир. ев.: *народъ же стога и слышавъ глаголахъ*, л. 42 (но далее, 42; *отвѣща емоу народъ*), *молиша и весь народъ*, л. 99, *рѣци да каменіе се хлѣви вждѣть*, л. 261; у Нестора по Лавр. сп., 6: *сѣдѣть Весь*, 18: *идуть Русь*, а 19: *идуть Русь* и *иде Русь*, 19: *рѣша же дружина Игорева*, 24: *и да не имѣютъ власти Русь зимовати*, 29: *къ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя?*, 34: *а дружина сему смѣются начнуть*; Слов. о полк. Иг.: *храбрая дружина рыкаютъ*; Новог. лет., 16: *приходиша вся чудьская земля Пльскову*, 57: *и чернь не хотѣша дати числа*; Ипатьевск. лет., 55: *ту къ тобѣ дружина твоя вси приѣдутъ*, 59: *Русь переѣхаша*; Псковск. лет., 215: *Литва Москвою завладѣли*, Др. рус. стих., 149: *и весь народъ тому смѣялися*, 152: *втапоры донесли народъ Кіевской*, 224: *и собираются тутъ православной народъ*, 174: *втапоры его*

¹ Grimm. Deutsche Gram., т. IV, с. 255.

дружина хорабрая купалися во Ерданѣ рѣкѣ. Слич. Др. рус. стих., 51: *гой еси вы, дружина хорабрая*, 80: *твою дружину хорабрую мужики Новгородские встѣхъ прибили переранили* и в Пск. лет., 32, 150: *бѣше гость силенѣ, т. е. собирательное, вм. было много гостей*. Собирательные *пять, шесть, сколько, столько* могут употребляться со множ.: *подѣ первой рогѣ несутъ пять человѣкѣ, подѣ другой несутъ столько же*, Др. р. ст., 130, *поиша ю седмѣ (oi éptá)*, Марк, 12, 22.

Несогласование в падежах: 1) при названиях церквей: *заложи церковь камену святой Петръ* (Новог. лет., 112), *поставиша церковь камену святой Стефанѣ* (Пск. лет., 40), что может быть, впрочем, объяснено и древним винит. падежом; 2) при названиях рек: *за Омь рѣкою, ходомѣ днища съ два*, Ист. гос. Рос. X, пр. 39 (1595 г.); о таком употреблении в Др. рус. ст. сказано в другом месте¹. Соединение собственного имени реки с нарицательным весьма часто в Несторе: *по Ефратѣ рѣку* (Лавр. сп., 1); 3) князь: *просити князь Ивана Бабица* (Пск. лет., 139), *по князь великого велѣнїю* (ibid, 145), *на князь Григоревыхъ и Ондреевыхъ людей* (Ист. гос. Рос., XII, пр. 38).

Употребление прилагательного вместо существительного в родительном падеже составляет исконное свойство славянского синтаксиса. Еще в переводе Ексарха Иоанна «Грамматики» Дамаскина родительные падежи от *человѣкѣ, жена, естество* означены: *человѣкѣвъ, жена, естествово*². Это правило в старину даже злоупотреблялось: так, в Дамиановом Апостоле: *плоды праведными* вм. *плодовъ правды, слово истинное* вм. *слово истины*; в Драгомир. Кодексе Иаков., 4, 4: *любь мирскаа вражда божїа есть*, т. е. η ϕ лїатoу χ oсmоv ξ χθoα тоу θεοу εστιν; в исправленном тексте понятно: *любь мїра сего вражда богу есть*³. Как в старину неясность была от злоупотребления прилагательного вместо существительного в родительном, так в новейшее время от злоупотребления родительного существительного вместо прилагательного, напр. в I томе Ист. гос. Рос.: *народ в иступленїи ярости умертвилъ отца и сына* (Федора и Иоанна), *которые были такимъ образомъ первыми и послѣдними мучениками христіанства въ языческомъ Кїевѣ*; двусмыслие оттого, что этот родительный можно почестъ и род. лица действующего, т. е. *христіанство мучило*, и род. определения, т. е. *христіанские мученики*. И у других славянских племен, напр. у чехов, в старину употребительнее было прилагательное вместо родительного сущ.; так, в Краледворской рукописи: *k vrchu ku hradovı* (кверху ко градову); *voınow zaboıeııch*, 78 (*воинов Забоевых* вм. *Забоя*); в чешск. псалт. XIV в.: *bóh bohovú* (бог боговый) вм. *deus deorum, den bojovú* (в день боевой) вм. *in die belli* и пр.⁴.

¹ В Москве и теперь случается слышать: на Москва-реке.

² Калайдович. Иоан. Екс. Болг., с. 77.

³ Добровский. Instit. linguae slavicae, с. 628 и след.

⁴ См.: Шафарик и Палацкий. Die ält. Denkmäl. d. böhmisch. Spr., с. 82.

В наших летописях это правило еще более распространяется: прилагат. употребляется не только в м. род. сущ., но и в м. других падежей, отчего иногда зависит сила и краткость. В Нестере по Лавр. сп., 75: *людье изнемогаша водною жажею*; 83: *на оученье книжное*. В Новог. лет., 27: *про зажъженіе градъное*, 114: *отъ скорби тоа великія пожарныя*, т. е. *скорбь от пожара*. В Ипатьевск. лет., 162: *изнемогаху жажею водною*, 172: *отъ удареня мечеваго*, 178: *ломъ копейны*, 208: *пойдоша неволею татарскою*, т. е. *принуждаемые татарами*, 126: *преставися князь Изяславъ Глѣбовичъ, отъ стрѣльной той раны*, Пск. лет., 176: *и переняша псковичи полоняную свою вѣсть*, т. е. *весть о своем плене*. Следов., прилагат. употребл. в м. 1) род. подлежащ. или лица действующего: *копья ломаются — ломъ копейный*, 2) род. определ.: *день боя — день боевой*, 3) дополнения: *жажда воды — водная, вѣсть о плѣнѣ — полоняная*, 4) обстоятельства: *рана отъ стрѣлы — стрѣльная, скорбь отъ пожара — пожарная* и пр.

Дательн. падеж в м. родит. составляет древнейшую особенность языка славянского; так, в Библии: *отъ отца свѣтомъ*, Иак., I, 17 (исправл. *свѣтовъ*), *единъ ходатай богу и человекомъ*, I, Тим., 2,5 (исправл. *бога, человековъ*¹). Такой дательный встречается и в народной поэзии, напр. Др. рус. ст., 276: *онъ правитель царству Московскому, оберегатель міру крещеному*, и у позднейших поэтов, напр. у Ломоносова: *великое светило миру*; выражает более, нежели род. пад., ибо означает живейшее отношение к лицу.

Как особенность любопытную следует заметить родит. множ. для означения фамилии, напр. Пск. лет., 90: *князь Иванъ Ивановичъ Дябренскихъ князей*; *ibid.*, 208.: *грамота, утвержденная о избраніи на российский престолъ царемъ и самодержцемъ Михаила Феодоровича Романова — Юрьевыхъ* (Собр. гос. гр. и дог., I, 599).

Разнообразное употребление творит. падежа составляет искони ведущееся достояние славянского языка. Творит. придает речи силу, когда употребляется: 1) для означения места: *а половци неготовами дорогами побѣгоша*, Сл. о полк. Игор. В Краледворской рукописи, 74 *postupisie mustuo lesem* (поступише мужство лесом), 86: *spieie lesem tѣmnim* (спешит лесом темным), 88: *hradem wezdie bieha* (градом везде бега). Сис. Fam., 10, 9: *via breviorē equites graemisi*; 2) времени: *Архангельской городъ древянной однимъ годомъ поставили*, И. Г. Р., X, пр. 135; Caes., В. С., I, 47: *caesariani milites — quinque horis proelium sustinuerant*; 3) качества: в Повести о взятии Трои, переведенной для Симеона Болгарского: *сѣдъ главою и брадою кудрявою*; (Парис) *обусѣваа, длъгымъ лицемъ и възнесенома бровма*; (Касандра) *чиста зело, мужескимъ творомъ*; (Поликсена) *лѣна, голената, дѣвою*, Иоан. Екс. Болг. Калайд., 182, 183; Suet. Caes., 45: *Caesar fuisse traditur excelsa statura, colore candido, teretibus membris, ore paullo pleniorē, nigris vegetisque oculis, valetudine prospera*; 4) творит. уподобления: *Гзакъ бѣжитъ*

¹ Добровский. Inst. ling. slav., с. 630.

сѣрымъ влѣкомъ, Сл. о полк. Игор. В Суде Любуши стих. 103: *zarve jarut turet* (заревел ярим туром)¹; 5) творит. образа действия: в Краледворской рукописи, 46: *proletie lesi ieleniem skokem* (пролете леси оленьим скоком), 74: *i pozrsiesta lisima zrakota* (и позреста лисьма зракота), 74: *tudi spei lisimi skoki* (туда спешит лисьими скоками). Котоших., 126: *a живутъ они своими покаями, на томъ же боярскомъ дворѣ*; здесь своими покаями обстоятельство не места, а образа действия, а место означено предлогом *на*. Котоших., 123: *который женится другою женою на дѣвицѣ*: слич. лат. *ablativus modalis* Cic. Off., I, 13: *injuria fit diobus modis, aut vi, aut fraude*, и др.; 6) творит. также обстоят. вм. падежа с предлогом: Нест. по Лавр. сп., 31: *бѣ тогда царь имянемъ Цѣмьскии*, 37: *воевода ихъ, имянемъ Прѣтичь*. Карамзин в Ист. гос. Рос. обыкновенно употребляет *именем* вместо *по имени*, от *имени*; как свойствен нам этот оборот, видно из того, что еще в Остром. ев. *именемъ* употребляется вм. греч. *τὸν ὄνομα*, л. 202, *ἐν τῷ ὀνματι*, л. 205, и др.; 7) творит. причины: Новог. лет., 5: *а смородѣмъ нелга вылѣзти* (вариант: *а смрады нельзѣ вылѣзти*), 6: *вѣсе же лѣто ходи Всеволодѣ въ Русь Переяславлю, повелѣниемъ Ярополцѣмъ*, 137: *бѣше же на пути гѣснота доспѣшными людьми*. Слич. лат. Нер., 21, I: *Darius senectute diem obiit Supremum*.

Глагол

Прежнее употребление глаголов было гораздо вольнее, гибче и многостороннее. Иные глаголы теперь потеряли свою простую форму и требуют непременно приставки, напр. *выздоровить*, *поздравить*, в старину и просто: *здоровить*, *здравить*; в Ипатьевск. лет., 87: *бѣ тогда Святославъ не сдравуя*, вм. нынешн. прилаг. *был нездоров*. Иные потеряли значение залога действительного, которое прежде имели, вместе с средним, напр. Псал., 103, 14: *прозябая траву скотомъ*. И наоборот, иные утратили форму среднюю, оставшись только с действительной, напр. *ополить*, а прежде было и *ополѣтъ*: *двери райскіи ополѣли* (Новог. лет., 108), *гордѣтъ*, а теперь с *-ся гордиться: нача гордѣти велми* (Ипатьевск. лет., 201). Особенно замечательно употребление средних глаголов с *-ся: падеся церкви* (Новог. лет., 5, 110). Некоторые из этих глаголов не устарели и теперь, напр. *плакаться*, искони употреблявшийся у славян: Нест. по Лавр. сп., 29: *плакася по мужи своемъ*; Слово о полк. Игор.: *плачется мати Ростиславя по уноши*; глос. Mat. verb.: *placere se* (плаче се) *flet, placati se* (плакати се) *flere, ubertim lacrimas fundere*; Ипатьевск. лет., 217: *и плакася по велику*. Слич. Новог. лет., 59: *литва же начаша бродитися на сю сторону*, 103: *воевався с ними*.

Управление глаголов пользовалось большою свободою, напр. *учить*, кроме дат. пад., с предлогами *на*, *къ*, *въ*; в Др. р. ст., 255: *на умъ учить*, 47: *втапоры поучился Волхъ ко премудростямъ*, 73: *учить его во грамотѣ*; Псал., 1, 2: *въ законѣ его поучится*

¹ Слич. Шафарика и Палацкого «Die ält. Denkmäl. d. böhm. Spr.», с. 82.

день и ночь; говорить, с дополнением — *въ разговоры: царь с царицей въ разговоры говоритъ* (Др. р. ст., 49) и с обстоятельством — *въ разговорѣ: въ разговорѣ говорилъ* (И. Г. Р., XI, пр. 153); *мыслить* с предлогом *на*, для означения «помышлять на кого войною»: *нача мыслити на древяны, хотя примыслили большую дань* (Нест. по Лавр., 26); *воевать* как действит. глагол: *воевати Вифаньския страны* (Нест. по Л., 18), *воевати Болгарьску землю* (ibid, 20); также употребляет и Карамзин этот глагол в Ист. гос. Рос.: *учинить, учиниться* с предл. *надъ: сяко чиниши надо мною* (Ипатьевск. лет., 214), *сказываете что над государством государя нашего по грѣхамъ учинилося* (Ист. гос. Рос., X, пр. 78), *по грѣхамъ надъ Добрынею учинилося*. (Др. р. ст., 62), *по грѣхамъ надо мною княземъ учинилося* (ibid, 161); в старинном чешском романе „Ткаdlíček“ (с. 11 и друг.): *padetní uĕinilo* (надо мною учинило). Иногда дополнение так прирастает к глаголу, что вместе с ним образует как бы одно слово, напр. *милости просим, целовать крест*; следов., надлежит отличать позднейшее случайное дополнение к сим глаголам от сросшегося с ними первоначального: *милости тебя просимъ за единой столъ хлѣба кушати* (Др. р. ст., 172), *на томъ бо цѣловали бяше крестъ къ нему* (Ипатьевск. лет., 83), *и цѣловаста крестъ межи собою на всей любви* (ibid, 84).

Страдательный залог употреблялся гораздо чаще и вольнее теперешнего, напр. в Др. р. ст., 85: *всѣ вы въ Киевѣ переженены*, 113: *не корыстна у насъ шутка зашучена*, 156: *булавами буйны головы пробиваны*. Лицо действующее, кроме творительного падежа, ставилось с предлогом *отъ*, напр. в Краледворской рукоп., 70: *tobie ot nich dano*; в Др. р. ст., 347: *что бытъ змѣю убитому отъ молода Добрынюшки Никитича*, 104: *потерянь мой сынъ царевичъ Димитрій Ивановичъ на Угличѣ отъ тѣхъ отъ бояръ Годуновыхихъ*. Замечательно употребление средних глаголов, как страдат. с творит. лица действующего или с пред. *отъ* при лице действ.: *вся поднебесная осіяла молнією* (Пск. лет., 109); *залегла та дорога тридцать лѣтъ отъ того Соловья-разбойника* (Др. р. ст., 357). Еще замечательнее в этом случае безличная форма глагола с твор. лица действующего: *траву водою по рѣкамъ и по ручьям отняло* (Пск. лет., 104); *сшибло с головы золото кольцо тою стрѣлкою каленую* (Др. р. ст., 99). Такой оборот стоит на середине между глаголами средним, или действительным, между страдательным и безличным.

Для безличного глагола у нас две господствующие формы: на *-ся* (о чем говорено в другом месте) и страдат. причаст. в средн. р. В старину последняя форма была употребительнее теперешнего, напр. в Др. р. ст., 169: *смолоду бито много, граблено*, 84: *не упито, не уѣдено, украснѣ хорошо не ухажено, а цветного платья не уношено, а увѣче на вѣкъ залѣзено*.

Русский язык чрезвычайно беден формами времен, имея только одну, которую мы употребляем и для настоящего и для будущего времени. Отсюда, кроме вспомогательных глаголов, необходимость видов, коими мы заменяем многообразные отношения времен. Уже

в самом неокончателном наклоненнн выражаем мы время или продолженнем — *говорить*, или началом — *заговорить*, или совершеннем — *сказать*, или усугубленнем — *говаривать*. К образованию видов весьма много содействуют предлоги, оттого при старинных глаголах необыкновенная гибкость в сложеннн с предлогами, напр. Ипатьевск. лет., 206: *изнайти*, Пск. лет., 156: *изотняша*; Котошихин, 7: *а какъ ѣству испоставятъ*, 48: *рѣчь по наказу изговарятъ*; Др. р. ст., 144; *будто зайца въ кустъ изѣхали*, 228: *а и сумочки изповѣсили*, 106: *изподернуты бархатомъ*, 227: *бѣлыя рученьки изприложены*, 386: *изпроѣхала*, 210: *приправилъ онъ своего добра коня, принастегивалъ богатырскаго*. Так как времена, настоящее и будущее, отличаются только кратностью, а не формой, то весьма легко будущее могло употребляться вместо настоящего, напр. в Слов. о полк. Игор.: *млѣвить Гзакъ Кончакови*; Др. р. ст., 29: *и будутъ они въ высокнхъ теремахъ, и ужасается Владимиръ князь*; Ипатьевск. лет., 214: *будущу же ему ту*; Котошихин, 17: *горе тогда людемъ, будучимъ при томъ погребеннн*.

Из церковнославянскихъ прошедшихъ простыхъ форм в русскомъ нетъ никоторой. Наше прошедшее образовалось еллипсисомъ изъ прошедшего описательнаго, черезъ опущенне вспомогательнаго глагола: *сотворилъ* вместо *сотворилъ есмь, еси, есть*. Описательная форма прош. еще употреблялась в Др. р. ст., 404: *еще имали были свои добрыя кони; а поѣхали были на своихъ добрыхъ коняхъ*. Впрочем, давно уже употребляется и нынешняя еллиптическая форма, напр. в Слове о полк. Игор.: *заря свѣтъ запала, мѣгла поля покрыла. древо съ тугою къ земли преклонилось. вѣстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. вступилъ дѣвою на землю Трояню, вѣплескала лебедннми крылы на Синѣмъ море*. Замечательно, что опущенне вспомогательнаго началось с 3-го лица; при второмъ же лице еще полная форма: *ты пробилъ еси, ты лелѣялъ еси* (Сл. с полк. Игор.). У насъ прошедшее время употребляется какъ причастие, согласуясь в родахъ и не имея лицъ: *былъ, была, было, были*. Впрочем, в другихъ славянскихъ наречняхъ, напр. в польскомъ, к причастию прибавляется личное окончанне: для единственнаго перваго лица *-м*, для втораго *-с*, для множественнаго перваго *-смы*, втораго *-циѣ*; потому польское прошедшее имеетъ и лица, и рода, образовавшись изъ причастия: напр. ед. 1-е лицо муж. *byłem*, жен. *byłam*, ср. *byłom*; 2-е лицо муж. *byłeś*, жен. *byłaś*, ср. *byłoś*; 3-е лицо муж. *był*, жен. *była*, ср. *było*; множ. 1-е лицо муж. *byliśmy*, жен. и ср. *byliście*; 2-е лицо муж. *byliście*, жен. и ср. *byłyście*; 3-е лицо муж. *byli*, жен. и ср. *były*.

Недостатокъ будущей формы восполняется в славянскомъ языке описаннемъ с вспомогательными: *буду, стану, хочу, имамъ*. 1) С вспом. *буду* futurum conditionale или exactum: в Рус. Правде: *будетъ оубилъ* (Рус. дост., II, 12); у Нестора в договор. с грек., по Лав. сп., 23: *еще ли взялъ будетъ*, 23: *еще ли купилъ буде гречннъ подѣ хрестомъ, достоятъ ему да возьметъ цѣну свою, елико же далъ будетъ на немъ*, 24: *будетъ створилъ*; в чешск. псалт. XIV в.: *aě zarotanul budu тебе*, Пс., 136, 5; у насъ: *еще*

забуду тебе. В польском наречии и теперь употребительна эта форма *będe kochał, będziesz kochał* и пр. Условное значение этого вспомогательного глагола особенно тогда явствует, когда он или не согласуется с главным глаголом в числе, напр. у Даниила Заточника: *аще ли будетъ родилси въ матеръ, и они возростыши мене продадутъ* (Памят. рус. лит. XII в., 239), или стоит с глаголом будущего времени, напр. в Ист. гос. Рос., XII, пр. 9: *а будетъ кардиналь его папы въ томъ не станетъ слушать, и онъ его проклинаетъ*. Как союзы *бы* и *дабы* остаток от древнейших описательных форм прошедших: *былъ быхъ, былъ бы; да быхъ имѣлъ, да бы имѣлъ*, так *буде* остаток от будущего условного. 2) *Стану, сталъ*, столь употребительное в русск. для описательных форм, и в других языках является вспомогательным, напр. по-нем. *es steht zu hoffen*, по-фр. *j'ai été*, причастие *été* образовалось из лат. *sto*; по-лат. самый глагол «существовать», «быть», *existo* состоит из *ex, sto*, что видно из *exstiti*. 3) У Нестора попадаетея еще старинная болгарская форма описательная с *хощу*: *лютъ се мужъ хоче быти*, Лавр. сп., 41. Русские, богемцы, поляки употребляют *буду* для описательного будущего, а сербы *хочу*, которое у них изменилось в *тю, тѣш, тѣ*: этот вспомогательный глагол у них или просто приставляется к неокончат. наклонению: *пѣти тю* (пещи хочу, печь буду), *пѣти тѣш* (будешь печь), *пѣти тѣ* (будет печь); или присоединяется как окончание *і братю* (орати хочу, буду пахать), *оратѣш* (орати хошеши), *оратѣ* (орати хошеть). 4) Как сербское будущее сливается из описательной формы с *хощу*, так малорус. (украинское.— Л. Х.) образуется через приставку вспомогат. *иму* (*имаю, имѣю*) к неокончат. наклонению: *могѣму, могѣмеш, могѣмешъ*, т. е. имею мочь, имеешь мочь, имеем мочь, т. е. смогу, сможешь, сможем и пр.; хотя у нас теперь описат. с *имѣю* употребляется только в высоком слоге, как архаизм, однако в областных наречиях еще сохраняется, напр. в вологодском: *иму дѣлать* (Труд. Общ. л. р. с., 1822, I, 242).

Глагольные еллипсисы. Распространенным описательным формам противопоставляются эллиптические, сокращенные. Выпускаться может только такое слово, которое от частого употребления или легко может подразумеваться, или надоело и опошлело. Живые, свежие изречения опускаться не могут. Потому в русском языке опущение вспомогательного *есмь, еси* и пр. составляет одно из главнейших эстетических достоинств. В других языках, напр. в немецком, вспом. *есть* отбрасывается только в пословицах¹, напр. *besser ein Sperling in der Hand, als zwei auf dem Dach; wie der Herr, so der Knecht* и пр. В русском же опущение это входит в образование самых времен, напр. прошедш. *сотворилъ*; переходом к этому опущению надобно почестъ равнодушие при употреблении этого вспомогательного глагола: мы ставим *есть* при всех лицах и при множ. числе, напр. *у меня есть книги*, что попадаетея уже в Несторе по Лавр. сп., 30: *се уже есть покорилися мнѣ*.

¹ Grimm. Deutsch. Gram., IV, с. 131.

В эллипсисе, кроме опускаемого слова, должно обращать внимание на противоположное ему, т. е. на восполняющее недостаток опущенного. Таково у нас неокончателное наклонение. Если это употребление рассматривать только со стороны логической, то в нем найдешь недостаток, ибо неокончателное наклонение как форма отличенная от времен и лиц не соответствует обыкновенному грамматическому построению, имея смысл глагола безличного. В отношении же краткости и выразительности это наклонение придает речи большую красоту и с давних времен весьма любезно русскому языку. Оно употребляется: 1) в. будущего времени, напр. в Слове о полк. Игор.: *быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шелома Половецкыя*. Это будущее отличается от обыкновенного тем, что содержит в себе понятие о необходимости; 2) в. настоящего или прошедшего, также с понятием необходимости, что может быть объяснено опущением слов *льзя, нельзя* и т. п.: Ипатьевск, лет., 59: *токмо весла видити, а человекъ бжеть не видити*; Пск. лет., 154: *а во Псковѣ видѣтъ дымъ и огонь*. Следов., еще легче употребляться ему; 3) в. повелительного наклонения, в Сл. о полк. Игор.: *начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени*. В старинных юридических актах повеления выражаются обыкновенно неокончателным: *судѣ судити бояромъ и околничимъ, а на судѣ быти у бояръ и у околничихъ діакомъ, а посуловъ бояромъ и окольничимъ и діакомъ отъ суда и отъ печалованія не имати*, Закон. Иоан., III (изд. Калайдовича, с. 3). Дат. пад. и здесь означает отношение к лицу и потому легко заменяет подлежащее или лицо действующее. Эллиптическое неокончателное наклонение употребляется как безличный глагол: *за царя итти — ей царицей слыть* (Др. р. ст., 137), *на Волге жить — ворами слыть* (ibid., 114). В прошедш. вр.: *пѣти было пѣсь* (песнь) *Игореви*, Сл. о полк. Игор.; в будущем: *моей крови тебѣ не пить будетѣ* — Др. р. ст., 208. Хотя неокончателное наклонение есть переход глагола к существительному, однако содержит в себе большую силу, выражая видами моменты действия и дополняя наклонения означением понятия необходимости.

Замечателен эллипсис в соединении причастия с глаголом *поздравлять*: *и потомъ бояре и боярыни царя и царицу поздравляютъ обручався* (Котошихин, 6), *и потомъ протопопъ и свадебный чинъ царя и царицу поздравляютъ вѣнчався* (ibid., 9), *и отцы и матери, и весь чинъ, царя и царицу поздравляютъ сочетався законнымъ бракомъ* (ibid., 9). Это весьма употребительное и теперь в разговоре словосочинение, вероятно, основывается на другом, правильном сочетании деепричастия с глаголом, попадающимся в Др. р. ст., напр. с. 202: *здравствуй, женившись*.

Предлог

Эмфатическое повторение предлога, столь употребительное в Др. р. ст., напр. 54: *во стольномъ во городѣ во Киевѣ*, принадлежит глубокой древности, попадаясь не только в наших летописях,

но и в древнейших памятниках прочих славянских наречий, напр. в Суде Любуши, 25: *ен-же приде с плъкы с чеховыми, qui venit cum catervis cum Čechiis* в Краледв. рук., 72: *powšiech pokrajinach*, 86: *kuhradu kutwrdu*, 96: *zadusicu tecie zaotletku* (по всех по краинах; ко граду ко тверду, за душицу за отлетку (за отлетевшею душою). В Нест. по Лавр. сп. 3: *волохомъ бо нашедшим на словѣни на дунайския*; Ипатьевск. лет., 212: *на городъ на Лвовъ*; Новог. лет., 32: *послаша по Ярослава по Всеволодиця, по Гюргевъ вънукъ*.

1. Старинное управление предложениями: *съ* с винит. вм. род.: Новог. лет., 34; *съсѣдавшѣ съ конь, 96: а иныхъ паде съ обѣ стороны богъ въсть*; Др. р. ст., 220: *съ другу сторону, 275: литва облегла со всѣ четыре стороны*; Ист. гос. Рос., VII, 28: *съ очи на очи*.

2. Старинное значение предлогов: *въ* вм. *изъ*: и *приставиша мастеровъ деньги ковати въ чистомъ серебрѣ* (Пск. лет., 36), и *въ томъ камени создаша церковь святыи Борисъ и Глѣбъ* (ibid., 66); на вм. *для*: ibid: *просить князя на Псковъ*, Др. р. ст., 10: *а корабли его отобраны на егожъ царское величество*; на для означения штрафа вм. *съ*, *отъ*: *то все взяти на виноватомъ*, Закон Иоанна III (изд. Кал. и Стр., 13); *надъ*, употребляющееся с лицом страждущим, когда говорится о какой-либо неизбежной судьбе: *тогда баше моръ въ Псковъ надъ людми железю* (Новог. лет., 103). Слич. *учинить, учиниться* с предл. *надъ*, *объ* вм. *подъ начальствомъ*: *объ Александрѣ, обѣ Иоаннѣ* (Пск. лет., 28), здесь этот предлог значит отдельность, сосредоточенность около чего, точно так, как и *о*: *то подъялъ Стенъ воевода о своемъ умѣ* (Новог. лет., 79), более чем своим умом; слич. *о собѣ, о себѣ*; *подъ* вм. *подъ начальствомъ*: Нест. по Лавр. сп. 42: *иже суть подо мною Русь*; Др. р. ст., 244: *подъ всякимъ царемъ силы по три тмы, по три тысячи*.

3. Предлог, и теперь употребляющиеся в народном языке, попадают в старинных памятниках: *покрай*: *а и покрай было моря синяго* (Др. р. ст., 303), *покрай рѣки Смородины*, (ibid., 370); в Краледв. рук., 4: *pokrai lesa*, по вм. *за*: *послаша по Ярослава по Всеволодиця* (Новог. лет., 32); *про* вм. *о*: и *начаша князи про малое, со великое мѣвити* (Сл. о полк. Игор.).

В разговорной речи употребляется *сквозь* вм. *чрезъ*; хотя пуристы предписывают строго отличать эти предлоги, однако мы читаем в Сл. о полк. Игор.: *О Днепре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозъ землю Половецкую*; в Ломоносове, ода IX, строфа 18: *сквозь степь и блата Петр прошел*; в Карамзине, Ист. гос. Рос., IV, 33: *сквозь степи и пустыни достигнувъ до Ханского стана*; отсюда видно, что *сквозь* усиливает значение предлога *чрезъ*. Хотя у нас осталось еще *ради* в немногих выражениях, более религиозных, напр. *Христа ради, ради бога*, однако история языка нашего показывает ясно, как мало-помалу изгонялся этот предлог и терялось сочувствие к нему; так, *ради* стоит как лишняя прибавка при других предлогах: в Ипатьевск. лет., 182: *отъ множества ради*; в Пск. лет., 101: *за умноженіе грѣхъ ради нашихъ бысть моръ великъ*;

Др. р. ст., 45: *а и синее море сколебалося для ради рожденья богатырскаго*.

Некоторые предлоги теперь только слитные, прежде были отдельными, напр. *въ, воз:* в Псалм., 34, 12: *воздаша ми лукавая възблагая* (т. е. возъ благая), по переводу Ломоносова: *мне за добро въздать;* в Краледворск рук., 22 *wzchori* — на гору, 24: *wzratena* — на рамена, 26: *wzchlumek* — на холмок, 70, 80: *wz-wrahi* — на враги, 80: *wz-rucie konie* — на быстрые кони. Слич. церковнославянск. наречие **вскоюю**, образовавшееся из **въскоюю**: *кую*, вероятно, винит. падеж от *коя*, жен. род от местоимения *кой*: следов., *вскую* значит: *начто, почто, зачто, зачем*. Слич. в Ипатьевск. лет., 206: *возверхъ рѣкы Лосны, вм. наверхъ, вверхъ*.

В старину предложные наречия *вмѣсто, замѣсто* разделялись, заключая управляемое в середине между *въ, за и место*; в Остромир. еванг. от Лук., XI, 11: *въ рыбы мѣсто*, в Русск. Правде: *оубъютъ во пса мѣсто* (Руск. достоп., II, 39); Ист. гос. Рос., XI, пр. 56: *за города мѣсто было*. Иногда управляемое переходит в прилагат. и согласуется с *мѣсто*: Ипатьевск. лет., 206: *въ мое мѣсто*, т. е. вместо меня; Котошихин., 5: *во отцово и в материно мѣсто*, т. е. вместо отца и матери. Припомнить весьма любопытное разделение слова *внутри* у Ломоносова, ода V, строфа 12: *как в тяжких Таврских нутрь горах*.

Союз

Как предлоги в старину повторялись и союзы: Новог. лет., 100: *а что около него ни есть, а то тебе*; *ibid*, 146: *да входя въ ворота да кропилъ святою водою да пошелъ на свой дворъ*. В Др. р. ст. союзы прибавляются для стихотворного ладу: 1: *высота ли высота поднебесная*, 3: *есть, сударь, дорога камка, что не дорога камочка — узоръ хитер*, 4: *хитрости были Царя-града, а и мудрости Иерусалима*, 13: *кругомъ двора желѣзный тынъ, на тынинкѣ по маковкѣ, а и есть по жемчужинкѣ*, 25: *онъ будетъ въ городѣ Киевѣ, что у ласкова князя Владимира*, 27: *а во Киевѣ былъ щастливъ добръ какъ бы молодой Чюрила сынъ Пленковичъ*, 254: *и всѣ то дѣти дворянскіе, еще ли дѣти купецкіе*, 363: *положилъ его да на сыру землю*. В Краледв. рук., 6: *aiti slunee ai sluneczko, tilisi zalostiuo* — ай ты солнце, ай солнышко, ты ли си жалостиво.

Такому многосоюзию противопоставляется бессоюзию: *голова его по себѣ лежитъ, руки ноги разбросаны* (Др. р. ст., 292). Кажется, что выражение *добръ здоровъ, добры здоровы*, попадающееся в Ипатьевск. лет., 72, Пск. лет., 152, должно быть объяснено не опущением союза *и*, а заменою наречия прилагательным, т. е. *добро здоровъ*, как Нов., 5: *падоша ници*, т. е. ниц; или как Нест. по Лавр. сп., 30: *ради даемъ медомъ и скорою*, т. е. радостно даем. Новог. лет., 84: *радъ иду къ вамъ*, Ипатьевск. лет., 168: *Конратъ бы радъ милость учинилъ вамъ*, 207: *а мы ради купимъ*, 208: *ради дамы*; в народных песнях: *я бы рада пряла, и я рада бы гадала, и я рада бы отгады-*

вала; в Краледв. рук., 102: *rada bich iazneplacala* — рада бых язъ не плакала.

Опущение связи в соединении предложений: *а иныхъ паде съ обѣ стороны богъ вѣсть* (Нов. лет., 96), т. е. бог вѣсть, сколько пало; *не бывала пакость такова, и Псковъ сталъ* (Пск. лет., 41), т. е. пока стоит Псков, и Псковъ сталъ, не бывало тако (*ibid.*, 160). Соединение придаточного предложения с главным союзом сочиняющим: Даниил Заточн.: *видѣхъ великъ звѣрь, а главы не имѣетъ* (Пам. лит. XII в., 234), т. е. который не имеет главы; *того же лѣта постави преподобный нареченный владыка Евѡмеи полату въ дворе у себе, а двери у неи 30* (Нов. лет., III), т. е. у которой 30 дверей.

Старинные союзы: *атъ* вм. *чтобы, дабы, да: дай намъ сторожи, атъ не избьютъ насъ* (Новог. лет., 57); *взовита ми Семейна попа, атъ створить молитву* (Ипатьевск. лет., 95); *ино* вм. *заклучительного то: или о себѣ станемъ жити безъ государя, ино на насъ гневъ божій* (Пск. лет., 177); *оно* вм. *разделительного то—то, частию—частию: а дружина его бяшетъ оно избита, оно изоймана* (Ипатьевск. лет., 65).

Как союзы *буде, бы, есть ли, если, хотя, пусть* происходят от глаголов, так *ино, оно, то, чи* (вопросительный), *однако, еже* или *оже, впрочем* — от местоимений и прилагательных. Коренные же союзы самые краткие, напр. *и, а, но, же, ли, да* (соединительный). Сложные союзы: *или, ежели, если с ли; дабы, чтобы, если бы с бы.*

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ СТИЛИСТИКИ

С т и л и с т и к а необходимо должна основываться на грамматике, ибо она есть не иное что, как та же грамматика, только в непрестанном применении к чтению писателя и к собственному сочинению. Многое, предлагавшееся в риторике, как собственное ее достояние, принадлежит грамматике и словарю; например, статьи о чистоте, правильности языка — идут в синтаксис, этимологию и словарь; о синонимах — в словарь; об архаизмах — в историческую грамматику и вообще в историю языка; о провинциализмах и варваризмах — в сравнительную грамматику и т. д. Только понятие о слоге индивидуальном или личном выступает из области филологии, ибо слог известного писателя определяется характером самого писателя; здесь филология граничит с историею и философиею. Притом слог индивидуальный видоизменяется по содержанию описываемых предметов: здесь, кажется, уже и предел стилистике, иначе бы ей пришлось рассуждать об астрономии, анатомии, физике, философии и пр. Впрочем, оставляя другим точнейшее определение этого предмета. Для гимназиста весьма достаточно будет и того, чтобы путем практическим познакомиться покороче с слогом Ломоносова, Карамзина, Пушкина и некоторых других. Я теперь обращаю внимание только на общую часть стилистики, с желанием дать ей прочную филологическую основу и неразрывными узами совокупить с грамма-

тикой, потому многие статьи стилистики являются дальнейшим развитием синтаксиса, этимологии и словаря.

В языке выражается вся жизнь народа; следов., разложить на стихии язык так же трудно, как и характер народа. Речь, теперь нами употребляемая, есть плод тысячелетнего исторического движения и множества переворотов. Определить ее не иначе можно, как путем генетическим; отсюда необходимость исторического исследования.

Самым нижним, во глубине лежащим слоем языка надобно признать первобытный, роднящий нас с языками индоевропейскими, и мифологический, языческий. Чтобы объяснить мифологическую ступень в языке, возьмем в пример слово *свобода*: Добровский производит от *свой*, через неупотребительное существительное *своба* (Грамматика языка славянского, I, с. 341); мнению сему следует и Юнгман, давая притом значение и слову *своба*: в глос.: Mat verb. *zuoba, Feronia, dea paganorum*¹. Выражение *бить челом* теперь употребляется в смысле «кланяться» и вместе «дарить чем-либо»; во глубине же стоит языческое значение: «поклоняться богам»², в Краледворской рукописи, 68: *sie bití w cielo pred bohi* — се бити в чело пред боги (богами). Поговорка: *как мертвую рукою обвести*, т. е. приворожить, обворожить, идет от языческого поверия носить с собою мертвую руку, которою обводили спящих, чтобы не проснулись³. Примеры общего индоевропейского сродства слов значения мифологического: *день*, лит. *diena*, греч. *δαιος*, лат. *dies*, гот. *dags*, санскр. *divas* и *dinas*. «Понятия божества, неба и дня,— говорит Grimm,— совпадают друг с другом, что видно из слов: санскр. *div* или *divo* (coelum), лат. *divum dium* (открытое, вольное небо), санскр. *dju, dina* (dies), *dēvas* (deus), лит. *diewas*, лет. *dews*, лат. *deus, divus* (divinus), гр. *ξείος*, эол. *δεύος*, родит. *διός*, но для отвлеченного понятия бога Δ изменяется в θ, *θεός*, слич. *θετος* (divinus) с чувственным *διος* (coelestis)⁴. *Солнце*, *sol*, *ήλιος*, гот. *sauil* — *sunna* — *sunno*, санскр. *sūris* (σείριος), *sūnas* происходит⁵ от санскр. глагола *sur* — бросать копье, метать лучи, *sú* — бросать, метать. У греков Аполлон бог солнца и стрелометатель. *Огонь*, лит. *ignis*, лат. *ignis*, гот. *auhns*, гр. *αἴγλη*, по-санскр. *Agni* — и огонь и бог огня. Другое семейство слов, выражающих тот же предмет: гр. *πῦρ*, нем. *feuer*, фр. *feu*, от санск. корня *ṛi* — очищать, сродного с лат. *purus*: припомнить огонь как очистительную стихию в преданиях многих народов. Этот корень, говорит Бопп⁶, есть словесный отец ветру и огню, кои оба представляются очистителями. Санскр. *ṛava-*

¹ «Чешск. словарь», IV, с. 413. Как производство Рейфа от *свой буду* слишком наивно, так Павского — натянуто: через *слабода* от корня *лоб*, гр. *λυF*, лат. *lib, lub*, нем. *laub*, «Фидол, набл.», II, с. 101.

² Мысль Гримма в «Deutsch. Mythol.».

³ Снегирев. Русские в своих пословицах, ч. II, с. 95.

⁴ «Deutsche Mythologie», с. 425.

⁵ См. Эйгоф. Paral. des langu. de l'Eur. et de l'Inde, с. 148.

⁶ В о р р. Vergl. Gram., с. 124 и 125.

на — ветер, а соответствующее ему гот. *fōna* — огонь, что по-санскр. *pāvoka*. Отношение готского *fōna* к санскр. *pavana* то же, что лат. *māto* к *mavolo*, от коего оно произошло. К этому древнейшему периоду относится символическое сближение понятий в словах однозвучных: так, египетск. *sati* и *seté* — змея, символ солнца — слич. с следующими однозвучными: *saté* — *splendere, flammeus esse, splendor, flamma, ignis, sat* и *sati* — *jacere, projicere, eexpandere*: распространение света; *sati* и *soté* — *flèche, trait*; лучи солнечные; *saat* — *procedere, transire*: периодическое течение солнца¹.

С основанием Руси вторгаются к нам варваризмы. Кто бы ни были варяги — славяне или немцы, во всяком случае они принесли в наш язык, чего не было в нем прежде: с распространением христианства вкрались к нам грецизмы и болгаризмы. Церковнославянский язык был у нас в старину тем же, чем в Западной Европе латинский, с тою только разницею, что ближе к нашему наречию, нежели латинский не только к немецким, но и к романским. Отсюда начинается и доселе продолжается смесь наречия церковнославянского с народным. Мы привыкли считать церковнославянские формы только архаизмами, а не варваризмами: пусть так и останется. Главное, надобно заметить то, что старинные выражения соответствуют старинному быту народному, отсюда необходимость исследования архаизмов в связи с русскими древностями. Таким образом, к архаизмам должно отнести все старинные выражения, соответствовавшие древней русской жизни. Применение древнейшего к позднейшему составляет историческое движение архаизмов: так, *стрѣльи* и *лукать* от *стрелы* и *лука* перенесли мы к ружью, камню: *стрѣлять* из *ружья*, *лукать* *камнем*. Так, баснословные змии-чародеи перешли в название воинского снаряда — в Софийском временнике, II, с. 417: *и огненныя пушки и весь снарядъ, такоже и змѣй летячей, и змѣй свертной и прочій снарядъ весь отволокоша*. Принятие христианства неминуемо должно было совершить переворот в значении многих слов: так, *язычникъ* от *язык* — народ — получило значение идолопоклонника; нем. *der Heide* от двн. прилагат. *heidan* — принадлежащий народу (двн. *heit*, гот. *haidus*); *gentilis* от *gens, paganus* — из коего фр. *païen*, наше *паганый* — от *pagus*. Впоследствии *христианинъ* перешло в *крестьянинъ*. Об языке должно сказать то же, что о народных исторических песнях: как к древнейшему преданию о Владимире в продолжение столетий присовокуплялись различные исторические факты, напр. Владимир воюет с татарами, так и к чистой струе русского языка постоянно примешивался чуждый наплыв; как один и тот же герой в продолжение столетий действует в различных событиях народных и тем определяет свой национальный характер, так и язык, многие века применяясь к самым разнообразным потребностям, доходит к нам сокровищницею всей прошедшей жизни нашей.

Господствующее, центральное наречие не могло оставаться чуж-

¹ Goulianos. Archéologie Egyptienne, 1839, II, с. 279.

дым влияния областных; отсюда необходимость исследования провинциализмов.

Таким образом, свое рассуждение подразделяю на следующие отделы: 1) язык народный, 2) архаизмы, 3) варваризмы, 4) провинциализмы. Хотя все эти стихии тесно соединены в живой речи, однако наука для большей ясности требует анализа. Словарь и грамматика проводятся по всем этим четырем отделам, и тем присовокупляется стилистика к филологии. Исторический же способ изложения всему должен дать строгий незыблемый характер науки. Каждый отдел заключается применением к современным писателям; таким образом прошедшее связывается с настоящим и теория переходит в практику.

Предпосылаю краткое обозрение некоторых отдельных слов, соответствующее синонимике, под именем «ономатики», ибо я распространяю значение синонимики, полагая основой оной историческое и сравнительное исследование.

ОНОМАТИКА

О н о м а т и к а¹ содержит в себе: г е н е а л о г и ю, т. е. указание корней и слов производных с первоначальным их значением; т р о п о л о г и ю, исследующую переход первоначального значения к переносному; с и н о н и м и к у, определяющую сродство слов по мысли, в противоположность словопроизводству, подводящему к одному началу слова, сродные по корню.

В языке нет двух или нескольких слов, значащих решительно одно и то же, как две капли воды. Даже слова *лоб* и *чело*, *глаза* и *очи*, *вострый* и *острый*, *вбинець* и *корона* и др., при одинаковом значении, выражают различные оттенки (здесь граница между синонимами и между архаизмами, варваризмами, провинциализмами). Хотя определение слов авторитетом писателей весьма полезно, однако недостаточно, ибо не решается, на каком основании употребляет образцовый писатель то или другое слово. Потому-то в настоящее время более обращаются к сравнительным и историческим словарям, нежели к синонимике. Примеры на определение синонимов по употреблению можно найти в «Опыте словаря русских синонимов», составл. П. Калайдовичем, 1818; в этой книге, кроме в первый раз напечатанных, собраны исследования из «Собеседника любителей рос. слова», 1783, из «Иппокрены», IX, 1801, «Северного вестника», 1804—1805, из сочин. и переводов Рос. академ., 1806, II, из «Журнала любителей рос. слова», из книги «В удовольствие и пользу», 1812, из «Сына Отечества», 1814. Продолжение синонимики печаталось в «Трудах Общ. люб. рос. сл.». Всего полезнее в старинных рассуждениях о синонимах — примеры, особенно если они составлены писателями образцовыми; так и в объяснение словам: *основать*, *учредить*, *установить*, *устроить* — Фон-Визин² приводит

¹ M a g e r. Deutsch. Sprachbuch, 1842, с. 127.

² Полное собрание сочинений, 1830, IV, с. 51.

след. пример: *В России Екатерина II основала Общество благородных девиц, учредила наместничества, установила совестный суд и устроила благочиние.*

Основанием определению значения слов полагаю следующие начала:

1. Словом мы выражаем не предмет, а впечатление, произведенное оным на нашу душу; так, по-санскр. *слонъ* называется *дважды пьющимъ, двузубымъ, снабженнымъ рукою*¹. Следов., синонимы должны определяться не по предметам, ими означаемым, а по точке зрения, с которой человек смотрел на предмет при сотворении слова.

2. Впечатление предполагает нечто деятельное, движущееся, потому большая часть слов происходит от глагольных корней: так, *тьма*, сербск. *тама* от санскр. корня *tam* — помрачать; *ночь* от санскр. *naç* — стирать, разрушать; *грѣхъ* от *hri* — pudore affici; *lurus* от *lū* — scindere, vellere, слич. славянск. *лупежъ, лупежникъ* — грабеж, грабитель; *вода, Wasser, unda* от *und* — fluere и пр.². Гердер почитает корнями еврейских имен — глаголы.

3. Значение слов физическое древнее нравственного; напр. *коловоротный* теперь значит 'не постоянный, изменяющийся'; прежде: 'вертящийся колесом': *самострѣлы коловоротными* (Ипатьевск. лет., 226).

4. Физическое значение, ближайшее к живому впечатлению, первобытнее: так, понятие звука переходит в понятие цвета, напр. в нем. наречиях: *hëllan* (sonare) — *hëll* (sonorus, позднее *lucidus*), *galan* (sonare) — *gëlo* (*lucidus, flavus*), *gold* (sonorum и *lucidum*) — *gëlp* (*strepens, потом coguscans*)³ и пр. Для объяснения слич. наше *быстрый* с сербск. *бистар*, значащим 'прозрачный, светлый, чистый', напр. о воде.

5. Со временем живое значение слова теряется, впечатление забывается и остается только одно отвлеченное понятие; потому восстанавливать первобытный смысл слов — значит возобновлять в душе своей творчество первоначального языка.

6. С первого листа библии видно, как высоко и многозначительно слово: *И рече богъ: да будетъ свѣтъ; и бысть свѣтъ. И видѣ богъ светъ, яко добро; и разлучи богъ между свѣтомъ, и между тмою. И нарече богъ свѣтъ день, а тму нарече ночь* (Быт., I, 3—5); *И созда богъ еще отъ земли вся звѣри селныя, и вся птицы небесныя: и приведе я ко Адаму, видѣти, что наречетъ я. И всяко еже аще нарече Адамъ душу живу, сіе имя ему* (Быт., II, 19).

1. Слово, поэзия, чародейство, знание и пр.

Глубокий разум слов в языках народов даже необразованных дает знать о высоком происхождении языка. Та же творческая сила,

¹ Humboldt. Über die Kawi-Sprache, т. I, СХП.

² Pott. Etimol. Forsch., т. I, с. 209, 218, 232 и Ейгоф. Parallèle des langues de l'Eur et de l'Inde, с. 148 и след.

³ Grimm. Deutsch. Gram., т. II, с. 86 и 87.

которая непрестанно действует в природе вещественной, создала и язык устами целого народа, ибо: глас народа — глас божий.

Христианство дает величайшее значение слову, как воплощению бога. И язычники сознавали таинственное происхождение речи и ее высшую силу. Так, слова *бáять*, *говорить*, *шептать*, *вещать* означают ворожбу, чародейство, пророчество, обаяние, заговор, нашептыванье, вещун.

К значению чародея присоединялись понятия мудреца, поэта, правоведа, писца и чтеца, лекаря.

Слово *вѣщій* от *вѣт* (*от-вѣтить*, *при-вѣтить*) значит 'умного, хитрого' в эпитете Олегу: и прииде Олегъ къ Киеву и ко Игорю, несый злато, и паволокы, овощь и вина, и всяко узорочіе; и прозваша Ольга *Вѣщій*: бяху бо людіе погани и невѣгласи (Соф. вр., I, с. 22). Отсюда видно, что *вѣщій* или принималось в старинные времена за название богопротивное, по мнению христиан, ибо его придавали как прозвище люди поганые, язычники, по своему невежеству, или же означало какое-нибудь понятие слишком возвышенное, неприличное лицу языческому.

Вѣщій значит и поэт: потому поэт Боян в Сл. о полку Иг. называется *вѣщимъ*. *Вѣтія* (вм. *витія* от *вѣт*) в древнем языке поэт: якоже историци и *вѣтія*, рекше лѣтописьци и пѣснотворци,— говорит Кирилл Туровский (Памятники российской словесности XII в., с. 74). Так как проповедник почел нужным объяснить для своих слушателей слово *вѣтія*, то следует заключить, что значение его в XII в. между народом было уже не ясно. С понятием поэта соединялось значение колдуна: потому *вѣтьство* старинное слово, означает колдовство (Карамзин. Ист. гос. Рос., I, прим. 506; в глоссах *Mater verborum*: чешское *wěšība* — по переводу Юнгмана *wahrsa* — *gerei*; *vercbi* (lege: *wěšěby*), *vaticinia*, *poëtarum carmina*. От сербского *vješum*, по переводу Караджича: *der es versteht, geschickt, peritus*, происходят: *vješтина* — *die geschicklichkeit, scientia*; *вѣштац* и *вѣштица* — т. е. колдун и колдунья. Равным образом и *баять* — кроме колдовства, напр. сербск. *бајанье* — *incantatio*, *бајалица* — колдунья, русск. *баальникъ* — переходит в значение 'стихотворить'; так, в чешском языке уже в начале XIII в. (1202 г.), в глоссах *Mater verborum*: *baje, baie, fabulas, mitos*. Отсюда в чешск. языке: *bagiř* — поэт, *bágenj* — замышление, сказка, басня, повесть. Слич. у Пушкина: *Русалке, вещей дочери моей, и: словами вещиго поэта* (т. IX, с. 96 и 462).

Начало закона теряется в ископанных преданиях и обычаях доисторических, освященных благоговением. Народ верит закону, ибо признает его высшее, божественное происхождение, видит в нем завет от времен незапамятных¹. Поэтому древнейшие юридические названия имеют связь с понятиями волшебства и поэзии. В Суде Любуши (IX в.) сказано о двух девах-судьях: *vyučěně věšěbam*

¹ См. о поэзии в праве Я. Гримма в „Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft, herausg. von Savigny etc.“, B. 2. 1816.

vitezovum, в издании Шафарика и Палацкого („Die ält. Denkmäl. d. Böhm. Sprg.“, с. 41 и 46) переведено так: *edoctae, scientias judiciales — unterrichtet in den Richter-Sprüchen*¹. Следов., значение 'вещего' распространяется и на право. Отсюда ясно, почему от корня *вѣт* происходит *вѣче* — народное собрание, и *повѣтъ* — область, подлежащая суду, ведению закона. Переход понятия о гадании и стихотворении к понятию о формуле очевиден в латинском *carmen*: напр., Livius, I, 10: *lex horrendi c a r m i n i s*; I, 13: *verba c a r m i n i s*; III, 32: *rogationis c a r m e n*.

Всеобщее предание дает древнейшему периоду письменности характер чудесного и сверхъестественного. Как во времена христианские переписать книгу считалось делом богоугодным, так и во времена языческие чтение и письмо сопровождалось понятием о колдовстве, что очевидно из свидетельства Черноризца Храбра (в половине XIII в.): «Прежде оубо словяне не имѣхъ письмамъ нъ чрътами и нарѣзми чтѣхъ и гадахъ, еще сжиши погани» (Журн. Мин. нар. просв., 1843, июнь, с. 147). Следов., славяне-язычники гадали чертами. А слово *черта* — по чешск. *čara, čarca*, вместе с словами *черный* и *чертъ*², происходят от *чар, чары* — чародейство («Корнеслов» Шимкевича, II, с. 119; Д о б р о в с к и й. Грам. яз. сл., т. I, с. 117 и 223).

Язычество распространяло чарование и на врачебное искусство. Потому наше *лѣкаръ* от корня *лѣк, лек* (*remedium*) сродно с немецкими (mhd.) *lâchenoere, lâchenoerinne* — волшебник, волшебница („Deutsche Mythologie“ von Grimm, с. 668). *Заговаривать* — значит не только очаровывать, но и укрощать болезнь. *Знахарь* — вместе и колдун, и мудрец, и лекарь.

2. Вещь

Всякий предмет существует для человека только тогда, когда он им сознается, когда входит в его мысль и выражается словом. Мысль есть основная сущность вещи, потому в языках название вещи происходит от слов *мыслить, вѣщать*. Так, немецк. *ding* от *denken*³; *sache* от *sagen*; польское *rzecz (res)* от *reци*; и наше *вещь*, может быть, от *вѣщать, вѣт* (Д о б р о в с к и й. Гр. яз. сл., т. I, с. 103).

3. Мир

Совокупность всего существующего выражаем мы словами: *свѣтъ, миръ*. Как *κόσμος* собственно означает 'мир устроенный, в меру приведенный', и *mundus* — 'мир украшенный, чистый и светлый', так и наше *свѣтъ* первоначально означает 'блистание, освещение' и потом уже все открытое, подлежащее свету солнечному. Отсюда выражение: *издать в свет* — обнародовать. С понятием света, равно

¹ Обучение юридическим наукам.

² Я. Гримм в своей «Немецкой мифологии», на с. 556, почитает слова *черный* и *чертъ* одного корня. А *черкать, чертить*, очевидно, происходят от *чер-ный*.

³ Hegel's. Wissenschaft der Logik, 1833, i. I, с. 29.

как и дня, соединяется нечто божеское, оттого поговорки: *свету божьего не видать; выйти на свет божий; каждый божий день*; но надобно заметить, что *божья тьма, божья ночь* — не вошли в поговорку. Словом *свѣтъ* выражаем мы нежное чувство любви, привязанности, оттого эпитеты *свѣтъ, свѣтик*. Напротив того, в древнем египетск., еврейск. и арабск. корень слова, обозначающий вселенную, переходит в значение понятий зла, тления, осквернения, зловония¹. Слово *миръ* менее употребляется между народом в смысле вселенной, зато получило характер нравственный, означая общество, сборище людей: *мирская сходка, решить миром, ходить по миру*. Любопытно заметить, что Я. Grimm сближает *миръ* со словами *миръ* и *мѣра* („Deutsche Mythologie“, с. 458).

4. Пространство и время

Переход понятия времени к понятию места, замеченный Я. Гриммом в языке немецком („Deutsche Mythologie“, с. 457; днв. *wër-alt*, свн. *werlt*, от коих *welt*, первоначально значит 'menschenalter'), виден в слове *свѣтъ*, которое в книге Ездры стоит вм. *вѣкъ*: *создал еси свѣтъ — creasti seculum, сотворен бысть свет — creatum est seculum*, 6, 55 и 59 (Добровский. Грам. яз. сл., т. I, с. 175). Переход значения места к значению времени сохраняется в некоторых выражениях, как, напр.: *и съ тѣхъ мѣстъ клобукъ бѣлый въ Новгородъ* (Новг. лет., 140) — покамест, час места. Так как время и место равно подлежат измерению, потому одна и та же мера иногда принимается в языке для означения и пространства — *верста*, и времени: *князь Андрѣй отъ млады версты Христа возлюбивъ* (Ипат. лет., III); *еще унѣсый верстою, но совершенъ умомъ* (Пск. лет., с. 44).

Слово *время* может быть произведено от глагола *врѣтъ, врѣти*, означающего 'кипеть, испускать из себя жидкость, источать, кишеть, копошиться во множестве'. Время есть общее понятие для слов *годъ, часъ*, ибо *година* у нас значит вообще время, а у поляков час; в Остром. ев. тоже значит час; и наоборот, по-польски *час* значит вообще время; в наших древних памятниках *год* значит просто пору, время: *мразъ поби обиліе (жито) въ жатвенный годъ* (Новг. лет., 112); *въ годъ вечерній* (Ипат. лет., 130); *во вторникъ въ торговъ годъ* (Ист. гос. Рос., III, прим. 330). А *час* в смысле поры, времени и теперь у нас употребляется. Равномерно и *вѣкъ* вместо известного, некоторого продолжения времени. Следов., обозначение известной меры времени словами *годъ, часъ* есть случайное. Существенное, внутреннее сходство этих слов состоит в том, что они происходят от глаголов, означающих ожидание, угрождение, надежду, замедление. Так, *годъ* одного корня с *годить, ждать* (*г* изменяется в *ж*), а *часъ* происходит от *часть*. Понятие о времени переходит к понятию о счастье, удобстве, доброте. Потому слова: *безвремяе, невзгода* или *невзгодье, годный*; от *пора* —

¹ Gouliapof. Archéologie Egyptienne, 1839, т. II, с. 445—452.

спорый, в пору; в этом последнем выражении с значением времени соединяется значение меры, соразмерности. *Доба* в других славянских наречиях значит пора; отсюда *доб-рый, у-доб-ный, з-доб-ный, по-доб-ный*; последнее слово прежде означало 'достойный': *п о д о б н а е с и ц а р с т в о в а т и в г р а д ъ с њ н а м и* (Лет. Нестора по Лавр. сп., 32), отсюда *преподобный*.

Названия времен года также переходят от одного значения к другому: так, *лѣто* означает и вообще год, а в немецком языке переходит к понятию весны: *lenz*; и наоборот, немецк. *Jêr, Jâr* (*annus*) переходит к значению весны; в некот. слав. наречиях *jar, jaro* (отсюда *яровой хлеб*), в греч. *ἔαρ*, в лат. *ver* (*Grimm. Deutsche Mythologie*, с. 436).

5. Душа, жизнь

От стихии природы вещественной переходит понятие к природе духовной в слове *духъ, воздухъ* от глагола *дую*. *Духъ* (первоначально имеет значение самой тончайшей материи и движения оной: воздуха, веяния, теплоты, запаха; как от *дуть* — *духъ*, так от *пахю, пашу* — *запах*. Потом восприятие и испущение воздуха легкими выражается словом того же корня — *дых-ание*. *Дыхание* есть признак жизни; оттуда *задушить, удушить, душегубец, издохнуть*. Существо бесплотное называется *духъ*, ибо сим словом выражается и в природе вещественной самая нежная материя. *Духъ*, вдохнутый в животное: *душа*. Как этимологически *душа* происходит от *духъ*, так и психологически. Названия многих предметов действующих отличаются от названий предметов, подлежащих действию, тем, что первые рода мужского, вторые — женского; потому *духъ* мужского рода, *душа* женского. По мнению народа, душа присутствует в горле и груди, потому *душа* значит часть тела несколько пониже горла; отсюда одеяние, покрывающее верхние части тела, — *душегрейка*. Этим объясняется и поверие в Сл. о полку Иг.: *единъ же изрони жемчюжну д у ш у изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожѣреліе*. Этим же объясняется и пластический образ в том же Слове: *вѣють д у ш у отъ тела*. Слич. в Соф. вр., т. II, с. 333, о смерти в. к. Василия Иоанновича: *и виде Шигона д у х ъ его отшедше аки ды м е ц ъ м а л*. Различие духа и души в Ипат. лет., 220: *позна в собѣ д у х ъ изнемогающъ ко и с х о д у д у ш и*.

Более материальное понятие о бытии выражается словом *жизнь*, от гл. *жить*; ибо *животъ* значит не только *жизнь*, но и *abdomen* как источник жизни, и имение, достояние, как средства жизненные. Славяне и сердце почитают средоточием жизни: так, по-древански или по-лабски сердце называется *животокъ (seiwô-tak)*, т. е. маленький *abdomen* (*Dobr., Slovanka, I, 15*). Глубокое понятие о жизни выражается словом *воскресить*, ибо *кресить* значит и оживить и высечь огонь из кремня огнивом (Ш и м к е в и ч. Корнеслов, I, 117).

6. Познавательная способность, чувства, искусство, наука

Для выражения познавательной способности и действия ее мы употребляем слова: *умъ, разумъ, рассудокъ, сужденіе, понятие, мысль* и др. Отличие ума от разума особенно заметно в прилагательных и глаголах: умный может быть и зверь, уметь может и зверь; но быть разумным и разуметь не может. Уменье бывает и механическое, от навыка; разуменье предполагает познание того, что делаешь. Можно уметь что-нибудь делать и не разуметь, почему так делаешь. Отсюда видно превосходство разума (*vernunft*) над умом (*verstand*); потому пословицы: ум без разума беда, ум за разум зашел¹. Так как обе эти способности в человеке соединяются, потому и язык наш соединяет оба эти слова в выражении: *умъ-разумъ*. Очевидно, что *раз* в слове *разумъ* имеет смысл увеличения, превосходства, как в словах: *тонкій, растонкій, расхорошій*. *Смыслить* означает меньшую степень разумения; отсюда: *ничего не смыслить* — сильнее, нежели *ничего не знаетъ, не понимаетъ*. Смысл имеет два значения: субъективное — смысл в голове человека, человек со смыслом, смышленный; и объективное — напр., смысл басни, слова, т. е. внутреннее значение. Совокупность этих обоих значений составляет понятие слова *смысль*, происходящего от *мысль*. *Судить* выражает более практическую, применительную способность; оттого *судъ, судья*. Суждение предполагает какие-либо две стихии для своей деятельности; потому в слове *рассудить рас-* означает деление, разложение на составы. Сличить слово *urtheil*, означающее понятие о первоначальном делении². Напротив того, *понятие* выражает действие совокупляющее, собирающее, ибо происходит от *по* и *ять* (братъ). Человек исследует и испытывает предметы посредством чувств. Чутья значит слышать и обонять: *чутье*. *Слухъ* происходит, может быть, от *слую* (Добровский). Грам. яз. сл., т. I, с. 181) и, следовательно, одного корня с *слово*. Слух в смысле молвы, славы подкрепляет эту догадку. Таким образом, в нашем языке выражается глубокая мысль о соответствии между органами слова и чувством слуха: а на этом-то соответствии и основывается благозвучие слова. Такое же соответствие между чувством и подлежащим чувству является в слове *обоняніе* (*об-воняніе*), от *воня* — запах. Потому *обонять* прежде употреблялось вместо *благоухать*: *благодаряше бога въ скорбехъ и къ томужде своихъ сродниковъ поучаше, аки ливанъ во огни обоняющъ* (т. е. благоухающ) *представляя* (Патер., житие Симона еписк.). Благороднейшее из чувств есть зрение; потому *видѣть* и *вѣдать*, может быть, одного корня и столь же родственны, как греч. *ideîn* с *eidénaï* (Добровский. Etimologikon. 1813, с. 70). Чувства грубейшие суть осязание (*о-сязать, до-сягать, по-сягать*) и вкус (*кусать, кушать*). Замечательно опять соответствие между силою чувства и

¹ Противоположное этому мнению см. у Фон-Визина в IV части сочинений, 1830, с. 64.

² Hegel. Encyclopädie, 1840, I, с. 326.

подлежащим оной: *вкусъ* и *искусство* (*ис-кус-ство*) происходят от одного корня *кусити* (санскр. *куш* — *exerigī*). С понятием искусства соединяется мысль об обмане, прельщении, что видно из родственных с ним слов: *искусить*, *искуситель*, *искушение*. Таким образом, самый язык показывает, что поэзия и искусство являются мифологическую, демоническую сторону жизни народной: *прелестный* первоначально значило 'обманчивый'; хотя *красный* имеет смысл 'добрый' — *красное солнце*, т. е. прекрасное, однако его синоним *червонный*, *чермный* одного корня с *червь*¹, подобно слову *гадать*, может быть, сродному с *гадъ* *serpens*². Художество отличается от искусства происхождением от слова ц.-сл. *худогъ* — смысленный, умный, мудрый, искусный: *кто премудръ и худогъ въ васъ, да покажетъ отъ добраго житія дѣла своя въ кротости и мудрости* (Иаков., 3, 13). Слич. польское *chędogi* — по переводу Линде *sauber, schön, zierlich*. Чувствами мы испытываем предметы. *Испытать* происходит от *пытать* — спрашивать; следов., *опытъ* есть *обстоятельный* (*о, об-*) *вопрос* (*-пыт*): опытом и наблюдением добывает человек знания: испытанием и искушением вкусил он от плода древа познания добра и зла. Любопытно то, что слово *качество* одного корня с частицами вопросительными: *какъ* — *кач-е-ство*. Следов., мы узнаем предмет сначала по его качеству, по свойству; оттого-то мы и называем предмет по тому признаку, какой в нем заметим; напр., *горница* от *горній*, *свѣтлица* от *свѣтлый*. Свойство есть принадлежность предмета, его исключительная собственность, ему сродная, ибо *свойство* и *свойствó* происходят от *свой*. Слич. в Толковании: *неудобъ познаваемым* речам — у Калайдовича в «Иоанне Екзархе Болгарском» (с. 196) — *качьство*, *естество*, *ка к о в о м у* есть; *свойство*, *кто имать что о с о б н о*. Свойство отличается от признака тем, что свойство выражает понятие о б ъ е к т и в н о е, т. е. как принадлежность предмета, без отношения к силе познающей, а признак означает с у б ъ е к т и в н о е воззрение наше на свойство предмета, т. е. как ум наш признает (*при-знак*), чем обозначает для себя этот предмет. Качество же, происходя от частиц вопросительных и относительных, занимает средину между понятиями свойства и признака, т. е. отношение познающей способности к свойствам предмета познаваемого. Цель познания, исследования о предмете — есть истина. Это слово происходит от местоимения *истый* (Д о б р о в с к и й. Грам. яз. сл., т. I, с. 130), означающего 'тот же самый'. Отсюда видно, что под истинною мы разумеем совершенное сходство нашей мысли с предметом мыслимым, т. е. когда мы думаем о предмете то самое, каков он есть на самом деле. Думают, что *истый* не коренное слово и не родственно латинскому *iste* (ибо оно состоит из *is* и *te*), а происходит от глагола *есмь, есть* (Ш и м к е в и ч. Корнеслов, т. I, с. 91). Сведения, приведенные в порядок, составляют науку. Это слово происходит от *укъ*, кото-

¹ Goulianos. Archéologie Egyptienne, т. III, с. 444.

² Ходаковского историческая система в «Рус. ист. сборн.», 1838, кн. 3.

рое встречается в наших летописях и у Карамзина в Ист. гос. Рос. в сложном слове *ново-укъ*, означающем непривыкшего, неопытного¹; напр., *утверждалъ*, что мы новоуки въ христіанствѣ (Ист. гос. Рос., IX, с. 362). *Укъ* одно и то же, что *вык*, что очевидно, напр., из слов *пріучить* и *привыкнуть*. Потому первоначально *наука* и *привычка* сблизились своим значением: это подтверждается старинным словом *наукъ*, смысл коего стоит между наукою и навыком; напр.: *письмо Василью въ наукъ пошло*; *пѣнье Василью въ наукъ пошло*; *грамота ему въ наукъ пошла* (Древние российские стихотворения). Следов., слово *наука* у нас выражает отношение предмета познаваемого или изучаемого к субъективности познающего. Понятие же о системе не входит в смысл этого слова. Систематическое изложение есть уже сочинение, от слова *чин* — порядок. Слич. *строение* от *строй* — тоже порядок.

7. Понятия нравственные, правда, вера, блаженство

Все непреложно истинное есть вместе и правосудно и благо. Равномерно и все праведное есть истинно; потому вм. *истина* мы иногда употребляем слово *правда*. Замечательно, что в самом языке таится понятие о синонимах; так, народная речь совокупляет слова: *ум* — *разум*, *правда* — *истина*. Следов., в понятиях народа представление о правде неразлучно с представлением об истине. Но *правда* отличается от *истины* уже самым производством от *правый*, коему противоположно *виноватый*; означает справедливость, в противоположность кривде, и закон вместе с исполнением, судный обычай. Отсюда *Русская Правда*. Правда, как понятие нравственное, стоит выше истины, что видно из слов *праведникъ*, *праведный* — т. е. святой. Не истинною святость достигается, а правдою, неразлучною с делами добрыми. Потому-то правда называется святою, божиею. Слич. пословицу: все минется, а правда остается¹. В глоссах Mat. verb. *правда* объясняется так: „*fas, lex divina est*“ и отличается от *право*: „*ius est humanum*“. В подобном же отношении истина стоит и к вере. *Вѣра* по производству своему имеет значение истины, ибо одного корня с лат. *verus*, нем. *wahr*; в глоссах Музейной псалтыри (XII в.): *viera veritas*. Но в употреблении стоит выше истины, означая окончательное убеждение в истине; слич. слова *увѣренность*, *повѣрка*, *вѣрно*, в смысле 'безошибочно'. Кроме того, вера, как и правда, имеет нравственное значение: *вѣрный рабъ* — т. е. не только не обманывает, но и любит своего господина; отсюда *довѣренность*, *вѣрность*. Следов., в слове *вѣра* к понятиям истины и правды присоединяется понятие любви.

Заблуждение с прямого пути (от правды к кривде) есть блуд — в смысле греха вообще; отсюда *заблудиться*, *блуждать*². Гезений в „*Lexicon Manuale*“ цитирует ἀμαρτάνω, которое Гомер употребляет

¹ В «Юридических записках», статья Снегирева, т. II, с. 267.

² Goulianos. Archéologie Egyptienne, т. III, с. 445.

о стреле, не попавшей в цель. *Грѣхъ* (санскр. *hri* — pudore affici), равно как и *срамъ*, *стыдъ*, означает внутреннее чувство согрешившего; а *порокъ* — от *порекасть*, ругать — дурную молву людей о согрешившем.

Сила нравственная, двигающая действиями человека, называется *волею*. Значение этого слова стоит в связи с понятиями власти, приказания; с глаголом *волить* сродны: *велѣть*, *повелѣть*. Замечательно, что мысль о владении выражаем мы двумя такими словами, из коих значение одного относится к понятиям силы нравственной, а другого к понятиям силы умственной; а именно *править*, *управлять* — от *правый* и *вѣдать*; напр., в «Полтаве» Пушкина: *спокойно ведал он Украину*. Человеку дана воля свободная; потому слово *воля* значит и свободу; напр.: *твоя воля*, т. е. ты свободен, делай что хочешь. Отсюда *вольный* — свободный. С волею не надобно смешивать хотения и желания. Хотение ниже желания и направляется более к предметам чувственным; нельзя сказать *желаю есть*, *пить*, а говорят *хочу есть*, *пить*. Отсюда *похоть*. С желанием соединяется понятие ожидания, привязанности, благосклонности, любви к ближнему: желать кому чего, желанный, вожденный. Любовь понимаем мы в смысле чувства свободного, подлежащего вольному избранию; потому *любой* значит 'какой угодно'; слич. санскр. *lubh, lóbhitum* — cupere, desiderare, лат. *libet, lubet*, нем. *er-lauben*. *Милость* по-польск. значит любовь; *милый* также переходит в значение чувства нравственного, сострадания, благосклонности в слове *милость*. Как истина есть цель умствования, так благо есть цель действиями воли человеческой. Как за правду человек становится праведником, так и за благо награждается свыше. Потому *благой* значит вместе и добродетельный и счастливый, отсюда *блаженный*, *блаженство*. Блаженство есть самая высшая степень счастья, как награда за добро; только благой, добрый может быть блаженным; счастлив же бывает и злодей. *Счастье* предполагает нечто случайное, извне пришедшее; происходит от *часть* (жребий); следов., никак не может употребляться вместо *блаженство*.

8. Судьба

Для означения провидения употребляем слова *судьба*, *рокъ*, *промыслъ*. *Судьба* от *судить* выражает понятие суда, обдумывания и расправы; первоначально, вероятно, имела смысл фатализма, что видно из слов *суженый*, *суженая*. *Судъ* принимается в смысле смерти; напр., в Сл. о полку Иг.: *Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе*; в Духовной Владимира Моном.: *братцю моему с у д ъ пришелъ*; в Еклес., XI, 10: *приведетъ тя богъ на с у д ъ*. *Рокъ* от *реку*, как лат. *fatum* от *fari*, означает 'приговор, решение судьбы'. Понятие о провидении, более снисходительное и для человека утешительное, выражается словом *промыслъ*. Происходя от *про* и *мыслить*, оно означает предупредительную заботу и попечение. Любопытно в этом слове наивное сближение понятий о судьбе и ремесле, ибо *промыслъ* значит и то и другое.

Значение и производство слова *бог* по Юнгману¹: „cf. sanscr., *bhaga* = felicitas, excellentia, item omnipotentia, summa, divina potestas; *bhagah* = sol; *bhagja* = fortuna secunda; cf. pers. bakt = factum, bona fortuna, item *bag* = felix, prosper, in nom. pr. *Bagapates* = felix dominus; armen. *pakt* = felicitas; cf. nostr. (т. е. чешские) *ubohý*, *nebohý*, *bohátý*; cf. graec. βου, quod significatum auget, igitur praestantiam denotat; cf. phryg. βωγαίον = deus.“

НАРОДНЫЙ ЯЗЫК

Народный язык принимаю я в противоположность теперешней речи письменной и употребляющейся в кругу людей более или менее образованных. В недавнее время возродившееся стремление к национальности возвысило ценность народного языка. Он относится к языку образованному точно так же, как самородная литература к образованной науками и влиянием чужеземным; и как теперь нельзя нам отрешиться от общеевропейского просвещения и сосредоточиться только в своем быту, так невозможно и народный язык во всей его целостности возвести на степень языка письменного, ибо мы принуждены выражать многие понятия, стоящие вне круга народной мыслительности. Судей народному языку можно разделить на две статьи: одни не только равнодушны к нему, даже его презирают; другие полагают в нем все спасение нашей литературы. Но есть надежда, что со временем спадет чопорная важность с первых, тогда перестанут слишком завидовать мужикам и последние.

Изучение народного языка не исключает необходимости других стихий нашей речи, во-первых, уже и потому, что в старинных памятниках нашей литературы постоянно сливается он с варваризмами, с речениями церковнославянскими и пр. Органическая жизнь, которою проникнут он, дает ему характер предмета, имеющего полное право войти в область филологии, тем более что сочувствие к нему мало-помалу теряется, так что для многих этот по преимуществу родной язык стал вовсе чуждым.

Филологически начал разрабатывать нашу народную литературу Снегирев, в своих сочинениях «Русские в своих пословицах» (4-е части, 1831—1832) и «Русские простонародные праздники и обряды», (4-е выпуска, 1837—1839). Я с своей стороны ограничиваюсь «Древними российскими стихотворениями», обращая преимущественное внимание на украшенный синтаксис, с тем, чтобы определить некоторые идиотизмы (идиоматизмы.— Л. X.) русского языка.

1. Тавтология

Т а в т о л о г и я придает речи большую силу и одушевление или повторением одного и того же слова или совокуплением двух и трех подобозначащих. Она весьма употребительна и в других языках,

¹ „Slowjnk cěsco-německý“, т. I, с. 200.

особенно в речи безыскусственной, первобытной; так, Я. Гримм в „Deutsche Rechtsalterthümer“ (с. 13) приводит множество выражений тавтологических из древних памятников немецкого права. Тавтология одного языка отличается от тавтологии другого тем, что в одном она принята одними словами и понятиями, в другом — другими. Следовательно, чтобы изучить тавтологию русскую, надобно знать те выражения, в коих она употребляется. Так как может повторяться или один и тот же звук, т. е. один и тот же корень, или одно и то же понятие в нескольких синонимах, то и тавтология может быть или в звуках и корнях или в понятиях, т. е. или тождество или подобострие.

Повторение одного и того же звука состоит в том, что берется один корень и от него производятся два слова, или глагол и существительное, или существительное с прилагательным и т. п. Повторение может быть в определенном святой святынѣ приложиться (167), старину стародавнюю (315), молодымъ молодицамъ на перениманье (283). В дополнении: а поносъ понесла и дитя родила (45), шутку шутить (254) сыгршъ сыгралъ Царяграда (132). В обстоятельствах: золотомъ золотилъ (272), черные вороны табуномъ табунились (288), перекрестился крестомъ своимъ (343), въ полонъ полонитъ (243), какъ бы двухъ коней въ поводу повелъ (212). В подлежащем и сказуемом: шуточка пошучена (99), послы поздоровались, какъ послы послуются (126), подпись подписана (171). Эта тавтология в отношении к следующим может быть названа одночленною.

Тавтология в совокупности слов подобозначащих бывает двучленная и трехчленная. Двучленная: колыбель люльку дѣлали (293), глубота глубота океанъ море (1), чтобы видѣть при пути дороженьки (256), кабы прежде у меня не служилъ въ рою и правдою (90), я сама дѣвица знаю вѣдаю (209), про то не знаешь не вѣдаешь (50), а и жилъ былъ богатый гость (13). Трехчленная: съ кѣмъ побиться подратиться поратиться (260, 388). Из некоторых выражений видно, что трехчленная есть развитие двучленной прибавлением к сей последней третьего понятия, а именно: а и смилуйся смилосердися, смилосердися покажи милость (277), она съ вечера трудна больна, съ полуночи недужна вся (14), осталось житье бытие богатство (345), журить бранить, его на умъ учить (74).

Тавтология может осложняться следующим образом: или между синонимами вставляются другие слова: бо ж и л с я добрый молодец ратил с я (372), чѣмъ мнѣ-ко будетъ княз я дарить, чѣмъ свѣта жаловати (3). Или тавтология распространяется на целые предложения, притом двояким образом: или части предложения соответствуют друг другу, как синонимы: а утоптана трава, утолочена мурова (305), или, кроме этого соответствия синонимического, в

каждом предложении еще соответствие звуковое: *суженое пересуживаешь, ряженое переряживаешь* (141), *суды рассуживаетъ и ряды разряживаетъ* (31). Или, когда говорится о каком-либо лице, в одном предложении имя, а в другом отчество; отчество соответствует имени, синоним синониму: *нонѣ Настасья просватана, душа Дмитревна запоручена* (137). К тавтологии предложений относятся и следующие: *становился стоять персидскій посолъ* (109), *становилъ стоять молодую жену* (100). Здесь тождество между предложением придаточным и главным.

2. Описание

От тавтологии следует отличать форму описательную, которая состоит в том, что понятие выражается не одним словом, ему соответствующим, а несколькими, кои все вместе взятые заменяют одно слово. Так, вместо *стоит*: *а куюку и панцырю цѣна стойтъ на сто тысячей* (203), *а куюку и панцырю цѣна лежитъ три тысячи* (23). Вместо *скакать*: *ускоки давать конинные* (56). Вместо *зашипел*: *онъ шипъ пустилъ по-змѣиному* (59). *Потрудился*: *что много трудовъ за ихъ положилъ* (176). При этой фигуре надобно обращать внимание на глаголы описывающие. Так, описания с глаголом *держать*: *у себя на умѣ держитъ* (39) — думает; *въ томъ шатру опочивѣ держитъ красна дѣвица* (94) — поживает; *ответъ держитъ ей князь Романъ* (368) — отвечает; *и жену то во любви держалъ* (15) — любил; а страдательный залог этого глагола выражается другим описанием: *когда тебѣ дѣвица не въ любви пришла* (306). С глаголом *водить*: *не наведи на гнѣвъ князя Владимира* (234), *танцы водить* (386), *приведите, казаки, меня въ вѣру крещеную* (108), *пир навеселѣ, повелѣ столы на радостяхъ* (38). Вместо *пировать* употребляется еще описание: *поднимали пируюшку великую* (12). С глаголом *чинить*: *вражду чинить* (48), *поѣздку чинятъ* (160), *обѣдъ чинила* (29), *у нихъ драка сочинилася* (109). Иногда описание соединяется с тавтологиею: *съ Новымъ городомъ жилъ, не перечился — поперекъ словечка не говаривалъ* (72).

Выражениям описательным противопоставляются в нашем языке краткие предложения, в коих глагол или прилагательное заменяются равнозначительным им. существительным: *то похвальба Машрюку* (41), т. е. тем он похваляется; *ему вѣра поборотися есть* (39), т. е. он верит; *у Добрыни вѣжество рожденное и ученое* (234); *и тамъ быть имъ не въ выдачѣ* (336), т. е. их не выдадут; *быть тебѣ молодцу въ поиманьи* (377), т. е. тебя поймают; *спуску нѣтъ* (48); *тебѣ, государю, приношу нѣтъ* (157), т. е. тебе ничего не принесли; *пришелъ-то молодцамъ на выручку* (82) — выручить молодец; *не давалъ ему на обыскъ себѣ* (234); *не много житья было — полтора года* (222), т. е. не много жили.

3. Эллипсис

Русская речь отличается опущениями. Как скоро мысль понятна и связь мыслей видна сама по себе, опущение допускается. Особенно замечательно совокупление главного предложения с придаточным без всякой видимой связи: *увидѣлъ дурень медвѣдя за сосной, кочку роетъ корову коверкать* (400); *увидѣлъ дурень четырехъ братьевъ — ячмень молотятъ* (392), *вм. который роет, которые молотят или роющего, молотящих; а тоя-то Камы за синимъ моремъ — своимъ устьемъ впала въ сине море* (24), т. е. которая впала. Опущение союза дает речи силу: *потацилъ онъ Настась, лишь туфли звенятъ* (141) — пропущено: *так что; она тѣмъ узда дорога* — пропущено: *что; царское жалованье, государево величество* (33); *а отъ пару было отъ конного (так что, то что); а и мѣсяць солнце померкнуло* (242). Опущение связи иногда резко отделяет одно предложение от другого, так что они являются двумя частями параллелизма: *въ задоръ войду — тебя убью* (81); *калачикъ съѣшь — больше хочется* (27); *не дорога камочка — узоръ хитеръ* (5); *куда ли махнетъ — тутъ и улицы лежатъ, куда отвернетъ съ переулками* (250); *за царя отдать — ей царицей слить* (137); *а и въ горѣ жить — не кручинну быть, нагому ходить — не стыдиться* (381); *на Волгѣ жить — ворами слить, на Яикѣ идти — переходъ великъ, въ Казань идти — грозенъ царь стоитъ* (114).

Эллипсис иногда так сжимает предложение, что трудно оно распутать по синтаксическим частям; напр., *онъ первое ученье ей руку отсѣкъ* (71). Впрочем, мысль понятна, и притом сильно выражена, ибо два предложения нечувствительно сливаются и взаимными силами усиливают мысль. *Гдѣ была рыба красная, очутились у Садки червонцы лежатъ* (270) — с первого раза покажется, будто здесь два сказуемых одного и того же предложения — *очутились и лежат* — однако, так как они разных времен, то смысл требует признать два предложения, но так родственно слитые воедино, что глаголы — *очутились и лежат* — мгновенно выражают одно и то же представление. Прекрасно отделяются предложения бессвязные различием времен в речи повествовательной: *только въ чистомъ полѣ наѣхали, лежатъ три дороги широкиѣ* (181).

4. Эпитеты

Речь народная отличается от искусственной постоянством, неизменностью выражений. Писатели каждый по-своему изъясняют одну и ту же мысль, оттого часто изысканность и неточность. В речи народной мысль, однажды приняв на себя приличное выражение, никогда уже его не меняет; отсюда точность и простота. Выражение, как заветная икона, повторяется всеми, кто хочет сказать ту мысль, для коей оно составилось первобытно. На этом основывается употребление постоянных эпитетов, в которых особенно очевидно постоянство и единообразие выражений народной речи. Речения с постоянными эпитетами можно уподобить типам грече-

ских божеств, которые, однажды создавшись, никогда не изменялись, потому что грек не находил уже другого лучшего и приличнейшего образа для олицетворения Юноны или Зевса. Русские эпитеты бывают:

а) имена прилагательные: *не наѣжжиwали звѣря прыскучего* (156); *не видали птицы перелетные* (156); *оставалася матера вдова* (72); *подломилися ноженьки рѣзвые* (8); *на крутомъ красномъ берегу, на желтыхъ рассыпныхъ пескахъ* (106); *изрублю я въ мелкіе части пирожные* (66) (пирог — мелкая дробь монетная)¹; *столы бѣлодубовы, столы дубовые* (12); *терема златоверховаты* (6); *оружье долгомѣрно* (108); *звончаты гусли* (9); *уйми свое чадо милое* (79) — говорят те, кого оно прибило;

б) имена существительные в одинаковом падеже с словом, при коем они эпитетом: *выѣжалъ удача добрый молодець* (22); *продавали душамъ краснымъ девицамъ* (24); *а Владиміръ князь едва живъ стоитъ, со душой княгиней Апракѣвной* (359); *а зовутъ меня Михайлоу Казарянинъ, а Казарянинъ душа Петровичъ младъ* (205—206);

в) имена существительные с прилагательными, не согласующиеся с своим определяемым и всегда стоящие в именительном: *обертываться гнѣдымъ туромъ — золотые рога* (47); *что Добрыня имъ будетъ десятой туръ, вѣмъ атаманъ — золотые рога* (67); *однорядочки-то голубъ скурлатъ* (156); *обвивается лютой змѣй около чебота зеленъ сафьянъ* (45); *и на ноги сапоги зеленъ сафьянъ* (125); *въ чердакъ была бѣсѣда — дорогъ рыбій зубъ* (3); *стоитъ подворотня дорогъ рыбій зубъ* (51); *а столы дорогъ рыбій зубъ* (109). Словосочинение этого эпитета объясняется эллипсисом;

г) родительный определения: *кровать слоновыхъ костей* (9); *покрыша сѣдыхъ бобровъ, потолокъ черныхъ соболей* (14); *полъ, середа одного серебра* (159).

Надобно отличать эпитет постоянный от эпитета украшающаго (огпанс); последний часто даже во зло употребляется писателями напыщенными и вычурными. Полезно бы собрать все постоянные эпитеты для того, чтобы определить, в какие предметы преимущественно вдумывался русский человек и какие понятия присоединял к оним.

Согласование и управление эпитетов украшающих и приложений в речи народной требуют особого объяснения, ибо подлежат законам аттракци². Под аттракцию разумеется влияние, производимое одной частью предложения на другую против грамматического их отношения. Напр.: *колоты онѣ* (стрелы) *изъ трость дерева* (24); *началась у нихъ драка — бой великая* (78); *воротись, милъ надежда, воротись, другъ* (66). В первом примере *из* не управляет приложением; во втором прилагательное согласуется с первым членом тавто-

¹ Снегирев. Памятники московской древности, тетр: I, с. CVIII.

² См. подробности об этом в „Die Syntax der deutschen Sprache“ Герлинга (ч. 2, с. 67).

логического соединения; в третьем *надежа*, как эпитет *друга*, принимает род сего последнего.

В названиях вод приложение: а) не управляется: *изъ устья Ердань рѣки* (175); *будутъ они въ Ердань рѣкъ* (173); *и бросила его въ тое Енисей быстру рѣку* (122); *и поплыли по Тагиль рѣкъ* (116); *а лѣвая нога во Волховъ рѣкъ* (343); б) и не согласуется: *напущались на той большой Енисей рѣкъ* (122); *а на славной на Амуръ рѣкъ* (321); *Израй рѣка быстрая* (346). Такое употребление приложений объясняется весьма легко; стоит только соединить в одно слово имя собственное с нарицательным и рассматривать первое как переднюю половину сложного слова: *Ердань-рѣки*, *Ердань-рѣкъ*, *во Волховъ-рѣкъ*, *Израй-рѣка*. Эта синтаксическая особенность весьма способствует возбуждению быстрого впечатления соединением двух близких представлений в одно. Впрочем, говорится и: *а и гой еси, славный Ильмень озеро* (267); *и поплыли по той Туръ рѣкъ въ Епанчу рѣку* (116).

Этому совокупному представлению противопоставляется разделение понятия с его обстоятельством, подчинением или дополнением на два понятия. Такая фигура называется гендиадис (ἔν δια' δυοῖν), напр., у Виргилия *pateris libatus et auro* вм. *pateris aureis*¹. *Али царой зеленымъ виномъ обносили тебя?* (150), вм. *царой зелена вина; выбѣгали, выгребали тридцать кораблей, тридцать кораблей — единъ корабль* (1), вм. *тридцать один; выпала пороха снѣгу бѣлого; по той по порохъ, по бѣлу снѣгу* (139). Гендиадис не надобно смешивать с описанием, напр.: *гады змѣиныя* (223) вм. *змѣи*.

5. Период

Построение периода в «Древних российских стихотворениях» может быть подразделено на три разряда: 1) совершенно правильное и округленное, но простое и безыскусственное; 2) построенное из предложений, одно с другим не гармонирующих ни во временах, ни в видах глагола; 3) построение симметрическое; два последние разряда противоположны друг другу. Пример первого:

1. *Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
у славного князя Владиміра*
2. *было пированье, почестный пиръ,
было столованье, почестный столъ*
3. *на многи князи, бояра
и на русскіе могучіе богатыри*
4. *и гости богатые* (54).

1 — обстоятельства, 2 — главные предложения, 3 — опять обстоятельства, 4 — заключение метрическое.

Построение второго рода, при видимой своей неправильности, чрезвычайно выразительно для речи повествовательной. Хотя в нем

¹ Герлинг. Die Syntax der deutschen Sprache, ч. 2, с. 217.

глаголы не соответствуют друг другу — напр.: *бросится дѣвица испужалася* (92); *много царевич не спрашиваетъ, выходилъ на крылечко на красное* (256); *оглянется Тугаринъ назадъ себя, втапоры Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ* (193), однако единство изображаемого действия и стройность картины несколько тем не нарушаются. Надобно только представление о времени подчинять кратности действия и отличать действия главные от побочных; тогда в этом разнообразии увидишь стройное единство. Так, предложения: *соскочилъ съ коня, самъ бьетъ челомъ* (234); *молода княгиня испужалася, а и больно она передрогнула, посылаетъ стольниковъ и чашниковъ* (230) — должны пониматься таким образом: соскочив с коня, бьет; испугавшись, посылает. Здесь прошедшее время употребляется почти как церковнославянское причастие. Потому прошедшее время с своим предложением уходит вдаль, оттеняя главное предложение с настоящим временем:

1. *Наливаль чару зелена вина въ полтора ведра,
и турій рогъ меду сладкого въ полтретья ведра,
подносилъ Михайлъ Казаряину;*
2. *принимаетъ отъ Михайло единой рукой,*
3. *и выпилъ единымъ духомъ* (213).

В 3-м прошедшее выражает совершенное действие. Равным образом и будущее подчиняется кратности, означая быстрое совершение. Следовательно, в таком соединении предложений надобно отличать действия длящиеся от быстрых, начинающихся или совершенных, и действия первого плана от подчиненных. Тогда будет понятна красота исторического периода в древних стихотворениях. Примеры:

Дружина спитъ, такъ Волхвъ не спитъ (наст. вр. и главное действие, далее оно объясняется)

онъ обернется (мгновенное действие) *яснымъ соколомъ, полетѣлъ* (вслед за мгновенным и совершенным — действие длящееся, подчиненное) *онъ далече на сине море,*

а бьетъ (настоящее действие на первом плане) *онъ гусей, бѣлыхъ лебедей* (48).

И только Илья слово выговорилъ (совершенное окончательное), *оторвется* (мгновенно) *голова его татарская,* *угодила* (подчиненное действие, вместе с двумя первыми) *та голова по силѣ вдоль* *и бьетъ ихъ, ломитъ, въ конецъ губитъ* (действия главные) (250).

Разнообразие времен и видов придает необыкновенную живость и игривость описанию быстрых движений; напр., борьба с Матрюком:

*Потанька с прав и л с я, за плеча с гра бил с я,
согнетъ кочергою, в о з д ы м а л ь выше головы своей,
опустилъ о сыру землю — Матрюкъ безъ памяти
лежитъ* (43).

Этому построению периода противопоставляется симметрическое. Оно подобно еврейскому параллелизму и состоит в том, что речь рассекается на два члена, соответствующих друг другу по содержанию и форме. Параллелизмы бывают трех родов¹:

а) Параллелизмы синонимические, в коих оба члена выражают одну и ту же мысль, только разными словами:

*Суженое пересуживаешь,
ряженое переряживаешь (141).
Нонъ Настасья просватана,
душа Дмитревна запоручена (137).*

б) Параллелизмы противительные, когда члены противопоставляются: *недорога камочка — узоръ хитеръ (5), нагому ходить — не стыдится (381).*

в) Параллелизмы синтетические, когда во втором члене, кроме повторения мысли первого, есть прибавление: *куда ли махнет — тутъ и улицы лежатъ, куды отвернетъ — съ переулками (250).* Дополнение иногда распространяется и является заключением параллелизма:

*На Яикъ идти — переходъ великъ,
Въ Казань идти — грозенъ царь стойтъ,
Грозенъ царь осударь Иванъ Ва-
сильевичъ (114).*

6. Сравнение

Так как сравнение предполагает соответствие между понятиями и словами, потому приличнейшая форма для сравнения есть параллелизм:

*Изъ Волхова воды не выпити,
во Новѣградѣ людей не выбити (81).
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
у нихъ-то молодцовъ думушки прибыло (82).
Упала звѣзда поднебесная,
потухла во соборѣ свѣча мѣстная,
не стало царевича у насъ въ Москвѣ,
а меньшого Федора Ивановича (330).
Бдетъ дуга на дугѣ,
Шелудякъ на хромой лошади (415).*

Русская речь не любит длинных сравнений, наблюдая соразмерность членов сравниваемых; длинное сравнение иногда выказывает изысканность, что особенно заметно в наших новых писателях. Народная речь говорит в сравнении столько, сколько нужно объяснить мысль, приставляя сравнение союзами *что, как, как бы*:

¹ Gesenius. Hebräisches Lesebuch. 1834, с. 79.

Глаза что часы,
усы что вилы,
руки что грабли (390, 391).

А и ноги, носъ — что огонь горятъ (207).
Стрѣлы летятъ какъ часты дожди (117).
Какъ бы русая лиса голову клонила,
пошла то Чурилья къ заутрени (383).

Оттого сравнение бывает в картине краткой, резкой и яркой, напр.:

Тугаринъ почернелъ какъ осення ночь,
Алеша Поповичъ сталъ какъ свѣтелъ мѣсяцъ (189).
Тугаринъ потемнѣлъ какъ осення ночь (190).

Для предметов отдаленных или неопределенно представляемых и сравнения неопределенны, неясны.

Какъ бы бѣль забѣлѣлася, будто чернь зачернѣлася,
забѣлелися на кораблях парусы полотняные
и зачернелись на морѣ тутъ двѣнадцать кораблей (107).

Отрицательные сравнения подавали повод к многим догадкам и своевольным толкованиям. Одни объясняли их застенчивостью народа русского, осторожностью, другие — унылым характером народной русской поэзии и проч. Народная речь так проста, что для объяснения оной не надобно прибегать к отдаленным гипотезам. Безо всякого предубеждения прочтем какое-нибудь отрицательное сравнение и пойдем его грамматически, тогда тотчас увидим внутренний смысл оногo:

Тутъ не черные вороны солетались,
собирались понизовые бурлаки.

Фантазия хотя и сближает в сравнении два предмета разнородных, но простой, наивный смысл видит большую разницу между ними; следовательно, сравнение предполагает и сближение, и противоположение двух предметов. Это естественное, первоначальное понятие об уподоблении выразилось в сравнении отрицательном. Бурлаки уподобляются воронам, но вороны не бурлаки — наивно говорит простой смысл народный. Можно назвать уподоблениями в превосходной степени такие сравнения, где отрицание присовокупляется не к уподоблению, а к уподобляемому:

Из-за лѣсу, лѣсу темнова,
из-за горѣ, да горѣ высокихѣ,
не красно солнце выкатилося,
выкатилъ бѣлѣ горючѣ камень,
выкатившись, самѣ рассыпался
по мелкому зерну, да по маковому.

(17 удал. песн. у Сахарова.)

7. Фразеология

Мало того, чтобы знать, что такое-то выражение подлежит такому-то грамматическому или риторическому правилу, надобно возбудить сочувствие к правильной и изящной речи, обогатить память значительным запасом самих выражений. Потому необходима фразеология, в которой обращается внимание не только на внешнюю форму предложения, но и на содержание. Когда учащийся воспитает в себе разборчивое чутье к русской речи, его уже не увлечет вялый и бесцветный слог какого-нибудь нового сочинения. Всякий народ смотрит на вещи по-своему; постановить учащегося на точку зрения народную можно только изучением выражений, в коих высказывается дух народа, а не общими правилами и отвлеченными законами. Когда нет слов и выражений — правила не дадут их. Не эстетические законы образуют вкус, а знакомство с произведениями образцовых художников. Правила бессмысленны без живого содержания. Для ученика не в пример полезнее восчувствовать силу и красоту какого-нибудь фигурного выражения, нежели знать, в котором параграфе учебника объясняются правила этого выражения. Предлагаю несколько примеров фразеологии из тех же Древних стихотворений.

Тропы. Выражение понятий о жизни духовной: *материно сердце распущается* (168), *затуманилось его сердце молодецкое* (232), *взяло Добрыню пуце острого ножа по его сердцу богатырскому* (63), *надо мною сердце не изнести* (208), *едва душа его въ тѣлѣ полуднуетъ* (365), *ей Ставровой молодой женѣ перепала вѣсть нерадошна* (125). Понятия о природе вещественной: *а божьи церкви на дымъ спустить* (47), *бока (корабля) взведены по-звѣриному* (2), *трепала (лелеяла) она руки змѣя Горынчища* (71), *отъ лица лучи стоятъ великіе* (231).

Отдельные слова и выражения.

Дело в смысле свойства, вещи, предмета: *а наше то дѣло повелѣнное* (331), т. е. *нам повелели*; *а и женское дѣло прелестивое, прелестивое, перепадчивое* (69), *вм. характер*. Слич. Котоших.— 35: *тотъ человекъкъ прикинулся въ болезнь нарочнымъ дѣломъ*, *вм. нарочно*.

Перо у растений — *вм. лепесток*: *хмѣлево перо* (338).

А стань ты подъ башню проѣзжую (267) — через которую проезжают в ворота.

Она (лебедь) черезъ перо была вся золота (217) — короче и точнее нельзя выразить.

А Иванъ сударь Васильевичъ, прозритель (285).

Тотчасъ по поступкамъ Соловья опознывали (11), *какъ ты меня не опознываешь?* (133). *Опознать* содержит в себе понятие об утайке кем-нибудь того, что я узнал или нашел. Это слово не надобно смешивать с глаголами *опознаться* (ориентироваться) и *обознаться* (узнав кого-нибудь, принять его за другого). См. Луганского «Полтора слова о нынешнем русском языке», в «Москвитянине» за 1842 г.

ИСТОРИЯ НАРОДНОГО ЯЗЫКА

Чтобы узаконить необходимость изучения народного языка, следует показать тесную связь нашей народной поэзии с древнейшими памятниками как русской литературы, так и прочих славянских племен, и с произведениями новейших писателей наших. Для того и другого достаточно будет одного простого сравнения.

а) В Сл. о полку Иг.: *чръна земля подъ копыты, костьми была посьяна, а кровію поляна, тугою взыдоша по руской земли.*

В «Думе о походе Хмельницкого в Молдавию»: *вже почав він землю кѳньскими копытами орати, кровью Молдавською поливати!* В другой малорусской песне: *выюрала вдовонька мыслоньками поле, чорными оченьками заволочила, дробными слезоньками все поле змочила*¹.

Еще полнее выразилась мысль Слова о полку Иг. в казацкой песне²:

*За славной за реченькою Утвою,
по горам было Утвинским,
по раздольцям по широким,
распахана была пашенка яровая;
не плугом была пахана, не сохою,
а острыми мурзавецкими копьями;
не бороною была пашенка взборнована,
а каневыми резвыми ногами;
не рожью посеяна была пашенка, не пшеницей,
а посеяна была пашенка яровая
казачьими буйными головами;
не поливой она всполивана,
не осенним сильным дождичком,
всполивана была пашенка
казачьими горючьми слезами.*

б) Сл. о полку Иг.: *ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю рускую.*

В малорус. песне (Максимович, с. 81, 82): *иду я туды де рѳблять на диво червѳнее пиво з крові супостат Хибѳ-ж ты задумав тем пивом упиться? ...як пир той минѳтся — вернусь я назад!*

Прекрасно развита эта же мысль в казацкой песне (у Сахарова, с. 240): идет молодец, шатается, мать его спрашивает:

*Ты зачем так, мое чадушко, напиваешься,
до сырой-то до земли все приклоняешься
и за травушку за кавылушку все хватаешься?
Как возговорит добрый молодец родной матушке:
Я не сам так добрый молодец напиваюся,*

¹ Максимович. Малороссийские песни. 1827, с. 31, 34.

² Сахаров. Сказания русского народа, I, с. 243.

*напоил-то меня турецкой царь тремя пойлами,
что тремя-то было пойлами, тремя разными:
как и первое-то его пойло — сабля острая,
а другое его пойло — копье меткое было,
его третье-то пойло — пуля свинчатая.*

в) Сл. о полку Иг.: *полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омо-
чу бибрянъ рукавъ в Каялѣ рѣцѣ.*

То же сближение кукушки с Дунаем в малорусской песне (Максимович, с. 51): *ой летела зозуленька через поле, гай; да ѝ згубила
рябѣ пѣрцѣ (перушко) на тихий Дунай.*

г) Сл. о полку Иг.: (Игорь) *врѣжесе на брѣзѣ комонь, и
скочи съ него босымъ влѣкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ
соколомъ подѣ мъглами, избивая гуси и лебеди, завтраку и обѣду
и ужинѣ.*

Удивительное сходство с действиями оборотня в песне «Волх
Всеславьевич» (Др. рос. ст.):

*Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
онъ обернется сѣрымъ волкомъ,
бѣгалъ, скакалъ по темнымъ по лѣсамъ и по раменью.
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
полетѣлъ онъ далече на сине море,
а бьет онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
а и сѣрымъ малымъ уткамъ спуску нѣтъ;
а поилъ, кормилъ дружиниушку хорабрую.*

Приведем из древних памятников несколько синтаксических форм, сходных с предложенными выше из «Древних рос. стихотворений».

Тавтология. Нест. по Лавр. сп., 6: *дань даютъ; 11: до днешня-
го дне; 21: да не оущитятся щиты своими; 23: да възпятятъ и (его)
опять.* В Краледворской рукописи, 68: *obiesati obiet* (обещать обет); по мнению Гримма¹, техническое языческое выражение для жертво-
приношения, орфег verheissen, widmen. В Сл. о полку Иг.: *мосты
мостити; одинъ свѣтъ свѣтлый; ни мыслію смыслити, ни думою сду-
мати: Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше;
суды рядя до Дуная.* В Памятниках лит. XII в., 72: *на небо небес-
ное; Новог. лет., 52: отыниша тыномъ; 65: разболѣся болѣзнію;*
Ипатьевск. лет., 185: *побѣдою побѣди; 185: клятвою клени; 213: а
свои полонъ отполонили; 221: милостынею бѣше милостивъ; Пск.
лет., 23: срокъ соркоша; 124: убѣгомъ побѣже; 148: сталъ станьемъ
на выстоянѣ (осаждающа город); 151: много добытка добыша; 177:
изволить волю; Котошихин, 23: слова разговорные говоритъ, 110:
ранены ранами; 111: торги своими торгуютъ и всякими промыслы
промышляютъ; 125: отравами отравиши.*

Формы описательные с глаголами — *положить*: Новог. лет., 42:

¹ „Deutsche Mythologie“, с. 24.

не положи того въ гнѣвъ; 43: положи на нихъ жалобу велику; Воскр. сп., II, 8, 9: не положихъ бо чести надъ тобою; аще если на мнѣ честь положилъ и на столѣ мя еси посадилъ держать: Новг. лет., 2: рать дръжати; Ипатьевск. лет., 226: любовь держаше съ нимъ велику. Слич. Новг. лет., 38: Твердиславъ же съшъдъся съ княземъ въ любовь; водить: Новг. лет., 38: и съведе ѿ владыка въ любовь; Ипатьевск. лет., 52: введи мя къ отцу твоему въ любовь; править: Сл. о полку Иг.: Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влѣкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому; Ипатьевск. лет., 218: и нача посолство правити.

Весьма любопытна история постоянных эпитетов нашей народной поэзии, ибо большая часть их идет от глубокой древности: 1) *удалой, удатный, удача молодец*: в Краледворск. рук., 42: *udatna Cstmira* (удатна Чстмира); Сл. о полку Иг.: *удалыми сыны Глѣбовы*; Ипатьевск. лет., 167: *потомъ же Мстиславъ великий удатный князь умре*. Древнейшее объяснение этого слова в чешских глоссах Музейной псалтыри (конца XII в.): *vdatstua virtutis* в глоссах *Mater. verb. udatstuo, fortitudo, virtus*; 2) *красная девица*: в Краледворск. рук., 94: *krasna dieua* (красная дева); в Сл. о полку Иг.: *готскія красныя дѣвы*; 3) *милый сын, брат, милая дочь*: Краледворск. рук., 44: *s milu sup dceru* (с милою своею дщерью); Сл. о полку Иг.: *жаль бо ему мила брата Всеволода*; Ипатьевск. лет., 156: *пріялъ бо бѣ Данила како милого сына своего*; *ibid.*, 202: *и нача отдавати милую свою дочь, именемъ Олгу, за Володимера князя*; 4) *матеря вдова*: толкование в глоссах *Mater. verb.* прямо объясняет этот эпитет: *materna, matrona*. Слич. в Алфавите XVII в., 42 до 56-го: *старецъ, по семъ матерство* (Востоков. Описание рус. и слав. рукописей Румянц. музея, 4); 5) *буйная головушка*: Краледворск. рук., 2: *v buinu hlauu* (в буйну главу); *ibid.*, 32: *na buinich hlauach* (на буйных главах). Слич. в Сл. о полку Иг.: *за раны Игоревы, буего Святславлича*; *ibid.*: *высоко плаваеши на дѣло въ буести*; Летоп. продолж. Нестора, 13: *младенстви ради и буести*. Следов., это слово первоначально имеет смысл 'удальство, доблесть'; 6) *красная весна*: в проповеди Кирилла Туровск. (в Пам. российск. слов. XII в., 21): *весна убо красная вѣра естъ Христова*; 7) *ясное солнце, темная ночь*: Краледворск. рук., 4: *iasne slunesco*; 82: *temni noci*. Жаль, что утро потеряло теперь в нашей поэзии свои прежние эпитеты: *серое, седое*; в Краледворск. рук., 28: *iutro sero*; 82: *sedim iutrem*; или то и другое вместе, в сложном *сѣдосѣрое*: *ibid.*, 2: *k iutru sedoseru*; 8) *сыра земля, зелена трава, чистое поле, темны леса*: Краледворск. рук., 52: *po zelene trawie w siru zemiu tecie* (по зеленой траве в сыру землю тече); 96: *sira zemie*. Сл. о полку Иг.: *стлавишу ему зелѣну траву, и поѣха по чистому полю*; Краледворск. рук., 72: *les temen*; 86: *temnim lesem*. Но у нас уже не употребителен постоянный эпитет леса — *черный*, как в Краледворск. рук., 66: *s czrna lesa, w les czrn*; 9) *синее море*: в Сл. о полку Иг.: *въплескала лебедьными крылы на Синѣмъ море; се бо Готскія красныя дѣвы възспѣша на брезѣ Синему морю, лелѣючи корабли на Синѣ морѣ*; 10) *тугой*

лук, стрелы каленые: Краледворск. рук., 26: *tuhi luki*; 32: *kalenich strsiel*; Сл. о полку Иг.: *стрѣлы каленыя*; Ипатьевск., 128: *бяху же у нихъ луци тузи самострѣлнии*; 11) *питья медвяные*: Краледворск. рук., 56: *pitie medna* — в старину значило не только на меду рассыченные, но и вообще сладкие: слич. в Чешск. псалтырях XIV в.: *medkú* (*suavis*); 12) *борзый конь, сѣрый волкъ*: Сл. о полку Иг.: *врѣжеса на брѣзъ комонъ* — значит не только 'быстрый, прекрасный' (слич. *барзо* — очень), но и 'буйный, ярый', соответственно чешскому эпитету в Краледворск. рук., 62: *ors* (конь) *iarobuini*; *Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ* (Сл. о полку Иг.).

Украшающие и постоянные эпитеты, *золотой* и *серебряный*, с своими сложными, употребляющиеся и в «Др. рос. ст.», напр. 6: *терема златоверховаты*, принадлежат глубокой древности, содержа в себе много первобытной наивности. Так, в Суде Любуши, 11: *uodu strebropenu* — воду сребропенну; 15: *zlatopescu glinu* — златопещаную глину; 30: *u lubusine otne zlate sedle* — в Любушине: *отне* (от-злата стола) *златъ сѣдлѣ* (*sedes*); 64, 108: *s otna zlata stola* — с отня злата стола (престола); в Сл. о полку Иг.: *златъ стремень; своимъ златымъ шеломомъ посѣвчивая; отня злата стола* (тоже престола); *изъ сѣдла злата; се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ; уже бо Сула не течетъ сребреными струями; на своихъ сребреныхъ брѣзѣхъ*, и проч. Сложные: *въ моемъ теремѣ златоврѣсѣмъ; высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ*. Слич. в Данииле Заточн.: *вострубимъ, братіе, яко во златокованныя трубы, в разумъ ума своего* (Памятн. лит. XII в., 229).

Эпитеты, выраженные существительными: в чешской песне под Вышеградом (XIII в.): *ha ty naaszye sluncze vysegrade twrd* — ой ты наше солнце, Вышеграде тверд; в Ипатьевск. лет., 172: *прѣхавшимъ же соколомъ стрѣлцемъ*; в Сл. о полку Иг.: *буй-туръ Всеволодъ*. Слич. с этим эпитетом творительный уподобления в Суде Любуши, 104: *zarue iarim turem* — зареве ярым туром, коему в Краледворск. рук. соответствует полное сравнение, 28: *Vratislau iak tur iari skoci* — Вратислав как тур ярый скочил. В Др. рос. ст. воспоминание этого образа сохраняется в превращении мужчины в тура — золотые рога. Что же касается до турьих рогов, упоминаемых в Др. рос. ст., в смысле кубков, то у нас есть исторические свидетельства на действительное существование их (в 1485 г., Геннадий): «даде въ даръ псковичемъ турей рогъ, окованъ златомъ» (Пск. лет., 164). Эта посуда у славян общая с германцами: слич. Цезаря *De belogal.*, VI, 28: *haec* (буйволы рога) *studiose conquisita ab labris argento circumcludunt atque in amplissimis epulis pro poculis utuntur*.

Эпитеты из имен существительных с прилагательными, не согласующиеся с своим определяемым: Ист. гос. Рос., X, прим. 118: *попонка бархатъ червчатъ гладкой; повяска атласъ золотной*; прим. 130: *коверъ розные цвѣты съ золотомъ и серебромъ; камка шолкъ бѣлѣ да червчатъ; стоялъ столъ нѣмецкое дѣло*; XI, прим. 34: *круживо шелкъ чернѣ съ сере-*

бромъ; шуба камка адамашка бѣла; прим. 60; башмачки сафьянъ синь, чюлочки шолкъ жолтъ; прим. 65: одѣяло бархатъ червчатъ. Некоторые из этих эпитетов переходят здесь в сказуемые; слич. весьма любопытное словосочинение Ист. гос. Рос., XI, прим. 90: *a lъsvъ дубъ*, вм. *дубовый*.

П а р а л л е л и з м: в Краледворск. рук., 56: *rostupisie sila u udech rostupisie bodrost w mislech* — роступисе сила в удох (членах), роступисе бодрость в мыслех. Сравнение в форме параллелизма: в Суде Любуши, 105, 106: *gore ptencem, s nim se zmia unori, gore musem, im se sena ulade* — горе птенцем, к ним же змия в нори (penetrat), горе мужем, им же (дат. множ.) жена владе. В Краледворск. рук., 6: *wstane iedno slunce po wsiem nebi, wstane jarmir nad wsiu zemiu opiet* — встанет едино солнце по всему небу, встанет Ярмир над всею землею опять. В Сл. о полку Иг.: *Солнце свѣтитя на небеси, Игорь князь въ Руской земли*. Слич. эпитет Владимира Красное солнышко и обычные выражения в причитаниях над мертвым: *уже бо солнце наше зайде ны*, Ипатьевск. лет., 220 (оплакивают бояра Володимира Васильковича); *зайде свѣтъ отъ очю моею* — в Похвальном слове Донскому причитают Евдокия.

О т р и ц а т е л ь н о е сравнение уже и в Сл. о полку Иг., и притом во всей наивности своей, совершенно согласно с принятым мною объяснением: (Боян) *помняшетъ бо речъ пѣрвыхъ временъ усобицѣ; тогда пуцашетъ т̄ (десять) соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсь пояше (тот прежде песнь пел) старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пѣлки Касожьскими, красному Романови Святѣславличю. Боянъ же, братіе, не т̄ соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны вѣкладаше, они же сами княземъ славу рокотаху*. Поэт сначала замечтался о соколах и лебедях, а потом оговаривается отрицательным сравнением.

О л и ц е т в о р е н и е бездушных предметов, преимущественно рек, и разговоры с ними, столь обычные в нашей народной поэзии, ведут свое начало от древнейшего памятника славянской поэзии, от Суда Любуши. Слич., напр., казацкую песню (у Сахарова. Сказ. рус. нар., I, с. 137):

*Ой ты, наш батюшка, тихой Дон,
ой, что же ты, тихой Дон, мутнехонек течешь?
Ах, как мне, тиху Дону, не мутному течи!
Со dna меня, тиха Дона, студены ключи быют,
посередь меня, тиха Дона, бела рыбаца мутит,
поверх меня, Дона, три роты прошли, и пр.—*

с началом Суда Любуши:

*Ай Вльтаво, че мутиши воду?
Че мутиши воду стребротѣну?*

*Како быхъ язъ воды не мутила,
кегда се вадита (litigant) родна братры.*

Та же самая грамматическая форма вопросов и ответов в олицетворении Пскова, в Пск. лет., 179: *О славнѣйшій граде Пскове, великій во градѣхъ, почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати или како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія!* Слич. в Сл. о полку Иг. разговору Игоря с Донцом в форме параллелизма: *Донецъ рече: княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселія. Игорь рече: о Донце! не мало ти величія, лелѣявшу князя на влѣнахъ,* и пр. В глубине поэтического олицетворения рек мифологические предания.

Повторения для песенного ладу, столь необходимые в Др. рос. ст., попадают уже не только в XII в., но даже и в IX в. Так, в Др. рос. ст.:

*всѣ тутъ князи и бояра развѣхались,
развѣхались и пѣшкомъ разбрелись* (222).

Слич. со многими точь-в-точь такой же формы повторениями в Суде Любуши, напр.:

*люты Хрудотъ на Отавѣ кривѣ,
на Отавѣ кривѣ златоноснѣ* (20, 21);
*и почеху тихо говорити,
говорити тихо мезу собу* (между собой) (79, 80)

или в Песне под Вышеградом (XIII в.):

*pod tobi rzieka bystra valyesye,
valyesye rzeka Vhltaua yara*

— под тобой река быстрая валится, валится река Влтава ярая. Песенным же ладом объясняется повторение одного и того же существительного в простом и в уменьшительном или ласкательном виде, напр.: в Др. рос. ст., 381: *а и горе горе, гореваньце!*; в Краледворск. рук., 98: *na iunosi roste dubec dub* — на юноше растет дубец дуб; *ibid.*: *wirazi z iunose dusu dusicu* — выразил из юноши душу душицу.

Вообще, надлежит заметить, что в старинных памятниках нашей литературы народный язык постоянно смешивается с церковнославянским, так что любая страница летописи предложит несколько примеров руссизмов. Отделив ц.-сл. язык от русского, Ломоносов обратил внимание на народные речения. Так, в его «Российской грамматике» (1755): о род. пад. ед. сущ. муж.: «§ 167. Происшедшие от глаголов употребительнее имеют в род. -у, и тем больше оное принимают, чем далее от славенского отходят; а славенские, в разговорах мало употребляемые, лучше удерживают -а: *размахъ, размаху* и пр. § 168. Сие различие древности слов и важности знаменуемых вещей весьма чувствительно и показывает себя нередко в одном имени. Ибо мы говорим: *святаго духа, ангельскаго гласа*, а не *святаго духу, ангельскаго гласу*. Напротив того, свойственнее говорится: *розоваго духу, птичьаго голосу*, нежели *розоваго духа, птичьаго голоса*».

О степенях сравнения: «§ 210. Славенской рассудительной и превосходной степень на *-ий* мало употребляется, кроме важного и высокого стиля, особливо в стихах: *свѣтлѣйшій, обильнѣйшій*. Но здесь должно иметь осторожность, чтобы сего не употребить в прилагательных низкого знаменования или в неупотребительных в славенском языке, и не сказать: *прытчайшій, препрытчайшій*. § 246. Умаление прилагательных нередко чрез имена существительные с некоторыми предлогами изображается: *черной, чернь, впрочернь; впробѣль, впрохмѣль, сукрасень*. Сии умалительные родов, чисел и падежей не имеют, но как наречия употребляются». О деепричастии: «§ 351. Деепричастия на *-ючи* пристойнее у точных российских глаголов, нежели у тех, которые от славенских происходят; и напротив того, деепричастия на *-я* употребительнее у славянских, нежели у российских. Например, лучше сказать *толкаяючи*, нежели *толкая*, но напротив того лучше употребить *дерзая*, нежели *дерзаяючи*. О причастиях: «§ 338. При сем примечать надлежит, что сии причастия (на *-щій, -шій, -мый*) только от тех российских глаголов произведены быть могут, которые от славенских как в произношении, так и в знаменовании никакой разности не имеют. Употребляются только в письме, а в простых разговорах должно их изображать чрез возносительные местоимения *который, которая, которое*. Весьма не надлежит производить причастий от тех глаголов, которые нечто подлое значат и только в простых разговорах употребительны, ибо причастия имеют в себе некоторую высокость и для того очень пристойно их употреблять в высоком роде стихов». Слич. §§ 435, 437, 438, 448.— О причастиях прошедших страдательных. «§ 441. Прошедшие неопределенные страдательные причастия весьма употребительны, как от новых российских, так и от славянских глаголов произведенные: *вѣнчанный, мараной*. Разницу один от другого ту имеют, что от славянских происшедшие лучше на *-ый*, нежели на *-ой*; простые российские приличнее на *-ой*, нежели на *-ый* кончатся». В § 422 замечается особенность русского языка: *глядь, хватъ, брякъ*. Замечательно, что Сумароков в своей статье «О правописании» поносит Ломоносова именно за то, что он обратил внимание на народный язык: «Грамматика г. Ломоносова,— говорит он,— никаким ученым собранием не утверждена, и по причине, что он московское наречие в колмогорское превратил, вошло в нее множество порчи языка. Напр. *вм. лутчій — лутчей*; след., склонения прилагательных перепорчены». Потом особенно нападал Сумароков на Ломоносова за употребление *что* вм. *который*, напр.: *О ты, что в горести напрасно*, и пр. Сумароков говорит: «а вместо *который, которая, которое* употребляется *что* или от неведения, или от нерассмотрения, или от привычки худого и простонародного употребления». Из современников Ломоносова всех более обращал внимание на народный язык и поверья Тредьяковский. «Многодельное первое христианство наше,— говорит он,— хотя искоренило все многобожные служения и песенные прославления богам и блгнням, однако с пренебрежения, или за упразднениями, не коснулось к простонародным обыкновениям: оставило

ему забаву общих увеселительных песен, а с ними способ изложения стихов. Сие точно и есть первородное и природное наше стихосложение, пребывающее и доднесь в простонародных, молодецких и других содержаниях песнях живо и цело». В его «Трех рассуждениях о трех главнейших древностях российских» (1773) попадают любопытные намеки на народный язык; напр.: «так как у нас *Донъ Ивановичъ* и *Русь Андреевна*» (126) — «сей точно апостол (Андрей) почитается апостолом российским и по нем всеконечно, от древнего предания, называется между простыми людьми Россия *Андреевною*» (144) — «сей есть сущий наш Бова Королевич, да простится мне сравнение» (31) — «говорится: *царь-колоколъ, царь-градъ, царь-дѣвица* и *царь-бобы*» (40) — «последнее сие имя (*Хвалынской*) морю и доднесь в употреблении: *синее море Хвалынское* поется в простых песнях» (91) — «из некоторыя нашей площадныя песни: *князь Романъ жену терялъ и в рѣку металъ, во ту ль рѣку в Смородину*» (175) — «без сомнения, обыкновенные называть государей *надеждою* было всеобщее и древнее в словенском языке: российский наш народ, и при моей свежей памяти, называл благоговей самодержца своего, *надежда государь*» (231) и пр. Тредьяковский хотя основывает свою теорию русского стихосложения на народных, или, как он называет, на мужицких песнях, однако дичится их и упоминает об них с каким-то пренебрежением: «Прошу читателя не зазреть меня и извинить, что сообщаю здесь несколько отрывочков от наших подлых, но коренных стихов» (см. Сочин. и переводы Тредьяковского, 1751, I, с. 170).

Державин очень многое брал из народной речи в свои стихотворений; напр., в оде «На счастье»: *ни в сказках складно рассказать, ни написать пером красиво — и гром за тридевять земель несет на лунно государство — без лат я горе-богатырь — слети ко мне, мое драгое, серебряное, золотое*: здесь прекрасно применяют к счастью эти два народные эпитеты. Из «Царь-девицы»: *Царь жила была девица — если больно рассерчала — камень с гору самоцвет — по бедру коня хлесть задню — шасть к Царю-девице в спальню — вот и встал дым коромыслом*. В «Приношении красавицам»: *бью стихами вам челом*. В «Добрыне»: *не сизы соколы по поднебесью, не белы кречеты под облаки, богатыри слетались русские к великому князю ко Владимиру; — Что по грядне князь, что по светлой князь, наше солнышко Владимир князь похаживает — что у ласточки, у косаточки алу белу грудь, сизы крылья посматривает. Парчевой кафтан, сапоги сафьян, золоту казну и соболы показывает; — Ты гой еси, удал млад богатырь могучий! — как едет, поедет добрый молодец, сильный, могуч богатырь, Добрыня-то, братцы, Никитьевич. Да едет с ним его Тороп слуга, и сражается он с Тугариным; у Тугарина собаки крылья бумажные; — катилося зерно по бархату, и пр.; — вьется, вьется хмель золотой, и пр.*

Мерзляков дал пример греческие сложные эпитеты прилагательные переводить — по образцу: *тур золотые рога, Дмитрий грозные очи* — существительным с прилагательным: *Гера белые плечи* — *вм. белоплечая, и т. п.*

Крылов, Грибоедов, Пушкин окончательно узаконили необходимость ввести народный язык в письменный. «Разговорный язык,— говорит Пушкин,— простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не искажающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований». «Альфieri изучал итальянский язык на Флорентинском базаре. Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвириям; они говорят удивительно чистым и правильным языком». Особенно любопытны замечания Пушкина на два стиха из «Евгения Онегина»:

Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская молвь и конский топ. (гл. V, строфа XVII).

«В журналах,— говорит Пушкин,— осуждали слова: *хлоп*, *молвь* и *топ*, как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские: «Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ» (Сказка о Бове Королевиче). *Хлоп* употребляется в просторечии вместо *хлопанье*, как *шип* вместо *шипения*.

Он шип пустил по-змеиному
(Древние российские стихотворения).

Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка». И в другом месте прибавляет он: «Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка; критики наши напрасно ими презирают»¹. Почитаю лишним трудом приводить здесь примеры народного языка из Пушкина: стоит только указать, напр., на его драму «Русалка», чтобы найти их сотни.

Лучшие наши писатели и теперь не перестают изучать поэзию и язык народный. Для примера предлагаю сличение одного места из Гоголева «Тараса Бульбы» с малорусскою думою²:

Гоголь: «*Будет, будет все поле с облогами и дорогами покрыто их белыми торчащими костями, щедро обмывшись казацкою их кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями; далече раскинутся чубатые головы с перекрученными и запекшимися в крови чубами и опущенными книзу усами; будут орлы, налетев, выдирать и выдергивать из них казацкие очи. Но добро великое в таком широко и вольно разметавшемся смертном ночлеге! не погибает ни одно великодушное дело и не пропадет, как малая порошинка с ружейного дула, казацкая слава... И пойдет дыбом по всему свету о них слава...*

Малорусская дума:

А щоб, як наши головы казацьки по степу-пóлю
поляжуть,

¹ Сочинения Пушкина, т. I, с. 253—254, и т. XI, с. 214, 215, 230—231.

² Сочинения Гоголя, т. II, с. 225—226, и «Украинские народные песни, изд. Максимовичем». 1834, с. 28.

*да ще й рѳдною кровью вмыются,
попереросколотыми шаблями покрываются!..
пропадѣ, мов (будто, точно) порошина з дула,
тая козацькая слава,
що по всѣму свѣту дыбом стала,
що по всѣму свету стѣпом розляглась, простяглась,
да по всѣму свету лугѳвым гѳмѳном роздалась, и пр.*

АРХАИЗМЫ

Сначала обратим внимание на наш старинный язык с точки зрения филологической от отдельных слов до целого периода, а потом укажем, как и сколько употребляются архаизмы у новейших писателей. Эта статья, таким образом, должна содержать в себе историческую стилистику, или историю речений, старинных любимых выражений, обычных поговорок и фигур и т. п.

Образование народа стоит в явной противоположности к совершенствованию языка, и чем более общечеловеческого просвещения входит в язык, тем более теряет он величия и самобытности своей собственной грамматической природы¹. Внутреннюю силу старинного языка можно уподобить острому зрению, чуткому слуху, обонянию дикаря, пастуха или охотника, безыскусственно обращающихся в простой природе. Зато новый язык яснее и определеннее. Поэзия проходит, проза (в обширном смысле принимаемая) более способствует нашим потребностям. Поэзия языка состоит в неуываемой, яркой изобразительности, необходимом достоянии древнейшего периода. Собственно, тогда еще и не бывает прозы, ибо всякое слово возбуждало тогда поэтическое впечатление, всякое выражение было творческою попыткою. Со временем значительность отдельного слова пропадает, и настает значительность целого предложения. Как ценная монета в обширных расчетах заменяется ассигнациями и билетами, так и живые впечатления в мышлении своем подводим мы к общим мыслям и отвлеченным представлениям. Речь наша чрезвычайно замедлялась бы, если бы мы постоянно вдумывали в живое представление каждого предмета и взвешивали каждое слово с таким же сочувствием к нему, с каким оно создавалось в древнейшую пору. Таким образом, потеря чувственной, живучей силы языка есть не иное что, как преобладание мысли над звуком и частным впечатлением. Следовательно, на место грамматического интереса к языку выступает интерес поэтического и риторического представления.

Путем науки, разумеется, только частью можем мы возбудить в себе сочувствие к первобытной творческой силѣ языка. Многие слова и обороты для нас совсем умерли; их не воскресить уже и гениальному поэту. Зато мы можем сочувствовать таким старинным

¹ Th. Muntd. Die Kunst d. deutsch. Prosa. 1837, с. 19; Предисловие к 1-му изданию грамматики Гримма.

словам, звуки коих в других родственных словах дошли и до нашего времени. Так, напр., мы говорим: *невѣста, богъ, божій, поломанный, семья, звѣрь*, но потеряли уже: *туже бѣ и язычская церкви, уневѣстившіяся Христу* (Кир. Тур., в Пам. российск. слов. XII в., 70), взбожение сына твоего — *vzbozenie syna tvého, das Gottwerden*, (в Чешск. молитв. XIV в.), неполоманная шея — *perolomná šíje* (ibid), *кротость челоуѣческаго естества воззвери* (Пск. лет., 114), *не семьтись и не соединятися* (Ист. гос. Рос., XI, прим. 5). Потому обращаю внимание только на те слова, кои, употребляясь и теперь, в старину имели иное значение или теперь остались только в производных формах, затеряв старинную коренную¹.

1. Ономатика

Буда — по Карамзину (Ист. гос. Рос., III, прим. 23) знач. 'гроб', напр., в Ипатьевск. лет., 115: *въ буди, либо си въ гробъ*, отсюда уменьшительная форма *будка*, от глагола *будовать*, знач. 'строить', употребляющегося по-польски, малорусски.

Вар — теперь 'кипяток', прежде и 'жар вообще': *въ Гундустанѣ же силнаго в а р у нѣтъ; силенъ в а р ъ Гурмызѣ, да въ Кытобагряимѣ... а въ Хоросаньской землѣ в а р н о, де не таково; а въ Чеготани велми в а р н о; в Ширязи, да въ Езди, да въ Катани в а р н о да вѣтръ бываетъ* (Путешествие Афанасия Твер., Соф. вр., II, 158). Слич. Ев. от Матф., 20, 12.

Ведро — теперь 'ясная погода', прежде 'засуха, страшный жар': Новг. лет., 52: *казнить богъ смертью или голодомъ, или наведеиетъ поганыхъ, или в е д р о м ѣ; 147: в е д р о бысть страшно на небесѣхъ и на земли*; в Краледворск. рук., 30: *ptrpiechom nailuteiei u e d r o* — потерпехом наилутое ведро.

Гривна — золотое или серебряное ожерелье, надевавшееся на шею в знак отличия, как ныне орден: Бытия, XLI, 43: *и возложи гривну злату на выю его*; Притч. Солом., I, Сирах, VI. Слич. сербск. — *гривняшъ* или *гривашъ* (?) — голубь с ошейником, чешск. *hrziwnač*.

Говядо (отсюда *говядина*) — скот в других славянских наречиях и у нас в старину: в Русск. Пр., Русск. достоп., II, 180, в Ипатьевск. лет., 177: *и меду и говядъ и овецъ доволъ*.

Доить — теперь только о животных: *доить корову*; прежде значило 'кормить грудью': *взя же отроча на руки жена, и абие къ ней, яко къ матери своей прилѣпися любезно, она же до я ш а я* (Чет. Мин., 22). *Воздоить* — воспитать: *соблуди ми отроча сіе, и воздой ми е* (Исход, 2); *отдоить* — отнять младенца от груди: *сотвори Авраамъ учреждение (пиршество) веліе, въ онъ же день от до и с я Исаакъ сынъ его* (Быт., 21).

Дряхлый — печальный: *онъ же д р я х л ѣ бывъ о словеси, отъиде*

¹ Слич.: Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге. 1803, с. 215, и «Труды Общ. люб. рос. сл.», 1820, с. XVIII, 1826, с. VI.

скорбя (Марк, X, 22). Слич. у Вост. в Опис. Рум. музея, 551
нбо (небо) *дряхлетъ* (в Сборн., 1754).

Дужий — сильный от дуг, сила, здоровье, употребляющегося и
теперь в отрицательном *недуге*; *недужий* — бессильный: *мы не дуж и*
противу вамъ стати (Нест. по Лавр., 40). Слич. народное *дюжий* —
плотный, крепкий, здоровый.

Жадный — жаждущий: *жадныя и алчныя насыщая* (Ипать-
евск. лет., 219).

Жизнь — изобилие, имение: *се есмы села ихъ пожгли вся, и*
жизнь ихъ всю, и они къ намъ не выйдуть; а пойдемъ къ Любцю,
идѣже ихъ есть вся жизнь (Ипатьевск. лет., 37); *и всю жизнь*
нашию повоевали (ibid., 38); *вземше подѣ нимъ волость его и*
жизнь его всю (ibid., 82). Не в этом ли же смысле в Сл. о полку
Иг.— *погибашеть жизнь Даждь-Божа внука?* Слич. в чешск.
псалт. XIV в. (Витенб. и Подебр.): *žizn* (ubertas), в глоссах
Mat. verb.: *sizn* (жизнь) — ubertas, habundantia, fecunditas.

Жировать — жить: *и не смѣяху люде живрати въ домѣхъ,*
нъ по полю живяхуть (Новгор. лет., 22). Как *жизнь* переходит
в значение 'обилие, имущество', так, наоборот, и *обилие*, *тук*, т. е.
жир (по Добровск., от глагола *жеру*, *жирати*, Slowank., т. I,
с. 40), имеет смысл 'имения, состояния жизни': в Вологодск. губ.
жира — жизнь, *жирова* — состояние (Труды Общ. люб. рос. сл.,
1822, I), по-сербски *жиръ* значит 'жолудь'. Не объясняется ли
значением 'жизни, имения' — *жиръ* в Сл. о полку Иг.— *погрузи*
жиръ во днѣ Каялы?

Збруя — вооружение, воинские доспехи: Др. рос. ст., 262:
беретъ онъ царь свою збрую богатырскую, беретъ онъ сабельку
острую и копье мурзавецкое.

Квас — закваска: *малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ* (I, Ко-
ринф., V, 7); ложное учение: *блюдитесь отъ кваса фарисейска*
и саддукейска (Матф., XVI, 6); в глоссах Mat. verb. *quazz*
(квас) *frigidaria, sulza; quasu* (квашу) *conuino*. По-лужицки *kwas*
значит 'свадьба'.

Колач — означало не только 'хлеб', но и 'подарок': глос. Mat.
verb.: *colach* (колач) — *tipera, dona, colacs* (колач) *crustula panis*.

Лупить — грабить: *лупленіе от Тверич. Черныци и черницы*
все до наготы и злуплено (Новг. лет., 90); в глос. Mat. verb.:
lupes (лупеж) — *garina, lupesnik* (лупежник) — *pirata*.

Норова — каприз: *в тую жъ зиму прѣхъ владыка Евфимей во*
Псковъ, мѣсяца генваря въ 13 день, не въ свой прѣздѣ, не въ
свою череду, но норовою (Пск. лет., 69). Теперь *норов* употреб-
ляется более о животных и не так смело, как в старину.

Порты — вообще одеяние, покрывало и т. п.: *и тако загорѣся*
(церковь) сверху, и что бѣше внѣ и вну узорочій, и поникадила
серебряная, и судѣ златыхъ и сребреныхъ безъ числа, по ртѣ ши-
тыхъ золотомъ и женюгомъ, яже вѣшали на праздникъ въ двѣ
верви отъ Золотыхъ воротъ до богородицъ, а отъ богородицъ
до владычныхъ сѣній во двѣ же верви чюдныхъ (Ипат. лет.,

127). От этого слова происходит прилагательное *портной*, употребляющееся существительным.

Почка — самородный кусок камня: *доброто по десяти рублевъ почка алмазу* (Соф. вр., II, 156).

Прелесть — в дурном смысле, прельщение, лесть, обман, соблазн: *прелести безбожія до конца уклонился еси* (Служба Хрсанфу и Дарии, марта 19). Змій, прельстивший прародителей, называется в св. пис. *прелестником*. *Понеже рускіе люди прелестны и падки на волхвованіе* (Пск. лет., 209); *а и женское дѣло прелестиво, прелестиво, перепадчивое* (Др. рос. ст., 69); *сослалъ намъ боже, прелестника, злаго расстригу Гришку Отрепьева* (ibid., 102); *и здавался на его слова прелестныя* (ibid., 146). Следовательно, эти слова, происшедшие от *лесть*, *льщу*, никак не должно смешивать в употреблении с *красота*, *прекрасный*.

Работа — рабство, от глагола *робить* — делать: *а другіе работѣ предасть мужемъ своимъ* (Нест. по Лавр. сп., 31); *работныя* (взятых в рабство) *свобождая* (Ипатьевск. лет., 219).

Сокровище — сокровенные места и предметы: *пришелъ же ли еси въ сокровища скѣжная и сокровища градная видѣли еси?* (Иов, XXXVIII, 22); *сидохъ и до скровищъ* (где скрыты) *плѣнникъ моихъ* (Кир. Тур., в Пам. рос. слов. XII в., 66).

Строгий — вострый, отсюда *острога* — шпора, строгать; у Ломоносова: *стует по вершинам строгим*.

Строю — управляю; Нестор говорит о себе, что он вступил в монахи: *Феодосію строящу монастырь*, т. е. управляющу. И теперь управляющий общежительным монастырем называется *строителем*.

Супруги — пара: *супруги воловъ оряху* (Иов, I, 14); *супругъ воловъ купихъ* (Лук., XIV, 19).

Труд — бедствие, болезнь, страдание душевное: *нищъ есмь азъ и въ трудѣхъ отъ юности моя* (Пс., LXXXVI, 16); *беззаконіе и трудъ посредѣ его и неправда* (Пс., LIV, 11). Слич. в Сл. о полку Иг.: *чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено*. Следовательно, это слово существенно отличается от синонима своего, *работы*.

Украйна — всякая крайняя страна, в смысле марки: *Датская украйна, Псковская украйна*, Пск. лет., 27, 202, 203, 212.

Цѣловать — приветствовать, здороваться, от *цѣлый*, как *здороваться* от *здоровый*: *входяще же въ домъ цѣлуйте его, глаголюще: миръ дому сему* (Матф., X, 12).

Яловый — теперь говорится *яловая корова*, т. е. холостая, нестельная; *яловая рыба*; прежде *яловый* и вообще *бесплодный*: *yalowa sterilis* (глосс. чешск. Музейн. псалт. конца XII в.).

2. Изобразительные выражения

Как отдельные слова в древнейшую эпоху носят на себе характер большей изобразительности, так и в целых выражениях мысль высказывается не отвлеченно, а ярко, в живом образе. Так, вместо *много трудился, воевал* в Ипатьевск. лет., 15: *Володимиръ самъ собою постоя на Дону и много пота утеръ за землю Рускую*; Кенигсб. сп., 101: *Ярославль же, сѣде въ Кіевѣ, утеръ пота со дружиною своею*. Вместо голого исчисления меры времени или пространства и т. п.— поэтические описания: свойство не только поэзии Гомеровой, но всех древнейших памятников литературы; Гримм находит оное даже в древнемецком праве¹. Так, *вм. навсегда, вечно* в Игоровом договоре: *дондеже съяеть солнце и весь миръ стоить* (Нест. по Лавр. сп., 21); или в договоре болгар с Владимиром: *толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонуту* (ibid., 52). Описание высоты: (церковь) *бѣ бо содѣлана при немъ (Мстиславе) выше, неже на кони стоячи рукою досячи* (Кенигсб. сп., 104). Пространство и вес: *меташа бо каменемъ полтора перестрѣла, а камень якоже можяху 4 мужи силнии подъяти* (Ипатьевск. лет., 174). Слич. ibid., -128: *бяху же у нихъ лучи тузи самострѣлнии, одва 50 мужъ можашеть напращи*. Куры или пение петуха *вм. расвета: и яко бысть въ куры, и позна въ собѣ духъ изнемогающъ ко исходу души* (ibid., 220). В Новг. лет., 69: *и скота не оставиша ни рога — вм. отвлеченного ничего*. Слич. в Др. рос. ст.: *дерево въ охватъ толщины; изба во все дерево*; описание камня: *въ вышину три сажени печатные, а и черезъ его только топоръ подать* (170) и проч.

3. Быт воинский

Сначала обратимся к обычным выражениям жизни воинской. Как сочувствовали ей наши предки, мимо множества мест в наших старинных памятниках, приведем из Сл. о полку Иг.: *а мои ти куряни свѣдоми къ мети, подѣ трубами повити, подѣ шеломы възле-лѣяны, конецъ копія възскрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изѣострени, сами скачутъ, аки сѣрыи влѣци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ*. Слич. подробное описание вооружения и историю трех стрел в древнем стихотворении «Дюк Степанович» (с. 22 и след.). Как наши поэты вглядывались в обычаи воинские, показывает, напр., следующее гомерическое описание стрельбы (Др. рос. ст., 217):

*вынимаетъ онъ Потокъ
изъ налушна свой тугой лукъ,
изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
и беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
калену стрѣлу въ правую,*

¹ См. о поэзии в праве статью Гримма в „Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft, herausg. von Savigny...“. 1816, В. 2.

*накладываетъ на тетивочку шелковую,
потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
калену стрѣлу семи четвертей,
заскрипѣли полосы будатные
и завывли рога у туга лука.*

Слич. также *ibid.*, с. 208.

Подвожу наш старинный воинский быт к следующим обычным выражениям: 1) *копье*: *и взя градъ копьемъ* (Нест. по Лавр., 40); *взяша градъ Рязань копьемъ* (Ипатьевск. лет., 175); Воскр. сп., II, 23: *и язъ тогда много послужилъ ему своимъ копьемъ*. В старину был обычай ставить копье на гробе умершего воина; так и Ипатьевск. лет., 73, говорит Ярослав: *аче богъ отца моего понялъ, а мене богъ на его мѣстѣ оставилъ, а полкъ его и дружина его у мене суть, развѣ одно копіе поставлено у гроба его, а и то въ руку мою есть*. Бросание копья предводителем было символом начала битвы — обычай, относящийся еще ко временам нашего язычества и сохранявшийся довольно долго, напр., в Воскр. сп., II, 17: *Андреи же Юрьевичъ возьмъ копіе и еха напередъ прежде всѣхъ зломіи копіе свое*. В Сл. о полку Иг. говорит Игорь: *хощу бо, рече, копіе приломити конецъ поля половецкаго*. Как в Др. рос. ст. измеряется пространство стрелою, напр., 183: *промежу глазъ калена стрѣла*, так в летописях измеряется и копьем: *и тако устрои богъ мъглу, якоже не видѣти никаможе, толико до конецъ копья видити* (Ипатьевск. лет., 63); *и бысть въ тѣ день мъгла велика, яко не видити до конецъ копья* (*ibid.*, 73); 2) *щит*: *взяша градъ Кыевъ на щитъ* (Новг. лет., 26); *взяша Всеволожь градъ на щитъ* (Ипатьевск. лет., 36); (псковичи) *начаша думати: ставити ли щитъ противъ царя и заператися ли во градъ?* (Пск. лет., 176). Припомнить древнюю клятву: *да не ущитятся щиты своими* (Нест., 21). В знак победы Олег повесил щит на вратах Царьграда; 3) *меч*: *что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсковъ, Лотыголу мечемъ* (Новг. лет., 54), т. е. что завоевали. Припомнить старинную дань мечами и клятву в договоре Игоря: *да посѣчени будутъ мечи своими* (Кенигсб. сп., 14 и 39). Слич. в Соф. вр., II, 417: *поостри мечь свой на градъ*; 4) *шлем*: *ты бо можещи Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломаы* (шлемами) *выльяти* (Сл. о полку Иг.); *Тогда Владимиръ Мономахъ пилъ золотомъ шоломомъ Донъ* (Ипатьевск. лет., 155), т. е. ездил, воевал по Дону; 5) *конь*: как копье ставилось на гробе воина, так в старину, по преданиям, и конь зарывался с умершим его всадником; в Др. рос. ст., 223 — Поток посажен был в могилу жены своей вместе с конем. Летописцы повествуют, какой шерсти были некоторые княжеские кони; так, у Мстислава был сивый, у Даниила гнедой, Ипатьевск. лет., 161: *Мстиславъ же великую похвалу створи Данилови и дары ему дасть великыи и конь свой борзый сивый*; 174: *Данилови же гонящю по половцехъ, донелъ же конь его застрѣленъ бысть гнѣдый*. Князья воздавали честь падшим коням своим похоронами, Ипатьевск. лет.,

47: конь же его, язвенъ велми, унесъ господина своего, умре; князь же Андрей, жалую комонства его (вар.: коня своего) повелъ ѿ погresti надъ Стыремъ. Как пить шлемом значило воевать где-либо, действовать, так и поить коня: *не выдадите ли* (баяр), *а я поилъ есмь конѣ Тъхверю, а еще Волховомъ напою* (Новг. лет., 41), т. е. если не выдадите, я нападую на Новгород, говорит Георгій послам новгородским; 6) *кость: и ту костью падоша* (Новг. лет., 41), т. е. были побиты; *да луче естъ на своей землѣ костью лечи, нелѣ (нежели) на чюжѣ славному быти* (Ипатьевск. лет., 155); *ста на костѣхъ* (Пск. лет., 65), т. е. на месте битвы; 7) *голова: можемъ главы своя сложити за тя* (Нест. по Лавр., 94); *можемъ головы свои за тя сложити* (Ипатьевск. лет., 225); *и много своихъ головъ подъ городомъ положишиа* (Пск. лет., 185). Очень любопытно сличить в Сл. о полку Иг. слова Игоря: *хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону* — с обычными выражениями в Ипатьевск. лет., 54: *любо голову свою сложю, пакы ли отчину свою налѣзу и жизнь* (т. е. добуду свою отчину и свое имущество); 68: *любо голову сложю, любо налѣзу Галичьскую землю*; 72: (Володимир рече) *но оже буду живъ, то любо свою голову сложю, любо себе мѣщю*; в Кенигсб. сп., 160, говорит Василько: *да пойду на половцы, любо собѣ славу залѣзу, а любо главу свою положу за Рускую землю*. Голова в смысле оружия: *добылъ есми головою своего Кіева и Переяславля* (Ипатьевск. лет., 43); голова вм. человека вообще; часть вместо целого, синекдоха: *и головъ* (вариант: *людей*) *нѣколько истопе въ Волховѣ* (Новг. лет., 48); *много головъ паде* (Пск. лет., 33); *избишиа нѣколько головъ* (ibid., 32); 8) *рука: (псковичи) и вспомянувшие крестное цѣлованіе, что не мощно на государя рук и подняти, ни воздвигнути противъ великаго князя* (Пск. лет., 176).

4. Быт юридический, летопись, старина

Та же изобразительность и во многих выражениях быта юридического, напр.: 1) *голова: за бесчестье отослать головою къ боярину* (Котошихин, 34), т. е. отослать виновного къ тому, кого он обидел; в Др. рос. ст., 33: *у которого жены-то нѣтъ, того самого головою возъметъ*; 2) *лицо: как голова употребляется вместо человека, также вместо действительной явки его, напр.: а нынѣ Садко головою пришелъ* (Др. рос. ст., 341), так лицо вместо вещи: *а лодью лицомъ вѣротити* (Русск. Правда в Русск. достоп., II, 59), т. е. отдать лодью; *не будетъ лица...* (ibid.), т. е. если же не воротят лодьи; 3) *рука* вместо поручительства, обещания, обязательства: *псковичи даша ему на томъ руку, чтобъ добровольно отѣхати и прѣхати, тогожъ лѣта по той рукѣ присла князь Местеръ рискій своихъ пословъ* (Пск. лет., 94); 4) *пазуть ноги* вместо *видити замуж* — выражение, сохранившее в себе память о старинном обряде: *онъ же рече дѣчери своеи* (Рогвольд Рогнеде): *хочеши ли за Володимера? она же рече: не хочу розут и робычича, но Ярополка хочю* (Нест. по Лавр., 45).

Вообще надобно заметить, что филология нисколько не выступает из пределов своих, когда при объяснении древних памятников берет в соображение быт юридический, ибо он, как одна из главнейших стихий жизни народной, входит не только в произведения красноречия, но и в поэзию и кладет свой отпечаток на язык особенными выражениями. Так, память о местничестве сохранилась нам в некоторых выражениях Др. рос. ст., напр. 150: *что ты, сударыня, идешь закручинилася? али мѣсто тебѣ было не по отчинѣ?* 187: *а по имени вамъ мочно мѣсто дать, по изотчеству можно пожаловати;* *ibid.:* *по отчеству садися в большое мѣсто, в передній уголокѣ.* Все это говорится о месте на пирах.

Чтобы понять значение летописи, важнейшей формы древней нашей литературы, надобно знать официальный, юридический смысл ее. В тяжбах и спорах наши предки ссылались на них, как на юридические акты, что очевидно из следующих мест: (1289) и *повелѣ писцю своему писати грамоту: Се азъ князь Мѣстиславъ, сынъ Королевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчее на Берестьяны и въ вѣкы, за ихъ коромолу: со ста по двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятнадцать десяткѣвъ лну, а по сту хлѣбовъ, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куровъ; а потолку со всякого ста, а на горожаныхъ 4 гривны кунѣ; а хто мое слово порушитъ, а станеть со мною передъ богомъ. А в о п с а л ъ е с м ѣ в ѣ л ѣ т о п и с е ц ѣ к о р о м о л у и х ѣ* (Ипатьевск. лет., 225). Иоанн III посылает дьяка Бородатого к новгородцам: *да испроси у матери своей, у великой княгини, дьяка Степана Бородатого, умѣющаго воротити* (вариант: *говорити по*) *лѣтописцемъ рускимъ: егда, рече, придутъ, и онъ воспоминаеть ему говорити противу ихъ измѣны давные, кое измѣняли великимъ княземъ въ давныя времена, отцемъ его, и дѣдомъ, и прадѣдомъ* (Соф. вр., II, 102). В описании взятия Пскова Василиемъ Иоанновичемъ: *наутряжъ освитающу дни недѣльному позвониша на вѣче и собращася посадники и всѣ псковичи, и приѣха дьякъ государевъ, и начаша ему тако говорити: тако у насъ написано въ лѣтописце хъ — съ прадѣды и дѣды и со отцемъ его государемъ крестное ѣблованіе съ великими князьями положено* (Пск. лет., 177). Отсюда и слово *старина* получает обширнейшее значение, выражая весь старинный общественный быт и юридические отношения, напр.: *и генваря въ 13 день спустиша колоколъ вѣчной у святыя троица и начаша псковичи, на колоколъ смотря, плакати по своей старинѣ и по своей воли* (Пск. лет., 178).

5. Быт религиозный, отечество, честь

Чувство религиозное глубоко проникает старинные наши произведения. Умилительною теплотою согревает оно рассказ летописца и вливает утешение в сердце, особенно при описании каких-либо бедствий, когда человеку всего более нужна помощь божия. Из великого множества примеров тому привожу след.: *томъ же лѣтѣ* (1233) *преставися князь Феодоръ, сынъ Ярославль вѣчьшии, іюня*

въ 10, и положенъ бысть въ монастыри святого Георгія, и еще младъ и кто не пожалуеть (пожалует) сего? сватѣа пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позвани, и бысть въ веселія мѣсто плачь и сѣтованіе за грѣхы наша; нѣ, господи, слава тебѣ, царю небесный! извольшию ти тако, нѣ покою его съ всѣми правдѣными (Новг. лет., 49). О Володимире Васильковиче надгробное сетование летописца: *Возстани отъ гроба твоего, о честная главо, возстани, отряси сонъ: нѣси бо умерлъ, но спиши до общаго возстанія. Возстани: нѣси бо въмерлъ, нѣсть бо ти умерети лѣпо, вѣровавшу во Христа, всему міру живодавца; отряси сонъ, возведи очи, да видиши какая тя чести господь тамо сподоби, и на землѣ не безъ памяти тя оставилъ братомъ твоимъ Мъстиславомъ. Возстани, видь брата твоего, крясящаго столъ земля твоя: ксему же вижь и благовѣрную свою княгиню, како благовѣрье держить по преданью твоему, како поклоняется имени твоему (Ипатьевск. лет., 221—222).* Прекрасно присоединяется к такому предчувствию жизни загробной образ жизни воинской в причитании Евдокии в похвале Донскому: *крѣпко еси, господине мой драгій, уснулъ, не могу разбудити тебе, съ которыя войны еси пришелъ? истомился еси велми.*

Вот еще несколько примеров, как блистательно украшалась древняя наша литература глубоким христианским благоговением и высокою нравственностью. В Поучении Мономаха, о неистощимой силе и бесконечном многообразии божеского творчества: *и сему чуду дивуемся, како отъ персти создавъ человекъ, како образи различни въ человекскихъ лицахъ аще и весь міръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кыйже своимъ лицъ образомъ по божию мудрости.* Кирилл Туровск. (в Пам. рос. сл. XII в., 125), о святых причастниках: *и вѣнчаетъ же святой духъ, яко почиваетъ на святыхъ причастницѣхъ, уже бо я обрѣте себе достойны съсуды, и вселися въ ня, измышя бо храмъ его слезами, постлаша люботрудными молитвами, украсиша добродѣтелию, кадиша чистыми въздыханьми.* Умильный плач о преставлении Невского (Соф. вр., I, 273): *горе тебѣ бѣдный человекъ, како можеша написати кончину господина своего Великокого князя Александра Ярославича? како не испадета зѣнници твои вкупъ со слезами? како ли не разсѣдеса сердце твое отъ многыя тугы? отца бо человекъ можетъ забыти, а добра господина, аще бы съ нимъ и въ гробъ влѣзлъ.* Из рукописи об осаде Тихвинского монастыря в 1613 г. (Новг. лет., 284), о зависти и корыстолюбии: *увы ненасыщаемое дно человекскихъ очей!*

Необходимость присоединения чувства национальности к благочестию религиозному весьма рано пробудилась у нас; уже у Нестора в похвале Ольге: *мы же рцѣмъ къ неи: радуися, руское познанье къ богу; начатокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде в царство небесное отъ Руси, сію бо хвалятъ рустие сынове, аки начальницу, ибо по смерти моляше бога за Русь.* Припомнить Даниила Паломника, затеплившего свечу перед гробом господним ото всей земли Русской. Во Пскове и Новгороде через вече и вечевой или вечный

колокол, висевший при главном городском соборе, понятие о городе и быте общественном так тесно связано было с чувством религиозным, что вместо Пскова говаривали *Св. Троица*, вместо Новгорода *св. София: не учаль добрахотѣти живоначальной Троицы и мужемъ псковичѣмъ* (Пск. лет., 175), т. е. Пскову; *да государь нашъ хочетъ побывать на поклонѣ къ Троицы во Псковѣ* (Пск. лет., 177), т. е. просто приехать во Псков. Впрочем, и Афанасий Никитин пишет: *придохъ отъ свягата Спаса златоверхаго* (Соф. вр., II, 145) в. изъ Твери. Этим объясняется обычная форма речей Мстислава к новгородцам и национальное, не только религиозное, но и политическое значение упоминаемой в них св. Софии, напр. (1218 г.): *сѣзва Мъстиславъ вѣщѣ, на Ярославль дворъ, рече: кланяюся святѣи Софи и гробу отца моего, и вамъ, хоцю поискати Галиця, а васъ не забуду; даи богъ леци у отца у святѣи Софи* (Новг. лет., 36). Вечевой колокол был символом соединения православия с старинным бытом и порядком общественным: *и генваря в 13 день спустиша колоколъ вѣчной у Свягтыя Троица, и начаша псковичи, на колоколъ смотря, плакати по своей старинѣ и по своей воли* — так описывает Пск. лет. (178) конечное падение псковской самобытности. Песнь о колоколе, подобная *Lied von der Glocke* Шиллера, имела бы глубокое значение в Пскове и Новгороде.

Некоторые иносказания или притчи в речах наших предков объясняются религиозными обрядами; так, напр., Лев говорит Владимиру через посла: *а бы ты, братъ мой, не изгасилъ свѣчѣ кадѣ гробомъ стрѣя своего и браты своей, а бы далъ городъ свой Берестій, то бы твоя свѣща была. Володимеръ же бѣ разумѣя притчѣ и темно слово* (Ипатьевск. лет., 218).

Христианское благочестие наших предков выразилось многими обычными выражениями, из коих некоторые намекают на древнейшие обычаи и поверия, другие же кажутся только поговорками: 1) крестное целование вместо клятвы, обещания и т. п.; 2) о мыслях и намерениях человека: *какъ богъ по сердцу положитъ* (Пск. лет., 177), т. е. чего пожелает; 3) о судьбе: *а тогда како ны съ ними богъ дастъ* (Ипатьевск. лет., 53), т. е. как наша судьба решится с ними; 4) *богъ вестъ в. неизвестно: а иныхъ паде съ обѣ стороны богъ вѣсть* (Новг. лет., 96); 5) обычное выражение о богатырях, вступающих в грядню князя Владимира: *онъ молился спасу со пречистою, поклонился князю со княгинею, на все четыре стороны* (Др. рос. ст., 26); 6) о войне: *се уже мы идемъ на судъ божій* (Ипатьевск. лет., 62); 7) о суде: *а хто мое слово порушитъ, а станеть со мною передъ богомъ* (ibid., 225); 8) о смерти: *Всеволодъ во день святыхъ Маккавей пошелъ къ богови* (Ипатьевск. лет., 143), т. е. умер, и мн. др. Чувство религиозное возвысило наших предков до истинного понятия о душе; так, вм.: *мы не можемъ изменить данного слова* говаривали: *а душою не можевъ играти* (Ипатьевск. лет., 42). *Душа* вм. человека относится к понятиям христианским: *когда у гриждинъ все сгорѣло* — сказано в Новг. лет. (87): *городчане толко душою остаюся*; более грубый оттенок той же мысли вы-

ражается словом *голова*: и тутъ судно наше меншее пограбили и четыре головы взяли рускіе, а насть отпустили голыми головами за море (Соф. вр., II, 164). Понятия о славе и чести, столь красноречиво выразившиеся еще в речи Святослава к дружине, различные воинскому обычаю наших предков, еще более утвердились чувством национальным, нераздельным с религиозным благоговением. Обычное выражение в Сл. о полку Иг.— *ищучи себѣ чти, а князю славы* — объясняется многими местами летописей, напр. Ипатьевск. лет., 145: *думай, гадай о Руской земли и о своей чести и о нашей* — и особенно некоторыми сказочными подвигами наших древних богатырей; так, Илья Муромец совершает чудеса храбрости над разбойниками, те покоряются ему и готовы на все, чего он ни пожелает; ему же, кроме чести и славы, ничего не надо. *А и гой еси, братцы, станишники!* — говорит он, — *поезжайте от меня во чисто поле, скажите вы Чуриле, сыну Пленковичу, про старого козака Илью Муромца* (Др. рос. ст., 420).

6. Быт семейный и общественный

Семейные и общественные отношения искони строго определялись у нас, чему свидетельством язык. Степени родства во всей подробности обозначаются по-русски особыми названиями, которые, к сожалению, более и более теряются в памяти людей образованных, так что теперь не только *ятровь, уй, свѣсть* и др. суть арханзмы, но даже устарели в образованном языке и *золовка, тесть, свояченица* и др. Сделаем несколько замечаний на имена родни¹. Старинное название родства или свойства было *ужичество*; в повести о взятии Трои, переведенной для Симеона Болгарского: *отъ ужичества си* (Калайдович, Иоанн Екс. Болг., 179); *ужик, ужика* — сродник, сродница (*ibid.*, 180, Нест. по Лавр., 76). Родители и родственники вступивших в брак взаимно называются *сват, сватья. Свекор* — санскр. *svasour*, гр. *εχυρος*, лат. *socer*, нем. *Schwieger* — мужнин отец; *свекровь* — древн. *свекры*, лат. *socrus*, в глоссах Mat. verb. *zocri* (свекры) — мужнина мать. *Тесть* — в Остром. ев., л. 177: *тъсть*, в глоссах Mat. verb.: *test* — женин отец; *теща* — в Остром. ев., л. 63: *тъща* — женина мать. *Зять* — санскр. *djamatri*, лат. *gener*, польск. *zיע*, в глоссах Mat. verb.: *zet* — муж дочери, сестры, золовки. *Сноха* — санскр. *snichâ* (*nigus*) — сыновняя жена. *Деверь* — санскр. *dèvri, dèvara*, гр. *δαύο*, лат. *levir*, в глоссах Mat. verb.: *dever* — мужнин брат; *золовка* — гр. *γάλως*, лат. *glos*, чешск. *zelwa*, польск. *zelw*, в глоссах Mat. verb. *zelva* — мужнина сестра, *свесь* — *idem.*, Кормч., 244 л.; *невестка* — деверняя жена, *ятровь* — *idem.*, Руф., I, 15, санскр. *iâtri*, гр. *εἰνάτειο*. *Шурин* — женин брат, *своjak* — свояченицын муж, *своячина* — женина сестра, *ятровья* — *idem.* *Стрый* — дядя по отцу, Ипат. лет., 203, но уже в Никон. лет., II, 288 объясняется: *бысть подобенъ стрью своему сиречь дядѣ*;

¹ Это особенно полезно и необходимо для тех, кто вырос на французском языке, который чрезвычайно беден названиями родни.

уй — дядя по матери: Нест. по Лавр., 52: *съ Добрыною съ цемъ своимъ. Братучад, братучадо* — сын брата, племянник, Ист. гос. Рос., III, пр. 194; *братучада* — братнина дочь, племянница, Ист. гос. Рос. IV, 45. *Братан, братаничь, братеничь* — братнин сын, Прол. ноябр., 26, Ипат. лет., 93, Быт., XIV, 14, Новг. лет., 103; *сыновец* — *idem.*, Ипат. лет., 208, 209, 214; *братанна* — братнина дочь, Кормчая, 2, 203. *Сестреничь, сестричищ* — сестрин сын; *сестрична* — сестрина дочь, Кормчая, 5 л.; *нетий* — то же, что *сестреничь*, но древнее сего последнего, ибо в Никон, лет., V, 88: *Волкъ же служу царю Мусулемаку с нетиу своими рекше съ сестреничи*. Любопытно сложное *братъ-сестръ* вм. *брат и сестра*, попадающееся в Остром. ев., л. 228: *Евлампа и Евламия присныма братъсестрома*. Наследственное неподвижное имение искони называлось производными от *дед* и *отец*, *дедина* (еще в Суде Любуши) и *отчина*, что указывает на древнейшее утверждение права собственности родством. Равномерно и престолонаследие выражалось словами *дедний, отний, отечний*, кои были постоянным эпитетом стола или престола: *и благодаря бога внидѣ въ Киев и съде на столѣ дѣдъни отечни* (Воскр. сп., II, 36). Окончание *-ичь*, означающее сына, сверх того и потомка, исстари было у славян; в Суде Любуши спорят за дедину братья Кленовичи; Радимичи и Вятичи — по преданию — от Радима и Вятки. Потомки Олега и Мономаха — Олеговичи и Мономаховичи, в продолжение столетия ведут наследственную войну, разделяясь отческими именами своих предков. Впрочем, и те и другие никогда не забывали, что они одного племени, внуки одного деда, Ярослава; так, Ольговичи говорят Мономаховичу Всеволоду (1195): *мы есмь не угре, ни ляхове, но единого дѣда есмь внуци* (Ипатьевск. лет., 146). Кроме родства кровного, в старину свято соблюдалось родство условное, духовное, т. е. усыновление и побратимство: символом последнего была мена крестами; в Др. рос. ст. (185) Тугарин говорит Алеше Поповичу: *семъ побратуемъ съ тобой*. Приязнь к ближнему доселе выражается в народе тем, что вовсе не родню называют батюшкой, матушкой, дядюшкой, братом и др., обычай, не чуждый и другим народам; см. Grimm, Нем. грам., т. IV, с. 316, и его же издание „Reinhart Fuchs“, XXVIII. Это простодушное чувство любви к ближнему украшает обычными выражениями речи наших предков: *Домантъ же рече псковичемъ: Братя мужи псковичи, кто старъ, то отец; а кто младъ, той братъ; слышалъ есмь мужество ваше во всѣхъ странахъ. Се же, братя, намъ предлежитъ смерть и животъ: братя мужи псковичи, потянете за святую троицу, и за святя церкви, и за свое отечество* (Пск. лет., 13). Псковичи собираются на битву; помолившись и простившись друг с другом, говорят: *братя мужи псковичи, не посрамимъ отецъ своихъ и дѣдов; кто старъ, то отецъ; а кто младъ, братъ* (*ibid.*, 26). Подобные выражения остались теперь только в сказках, напр. у Пушкина: *коль ты старый человек, дядей будешь нам навек; коли парень ты румяный, братец будешь нам названный; коль старушка, будь нам мать*, и пр. Дружество и согласие на миру выражались обыкновенно так: *цѣло-*

ваша крестъ ко всему Новугороду за единъ человекъ (Новг. лет., 77); *смы съ ними одинъ человекъ* (ibid., 105); *новгородци цѣловаша крестъ за единъ братъ* (ibid., 110); *быти всемъ за единъ братъ* (Ипатьевск. лет., 39); *за единъ мужъ быти* (ibid., 73). Хотя в старину беседующие не употребляли нынешних местоименных вежливостей *вы, они* вм. *ты, он*, однако названиями родственными и именами увеличительными, ласкательными и уничижительными¹ удачно умели оттенять свои общественные отношения; так, скромность и унижение требовали, чтобы говорящий или пишущий назвал себя полуименем или именем уничижительным; вот как говорят псковичи великому князю Василью: *а мы сироты твои прежде сего и нынѣ не отступны были отъ тебя государя и не противны были тебѣ государю: богъ воленъ да и ты своею отчиною и съ нами лю д и ш к а м и своими* (Пск. лет., 176). Афанасий Тверитянин в описании своего путешествия: *ту же окаянный азъ р а б и щ е Офонасей бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вѣрѣ по христьяньской, и по крещеніи Христовѣ, и по говѣйнѣхъ* (говеньях, постах) *святыхъ отецъ устроенныхъ, по заповѣдехъ апостолскихъ, и устремихся умомъ поити на Русь* (Соф. вр., II, 162). Сострадание и ласка выражались ласкательными именами: *все м о г и л ъ е воскопано бяше по вѣмъ церквамъ; а гдѣ мѣсто воскопаютъ или мужу и женѣ, и ту съ нимъ положатъ малыхъ дѣт о к семеро или осмеро головъ во единъ гробъ* (Пск. лет., 26). Презрение выражалось именами уничижительными; напр., в житии Кирилла, помещенном в Прологе: *Ѡ е д о р ц а же, за укоризну тако нарицаема* (т. е. уменьшительно, уничижительно), *сего блаженный Кириллъ отъ божественныхъ писаній ересь обличи и прокля его*. Даже названиям животных и предметов бездушных, близких быту домашнему, в старину любили давать дружественный оттенок ласкательным окончанием, что и до сих пор частью сохраняется в языке народном, напр. *хлебец, денек, лошадушка*. Что теперь более и более тратим мы сочувствие к таким словам, лучшим доказательством служат слова уменьшительные, как, напр., *солнце*, вовсе потерявшие теперь свой прежний оттенок. Замечательны слова Гримма²: «Уменьшительная форма выражает понятие не только небольшого и малого (μείωσις), но и любезного, ласкательного (ἰσοχόρισμα). Потому уменьшительную форму придаем мы и великим, возвышенным, священным и даже страшным предметам для того, чтобы доверчиво к ним приблизиться и снискать их благосклонность. Особенно в словах последнего рода первоначальное понятие уменьшения со временем утрачивается и становится нечувствительным: так, фр. *soleil*, слав. *солнце*,— слова уменьшительные, хотя в теперешнем их употреблении уменьшения и не чувствуется». Однако, затеряв сознание к прежней уменьшительной форме, мы образовали другую: *солнышко*.

¹ О соответствии местоименных вежливостей с именами родственными и ласкательными см.: Г р и м м. Deutsch. Gram., т. IV, с. 317.

² „Deutsche Gram.“, т. III, с. 664.

7. Языческий взгляд на природу физическую, языческая символика, мифология, поэзия, игры

Наши древние писатели не любили попусту описывать красоты природы и восхищаться ими. Может быть, лучше нашего в простоте своего сердца сочувствовали они ей, но, не зная ее законов, все явления приписывали силам сверхъестественным. Потому обращали они внимание только на такие феномены, которые, по их понятию, имели таинственное отношение к жизни народа; описания различных знамений, затмений и т. п. дышат неподдельною поэзиею, украшенные свежим воображением и проникнутые живым сочувствием, то радостью, то боязнью, то сомнением. Напр., Новг. лет., 5: *Почя убывати солнца и погыбе все. о великъ страхъ и тьма бысть! и звѣзды быша и мѣсяць. и паки нача прибывати, и въбързѣ напълнися, и ради быша вси по граду;* Ипатьевск. лет., 90: *въ то же веремея бысть знаменіе въ лунѣ страшно и дивно: идяше бо луна чезево все небо отъ вѣстока до запада, измѣняючи образы своя: бысть первое ѱ (вариант: ея в Воскр. сп., II, 59) убываніе помалу, дондеже вся погыбе, и бысть образъ ея яко скудно, черно (замечательный вариант в Воскр. сп., II, 59: яко сукно чрно) и паки бысть яко кровава и потомѣ бысть яко двѣ лица имущи, одно зелено, а другое желто, и посредѣ ея ко два ратная стѣкущеса мечема, и одному ею яко кровь идяше из главы, а другому бѣло аки млеко течаше; сему же рекоша старіи людіе: «не благо есть сяково знаменіе, се прообразуетъ княжю смерть» — еже бысть;* Пск. лет., 207: *тожеж осени явися знаменіе въ Юрєвѣ въ Ливонскомѣ два мѣсяца на небеси въ нощи, и ударились вмѣстѣ, и одинъ у другога хвостъ отшибѣ, и тотъ мѣсяць отшибеной хвостъ приволокъ къ себѣ и знати стало на мѣсяцы томѣ, какъ перепояска;* Ипатьевск. лет., 7: *погыбе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголють невѣгласи: снѣдаемо солнце;* Соф. вр., I, 158: *предѣ симъ же временемъ и солнце пременися, и не бысть свѣтло, но яко мѣсяць бысть, его же невѣгласи глаголють снѣдаему суцу. Сія же знаменія бывають не на добро (языческое предание о съедении солнца и месяца);* *ibid.*, I, 159: *и паки солнце безъ лучъ сіяше — по семъ бо крамольи и умертвія быша человекомъ;* *ibid.*, I, 175: *предивно бысть въ Полотъсци: въ мечтѣ бываше въ нощи тутєнъ (стук, гром подземный шум), стонуць по улицамъ, яко человекци рыщущи бѣси.* Бедствия Игоря, описанные в Сл. о полку Иг., кажутся оправданием зловещего предзнаменования, описанного и в самом слове: *тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь к дружинѣ своей: братіе и дружино! луцежъ потяту (убиту) быти, неже полонену быти; и у летописца еще яснее, под 1185 г. Ипатьевск. лет., 130: идущимъ же имъ въ Донцю рѣкы, въ годѣ вечерній, Игорь же възрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: видите ли что есть знаменіе се? Они же узрѣвши, и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: княже! се есть не на*

добро знаменіе се. Игорь же рече: братья и дружино! тайны божія никтоже не вѣсть, а знамению творецъ богъ и всему міру своему; а намъ что створить богъ, или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити. В какомъ отношеніи такіе приметы стояли къ поученіямъ пастырей церкви, видно изъ «Слова о злыхъ дусѣхъ» в сборнике XV в. («Москвитянинъ», 1844, № 1): *Егда ли что ны пути зло створиться, то учнемъ дружинѣ своей глаголати, почто не врати-хомся, а не безлѣпа ны потка (встреча), не додяше поити, а мы ся не послушахомъ. о злое наше бузуміе! самахоть (самохотно, свое-вольно) лишаемъя господа и къ поганымъ прилагаемъя.* Слич. XII слово Кирилла Туровского в Пам. рос. сл. XII в., с. 92 и след¹.

Впрочемъ, несмотря на ограниченный кругъ воззрѣнія летописцевъ на природу, самый языкъ древній свежестью и живостью впечатлѣній способствовалъ живописи природы, напр. Новг. лет., 5: *паде мятьль (метель) густъ по земли и по водѣ и по хоромомъ.* Только в сравненіяхъ представлялся стариннымъ писателямъ случай описы-вать природу, но летописцы, когда только не вдаются в тщетное витійство, весьма скупы на сравненія: если и употребляютъ изредка, то очень краткіе, какъ, напр., Новг. лет., 34: *вышли есте аки рыбы на сухо;* Ипатьевск. лет., 2: *выступиша яко борове велиции;* Соф. вр., I, 225: *и сотвориша брань велику, и досѣкошася и до товаровъ;* князь же Юрій и Ярославъ видѣвши аки на нивѣ класы пожинаху; Ист. гос. Рос., VIII, прим. 62: *Царь же казанской, яко змій вынырнувъ изъ хвастія, приде безвѣстно генв. в 15 подѣ Муромъ.* Собственно старинной нашей поэзии принадлежатъ живописующіе при-роду уподобленія, напр. в Др. рос. ст., 167: *какъ вьюнѣ около ея уви-вается (сынъ около матери), проситъ благословеніе великое;* 128: *она по двору идетъ, будто уточка плыветъ.* В Краледворск. рук., (с. 34) Ярославъ, гонящийся за врагами, сравнивается: *iako lew drazliui kdiz tu teplu krew sie uda zrsieti kehdi nastrsilen zalowcet zene* — какъ раздраженный левъ, когда удалось ему узрѣть теплую кровь, подстреленный гонится за ловцомъ.

Какъ описанію небесныхъ и другихъ знаменій летописцы придавали таинственное значеніе, такъ и поэтическое украшенія, описанія природы, живописные уподобленія по большей части имѣли в старину мифологическій смыслъ. Кроме Др. рос. ст. и Сл. о полку Игоревомъ, в старину, вероятно, было у насъ довольно поэтическихъ произведеній, ибо свидѣтельствуютъ о томъ древніе памятники; такъ, в Ипатьевск. лет. (180) упоминается какой-то знаменитый певецъ Митуса: «Словутного пѣвца Митусу, древлѣ за гордость не восхотѣвша служи-ти князю Данилу, раздраного аки связаного приведоша». Замечательно, что Даниилу же пели какую-то песнь избавленные имъ отъ плена; Ипатьевск. лет., 186—187: «Оттуда же князь Даниль приде ко Визьнѣ и преиде рѣку Наровь, и многи крестьяны отъ плѣненія избависта, и пѣснь славну пояху има, богу помогшу има». В Сл. о

¹ См. объ языческомъ періодѣ нашей литературы вторую лекцію Шевырева в «Москвитянинѣ» за 1844, № 2.

полку Иг., кроме песен и музыки Бояна, упоминаются песни русских жен, готских красных дев, дунайских девиц, немцев, венедейцев и пр., приводится песня Ярославны. Но христианское благочестие чуждалось тогда светских песнопений, ибо поэзия связывалась с языческими повериями и древнейшею мифологиею; так, старинный наш поэт Боян в Сл. о полку Иг. называется внуком Велеса или Волоса, в Краледворск. рук. (68—70) упоминаются два славянские поэта язычники, древнейший Люмир, позднейший Забой, и попадаетеся едва ли не поговорка языческая: *rieuce dobra miluiu bozi* — певца доброго милуют, любят боги. По мнению наших предков, песни столь же противны церкви, как идолослужение; песнопения вменялись в грех, равный идолослужению; так, в одной рукописи 1523 г.: «того ра^а не подобает кр^ттяномъ игоръ б^совьски^х играти иже е^е пляс'ба гуд'ба п^сни б^совьскыя и жертва идо^дская и шгневи молятся по^а шви^и и виламъ (русалкам) и мокоши и симу реглу и перену (Перуну)» и проч. (Опис. рус. и слав. рук. Румянц. муз., Востокова, 229). Песни, наравне с зельем, почитались чародейским средством привораживать; так, в Ипатьевск. лет. (155) Сырьчан, посылая некоторого гудца (поэта, музыканта) в Обезы, говорит: «Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, поиди въ землю свою; молви же ему моя слова, пой же ему п^сни половецкія; еже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ». Поэтические произведения стояли наравне с еретическими книгами, которые еще в XII в. обрекались на сожжение, как видно из вопросов Кирика¹. В 1410 г. митрополит Фотий убеждает новгородского архиепископа Иоанна в своем послании к нему: «учите, чтобы басней не слушали». Стоглав (1551) кладет зарок на ложные книги: «тех всех еретических книг у себя бы не держали и не чли». В статье о книгах истинных и ложных и о суевериях² свидетельствуется, что у нас в старину были многие сборники таких ложных книг. Вот замечательнейшее место о суевериях из этой статьи: «сие есть мудрованіе тех, ими же отводят от бога и приводят к бесом в пагубу: первая книга Плартолой, рекше Остролог, 2. Острономіа, 3. Землемѣріа, 4. Чаровникъ, в них же суть вся дванадесять опрометных лиц звериных и птичиих, се же есть первое, тело свое хранит мертво, и летает орлом, и ястребом, и вороном и дятлем, рыщут лютым зверем и вепрем диким, волком, летают змием, рыщут рысью и медведем, 5. Громникъ, 6. Молния, 7. Месецъ окружитсяя, 8. Коледникъ, 9. Метаніе, 10. Мысленикъ, 11. Сносудецъ, 12. Волховникъ, волхвующе птицами и зверми, еже есть храм трещит, ухозвон, воронограй, куроклик, окомиг, огонь бучит, пес вое, мышеписк, мышъ порты грызет, жаба воркочет, кошка в окне мышца держит, сон страшен, слепца стретит, изгорит нечто, огонь пищит, искра из огня, кошка мявкает, падет человек, свеща угаснет, конь ржет, вол на вол, поточник различных птиц, пчела, рыбы (вариант: пчела поет, рыба вострепешет), трава шумит (древо о древо скры-

¹ Памятники рос. словесности XII в. М., 1821, с. 189.

² К а л а й д о в и ч. Иоани Ексарх Болгарский, 1824, с. 208—212.

пит, лист шумит), сорока пощечочет, дятель, желна, волк воет, гость придет, стенощелк, лопаточник, волхвования различная». Если, таким образом, самые незначительные явления природы имели встарь такое суеверное значение, то весьма понятно, почему набожные предки наши почитали поэзию делом языческим.

Для объяснения старинных поэтических выражений сравним некоторые пункты этой статьи с соответствующими им местами в Сл. о полку Иг.

1. Тело свое хранит мертво и летает орлом, и ястребом, и вороном, и дятлем, рыщут лютым зверем и вепрем диким, волком. В Сл. о полку Иг. предание о Всеславе-оборотне: *скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣлаграда... скочи влѣкомъ до Немеги... а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше... великому Хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше*. Творительный сравнения есть переход от языческого суеверия к поэтическому украшению: *полечю, рече, зегзицею* (кукушкой) *по Дунаеви*. (Игорь) *скочи съ него* (с коня) *босымъ влѣкомъ*. *Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влѣкомъ потече, труся собою студеную росу*.

2. *Сносудецъ*... сон страшен. Таков в Сл. о полку Иг. *мутен сон* Святослава. Бояре судят его не к добру, и сам сочинитель Слова связывает этот сон с зловещим затмением, рассматривая оба эти случая несчастными предтечами Игоревой гибели.

3. *Вороноградъ*. Зловещие вороны играют большую роль в Сл. о полку Иг.: *всю ночь съ вечера босови врани възгряху*. Этот вороноград был также предвестником зла, состоя в связи с затмением и сном Святослава.

4. *Куроклик*. Курий или петуший клик является важным обстоятельством в рассказе о Всеславе, ибо Всеслав должен был из Киева в Тмуторокань рыскать волком до кур, т. е. до петухов. *Куроклик* или просто *куры* в старину означало 'полночь, рассвет': *и бысть въ четвергъ на ночь поча изнемогати, и яко бысть въ куры, и позна въ собѣ духъ изнемогающъ ко исходу души* (Ипатьевск. лет., 220).

5. Волхвующе птицами и зверьми... трава шумит, сорока пощечочет, дятель, желна, волк воет. Этим обвинительным в суеверии пунктам соответствуют в Сл. о полку Иг. поэтические места, хотя вытекшие из души сочинителя от сочувствия с природой, однако частью не чуждые суеверного убеждения о тайном сношении человеческой участи с предметами неразумной природы: *кликну, стукну земля, вѣшумѣ трава; ничитѣ трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось, а галици свою рѣчь говоряхуть*. Вот как сама природа сочувствует счастью Игоря: *тогда врани не граахуть, галици помлѣкоша, сороки не троскоташа, полозю ползоша только; дяглове тектому путь къ рѣцѣ кажуть, солови веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдають*. Напротив того, те же животные иначе являются перед войною: *щекотѣ славій успе, говорѣ галичъ убуди*, тогда и *влѣци грозу вѣсрожать по яругамъ*. Слич. в «Слове о злыхъ дусѣхъ» из сборника XV в. («Москвитянин», 1844, № 1): *Вѣруемъ въ поткы* (встречи) *и въ дятла и въ вороны и въ синици. Коли гдѣ хожемъ*

пойти, которая переди поиграетъ, то станемъ послушающе, правая ли или лѣвая. Уже Кирилл Туровский (Пам. рос. сл. XII в., 95) напал на эти суеверия, осуждая их заодно с музыкою и поэзиею: «всяка ересь, и веруют в стречю, в чех, в полаз (в Сл. о полку Иг.: *полозю, ползоша*) и в птичьи грай, ворожую, и еже басни бають и в гусли гудуть».

К этим пяти присовокупляю еще три сличения с Сл. о полку Иг.: одно из летописи и два из сербского Громовника XVI в.¹

6. *Не дошедшимъ же воемъ рѣки Сяну, сосѣдшимъ же на поли вооружиться, и бывшу знамению надъ полкомъ сице: пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко оболочу велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъщущимъ и плавающимъ криломы своими и воспрометающимъся на воздухъ, якоже иногда и николи же не бѣ; и се знаменіе на добро бысть* (Ипатьевск. лет., 183, под 1249 г.). В Сл. о полку Иг. другое знаменіе было орлами не на добро: *орли клеткомъ на кости звѣри зовуть*.

7. *Ащель магла* (мгла) *низу паде, то рать* (рать, война) *много будетъ* (Громовник). В Сл. о полку Иг. перед битвою: *мѣгла поля покрыла, щекотъ славій успѣ; пороси* (прах, туманы) *поля прикрывиють*.

8. *Ащель потутнитъ* (застучит), *то прѣмененіе кнезомъ и стра ни тои мятежъ* (Громовник). В Сл. о полку Иг.: *земля тутнетъ, кликну, стукну земля, вѣшумѣ трава*. В Мамаевом побоище Димитрий с Волынцем слушают землю.

Кроме поэзии, символическое значение природы входило в юридические отношения; напр., символ соломы в Ипатьевск. лет., 218: *посемъ же посла Володимеръ слугу своего, доброго, вѣрного, именемъ Рачтъшю, ко брату своему Мъстиславу, тако река: «молви брату моему: прислалъ, рци, ко мнѣ сыновець мой Юрьи, просить у мене Берестья, азъ же ему не далъ ни города, ни села, а ты, рци, не давай ничегоже», и вземъ с о л о м ы вѣ руку отъ постеля своеѣ, рече: «хотя быхъ ти, рци, братъ мой, тотъ в е х о т ь с о л о м ы далъ, того не давай по моему животѣ никомуже»*. Такой юридический обычай существовал в древнем немецком праве, см.: Г р и м м. Deutsche Rechtsalterthümer, 1828, с. 121.

К существам одушевленным, к зверям, птицам, гадам, разумеется, еще большее питалось в старину сочувствие, нежели к природе неодушевленной. Одаренные свободным движением и многообразными голосами животные казались человеку как бы товарищами и соучастниками одной общей жизни в противоположность царству растительному, в безгласной тишине покоящемуся. Особенно для выражения разнообразных криков их богаты были наши предки словами, которые теперь, по хладнокровию нашему к природе, более и более теряются; напр., в о р о н: *врани граяхуть* (Сл. о полку Иг.); в о р о н о г р а й — в статье о книгах исторических и ложных у Калайдовича (Иоанн Екс. Болг., 211); г у с ь: *гусь кокочет* (Сборн.

¹ Строев. Описание памятников славяно-рус. лит., 1841, с. 125.

1754 г. в Опис. Рум. муз., Востоков, 551); ж а б а : *жаба воркочетъ*, у Калайдовича (ibid.); з в е р ь : (Соловей-разбойник) *а втретьи зряв-каетъ по звѣриному* (Др. рос. ст., 353); л а с т о ч к а : *и отъ ластовицъ не вѣроуеши ли, таже у тебъ щѣбъчетъ вьсе лѣто зѣло красѣнъ? Приклады ѿ вѣстании* (Иоанн Екс. Болг., Калайдович, 137); л и с и ц а : *лисицы брешутъ* (Сл. о полку Иг.); м е д в е д ь : *чреваты жены медведю хлеб дают из руки, да рыкнет, девица будет* (Сбор. 1754 г. у Востокова, ibid., 552); о р е л : *орли клектомъ на кости звѣри зовутъ* (Сл. о полку Иг.); *орломъ же клекъущимъ* (Ипатьевск. лет., 183); с о р о к а : *а не сорокы втроскоташа; сорокы не троскоташа* (Сл. о полку Иг.); *сорока пощекочетъ* (в статье о книгах исторических и ложных у Калайдовича, 211); у т к а : *утица крякнет* (Сборн. 1754 г. у Востокова, ibid., 551).

Не одна человеку подобная наружность животных, блистание глаз, соразмерная полнота и красота членов привлекали к ним, но и замечаемые в них побуждения и желания, способности, страсти и страдания; так что первобытной простодушной фантазии было легко представить себе животное говорящим и действующим человечески¹. Пенье птиц в средние века называлось языком латинским, как всякий непонятный язык латинским или волошским. У нас в Сл. о полку Иг.: *говоръ галичь, галици свою рѣчь говоряхуть*; в похвальном слове Донскому: *сладкоглаголивая ластовица*; в Др. рос. ст. (208): *говоритъ черный воронъ* и пр. Таков естественный переход от первобытного воззрения на природу к басне о животных (thier-fabel). Как язык дает предметам бездушным и отвлеченным род, так и поэзия приписывает животным различные происхождения и истории. В древнейшей басне предметы неодушевленные отличаются от животных: не говорят и не действуют. Так, в чешской басне „O lisce a o čbánu“² — О лисе и жбане, или горшке (первой четверти XIV в.), лиса говорит и хлопочет, а горшку нельзя было молвить, ибо из глины был слеплен: „čbánu lze mluwiti neběsse, nebo z hlíny slepen běsse“. Даже между животными наблюдается замечательное различие: малые не столь удобны для басни, ибо менее выказывается их характер, впрочем, не без исключений: стрекоза или муравей играют побочные роли. Также и птицы должны уступить право первенства млекопитающим, ибо они менее схожи с нами и, обладая полетом, действуют не в той области, где мы с зверьми. Притом и из зверей обыкновенно выступают в народной басне своеземные; иноземные далеки и чужды фантазии. Главными действующими лицами в немецкой древней басне лиса, волк и царь медведь³. Лиса по цвету шерсти *красный* зверь: потому *der rôte Reinhart* (Reinh., 284. 1463); *le gorpil, rous ot le poil comme Renart* (Ren., 101); *le rous* (ros Ren.,

¹ Grimm. Reinhart Fuchs.

² Ганка. Starobylá skládanie, 1817, т. I, с. 202--206.

³ Есть весьма любопытная лужицкая песня о животных „Zwjerina“, в которой между прочими животными первую роль играют волк и лиса, см: Haupf und Schmaleg. Volkslieder der Wenden, 1841, т. I, с. 116.

463) и пр. У нас в Др. рос. ст., 383: *какъ бы р у с а я лиса голову кло-
нила, пошла-то Чорилья къ заутрени*. Замечательно, что красный
цвет выражает понятие о злобе и неверности, приписываемых лисе:
ze rôl (Reinh., 284) значит *zu böse, treulos*¹. Любопытно заметить,
что у нас в Шенкурском уезде *красной*, равно как и *дикой*, значит
*глупый, дурак*². Слич. в Краледворск. рук., 74: *i pozrsiesta lisima
zrakoma; tudi spei lisimi skoki*. Из Новгорода почти по всей России
распространилось прозвище человеку хитрому *Лиса Патрикеевна*;
такое воспоминание оставил по себе князь Патрикий с 1384 г., см.
Ист. гос. Рос., V, с. 92³. Пословицы предостерегают от красных или
рыжих: *hombre r o x o y hembra barbuda de lixos los sabuda; r o t h-
b a r t nie gut wart*. Даже есть глагол *лисить* вм. *хитрить, лукавить*.
Волк называется *серым*; в Сл. о полку Иг.: *сами скачуть, акы с ѣ р ы и
в л ѣ ц и в ѣ полѣ*. Уже у греческих поэтов он *πολύος* (Нумп. in Venet.,
70), в Renart называется он *le chani*, в Reinardus: *с a n u s et absque
fide* (3, 100); клянется он *per с a n o s hosce s e n i l e s* (I, 375), *per
caput hoc с a n u m* (I, 693), потому он называется также *senex, se-
nior* и с этим в связи стоят многие обстоятельства басни. Едва ли
справедлив Пушкин, назвав волка в поэме «Руслан и Людмила»
бурым, а не серым: *в темнице там царевна тужит, а бурый волк ей
верно служит*. Притом и верность нейдет волку, вору и разбойнику,
что уже видно из самого производства; *волк* по-санскр. *vrkas*, по-
зенд. *vehrkô*⁴, переходит в altn. vargr. *lupus, latro, exsul*, в ags. *vearh
fjircifer*, в ahd *warc exsul, sceleratus*, и в слав. *vrag*, означающее не
только неприятеля, но и убийцу, и дьявола⁵. Мы переносим от чело-
века к волку глаголы *резать, зарезать* и обыкновенно употребляем
их вм. *растерзать когтями*. Слич. в Др. рос. ст. (354) брань: *а ты
волчья сыть*. В старину, кажется, назывался у нас волк *лютым зве-
рем*; в Сл. о полку Иг. (Всеслав): *скочи отъ нихъ лю т ы м ѣ з в ѣ
р е м ѣ в ѣ плѣночи*, — и вскоре за тем: *а самъ в ѣ ночь в л ѣ к о м ѣ
рыскаше*. Мономах в своем поучении, говоря об охоте на различных
зверей, о волках не упоминает, зато говорит: *лютый зверь ко мне
скочил на бедра и конь со мною поверже*. Слич. в Др. рос. ст., 139:
а другою слѣдъ лю т о г о з в ѣ р я. Замечательно, что наше *лютый*
переходит в литовск. *lutas*, означающее льва⁶, а литовск. *lutas* и
лат. *lupus* оба происходят от санскр. корня *lû — scindere, vellere*.
Волк выходит на добычу ночью порою (*ἀμφιλόχη νύξ* у Гомера);
по-литовски *žwėris* (зверь) преимущественно называется волк, от-
сюда звезда *hesperus* именуется *žwėrinė*. С восходом этой звезды
по литовскому преданию *звѣрь* или волк выходит на лов. Слич.

¹ Grimm. Reinhart Fuchs, XXX; Gouliano f. Archéologie Eguptienne, т. III, с. 444. Слич. ниже.

² «Отечественные записки» за 1844 г., № 2.

³ Х о д а к о в с к и й. Отрывок из путешествия по России, в «Рус. историч. сборн.», 1839, т. III, кн. 2.

⁴ В о р р. Vergl. Gram., с. 175.

⁵ Grimm. Reinh. I.

⁶ Е й х г о ф. Paral. des lang. de l'Eur. et de l'Inde.

чешск.: *zvěřenice, zvířetnice* — hesperus; в том же значении попадает *звѣряница* в одном старинном западнорусском переводе Иова (с. 38, 32). В старину волку приписывали особенную быстроту и стремительность; в Сл. о полку Иг.: (Игорь) *врѣжеса на брѣзъ комонъ и скочи с него бо сымъ в лѣкомъ; коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влурѣ в лѣкомъ потече*¹. В басне первое, в подражание быту общественному, человеческое учреждение есть царская власть. В древнейших преданиях орел называется уже царем или — где ему придают женский род — царицею: οἰωνῶν βασιλεὺς, Aeschyl., Agam., 113 (Wellauer); αἰετὸς — ἄρχος οἰωνῶν, Pind., Pyth., 1, 18; οἰωνῶν βασιλῆα δίδυμον, Pind., Ol., 13, 30 — орел — царь птиц, птица Юпитера, царя богов. Не столь высокой древности достигает царствование льва; древнейшее свидетельство о нем у Оппиана и Элиана. У нас в старину и теперь в суеверных обрядах эпитет *царь* происходит от воззрения мифологического, а не эпического: *царь-огонь, царь-водица* употребляются в языческих обрядах как очистители². Вероятно, этот обычай стоит в связи с судебным испытанием огнем и водою, встречающийся уже в Суде Любуши, в коем эти царственные очистительные стихии называются *plamen praudozuesten — ignis juris nuntius, zuatocudna uoda — sancte purgans aqua*³.

Наша старина не оставила нам басенного эпоса, спокойного эпического рассказа о подвигах животных. Только там и сям мелькают недосказанные намеки на какие-то полуизгладившиеся предания, то в поэтическом сравнении, то в метафоре. Что же касается до змиев-чародеев, оборотней, вещих воронов и т. п., то они уже выступают из области басни, примыкая к мифологическим верованиям и составляя, так называемое, чудесное в наших старинных эпических песнях. Русские народные сказки о волке и лисице, о куре и лъстивой лисице, о белой кошке, о медведе — медном зубе, о Ерше Ершовиче и др. предлагают богатый материал для рассуждения о народной басне. В некоторых, напр. в сказке о Ерше Ершовиче, видны живые исторические следы⁴.

Так как мирское поэтическое одушевление наших предков питалось мифологиєю, потому надобно показать связь оной с произведениями искусства и с художественною жизнью народа. Привожу из Густинского списка XVII в. О идолах русских (Ипатьевск. лет., 256—257):

«Здѣ нѣчто скажемъ о богахъ русскихъ, не яко достойни суть воспоминанія, но да увидимъ, каковую слѣпотою тогда діаволь помрачилъ бяше человекѣи и въ таковое безуміе приведе, яко нетокмо не знаху истиннаго бога, но еще приведе ихъ въ се, яко и худымъ и бездушнымъ вѣщемъ и стихіямъ богоподобную честь воздаваху. Во-

¹ Донесение Прейса в «Журн. Мин. нар. проsv.» 1841, февраль.

² Хоодаковскій. Отрывок из путешествія по Россіи.— «Рус. историч. сборн.», 1839, т. III, кн. 2; Снегирев. Русские престопадные праздники и обряды, т. IV, с. 22.

³ Шафарик и Палацкій. Die ält. Denkm. d. böhm. Spr., с. 41, 99.

⁴ Сахаров. Русские народные сказки. 1841.

первых, Перконось, си есть Перунъ, бѣше у нихъ старѣйшій богъ, созданъ на подобіе чловѣче, ему же въ рукахъ бѣше камень многоцѣнный аки огонь, ему же яко богу жертву приношаху и огонь неугасающій зъ дубового древія¹ непрестанно паляху; аще ли бы случилось за нерадѣніемъ служащего іерея, когда сему огню угаснути, такового іерея безъ всякого извѣта и милости убиваху. Второй Волось, богъ скотій, бѣше у нихъ во великой чести. Третій — Позвиздъ, ляхи его нарицаху Похвистъ; сего вѣрили быти бога аеру, си есть воздуху, а иньи погоды и непогоды, иньи его вихромъ нарицаху, и сему Позвизду, или вихру², яко богу кланяющесе моляхуся. Четвертый-Ладо (си есть Pluton), богъ пекелный; сего вѣрили быти богомъ женитвы, веселія, утѣшенія и всякого благополучія, якоже еллина Бахуса; сему жертвы приношаху хотящии женитися, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ. Сего Ладона, бѣса, по нѣкакихъ странахъ и донынъ на крестинахъ и на брацѣхъ величаютъ, поюще своя нѣкія пѣсни и руками о руки или о столъ плещуще: — «Ладо, Ладо», — приплетающе пѣсни своя многожды поминають. Пятый — Купало, якоже мню, бѣше богъ обилія, якоже у еллинъ Цересь, ему же безумные за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда имяше настати жатва. Сему Купалу, бѣсу, еще и донынъ по нѣкоихъ странахъ безумныи память совершають, наченше июня 25 дня, в навечеріе рождества Іоанна Предтечи, даже до жатвы и далѣй, сицевымъ образомъ: съ вечера собираются простая чадь, обоего полу, и сплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомого зеля или коренія и препоясавшеса быліемъ возгнѣтають огонь³, инде же поставляютъ зеленую вѣтвь и емшеса за руцѣ около обращаются окрестъ оногю огня, поюще своя пѣсни, преплетаютъ Купаломъ; потомъ презъ оный огонь прескакають, оному бѣсу жертву себе приносяще. Шестый — Коляда, ему же праздникъ прескверный бѣше декаврія 24. Сего ради и нынѣ, аще и благодать рождествомъ Христовымъ осія насъ и идолы погибоша, но единаче дьяволъ еще и доселѣ во безумныхъ память свою удержа: сему бѣсу въ память простая чадь сходятся въ навечеріе рождества Христова и поють пѣсни нѣкія, въ нихъ же аще и о рождествѣ Христовомъ поминають, но боліе Коляду бѣса величаютъ. И негодѣ бысть безумнымъ людемъ сихъ боговъ: не довѣряху бо имъ, ниже смѣяху положити на нихъ совершенную надежду и въ лѣпоту не бысть бо на кого уповати, но имѣяху еще и болѣй боговъ, си есть, Хорса⁴, Дажбога, Стрибога⁵, Семаргла⁶, Мокоша, иньи же кладяземъ, езеромъ, рошеніямъ⁷ жертвы

¹ О дубе см. с. 245—246.

² О ветрах см. с. 248.

³ О мифологическом значеніи огня в связи с очищеніем см. с. 270—271.

⁴ Хорс — солнце, см. донесеніе Прейса в «Журн. Мин. нар. проsv.», 1841, февраль.

⁵ См. с. 221 о значеніи обоих сих названій.

⁶ Это слово надобно разложить на два, см.: В о с т о к о в. Опис. рус. и слав. рукоп. Рум. музея, с. 228: и в *сима* и в *ръгла*.

⁷ Слич. Прав. церк. в «Рус. дост.», т. I, с. 94: еже жрутъ бесомъ и болотомъ и колодяземъ. См. также выше с. 245—247.

приношаху. Отъ сихъ единому нѣкоему богу на жертву людей топяху, ему же и донынѣ по нѣкоихъ странахъ бѣзумныи память творятъ; во день пресвѣтлого воскресенія Христова собравшеся юніи и играюще вметають человѣка въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боговъ си есть бѣсовъ, яко вометаемыи во воду или о древо или о камень въ водѣ разбиваются и умирають или утопають; по иныхъ же странахъ не вкидають въ воду, но токмо водою обливають, но единаче тому же бѣсу жертву сотворяють».

Из этой чрезвычайно любопытной статьи извлекаются следующие выводы:

1) Сличив это место с Несторовым описанием идолов, видим, что до XVII в. не только не утратилось в народе предание о богах языческих, но даже неразрывно связалось с суеверными обычаями и с поэзиею.

2) Наши старинные писатели сравнивали свою мифологию с древнеклассическою и тем придавали своим божествам эстетический колорит греческих. Это велось от XII в., ибо в глоссах *Mater verbogum* славянские божества переводятся греко-римскими. В старину языческое соединялось с эллинским, напр. в Правиле митрополита Кирилла (XIII в.): «паки же оувѣдѣхомъ бесовская юще държаще ~~ш~~обычая треклятыхъ юлинъ въ божествныя праздники позоры нѣкакы бесовския творити» (Русские достопамятности, т. I, с. 114).

3) Согласно с свидетельством предложенной статьи, до сих пор находим мы в наших песнях, как непонятные архаизмы, мифологические воспоминания, а именно: а) *Лада*: в одной старинной песне: *у меня Ладо змея скороснея*; в другой: *не угай, молодое, да что перва Лада? ой, дид и Ладо! да что перва Лада? — как перва-то Лада, золот с руки перстень* и пр.¹ В глоссах *Mater verbogum*: *l a d a, uenus, dea libidinis, cytherea*, отсюда *ladni, nitens, serenum*. Слич. в Суде Любуши, 48: *ot Sasau i l a d n i* (от Сазавы ладны), значит 'чистый, быстрый' — эпитет реки; отсюда *Лада* имя рек и источников, напр. в Польше, в Псковск. губ. приток Великой и др.² *Ладный* значит и вообще прекрасный; в чешск. псалт. XIV в. (Пс. 92, 1) *decor* переводится словом *ladnost*³. Таким образом, мы постоянно видим, что понятия о прекрасном выражаются словами от корней значения языческого и недоброго. Вероятно, и музыкальный лад ведет свою историю от Лады. б) *Купало*: согласно с свидетельством текста также сохранился в песнях, соединяясь с Иваном: *Купало на Ивана, купался Иван, та в воду упав*⁴. Замечательно, что в одной купальской песне *Купало* присовокупляется к слову *Див*: *ходили дивочки коло мареночки, коло дива* —

¹ Сахаров. Сказания русского народа.

² Ходаковский думает и *Ладогоу* производить от *Лады*, см. «Рус. историч. сборн.», т. III, кн. 2.

³ Шафарнк и Палацкий. Die ält. Denkm. d. böhm. Spr., с. 52.

⁴ Снегирев. Русск. простонар. праздники и обряды, вып. IV, с. 45.

к у п а л ы¹. Мифологическое существо *Див* попадает в Сл. о полку Иг.: *д и в ѣ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемѣ*. От Купалы название растения, *купальница* (лютик, *galunculus acris*)²: *Купальницею* же именуется и день св. Агриппины, 23 июня. в) *Коляда* — напр., в одной колядской песне: *К о л я д а, К о л я д а! пришла Коляда накануне рождества; мы ходили, мы искали Коляду святую* и пр.; в другой колядской песне воспеваются языческие жертвоприношение³, совершаемое под песни Коляде. г) Поклонение водам сохранилось в песенном припеве: *Дунай мой, Дунай, С и л и в а н о в и ч Д у н а й*⁴. Слич. в Сл. о полку Иг.: *полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочу бобрянѣ рукавѣ в Каляѣ рѣцѣ*. На потоплении в жертву водам основывается все старинное наше стихотворение «Садков корабль стал на море» (Др. рос. ст., 337). д) Исчисляя остатки язычества в песенных припевах, почитаю не лишним обратить внимание на остроумную догадку Коллара, который в святочной припевке *слава*, напр.: *идет кузнец из кузницы — слава* — видит существо мифологическое⁵.

4) В связи с древним язычеством стоят суеверные обряды. Некоторые из них доселе сохранили характер чародейства и ворожбы, другие, потеряв свое первобытное значение, перешли в народные игры. Игры, наравне с поэзией и ворожбой, почитались языческою забавою и предавались проклятию, напр. в Сборнике 1754 г. (в Рум. муз.⁵): «аще золото хоронит или жмурками играют или под дверю и окном слушают, или лица свои сажами марают, или трепицами главу свою мочат, или жгутами бьются, и в гусли и домры и сопели и в бубны и лёнки шахматами и зернию и картами... или гром слыша валяются, или жаворонка, или на ростанех слушают, или снег полют... или сапоги мечют за воротá», и пр.; далее следуют приметы, как в вышеприведенной статье о суевериях, напр.: «и море дичится и ветры сухие или мокрые тянут», и т. п. В песне «И я золото хороню» мифологический архаизм: «в коей руке былица, змеиные крылица?».

В летописях и в древней поэзии нашей весьма любопытно обратить внимание на отношение некоторых языческих поверий к христианству. Так, в «Соф. вр.» (т. I, с. 164—165) говорят волхвы: «Вѣдаемъ како естъ человекѣкъ сътворень... Богъ мывся отреса ветхемъ, и сверже съ небеси на землю; и распрѣся сотона съ богомъ, кому въ нем створити человекѣка? и сътвори дѣяволь челоуѣка, а богъ душу вложи въ онъ; тѣмъ же аще умереть человекѣкъ въ землю идти тѣло, а душа къ богу»; *ibid.*, с. 166, говорит кудесник новгородцу христианину: «Бози наши живутъ въ безднѣ, суть же образомъ черни и крилати, и хвосты имуще; въсходятъ же и подъ небо, слушающе

¹ «Русск. историч. сборн.», 1838, т. III, кн. I, с. 118.

² Карамзин. Ист. гос. Рос., т. I, с. 90.

³ Снегирев. Русск. простонар. праздники и обряды, вып. II, с. 68—69.

⁴ „Slawa Bohupnë“, с. 10—21.

⁵ Востокоев. Описание рус. и слав. рукописей Румянц. музея, 1842, с. 551—552.

вашихъ боговъ, ваши бо бози на небесѣхъ суть, и аще кто умреть отъ вашихъ людей, то възносимъ естъ на небо; аще ли кто отъ нашихъ людей умираеть, то носимъ естъ нашимъ богомъ въ бездну». Такимъ образомъ, уже в древнейшихъ легендахъ языческие божества перешли в демонов. Замечателенъ архаизмъ в употреблении слова *боги*¹, напр. в Др. рос. ст. (с. 405): *а и теща къ обѣдни пошла — что идетъ помалешеньку, ступаетъ потихошеньку, съ ноги на ногу поступаетъ, на башмачки посматриваетъ, чеботы накалачиваетъ. Всѣ боги и теща прошла, а зашедъ-то Николѣ челомъ, а Николѣ Мясницкому.* Отношение христианства к искусству в Др. рос. ст., 341—342:

И развалялся Садко, и пьянъ онъ сталъ,
и уснулъ Садко купецъ, богатый гость;
а во снѣ пришельъ святитель Николай къ нему,
говоритъ ему таковы рѣчи:
гой еси ты, Садко купецъ, богатой гость!
а рви ты свои струны золоты,
и бросай ты гусли звончаты,
разплясался у тебя Царь морской:
а сине море всколебалось,
а и быстры рѣки разливались,
топятъ много бусы, корабли,
топятъ души напрасные
того народу православного.
А и тутъ Садко купецъ, богатый гость
Изорвалъ онъ струны золоты,
и бросаетъ гусли звончаты;
перестал Царь морской скакать и плясать:
утихло море синее,
утихли рѣки быстрые.

Такимъ образомъ, искусство жертвуется чувству религиозному, предписывающему добродетель. И у нас, как в Западной Европе, к чудесному языческому присовокупилось христианское.

8. Христианский взгляд на природу физическую, христианская символика, красноречие

Христианству надлежало не только очистить греховного человека, но и освятить природу неодушевленную, оскверненную язычествомъ. Древнее духовенство наше входило в малейшие подробности в рассуждении предметов чистыхъ и нечистыхъ, что видно из «Вопросовъ Черноризца Кирика» (Пам. рос. слов. XII в., с. 175—203), напр.: «а пѣртъ (одежды) дѣля, въ чемъ хотяче ходити? Нѣтуть бѣды, хотя и въ медвѣдинъ». Такой вопросъ набожныхъ предковъ нашихъ весьма естественен, ибо звери были осквернены языческими поверьями. Или еще любопытнее, *ibid.*: «аще случитъся платъ женскій въ портъ въшити попу, достоинъ ли въ томъ служити портъ? И рече: достоинъ:

¹ К а с т о р с к и й. Начертание славянской мифологии, 1841.

ци погана есть жена?» Однако строгость христианского благочестия не только не заглушила в человеке нежного сочувствия к природе, но еще большую глубину и ясность придала ему; напр., в тех же «Вопросах Кирика»: «зашедшу солнцю, недостоитъ мертвеца хоронити, не рци тако: борзо дѣлаемъ, нѣли како успѣемъ до захода; но тако погрести, яко и еще высоко, како и вѣнце ешь (еще) не сыйметъся съ него: *то бо послѣднее видить солнце до общаго воскресенія*». Христианский символический взгляд на природу весьма рано перешел к нам из Византии¹. В проповедях Кирилла Туровского (XII в.) вся видимая природа является непреложным знаменем судеб христианства, осязаемым символом тайн божиих. От уподобления символ отличается тем, что в уподоблении свободная фантазия по своей воле сближает два разнородных предмета; символ же в вещественном, в видимом образе указывает необходимый и непременный смысл духовного и таинственного. Если уподобления и тропы рассматривать исторически, то символ можно назвать первобытным, архаическим периодом языка украшенного. В пример символики византийской привожу отрывок из Слова Кирилла Туровского в новую неделю по пасхе, «О поновлении въскресенія и о артусе и о Ѳомине испытании ребр господень» (Пам. рос. сл. XII в., 20). Проповедник бросает символический взгляд на наступающую весну: «Днесь ветхаа конецъ пріашя, и се быша вся нова, видимаа же и невидимаа. Нынѣ небеса просвѣтишася, отъ темныхъ облакъ яко вретѣща съвлекъшися, и свѣтлымъ въздухомъ славу господню исповѣдають; не сѹ, глаголю, видимаа небеса, нѣ разумнаа, апостолы, иже днесь на Сіонѣ шведша къ нимъ познаваша господа и всю печаль забывше и скръбь іудейска страха отвръгше, святымъ духомъ осѣнившеся, въскресеніе Христово ясно проповѣдают. Ныня солнце красуяся къ высотѣ възходитъ и радуяся землю огрѣваетъ, възиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христось и вся вѣрующая ему спасаетъ. Ныня луна съ вышняго съступивъши степени болшему свѣтилу честь подаваетъ; уже ветхый законъ, по писанію, съ суботами преста и пророкы Христову закону съ недѣлею честь подаетъ. Ныня зима грѣховная покаяніемъ престаала есть и ледъ невѣрія богоразуміемъ растаяся; зима убо языческаго кумирсложенія апостольскимъ ученіемъ и христовою вѣрою престаала есть, ледъ же Ѳомина невѣрія показаніемъ христовъ (христовых) ребръ растаяся. Днесь весна красується, оживляючи земное естество; бурнии вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобъзуютъ и земля сѣмена питающе зеленую траву ражаетъ. Весна убо красная вѣра

¹ Художник византийской школы хотел, напр., выразить, что крест господень есть древо жизни, от коего питаются все твари земные и которое под своим кровом содержит все живущее; и этот животворящий крест с распятием является блистательным и плодотворным цветом царственного древа; от корня же его истекает живоносный родник в утоление жаждущим, а многоцветные ветви вьются кругами и расстилаются по церковному своду, объемля собою многообразных зверей, птиц и людей. Такова, напр., мозаика в старинной церкви св. Климента в Риме.

есть хрестова, яже крещеніемъ поражаетъ (порождает) чловѣчь-ское паки естество; бурни же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаяніемъ претворшеса на добродѣтель душеполезныя плоды гобъзуютъ: земля же естества нашего, акы сѣмя слово божіе пріимши, и страхомъ его присно болящи, духъ спасенія ражаетъ. Ныня новорождаеміи агньци и унци, быстро путь перуще, скачють и скоро къ матеремъ възвращающесе веселяться, да и пастыри свиряюще веселіемъ Христа хвалять. Агнеца, глаголю, кроткыя отъ языкъ люди, а унца кумирслужителя невѣрныхъ странъ, иже хрестовомъ вѣчеловѣченіемъ и апостольскимъ ученіемъ и чудеса, скоро по законъ емѣшеса, къ святѣй церкви възвратившесе, млеко ученія ссутъ (сосутъ); да и учителя хрестова стада о всѣхъ молящесе, Христа бога славятъ, вся волкы и агньца въ едино стадо собравшаго. Ныня древа лѣторасли испушаютъ и цвѣти благоуханія процвитають, и се уже огради (огороды) сладкую подавають вою, и дѣлатели съ надежею тружашущесе плододавеца Христа призываютъ. Бѣхомъ бо преже акы древа дубравная, не имуще плода, ныня же присадися (привилась) Христова вѣра въ нашемъ невѣрїи, и уже держашесе корене тосѣва, яко цвѣты добродѣтели пушающе, райскаго пакибытья о Христѣ ожидаютъ; да и святители о церкви тружашущесе отъ Христа мзды ожидаютъ. Ныня ратаи слова, словесныя уньца къ духовному ярму приводяще, и крестное рало въ мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаянія почерпающе, сѣмя духовное всѣспающе, надежами будущихъ благъ веселяться. Днесъ ветхая конецъ прїяша, и се быша вся нова, възкресенїи ради. Ныня рѣкы апостольскыя наводняются, и язычныя рыбы плодъ пушають и рыбари, глубину божїя вѣчеловѣченїя испытавѣше, полну церковную мрежу ловитвы обрѣтають: рѣками бо, рече пророкъ, расядеться земля, узрять и разболеться нечестивїи людїе. Ныня мнишскаго образа трудолюбивая бчела свою мудрость показавши, вся удивляеть; якоже бо они въ пустыняхъ самокѣрміемъ живуше, ангелы и чловѣкы удивляють, и си на цвѣты излетаючи, медвенныя сты стваряеть, да чловѣкомъ сладость и церкви потребная подастъ. Ныня вся доброгласныя птица церковныхъ ликовъ гнѣздящесе веселяться: и птица бо, рече пророкъ, обрѣте гнѣздо себе, олтаря твоя, и свою каяждо поющи пѣснь, славить бога гласы немолчными». С этимъ Словомъ слич. у Калайдовича в Иоанне, Екс. болг., 137: «Приклады **ѡ** вѣстанїи», т. е. примеры, воскресенїе объясняюще, из списка Богословїя начала XII в.: «Многамъ соущи притѣчамъ, изборъ сѣтворше **ѡ** нїихъ малъ, сѣкажемъ о вѣстанїи, невѣроующїимъ рекоуще. И отъ ластовїцъ не вѣроуешї ли, **ѡ** же оу тебѣ шѣбъчетъ вель лѣто зѣло краснѣ? и зимѣ прїшьдѣши **ѡ** видеть **ѡ** тебѣ, и за короу залѣзѣши прїплатитьтисѣ доубоу, и перье сѣврѣжетъ; годоу же весенноуоумоу прїшьдѣшоу паки **сѣ** обѣржетъ перьемъ, яко и навъ из гроба исходѣши, весна бо еи вѣстанїе принесеть, и много паки прїшьдѣши глѣть и шѣбъчетъ, тѣкмо не рекоущї: члѣвчїне! **ѡ** мене вѣроуї **ѡ** вѣскрѣсенїи. И дроугаго сѣмотри чрѣви, иже изъ себе свїлоу (шолк) точить, и обѣзасѣ тѣми нїтьми домъ си сѣтворить

и гробъ, съпроста же рещи всен емоу плъти троу съсъхъшиста; году же пришьдъшю весньноуоумоу паки онъ же ~~в~~образъ древлнии иж него приметь, и паки тъжде животъ боудеть... А о съмени житыньмъ и сочивьмъ что хошу глти самьмъ вы добръ въдоушемъ: аще зрна не падоутъ въ браздѣ, и ~~па~~ко въ гробъ не погребутъса и раскыдаютса разгнивающа, то не могуутъ прозѣбноути, ни класа сътворити».

9. Зодчество, ваяние, живопись, музыка

Из всех искусств наши предки более сочувствовали зодчеству, и притом преимущественно храмовому. Летописцы любят в подробности описывать церкви; напр., в Ипатьевск. лет., 111—112: (Андрей) «Уподобися царю Соломону, яко домъ господу богу и церковь преславу святыя богородица рожества, посредь города, камену, созда въ Боголюбомъ, и *удиви* ю паче всихъ церквий, подобна тоѣ святая святыхъ юже бѣ Соломонъ царь премудрый создалъ. Тако и сій князь благовѣрный Андрей сотвори церковь сию въ память собѣ и украси ю иконами многоцѣнными, златомъ и каменіемъ драгымъ и жемчугомъ великымъ безцѣннымъ, и устрои ѣ различными цятами (денарий, у окладныхъ образовъ подвесокъ полумесяцемъ при венце)¹ и аспидными цатами украси, и всякими узорочы *удиви* ю свѣтlostью же не како зрѣти, зане вся церкви бѣше золота; и украсивъ ю и *удививъ* ю сосуды златыми и многоцѣнными, тако яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видивше ю не могутъ сказати изрядныя красоты ея: златомъ и финиптомъ и *всякою добродѣтелью* и церковнымъ строеніемъ украшена, и всякими сосуды церковными, и ерусалимъ златъ съ каменыи драгими, и рѣпидіи (рипида — веяло, круглый на рукояти образ херувима) многоцѣнными, каньдѣлы различными, изъ дну (в варианте правильнее: извну) церкви отъ верха и до долу, и по стѣнамъ и по столпомъ ковано золотомъ, и двери же и ободверье церкви златомъ же ковано, бѣшетъ же и сѣнь (навес над престоломъ и царскими вратами) златомъ украшена отъ верха и до деисуса (икона спасителя между богородицею и Иоанномъ Крестителемъ, от надписи *δέησις*)² и *всею добродѣтелью церковною исполнена, изъмечтана всею хытростью*. Князь же Андрей бѣ городъ Володимерь силно устроилъ, къ нему же ворота золотая доспѣ, а другая серебромъ учини. И доспѣ церковь камену сборную святыя богородица, пречюдну велми, и всими различными виды украси ю отъ злата и сребра, и 5 верховъ ея позолоти, двери же церковныя троѣ золотомъ устрои, каменьемъ дорогомъ и жемьчюгомъ украси ю многоцѣннымъ, и всякими узорочы *удиви* ю, и многими паникандѣлы золотыми и серебряными *просвѣти* церковь, а оньбонъ (амвон) отъ злата и сребра устрои, а служебныхъ судъ (сосудов, посуд) и рипидыи и всего строенья церковнаго, златомъ и каменьемъ дра-

¹ Дѣбровскій. *Institut. linguae Slav.*, с. 99.

² Снегирев. Памятники московской древности, в примеч. к опис. Благовещ. собора.

гимъ и жемчюгомъ великимъ, велми много, а тріе ерусалими велми велиици, иже отъ злата чиста отъ каменя мѣногоцѣнна устрои и всими виды и устроеныемъ подобна бысть удивленію Соломоновъ святая святыхъ; и въ Боголюбомъ и въ Володимерѣ городѣ верхъ бо златомъ устрои, и комары позолоти, и поясъ (тябла или пояса, т. е. ярусы иконостаса, назывались праотеческими, пророческими, апостольскими и праздничными, деисусом и местными образами) златомъ устрои, каменьемъ *усвѣти* и столпъ позлати изовну церкви, и по комаромъ же поткы (вариант: птахы) золоты и кубкы и вѣтрила золотомъ устроена постави, по всей церкви и по комаромъ около».

Обратить внимание на прекрасные выражения курсивом; касательно слова *измечтана* надобно заметить, что *мечта, мечтание, мечтать*, с одной стороны, у нас употреблялись для выражения художественного понятия, а с другой, для означения чего-то дьявольского, ворожбы, гадания языческого, напр. Соф. вр., I, 175: *предивно бысть въ Полотьсѣѣ: въ мечтѣ бываше въ нощи тутенѣ, стонуць по улицамъ, яко человекѣци рыщущи бѣси*; Ипатьевск. лет., 184: *и Чигизаконова мечтанья, скверная его кровопитья, многыя его волѣшбы*. В молитве мы просим бога дать нам сон *безмечтанный*. Еще описание церкви (Ипат. лет., 196), построенной в Холме при Данииле (1259): «созда же церковь святого Ивана, красну и лѣпу; зданье же еѣ сице бысть: комары 4, съ каждого угла преводъ, и стоянье ихъ на четьрехъ головахъ человекѣцкихъ изваяно отъ нѣкоего хытреца; окна 3 украшена стеклы римскими; входящи во олтарь стояста два столпа отъ цѣла камени и на нею комара, и выпрь же верхъ украшенъ звѣздами златыми на лазурѣ; внутренніи же ей помость бѣ слить отъ мѣди и отъ олова чиста, яко блещатися яко зеркалу; двери же ей двоя украшены каменьемъ галичкымъ бѣлымъ и зеленымъ холмѣскимъ, тесанымъ, узоры тѣ нѣкимъ хытрецемъ Авдѣемъ, прилѣпы отъ всихъ шаровъ и злата, напреди ихъ же бѣ издѣланъ Спасъ, а на полунощныхъ святой Иванъ, якоже всимъ зрящимъ дивитися бѣ».

Некоторые названия частей церкви и хоромов перенесены от частей тела, напр. *шея, глава, лоб, плечи* и др.: *побиша лобъ у Святыя Троица желѣзомъ* (Пск. лет., 102); *видяху многожды изо лба церковнаго преподобнаго Варлаама велю стрѣльбу бывающую* (ibid., 233); *у каменной церкви верхъ огорѣлъ до плечъ* (Новг. лет., 150); *у Иоанна Святаго маковица огорѣла да и плеча* (ibid., 152); *повѣсиша колоколъ на персѣхъ на новой стѣнѣ* (Пск. лет., 102); *и постави его на криль церковномъ* (Матф., 4, 5).

Несколько указаний для старинной художественной терминологии: *постави владыка Иоанъ теремецъ каменъ, идѣже воду свящуютъ на всякыи мѣсяць, и пекелницу камену* (Новг. лет., 103); *постави архіепископъ Новгородскіи владыка Еуѣимию ключницу хлѣбную камену* (ibid., 112); *духовницу камену* (ibid., 114). В Ипатьевск. лет., 113: *медуша*. В Летоп. Арханг.: (князь великий) *выйде отъ него въ повалушу, а князю Андрею повелѣ себѣ ждати, и*

бояромъ его повелѣ итти въ столовую грядню. Слич. старую половицу: *терем высок, а повалуша выше*. В Пск. лет., 224: *буя палата* (при церкви: вероятно, выносились в нее мертвые тела). *Палатами*¹ назывались каменные здания, *хоромами* — большие деревянные, с теремами, вышками, гряднями, повалушами и сенями. Палата попадаетея уже у Нестора. *Срубить город* — техническое выражение для постройки города. Способ строения деревянных домов был: *в обло, в лапу* или *в замок, сковородником, в пресек* или *в крюк, в охряпку* или *скобой*. Крыши о двух скатах назывались *двускатными*, а на все стороны скатом — *шатровыми* или *епанчю*. Храмы строились: *крещатые* — т. е. по греческому кресту, *коробовые* — т. е. полуокруглые, и наконец *стрельчатые*, или *монастырские*, введенные в России с XV в. *Своды сводили* или *собирали сводом здание: собирая сводом сотвориши ковчег* (Быт., 6, 16). Своды в церквах были *стрельчатые, котловые* и *коробовые*; в них делались *голосники*; верхи их сводились в три *яруса теремами* и *закомарами*, кои осенялись *главами*. Иконописцы по различию делопроизводства различно назывались: *знаменщики* — делали абрис, *личевщики* — писали лица, *доличные* — писали одежду. Иконное письмо разделялось на *крупное* и *мелочное*, собственно иконное, *стенное* и *травное*; последнее состояло в расписании стен травами и цветами. По числу листов накладываемого на доску золота иконы именовались *пятницами* (или *пятюлистовыми*), *шестюлистовыми*, *осьмюлистовыми*. Названия для частей иконы: в лицах *отживка* или *блики*; на высоких местах *подпробелки*, заменившие прежнюю *костоватость*; в отделах волос *подрусинки* и *просединки*, в доличном или в драпировке *гвенты*; лица писались *прямолично* (en face); с XVII в. на иконах появляется *затинка*, соответствующая светлотени. Художественный стиль назывался *пошибом*. Иконописцы подлежали ведомству Оружейной серебряной палаты *иконного воображения* (т. е. изображения). Обронная или сканная работа литая называлась и *вольячной* т. е. массивной; противопологалась *тощей* или *дутой, истуканной* и *выбойчатой* или *басменной*, которая называлась и *басмою*.

Для старинной музыкальной терминологии, именно церковной, источниками могут служить стихирари (рукописи с XIV в., см.: В о с т о к о в. Описание рус. и слав. рук. Румянц. муз., с. 650 и сл.) или сборники церковных песнопений с крюковыми нотами или знаменами. Из многих названий этих нот некоторые весьма любопытны; напр.: *змийка, голубчик, стопица, стопица с очком, чашка, крюк с облачком, с подчашием, стрела, поводная, поездная, мрачная, светлая, громная, громная светлая, крижь* (крест), *мечик, паук, лошадка, перевязка, фита двоечелная, тристрелная, громогласная, дубинка, колчанец, недоскок, перескок, колыбелка, тужливая ковычка, кудри* и проч.

¹ См.: Снегирев. Памятники московской древности, тетр. I.

Музыка называлась *гудьбою*, от глагола *гудеть*, откуда и *гудок*, и *погудка*, и *гусли* (л в окончании означает орудие), употребительнейший и древнейший у славян инструмент. Под 591 г. Феофилакт упоминает о троих славянах, имевших при себе не оружие, а инструменты вроде гуслей. У радимичей, вятичей и северян были с пляскою и песнями *игрища*, на коих совершались языческие свадьбы. Свидетельство о древнейших родах нашей музыки в Др. рос. ст., с. 132—133:

И зачалъ тутъ Ставръ поигривати:
сыгришь сыграль Царя-града,
танцы навель Иерусалима,
величалъ князя со княгинею,
сверх того играль еврейской стихъ;
посоль задремаль и спать захотълъ.

Следов., у нас пелись и игрались: 1) *византийский сыгриш*, 2) *иерусалимские танцы*, может быть, *тенцоны* — драматические песни, 3) *величания князьям*, подобные песням о Владимире, 4) еврейские стихи, т. е. *псалмы*, столь любимые нашими предками¹.

10. Предложение, пословица, период, речь

Не надобно думать, что в старину наши писатели не умели связывать слов в стройные предложения и периоды. Поговорки и пословицы², сохранившиеся в древних памятниках, суть не иное что, как лучшие, избраннейшие отрывки речи наших предков, служащие нам примером тому, как прежде строились у нас предложения и периоды. Еще преподобный Нестор обратил внимание на народные пословицы, или притчи, как он называет их, и приводит след.: *есть притѣча въ Руси и до сего дне: погибоша аки въбре* (Лавр. лет., 7); *есть притѣча и до сего дне: бѣ да аки в Роднѣ* (46); *тѣмъ и Русь корятся радимичемъ, глаголюще: пищаньци волѣчь хвоста бѣгають* (51—52). Пословицами и обычными поговорками объясняются и след. выражения в Несторе: *да будемъ золоти* (желты) *яко золото* — клятва; *аще ся въвадитъ волкъ овцѣ, то выносить все стадо* — говорили древляне об Игоре; *Руси есть веселье питье, не можемъ без того быти; серебромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу серебро и злато* — говорил Владимир. Последнюю пословицу повторяет Даниил Заточник таким образом: *мужи злато добудутъ, а златомъ людей не добыти*. Сочинитель Слова о полку Иг. приводит припевку вешего Бояна: *ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божіа не минути*. Здесь припевка имеет значение пословицы, т. е. мудрого изречения; собственно же припевка есть прелюдия, как, напр., в начале древних стихотворений:

¹ См.: Пассек. Очерки России, т. III, с. 64.

² См.: Снегирев. Русские в своих пословицах. 1831, 4 части.

*Высота ли высота поднебесная,
глубота, глубота океан море;
широко раздолье по всей земле,
глубоки омуты днепровские.*

Такое безотчетное возвышение и углубление выражают полет творческого воодушевления и, как увертюра перед оперою, отвлекают читателя или слушателя от прозаического быта и приготавливают к поэтическому рассказу. Не характеризуются ли подобная припевка в начале Сл. о полку Иг.: «Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы». От пословицы поговорка отличается тем, что означает вообще какой-нибудь удачный оборот речи; слово имеет высший смысл и даже употребляется как общее название для речи, проповеди, сочинения; говором же называется и крик животных, напр. в Сл. о полку Иг.: *говорѣ галокѣ*. Так, поговоркою можно назвать причитанье русских жен, плачущих по мужьям своим в Сл. о полку Иг.: «уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима сѣглядати». Пословица распространяется иногда до полного силлогизма придачею меньшей посылки или частного случая к общей мысли, выражаемой пословицею (ibid.): *тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы, Руской земли безѣ Игоря* — т. е. пословица: *тяжко голове без плеч, зло — телу без головы*; применение: *Руси без Игоря*.

Пословицы в летописях: *копая подѣ другомъ яму самъ ся въ ню вѣвалитъ* (Новг. лет., 56); *не идеть мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту* (Ипатьевск. лет., 65), — сказал Изяслав, узнавши, что сын его побежден; *брате! мръ стоить до рати* (войны), *а рать до мира* (ibid., 65), — выражает воинскую жизнь наших предков; *не вѣдуще глаголемаго: идѣ же законѣ, ту и обидѣ много* (ibid., 115) — гражданские отношения. О разорении Бельза Даниилом в одну ночь: *сію же наречютъ Бѣлжане: злу ночь; сія бо ноцъ злу игру имъ сыгра* (ibid., 163). Слич. подобную этой: *Скыртъ рѣка злу игру сыгра гражаномъ, тако и Днѣстръ злу игру сыгра угромъ* (ibid., 170) — о гибели венгров на Днестре, поговорка в игре словами. *Романе, лихимъ живеши, литвиномъ ореши* (пашешь) — о жестокости Романа Волынского с пленными литовцами; *господине! не погнѣтши пчелъ меду не вѣдаты* (Ипатьевск. лет., 171), — говорит сотский Микула Даниилу Романовичу иносказательно, чтобы он притеснял бояр для своей пользы.

Оставляя множество других пословиц, рассеянных по древним памятникам, обращаю внимание на Слово Даниила Заточника, почти все сложенное из поговорок и изречений: *ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна; никто же можетъ соли зобати, ни въ печали смыслити; всякъ бо человекѣ хитритъ и мудритъ о чюжей бѣдѣ, а о своей не можетъ смыслити; злато искушается огнемъ, а человекѣ напастьми; пшеница бо много мучима, чистѣ хлѣбъ подаетъ, а въ печали обрѣтаетъ человекѣ умъ совершенъ; не имѣй себѣ двора*

близъ княжа двора; не держи села близъ княжа села; безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни в житницы собираютъ, но сами ся ражаютъ; какъ во утелъ мѣхъ воду лити, так безумнаго учити; псомъ и свиніямъ не надобе злато и сребро, ни безумному мудрая словеса; ни мертвеца размѣшити, ни безумна наказати; глаголетъ бо въ мѣрскихъ притчахъ: не скоть въ скотѣхъ коза, а не звѣрь в звѣрѣхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нотопырь; глаголетъ бо въ мѣрскихъ притчахъ: рѣчь продолжна не добро, продолжена паволока, и пр. (Памятники рос. сл. XII в., 229—240¹). Вот как в старину из пословицы развивался целый период и образовывался слог. Такое историческое исследование пролагает путь и к научному изучению теперь употребляющихся пословиц. Однако надобно заметить, что ныне не можем уже мы таким образом начинивать свою речь поговорками: что встарь было простотою и безыскусственностью, то покажется теперь намеренным, тяжелым педантством.

Построение периодов в некоторых древних произведениях чрезвычайно правильно: так, в Слове Даниила Заточника все пословицы и поговорки слиты в стройные формы периодов, а периоды по большей части примыкаются друг к другу, составляя неразрушимую цепь. Вот примеры периодов: 1) *противительный*, заключающийся пословицею: *богатъ мужъ вездѣ знаетъ есть и въ чужой землѣ дружи имѣетъ, а убогъ и во своихъ невидимо ходитъ; богатъ возглаголетъ, вси возмолчатъ и слово его вознесутъ до облакъ, а убогъ возглаголетъ, вси нань кликнутъ и уста ему заградятъ: ихъ же ризы свѣтлы, техъ и рѣчь честна.* Обратитъ внимание на соответствие предложений и слов в частях второго периода: *богат — вси — и; убог — вси — и*; 2) *сравнительный*: *птица бо радуется веснѣ, а младенецъ матери, тако и азъ, княже господине, радуюся твоей милости; весна убо украшаетъ цвѣты землю, а ты, княже господине, оживляеши вся чловѣкы своею милостью, сироты и вдовицы, отъ вельможъ погружаеми.— Яко же бо неводъ не удержитъ воды, но точію едины рыбы, тако и ты, княже господине, не воздержи злата и сребра, но раздай людемъ; паволока, испещрена многими шелки, красно лицо являетъ, тако и князь многими людѣми честенъ и славенъ по всемъ странамъ*; 3) *относительный*: *но егда веселишиися многими брашны, а мене помяни сухъ хлѣбъ ядуща, или піеши сладкое питіе, а мене помяни теплу воду пьюща, и праха нападша отъ мѣста завѣтреня; егда лежиши на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одеялы, а мене помяни подъ единымъ платомъ лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевными яко стрѣлами сердце пронизающе; коли пожретъ синица орла, коли каменіе всплыветъ по водѣ, коли свинія почнетъ на бѣлку лаяти, тогда безумный уму научится*; 4) *винословный*, связывающий несколько пословиц: *злато искушается огнемъ, а чловѣкъ напастьми; пшеница бо, много мучима, чистъ*

¹ О древних пословицах у славянских племен см.: Мацеевский. Pamietniki, 1839, т. II, с. 83.

хлѣбъ подаютъ, а въ печали обретаетъ человекъ умъ совершенъ. Обе части этого периода идут параллельно, состоя из соответственных уподоблений; 5) условный: или ми речеши: отъ безумія ми еси молвилъ: то не видалъ еси неба полъстяна, ни звѣздъ лутовныхъ, ни безумна мудрость глаголюще; или ми речеши: солгалъ ми еси аки песнь: добраго бо пса князи и бояре любятъ; или ми речеши: солгалъ ми еси аки тать, аще быхъ умѣлъ красти, толико бы не скорбѣхъ. Все эти три условные периода соединяются друг с другом союзами или и потому все вместе представляют как бы один период разделительный; 6) соединение сравнительного периода с винословным: гусли бо строятся персты, а тѣло основается жилами, а дубъ крѣпится множествомъ коренія: тако и градъ нашъ крѣпится твоею державою: зане князь щедръ отецъ есть всемъ; слуги бо мнози отца и матери лишаются и къ нему прибѣгаютъ.

Уже в Сборнике Святославовом 1076 г. встречаются правильные периоды, напр. в Слове некоего Калугера (καλούερον — добрый старец, монах) о четии (чтении) святых книг в оригинальном славянском, по мнению Востокова, произведении периоды сравнительные: *рекоу же, узда коневи правительксть и въздържаник: правдѣнику же книги. Не съставить бо сѧ корабль безгвозди, ни правдѣникъ беспочитаниа* (без чтения) *книжьнааго: и тако же плѣньникомъ умъ стоить оу родителъ своихъ, тако и правдѣнику о почитаньи книжьнѣмъ; красота воиноу оружик, и корабль вѣтрила: тако и правдѣнику почитаник книжьноу* (в «Славянской хрестоматии» Пенинского, 1828, с. 249). Заметить в этих периодах симметрическое соответствие сравниваемых понятий.

Еще любопытнее для нас такие периоды, в коих ясно отношение внутреннего содержания к грамматической форме, напр. с и м в о л и ч е с к и е периоды в третьем слове Кирилла Туровского (Памят. рос. слов XII в., с. 21): *Ныня солнце красуяся къ высотѣ възсходить и радуяся землю огрѣваетъ, възиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующая ему спасаетъ*. Части периода относятся друг к другу как члены параллелизма, ибо символизм предполагает параллельное соответствие между таинственную мыслью и образом: солнцу соответствует Христос; *къ высотѣ възсходить — възиде отъ гроба; землю огрѣваетъ — вѣрующая спасаетъ. Ныня зима грѣховная покаянiемъ престала есть и ледъ невѣрiя богоразумiемъ растаяся; зима убо язычьскаго кумиролуженiя апостольскимъ учениемъ и Христовою вѣроу престала есть, ледъ же Ѳомина невѣрiя показаниемъ Христовъ ребръ растаяся*. Это период изъяснительный, ибо во второй части объясняются и распространяются слишком сжатые символические выражения первой части. Так как объяснение предполагает во второй части развитие той же мысли, что и в первой, потому здесь части периода соответствуют друг другу, как члены параллелизма синонимического: *зима грѣховная покаянiемъ престала есть — зима убо язычьскаго кумиролуженiя апостольскимъ учениемъ и Христовою вѣроу престала есть*. Как пер-

вый член первой части соответствует первому второй части, так второй — второму. *Зима грѣховная, лед невѣрія* — символическое определение и родительный падеж символа. *Днесь весна красується, оживляючи земное естество; бурніи вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобьзують и земля сѣмена питающе зеленую траву ражааетъ. Весна убо красная вѣра естъ Христова, яже крещеніемъ поражааетъ челоувѣческое паку естество; бурніи же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаяннемъ претворшеса на добродѣтель душеполезныя плоды гобьзують: земля же естества нашего, акы сѣмя слово божіе приимши и страхомъ его присно болящи, духъ спасенія ражааетъ.* В первом периоде проповедник представляет картину природы, бросает взгляд на природу очами внешними; в следующем же периоде оживляет эту картину внутренним, символическим значением: *весна — вѣра Христова, бурніи вѣтри — грѣхотвореній помысли, земля — земля естества нашего*, т. е. душа. Картина природы в первом периоде соответствует символические преставления второго периода: весна оживляет природу — христианская вера человеческое естество; тихие ветерки лелеют плоды — добродетель возвращает спасение души; земля, питая семена, траву изводит — душа человека, прияв слово божие, болящая страхом божіим, рождает дух спасения. Таково символическое соединение двух периодов.

Течение ораторское также наблюдалось и в старину, напр. в Сл. о полку Иг.: 1) симметрическая постановка глаголов на конце предложений: *зари свѣтъ за п а л а, мѣгла поля по к р ы л а, щецокъ славій у с п ѣ, говорѣ галичь у б у д и; рано еста начала Половецкую землю мечи ц в ѣ л и т и, а себѣ славы и с к а т и; нѣ нечестно о д о л ѣ с т е, нѣ не честно бо кровь поганую п р о л і я с т е* (и стройный противительный период); *ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалужѣ с к о в а н а, а въ буести за к о л е н а; Всеславъ князь людемъ с у д я ш е, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влѣкомъ р ы с к а ш е.* Стройность последнего периода дополняется тавтологиею *судяше — рядяше* и дактилическим окончанием *рыскаше*; 2) глаголы в начале предложений: *с т о и ш и на борони, п р ы щ е ш и на вои стрѣлами, г р ѣ м л е ш и о шеломы мечи харалужными.* Тоже с дактилическим окончанием; 3) в противительном соединении следующее предложение начинается тем же словом, которым оканчивается предыдущее: *Немизѣ кровавѣ брези не бологомъ бяхуть п о с ѣ я н и, п о с ѣ я н и костыми русскихъ сыновѣ;* 4) период оканчивается обращением с звательным падежом: *велить послушати земли незнаемѣ, Влѣзѣ, и поморію и посулю, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Т ѣ м у т о р о к а н ь с к ы й б л ѣ в а н ѣ!* — *не былонѣ* (не было оно) *обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ. ч ѣ р н ы й в о р о н ѣ, п о г а н ы й П о л о в ч и н е!*; 5) повторение при исчислении дней до третьих суток: *бишася день, бишася другый, третяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы.* Слич. в Краледворск. рук., 66: *i minu den prui i minu den vteri i kdaz za trsietem luna wnocі biese* — и минул день первый, и минул день второй, когда же за третьим луна в ночи была; *ibid.*, 72: *i minu den i minu*

den vteri i po trisietiem dni kehdisie zatemnise noc — и минул день, и миную день второй, и по третьем дне, когда затемнела ночь; 6) дактилические окончания периодов: *орьтъмами и япончицами и кожухы начаяше мосты моститц по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорочы половѣцкымъ; чрьленъ стягъ, бѣла, хорюговъ, чрьлена чолка, сребрено стружіе храброму Святѣславльчю; Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влѣкомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великѣмъ*. Попытки разложить Сл. о полку Иг. на стихи только частью удавались: по крайней мере никто не отвергнет в некоторых местах соответственного, симметрического течения предложений:

*Высоко плаваеши на дѣло в буйѣсти
яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся,
хотя птицю в буйствѣ одолѣти.
суть бо у ваю желѣзныи пѣпорзи,
подѣ шелома латинскими.
тѣми тресну земля и многи стрѣны;*

7) рифмы в периодах, составленных из пословиц, напр. в Сл. Даниила Заточ.: *а князь скупъ, аки рѣка, великъ брегъ имущъ каменны не лзя п и т и, ни коня н а п о и т и*.

Речи наших предков отличаются краткостью; напр., Новг. лет., 48: *или вы собѣ, а мы собѣ*; 50: *придоша кождо десятыи въ домы своя*; Пск. лет., 217: *а наши головы въ ихъ головы*; Закон Иоан. III: *и та отпустная грамота в отпустную; та грамота не въ грамоту* (изд. Калайдовича и Строева); 8) Самое соединение предложений, при видимой неправильности, много способствовало краткой выразительности: Новг., 60: *а Юрьи князь вда плечи, или перевѣтъ былъ въ немъ, то богъ вѣсть*; 70: *избиша корѣла городчанъ, кто былъ Руси въ Корѣльскомъ городкѣ*. Впоследствии времени витиеватость и претензии на образованность испортили старинный период. Разительный пример тому предлагает начало грамоты о избрании Михаила Федоровича: *Великого Господа бога отца, страшнаго и всеилнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свете неприступнемъ, въ превелицей и въ превысочайшей, и велѣлѣнной и святей славе величества Своего, сидящаго на престоле Херувимстемъ съ превѣчнымъ и едиnorodнымъ Своимъ Сыномъ, господемъ нашимъ Иисусъ Христомъ, и зѣ Божественнымъ и животворящимъ Своимъ Духомъ, имъ же вся освящаютца, единосущныя и нераздѣльныя Троица, равно божественныя, и равно честныя, и равно сопрестольныя, и равно сильныя, и равно совѣтныя, и равно дѣйственныя, и равно сущныя и соприсносущныя, и собезначальныя и единоначальныя, и трисоставныя, и нераздѣльныя, въ триехъ составехъ единого Божества, Царя царствующимъ и Господа господствующимъ, непреодоленнаго, и всякие силы крепчайшаго Имъ же Царие царствуютъ и величьи величаются, сего въ Троице приснославимаго бога нашего недоумеваемыми и недоувѣдомыми судьбами, и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ всяко создание отъ небытия въ бытие создаваецца, и отъ несущихъ въ существо приводитца, и отъ*

рода въ родъ лѣтами исчисляюща; отъ Него жъ приимша земля наша Русская своими Государи обладаема быти, ихъ же великихъ Государей, Царей российскихъ, корень изыде отъ превысочайшаго Цесарскаго престола, и прекрасноцвѣтущаго и пресвѣтлаго корени Августа Кесаря, обладающаго всею вселенною¹. Такимъ образомъ, кроме периода библейскаго, надобно отличать народный безыскусственный и впоследствии витиеватый, напыщенный, отягощенный иностранною конструкціею. Ломоносовъ далъ искусственную, классическую раму неустроенному периоду; преобразование это въ отношеніи къ периодамъ-варваризмамъ было благодетельно; въ отношеніи же къ народной безыскусственной речѣ — вредно. Надобно было возвратиться къ древнейшему построению речи старинныхъ нашихъ памятниковъ; это совершено было уже Карамзинымъ въ Ист. гос. Рос.

ИСТОРИЯ АРХАИЗМОВЪ

Какъ въ старинныхъ памятникахъ церковнославянскихъ, въ летописяхъ, посланіяхъ и особенно юридическихъ актахъ постоянно попадаются русскія реченія между церковнославянскими, такъ и въ народной речѣ какъ архаизмы рассеяны славянизмы, напр. въ Др. рос. ст. звуки *е* вм. *о*: *единѣ*; *я* вм. *ѣ*: *ясти*; *щ* вм. *ч*: *хощетѣ* и пр. Склоненія: ед. им.: *мати* (373); ед. род. женск.: *со тыя горы со высокія* (210); *только ты дай мнѣ загонѣ земли, непаханья и неоранья* (5); ц.-сл. зват. вм. имен. и ц.-сл. винительн.: *а то коли тебѣ господи дочерь дасть* (253); местн. падеж: *на славной Волгѣ рѣкѣ на верхней, изголовѣ на Бузанѣ островѣ* (106); а въ другомъ мѣстѣ уже предложн.: *въ тѣхъ устьяхъ Тобольскихъ на изголовѣ становилися* (116); множ. творит.: *со вдовы честны, многоразумными* (8); двойств. число: *двумя братцами родимыми, дву удалыми Борисовичи* (34, также 35); *а при немъ только было казаковъ на дву коломенкахъ* (122); *сестра тебѣ Волга челобитье посылаетъ двою* (267). Спряженія: неокончателное наклоненіе весьма часто на *-и*: *стали пити, ясти, прохлаждатися* (154); *сужено поняти, подѣ златѣ вѣнецѣ стати, законѣ божій пріяти, любовно жити, дѣтей сводити* (397); прошедшее описат.: *еще имали были свои добрые кони* (404); *а поѣхали были на своихъ добрыхъ коняхъ* (ibid.); ц.-сл. безличн.: *не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить* (163); NB: на с. 186: *убихъ* — вероятно, ошибка. Архаизмы въ частицахъ: *и паче мнѣ брата родимаго* (75); *князю дары полюбилися, а княгинѣ наипаче того* (5); *и тому татары дивуются наипаче того* (117); *почто увезѣ ты Настасью Дмитріевну?* (142); *почто онъ платьѣ снимаетъ?* (43); *вельми онъ Иванъ закручинился* (137); *а Иванушки пономаря здѣ же нѣтъ* (384); *ради корысти своя* (109); *и буде же я васъ побью* (78); *а есть ли бо не дожدهшься въ шесть лѣтъ, то жди меня въ двѣнадцать лѣтъ* (198): не испорченное ли если бы?

¹ Собрание госуд. грамотъ и договоровъ, I, с. 599.

Ломоносов отделил церковнославянский язык от русского¹: «Российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: в ы с о к о й, п о с р е д с т в е н н о й и н и з к о й. Сие происходит от трех родов речений российского языка. К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, напр.: *бог, слава, рука, ныне, почитаю*. Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, напр.: *отвержаю, господень, насажденный, зываю*. Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: *обаваю, рясны, овогда, свене* и сим подобные. К третьему роду относятся, которых нет в остатках славянского языка, т. е. в церковных книгах, напр.: *говорю, ручей, которой², пока, лишь*». Из первого рода речений, по Ломоносову, составляется слог с р е д н и й, из второго — в ы с о к и й, из третьего — н и з к и й; следов., церковнославянский язык входит в русский как стихия, образующая в ы с о к и й слог. Архаизмы в одах Ломоносова: *вся тварь со многим страхом внемлет; вещает ветхий деньми к ней; мой гнев на кротость преложила; пробавил милость в людях сих; послы святую благодать; полки противных отжени; уже со многими народы; избавльшия богини зрак; гордыню сопостатов стерти; и время твоя державы да ублажат раби твои; внуши народов многих глас, и пр.*

Жуковский, кроме ц.-сл. *брег, глава, криле* (двойств. число) и др., употребляет след. архаизмы: *защитой б о града единый был Гектор*; дат. самостоят.: *смотрит (судно) в глубокой дол, в глубокую мглу Ахерона; вдруг с волной упадает и, к р у г о м в з г р о м о ж д е н о м у м о р ю, видит как будто из адския бездны далекое небо* («Ценкс и Гальциона»), Но *...б о г а м о т в р а т и в ш и м с я, поздно вверяться надежде*: т. е. когда отвратились боги, не вверяйся надежде. Слич. Мерзлякова в переводе идиллии Мосха «Европа»: *в л а с а м р а с п у щ е н н ы м, трепещуща бледна, кличет подружек*. У Пушкина в «Борисе Годунове»: *н и к а я казнь меня не устрашит; да правлю я во славе свой народ*. Царь Иоанн искал успокоенья *«в п о д о б и и монашеских трудов»*; царю *едино зримый*; *з а н е святой владыка пред царем во храмине тогда не находился; на н е к о е был послан послушанье; буду царем на Москве; ты мне была единственной святыней, пред н ей же я притворствовать не смел*. Слич. в «Фаусте»: *таков вам положен предел, е г о ж никто не преступает*. В подражании Данте: *и полные святыни с л о в е с а*. В «Истории Пугачевского бунта»: *подкоп был приведен в д е й с т в о; бедствие разгорелось с в я щ и щ е ю силою; о б щ е с капитаном*; неоднократно употребляются *дабы, таковой* и проч. У Лермонтова в «Герое нашего времени»: *я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чаю, и б о со мной был чугунный чайник*.

¹ «О пользе книг церковных в российском языке».

² Который попадаетея в Остромировом евангелии.

С большей подробностью предлагаю извлечение архаизмов из Ист. гос. Рос., под коими разумею намеренно заимствованное Карамзиным из старинных наших памятников¹. В этих выражениях надобно обратить внимание на народный склад в древней форме, на переход архаизмов к речи народной.

1. Образование слов: а) с краткими окончаниями: *новоук* (V, 56; IX, 362), *примысл* (V, 221), *рассуд* (VIII, 249), *прыск* (IX, 179); б) с особенными окончаниями: *женище* (IX, 274); в) сложные слова: *скородом* (X, 271), *двоемыслие* (XII, 96), слич. Ипатьевск. лет., 192: *Андрееви же надвое будущу*, *ibid.*, 218: *я не двоярѣчи*.

2. Значение слов: а) архаизмы: *обручи* (I, 154), *извод* (II, 65), *ротники* (III, 275) и мн. др.; б) русские слова взамен варваризма: *смирное платье* вм. *траур* (IX, 139), *копать борозды* вм. *вести траншеи* (IX, 331 и 332); *кувшины с зельем* вм. *гранаты* (IX, 337) и пр.; в) народные слова: *прохлада* вм. *удовольствия* и *удобства жизни* (IX, 6); г) слова, расширяющие свое значение: *развод* (VII, 42), *урок* (VIII, 20).

3. Описательные формы: *держатъ страх* вм. *страшиться* (V, 201); *водить круги* вм. *кружиться* (VIII, 164).

4. Постоянные эпитеты: *к милым ближним* (I, 139) — из договора Олега с греками, в коем сказано: *да возвратитъ имене къ милымъ ближникамъ въ Русь* (по Кенигсб. сп., 31). В подлиннике лучше, ибо вместо двух прилагательных стоит существительное с прилагательным.

5. Украшающие эпитеты: *сабли светлые* (VI, 308), когда они блещут во время битвы. Слич. постоянный эпитет в обычном выражении у лужичан: *ze swjetlym mečom zejhrawač*².

6. Тавтология: *возить повоз* (I, 224), *судил и рядил землю* (VII, 181).

7. Обычные выражения: *от мала до велика* (XII, 257).

8. Изобразительные выражения вместо отвлеченных: *отер пот* вм. *успокоился от трудов* (II, 19).

9. Выражения, соответствующие древнему быту: а) *старина* в смысле древних обычаев и прав; б) быт воинский: *седлами закидают* (III, 156), *стояли всю ночь за щитами* (III, 157), *взяв их землю на щит* (VI, 128), *стояли россияне на костях* (IV, 101; V, 72), *племянник кует копие на дядо* (V, 217), *унять меч*; в) мир и согласие: *князья ростовские и ярославские со мною один человек* (V, 42); г) понятия нравственные: *не можем играть душою* (II, 232), *связать душу Васильеву крестом и евангелием* (V, 325).

10. Выражения, соответствующие некоторым историческим фактам: *с того времени сие место, в память ее, называлось заразом* (III, 278), *голод, названный в летописях*

¹ Слич. извлечение, предложенное выше.

² Haupt und Schmaleger. Volkslieder der Wenden. 1841, I, с. 319.

рослою рожью (IV, 241), легат от ребра апостольского (V, 292), (греки) замешали Русскую землю (VII, 181) и мн. др. Карамзин так осторожен в своих частых выписках из древних памятников, что по большей части объясняет их для читателя из боязни быть непонятым; от того бывает иногда неловкость; особенно если филологическое толкование вкладывается в уста исторического лица: *не заплатил ли я ему выхода или царской пошлины?* (IV, 179). Гораздо лучше объясняется это слово в Др. рос. ст., 32, набором синонимов: *дани, невыходы, царски невыплаты.*

Если мы сличим архаизмы у Ломоносова, у Карамзина и у Пушкина, увидим естественную последовательность, с какою вкоренялись они в письменный язык. Старинные формы в одах Ломоносова и в Ист. гос. Рос. иногда останавливают читателя, ибо не везде связываются органически с предыдущим и последующим; Пушкин внутреннюю, живую связь связал славянизмы с народной речью.

СТИХИИ ЧУЖЕЗЕМНЫЕ

Язык есть выражение не только мыслительности народной, но и всего быта, нравов и поверий, страны и истории народа. Единство языка с индивидуальностью человека составляет народность. Искренние, глубочайшие ощущения внутреннего бытия своего человек может выразить только на родном языке. Внутренняя нераздельность языка и характера народа особенно явствует из отношения языка к народной образованности, которая есть не иное что, как непрерывное развитие духовной жизни, а вместе с тем и языка¹. Если образованность вышла не из внутренней потребности народа, а привита извне, то и в язык вместе с понятиями входит множество слов чуждых, невразумительных для народа, отягощающих речь, как лишний нарост. Простой народ никогда не понимает этих иностранных или же на иностранный образец сработанных слов и употребляет их некстати и невпопад. Сличите новые технические термины с простонародными названиями ремесленными или земледельческими: в первых натяжка, условное значение, неясность, вялость; в последних легкость, простота, глубина и жизнь. Все, что развивается в языке органически само из себя, есть выражение народного ума и быта и потому удобопонятно само по себе; занесенное же и насильственно изобретенное умствующим рассудком содержит в себе, подобно монете, только условное значение. Слова заимствованные, как поддельные цветы, не коренятся в языке, ибо народ не знает ни роду их, ни племени, не сочувствует корню, от которого они происходят; стоят они как сироты, не будучи окружены производными от себя или сродными по корню. Впрочем, наука запрещает пристрастно нападать на варваризмы и упрямо изгонять их из всеобщего употребления, заменяя их своими словами, вовсе обветшалыми и, следов., непонятны-

¹ Слич.: Беккер. Organism der Sprache, § 6.

ми, или же словами родственных нам племен; напр., у чехов есть прекрасные слова для *элемента, эпохи* — *живел, доба*, но кто же их поймет по-русски, кроме занимающегося филологией? Как приориты в новейшем слоге мужицкие поговорки, так же несносны и педантские варваризмы, которые противны читателю наравне с непонятными архаизмами и провинциализмами. Только гении и великие писатели дают иностранным словам право гражданства смелым нововведением. Дело науки определить значение варваризмов в историческом развитии языка.

История варваризмов стоит в тесной связи с историей народа. Позднейшие народы поневоле должны заимствовать образованность у предшествовавших; потому к внутреннему развитию присоединяется чуждое влияние, к народному языку — варваризмы. Исторические перевороты сближают один народ с другим враждебно или дружелюбно и заставляют их меняться мыслями и словами: опять втесняются варваризмы. Но так как в языке есть особенная живительная сила, потому всякий варваризм он старается подчинить своему собственному организму звуков; так, напр., в иностранных словах: 1) нетерпимые нами *ф* и *ө* заменяем мы звуками сродственными *п* и *т*: *Степан* вм. *Стефан*, *театр* вм. *өеатр*; 2) тонкий гласный звук вм. *г* с гласным: *Юрій* вм. *Георгій*, *Гюргій*; 3) в избежание стечения гласных вставляем *в*: *Иванъ* вм. *Іоаннь* или 4) употребляем тонкий гласный вм. *і* с гласным: *Ерданъ* вм. *Іорданъ*, *Ерусалимъ* вм. *Іерусалимъ*; 5) отбрасываем начальный гласный: *патрахиль* вм. *епитрахиль*, в старину *пискупъ* вм. *епископъ*; 6) отбрасываем окончательный *с*, напр. *Христа*, *Христу* вм. *Христоса*, *Христосу*; 7) *я* вм. *а* после *і*: *христіянскій* вм. *христіанскій*; 8) изменяем дебелий гласный в тонкий после дебелого: *Генуя* вм. *Генуа*; 9) одинокий звук вм. удвоенного: *субота* вм. *суббота*; 10) изменяем *р* в *м*, *н* для избежания двух *р* в одном слове: *ярмонка* вм. *ярмарка*, *февраль* вм. *февварь* и проч.

До сих пор еще не решено строгим филологическим изучением, сколько вошло в старинный наш язык из немецких наречий, из языка половецкого, татарского и др. По крайней мере положительно означены гречизмы в «Грамматике языка славянского» Добровского. Собственные имена иностранные вторгаются к нам вместе с первыми князьями варяжскими. Около половины X в. на Руси говорили уже на двух языках. Константин Багрянородный в книге «О правлении» сообщает имена днепровских порогов на славянском и русском языке; по-славянски 1-й назывался *эссуни* (*нессуни, не спи*), 2-й — *островуни прагъ* (островной праг), 3-й — *геландри* (по-исландск. значит 'шумящий?'), 4-й — *неасить* (не-ясыть, или пеликан), 5-й — *вульнипрагъ* (вольный праг), 6-й — *веруци* (*βεροντιζη*, quasi dicas aquae scaturigo: ручей, вертящий?), 7-й — *напрези* (напрягай?); по-русски 1-й также *эссуни*, 2-й — *ульворси* (*гульворси?* сканд. *гольмъ* — остров, *форсъ* — порог?), 4-й — *аифаръ* (древнемецк. *aelfar* — анст), 5-й — *варуфоросъ* (сканд. *var* — тихий, смиренный, *fors* — порог?), 6-й — *леанти*

(от глагола *lain, lein* — течь сильно, кипеть?), 7-й — *струвунъ* (готск. *stroup-on* — навязывай?)¹.

Христианство нанесло решительный удар грубой древнейшей народности нашей, ниспровергнув старобытных богов, чтимых и любимых народом². Эти боги тесными узами связывались с преданиями, обычаями, законами; им посвящены были леса и воды; имена их возникли в языке народном и срослись с ним. От всего этого надобно было отказаться перед лицом новой религии и даже признать смертным грехом то, что недавно почиталось великим и правым. Но древнейшее первобытное несполна погибло в народе; оно заменило ему поэзию и стало темной стороною верования — демонологиею. Таким образом, поразивши старобытную народность, христианство не уничтожило ее; выступив вперед своим божественным светом, оно только оттенило ее, отодвинуло вдаль; слияние христианства с народностью набросило на характер народа гармоническую светлотень. Названия и выражения, вошедшие к нам с христианством из Византии, не могли долго оставаться чуждыми для народа; церковь и молитва от ранних лет сродняли русского с грецизмами. Притом надобно заметить, что древнейшие переводчики св. писания берегли чистоту языка славянского и хорошо понимали отличие его от греческого, чему служат свидетельством слова Иоанна, Ексарха болг.³: «Небо равнь ся может присно полагати елиньскъ языкъ въ инъ прелагаемъ и всякому языку въ инъ прелагаему тоже бываеть. Небонъ иже глаголь въ иномъ языцъ краснь, то въ друзъмъ некраснь; иже въ иномъ страшнь, то въ друзъмъ нестрашнь; иже въ иномъ чьстьнь, то въ друзъмъ нечьстьнь... небо есть лъзъ вьсьдѣ съмотрити елиньска глагола, нъ разума нуждя блюсти; придеть бо другойци мужьско имя гръчьскы, а словеньскы женьско, да преложьше мужьскомъ именемъ, якоже лежить гръчьскы, на велику исказу придеть преложенье». Согласно с этим свидетельством действительно находим в древнейшем языке при удивительной гибкости самостоятельную, неподатливую упругость при переводе с чужого языка.

1) В отдельных словах: вот как метко и народно переводятся латинские слова славянскими в глоссах Mat. verb.: *cridlatec* (кридлатец) — *pegasus*; *lada* — *venus*, *dea libidinis*, *cytherea*; *morana* — *Ecate*, *trivia*, *hecate*; *perun* — *iupiter*; *peuci* (певцы) — *lirici*, *poete dicti*; *poludnice* — *Driades*, *dae siluarum*; *premena* (перемена) — *metonomia*; *prenozz* (пренос, перенос) — *metaphora*; *pretvora* — *metamorphosis*; *prizloue* (присловие) — *proverbia*, *adagia*; *radihost* — *mercurius*; *sytiwrat* — *saturnum pagani illum esse aiunt*; *scladane* (складание) — *poeta*; *zmutna* (смутна) — *tragedia*; *suatouyt* (сватовит) — *Ares*, *bellum*, *mauors*; *trenosca* (треножка) — *tripodes*;

¹ Карамзин. Ист. рос. Рос., т. I, прим. 102.

² См: Гримм: Deutsche Mythologia, с. 3 и след.

³ Издание Калайдовича, с. 10.

trezubec (трезубец) — *tridens*; *veless* — пан, *umago hircina*; *vitez* — *heros, victor*; *zuoba* (своба) — *feronia, dea paganorum*; *siva* (жива) — *Dea frumenti, ceres*.

2) Грамматическое построение¹: а) местоимение *ся* при глаголах относится ко всем трем лицам: *не могу аз в себѣ творити ничесоуже* (Иоан., 5, 3); *в себѣ* — ἀλλήλων; *Марка поем приведе съ собою* (2 к Тим., 4, 11); *съ собою* — μετὰ σεαυτοῦ; *всегда бо нищихъ имате с собою* (Матф., 26, 11); *с собою* — *vobiscum μετ' ἐαυτῶν*; б) равномерно и притяжательное *свой*: *умерщвляю тѣло свое* (1 к Кор., 9, 27, исправл. мое); *простру руку свою* (Иезек., 25, 13, исправл. мою); в) двойное отрицание, напр. в Остром. ев., л. 2: *и без него ничтоже не бысть*; в нынешнем же исправленном тексте: *и без негъ ничтоже бысть* — согласно с подлинником: καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲ ἓν; г) родительный падеж при действительном залоге с отрицанием, тогда как по-гречески винительный: *ниже имамъ душе моею честны себѣ* (Деян., 20, 24) — οὐδὲ ἔχω τὴν ψυχὴν μου τιμῶν ἑαυτῶ, но после в Острожском тексте и в исправленном сходно с греческим: *душу мою честну*; д) прилагательное притяжательное *вм. греч. родительного существительного* — Драгомирск. код.: *любы мирскаа вражда божіа есть* (Иак., 4, 4) — ἡφιλία τοῦ κόσμου ἔχουα τοῦ θεοῦ ἐστίν; е) дательный *вм. греч. родительного*: *свѣтъ всемоу миру* (Остром. ев., л. 55) — τὸ φῶς τοῦ κόσμου; ж) дательный самостоятельный *вм. греч. родительного*: *дню же бывшу* (Матф., 11, 7) — ἡμέρας δὲ γενομένης, *die exorto*; з) творительный *вм. имени или местоимения с предлогом*: *егда званъ будещи кымъ* (ὄλο τινος) (Лук., 14, 8); и) порядок слов в древнейших списках также более отстывает от греческого: *суху руку имый* (Матф., 12, 10) — τὴν χεῖρα ἔχων ξηραν, а в позднейших уже: *руку имый суху*, и проч.

1. Грецизмы в церковном языке

Грецизмы в св. писании: 1) единств. число глагола при множеств. сред. р. подлежащего: *вся, елика аще творить успѣетъ* — κατενοθεῖσεται; 2) *иже, яже* для выражения греч. члена: *во еже быти ми служителю* (к Рим., 15, 16) — εἰς τὸ εἶναι με. Слич: *всегда глаголати имъ мнѣ* (Псал., 41, 11) — ἐν τῷ..., *вм. егда глаголаху мнѣ*, как в Вен. псалт.; 3) именительный падеж *вм. творительного*: *егда и вы хотите оученици его быти* (Остром. ев., л. 40) — μὴ καὶ ὑμεῖς ἐθέλετε αὐτῷ μαθηταὶ γενεσθαι; 4) винительный *вм. творительного*, напр. *чашу* *вм. чашею*: *ниже колижѣдо напоить единого отъ мальшихъ сихъ чашъ студены воды* (Остром. ев., л. 68) — καὶ ὃς ἐὰν ποτίσῃ ἓνα τῶν μικρῶν τούτων ποτήριον ψυχροῦ ὕδατος; *напоить вы чашъ воды* — ποτίσῃ ὑμᾶς ποτήριον ὕδατος (ibid., л. 249); 5) греческий винительный пад.: *окропле ни сердца, измовени тѣлеса* (в старин. издан. к Евр., 10, 22, 23) — ἐρραντισμένοι τὰς καρδίας, λελουμένοι τὸ σῶμα, и проч.

¹ По «Грамматике языка славянского» Добровского.

2. Время

К древнейшим варваризмам принадлежат названия месяцев: уже в Остром. ев.: *априля* (л. 270), *февруара* (л. 264). Из этого памятника ясно видно, как иностранные названия месяцев объясняются еще своими собственными: *до мѣа августа рекомааго зарева* (л. 210); *мѣа еноуара просиньца рекомааго* (л. 256). Должно заметить к чести наших предков, что они долго удерживали славянские названия; так, в Обиходе, рук. XIII в.¹:

<i>сентябрь</i> ркомыи	<i>рюинъ</i>	<i>мартъ</i> ркомыи	<i>сухии</i>
<i>октябрь</i> —	<i>листопадъ</i>	<i>априль</i> —	<i>брезозоръ</i>
<i>ноябрь</i> —	<i>груденъ</i>	<i>маи</i> —	<i>травенъ</i>
<i>декабрь</i> —	<i>студенъ</i>	<i>июнь</i> —	<i>ізокъ</i>
<i>генварь</i> —	<i>просинечь</i>	<i>июль</i> —	<i>червенъ</i>
<i>февраль</i> —	<i>сѣченъ</i>	<i>августъ</i> —	<i>заревъ</i>

Те же самые славянские имена месяцам в Синодальном евангелии 1144 г.

Примечание. Значение славянских названий²: 1) *рюенъ* — сентябрь, иллир. *rijan* от глаг. *рюю*, чешск. *řige*, о крике оленей, ибо тогда олени в течке бегаются и *ревут*; впрочем, не худо обратить внимание на следующее место в одном старом переводе византийской летописи: *по сихъ же просѣдошася нашествія варварская. и наки дохнувша вихри отвсюду и шумы воспущаху и руюнїя творяху*; по Раковецкому в Rusk. Prawd., 57, знач. 'плачущий, влажный', слич. рус. *рюмить*, слич. сербск. *руино вино* — желтоватое вино; в глоссах Mat. verb. *ruien* и чешск. нынешн. *řigen* — октябрь; 2) *листопадъ* — октябрь сохранился не только в Славонии и Далмации, но и в Богемии; только в последней, равно как в малорус. и Польше, означает ноябрь; 3) *груденъ* — ноябрь, может быть, от груди, смерзшейся земли; в летоп.: *пойдоша на колѣхъ, а по грудну пути* (хотя на колесах, однако по снегу), *бѣ бо мѣсяць груденъ* (Ист. гос. Рос., т. II, прим. 182); у славян паннонск. зн. сентябрь; в Кроаце, Крайне, Польше зн. декабрь; у чехов — и январь; 4) *студеный* — декабрь; по Фойгту, славонцы называют этим именем ноябрь; 5) *просинець* — январь, по Добровскому от *просить*; по Карамзину — от *проса*; по Раковецкому — от *синий, синевы небесной*; или, может быть, от иллир. *prosinieti* — *illuminare*, ибо в этом месяце прибавляется день; по-чешски зн. декабрь; 6) *сѣченъ* — февраль, по Добровскому — от *сѣку*; сохранился у краинцев, иллирийцев; у поляков *styczeń* — январь; по-чешск. этот месяц наз. *ainor* или *inor*, в глоссах Mat. verb. *inor* — производят от *нора, нориться*; 7) *сухой* — март, по-кроатски *szussecz*, по-краински *sushez*; 8) *брезозолъ, березозолъ* — апрель, по

¹ Восток. Опис. рус. и слав. рукописей. Рум. муз., с. 404.

² См: Добровский. Slowanka, т. I, с. 70 и след.; Карамзин. Ист. гос. Рос., т. I, прим. 159; Юнгман. Чешский словарь.

Добровскому — от *бреза* или *береза* и непонятого *золъ*, может быть, сродного с *зеле*, *зеленый*; по другим — от прилагат. *březj* — беремный, стельный; в Богемии *březen* — март, еще в глоссах Mat. verb.; малорус. тоже *март*; 9) *травенъ* — май; у кроатов *traven* — апрель (*mali traven* — малый травен), у краинцев также *mali travn*, а май — *weliki travn*. Иллиры в Далмации, Славони называют апрель *travn*, а май *svibaň*; 10) *изокъ* — июнь; Добровский не знает происхождения этого слова и ждет от русских производства его. Калайдович полагает, что была птица *изок*, основываясь на тексте из Иоанна, Ексарха болг.: *егда слышимъ пѣснивыи птице, различными гласы поюще пѣсни красныи: славіе же поюще, косы же и сое, влѣгы и жлѣны, щоры же и изоки, ластовицы же и сковраньце, и ины птице*. Должно заметить, что *изок* значит у нас еще 'кузнечик', 'стрекоза', 'une cigale'; 11) *червенъ* — июль, по Добровскому — от *червь*, по другим — от *червонный*, красный; и у богемцев прежде *červen*, *weliký červen*, а потом *červenec*; по малорус. *червецъ* и по-польск. *czerwiec* зн. июнь; 12) *заревъ* — август, по Добровскому — от *реву* (об оленях), частица *за* означает начало; по другим — сродно с *зарницею*; у богемцев *zařj*, *zařig* — сентябрь, в глоссах Mat. verb. *zarui* — september mensis. Добровский предполагает, что все эти названия первоначально принадлежали паннонским славянам, от коих через кирилловские литургические книги перешли к другим славянам. Обратит внимание на то, как одно и то же название по различным славянским племенам давалось различным месяцам: причиною тому разность в природе и временах года. Кроме этих названий, есть еще многие другие, см: Alters Beitrag zur prakt. Diplomatik für Slawen, 1801, с. 98—110; Eccardi hist. stud. etymol. Ling. germ., с. 275—305; Карамзин. Ист. гос. Рос., I, прим. 159. Надобно заметить, что у нас гораздо менее переверотов случилось с названиями недельных дней; по крайней мере, не можем исторически определить, какие были в период языческий.

3. Науки и искусства

Вместе с религией в нашу вообще книжную ученость исстари вошло множество иностранных слов и оборотов. Грамматические, риторические, философские и другие термины суть в а р в а р и з м ы.

Еще Иоанн, Ексарх болг. с греческого перевел грамматическую терминологию: *имя* — ὄνομα, *рѣчь* (глагол) — ῥήμα, *причастіе* — μέτοχη, *различіе* (член) — ἄρθρον, *мѣстоимене* — ἀντωνυμία, *предлогъ* — πρόθεσις, *нарѣчіе* — ἐπίρρημα, *связъ* — σύνδεσμος¹. У Максима Грека *членъ* вм. *различіе*, *вмѣстоимень* вм. *мѣстоимене*, *прирѣчіе* вм. *нарѣчіе*² и проч. Изборник Святослава (1073) дает материалы для риторической терминологии³: Георгія Хоуровска

¹ Издание рус. и слав. рукописей Калайдовича, с. 76.

² Восток. Опис. рус. и слав. рук. Рум. муз., с. 370.

³ «Журн. Мин. нар. просв.», 1836, № 2.

о образѣхъ. Творьчѣстїи образи суть кѣз(27): 1) *инословик*; 2) *прѣводъ* (метафора); 3) *напотребик*; 4) *приятик*; 5) *прѣходьнок*; 6) *възвратъ*; 7) *сѣприятик*; 8) *снѣятик*; 9) *именотворик* (опомато-реїа); 10) *сѣтвореник*; 11) *въименомѣство*; 12) *отъименик* (метонимия); 13) *въспятословик*; 14) *округословик*; 15) *нестатѣкъ*; 16) *издрядик*; 17) *лихорѣчкъ*; 18) *притѣча*; 19) *прикладъ*; 20) *отъданик*; 21) *лицетворькъ*; 22) *сѣлогъ*; 23) *поруганіе* (ирония); 24) *видъ*; 25) *послѣдословик*. Для образца приводим определение одного из творческих образов: «*Инословіе* оубо ксть ино нѣчто ꙗллюшти, а инъ разоумъ оуказашти, яко же кже к речено отъ бога къ змии: проклята ты и отъ всѣхъ звѣрии: слово бо акы змии ксть, на диявола же ино рѣчьнѣ змькмъ нарицакма разумѣвакмъ».

Философская и филологическая терминология ведет свое начало от Иоанна, Ексарха болг., от его перевода «Философии» Дамаскина; напр., о синонимах, о многочисленных: «Многоименна же суть елика убо уставомъ приобщаются, именовъ же разнствуютъ, сирѣчь егда таже вещь мнозѣми нарицается именми, якоже мечъ, мечиць, брѣдунъ (вар. бредунъ), сабля, кордъ, ножъ: вся бо сія имена единъ предѣлъ приемлетъ, рекше желѣза обоудникъ, еже есть желѣзо обоуду наострено». Тот же Изборник Святослава содержит в себе много философских названий¹, напр.: *Ма имово о различїи и суштїа и кстьства по вѣнѣшнимъ; о кстьствѣ; о собьствѣ; о лицї; о различїи; о сѣлучанїи; о количьствѣ и о мѣремохъ; о качьствѣ и о творитвьнѣмъ; о сжпротивьныхъ; о оглаголемьныхъ; о сѣименьнѣмъ и кдиноменьнѣмъ оглаголанїи; о кдинородьныхъ и кдиновидьныхъ и инородьныхъ и иновидьныхъ и кѣпнособьныхъ* и проч. Слово *историк* было уже у нас в XII в. Кирилл Туровский объясняет его своим слушателям: «*Исторїи* и ветїя, рекше летописьци и песнотворци». У Курбского о жизни Иоанна Грозного: *кольми паче намъ грѣшнымъ подобаетъ ужасатися, такову т р а г е д і ю* *возвѣщати!*; *ibid.* о злом совете Вассиана Иоанну: *и сеце соплете с и л л о г и з м ѣ* *сатанинскїй*. От пребывания в Литве Курбский привык ко многим полонизмам, напр. *наилѣпшїй*; о приставке *най-* говорит Ломоносов в своей грамматике, § 211: «Новые, превосходные, с польского языка с приложением *наи*, *наилутчїй*, *наичистейшїй*, российскому слуху неприятны».

Многие из технических названий художественных старинные варваризмы: напр., *комары* — *χομάρα*, *стропилы* — *στροφίτες*, *лоб церковный* — *μέτωλον*, *ключ в своде* — *κλεις*, и мн. др.

4. Алфавиты

Наши старинные грамоты с древних времен начали уже составлять словари непонятных для них слов, между коими, кроме варваризмов, хотя попадаютъ архаизмы и речения других славянских племен, однако и те и другие казались в старину варвариз-

¹ Востоков. Опис. рус. и слав. рук. Рум. муз., с. 502 и след.

мами, что можно видеть, напр., из след, рукописи 1282 г.¹: «Речь жидовьского языка преложена на русскую, неразумно на разум»:

ж и д о в ь с к ы :	р у с с к ы :
<i>адамъ</i>	<i>земля въплочена</i>
<i>товола</i>	<i>пища</i>
<i>череща</i>	<i>куща</i>
<i>исполинъ²</i>	<i>силный</i>
<i>ковъ</i>	<i>лестъ</i>
<i>бритва</i>	<i>стриголникъ</i>
<i>неключно</i>	<i>ненадобъ</i>
<i>тина</i>	<i>грязь</i>
<i>зѣло</i>	<i>велми</i>
<i>сусана</i>	<i>сборище</i>
<i>адъ</i>	<i>тма</i>
<i>бисеръ</i>	<i>камень чѣтънъ</i>
<i>гусли</i>	<i>языкъ</i>
<i>тумпанъ</i>	<i>гласъ</i>
<i>конобъ</i>	<i>водоносъ</i>
<i>ликъ</i>	<i>мысль</i>
<i>олтарь</i>	<i>точило</i>
<i>рогъ</i>	<i>сила</i>
<i>штоци</i>	<i>около море</i>
<i>алѣлугиа</i>	<i>хвала бѣу</i>
<i>аминь</i>	<i>право</i>
<i>тсѣ</i>	<i>спѣсъ (спас)</i>
<i>степень</i>	<i>лѣствица</i>
и мн. др.	

Из рукописи 1431 г.³: «Тлъкованіе неудобъ познаваемомъ въ писаныхъ речемъ, понеже положены сжть рѣчи въ книгахъ отъ начальныхъ преводникъ ово словенскы, и ино сръбскы, и другаа блъгарскы и грѣчскы, ихже неудоволишася преложити на рускый». Из этого заглавия явствует, что наши предки сербизмы и болгаризмы ставили в одну категорию с грецизмами. Вот некоторые из этих слов: *васнь* — мню; *качьство* — естество, каковому есть; *количьство* — мера есть колика; *свойство* — что имать кто особно, а иньга не има; *тризна* — страдальство, подвиг; *по строю, по устрою* — по смотрению; *хждожъство* — хытрость; *непщуж* — мню; *еша* — еще; *таимичище, таимичищъ, копеличище* — иже не от законныя жены отроча; *бѣгунъ* —ходец, отходец; *смерчь, павица* —облак кои

¹ К а л а й д о в и ч. Иоанн Ексарх Болгарский, с. 193.

² *Исполинъ* происходит от народа *Spalogum*, у Иорнанда; как чешское *obr*, попадающееся уже в Витенб. пс. XIV в., пс. 18, ст. 6: *iako obr-ut gigas*, от народа абров (*Avagus, Abarus*). Едва ли справедлив Шафарик, производя *obr* от кельтск. *ambro*, потому что тогда по-польски было бы *qbr*, а не *obrzym*, как попадаетея в Псалт. королевы Маргариты.

³ Из Калайдовича «Иоанн Ексарх Болгарский», с. 196, сличенная с Востоковым «Опис. рус. и слав. рукописей Рум. муз.», с. 267, 269.

дждь узносить, облак дждевен, иже воду от море възимаетъ яко в губу и паки проливает на землю (слич. объяснение Памвы Берынды: сморщъ есть сикавка или оболоч, которы з неба спустившися, воду смочет; в Сл. о полку Иг.: сморцы); *ипостась* — състав; *тезъ* — едино; *жупель* — сера; *доблеть* — крепость или мужество; *пронирство* — лукавство; *кычене* — высококоречие славы ради; *презь* — чрезъ; *гаданіе* — съкръвен глагол; *суетно* — кроме потребности некоея, бываемое праздно: яко имя убо есть, вещь же несть; *самолюбіе* — еже к телу страсть и угодное тому; *великодушеньъ есть* — иже на въсеку скръбь приражающуюся могый понести. Некоторые из этихъ объяснений чрезвычайно замечательны своею оригинальностью и многозначительностью. Такие словари непонятныхъ словъ продолжаются у насъ до XVIII ст. под именемъ «Алфавитовъ».

Кроме материаловъ для истории варваризмовъ и архаизмовъ, они любопытны для насъ какъ энциклопедическіе сборники, ибо вместе со словами объясняются в нихъ и самыя предметы.

5. Варваризмы в летописяхъ

Кроме грецизмовъ, в наши летописи и другіе старинныя памятники вошли и инныя чужеземныя реченія. Мономахъ в своемъ Поученіи пишетъ о Всеволодѣ: «Отець мой дома съдѣ изумѣяше пять языкъ въ томъ бо честь отъ инѣхъ земель». В Сл. о полку Иг. упоминаются какіе-то песни иностранцевъ, бывшихъ в Кіеве: «Ту нѣмци и венецици, ту греци и моровѣ поють славу Святѣславлю, кають князя Игоря». Русскому и славянскому в старину противопологались немой, немецъ: «Югра же суть языкъ нѣмъ» (Кенигсб. спис., 146). Любопытно объясненіе нѣмца в глос. Mat. verb.: *nemec, barbarus; tarbus, obtundus, imperitus, stididus* etc, etc. Слич. в глос. Музейной псалтыри XII в.: *nesmluwneho — barbaro*. Наши предки сильно чуждались немецкаго языка, разумея подъ языкомъ вместе и народъ; из множества примеровъ вотъ одинъ: «У насъ то писаное дело, что немецкій языкъ словенскому языку никакъ добра не смыслитъ: и намъ какъ котораго немчина взять себѣ за государя?» (Ист. гос. Рос., т. X, прим. 166).

Примеры варваризмовъ изъ летописей: изъ Новг., 89: *кѹмѣндери*, по Карамзину — *командоры*; 111: *ма ст е р ы дѣлали нѣмецкіи, изъ заморіа, съ новгородскими ма ст е р ы*; 112: (Исидор) *нача зватися л е г а т о с о м ъ отъ ребра а п о с т о л ь с к о г о сѣдалища римскія власти*. Изъ Ипатьевск. лет., 133: *половци напилися бяхуть к у м ы з а*; 158: *и возвратишася во колы ма г ы свои, рекше во ст а н ы*; слич. 186: *во день воскресенія, рекше н е д ѣ л ю*; 183: *к е р е л е ш ь поюща* (вариантъ: *корелесь, кирейлейсонъ*). Эту греческую молитву в старину у насъ певали, *ibid.*, 64: *и тако възваша кирелѣисонъ все полци радующеся, полки ратныхъ побѣдивше, а князя своего живого вѣдяче*; *ibid.*, 154: *и мнѣться яко аэра достигше*; слич. в Похв. словѣ Дмитрію Донскому: *егда же успе вѣчнымъ сномъ великій царь Дмитрій рускыя земли, а э р ъ възмутися*.

Гений языка, не терпя иностранных слов, коверкает их на свой лад; так из испорченного *керелешь, корелесь* образовался глагол *куралесить*. Или же, не понимая их, дает им свое произвольное значение: так, в Уставе церковном, писанном в 1608 г., осуждается ложное толкование слова *кустодія* следующим образом: *что нарекутъ кустодію Пилатову девицу ключницу, то есть ересь; все то не было; кустодія есть воиновъ полкъ, рекше рать* (Восток. в. Опис. рус. и слав. рукописей Рум. муз., с. 717).

6. Варваризмы в народном языке

Варваризмы в Др. рос. ст.: 111 — *капралъ*; 111 — *гвардія*; 117 — *баталія*; 118 — *манеръ*; 126 — *свита*; 247 — *лагери*; 270 — *монеты*; 285 — *кононеры*; 288 — *рота*; 289 — *солдатъ*; 302 — *шкарбъ*; 314 — *со драгунами*; 315 — *маіоръ, генералъ, лагерь, рапортуетъ*; 319 — *карты, тавлея, губернаторъ*. Стихотворения самые обильные варваризмами сочинены уже после преобразований Петра Великого, каковы «Борис Шереметев» (314), «Князь Репнин» (318). Некоторые иностранные слова обрусели, метко соединившись с известными определениями, напр.: 264 — *мастеръ заплечной*; 293 — *плотники мастера*, или с постоянными эпитетами, напр.: *ярлыки скоропищаты*.

7. История варваризмов от Петра Великого

Со времен Петра Великого начинается новый период для истории варваризмов. Они вторгаются толпами и неуклюже громоздятся в русской речи. Любопытно было бы проследить все преобразования Петра Великого в параллели с вторжением варваризмов и таким образом показать, сколько каждое из них привело с собою варваризмов и из какой страны. Весьма поучительно чтение книг того времени, потому что указывает, с одной стороны, насильственную порчу нашего языка, а с другой — богатство и силу его, ибо возле каждого иностранного слова ставилось и русское, разумеется, для того, чтобы чтецы поняли варваризм, так что тогдашняя книга заключала в себе, кроме какого-нибудь своего содержания, и вокаблы. Замечательно отношение отечественных речений к варваризмам: иные варваризмы дошли и до нас, вытеснив перевод русский, ибо и самый перевод был варварский; иные русские речения не допустили укорениться варваризму, задушив его тогда же. Примеры привожу из Устава воинского: *піонеры* (или работники); *корволантъ* (сирѣчь легкій корпусъ); *отдеташовано* (или отдѣлено); *добраго кондувита* (сирѣчь всякія годности); *квалитеты* (или качества); *ауторитетъ* (или власть его); *лагерь* (или станъ); *по инструкціямъ* (порядкамъ); *рендеву-плацъ* (или зборное мѣсто); *ливрантовѣ* (сирѣчь подрядчиковъ); *ваканцъ* (или порожнія мѣста); *маркетенгерамъ* (или харчевникамъ); *въ медицинѣ* (докторствѣ); *навербованъ* (набранъ); *по билетамъ* (цыдуламъ); *чародѣйство* (чернокнижество); *о рефреширѣ* (или об освѣженіи людей); *въ ордерѣ де баталіи стать* (яко корпусъ де баталіи);

въ полѣ (или в лагерѣ); о ревеліяхъ (или побудкахъ); у барьеру (сирѣчь у крайнихъ или внѣшнихъ карауловъ); о экзекуціи (или вершеніи); апииду (отпуску); салвусъ кондуктусъ (безопасная грамота); секунданта (или посредственника); дать тринкгельдъ (или на пропой); о процессѣ (или тяжбѣ); принимаетъ по вся вечера пароль (или слово); въ ретирадѣ (или отводѣ). Изъ «Рассужденія о причинахъ войны съ Карломъ XII»: дедикація или приношеніе; идеи или мысли; портовъ, въ выноске: пристанищъ, дивулгованы (разглашены); на нѣмецкомъ языкѣ штлізованы (сочинены); патриотъ (отечества сынъ); трибутариі (данніки); акты (записки); зѣло куріознаго или любопытнаго содержанія; амбиціи (честолюбіе); перваго міністра (боярина); сусиди или помощныя денги; поссесію (владѣніе); въ секвестрѣ (въ залогѣ); трактаты (договоры); коммунікаціи (сообщенія); максимы (или правила); экзерциція (обученія); европейскіе політизованныя (обученныя) государства и проч.

Отъ этихъ варваризмовъ нужно отличать варваризмы переводныя и неологизмы. Разительнымъ примеромъ ихъ вторженія въ нашъ языкъ служитъ Тредьяковскаго «Слово о мудрости, благоразуміи и добродетели», въ которомъ русскіе философскіе термины сопровождаются на поляхъ выставленными латинскими и греческими: *бытность* — *existentia*; *естественность* — *essentia*; *разумность* — *intelligentia*; *чистый разумъ* — *purus intellectus*; *чувственность* — *sensatio*; *рассужденіе* — *juditium*; *самозрительное* — *intuitum*; *умствительное* — *discursivum*; *сочетаніе мыслей* — *combinatio idearum*; *умозрительные* — *theoretica*; *дѣятельные* — *practica*; *достовѣрные* — *certa*; *вероятные* — *probabilis*; *философія умственная* — *rationalis*; *нравственная* — *moralis*; *естественная* — *naturalis*; *ученіе о повсемственныхъ* — *universalia*; *сущее* — *ens*; *подлежащее* — *subjectum*; *присвоаемое* — *attributum*; *геометрія, которая тройное распостертіе* (*extensio*) *тѣлъ размѣряетъ чертами* (*linea*) *и ограничиваетъ очертаніями* (*figura*); *предлежащее* — *objectum*; *постигаемъ свойства и совершенства божіе, самостоятельныя* (*absoluta*) *и возносительныя* (*relativa*); *естественное натеченіе* — *influxus physicus*; *рыбы живородныя* (*vivipari*) *и яицеродныя* (*ovipari*); *обоюду жительныя* — *amphibia*; *чрепокожныя* — *testacea*; *право естественное* — *jus naturae*; *бесстрастіе* — *ἀπάθεια*; *мѣрнострастіе* — *μετροπάθεια*; *общество* — *societas*; *провидѣніе* — *providentia*; *искусство* — *experientia* и проч. Доказательствомъ тому, какъ боялся Тредьяковский, что его русскіе терминовъ не поймутъ, — еще приложенный на концѣ рассужденія словарь латино-французскій техъ же терминовъ.

Уже Сумароковъ жалуется на варваризмы въ статьѣ «О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка»: «Воспріятіе чужихъ словъ, а особливо безъ необходимости, есть не обогащеніе, но порча языка... честолюбіе возвратитъ насъ когда-нибудь съ сего пути несумненнаго заблужденія, но языкъ нашъ толико сею зараженъ язвою, что и теперь уже вычищать его трудно, а ежели сие мнимое обогащеніе еще несколько летъ продлится, такъ совершеннаго очищенія не можно

будет надеяться». Вот некоторые варваризмы, кои он желал бы истребить: *фрукты* вм. *плоды*, *сюртутъ* вм. *верхнее платье*, *супъ* вм. *похлебка*, *гувернанта* вм. *мамка*, *мокеровать* вм. *насмѣхаться*, *еложь* вм. *похвала*, *нахтишъ* и *тоалетъ* вм. *уборной столъ*, *пансивъ* вм. *задумчивъ*, *жени* вм. *остроуміе*, *бонсанъ* вм. *рассужденіе*, *деликатно* вм. *нѣжно*, *пассія* вм. *страсть*, *манификъ* вм. *великолѣпно* и проч. В связи с нападками на чужие слова надлежит рассмотреть статью Сумарокова «О коренных словах русского языка», в которой он доказывает древность и превосходство славянского языка перед немецким. История русского корнесловия тесно связывается с исторіею варваризмов. Немцы, оправдывая сильное влияние своего языка на наш, производили русские слова от немецких: так, Шлецер в своей «Грамматике российской» производит *дѣва* от *dieb* (вор) и других, *король* от *kerl*, *князь* от *knecht*. Ломоносов¹ ставит ему эти производства в уголовное преступление, точно так же, как Миллеру, — мнение о происхождении руссов от шведов. Как Байер ведет Русь от племен немецких и производит многие наши слова от немецких, так Тредьяковский в «Трех рассуждениях о трех главнейших древностях российских» множество европейских географических имен с величайшими натяжками приливает к языку славянскому.

Насмешки над варваризмами и неологизмами постоянно попадают в лучших старинных журналах; напр., в «Живописце» (1772 г.) пародируется тогдашний язык в письме одной дамы; вот несколько выражений: «*Мон соеур*, живописец! ты, радость, *беспримерный* автор — *по чести* говорю, *ужесть как ты славен!* Читая твои листы, я *бесподобно утешаюсь*; как все у тебя *славно*; слог *расстеган*, мысли *прыгающи*. *По чести* скажу, что твои листы *вечно меня прельщают*; клянусь, что я всегда *фельетирую* их без всякой *дистракци*», и проч. Сличить подобное же письмо одной дамы в «Собеседнике любителей российск. слов.» (1783), часть I, с. 82—87: «*Мон тари* мне так надоел, что мочи нет; он так скучен; так не важен... он конечно видит, что в хороших *societax*... не слушает *резону*... *спектакль*», и проч. Вместе с порчею языка постоянно охудаются и нравы: и действительно, когда речь без нужды искажается варваризмами, тогда слово теряет свою органическую жизнь, оскорбляется природа, несмысленным произволом губит в себе человек дар божий; а так как язык есть выражение духа народного, то, разумеется, неестественное состояние первого есть следствие второго.

Деятельность Шишкова против варваризмов объясняется дальнейшим развитием мнений предшествовавших поборников за чистоту русского языка. а) Шишков точно так же связывает вопрос об языке с вопросом о нравственности, упрекая нововыводителей старинным «ум и сердце каждого отвлечь от нравоучительных духовных книг, отвратить от слов, от языка, от разума оных и при-

¹ Пассек. Очерки России, кн. II, с. 45.

вязать к одним светским писаниям, где столько расставлено сестей к помрачению ума и уловлению невинности, что совлеченная единожды с прямого пути она непременно должна попасть в оные»¹. Хотя Дашков², знаменитый противник Шишкова, осуждает его за сближение языка с нравственностью, однако едва ли не прав Шишков. б) Следуя Ломоносову, Шишков ищет спасения от варваризмов в церковнославянском языке. «Таким старательным и осторожным употреблением,— говорит Ломоносов³,— сродного нам коренного славянского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из греческого, и то еще чрез латинской. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют». Но, исключив из теперешнего употребления выражения устарелые и непонятные, Ломоносов определенно указал, какие славянизмы терпимы в языке нашем. Для Шишкова же всякое славянское слово хорошо. В своем «Рассуждении о старом и новом слоге» — в противоположность варваризмам — предлагает он славянские речения: *вертъ, гобзованіе, лысто, непщевать* и др. Притом Ломоносов ясно отделил язык русский от церковнославянского. Шишков смешал их друг с другом: «как! наш русской язык сам по себе?»— восклицает он в критике на Дашкова: «Да что такое наш русской язык сам по себе? где он? возьмем какую-нибудь нынешнюю книгу, найдем ли мы в ней хоть два таких слова (выключая иностранные), о которых бы могли мы сказать: вот это славянское, а это русское?». в) По примеру Сумарокова и Тредьяковского, Шишков защищает отечественный язык от варваризмов корнесловием и точно так же, как они, любит производить иностранные слова от русских, чтобы тем возвысить достоинства языка своего: так, нем. *schornstein* производит он от *черная стена*; *gatte* (муж) от *хотеть*; *zinn* (олово) от *синь*; *nach*, *nacht*, *vůč*, *ночь* от *нет очей*; *garderobe* от *городить* и *руб*, от коего *рубище, рубаха*, и т. д.

В таком отношении стоит Шишков к своим предшественникам; что же касается до своей современности, то он принес великую пользу, ибо напал на варваризмы, которые Карамзин с своими последователями вносил в наш язык в первом периоде своей деятельности. Предлагаю извлечение для истории варваризмов из «Рассуждения» Шишкова о старом и новом слоге, 1803: «Одни... безобразят язык свой введением в него иностранных слов, таких, напр., как *моральный, эстетический, эпоха, сцена, гармония, акция, энтузиазм, катастрофа* и тому подобных. Сии суть самые новомодные слова, и для того в нынешних книгах повторяются

¹ «Соч. и перев. Рос. акад.», V, с. 263.

² Д а ш к о в. О легчайшем способе возражать на критики, 1811.

³ «О пользе книг церковных в российском языке».

они почти на каждой странице; впрочем, в языке нашем имеются также и обветшалые иностранные слова, напр. *авантажиться, манериться, компанию водить, куры строить, камедь играть* и пр. Сии прогнаны уже из большого света и переселились к купцам и купчихам (с. 24). Другие из русских слов стараются делать нерусские, как, напр., вместо *будущее время* говорят *будущность*, вместо *настоящее время* — *настоящность* и пр. (с. 24). Третьи французские имена, глаголы и целые речи переводят из слова в слово на русской язык... напр. *influence* переводят *влияние*, и несмотря на то, что глагол *вливать* требует предлога *в*: *вливать вино в бочку*, располагают нововыдуманное слово сие по французской грамматике, ставя его, по свойству их языка, с предлогом *на*: *faire* (sic! вм. *avoir*) *l'influence sur les esprits, делать влияние на разумы*. Подобным сему образом переведены слова: *переворот, развитие, утонченный, сосредоточить, трогательно, занимательно* и множество других (с. 25 и 26).

Не находим ли мы в нынешних книгах: *подписать мнение свое, двигать духами, черта злословия* и пр.? Не есть ли это рабственный перевод с французских речей: *soutenir son opinion, mouvoir les esprits, un trait de satire?* (с. 46).

Доколе буду жить, богини милые, клянуся вас любить, и в другом месте: *часто начинал он говорить о бессмертии, милой надежде своей...* весьма пристойно говорить: *милой друг, милое личико*, напротив того, весьма странно и дико слышать: *милая богиня, милая надежда бессмертия!* (с. 180 и 181).

Народ, не думая о предмете кровопролития в исступлении своем, веселился общим бедствием: слово *предмет* хотя также есть новое и переводное, ибо нигде в старинных книгах нет оно, однакож оно довольно знаменательно, так что с успехом в язык наш принято быть может; но при всем том и оно часто заводит нас в несвойственные языку нашему выражения. В вышесказанной речи *предмет кровопролития* есть некая загадка или излишняя кудрявость мыслей (с. 187).

Однако сие радостное упоение вскоре прервано было чертою вероломства: опять *черта*, и еще такая, которая прерывает упоение! (с. 195).

Одеваться со вкусом есть также несобственное наше выражение, ибо мы не говорим или по крайней мере не должны говорить: *плакать с горестию, любить с нежностью, жить с скупостию*, но между тем как свойство языка нашего во всех других случаях велит нам говорить: *плакать горько, любить нежно, жить скупю*, в сем едином нельзя сказать: *одеваться вкусно* (с. 203 и 204).

Поистине разум и слух мой страдают, когда мне говорят: *ночные беседы, в которых развивались первые мои метафизические понятия*; напротив того, я весьма охотно слушаю, когда в простой песне поют:

*Заплетися, плетень, заплетися,
Ты развейся, камка хрущета* (с. 302).

Умереть греху (être mort pour le péché) значило 'отрещись навеки от греха'; под словами *жить богу (vivre pour dieu)* разумелось: посвятить навсегда жизнь свою богу. Ныне по примеру чужих языков объясняем мы сию мысль словами: *умереть для греха, жить для бога* (с. 234).

Изложив полемику Шишкова, почитаю излишним говорить о галлицизмах карамзинской речи. Да и не следует о них слишком много распространяться, ибо они малозначительны в сравнении с великими красотами Ист. гос. Рос., заимствованными из старинной нашей литературы.

В настоящее время иностранные выражения встречаем мы не только у писателей посредственных, но даже у самого Пушкина, напр. в «Истории Пугачевского бунта»: *Пугачев... стрелял по крепости, особенно по Спаскому монастырю, з а н и м а ю щ е м у е е правый угол и к о е г о ветхие стены едва держались. В самом деле, Пугачев, не год у я, на свои неудачи, не терял однако же надежды одолеть наконец Михельсона. Сии горестные известия с д е л а л и в Петербурге глубокое в п е ч а т л е н и е. В это время Пугачев занял Соколову гору, г о с п о д с т в у ю щ у ю над Саратовым.*

Или у Крылова в басне «Плотичка»:

*Хоть я и не пророк,
Но, видя мотылька, что он вокруг свечи вьется,
Пророчество почти всегда мне у д а е т с я.*

Слич. у Державина в «Водопаде»:

*Пустыня, взор на супя свой,
Утесы и скалы — дремали.*

Любопытна история вторжения в наш язык имен греческих и римских божеств. Собственно, начинается она с Петра Великого, хотя и находим еще в Мамаевом побоище: *сия поведай, Уран, како случися брань на Дону*. У Ломоносова и Державина являются эти божества во всей классической своей важности. Пушкин же употребляет их имена по большей части только в шутивном смысле и этим примиряет варваризмы с народным духом.

ПРОВИНЦИАЛИЗМЫ

Изучение народного языка и языка древних памятников само собою предполагает уже и изучение областных наречий. И в старину, как теперь, русский народ, заселяя огромное пространство, разделялся на областные наречия: речь псковская отличалась от киевской или владимирской. До нас дошли памятники литературные из разных мест России; мы пользуемся ими и в теперешнем слого; значит, вносим в слог п р о в и н ц и а л и з м ы. Мы изучаем язык народный: где он? В Киеве, Вологде, Новгороде, Москве; следов., вместе изучаем и провинциализмы.

В древних памятниках провинциализмы оказываются уже изменением самих звуков; напр., в Русской Правде: *чѣломудръ* вм. *цѣломудръ*, *цашею* вм. *чашею*, *лицемь* вм. *лицемь* (Русские досто-пам., II, 2, 31, 34). У Нестора по Лавр. сп., 3: *по разрушеньи, по раздѣленьи*. Из новых писателей Гоголь весьма удачно употребляет *ь* вм. *і* в окончаниях, подобных сим. В Новг. лет. 2: *въ пятни-чу* вм. *пятницу*; 3: *половчѣ* вм. *половцы*, *Църниговѣ* вм. *Черни-говѣ*; 5: *черкы* вм. *церкы*, *посадницать* вм. *посадничать*, *черезъ* вм. *черезѣ*; 6: *Володимириць* вм. *Володимиричѣ*; 7: *церниговчи* вм. *черниговцы*. В Ипатьевск. лет., 36: *у весельи* вм. *въ весельи*; 37: *узвратися* вм. *взвратися*; 181: *вѣнечь* вм. *вѣнецѣ*; 205: *моцно* вм. *мочно* или *мощно*; 207: *кѣ чѣлому* (вариант: *цѣлому*) и пр.

Многие слова, попадающиеся в древних памятниках, доселе сохраняются в областных наречиях; напр. Новг. лет., 63: *бысть оттеплѣе, росполися вода*; Ипатьевск. лет., 37: *а семо ся за нами Днѣпрѣ распаливаеть*; в Сибири до сих пор говорится *распалить-ся* — о реке, когда от прибылой воды усилится в ней течение или она выступит из берегов; Новг. лет., 105: *иде вода на възводѣ*; слич. сибирское *взводень*; Ипатьевск. лет., 115: *паробѣщи твои*; в Малороссии и теперь; *ibid.*, 112: *ворота златыя доспѣ*; в Камчатке всегда *доспѣтъ* вм. *сделать*: *вечѣрку доспѣтъ*; Пск. лет., 20: *и выѣха Александрѣ изо Пскова пословно съ псковичи*; в Сибири *пословна* говорится о собаке вм. *послушна*. В белорусском наречии¹: *баня* — верх, купол церковный, иногда и наша баня; *банний* — бане принадлежащий: по свидетельству Нестора, Ефрем, епископ перяславский, построил в 1090 г. *банное строение*; *глумиться* — смехотворить (в том же значении и в древних наших книгах); *гостинецѣ* — большая дорога (польск. *gosciniac*); толкователи неправильно понимали в Русской Правде: *оже погубитѣ слѣдѣ на гостиницѣ на великой* (в списке XII в.: *на гостинци на велицѣ*), *а села не будетѣ или на пустѣ, где не будет ни села ни людий*; и Карамзин ошибочно перевел *гостиница*; *истобка* — у Нестора: *истопка*, *истобка*, в Новг. лет.— *истѣба*; *коло* — телега, дроги, у Нестора: (Владимир) *повелѣ пристроити кола*; *лѣзѣ* — войти куда-либо, у Нестора: *яко полѣзѣ въ двери*; *омылка* — ошибка, в том же значении в Русской Правде: *промиловался*; *осочить* — сыскать, найти, в Русской Правде: *а не осочать отѣ себе слѣду*; *попріять* — подружить, у Нестора: *попріай ми*; *пуща* — лес, особенно густой, непроходимый, в Поучении Владимира Мономаха: *конь дикихъ своими рукама связалъ есмь въ пущахъ*; *рогѣ* — угол, говоря об улице, в Псалм., 117, 27: *составите праздникъ во учащающихъ до рогѣ олтаревыхъ*; *ролейный* — пахотный, от *роля* — пашня, в Русской Правде: *а иже у господина ролейный закупѣ будетѣ; сстатокѣ* — скот, в Русской Правде в смысле имения: *иже смердѣ умретѣ безѣ дѣтей, то сстатокѣ его князю*.

¹ Калайдович. О белорусском наречии, в «Трудах Общ. люб. рос. слов.», 1822, т. I.

Провинциализмы в Древ. рос. ст., 48: *а бьетъ онъ звѣри сохатые* (сибир.); 88: *вотъ де те, Дунаю, будетъ паробочекъ*; 115: *а на другой сторонѣ было у нихъ плодбище*; 156: *на твоёмъ государевомъ займище* (в Сибири болото); 269: *деньги дробныя*; 292: *домовище* вм. *гроб*; 302: *ѣздили за звѣрjami* (в Сибири особый род охоты); 402: *и подъ кору бросили* (в яросл. кривое дерево); 419: *наѣхали на старого станишники*, по нашему русскому разбойники. Сами стихотворения свидетельствуют о вошедших в них областных наречиях: 67: *по нашей муте сибирскому слову полгода*; 73: *а и нетъ у насъ такого пѣвца во славномъ Новѣгородѣ*; слич. 383.

Как архаизмы стоят в связи с историей народа, так провинциализмы с его географией и статистикую. Не надобно жаловаться на то, будто у нас недостает многих слов для выражения некоторых понятий о природе, напр. горной или приморской. Они у нас есть, и прекрасные, только рассеяны по разным концам России. И безрассудно было бы требовать, чтобы в московском наречии нашли мы слова для выражения явлений природы, бывающих на Урале или на берегах Охотского моря. Отвращение от провинциализмов есть старинный риторический предрассудок, который особенно неуместен у нас, ибо «народ российский, — говорит Ломоносов¹, — по великому пространству обитающий, не взирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, напр. в Германии, баварской крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургской — швабского, хотя все того ж немецкого народа». Как изучение старинного нашего языка роднит нас с нашими предками, так изучение провинциализмов сближает и дружит нас с нашими соотечественниками всех концов России. Наука никак не может предписать, сколько и что может и должно войти в язык письменный из областных наречий: русское чутье всякого оценит по достоинству каждый провинциализм, а гениальный писатель может внести в письменный язык со всех сторон нашего отечества столько выражений, что мы и представить себе не можем.

Примеры провинциализмов у писателей наших: у Державина в «Царь-девице»: *в царствах и нших повторяли*; в Малороссии, равно как в Польше, *иный* вм. *иной*. Слич. Ломоносова «Ода», 4, строфа 8: *под и нну Трою вновь приступит*. У Пушкина в «Истории Пугачевского бунта»: *он намерен был обнаружить себя по выступлении казацкого войска на плавно* (осеннее рыболовство). *Мятежники, безопасныя в десяти сажнях от крепости, и большею частью гулебщики* (охотники). *Прибежал из города в крепость малолеток*. Пушкин объясняет в примечаниях: не достигший 14-летнего возраста. В «Капитанской дочке»: *матушка, знавшая наизусть все его свѣчаи и обычаи; звѣчаи и обычаи* — поль-

¹ «О пользе книг церковных в российском языке».

ская поговорка, она попадает и в Сл. о полку Иг.: *кая раны дорогá, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, огня злата стола, и своя милья хоти красныя Глѣбовны, свычая и обычая? У Марлинского в «Страшном гаданьи»: вихорь гнал мятель по насту; употребляется в Сибири и в Др. рос. ст., 49: а и буйны вѣтры по насту тянутъ.* Гоголь приложил словарь малорусских слов к первым двум частям своих сочинений.

Привожу для примера несколько провинциализмов, руководствуясь небольшими словарями в «Трудах Общества любителей российской словесности», в «Москвитянине» (1842, № 3 и 11), в «Отечественных записках» (1844, № 2, 3), в «Русском историческом сборнике» (1839, т. III, кн. 2).

1. В Вологодской губернии

блзнить — мерещится, представляется какое-нибудь привидение, id. в Арханг. губ.

вещетинье — лекарство, связь понятий лекаря и вешего, ветьства и пр., слич. с. 274.

витень — плеть, *вица* — прут, лоза, от глагола *вить*; *вицы* — в Арханг. губ. и в Сибири

вожжица — нитка, на которой пускается змей

волочута — маленький воз сена или соломы

деревеникъ — червь, точащий дерева

деревня — не только порядок изб, но и без строения пахотная земля с угожьями

дошлой — смысленый, бывалый

жадать — желать, употреблялось в старину

животъ — маленькая рыбка, которую садят на крючок для приманки большой

живулька — плотоядное насекомое

жира — жизнь, *жирова* — состояние, *жировать* вм. *жить* употреблялось в старину, слич. с. 303.

казакъ, казачиха — работник, работница, id. в Рязанск., Арханг. губ.

калита — карман, малорусск. — *калитка*, употреблялось в старину: *Юанн Калита*

китина — гороховина, вырванная пучком, малорусск.

кѣтиця — кисть, в этих словах сохранился корень слова *кисть* — *кит*

колесница — на дороге выбою от колес

кошка — большое дерево, вырванное водою с корнями и занесенное на мель

курица — кривое дерево, id. в Яросл. губ.

кутуцъ — кружевная подушка

лихоманъ — неприятный человек, слич. *лихоманка*

ляды — тряское, зыбкое место, заросшее кустарниками болото.

Исаии, V, 6: *и въздет на нем, яко же на лядине, терние.*

манѣтъ — чудится какое-нибудь привидение

мо́лёный: *умо́лёный*, *бласла́венный* — слова, употребляющиеся в приветствиях: *здорово*, *блаславлёный*, *малёный*; в этом же смысле употребляется между женщинами *хри́сто́вушка*
на зубъ постави́тъ — твердо выучить
наби́руха — корзинка для ягод и прочего
наряди́тъ избу — отделать ее начисто внутри, отесать стены, лавки и пр.
не уса́мишь — не приноровишь
обо́лочка — одежда, *обо́лочься* — одеться, id. в Арханг. губ.
овьедень — одного дня, *овьиденный* — обыденный
одре́цъ — телега со столбиками для снопов и сена
омелье — костеря льняная
опиха́тъ — обдирать пестами в ступе от шелухи рожь, пшеницу
осѣ́къ — огород, коим отделяется подножный корм от *заосѣ́ка*, где бывают покосы, id. в Арханг. губ.
охвостье — самые мелкие и при веянии далеко падающие хлебные зерна
па́рги — мелкое льняное волокно, к прядению негодное
пе́рева́ла — облако с грозью
пе́ресторо́на — неопределенное количество овса, в один раз истолченное
плёсо — отлив воды, слич. пословицу: *рыбак рыбака далеко в плёсе видит*. Еще у Плиния встречается *peiso* вм. *pelso* или *pleso*; id. в Ярослав. губ. и др.
поло́тица — мякина, кою пересыпают яйца
польга — польза, корень в прилагательном *легкий*, слич. у Кантемира, Сатира III, ст. 31: *и несильно принести мне никакой польги*; id. в Тверск., Владимир. губ. и др.
поро́сь — некладеный бык и боров, слич. *порося*
пословенъ — послушен, в старину и теперь в Сибири
робить — работать, id. в Малороссии и др.
сиверно — холодно, в других местах говорится *сиверко*
страда́ — крестьянская работа, когда собирают хлеб, в Арханг. губ. — сенокосное время. Слич. в Прологе, апрель 22: *нанимаетеся на дневную страду по сребренику на день взимаше*; в Правилах митрополита Кирилла (XIII в.): *или челяде друога гоходомъ и наготою страдаю насильк творя* (Русск. дост., т. I, с. 111)
стибокъ — пир, id. в Яросл. губ.
хвостаться — париться, в Нестор. по Лавр. списку, 5: (Апостол Андрей) *природе въ словѣни, идеже нынѣ Новьгородъ и видѣ ту люди суцая, како есть ѿбычаи имѣ, и како ся мыють, хвощются, и оудивися имѣ*
хилокъ — ветерок, id. в Яросл. губ.; в Малороссии *хилѣти* — клонить; корень в прилагательном *хил-ый*, слич. в Мамаевом побище: *егда похилитъ ихъ вѣтръ съ юга или съ запада*
шаста́тъ — просевать сквозь решето немолодую рожь, пшеницу
ѣзди́тъ съ лучемъ — с острой рыбу ловить на лодке, в коей

на приделанной у кормы железной решетке горят щёпки, *смолю* называемые

языкъ на зговорѣ — выражение, употребительное в Сольвычегодске, еще по старине, в договорах и условиях, более словесных, чем письменных

2. В Архангельской губернии, преимущественно в Шенкурском уезде

биль — чистое моховое место близ леса
богоданный, *-ая* — свекор и свекровь в отношении к невестке.

Слич. в Древн. русск. стих., 408: *а и зять на нее поглядѣлъ, господинъ слово выговорилъ: «Теща ты, теща моя, богоданная матушка»*

большина — воля

воронецъ — полка посреди избы, вдоль ее всей, перекладина, на которой кладутся палаты, id. в Яросл. губ.

выскоръ — пень; вырванный из земли буреоу

дикой — глупый, дурак; красной id.

дубяницы — род грибов

езъ — плотина из сосновых бревен с отверстием, в которое вставляется *морда*, плетенный из ивовых прутьев мешок для ловли рыбы

животникъ — кто, женившись, переходит жить в дом своей жены

зародѣ — большая куча сена, жердями разделенная на промежки

исады — отмель, песчаный берег реки

кокобра — пень, лежащий на дне реки, слич. в Древн. русск. стих.,

402: *тутъ ему дурьшо голову сломили и подѣ корору бросили кремлевникъ* — лес, растущий на мховом болоте, происходит от какого-то старинного слова *кремль* (?)

куржевина — шкура звериная

курживѣть — индеветь, id. в Сибири

курья — пересыхающий залив реки, отсюда, вероятно, *Шенкурск*, т. е. *Шены курье*

лисына — лесина, дерево

листвякъ — лиственный лес

людно — много

медуница — пчела

нельга — нельзя, одного корня с *легкий* и *польза*

новина — расчищенная земля под посев хлеба

оберегѣ — нашептанная збруя для лошади под свадебный поезд: нашептывается будто для того, чтобы не текли у них после свадьбы три года слезы

обмѣнена — вообще брань, происходит от поверия, будто бы дьявол иногда подменивает новорожденного младенца другим

обоконье — нижний косяк у окна

останье — забор, огород для сбережения травы или сена от скота

портно — колет, в старину *портъ* значило всякое одеяние, слич.:

Добровский. Institutiones Lingnae Slavicae dialecti veteris, 1822, с. 119: Carniolis et Croatis est pannus lineus

поѣзжана — жениховы гости

простины — прощанье, как *имен-ины*

процѣстье — особенный обряд, когда жених, отправляясь под венец, слезает из повозки и зовет тестя и тещу откусать хлеба-соли

рѣстань — место, где одна дорога делится на две

свѣсти — сестры невестины, древнее слово

угорь — пригорок

улка — улица; Новг. лет., 22: *въ Чыловѣ улки*

хлѣбины — угощенье новобрачных у родителей молодой в первый раз после венца

чуже, чужанинъ — так невеста называет жениха

3. По Волхову, в окрестностях Полоцка, Смоленска, Новгорода Северского и Гродка

брыли — кружева при повойниках, головном уборе женском; *брыль* — в Белой и Малой Руси значит 'шляпа'

варяги, уменьш. *варяжки* — проворные, ловкие, острые; может быть, остаток памяти о варягах

вѣжа — на Ильмени значит 'артель в 16 человек, употребляемых для большаго невода'; см. грамоту 1697 г. 13 марта, данную Юрьеву монастырю

вѣтохъ — месяц на ущербе, употреблялось в старину; Ист. гос. Рос., т. IV, пр. 245: *осенняго первого мѣсяца, на вѣтху* (т. е. на ущербе луны — говорит Карамзин); слич. Ист. гос. Рос., т. VI, пр. 628

загоза, уменьш. *загозка* — кукушка, слич. малорос. *зозуля* и в Сл. о полку Иг. — *зегзица*

зимнякъ — восточно-южный ветер

картоша — лицитация, публичный торг; *картомить* — лицитовать

коккуй — купало, сельская игра 23 июня; Ходаковский производит от *кокую*, т. е. пою кукушкою

лайва — чухонское (финское. — Л. Х.) судно на озере и реке Неве; лотваши (латыши. — Л. Х.) под Ригию называют свои барки тоже *лайвз*; попадаетея в старину, Ист. гос. Рос., т. IV, пр. 214: *ходиша* (в 1310 г.) *новгородцы въ лодьяхъ и въ лойвахъ въ озеро* (Ладожское); слич. о названиях судов с. 251

листопадная колотуха — осенняя лихорадка; остаток старинного названия месяца листопада; слич. о лихорадках с. 253

молодзикъ (*молодикъ*) и *новець* — молодой месяц

мѣженецъ — северо-восточный ветер

мѣжень — самая жаркая часть лета; в старину *можежина* — жара, Ист. гос. Рос., т. IV, пр. 322: *въ лѣто 6840* (1332) *бысть межежина велика въ землѣ Росьской, дороговъ и гладь хлѣбный*

наволокъ — мыс

новожонный — надавно женившийся, польск. *powozeniec*

обжа — оглобли в сохе; очень часто попадают в древних памятниках
облець, облой — мокрый снег
овотъ — яровая рожь
окрутники — замаскированные; *окрутиться* — нарядиться, слич. Ист. гос. Рос., т. II, пр. 266. Около Москвы *окрутить невесту* значит после венца надеть на нее кокошник
отава, отаева — трава, выросшая осенью после покоса, употребляется и в других местах, но в Сибири, согласно с природою, значение 'поблеклая трава под снегом'
припечекъ — очаг
розбрызги свѣта, разбрызгиваетъ — светает
русии — род мережи у ладожских рыбаков, не сродно ли с *русло* и *русалка*?
сѣверомъ съ глубника — название ветра от летнего запада
точа, точиво — холст
усамить — самостоятельным быть или делать самим собою
хлѣбзоръ, зоряница — сухая молния, которая обещает хорошую погоду
хованы — отборные люди, гвардия, слич. польск. *wychowany* — вскормленный, воспитанный
шатромъ, епанчею крытый дом — т. е. крыша опущена на все четыре стороны, слич. с. 329—330
шеломомъ — когда крыша опущена на две стороны
шелонинъ — юго-западный ветер, дующий от реки Шелони
шишко — черт

Слова этого 3-го отдела Ходаковский относит к наречию кривичокому, т. е. древних кривичей. Периоды в нем оканчиваются деепричастиями на *-ши*: *он был тогда пришедши, ушел поевши*. Татарских слов почти нет, всегда говорят *конь* вм. *лошадь*, *рынок* вм. *базар*; *сопка*, *могила* вм. *курган*, *пояс* чаще, нежели *кушак*.

4. В Ярославской губернии

божатой, божатая — отец и мать крестные
бечевникъ — пологий берег реки, по коему можно тянуть барки веревкою
бѣль — всякая мелкая рыба
верea — столбы в воротах при крестьянских избах; употребляется и в других местах и в народных песнях
верета — на каменной мостовой крайние ряды из больших камней
домовище — гроб, и в других местах
душичка — мотылек, бабочка
заводье — залив реки, в Малороссии *заводы*, в Древн. рос. стих., 207: *и поѣхалъ къ морю синему, что на теплы, тихи заводи*
заселье — село не на большой дороге
завозъ — тянуть барку завозом на якорь, когда берега реки круты
лапа — дерево, вырубленное с корнем

наволокъ, полива — место поемное, сенокосное
наказъ — проповедь, древнее слово
огница, драки, копань, паль — вновь расчищенное место из-под
лесу
омолитвить — дать имя младенцу
отводъ — ворота на проезжих дорогах, огороженных плетнем,
попадающиеся почти на каждой полуверсте
путаница — лапша
роговикъ — младенец, которого еще из рожка кормят
сборъ — ярмонка
смыслушка — пир
сорвачи — щипцы

5. В Костромской губернии

баклуши бить — с здоровых деревьев скалывать бока или *заболонки*
для деланья мелкой деревянной посуды, эти заболонки называются
баклушами. В общем же употреблении это выражение при-
нимается в смысле 'бездельничать, болтать'
блесна — оловянная рыбка с удочкою изо рта, ею на Волге ловят
рыбу; *блеснить* — ловить блесною
выжаровить — выровнять, плотничье слово
губка — руль на мелких судах
косякъ — канат
ложки — блоки на канатах, коими оснащена мачта
оболоко — сало, плавающее на щях
окидь — иней
окинуло мѣсяцъ — ущерб мясяца
плыть подачею — против воды тянуть судно, вытягивая из воды ка-
нат, на коем впереди судна закинут якорь
порубень — весло на носу большого судна
рыскать по Волгѣ — то же, что *плыть подачею*, только по воде
таланить — греблею в весла пятить судно назад

6. В Тверской губернии

богатырь — картина
буйвице — открытое место вокруг церкви, в Псковск. лет., 52:
*тогожъ лѣта повелѣ посадникъ Феодосей и весь Псковъ намости-
ти буйвице и около церкви святой Троицы и тынъ отышиша
около церкви*
веснина — баранья шерсть, стриженная весною
вѣтошь — на весну оставшаяся из-под снега прошлогодняя трава
дыакъ — учитель русской грамоты, слич. чешск. *žak* (жак) от греч.
δσαχωνος, значит 'ученик, учитель, певчий'; в Софийском времен-
нике, ч. II, 21: *тогда Бискупъ начнетъ велегласно латынскимъ
языкомъ и жакомъ ихъ поющимъ не мало жадный, жадобный,
ровно как и желанный* — любезный, милый, древн. глагол *жа-
дать* — желать

згибень — пирог без начинки; о книге народная загадка: *ждет ни мужик, ни баба, несет ни згибень, ни пирог*
зимникъ — восточный ветер
зобатъ — есть, говоря о птице или скоте, id. в Владимирской губ., сербск. *зобъ* — овес
изгреби — очески льна, остающиеся после первого чесания
кужель — очесанный чистый лен
курицы — род сетей
куръ — петух, попадаетея в Остромировом еванг.
литвинъ — овсяная скирда
лоншакъ — прошлогодний жеребенок, от *лопись* — прошлого года — употребляются во многих местах России
лука — залив, слич. *лукоморье*
межтокъ — пролив текучий
мокрикъ — западный ветер
моль — мелкая рыба
носъ — острый конец яйца, *пушка* — тупой
образоватцы — между любящимися, id. в Тульской губ.
осенчина — сено, поздно осенью кошенное
пáморокъ — частый и очень мелкий дождь в виде тумана
пачесы — очески льна, остающиеся после последнего чесания
погали — последнее время перед первым зимним путем
потёмокъ — плотники, вырубая верхний косяк, оставляют на боковом косяке закраину (*потёмокъ*), которая не допускает просвечивать в щель, образующуюся от ссыхания дерева
принять скотину — зарезать скотину
путина — путь, совершаемый на барках каналами и рекою Метюю
радуга — радуга, нельзя ли приставкою *рай-* объяснить это слово?
рогъ — мыс, выдавшийся в воду
сократить — погасить горящую перед образом свечу или лампаду
суюомъ — общественное собрание, сходка, сродно со *сонм* и *сейм*
суметь — сугроб
супрядка — посиделки, на которых прядут
утлый — худой, испорченный
утрище — утиральник, полотенце
челядня — большая семья
шатунъ — сосновый лес, не самый высокий
шеломъ — конек на кровле, в старину значило не только шлем, но и гору
щеть — щетка, которою чешут лен
яснецъ — лед, непокрытый снегом

7. Во Владимирской губернии

артусъ — сокровище
баранъ — повешенный на веревке рукомойник
братина — большая чаша, есть и в других местах
глумлюся — смеюсь, древнее слово

досягаю — снискиваю, древнее слово
дубецъ — прут
истылъ — умер, околел
ладонь — гладко убитое место для молотьбы
марка — полтина
натура — наука
ошануть — как ветерок, тихо прикоснуться к телу чем-либо мягким
и легким
пожня — сенокос
по муромщику, по касимовщику — по мурманской, по касимовской
дороге
рымъ — дом
ходьба — торговые люди, переезжающие с места на место

8. В Тульской губернии

верхъ, вершина — овраг
гулять в окно — смотреть из окна на улицу, говоря о женщинах
лоскъ — лощина, коренное слово, -ск- изменилось в *щ*; *id.* и в
других местах
обопола — кругом
охвостье — мякина
развилье — непроворный, слабый
раздряга — расслабленный
свейки — мякина
стыдь — холод
сухмень — сухая погода
яругъ — ручей, буерак, в Сл. о полку Иг.: *яругы имъ знаеми*;
в Курской губ. *еруга*

9. В Рязанской губернии

бучило — скрытая яма в реке или озере, бездонная пропасть
гуменце — темя на голове
житникъ — крыса, в Ярославск. губ. значит ячмень
житочникъ — мышь
закутья — чулан, *куть* — задняя часть избы
зябра — отлогая лощина, в коей временем бывает вода
комель — конец срубленного дерева с корня, также ручка у веника
корь — корень, род. п. *кря*
куря — метель, вьюга
кутитъ — идет большой снег
лавы — мост для пешех из плетня или тонких досок
лажокъ — низменное луговое место
плетень — подошва у лаптя
побабить — женить
пообратить — наложить оброк
приволочка — небольшое судно
призарить — прельстить
прорва — проток реки

рать — неприятель
рукоятка — толстая и короткая палка
сухостой — засохшее дерево
сходцы — лестница
трудень — болен, *затруднился* — заболел

10. В Сибири, преимущественно в Камчатке

В бóльшей подробности привожу провинциализмы сибирские с тем, чтобы ярче показать, как выражается в областных наречиях местная природа и местная жизнь.

а) Суровая природа

бродови́къ — который прокладывает вновь дорогу по снегу на лыжах или на санках, напр.: *послать вперед бродови́шков*
бусъ — самый мелкий, едва приметный дождичек, иногда весьма положительный. (*Бусая кошка* — у которой шерсть бусаго, дымчатого цвета.) *Бусить* — идет мелкий дождь при постоянной пасмурной погоде
грива — не широкое, но длинное возвышение, идущее между двух лотов или пропастей (в северо-восточной Сибири)
дымокуръ — курящийся от малого огня навоз или гнилое дерево, для отпугивания комаров
злѡбникъ (взлѡбчикъ) — пригорок, поднимающийся крупно
заstrу́та — весьма твердые волнообразные неровности снега, делающиеся после сильного ветра
зимни́къ — дорога, по которой ездят только зимой, в противоположность *лѣтнику*
коренна́я вода — последняя весенняя высокая вода в реках от растаявших на вершинах снегов
кормови́ще — пастбище для скота
кѹрчажина — углубление, вымытое водою, рывина
кѹржевьтъ — индеветь, олипнуть замерзанными парами; *куржевина* — замерзание испарения, id. в Вологодск. губ.
кѹхта — рыхлый снежок от испарений и туманов, пристающий к деревьям иногда во множестве
кухта валится — снег падает хлопьями с деревьев в ясную погоду, от собственной тяжести или от ветѣрка
лыжняца — след на снегу от лыж
ма́рево — мрак на небе и более по горизонту от густоты воздуха при сухой, ясной погоде
мо́рокъ, мо́рочно — пасмурность, мрак, пасмурно, мрачно по небу; *морочáетъ* — становится пасмурно перед ненастьем
мохови́ще — пространство, покрытое мохом, тундра, где пасутся олени. Напр. *мохови́ще переменить* — перейти с оленями на другое место
на́кипень — вода, вытекающая зимою из ключа и плотно замерзающая по мере выступления

- на́кипь* — снег, пристающий комками к санным полозьям в сырую погоду
- на́ледь* — вода, выступившая сверх льда, незамерзлая
- ныро́къ* — 1) ухаб, выбоина на зимней дороге; 2) особая порода утки
- падь*, *паду́шка* — разлог, ложбина, углубление в горах, иногда долина между горами. Напр.: *дорога падью*; *спускаться, ехать по пади*
- палъ*, *палы пускать* — выжигать, палить весной траву на сенокосе
- перенóга* — след зверя по вновь выпавшему снегу. *Перенóгу гнать*, *за перенóгой ходить* — ходить зимой на промысел за зверями по свежему следу
- по голу ѳхать* — весной ехать на санях по земле, а не по снегу
- поднавѣсъ* — навес снега с горы или с утесистого берега
- прижимъ* — морской лед, принесенный ветром и примкнувшийся к берегу
- припа́екъ* — лед, примерзший к берегу. Напр.: *ехать по припа́йку*, *по прибрежному морскому льду*. По вскрытии рек у берегов остаются припайки
- пропа́рина* — полынья в реке
- пу́рга* — вьюга, метель, ненастье, ветер со снегом. *Пуржить* — действие пурги, напр.: *на дворе шибко пуржит*, *ид.* в Пермск. и Вятск. губ.
- пустоплѣсье* — место безлесное, открытое со всех сторон (охотск.)
- разво́дъ* — о снеге, когда весной в ясный день после утреннего наста он растает и не поднимает ни человека, ни собак. Говорят: *Развело*, т. е. снег растаял, сделался жидким, напр.: *ехать по разводу*
- рассо́лъ*, *расо́ль* — морская вода поверх льда
- рассо́тина* — исток реки, когда она составляется от соединения двух или более меньших. Говорят: *У этой реки две рассотины*, т. е. она имеет начало из двух рек
- рѣзунѣцъ* — самый тонкий, чистый, прозрачный осенний лед на реках и озерах. Он бывает ровный, одинаковой толщины и покрывает иногда значительное пространство по всей поверхности вод
- рѣзунъ* — ледяные иглы, образующиеся весной из тающего снега
- рѣкоста́въ* — время, когда становится река
- сопка*, *сопочка* — огнедышащая и всякая отдельно стоящая или островерхая гора, даже и не горелая
- споло́ха* — 1) северное сияние; 2) светлые фосфорические полосы на воде, встречаемые иногда ночью в Охотском море
- то́росъ*, *торбсовато* — льдина, торчащая стоймя, не ровно покрывшаяся льдом вода, когда льдины становятся не гладко, движимые ветром или течением, и изворачиваются одна на другую в разных положениях; напр.: *море стало* (покрылось льдом) *торосовато*; *дорога торосоватая*

тундра, *-очка* — безлесное, ровное мокрое или сухое обширное пространство земли, иногда покрытое мохом или травой; и то, что в Европейской России называли бы луг или поле. Это самое слово в Камчатке не употребительно по неимению хлебопашества. Различается мокрая, сухая, моховая тундра

убой — снег, туго убитый сильным ветром

убродъ — рыхлый, глубокий, недавно выпавший снег. Говорят: *Ехали по убою или по уброду, в уброд*, т. е. по твердому или рыхлому снегу

уваль — долгий, невысокий пригорок, косогор

улово — место на быстро текущих водах, где у берегов течение закруживается; *субогъ* — в Астрахани; напр.: *в улово попал*

хиузь — резкий холодный ветерок зимой; от того наречие *хиузно*

хламникъ — лес, деревья с сучьями, накинанные на берегу или принесенные на отмели рек; напр.: *Эта протока хламиста и заломиста*, т. е. по ней много нанесено лесу, корок

шама — или *сакма* — след от саней по снегу

шуга — появляющийся осенью на реках лед или обмерзлые комья снега, называемые на Неве *сало*, а на Волге *шаушъ*. Шуга толще резунца

щёки — горные утесы на обеих сторонах реки, такие есть на реках Лене и Камчатке

б) Море, вода, берега и т. п.

бурюнь — прибрежное волнение моря, бывающее и в тихую погоду

бычѣкъ — небольшой порог или сильная быстрина на каком-нибудь месте реки, приметная по всегдашнему тут волнению

взвѣдень — зыбь на море после сильного ветра или при перемене периодического течения моря; волнение на отмелях; напр.: *взвѣдень ходит*

выкидникъ — лес, выкинутый на берег моря, напр.: *из выкидника строено*

выкидъ — морское животное, выкинутое на берег, например, кит, белуга морская. *К выкиду ездили*

дурить рѣка — когда она от прибылой с гор воды разливается и выступает из берегов

залавокъ — вымытое водою под берегом место, где может скрываться рыба

кѣкуръ — высокий, иногда тонкий, отдельно стоящий камень на берегу или в море

култукъ — узкая часть залива в самом конце его; другой меньший залив, выходящий из большего; id. на Каспийском море

курья — долгий залив рек, в которых нет течения; бывший пролив, заметанный сверху; id. в Архангельск. губ.

лайда — иловатая мель, обсыхающая на малую воду во время морского отлива; id. в Архангельск. губ.

лопатка — 1) всякий выдавшийся в море плоский мыс на конце земли, например, *Камчатскою лопаткою* называется южный ко-

нец полуострова; *Олюторская лопатка*; *островная лопатка на Курильских островах*; 2) *гадать на лопатке* — очищенную оленью лопатку кладут на горячие угля и после, сняв и смотря на трещины, предсказывают будущее

матерáя — матерый берег, земля за морем. Так говорят на островах о твердой земле. *Выйти на матерую землю* значит прийти из Камчатки или с островов в Охотск

не́пропускъ — каменный утес берега, мимо которого нельзя пройти возле воды; непроходимое место по берегу у воды; там, где утесы спускаются прямо в воду

атпрядышь — кекур, каменный столб в море близ берега

переборъ — 1) мелководье, банка при устье реки, бор; 2) шен в танцах (*chaîne*)

поливной камень — покрываемый водою только во время морского прилива (в Америке)

потайникъ — подводный камень; напр.: *потайник играет* — когда в тихое время на подводном камне вдруг поднимается бурун или всплеск, весьма опасный для гребных судов

суло́й — неправильное большое волнение от двух с противных сторон идущих спорных течений, встретившихся в проливе; бывает при перемене приливов и отливов моря; *id.* в Архангельск. губ.

шиве́ра — быстрина воды в реке на мелком каменистом месте

в) Собаки, езда на них, сани

áлокъ и *áликъ* — упряжь собачья наподобие лямки, на какой тянут суда

во́льница — собаки, бегущие по воле, никому не принадлежащие, неизвестно чьи

во́йдить — обливать теплою водою на морозе санные полозья, чтобы они покрылись тонким слоем льда для лучшей каткости (в Ижиге)

выть — доля, назначаемая в пищу собакам, на один раз, *слич.* в Ист. гос. Рос., т. IX, в прим.

звѣрѳвая — собака охотничья, неездовая

каюра, *-ѳ*, *-щикъ* — кучер, управляющий собаками; *каюрить* — управлять санками и собаками

не́йма — собака, не дающая себя скоро поймать

передѳвка, *передѳвая* — ездовая собака, которая бежит впереди

послѳвна, *-ая* — послушная (говоря о собаке)

пѳтягъ — длинный толстый и крепкий ремень у саней, по числу запрягаемых собак. К нему припрягаются собаки попарно, как лошади по обе стороны дышла

г) Охота и дикне звери

ва́женка — оленья самка, а самец называется *быкъ*

до́шлая лисица — взрослая старая, которая всегда хитрее молодых. *До́шлая* от *не́долиси* отличается тем, что оконечность хвоста у взрослой всегда белая

дранка — пораненный, которого медведь драл; это имя остается уже на всю жизнь

духъ забрать — о звере, когда он почует охотника, или о собаках, когда они услышат зверя и побегут изо всех сил так, что трудно их удерживать, тогда говорится: *Собаки на духах понесли*

душеврѣдно — смертельно, гибельно, опасно ранить, говорится более о раненом звере; напр.: *попал, да не душеврѣдно*

дымлѣнина — выдымленная, копченая, держанная в дыму оленья шкура без шерсти; она не твердеет, не скорбнет от мокроты

жировать — есть убитых на месте зверей, иногда несколько дней сряду; есть вдоволь некоторое время; утопать в изобилии, в роскоши

кулѣмка — ловушка для промысла малых зверей: соболя, горностаев

кўренга — тело зверя, с коего снята шкура, одрань

матка, очка — 1) самка животного, напр.: *бобровая матка*; 2) компас, компасик

матуха — медведица, особенно же когда она с детьми

медвѣдка — молодой бобенок не черный шерстью

мѣсто — 1) ящик, сума, кипа с товаром; 2) шкура соболя или лисицы. Говорят: *На два места купил* — разумея под этим шкурки двух зверей

нѣдорость — шкура со взрослого оленя, на которой новая шерсть после линяния не выросла еще в надлежащую величину

постѣля — шкура взрослого зверя с шерстью

припускъ — о зверях, когда их появляется много. *В таком-то году был припуск медведей, лисиц*

прїступъ — собаки лают на приступ, т. е. с лаем рвутся с цепей, вскакивают на задние ноги

пыжикъ — шкура оленьего теленка

рѣвдуга (в Охотске более *рѣгдуга*) — выделанная оленья кожа без шерсти, замша

свѣжевать — потрошить, вскрывать, вычищать убитое животное, напр.: свежевать оленя. *Свѣжинá* — свежее сырое мясо

сиводушка, сиводущатая лисица — лисица, составляющая средину между красной и чернобурой. Шерсть ее на задней части, на брюхе и лапах бывает темного цвета. В торговле она ценится выше красной, а ниже черной. Из вида красных лисиц известны еще *огнѣвка* и *крестовка*

сохатый — 1) лось, дикий олень; 2) созвездие Большой Медведицы

сѣкáчъ — кобель некладеный и вообще самец, говоря о зверях, например, о сивучах

тулупъ, -чикъ — шкура, целиком снятая с животного, зашитая и надутая воздухом или чем-нибудь наполненная. *Телячий тулуп*

убѣина — убитая скотина или олень; напр.: *убѣинка у меня*

убойное мѣсто — у зверя, опасное для раны, например, сердце, голова

узѣтитъ — увидеть, говорится о животном и более о медведе, когда он увидел человека

укѣнчина — плохая, дрянная оленья кожа без шерсти, иногда и нарочно приготовленная, служащая для покрытия чего-нибудь от сырости и мокроты
ушкѣнъ, -чикъ — заяц (по всей Сибири)
чумъ — несколько оленьих кож, сшитых вместе, покрывающих кочевую юрту и от того прокопченных дымом
шетунъ — медведь, который долго ходит осенью, не ложась в берлогу

Кроме того многие названия одежды, сделанные из оленьей и других шкур.

д) Рыбная ловля как один из господствующих промыслов

бережникъ — веревка у одного конца невода, остающаяся на берегу, когда невод завозят для метания
запѣръ (рыболовный) — деревянная постройка, делаемая на реках из кольев и жердей для промысла рыбы
икрянка, икряная — рыба с икрой, самка
кислая рыба — протухлая, вонючая, испортившаяся рыба
корыто или плаважный запѣръ — особого рода устройство на реке для промысла рыбы
крючкѣть — ловить или вынимать рыбу из лодки, поддевая ее крючком, насаженным на короткую рукоятку
лѣжбище, лѣжбище сивучей — место, где пристают и ложатся сивучи, обыкновенно на утесах
лошалая, лошалая рыба — старая, избившаяся рыба, у которой на боках красноватые неправильные пятна; впоследствии в вершинах рек к осени она становится почти белою
мѣрикъ — подвижный, на длинном шесте крюк, которым колют и ловят рыбу
носѣкъ — дротик с железным копьцем, им колют нерп
нѣрна — тюлень

11. В Малороссии (на Украине.— Л. Х.)

Напротив того провинции южные предлагают много слов, выражающих понятия о природе более умеренной, например, в Малороссии (на Украине.— Л. Х.)¹ названия растений и т. п.

барвинокъ — трава *vinca pęvınca*
блекотѣ — дурман трава, белена
бринѣю — созреваю, собственно, темнею
будякъ — чертополох
буркунъ — ворчун; трава донник, *melilotus*
волушка — растение василек, *centaurea cyanus*
гичка — листья свекольные

¹ Труды общества любителей Российской словесности, 1823, т. III; Максимович. Малоросские песни, 1827.

глыва — баргамот
губы — грибы вообще
дягица — снить трава
жировать — есть плоды, говоря о птицах; слич. с сербск. *жѣрити* — есть желуди, ибо *жѣрка* или *жир* по-сербски и малорус.— жолудь
жерлуха — кресс-салат
журавлина — клюква
збожье — разного рода хлеб, в поле растущий; по-чешски — имение, богатство; корень *богъ*
каменица — костянка
кислица — кислое яблоко и дерево, на котором растут кислые яблоки
колоколѣша — черемха
косовицѣ — время сенокоса
любка — растение *ogchis bifolia*
нечуй-вѣтеръ — трава, которую дают свиньям для жиру
очеретъ — тростник *agundo phragmies*
палянѣца — хлеб из грешневой муки
петровы батогы — дикий цикорий
печериця — шампюн, *agaricus campestris*
повловниця — клубника
полѣва — мякина; *половѣе жито* — рожь созревает, покрывается мякиною
порѣчки — красная смородина
ряска — трава
стѣкратки — маргаритки
сунѣца — земляника
сѣножать — луг, где бывает сенной покос
трянда — роза
узваръ — сухие плоды
хруцъ — насекомое, поедающее цветы на плодоносных деревьях
червецъ — канцелярское семя
яловѣцъ — можжевельник

Наречия малорусское и белорусское (речь идет об украинском и белорусском языках.— Л. Х.) рассматриваются как отдельные от великорусского (русского языка.— Л. Х.), самостоятельные, и потому речения их более чужды нам, нежели остальных провинций. Так в малорусское вошло много иностранных, нами не принятых слов, напр.: *вириши* — поздравительная речь, *кадукъ* — падучая болезнь, *каламартъ* — чернильница, *каплица* — часовня, *конвалѣя* — ландыш, *коштовать* — отведывать, *крѣйди* — мел, *левада* — огороженный сенскос, *лыхтаръ* — подсвешник, *муръ* — каменная стена, *розинки* — изюм и проч.

Впрочем, весьма многие речения вовсе не чужды и нам, напр.: *гукъ* — эхо, отголосок, *гробовище* — кладбище, *дѣ-свѣтки* — время перед светом, *задвѣрокъ* — задний двор; названия пастухов: *овчаръ*,

скотарь, стадникъ и проч. Точно так же надобно отличать и в других провинциализмах чисто русское от татарского, финского и проч.

Со временем, когда издадутся литературные памятники областных наречий, можно будет рассуждать о провинциализмах в предложениях и в построении речи. Впрочем, на первый раз, уже и ономастика провинциальная предлагает весьма важные результаты: 1) некоторые провинциальные речения попадают почти во всех областях России. Следовательно, они теряют характер местного провинциализма, составляя общее достояние всего народа; 2) многие древние слова и обороты, совершенно для нас понятные, сохранились только в местных наречиях. Следовательно, и их нельзя назвать провинциализмами; 3) областные наречия предлагают множество метких выражений таким понятиям, для коих нет слов в языке письменном. Спрашивается: можно ли отвергать такие провинциализмы, как никуда негодный хлам? 4) в провинциализмах выражается жизнь народа русского во всем ее неистощимом разнообразии, а, разумеется, необходимо изучать жизнь своего народа, и наука имеет благородную цель — сблизить людей образованных с их соотечественниками, рассеянными по всей России.

З а к л ю ч е н и е

В статье о народном языке знакомимся мы с идиотизмами (идиоматизмами.— *Л. Х.*) русского языка. В архаизмах язык неразрывными узами связывается с древним бытом, с жизнью воинскою, гражданскою, художественною, словом, со всеми сокровищами нашей старины. История варваризмов идет рука об руку с народною образованностью; вопрос об языке тесно присовокупляется к вопросам нравственным и разрешается борьбою народного с чужеземным. Как архаизмы и варваризмы совпадают с историей народа, так провинциализмы можно назвать филологическою географиею и статистикою: они знакомят нас с природою и жителями России.

Народный язык сохранил в себе многие формы церковнославянские, и наоборот, в церковнославянской литературе постоянная примесь речи народной. Провинциализмы суть не что иное, как разветвление народного языка: из них он слагается; потому, как существенная стихия, входят они и в архаизмы. Древние славянские формы стоят между архаизмами и варваризмами.

В каждой из этих стихий языка есть своя крайняя, негодная сторона: народность граничит с невежеством; архаизмы надувают слог напыщенными фразами; варваризмы, в ущерб самостоятельному мышлению, прикрывают не переваренные в голове мысли непонятными и по большей части непонятыми словами; провинциализмы унижают слог до площадной брани. Я рассматривал эти стихии во всей обширности, стараясь показать необходимое и разумное значение их в языке.

Авторитет новейших писателей, от Ломоносова до Пушкина,

неоспоримо велик, но только им одним ограничиться никоим образом невозможно, ибо язык непрестанно движется и живет своею мощною жизнью в лоне народном. Образцовые писатели дают речи учащегося склад и связь и указывают путь, как пользоваться языком народа. Стилистика древних языков стоит в пределах классических писателей; стилистика новых и преимущественно русского, литература коего только что расцветает, должна расширить свои границы.

Как слово и предложение составляют существенную стихию всякого словесного произведения, так и грамматика является необходимою частью стилистики. Стилистика от отдельных слов и выражений быта общественного или религиозного доходит до построения ораторской речи, от грамматических родов до басни, от символической в отдельных словах и грамматических формах до чудесного в поэме и пр.

Каждому языку свойствен особенный склад речи, именуемый слогом; стилистика русская от первой страницы до последней должна быть генетическим определением русского слога.

НЕЧТО О РУССКОМ СЛОГЕ. ДЛЯ ПРОГРАММЫ К ГОДИЧНОМУ ИСПЫТАНИЮ В АРЕНСБУРГСКОМ УЕЗДНОМ ДВОРЯНСКОМ УЧИЛИЩЕ, 20 И 21-ГО ДЕКАБРЯ 1843 Г. РАССУЖДЕНИЕ УЧИТЕЛЯ ВЫСШИХ КЛАССОВ РУССКОГО ЯЗЫКА НИКОЛАЯ ВАРАДИНОВА. ДЕРПТ. 1843 Г., В 4-КУ, 23 СТ. ОПЫТ ПОЯСНЕНИЯ ВИДОВ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ. РАССУЖДЕНИЕ И. НИКОЛИЧА, СТАРШЕГО УЧИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ДЕРПТСКОЙ ГИМНАЗИИ. ДЕРПТ. 1843, В 4-КУ, 18 СТ. ДЛЯ ПУБЛИЧНОГО АКТА ДЕРПТСКИХ УЧИЛИЩ

Официальные сочинения учителей важны не столько в литературном отношении, сколько в статистическом, ибо служат указателем учебного направления и степени знаний в том или другом училище. Вышеозначенные рассуждения существенно отличаются своим характером: первое беллетристическим, последнее — филологическим.

«Разнообразие русского слога, несогласие отечественных писателей касательно сего предмета, статья Казака Луганского «Полтора слова о нынешнем Русском языке» (Москвитянин, 1842, № 2), замечания на оную г. Шевырева (какие?), отзыв «Журнала Министерства народного просвещения», а особливо новое издание «Истории государства Российского» и истинно благонамеренное объявление г. Погодина об этом приятном событии родили во мне намерение изучить в самих источниках русское слово от великой эпохи преобразования нашей Родины, по возможности, до текущего времени». Так откровенно признается г. Варадинов на первой странице своего рассуждения. Конечно, «Москвитянину» весьма приятно, что его мнения наводят на истинный путь учителей из отдаленных Ост-Зейских губерний, но вместе с тем и прискорбно, что не так, как

следует, понимаются. Прежде всего надобно заметить, что только одни краткие журнальные статьи никоим образом не могут в человеке ученом возбудить намерение изучить то, что он как преподаватель должен бы давно уже знать. Притом как бы основательны и добросовестны они ни были, никогда не дадут ясного и полного понятия о целой науке. Без твердого начала, следующий только им одним непременно впадает в противоречия. Господин преподаватель хочет изучить «Историю государства Российского» подвигнутый к тому чем же? — объявлением, и притом — объявлением уже о последнем издании оной: и между тем думает ограничить русский язык только новым периодом его истории, т. е. от Петра до наших времен, тогда как главным источником карамзинскому слогу — древнейшие памятники литературы допетровской. Желательно, чтобы по лекциям проф. Шевырева о русской литературе, печатаемым в нынешнем году «Москвитянином», господин преподаватель убедился в необходимости более глубокого изучения русского языка. Если бы господин преподаватель знал, что и до Петра писали полурусским, полуцерковнославянским языком, то не думал бы, что пастыри церкви времен петровских, «считая разговорное наречие неприличным для изъяснения истин евангельских и постигая, что чисто славянские звуки не совсем внятны их благочестивым слушателям, и з о б р е л и (sic!), без помощи грамматик, особенный способ выражения: он занимает в русском витийстве середину между текстом библейским и общеупотребительным языком...» (с. 6).

Вера в скоропреходящие журнальные толки и критики несовместна с обдуманном убеждением в деле науки: потому господин преподаватель не умеет воздать должного нашим писателям и без церемонии ставит наряду с Карамзиным и Пушкиным таких, которые никогда о том и не мечтали. На 20 стр. сказано: «Греч, по справедливости, научивший нас правильно писать», — а Карамзин, Жуковский, Пушкин, Востоков — разве не учителя наши в грамматике? Особенно странную показала нам похвала Луганскому: говоря о Лажечникове, Гоголе, господин преподаватель прибавляет: «Не надлежало бы здесь говорить о Казаке Луганском: он в ы х о д и т из п р е д е л о в т е к у щ е г о в р е м е н и (?), в нем не должно видеть только рассказчика: он во многом (? неопределенно!) двигатель речи, что так ясно высказал в статье «Полтора слова о нынешнем русском языке».

Конечно, направление Луганского весьма дельно и благородно: он стоит за народную речь, но нисколько не выходит он из пределов нашего времени, потому что его давно уже опередили Пушкин и Крылов, столь метко и художественно уловившие речь в устах народа. Еще Пушкин указал на сказки и песни народные как важнейший источник усовершенствованию слога и советовал учиться русскому языку у московских просвирен (см. Сочинения Пушкина, т. I, с. 253—254 и т. XI, с. 214—215, 230—231). Вообще похвалы господина преподавателя отзываются каким-то юмором и, как кажется, намеренно темнотою. Так, напр., на с. 21 Гоголя он хвалит за то,

что в его сочинениях «недоразумения нет ни в одном предложении». Не поздоровится от этаких похвал! На стр. 23 он хвалит Кукольника так: «Хотя сценами «Бориса Годунова» восхищались до очарования, но высший драматический слог приобрел драгоценный перл при появлении «Торквата Тасса» Кукольника. Наш трагик отвергнул образцы отечественные, подражая немецким, умея искусно подделываться под разговор нижегородских граждан (?) и подслушивать беседы бояр, он все-таки предпочел здесь художественную плавность возвышенной речи». Особенно конец этого периода так темен, что трудно решить — похвала ли это Кукольнику или брань? Вероятно, Кукольник сам не согласится, чтобы его «Тасса» сажали на одной лавке рядом с «Борисом Годуновым» Пушкина: соседство страх как невыгодно.

Учителю словесности никоим образом непростительны неприличия в торжественной речи. Говоря о «Душеньке» Богдановича, господин преподаватель замечает: «Самая вольность картин не достояние минувшего периода — это наш недостаток, наша слабость» (с. 9). Мы умываем руки при подобном обвинении и удивляемся простосердечной исповеди педагога на публичном акте. Неприлично также — фамильярно обращаться с великими писателями: теперь уже прошла мода, чтобы вместо Державина сказать: «Гавриил Романович многими одами стал Бояном Европы и Азии» (с. 9). Также неприличным в торжественной речи показалась нам выходка против чиновников: «даже «Кавказский пленник» был изувечиваем бесконечными переписками канцелярских чиновников...» (с. 22). Это не деликатно и перед посетителями акта и даже перед учениками, потому что слушатели этой речи, вероятно, были по большей части люди чиновные и многие ученики дети чиновников. В торжественной речи всякое слово должно быть к стати.

Что касается до рассуждения Николича, то мы рекомендуем его всякому немцу, желающему получить ясное понятие о видах русских глаголов и даже краткое руководство к употреблению их. Господин преподаватель все дело представляет практически, применительно: берет отрывки из русских писателей и переводит их по-немецки, берет греческие, латинские, немецкие, французские тексты и переводит по-русски, так что из сближения различных языков становится ясно, каким формам чужих языков соответствуют виды наших глаголов. Николич основывает учение о видах на след. началах: «глагол означает действие или состояние. Свойство же всякого действия или состояния можно представить себе или продолжающимся, всегдашним, обыкновенным, или кратким, мгновенным, случайным. От того или другого способа представления действия или состояния предмета зависит и самый образ их выражения. Глагол поэтому не может ограничиваться одним лишь изменением своей формы по времени, в каком мы желаем осуществить представляемое нами действие или состояние, но должен отражать и оттенки,

зависящие от двух означных свойств точек воззрения на действие или состояние, и подчиняться также им в изменении своей формы. В древних языках и во всех новейших, как германского, так и романского происхождения, спряжение глаголов зиждется на предыдущих двух началах, и мы находим три времени для выражения действия продолжительного (Tempora der Dauer) и столь же для изображения действия конечного (Tempora der Vollendung). Но славянские наречия, как-то языки русский, польский и прочие, отличаются грамматически от новейших и древних в том отношении, что глаголы их касательно образа выражения продолжения или исполнения действий не составляют особенных в р е м е н продолжения или исполнения действий из одной и той же формы глагола, но для осуществления тождественного понятия о действии или состоянии имеют, смотря потому, в каком виде они представляются, в продолжительном ли или кратком, различные выражения, из которых каждое, в свою очередь, отдельно изменяется по временам. В р е м е н а других языков и в и д ы глаголов русских в основании своем, на которое опирается и употребление их, довольно сходны».

О ВОСПИТАНИИ В НАЧАЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ РОДНОМУ ЯЗЫКУ

Первоначальное учение отличается от последующего тем, что непосредственно соединяется с воспитанием и из него исходит. Мать учит свое дитя молиться богу и тем полагает начало и воспитанию его и образованию умственных способностей. Под домашним кровом, в кругу родной семьи, нечувствительно, играя и забавляясь, дети узнают в малом объеме все то, что предложит им начальная школа. Они умеют уже и считать, даже знают некоторые понятия отвлеченные, о добре и зле, о боге и христианстве, и хотя не ясно понимают их, зато живо сочувствуют. Собственно учение начинается азбукою. Чтение и письмо отделяют первый период исключительного воспитания от периода обучения. Тогда обыкновенно начинается раздвоение в нравственном бытии дитяти, которое долго не ведает, для чего, исторгнув его из живого мира впечатлений и ощущений, заставляют разбирать непонятные для него знаки. Еще в большее смущение приходит дитя, когда, поступив в руки наставника, начинает учиться русскому языку. Его мучают бессмысленным повторением слов в разных падежах, временах и лицах, и он остается в полной уверенности, что не знает того, что ему уже давно известно. Отуманивши детское сознание учебным предрассудком, наставник своею наукою ставит дитяти непреодолимую преграду между ученьем и жизнью. Наука является во всей беспощадной строгости и наготы.

Таким образом, с давних пор отечественный язык проходится в наших школах по старинной методе латинской грамматики. Теперешние руководства хотя изгнали не свойственное русскому языку, по Академической грамматике, деление склонений и спряжений, скопированное с латинских, однако остаются при той же методе: ибо учат русских русскому языку, как языку чуждому, неизвестному. Такое обучение ограничивается только преподаванием, несколько не касаясь воспитания. В недавнее время перенесли к нам наглядное учение в виде умственных упражнений; и многие учителя, чувствуя недостаток прежних учебников, вздумали им воспользоваться. Учитель русского языка превратился в дядьку; вместо падежей и предлогов стал объяснять детям, что такое корыто, отчего бывает на дворе грязно и почему надобно ежедневно умываться и молиться

богу. Таким образом, обучение отечественному языку перешло в воспитание, отбросив всякое учебное значение. Обе эти крайности, и латино-школярная и наглядная, хотя и доставляют учащемуся нечто полезное, однако, по своей исключительности, неизбежно ведут к пустому препровождению времени, ибо для дитяти столько же известно, что на вопрос — *к о м у?* говорится: *богу*, — как и то, что поутру надобно умываться. Впрочем, и та и другая метода стремятся образовывать детский рассудок: одна определением грамматических категорий и подразделением частей речи; другая определением и подразделением всего, что ни попадет на глаза. А так как одностороннее логическое развитие ума ведет к пустому формализму и притом решительно противоположно живой, чувственной и многосторонней восприимчивости детей, то надобно признать некоторый существенный для воспитания вред в логических началах обеих метод.

Путь нисхождения от общего к частному, от определений к подразделениям, издавна усвоенный нашими учебниками русского языка, решительно противоречит постепенному естественному ходу и развитию мышления. Определения грамматики и частей речи, стоящие во главе руководств, не имеют для детей решительно никакого смысла, потому что определяют им неизвестное. Искусственная система совершенно спутывает детей: они видят в грамматике не науку об языке, а какое-то чудовищное сборище призраков, именуемых глаголами, предлогами, падежами и пр. Всякое живое впечатление учителя покрывает отвлеченным названием: сквозь грамматические термины дети не видят в языке ни природы, ни жизни. Учителя наглядной методы подметили эту несообразность и стали объяснять детям предметы жизни действительной, так как они есть: напр., они серьезно преподают ученикам, что стол делается из дерева и из камня, может иметь одну, две, четыре ножки, сапоги шьются из кожи и т. п. Но таким образом сблизят ли они учащегося с действительностью? Схватят ли жизнь во всей глубокой простоте ее? Разумеется, нет; потому что детям скучно говорить о том, что они ясно видят и понимают с младенческих лет. Есть многое в жизни, что разумеется уже само по себе, чему никто не учится систематически и узнает вместе с жизнью; подводить же все это к системе — значит думать только о системе, а не о предмете, и, стало быть, учить этому — значит развивать ум только в формальном отношении и не давать никакого существенного для мышления содержания. Следовательно, и наглядная метода умственных упражнений, вместо живой природы, предлагает детям отвлеченную форму.

Стало быть, пустой формализм без внутреннего живого содержания составляет существенный характер и латино-школярной грамматики и методы умственных упражнений. Под именем формального разумеется такое обучение, которое только скрывает и укрепляет силы учащегося: напр., выучка наизусть страницы на неизвестном языке или же и на родном, но чего-нибудь не по силам детским, словом, непонятного — укрепляет память, но не дает никакого

знания. Этому противоположно материальное обучение: дается понятный факт, который дети заучивают, рассуждая и соображая. Очевидно, что материальное учение не только не исключает формального, но еще расширяет его область. Родной язык, как факт, известен уже детям: следов., учить ему, как иностранному, значит не предлагать никакого содержания.

Как в природе, так и в учении скачков не бывает и быть не должно. Обучение родному языку должно основываться на предшествовавшем развитии понятий и дара слова детей. Все, что знают они, поступая в школу, узнали из языка: учась говорить, учились они и постигать природу видимую и понятия нравственные. Все многообразие жизни уразумели они наглядно и озаменовали для себя родным языком так, как учили их говорить отец и мать. Никто не составляет для себя языка, но по преданию получает от предков; в родном языке та творческая сила, которая вызывает в детях мысль, ибо дитя прежде лепечет переданное от родителей слово и потом уже влагает в него мысль. Укрепляясь в произношении слова, дитя вперяет в свой ум и мысль, им выражаемую. Хотя дар слова и мышления человеку врождены, но своими собственными силами не скоро бы мы дошли до того, чтобы стать на ту степень умственного развития, на которой уже стоит окружающее нас общество. Через язык открывается дитяти сознание самого себя и мира внешнего. Итак, предание и откровение — два великие двигателя к совершенствованию человека — заключаются и в родном языке.

Посредством языка человек становится членом общества. Отец и мать выучили его говорить и тем возбудили в нем искру мысли. В дитяти развились духовные способности — и требуют своего выражения в слове. Чувство нравственное возбуждается в человеке словом, словом же и приводится в действие. Слово само по себе уже должно быть для человека подвигом нравственным, ибо всякое слово есть дело и всякое доброе дело вызывается словом. Человек помогает ближнему тогда, когда знает, в чем он нуждается: потому народ необразованный постоянно питает недоверчивость к чужеземцу, язык которого ему непонятен. Первое нравственное сближение между людьми, знакомство начинается разговором. Итак, общественное назначение человека развивает дар слова, и высшее раскрытие этого дара должно быть нравственной целью человека в обществе, ибо посредством слова он напечатлевает свою личность в умах его окружающих. Следов., уча излагать словом мысли правильно и сильно, развиваем мы в дитяти его нравственные силы и готовим обществу достойного деятеля.

Итак, если школьное учение должно исходить прямо и естественно от той степени развития, на которой стоит дитя, и если должно иметь целью будущее назначение человека, то первая задача обучения родному языку состоит в том, чтобы дети ясно уразумевали то, что слышат или читают, и чтобы правильно излагали свои мысли изустно. Такая задача выполняется или, лучше, должна выполняться всеми предметами обучения, и законом божием, и историей,

и математику. Потому-то в некоторых образованных странах, до настоящего даже времени, не было введено в школах преподавание родного языка особым предметом. И действительно, первоначально всякая наука учит и родному языку, развивая мысли и дар слова. Но можно ли исключить отечественную грамматику из школы? В чем состоит незаменимое достояние обучения родному языку?

Прежде нежели приступит к наукам, дитя учится читать, понимать прочтенное и сказать оное своими словами: стало быть, учиться языку. Так как слово состоит из звука и мысли, то и в учении две цели — правильное и ясное произношение и уразумение мысли. В первом случае это ученье соединяется с азбучкою и довершает ее, второе переходит в грамматику. Притом, чтоб правильно прочесть, с удареньем, надобно понять смысл: стало быть, и произношение зависит от уразумения смысла. Чтение есть продолжение того общего образования, которое дают дитяти отец и мать своею беседою. Живое слово переходит в книгу, и учитель должен вызвать его для дитяти из книги живым, заставляя вникать в смысл и рассказывать понятое. На этой степени казалось бы, что метода переходит в наглядные умственные упражнения, однако существенно от них отличается, ибо извлекается из чтения; развивая смысл, развивает дар слова; притом исключает тощую формальность и пустопорожний хлам примеров. Таким образом, чтение предшествует науке и составляет естественный переход от первоначальных впечатлений дитяти, приобретенных в кругу семейства, к систематическому знанию. Хотя учение родному языку является сначала средством, т. е. дитя учится не языку, а выраженному словом содержанию и подготавливается к уразумению наук, однако и здесь родной язык, как учебный предмет, имеет уже собственные свои границы и свое содержание.

Пробуждение сознания есть первый шаг к духовному совершенствованию человека. Мысли дитяти раскрываются и зреют по мере развития дара слова. Чем яснее кто понимает слово, тем яснее мыслит; и правильное уразумение речи ведет к правильному мышлению. Пока дитя не даст себе отчета в отдельных словах и предложениях, до тех пор не пробудится в нем ясное сознание мысли. Первоначальное учение должно представить язык не только орудием мысли, но даже самую мыслью: ибо для дитяти мышление есть не иное что, как разговор с самим собой втихомолку. А так как умственная способность в человеке, и преимущественно в дитяти, никоим образом не может развиваться отдельно от нравственного чувства, то, раскрывая мышление, учение родному языку должно вкоренять и добрую волю.

Первоначальное обучение родному языку должно быть не грамматическое, а реальное и логическое, постоянно соединенное с чтением и рассказом; т. е. учитель объясняет вначале не части речи и флексии, а значение отдельных слов и строение предложений, при чтении встречающихся. Каждое слово выражает представление общее, однако образуется вследствие частного впечатления,

происшедшего от действия или свойства предмета. Отличие этих двух моментов должно служить основанием объяснению слов. Дитя употребляет слово по навыку, бессознательно: если же узнает, как и почему такое-то понятие названо таким-то словом, то поймет и понятие, живо представит и впечатление, выраженное словом. Слово никогда не выказывает всей многосторонности мысли, оно схватывает только одну сторону предмета, по какому-нибудь одному разительному свойству оного; потому следует отличать слово, как выражение понятия о предмете, и то же самое слово, как выражение свойства оного. Объяснение слов должно соединяться с объяснением предложений и связи слов. Надобно, чтобы дети понимали, о чем говорится или о чем они прочли: следов., отличие предмета речи или подлежащего необходимо для уразумения смысла и т. д. Таким образом, синтаксис дает первоначальное логическое образование; этимология же, ограничивающаяся объяснением происхождения слов, предлагает живую энциклопедию всех понятий народа. Синтаксис будет канвою, бесцветною основой, которая заткнется многообразными цветами разнообразных понятий, выражаемых словами. На синтаксисе развивается и крепнет умственная способность ученика, объяснение же слов раскрывает ему все необозримое разнообразие понятий. Народ образует слова по высокому нравственному сочувствию с миром вещественным и духовным. Философия, как знание, принадлежит известному лицу, известной школе или известному поколению; философия языка есть достояние всего народа. Задача наставника — довести ученика до нравственного сочувствия с народом посредством языка. Начальный синтаксис объясняет формулы мышления, общие всем народам: это логика общая. Слова же составляются вследствие частного воззрения того или другого народа на предмет: стало быть, в составление их входят и нравы, и обычаи, и религиозные поверья, и вся природа отчизны. Итак, в форме общих отношений мысли (словосочинение) родной язык знакомит со всем бытом своего народа (словопроизводство, словарь). Язык, как выражение нравственной жизни народа, подлежит законам высокой нравственности, ибо составляется не случайною прихотью изобретателя, а устами целого народа как орудия творческой силы. Как дитя от впечатлений конкретных мало-помалу переходит к отвлеченным понятиям, так и язык звукам, вначале выражающим впечатления физические, впоследствии дает отвлеченное значение, находящееся в каком-либо соотношении с первым физическим представлением. Как язык от впечатлений переходит к понятиям, так и смышленость дитяти зреет мало-помалу, развиваясь из чувственных, отдельных впечатлений. Стало быть, сущность родного языка совпадает с развитием детского смысла.

Дитя уже имеет богатый запас родного языка, который есть данное от природы, а не приобретенное наукою. Учитель только приводит к сознанию это данное, точно так как логика развивает мышление или как добрый совет возбуждает чувство нравственное. Наука требует навыка к чему-либо неизвестному, стало быть, имя науки

даже не идет к начальному обучению родного языка. Приводя его к сознанию, дитя воспитывается в нем: ибо воспитание, подобно питанию, не создает нового, а только непрестанною пищею поддерживает воспитывающегося, возвращает и ведет к здоровому и твердому преуспеянию.

Итак, родной язык отличается от прочих предметов обучения воспитывающим своим характером. Конечно, и другие предметы могут и даже должны воспитывать в учащемся чувство нравственное, но это уже зависит от метода и приемов наставника; между тем как воспитывающая метода заключается в самой сущности родного языка, т. е. обучение родному языку и развитие нравственных сил дитяти совпадают.

И в обучении родному языку надобно отличать внешние, воспитывающие нрав приемы от воспитывающей силы, в самой сущности языка заключающейся. Объясню примером. В определении нравственных понятий, языком выражающихся, я воспитываю дитя не случайным приемом, но самим языком, когда говорю, что *правда* выше истины, ибо от нее просияли *праведники*; что *блаженство* выше счастья, ибо *блажен* только тот, кто *благ*; что *вера* содержит в себе не только истину, но и любовь, ибо верный раб не только не обманывает, но и любит своего господина; что *любовь* влечет к добру, ибо от *милой* (*милость* — любовь) происходит *милостыня*, и т. п. Примеры в о с п и т ы в а ю щ и х приемов: о существительном: подлежащее есть предмет для разговора. Название предмета именуется еще и именем существительным, потому что всякий предмет существует, т. е. где-нибудь находится — или пред глазами: *окно, дом*; или далеко от нас, и мы их не видим, напр. *горы, моря*; или хотя и около нас, но невидимые, напр. *воздух*. В темной комнате и все предметы бывают невидимы, однако они в ней находятся, т. е. существуют, стало быть, названия их все же имена существительные. Есть еще много предметов, коих хотя мы никогда не видим, ни днем ни ночью, однако они все-таки существуют; напр., бога мы не видим, но он существовал прежде всех вещей, прежде земли и неба, и будет существовать во веки веков: следов., название *бог* есть имя существительное. Ангелов мы также не видим, но их видят праведники на небесах: стало быть, и *ангел* — имя существительное. Молитву можно видеть, когда она написана на бумаге или напечатана в святцах; но ее можно и слышать, когда ее читает священник в церкви: потому молитва существует, название ее имя существительное. Когда ты читаешь молитву про себя, тогда хотя и ты сам ее не слышишь, ни я и никто из людей, однако она существует, потому что ее слышит сам бог, если твоя молитва доходит к богу. Стало быть, молитва и тогда будет именем существительным: где же тогда она существует? в голове, в сердце. Таким образом нечувствительно можно довести детей от предметов вещественных к духовным.

Об отрицании: сила отрицания находится в частице *не*, которая называется наречием отрицательным. Это небольшое

слово так важно, что, прибавив или убавив его, весьма часто вместо правды скажешь ложь. Напр., *бог всемогущ* — великая правда; а если бы мы сказали *бог не всемогущ*, то это было бы не только ложь, но и великий грех: видите, что ложь и неправда всегда ведут к греху. Говорите же всегда правду. Вы что-нибудь сшалили, вас спрашивают: зачем ты нашалил? Если вы скажете: *виноват* — сделаете доброе дело, потому что раскаетесь в своем проступке; если же скажете: *не виноват*, — то к своей вине прибавите еще другую, бóльшую. Теперь видите, как важно в разговоре это отрицательное наречие *не!*

О предложениях общих, частных и особенных: если говорится что-нибудь о всех предметах или о всяком, то предложение бывает общим: *все птицы летают*. Если же о чем-нибудь одном, то предложение бывает особенным: *город Москва стоит на Москве-реке*. Если же говорится и не о всех, и не об одном чем-либо, а о нескольких, о многих или немногих предметах, то предложение бывает частным, напр.: *некоторые птицы приятно поют*. Но нельзя сказать, что все птицы приятно поют, потому что вороны, воробьи кричат вовсе неприятно. Стало быть, одно и то же предложение, будучи общим, правильно, а изменяясь в частное, становится ложным. И наоборот, истинное частное, становясь общим, переходит в ложь. Напр., *все твари созданы богом* — истина; *некоторые твари созданы богом* — ложь; и думать так грешно. *Некоторые люди воры* — истина, *все люди воры* — гадкая ложь, и думать так грешно и постыдно, потому что оскорбляешь ближнего. Видите, любезные дети, как часто суждения наши бывают ложны, а потому, что мы приписываем что-нибудь всем, что прилично только одному или некоторым. Особенно дети впадают в погрешность ложных суждений оттого, что говорят много, а мало знают. Итак, говорите только то, что знаете действительно, что сами видели и слышали, и не говорите о предмете вообще прежде, нежели не узнаете всех частей его. Слова, означающие общее, частное и особенное, т. е. *весь, вся, все, всё, всякий, каждый, нѣкоторый, нѣсколько, один*, относятся к местоимениям.

Наконец, чтение и стройный рассказ прочтенного и понятого, подобно умному, наставительному разговору, постоянно придают уроку родного языка воспитывающий характер семейной беседы. Греки воспитывали своих детей чтением Гомера, наши предки псалтирью, теперь по всем училищам заучивают басни Крылова и «Историю государства Российского» Карамзина. Нужно великая потребность в книге для первоначального чтения, в которой бы с искусным и простым изложением соединилось разнообразное содержание. Хотя у нас довольно детских книг, но недостаток их в том, что они слишком детски написаны; а для детей только такое чтение хорошо, которое бы заставило задуматься и взрослого.

Правильное употребление родного языка есть не положительная, а отрицательная сторона обучения: и только эта последняя занимает место во всех существующих теперь руководствах. Наши

грамматики русского языка можно назвать уголовным сводом законов, полицейским исчислением правил, за неисполнение коих виновный подвергается наказанию. Но не наказание воспитывает, и не строгое правило ведет к сознательному действию, а постоянное обращение в законном действовании, постоянный пример и постоянное упражнение. Следов., чтением и письмом совершенно заслоняются такие учебники. Как ошибки на родном языке составляют исключение в речи дитяти, так и эти грамматики терпимы как исключения. Воспитывающего же характера в них еще менее, чем в общей, сравнительной и исторической русской грамматике, которая должна относиться к первоначальной как наука к воспитанию.

**МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.
О МЕСТОИМЕНИЯХ ВООБЩЕ И О РУССКИХ
В ОСОБЕННОСТИ. ПЕРВАЯ СТАТЬЯ ПО
ОТДЕЛЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ,
НАПЕЧАТАННАЯ В ОСОБОМ ПРИБАВЛЕНИИ
К ЖУРНАЛУ „BULLETIN SCIENTIFIQUE“,
ИЗДАВАЕМОМУ ОТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ОТДЕЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК**

Издание Академической грамматики принадлежит к важнейшим предприятиям современной русской литературы.

Первая статья, о местоимениях, уже вышла в свет; другие, по мере обработки, будут издаваться при Историко-филологическом бюллетене Академии под названием Материалов для Русской грамматики.

Академическая грамматика, действительно, есть «народная книга, важная для каждого русского, хранилище одного из драгоценнейших сокровищ, завещанных нам от предков, языка отечественного,— как выражается автор статьи, о местоимениях,— должна заключать рациональное воссоздание отечественного языка и служит как заветом от предков, так и законом для современников. Такая книга, согласно с мыслию Президента Академии, х р а н и т и у т в е р ж д а е т я з ы к». Она «показывает всю жизнь народного слова, всю судьбу его, неразлучную с судьбами народа».

Такое литературное явление возбуждает к себе живейшее участие не только человека образованного, но и каждого грамотного, ибо, кто из русских не сочувствует судьбе своего народа, кто не благоговеет перед законом современным?

Честь составления Академической грамматики предоставлена Московско́й комиссии, которая принимает на себя разработку материалов для нее со стороны философской и исторической, как значится в Академическом отчете за 1842 г. (см. Журнал Министерства народного просвещения, 1843, ч. XXXVIII): образцом в этом труде она поставляет себе грамматику Гримма. Приготовительные тру-

ды в первом отношении (т. е. философском) будут Ординарного академика И. И. Давыдова, рассуждением которого о местоимениях вообще и о русских в особенности и начинается это трудное и великое для нашей литературы дело.

Ни малейшего нет сомнения, что в филологии направление историческое и сравнительное не в пример важнее философского. Факты не налагают цепей на мышление, ибо всяк может по-своему обсудить их, тогда как философская система, не нами составленная, порабощает себе ум и весьма часто доводит его до предрассудков. Философская грамматика возможна только такая, которая основывалась бы на самом подробном изучении лингвистическом, именно такая, какую понимает ее Гумбольдт в своих глубоких исследованиях. Стало быть, чтобы дойти до этой философии, нужно самому проникнуть в сравнительно-исторические факты и из глубины их уже вызвать мысль, которая бы их оживила своим ответом. Следовательно, собственно нет резкого отличия грамматики сравнительно-исторической от философской, и всякий лингвист должен стремиться к тому, чтобы в исторические факты вложить животворную мысль, а философию языка осуществить историческими фактами. Как материал сравнительные и исторические исследования в лингвистике необходимы и достойны всякого одобрения; исключительное же философское направление терпимо быть не может, ибо выказывает в авторе несамостоятельность, а в его системе натяжку. Мысль, кажется, проста, а между тем до сих пор часто случается слышать, будто бы тот, кто умеет судить, например, хоть об искусстве, по результатам Эстетики Бахмана или Гегеля, гораздо самостоятельнее и глубокомысленнее того, кто сам изучил изящные произведения путем историческим, соображаясь с Винкельманом и Отфр. Миллером по памятникам, о которых умеет отдавать себе отчет во всей подробности. Такие философствующие теоретики, порабощенные чужому уму, позволяют себе даже издеваться над скромными исследователями фактов, клеймя их именем людей недалеких, для которых будто бы частное явление ограничивает весь умственный горизонт и которым вовсе недоступны высокие и отвлеченные идеи.

Можно двояким образом писать Русскую грамматику: или перевести из какой-нибудь немецкой философской грамматики общие начала и к ним приклеить некоторые частные явления языка русского, или же изучить свой язык исторически по всем его памятникам и сравнительно не только с славянскими наречиями, но и со всеми сродными индоевропейскими языками и потом уже приступить к философским выводам, основываясь на богатом запасе материалов. Эту мысль вполне разделяем мы с автором статьи о местоимениях, который весьма основательно говорит, что «исследования по части языка могут быть: философские, относящиеся к приложению законов общей грамматики к отечественному слову, и исторические, составляющие предмет сравнительной грамматики и основывающиеся на письменных его памятниках».

В первом случае Русская грамматика будет сколком с чужой,

и, как подражание, не будет иметь никакого ученого значения: выписывать легко. Каждый народ смотрит на вещи по-своему; потому, кроме логики общей, всякий язык имеет свою собственную, частную, до которой никогда не дойдешь общими местами. Стало быть, только Историческая Русская грамматика может быть настоящею Русскою грамматикою, и намерение Академической комиссии взять в образец Гриммову историческую грамматику заслуживает похвалы самой беспристрастной.

Но вот в чем беда. Философствующие составители грамматических теорий слишком презирают нашу старину, говоря: «Да что за история русского языка? где она? в летописях и грамотах, писанных людьми безграмотными? А можно ли основать что-нибудь р а ц и о н а л ь н о е на ошибках писцов и переписчиков?» Нарушая таким образом непрерывную связь современного с преданием, эти господа противоречат и самим себе, думая видеть в грамматике з а в е т от предков, и высокому стремлению Академии, столь неусыпно подвижающейся в издании драгоценных памятников нашей старины. Заднею, потаенною причиною таких мыслителей, кажется, надобно почесть то, что легче жить чужим умом, нежели своими трудами. Нельзя же предположить, чтобы, ослепленные упрямством, они не видели, что все настоящее в нравственном быту народа коренится на прошедшем, что причина современному глубоко погружена в недрах исторического развития народа, что тупо всякое заморское философствование там, где оно надувается натяжками объяснить частный факт, который можно уразуметь только при условиях местных и своевременных, что наконец чужими глазами ничего не увидишь сам и прозеваешь множество замечательных явлений.

Надобно сказать и то, что в древних памятниках нашей литературы отличать ошибку от правильного употребления не так легко, как воображают многие. Неупотребляющееся теперь — не есть еще ошибка: глазами современников нельзя смотреть на прошедшее; чтобы понять исторический факт, надобно переселиться в прошедшее и его мерилom измерять тогдашние явления: в противном случае мы осудим своих предков и за то, что они не курили табаку или не носили фраков. Это, кажется, такое всеми доказанное основание исторической критики, что о нем не стоило бы и говорить, а между тем его-то и не понимают многие грамотеи, которых можно характеризовать именем п у р и с т о в. Они воображают себя заключенными в магическом кругу некоторых грамматических правил, которыми стреляют во все, что им не по сердцу, чего не понимают или что изучить трудно. Они порицали даже самого Пушкина за грамматические ошибки против дюжинных учебников. Не признавая законности прошедшего, они сковывают и будущее преспеяние языка, ибо хотят наложить тяжелые цепи на теперешнее употребление. Язык русский кажется им уже мертвым, отжившим, как латинский или греческий; потому-то они даже хотели оцепить современный язык циклом (как они выражаются) образцовых писателей так, чтобы уже никто не смел далее показать и носу из-за принятого в обра-

зец авторитета. Такой план решительно был отвергнут отделением Академии наук, как значится в вышеупомянутом отчете, где весьма глубокомысленно замечено по этому случаю, что «русский язык еще живет в устах многочисленного народа и, таким образом, подвержен изменениям в объеме, составе и формах; а древние классические языки, когда возникло их систематическое изучение, находились только в книгах. Это обстоятельство уже указывает на различие в составлении их словаря и грамматики. Цикл избранных писателей не может объять языка вполне, что по необходимости заставит обратиться и к словам, находящимся только в языке общежитиельном» (см. Жур. Мин. нар. просв., 1843, ч. XXXVIII).

Приняв в основание авторитет образцовых писателей, Ломоносова, Карамзина или Пушкина, последовательно надобно было бы признать и источники их слога, язык древний, народный, на коих они воспитались. Но пуристы о последовательности своих начал не думают и, стало быть, не понимают слога образцового; ибо не разумеют существенных стихий оного. Отрицая законность языка древнего, тем самым отрицают и народность современного, ибо старинная литература, кроме языка книжного, церковнославянского, преисполнена живым разговорным, какой и поныне слышится в устах народа. Но старина им кажется запустелым кладбищем бедняков, от коих не осталось ни роду, ни племени. Народность же они умеют отличить от простонародности, и стоят на той степени убеждения, на какой во время оно с тяжелою спесью называли подлостью все национальные педанты, которых пристыдил даже сам Тредьяковский, извиняясь, что обращает их внимание на «несколько отрывочков от наших подлых, но коренных стихов». Отстраняясь от неизменной, стоячей народности, пуристы не терпят в слоге и движения вперед: если заметят писателя оригинального и даровитого, гибкий язык которого свежестью своих форм выступает из колеи дюжинных писак, они тотчас хватаются за школьную грамматику и хлопотливо подмечают, нет ли у него ошибки против согласования и управления слов. Они хотят учить тому, что всем известно, и не учатся сами; думают над всеми господствовать и попадают впросак, наравне с теми критиками, которые в стихотворениях Пушкина народные слова зочли противным русскому языку нововведением.

На чем же хотят они построить науку об языке русском?— На общих, непреложных законах слова человеческого,— с тяжелою гордостью они вам ответят. И подумаешь, что они изучили вконец всю современную лингвистику и на ее основании полагают свое учение: а между тем они только понаслышке знают Гримма или Ренуара, или даже самого Добровского. И весьма естественно. Кто разумеет новейшее учение об языке, тот станет благоговеть и перед своей стариной и народностью, ибо историю и народность ставят краеугольным камнем науки все современные лучшие лингвисты.

Итак, чем же, если не равнодушием и посредственностью,

объясняется в нашей литературе существование таких отступников от всего, что «хранит и утверждает язык»?

Стало быть, настояла великая необходимость в такой русской грамматике, которая, основываясь на твердой основе сравнительно-исторических материалов, предложила бы не случайные правила, а непреложные законы, извлеченные из глубины самой жизни русского слова; которая оградила бы употребление как от вредных нововведений, так и от бесчувственного равнодушия к богатству родного языка; возвысила бы авторитет образцовых писателей над толками грамотеев, иногда ни на чем не основанными; и наконец, храня все сокровища древнего и народного языка, утверждала бы строгим законом то, что теперешнему употреблению и прилично, и полезно. Поэтому-то и надлежит ожидать весьма благотворных последствий от просвещенного намерения Московской комиссии — составить Русскую грамматику по образцу исторической Гримма.

Вместо изложения содержания статьи о местоимениях, которую, вероятно, с любопытством прочтет читатель и сам, сделаем некоторые замечания: о философской части статьи, о сравнительно-исторической и, наконец, о некоторых отдельных выражениях, касающихся более точности изложения.

I. Философская часть рассуждения о местоимениях.

Сначала надобно заметить, что оно отличается исключительным философским характером, почему и стоит в решительной противоположности с историческою грамматикою Гримма, хотя она и принята в образец. Впрочем, это недоумие, вероятно, со временем разрешится. Но так как автор слишком увлекся учением Беккера (его сочинением „Organism der Sprache“), оставив в стороне глубокомысленную философию языка Гумбольдта и не соображаясь с историческою и сравнительною лингвистикою современного, то мы и почитаем не лишним изложить некоторые наши недоразумения. Нам кажется, что: 1) значение местоимений не определено во всей глубине и точности¹; 2) потому разделение их является каким-то случайным дроблением, без основной мысли: т. е. разделение не исходит из определения, согласуясь с основанием деления; 3) не показано прямое отношение и связь местоимений личных и указательных с адвербиальными²; 4) не обращено внимания, как и почему местоимения являются суффиксами имен и родственны с некоторыми частицами, именно с союзами и предлогами³. Следовательно,

¹ Кроме Логики, Феноменологии Гегеля и др., весьма глубокомысленные намеки на местоимения можно найти в Логических исследованиях Трендсленбурга, столь восхваляемых самим Беккером.

² Для этого следовало бы взять в соображение прекрасное сочинение В. Гумбольдта «Über die Verwandtschaft der Ortsadverbien mit dem Pronomen in einigen Sprachen».

³ А для этого надобно бы посоветоваться с исследованием Боппа «Über einige Demonstrativ-Stämme und ihren Zusammenhang mit verschiedenen Präpositionen und Conjunctionen».

значение местоимений в языке не объяснено в надлежащей полноте.

В § 5 автор говорит: «Назначение личного местоимения состоит в оличении или обособлении действия посредством трех лиц.— Такое же назначение оличать, обособлять бытие имеют другие виды местоимений, происшедшие от личных, каковы: местоимения указательные, притяжательные.— Этого, кажется, недостаточно. Для точнейшего определения местоимений следовало бы обратить внимание на отношение к понятию вообще — с одной стороны, и к личности говорящего — с другой. Имя и глагол выражают представления общие, местоимения же еще общей. Под словом *столъ* разумеется известный род предметов, хотя и вообще: местоимение же *это* или *то* может означать решительно все предметы, какие только говорящему угодно разуместь. Стало быть, объем понятий, выражаемых местоимениями, есть самый обширный, под коим стоит не только все существующее, но даже и несуществующее.— Если мы обособляем что-либо своею мыслию, то не иначе можем это сделать, как помощью всеобщего; в языке, когда хотим общее понятие представить единичным, придаем общее же отношение. *Здѣсь* и *теперь*, *это* и *то* суть общие формы обособления и все, что этими словами хотим обособить, разумеется, как всеобщее. Например, в предложении *Это человекъ ученый* — все понятия общие и *этот*, и *ученый*, и *человек*. Представление же особенное, отношение частное выражается ими потому только, что я указываю на известное лицо; потому только, что все эти общие понятия схватываю в известную минуту, в известном месте, когда и где говорю; потому, наконец, что свою собственную личность ставлю перед тем, о ком говорю. Следовательно, в местоимениях надлежит отличать обозначение самого общего понятия от обозначения личности говорящего.

Язык живет в разговоре: оттого постоянно выступает в речи личность говорящего, постоянно обособляется то, о чем говорится. Отсюда видно, почему местоимения личные должны быть источником прочих. Это-то личное обособляющее отношение между говорящими и должно служить основанием делению местоимений.— Автор же объясняет местоимения только из логических начал: почему его теория, вместе со многими общими грамматиками, и подвергается справедливому суду Гумбольдта, выраженному следующими словами: «Местоимение в своем истинном и совершенном виде введено в мышление только посредством языка. Пока разлагается мышление логически, а не речь грамматически, до тех пор не выступит необходимость 2-го лица, а через 2-е лицо яснее обозначается и 1-е. Так как наши общие грамматики основываются обыкновенно на началах логических, то и рассматривают местоимения не так, как явились бы они в грамматическом разложении речи»¹.

¹ Humboldt W. Über die Verwandtschaft der Ortsadverbien mit dem Pronomen in einigen Sprachen.

Отношение местоимений к наречиям автор понимает только внешним, формальным образом, говоря: «Местоимение, первоначально означающее бытие в виде существительного, становясь принадлежностью другого бытия или определением действия, принимает форму прилагательного или наречия. Поэтому местоимения в отношении субъективного бывают: существительные, прилагательные и адвербиальные» (§ 7). Следовало бы глубже вникнуть в значение личных местоимений и из них самих вывести необходимость сродства с наречиями, как это показал В. Гумбольдт. Отличие местоимений личных частью основывается на понятии места, и факты доказывают ясно, что во многих языках понятие места находится в соотношении с местоимением. В иных языках наречие является таким непременным спутником личных местоимений, что заменяет их в употреблении, при всем однако же грамматическом от них отличии. В иных языках понятие места действительно переходит в местоимение, не удерживая, впрочем, систематически всех форм местоименных. Наконец, в иных понятия и места и местоимения, выражаясь одними и теми же звуками, являются тождественными. Таковые факты встречаются в языках островов Южного моря, в языке китайском, японском, армянском. Исходя от этого начала, разумеется, гораздо глубже можно было бы постигнуть смысл адвербиальных местоимений¹.

II. Так как философия языка основывается на исторических и сравнительных исследованиях, то недостатки первой всегда зависят от недостатка последних. Как жаль, например, что автор не обратил внимания на настоящее, во всем объеме, значение местоимения *онъ, оный*, из коего видно, что обособление выражается равномерно и указанием, и понятием единичности: *онъ, оный* одного корня с лат. *ipius*, готск. *ains*; все они происходят от санскр. указательного местоимения *ana, êna*². Очень замечательно, что санскр. корень у нас удерживает то же значение, что и в санскритском языке; в других же языках переходит в понятие *одинъ*. Таковой переход весьма естествен, потому что указание есть исключение предмета из всех остальных, определение, ограничение и обособление его, как одного, на который обращается внимание говорящего.

Вообще произведения автора рассуждения о местоимениях отличаются оригинальностью, без соображения с исследованиями современных лингвистов. Например, о местоимении *который* в § 23 автор говорит: «последнее (т. е. *который, -ая, -ое*) преимущественно удержано польским языком. Из произношения в этом языке можно заключить, что оно образовалось из *кто* с окончанием личного местоимения *й*.— Прежде употреблялось и *который*; поэтому

¹ См.: Humboldt W. Über die Verwandtschaft der Ortsadverbien mit dem Pronomen in einigen Sprachen.

² См.: В о р р Fr. Vergl. Grammatika, с. 429.

(? — не следует!) непосредственное присхождение этого местоимения ведется от *кто* и *іетер*, -а, -о, вышедшего из употребления». — Это мнение совершенно противоречит общепринятому. Гримм¹ дает первоначальное значение нашему *который* — *кто из двух*, сравнивая его с греческим *ποτερος* вместо *χοτερος*. Бопп² оправдывает это производством санскритским *kataras* — *кто из двух*, происшедшим от *ka s* — *s кой*, с помощью суффикса сравнительной степени *tara*, который, как корень, сохранился и в лат. *trans, terminus, in-tra-re, pene-tra-re*. Отсюда понятно значение и местоимений *al-ter, nen-ter*. Нашему *ко-тор-ый* соответствует сравнительная же степень: *в-тор-ый*. Таковое производство весьма важно, ибо в старину *который* употреблялось в значении если не совсем сравнительном, то, если можно так выразиться, — в избирательном, что видно, например, в Остромировом Евангелии: *котораго васъ* — *τιςουσ υμων* (л. 110 а), *которыи же отъ васъ* — *τις δε εστι υμων* (л. 113 а), *которыи оубо ю* — *τις ουν αυτων* (л. 223 б) и пр. Следовательно, это сравнительное местоимение существенно отличается от церковнославянского *иже*, которое автор статьи о местоимениях не отличил достаточно от *который*, сказав только, что оно образовалось из личного местоимения 3-го лица, «с приставкою в конце»; с какою же приставкою? не объяснено. В. Гумбольдт³ весьма основательно замечает, что собственно относительное местоимение должно быть вместе и местоимением и союзом: и действительно, наше *иже, яже, еже* состоит из местоимения *и, я, е* и соединительного *же*.

О местоимении *самъ* автор говорит в § 18 «*самъ* или *самый* (*с* и *й* с коренным слогом, имеющим характеристикою личное местоимение *м*)». Вместо этого ни к чему не ведущего производства следовало бы лучше, во-первых, показать двоякий смысл местоимения *самый* у славян — *ipse* и *solus*: стало быть, и это местоимение, как *оный*, вместе с указанием соединяет и понятие единичности; во-вторых, или принять, или опровергнуть мнения Гримма⁴ и Юнгманна⁵, сравнивающих наше *самъ* с готским *sams* — один, *sata*, греческим *ομοσ* и *ἄμᾶ*, латинским *similis, simul, semel*, немецким *ein* — *сам*, и, наконец, сличить с санскритским *svayam* — *сам*, происшедшим от притяжательной формы *sva*, сродной с нашим *свой*, латинским *suns*, греческим *οφεισ*: в санскрите точно так, как и в русском языке, она употребляется не только для выражения *suns*, но и *tens* и *tuns*⁶. Стоит она в сродстве с нашим *себя* и готским⁷ *sibja* — родство (для аналогии сличи *свой* и *свойствó*). Как *особа* (о себе) происходит от *себя*, так *самъ*, кроме

¹ См.: Grimm. Deutsche Grammatika, ч. III, с. 2.

² См.: Bopp Fr. Vergl. Grammatika, с. 389.

³ См.: Humboldt W. Über die Kawi-Sprache. Предисловие, с. СХСIII.

⁴ См.: Grimm. Deutsche Grammatika, ч. III, с. 4, 5.

⁵ См.: Юнгманн. Словарь чешско-немецкий, т. IV, с. 11, 12.

⁶ См.: Bopp Fr. Vergleichende Grammatika, с. 487—489.

⁷ См.: Габеленц и Лёбе. Глоссарий к Ульфилю.

единичности и принадлежности самому себе, означает особность.

Производство адвербиальных местоимений требует также некоторых замечаний. В § 26 автор говорит: «Из местоимений *се* и *то* образовались наречия *сюда, туда, всегда, тогда*». Очевидно, что здесь обращено внимание только на первую половину этих слов *сю-, ту-, то-*, что же касается до корней *-да, -гда*, то они несколько не объяснены, будто бы их и не бывало, между тем как *-да, -дѣ, -ду* (в наречиях *сю-да, г-дѣ, всю-ду*) произошли от коренного звука *д*, означающего место и являющегося во всей чистоте позади предлогов *на, по, за, пре* в словах *на-дѣ, по-дѣ, за-дѣ, пре-дѣ*¹. Наречия же времени *когда, тогда* сродны с санскр. *kadâ, tadâ*, с литовск. *kadà, tadà*².

Нет спору, что всяк может иметь свое собственное мнение, но, кажется, автору следовало бы припомнить и общепринятые в ученом мире положения с тем, чтобы или принять их, или опровергнуть. Одним же утверждением, без критики, никто не убедится и не поверит недоказанному мнению, составленному наперекор учению современных лингвистов.

III. Нельзя согласиться с некоторыми выражениями автора. Так, в § 8 он говорит: «Если находится предлог перед *имъ, ихъ, ими*, то ставится придаточный *н* между предлогом и местоимением: *къ нимъ, отъ нихъ, съ ними*». — Во-первых, это правило не полно, ибо ему же подлежат и единственные числа местоимения: *его, ея, имъ, ей*; во-вторых, сбивчиво выражено, ибо может стоять предлог перед некоторыми их этих слов и все таки *н* не прибавится, например, *Отъ его дружбы ожидай себѣ больше зла, чѣмъ отъ его неприязни*. Следовательно, это правило надобно бы выразить так: если предлог управляет этими местоимениями, то перед ними приставляется евфоническое *н*. Нельзя отговориться тем, что здесь разумеются только личные местоимения, а не притяжательные, ибо *ихъ, его, ея* вовсе не притяжательные местоимения, а личные, иногда употребляющиеся в смысле притяжательном, или еще точнее: суть личные местоимения в падеже родительном, означающем принадлежность.

То же следует заметить и против § 23. Автор говорит: «Относительные местоимения определяют придаточным предложениям подлежащее и сказуемое предложения главного». Неточность в том, что определение слишком тесно: потому что относительные местоимения объясняют не только подлежащее и сказуемое, но и другие части главного предложения. Поэтому, например, местоимение в следующем предложении *Нельзя уважать человека, который вредит многим своим предѣлками* — не подходит к правилу, выраженному автором. Так бы следовало определить правило это: относительные местоимения объясняют придаточным предложениям части главного.

¹ См.: Юнгманн. Словарь чешско-немецкий, т. I, с. 323.

² См.: В о р р Fr. Vergleichende Grammatika, с. 613.

Еще одно замечание на слова автора в § 9: «В кельтическом языке глагол спрягается двояко: или с местоимением без личных окончаний, или с личными окончаниями без местоимения. Бопп указывает на подобное тождество личных местоимений и окончаний личного глагола в языках индогерманских». По этим словам вы непременно подумаете, что кельтский язык не индогерманский, ибо автор логически его отделяет от индогерманских: а между тем Пиктет¹ и Бопп² основательно доказали, что кельтский язык находится в ближайшем родстве с санскритским. Еще надобно желать, чтобы автор заменил выражение «языки индогерманские» другим, более точным, включив и славянские наречия в этот отдел языков, т. е. назвав эти языки индоевропейскими, как теперь всеми принято. Впрочем, весь грех этого параграфа падает на Беккера, потому что автор слово в слово перевел это место из его *Организма*³, даже и ссылки выписал оттуда же и в том же порядке, а именно: *Mitridates*, ч. III, отд. II, с. 642 и след.; отд. III, с. 382. *Legonidec. Gram. Geltobretonne*, с. 70. *В о р р Fr. Über das Conjugationssystem der Sanscritspr.*, с. 147. А затем, даже указание на Славянскую грамматику Добровского сделано по следам Беккера. Конечно, ученые могут сходиться между собою в мыслях, однако все как-то в недоумении спросишь себя: неужели немцы должны нас учить даже и тому, как разбирать славянскую грамматику? — Такой же перевод и так же выписаны ссылки из Беккера *Организма языка* (с. 204) и в § 11 рассуждения о местоимениях.

¹ См.: Pictet. De l'affinite d'langnes celtiques avec le sanscrit.

² См.: В о р р Fr. Die celtischen Sprachen in ihrem Verhältnisse zum Sanscrit, Zend etc., 1839.

³ Веckeг. Organism der Sprache. 2-е изд., с. 200 и 201.

О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

(Заметки на статью г. Греча в 7-м номере «Морского сборника» за 1856 г.)

«Заметки» г. Греча, напечатанные в 7-м номере «Морского сборника» нынешнего года, принадлежат к числу тех любопытных сочинений, в которых направление, некогда господствовавшее, встречаясь с направлением новым, откровенно выказывает свои начала и убеждения.

Нет сомнения, что грамматическая деятельность г. Греча, продолжая оказывать влияние на учившиеся поколения в течение целой четверти столетия, будет замечена в истории, если не литературы, то по крайней мере грамотности русской. Нет также сомнения, что полная и окончательная оценка этой деятельности, как и всего того, что в нашей современной литературе совершается, что в ней теперь живет и отживает, будет произведена только впоследствии, будущими историками русской образованности. Но г. Греч решился, так сказать, предупредить суд потомства, изложив в этих «Заметках...» краткую, но довольно полную характеристику своих грамматических начал и понятий.

В таких литературных явлениях, как и вообще в автобиографиях, беспристрастный читатель может видеть, с одной стороны, выражение авторского самолюбия и сознания своих признанных или непризнанных заслуг, а с другой — решительное самоотвержение, с которым автор обрекает себя на суд будущего историка, облегчая ему это дело «Исповедями» или «Признаниями», подобными «Заметкам...» г. Греча.

Современная критика, не имея права брать на себя тяжелой обязанности будущего историка, по крайней мере приблизительно может определить характер литературных и ученых заслуг такого автора, который своими «Заметками» или «Признаниями» облегчает ей этот труд и как бы вызывает современность на изъяснение решительного приговора. Поступая осторожнее самого автора, критика ограничится только объяснением его грамматических сведений и убеждений, изложенных в этом откровенном «Признании».

Несмотря на краткость «Заметок...» (менее печатного листа),

читатели найдут в них изложение, во-первых, основных начал грамматической деятельности г. Греча, во-вторых, его понятий о русской грамматике в отношении к преподаванию ее и к литературе и, наконец, изложение его мнений о тех нововведениях, которые воспоследовали в обучении родному языку и словесности независимо от учебников г. Греча. Таким образом эта небольшая статья нашего грамматиста предлагает читателям по возможности полную характеристику той грамматической методики, которая в его практических руководствах не переставала оказывать свое действие на целый ряд учившихся поколений второй четверти текущего столетия.

На чем же основывалась эта методика? Что было принято в ней за образец и по каким побудительным причинам?

Влияние французской литературы на нашу не ограничилось художественной деятельностью наших поэтов и прозаиков прошедшего века и начала текущего, но распространилось и на самую теорию. Схоластически составленным пиитикам, излагавшим добродушные наставления о трех единствах в драме, должны были соответствовать и риторика с учением об источниках изобретения или общих местах, а также и грамматика с правилами, основанными не на свойствах самого языка, а на употреблении его некоторыми, так называемыми, образцовыми писателями.

На долю г. Греча выпало быть представителем этого французского направления грамматистики. Хотя оно господствовало и в Германии, под влиянием Готшеда и Аделунга, но г. Греч желал брать свои начала и убеждения из первых рук. В оправдание принятого им направления в грамматических учебниках ему следовало доказать, во-первых, превосходство французского языка пред немецким, а во-вторых, преимущества в обработке французской грамматике пред немецкою и затем решить вопрос в пользу французов. «После этого (говорит он) вопрос о том, кому следует подражать в изложении русского языка, кажется уже решенным».

Для того чтоб дойти до этого решения, нужно было, во-первых, смешать понятие о языке и литературе с понятием о грамматике и, во-вторых, скрыть существенные достоинства немецких грамматистов.

Восхваляя французскую грамматику, г. Греч ловко переносит свои похвалы на язык и литературу французскую. «Практические грамматиканы, учебники (говорит он) не дерзали отступать от вековых образцов, и таким образом составила нынешняя французская грамматика, достойная прекрасного языка и богатой литературы. Смело могу сказать (продолжает он, переходя уже к языку и литературе), что нет ни одного из новых языков, который был бы обработан так вполне удовлетворительно, отчетливо, толково (рационально), как язык французский, по справедливости занявший место латинского, бывшего в старину орудием сообщения и понимания между различными странами.

Из скудных, малочисленных начал французы сотворили непре-

рывностью и последовательностью обработки дивное орудие к выражению мысли человеческой во всех ее оттенках, язык простой, легкий на изучение, невообразимо ясный и определенный, изящный и гармонический» (с. 195). Что же, грамматика ли была причиной всех этих совершенств французского языка? Сам г. Греч уверяет, что «французская грамматика возникла в 1660 г.», между тем как это время уже принадлежит к цветущей эпохе французской литературы, так что самая грамматика является естественным следствием деятельности разработки языка в образцовых произведениях этой литературы уже конца XVI и начала XVII века. Язык французский прост, легок на изучение, ясен и определен не потому, что просты и ясны грамматические руководства этого языка; напротив, самые руководства имеют эти качества по языку. Они возникли вследствие многовекового литературного образования.

Тогда только можно было бы взять в образец русской грамматике французскую, когда бы оказалось сходство в самых языках и литературах; напротив, ни язык русский, ни литературная его обработка не допускают этого насильственного сближения.

Язык французский малосложен и беден в этимологии, зато богат искусственною обработкою синтаксиса. Напротив, язык русский разнообразен, многосложен и необычайно богат в этимологическом своем составе, но, по недостатку в литературной обработке, не столько, как французский, гибок и прост в синтаксическом отношении, зато свежее и вольнее его в управлении и согласовании слов и безусловное в сочетании предложений.

Грамматика французская опирается на многовековой авторитет классических писателей; напротив, позднее развитие искусственной русской литературы, далеко не исчерпавшей всех сокровищ народного слова, обязывает русского грамматиста расширить пределы современного книжного языка и внести в грамматику свежие и обильные материалы церковнославянской и народной речи.

Как верный представитель схоластической французской методы г. Греч важнейшею частью грамматики полагает синтаксис; этимология же кажется ему делом пустым и ничтожным. Вот на с. 199-й собственные слова, в которых с замечательною энергиею выражается основная мысль двадцатипятилетней грамматической его опытности: «Главнейшим предметом при преподавании грамматики должен быть синтаксис. Эта часть у нас в небрежении. Спорят о том, что такое частицы речи *бы* и *же*, союз или наречие, толкуют, как писать — *лекарь* или *лѣкарь*. Это вещи неважные, забавы педантства и слабомыслия. Важнее всего в грамматике учение о правильном, ясном и понятном изложении мыслей, об отличительных свойствах русской речи, об употреблении и размещении слов».

Любопытно обратить внимание на то, как бедны были положительными грамматическими сведениями даже самые представители этой чужеземной методы русской грамматики. Г. Греч еще пред-

полагает, будто можно спорить о том, что такое *бы* и *же* — союз или неречие, будто толкуют о том, как писать — *лекарь* или *лѣкарь*. То и другое давно уже решено в грамматических сочинениях Востокова, и любой ученик уездного училища, проходивший грамматику по руководству этого основательного грамматиста, без запинки скажет, что *бы* и *же* союзы, а писать надобно *лѣкарь*, а не *лекарь*. Правописание нельзя назвать вещью неважною, забавою педантства. Оно основывается частью на преданиях языка и письменности, частью на требованиях приличия, обязательных столько же в грамматике, сколько и в наставлениях о слоге.

Если под забавою слабомыслия г. Греч разумеет какое-нибудь нелепое производство слова *лѣкарь* (например, от глагола *легчить*, т. е. «облегчать»), пущенное в ход как мнимое доказательство тому, что надобно писать *лекарь*, то по крайней мере намеком на действительную нелепость несколько выкупает он в глазах рассудительного читателя грубость не приличного выражения, которым он характеризует людей, занимающихся этимологиею.

Но как объяснить себе равнодушие и странное самоотвержение грамматиста, который в заключение двадцатипятилетних своих трудов на поприще русской грамматики называет педантством даже такой первоначальный вопрос, как вопрос о том, какая часть речи *бы* или *же*? И действительно, по пути схоластической методы невозможно было прийти к решению даже и такого вопроса. Представитель этой методы простодушно высказал здесь ее слабую сторону.

Трудно было привести пример слабомыслия и педантства неудачнее этих загадочных частиц *бы* и *же*. Положим, недоумение об этом темном в науке вопросе остается нерешенным. Но как же тогда приступить к синтаксису, который г. Греч с особенною готовностью рекомендует учащимся? Ведь известно (см. грамматику Востокова), что синтаксическое учение о сложном предложении — об этом важнейшем в практическом отношении предмете — большею частью основывается на значении и употреблении союзов. Но читатели увидят далее, что г. Греч под синтаксисом разумеет нечто особенное, впрочем, согласное с общим направлением принятой им методы.

Следуя французским руководствам, г. Греч думал основать грамматические правила также на языке образцовых писателей, устранив язык народных произведений и предания древнерусской письменности. Впрочем, должно заметить, что ограничение области языка образцовыми писателями было господствующим правилом грамматистов XVIII века не только французских, но и немецких. Это ложное понятие о языке перешло в грамматику новых языков из грамматик латинского и греческого. Классические языки сохранились в литературных произведениях, между тем как живая речь погибла вместе с народами, ее употреблявшими: поэтому филологи по весьма естественной причине основали свои грамматичес-

кие правила только на употреблении языка образцовыми писателями. Притом грамматика должна была научить правильному употреблению латинского или греческого языков, изустному и письменному; потому нужно было из этимологии затвердить только изменение слов, а все внимание обратить на синтаксис, правила которого особенно необходимы для практического употребления языков классических. Грамматисты, принявшие за составление правил французского языка, усвоили себе методу латинской грамматики и ограничили свой родной язык слогом писателей образцовых, забыв, что латинская грамматика потому только не касается живой речи, что эта последняя вымерла вместе с римским народом. Но благодаря блистательным успехам французской литературы это ограничение языка слогом не принесло существенного вреда французской грамматике и не отразилось в самой литературе пагубным влиянием, которое могло бы оказать вследствие того, что грамматист, ограничившись образцовым слогом, насильственно отторгнул правила родного языка от живительного начала, содержавшегося в народной, разговорной речи. Ни один народ не отличается таким полным согласием между языком разговорным и книжным, как французы. Этой живой связи, скрепленной вековым развитием литературы и образованности, не могли расторгнуть никакие насильственные меры схоластической грамматики. Грамматист скромно жил по следам писателя-художника и вносил его образцовую речь в материалы для своих ученых соображений. Когда же сталкивались устарелые правила грамматики с новыми, свежими формами языка литературного, тогда в силу авторитета писателей, подкрепленного общественным мнением, старое уступало место в грамматических правилах новому и таким образом ветхое здание схоластической грамматики, постоянно подновляясь по требованиям современной литературы и подчиняясь ее движению, не могло наложить своего тяжелого отпечатка на свободное развитие языка.

Эта метода, быв перенесена к нам, тем более оказывала вреда, чем более теряла в своих временных и местных преимуществах. Французская грамматика, составленная по образцу латинской, схоластической, получила право гражданства даже по самому сродству языка французского с латинским, а схоластический характер ее вполне согласовался с древнеклассическим направлением литературы XVII и XVIII веков. Напротив, ни свойства русского языка, ни историческое его развитие не давали русскому грамматисту права принимать в образец схоластическую методу французов. Как нельзя лучше понимал это еще и Ломоносов, положив в основу своей грамматики чисто народные и своеземные начала. Если, с одной стороны, в нем виден ученый европейски образованный, то, с другой стороны, нельзя не заметить в нем и последователя старинных славянских грамматистов, Мелетия Смотрицкого и Федора Поликарпова. Церковнославянская и русская народная речь — эти два главнейшие элемента нашего слога —

проведены им по всем статьям его грамматического руководства.

К сожалению, г. Греч не только не последовал примеру великого преобразователя нашего языка и слога, но даже не почел нужным чрез Ломоносова признать за русскою грамматикой какие бы то ни было своеземные народные предания. Не от Лаврентия Зизания, Смотрицкого, Ломоносова ведет он историю нашей филологии, а прямо от французов и немцев. Критика не имеет права упрекнуть г. Греча как историка нашей литературы в незнании общеизвестных фактов, касающихся византийского и славянского происхождения нашей грамматики; тем не менее не может не заметить следующего в высшей степени странного и противного истории русской литературы мнения, которое г. Греч полагает во главу своих грамматических убеждений: «Мы заимствовали свое образование, способ присвоения себе наук и искусств у народов, вышедших ранее нас на поприще ученое и артистическое. В языкознании служили нам образцами учебные пособия и методы двух наций, французов и немцев» (с. 194 — 195). Не признавая такого существенного пункта, каким оказывается греко-славянская и народно-русская основа ломоносовской грамматики, почему же мог г. Греч на с. 197 сказать следующее: «В то же время (т. е. взяв в образец французскую методу) считал я обязанностью сколько можно менее уклоняться от предшествовавших мне писателей». Ни забыть о грамматике Ломоносова, ни отказаться от нее грамматист русский не может и не должен, особенно когда излагает для потомства свои «Признания». К тому же она и вовсе не так устарела, как та французская грамматика 1660 года, от которой г. Греч ведет родословие своим учебникам.

Но как бы то ни было, а дело сделано: французская метода XVII века принята русским грамматистом. В какие же отношения он должен был поставить себя к русской литературе и народности?

Во-первых, он ограничивает грамматический материал слогом немногих, ближайших к современности-или современных писателей. «Должно читать и разбирать (говорит он) писателей, получивших право на звание классических. Таковы: Карамзин, Жуковский, Батюшков, Пушкин» (с. 200). Зачем же в самой основе, на которой полагается изучение языка, такое отступление от принятой в образец французской грамматики, которая берет в свои материалы язык не только современных писателей, но и классиков второй половины XVII и первой XVIII века? Зачем было отказываться от Ломоносова, Сумарокова и других? Русская литература так небогата сравнительно с французскою, немецкою или английскою, что трудно себе представить, чтоб грамматист, указывая в своих «Признаниях» на источники языка, мог забыть такого классического писателя, как Ломоносов. Нет спора, что язык писателей образцовых должен быть введен в грамматические материалы, но не в том ограниченном объеме, в каком рекомендует его учащимся г. Греч.

Во-вторых, даже в писателях образцовых он отделяет прозу от стихов и, предполагая, что так называемые пиитические вольности даже образцовых писателей могут быть неправильны по грамматике, он ограничивается только прозой. Вот собственные слова его: «Не считаю нужным упоминать, что они (т. е. примеры) должны быть строго правильны в грамматическом отношении. И по этой причине полагаю, что не следует брать в пример стихотворения; в них слишком часто нарушаются правила языка». Итак, для чего же указаны образцами для языка Жуковский и Пушкин, которых лучшие произведения, как хорошо знает всякий образованный человек, стихотворные? Но грамматист идет еще далее; он отказывает детям в изучении даже Крылова: «У нас рекомендуют (говорит он) для грамматического разбора басни Крылова, а сколь в них неправильностей! Вместо *листья* он говорит *листы*» и т. д. (с. 198—199). Но Крылов употребляет эту форму и в прозе, именно в самом заглавии басни: «*Листы* и корни», а не *листья*. Итак, эта мнимая неправильность зависит не от стиха, а от чего-нибудь другого...

В-третьих, г. Греч исключает из грамматики язык писателей, усвоивших себе народную речь, и даже называет ее *площадною*, следуя в этом воззрении нашим классикам начала XVII века, которые все народное именовали *подлым*. Но вот собственные слова г. Греча: «Писатели демократические и некоторые романисты, подделывающиеся под говор народный (например, Фонвизин, Загоскин и т. п.), при всех своих достоинствах не могут служить образцами: ученик должен узнать слог серьезный, положительный, язык деловой и дипломатический, а не разговорный и *площадной*» (с. 200). Но Пушкин в самом лучшем своем прозаическом сочинении, именно в «Капитанской дочке», вносит в книжный слог множество выражений из речи разговорной, народной, равно как и в других лучших своих произведениях, каковы «История Пугачевского бунта», «Летопись села Горюхина» и проч. Если из сочинений Пушкина исключим стихотворения да пьесы, проникнутые русским духом и народным складом живой русской речи, что же останется от этого писателя для грамматики? Нет, в старину схоластическая школа поступала решительнее и откровеннее: она просто осуждала язык Пушкина за неправильности против своей грамматики. Но возвратимся к наставлению нашего грамматиста. К удивлению читателей столько вооружается он против живой разговорной речи, что даже запрещает ученику *знать свой разговорный язык*. Но как же тогда ему говорить? Конечно, это странная крайность, до которой могла дойти схоластическая метода; тем не менее в действительности этой крайности нельзя сомневаться в вышеприведенных словах г. Греча: «Ученик должен *знать слог серьезный, положительный, язык деловой и дипломатический, а не разговорный и площадной*». Понятия отделены здесь ясно: под *площадным* языком нельзя разуметь *разговорного*; ясно также, что *языка разговорного ученик знать не должен*.

После такой крайности можно ли ждать от этой методы пошады языку народной, безыскусственной словесности в веснях, сказках, пословицах? Впрочем, г. Греч об этих произведениях и не упоминает. Его метода составилаь тогда, когда не приписывали им никакой важности, когда они мало были известны, не изданы по рукописям и по народному говору, и не оценены по достоинству; когда какое-нибудь грязное выражение, взятое из песни или пословицы, служило неоспоримым доказательством, так именовавшегося тогда, подлого направления всей народной словесности. Но в настоящее время, когда издаются эти произведения не только частными учеными, но и целыми обществами, каковъ Географическое, даже самую Академию Наук в «Известиях второго отделения», когда содержание и слог песен, пословиц, сказок представляется важнейшим предметом ученых исследований,— нет никакой возможности каким-нибудь одним глупым выражением или грязным словом, выхваченным напоказ действительно из площадной речи, нет, говорим, возможности заподозрить высокое достоинство чисто народных, безыскусственных произведений русского слова.

В-четвертых, лишив русскую грамматику ее народной основы, содержавшейся в произведениях народной словесности, г. Греч отнимает у учащегося и другую, столь же важную основу, на которой должно крепко держаться изучение родного языка, именно основу церковнославянскую. Побуждаемый православием, г. Греч не исключает из преподавания церковнославянский язык, но, не видя в нем живой связи с русским, решает этот вопрос в следующих словах: «Учитель может указывать на замечательные разности языка русского и церковнославянского, но не обязан вводить этого в преподавание. Главным старанием его должно быть — выучить своих воспитанников чтению священных и церковных книг. Для этого следовало бы составить краткие правила церковнославянского языка в виде уклонений от русской грамматики с хрестоматиею» (с. 203). Для чего же составлять краткие правила церковнославянского языка, когда учитель не обязан вводить этого в преподавание? Это весьма неясно, и последующее не вытекает из предыдущего. Все противоречие здесь, как кажется, происходит оттого, что г. Греч, вменяя себе в обязанность упомянуть в своих «Признаниях» о церковнославянском языке, не видел между прочим никакой живой связи этого языка с русским. Если он не мог уразуметь ее по изучению самых грамматических форм, то по крайней мере привел бы себе на память множество славянизмов, которыми украсил свой слог Жуковский. Зачем же г. Греч рекомендует ученикам этого писателя, когда отказывается внести в русскую грамматику элемент церковнославянский?

Если б г. Греч не подтверждал своим решительным не возбуждающим никакого сомнения тоном, что учитель не обязан вводить церковнославянского языка в преподава-

ние русской грамматики, то, конечно, частица *бы* не показалась бы ему темным, не решенным в науке вопросом: он знал бы, что эта частица — остаток церковнославянского спряжения глагола *быти*: *быхъ*, *бы*, и не удивился бы переходу глагола в союз.

Очевидно, что представитель французской школы не по искреннему сознанию, а только по чувству приличия коснулся важности славянского языка для обучения русского юношества.

Итак, у русской грамматики отняты все сокровища народного слова: и речь безыскусственная в песнях и пословицах, и церковнославянская, даже произведения образцовых писателей, отличающиеся живостью народной речи, и, сверх того, без исключения все стихотворные пьесы.

Не давая ответа в объяснении множества чисто русских форм, схоластическая школа, стесненная как в материалах языка, так и в воззрениях на него, выдавала за грамматические ошибки все то, чего не могла или не умела объяснить. Отторгнутая от основ народного языка и исторических преданий, в разладе с успехами литературы и с большей частью произведений даже писателей классических, не вооруженная положительными сведениями о языке, какие же начала усвоила себе эта странная школа?

Ответ на этот вопрос находим на 193-й странице «Заметок...» по случаю объяснения второй степени обучения, на которую становится г. Греч преподавание русской грамматики в средних учебных заведениях. «Вторая степень (говорит он) — учение стройное, присвоение себе оснований и правил науки в общем целом, с примерами и доказательствами, основанными на умозрении и разумном употреблении».

Что такое основание науки — объяснить трудно и основание такой науки, по которой частица *бы* оказывается вопросом темным, еще не решенным и потому предоставляется в забаву педантства и слабому мышлению. Гораздо понятнее мысль об умозрении и разумном употреблении, на которых должны основываться доказательства науки.

На чем же должны основываться умозрения грамматиста? В каждой науке умозрения опираются на два главнейшие начала: на знание предмета и на логику; т. е. умозрение составляется вследствие подробного изучения фактов, объясненного в строгой логической последовательности. Поэтому умозрение грамматиста должно быть согласно с законами логики и с данными науки. Но если он, следуя французским учебникам, никогда не считал нужным (по его собственному признанию) изучать этимологию языка русского, если он никогда не отдавал себе отчета в важности народных и церковнославянских форм для изучения русской грамматики, если он произвольно ограничивал даже самый объем нашего языка слогом некоторых произведений немногих писателей, то возможно ли полагаться на его умозрения? И еще: можно ли называть умозрениями искусственно придуманные правила, не основанные на изучении языка?

Вторая основа доказательств — разумное употребление. Если под разумным употреблением понимается здесь отчетливое, сознательное, то уже этим самым исключается безыскусственное и бессознательное употребление языка в произведениях народной словесности. Подвигаясь в этом умозаключении на шаг вперед, мы должны исключить из примеров грамматических и стихотворения образцовых писателей, как произведения бессознательного поэтического творчества и потому лишенные желанной для грамматиста разумности. Итак, надобно отдать схоластической грамматике справедливость в том, что она оказалась последовательною в своем враждебном отношении к родному слову и литературе.

Было бы неуместно по случаю «Заметок...» г. Греча входить в рассуждения о том, как понято учеными нашего времени высокое разумное значение народности вообще и народной словесности в особенности. Лучше объясним примером, что разумеет г. Греч под умозрением и разумным употреблением. Для этого нужно обратиться к его грамматике и показать образец соответствия его умозрением и, изложенных в правилах, с разумным употреблением языка образцовыми писателями.

Перед нами «Практическая русская грамматика», изданная г. Гречем в 1827 году.

В § 292-м на с. 254-й читаем: «Все глаголы, означающие действие одного и того же предмета в предложении, полагаются в одном времени, виде, наклонении, числе, лице и роде».

В § 293-м на с. 264-й читаем: «Наречия количества: *много, мало, нѣсколько, сколько* принимают глагол в числе единственном и (в прошедших временах) в роде среднем; например: *Нѣсколько семействъ живетъ въ этомъ домѣ. Много слугъ болѣе мѣшаетъ, нежели помогаетъ. Сколько пришло возовъ? Нѣсколько иностранцевъ стояло на улицѣ и смотрѣло на пожаръ* (Соч. Карамзина, т. VIII, с. 248). Но если глагол поставляется впереди подлежащего, то может быть употреблен в числе множественном: *Нѣтъ! воскликнули нѣсколько человекъ. Вотъ башня, которую строили много зодчихъ*».

Не будем говорить о том, что слова *много, мало, сколько, нѣсколько* против всех правил языка и логики причисляются здесь к наречиям: спор о таких предметах г. Греч называет забавою слабомыслия. Посмотрим лучше, как прилагаются к разумному употреблению эти умозрительные правила синтаксиса — по мнению самого г. Греча главной части грамматики.

Легко было бы найти противоречия грамматике г. Греча в языке стихотворном или народном. Но мы возьмем что-нибудь из прозы и именно такого писателя, которого г. Греч удостоивает признать за образцового, — хотя из прозы Пушкина.

Например, в статье «Путешествие в Арзерум» на с. 193-й в восьмом томе (по изд. 1838 года) читаем следующий краткий пери-

од, в котором встречаются две ошибки и притом против обоих вышеприведенных правил. Вот этот период: «Онъ (т. е. князь Бековичъ) объявил, что Сераскирь и народъ давно согласны на сдачу, но что *нѣскольکو* непослушныхъ арнаутов, подъ предводительствомъ Тончи-Паши, *овладѣли* городскими батареями, *бунтууютъ*».

Во-первых, местоимение *нѣскольکو* согласовано здесь с глаголом, поставленным во множественном числе, а не в единственном, как требует § 293-й грамматики г. Греча.

Во-вторых, глаголы *овладѣли* и *бунтууютъ* поставлены в различных видах и временах против правила, вышеизложенного в § 292-м. Как великий художник русского слова, Пушкин воспользовался здесь чисто русским, народным словосочинением и потому, по грамматике г. Греча, сделал грубейшую ошибку.

Итак, между умозрением г. Греча и разумным употреблением языка в сочинениях даже самого Пушкина выходит странный разлад. Конечно, всякий образованный русский человек согласится скорее заподозрить умозрение грамматиста, нежели обвинить Пушкина в неразумном употреблении синтаксических правил.

Недовольно Пушкина? Вот примеры из прозы Жуковского, противоречащие правилу г. Греча о согласовании местоимения *нѣскольکو*: «*Нѣскольکو* камней, сорвавшись съ высоты, *увязли* въ ущельѣ и *образовали* кровлю», «*Нѣскольکو* елей, выросшихъ на высотѣ, *кажутся* букетомъ» (т. VII, с. 189 и 201).

Нужно ли прибавлять после этих столь ясных доказательств, что умозрение, сколько бы ни подкрепляли его здравым смыслом, всегда будет противоречить действительности, если не будет основано на знании самого дела. Да едва ли безгрешен и самый здравый смысл схоластической методы в этом правиле о количественных *много, мало, нѣскольکو*. Прежде или после глагола стоят эти слова — не все ли равно для смысла? Здесь смысл должен отличать существенное от случайного и не основывать на последнем никаких правил, стесняющих свободное развитие русского языка.

Таковы печальные отношения французской методы к языку русскому, не только народному, но даже и к языку тех писателей, изучение которых рекомендуется самим г. Гречем.

Но довольно об этой чужеземной методе. Посмотрим теперь, что г. Греч говорит о немцах, против которых он почему-то особенно вооружается. Здесь останавливает читателя одно весьма странное обстоятельство, объяснимое, может быть, душевным расположением нашего почтенного представителя французской грамматики. Ненависть г. Греча к немцам выразилась его полным неведением всех заслуг, какие были оказаны грамматике немецкими учеными текущего столетия.

Впрочем, негодующее неведение г. Греча не ограничилось позднейшею эпохою: оно сказалось тотчас же, как г. Греч приступил к историческому обозрению немецких грамматических руководств.

На с. 196-й он говорит: «До начала XVIII столетия не было почти никакой собственно немецкой грамматики». Это «почти» употреблено, вероятно, из осторожности, чтоб не сделать уже слишком грубого промаха против истории литературы. Если в XVII и даже в XVI веке были грамматики немецкого языка и, следовательно, гораздо ранее 1660 г., к которому г. Греч относит французскую родоначальницу своих руководств, то эта ограничивающая частица «почти» не имеет никакого значения. Так, например, немецкая грамматика Элингера вышла в 1573 году, Кляюса — в 1578 г., Гвейнца — в 1641 г. и мн. др. Немецкие грамматисты XVIII в. Готшед и Аделунг имели такое обширное влияние на схоластическую обработку грамматики, что, посредственно или непосредственно, оказали свое действие и на учебники г. Греча.

Еще страннее, удивительнее замечание г. Греча о современной немецкой грамматике. После того как Якоб Гримм исследовал немецкий язык в такой полноте и в таком совершенстве, что его грамматика признается всеми просвещенными нациями за образец обработки народного языка, г. Греч решается с свойственною ему откровенностью выразить совершенное свое неведение о трудах Гримма. «Самые спряжения глаголов (говорит он о современной немецкой грамматике) не имеют твердых правил» (с. 197).

Тем более замечается в г. Грече неведение современных успехов науки, тем более справедливости должно отдать ему в строгой последовательности, с которою он держится старинной схоластической методы. Эта метода разрушилась бы сама собою от одного только прикосновения к животворным началам, которыми проникнуты труды Якоба Гримма и его последователей не только в Германии, но даже в самой Франции, и г. Греч заботливо оградил себя неведением этих разрушительных для него начал.

Теперь, после того как читатель познакомился с главнейшими убеждениями нашего грамматиста, любопытно было бы знать, в чем, по мнению г. Греча, состоит главнейшая задача грамматики. Этимологию считает он забавою педантства и слабomyслия; частица *бы* кажется ему темным вопросом науки; *нѣсколько* — согласованное в единственном и множественном числе с глаголом — называет он наречием; синтаксис признает важнейшим предметом грамматики и между тем предлагает синтаксические правила, противоречащие употреблению языка образцовыми писателями. Что же остается на долю грамматики?

Г. Греч весьма справедливо разделяет обучение языку на три степени. Первая или низшая степень — учение первоначальное, наглядное; третья или высшая — учение философское, или умозрительное. Средняя степень обучения, которой характеристику точными словами г. Греча привели мы выше, представляется средним учебным заведением. Именно об этом-то обучении, стоящем на средней степени, по преимуществу распространяется г. Греч.

Мы уже видели, как сбивчивы и неясны его понятия о грамматике и преподавании, которые рекомендует он в средних учебных

заведениях; видели, как противоречит его теория практике и вводит учащегося в ложные понятия и о языке образцовых писателей, и о самых правилах грамматики. Нельзя же, однако, предполагать, чтоб такой опытный литератор, как г. Греч, не сознавал, хотя бы про себя, несостоятельность своей грамматической методики; нельзя, наконец, предполагать, чтоб он не видел в своих руководствах отсутствия собственного грамматического содержания именно для изучения русского языка.

Конечно, легко было, пользуясь французскими образцами, предположить некоторые общие всем языкам правила этимологические и синтаксические; легко было набрать примеров для правил склонения и спряжения, не дав, впрочем, никаких оснований этим правилам. Но чтоб составить грамматику собственно русского языка, надобно было решительно отказаться от иностранной и притом устарелой схоластической методики, которая уже в самом основании своем держалась застоя и нетерпимости, будучи враждебна всякому живому движению в успехах как отечественной литературы, так и самой науки о языке.

Чувствуя несостоятельность своих грамматических сведений, г. Греч отказывает грамматике в принадлежащих ей собственно грамматических материалах, подменяя их правилами о слоге. И в этом оказывается он верным последователем схоластической французской грамматики XVII века, которая за неизменением точных сведений о свойствах языка еще по младенческому состоянию науки естественно могла смешать понятия о языке и слоге.

Г. Греч вменяет в обязанность грамматике учение не только о правильности языка, но и об ясном и понятном изложении мыслей. Хотя на с. 200-й он говорит, что «самим определением грамматики требуется наблюдение одной правильности», но на предыдущей 199-й странице расширяет обязанности этой науки: «Важнее всего в грамматике (говорит он) учение о правильном, ясном и понятном изложении мыслей».

Нет спора, что учение о правильности языка составляет предмет грамматики. Как удовлетворяют этому учению руководства г. Греча, мы видели из приложения некоторых составленных им правил к языку писателей классических; мы видели также, что из сличения правил с образцами оказывается весьма странный вывод: или самые правила грамматики г. Греча не ведут к правильности, или же неправильны самые образцы, рекомендуемые г. Гречем. Очевидно, что вопрос об этом существенном предмете грамматики с точки зрения старинной французской методики решен быть не может. Надобно, чтоб элементарные первоначальные сведения о частицах *бы* или *же* и т. п. не представлялись грамматисту спорным предметом и не были, как выражается г. Греч, «забавою слабомыслия». Надобно, чтоб синтаксис был основан на этимологическом разборе и на изучении образцов, а не на одном умозрении, противоречащем разумному употреблению языка писателями.

Теперь обратимся к другим задачам грамматики. По мнению

г. Греча, она учит ясному и понятному изложению мыслей.

Нет ни малейшего сомнения, что наставник постоянно должен руководить учащимися в этом важном предмете как при разборе писателей, так и в собственных письменных работах ученика. Ясность и понятность — это первое необходимое условие всякого сочинения. К сожалению, должно заметить, что никакие правила грамматики не удовлетворяют этому условию, если пишущий имеет сбивчивые и неясные понятия о том предмете, который взялся объяснить в своем сочинении. Ясность и понятность языка главным образом зависят от ясности и отчетливости мыслей. Грамматика научит правильно излагать мысли, т. е. согласно с законами языка, но одно только знание предмета, логически усвоенное, т. е. отчетливое и разумное, ведет к ясному и понятному изложению мыслей.

III

ПРОГРАММА РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

Составлена на основании наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений, высочайше утвержденного 24 декабря 1848 года

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ КУРС

(пять лекций в неделю)

Изучение языка исключительно практическое, прежде чем начнется грамматика.

І ЧТЕНИЕ

1. Чтение печатного.
2. Чтение рукописного.

II РАЗБОР

3. Разбор вещественный или материальный, состоящий в объяснении различных предметов, о которых говорится в сочинении.

4. Разбор логический или синтаксический.

а) Разбор частей простого предложения нераспространенного и распространенного, неслитного и слитного;

б) Указание разных отношений между мыслями, лежащих в основе сочетания слов в одном предложении: цели, средства, образа действия, причины, времени, места и проч.;

в) Разбор сложного предложения: составные части его, соответствующие составным частям простого предложения;

г) Разные отношения мыслей, лежащие в основе сочетания предложений и соответствующие отношениям, лежащим в сочета-

нии слов простого предложения: цель, средство, образ действия, причина, время, место и проч.;

д) Различие между личными и безличными предложениями;

е) Различие между повествовательными, вопросительными и восклицательными предложениями;

ж) Разбор периода.

5. Разбор внутренней связи между частями сочинения.

6. Разбор смысла сочинения.

7. Разбор этимологический.

а) Различие между отдельным словом и сочетанием слов, т. е. предложением;

б) Различные значения слов как частей речи;

в) Изменения слов и различные значения этих изменений.

8. Разбор просодический.

9. Разбор орфографический.

10. Разбор относительно знаков препинания.

III УЧЕНИЕ НАИЗУСТЬ

11. Учение наизусть стихов.

12. Учение наизусть прозы.

IV УПРАЖНЕНИЯ В ПРАВОПИСАНИИ

13. Списывание с печатного и писанного.

14. Переписывание выученного наизусть.

15. Писание под диктовку: а) прочтенного учителем с учениками, б) нового, еще неизвестного ученикам.

V ИЗУСТНЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ РАССКАЗЫ

16. Рассказ изустный прочтенного.

17. Рассказ письменный.

Примечание. Так как занятия в подготовительном классе исключительно практические и основаны на чтении и разборе образцовых сочинений, то само собою разумеется, что испытание воспитанников во всех означенных занятиях должно быть производимо также на каком-нибудь образцовом сочинении, например на басне Крылова. Если от ученика потребуют синтаксического или орфографического разбора, изустного или письменного рассказа, писания под диктовку и пр., то он обязан удовлетворить требованию на данном ему образцовом сочинении, которое может подать повод к вопросам из всех предметов, приведенных в подготовительном классе, к задачам на все упражнения, присвоенные этому классу. Самая форма предлагаемых в программе рубрик объясняется тем, что означенные рубрики служат только указанием при экзамене учителю, а не вопросами для учеников.

1-й КЛАСС ОБЩЕГО КУРСА

(три лекции в неделю)

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА

Часть первая

Состав предложений, значение частей речи и их изменений

Отдел I

Состав предложений

1. Понятие о предложении и главных частях его: подлежащем и сказуемом. Связь. Разные ее виды. Случаи, когда слово *быть*, служащее для выражения связи, становится сказуемым. Знаки препинания.

2. О предложении личном и безличном. Разные виды безличных предложений. Обращение некоторых из них в форму личных.

3. Второстепенные части предложения: дополнения, определения, слова обстоятельственные. Особенный вид определения: приложение. Разные его виды и места в предложении. Знаки препинания.

4. Предложения нераспространенные и распространенные определениями, дополнениями, обстоятельствами. Предложения неслитные и слитные. Знаки препинания.

5. Предложения главные, придаточные и вводные. Знаки препинания.

6. Виды придаточных предложений: определительные, дополнительные и обстоятельственные. Придаточные предложения, заменяющие подлежащее и сказуемое главного. Знаки препинания.

7. Полные и сокращенные придаточные предложения. Различные сокращения вводного предложения. Знаки препинания.

8. Предложения простые и сложные. Знаки препинания.

Отдел II

Части речи и их изменения

9. Вывод частей речи и их изменений из разбора предложений.

А. Части речи

10. Имя существительное. Значение его. Предметы чувственные и умственные; подразделение чувственных на одушевленные и неодушевленные. Разделение существительного имени; подразделение общего имени на собирательное и вещественное. Увеличительные и уменьшительные, ласкательные и уничижительные имена. Роды существительных. Отношение существительного к предложению.

11. Прилагательное. Значение. Разные его виды; значение каждого вида. Отношение прилагательного к предложению.

12. Числительное. Значение его. Разные его виды; значение каждого вида. Отношение к предложению.

13. **Местоимение.** Значение его. Разделение на виды; определение каждого вида. Отношение местоимений к предложению.

14. **Глагол.** Значение его. Залоги. Виды. Глаголы личные и безличные. Глагол *быть* как существительный. Отношение глагола к предложению.

15. **Причастие.** Значение. Причастие в сокращенных определительных предложениях. Переход причастий в прилагательные. **Деепричастие.** Значение; употребление в сокращенных обстоятельственных предложениях. Отношение причастия и деепричастия к предложению.

16. **Наречие.** Значение; разные виды его. Отношение к предложению.

17. **Предлог.** Значение его. Исчислить предлоги. **Союз.** Значение его. Разные виды союзов. Исчислить главнейшие союзы. **Междометие.** Значение и разделение. Отношение этих частей речи к предложению.

Б. Изменения частей речи

18. **Изменения существительного.** Числа. Падеж: значение его; разделение падежей на прямые и косвенные; в каких падежах ставятся различные части предложения. Склонение: значение его.

19. **Изменения прилагательного.** Изменения в подлежащем, дополнении и обстоятельном слове. Изменения в сказуемом. Изменения в определении. Склонение, степени сравнения.

20. **Изменения числительных и местоимений.** Отношение этих изменений к предложению.

21. **Изменения глагола.** Изменения в сказуемом. Спряжение. Глагол неопределенного наклонения как подлежащее, сказуемое и дополнение. Отглагольное имя существительное, заменяющее неопределенное наклонение. Глагол *быть*, иногда существительный, иногда вспомогательный; опущение его в предложении.

22. **Изменения причастия как слова, произведенного от глагола, и как прилагательного.** Изменения деепричастия. Изменения наречия по степеням сравнения. Место, занимаемое причастиями и деепричастиями в предложении.

Часть вторая

Этимология

Отдел общий

А. Звуки и буквы

23. Разложение слов на слоги и слогов на звуки. Определение слога. Разделение звуков на гласные и согласные. О полугласных звуках. Основание благозвучия.

24. Соединение звуков: гласных с гласными, согласных с глас-

ными, согласных с согласными. Вставка гласных, согласных и полугласных звуков. Применение к правописанию.

25. Переход одних звуков в другие. Опущение звуков. Перемещение звуков. Применение к правописанию. Выговор звуков. Ударение. Слоги высокий и низкий.

26. Значение букв. Отличие их от звуков. Разделение букв на гласные, согласные и полугласные. Буквы твердые и мягкие. Деление согласных по органам и произношению. Применение к правописанию. Буквы большие и малые; употребление больших. Различие в произношении и правописании некоторых букв, затрудняющих изучение орфографии (*и, i; э, ъ, е; ф, ѳ; ъ, ѵ*).

Б. Состав слов

27. Разделение слов по составу. Слова сложные. Различие между словами предложными и собственносложными. О словах сложных с наречием *не*. Состав слов: корень, приставка, окончание. Применение к правописанию. Разделение окончаний на отличительные (суффиксы) и относительные (флексии). Перенос слов из одной строки в другую. Ударение в составных частях слова.

28. Разделение слов по производству. Слова первообразные и производные. Применение к правописанию. Изменение слов. Разделение изменений на логические и звуковые. Разделение частей речи на знаменательные и служебные.

Отдел частный

29. Производство имен существительных. От каких корней они происходят? Отличительные окончания родов. Соответствие этих окончаний членам в других языках. Производство названий народов, жителей, областей, губерний, городов. Производство имен отвлеченных. Производство увеличительных и уменьшительных, ласкательных и уничижительных.

30. Состав имен существительных; образование сложных имен. Изменение: относительные окончания. Общие законы склонений. Главнейшие, более трудные случаи вставки, перехода и опущения букв в склонении. Склонение имен сложных, иностранных и уклоняющихся от общих правил. Применение к правописанию.

31. Производство имен прилагательных. От каких корней они происходят? Отличительные окончания: прилагательное склоняемое и прилагательное спрягаемое. Окончания качественных и притяжательных. Окончания причастий; производство их.

32. Состав прилагательных. Прилагательные сложные. Приставки к сравнительной и превосходной степеням. Отрицательная приставка.

33. Изменение прилагательных. Склонение. Вставка гласных. Отличие имен прилагательных, полных и усеченных, от склоняемых и спрягаемых. Правописание.

34. Состав, производство и изменение числительных. Простые и сложные числительные. Производство. Склонение количественных, порядковых, дробных, сложных. Правописание.

35. Состав, производство и изменение местоимений. Состав сложных местоимений. Различие в приставках *не-* и *ни-* (*не́кто*, *ни́что*). Производство местоимений. Склонение их. Правописание.

36. Производство глагола. Преимущества глагола перед другими частями речи. Формы первообразные. Глагольный корень как основа существительных. Отличительные окончания. Окончания производственные. Глаголы производные. Состав глаголов. Глаголы сложные. Образование залогов.

37. Изменение глаголов, или спряжение. Наклонение, вид, время, число и лицо. Общие законы спряжения. Глаголы неправильные. Форма повелительного наклонения. Употребление повелительного в смысле сослагательного. Спряжение глагола *быть*. Спряжение глагола страдательного. Отношение видов к временам глагола. Образование причастий и деепричастий. Правописание.

38. Состав наречий: наречия простые и сложные. Производство: от каких слов происходят; увеличительные и уменьшительные; коренные и производные; наречия местоименные. Изменение: степени сравнения. Правописание.

39. Предлоги: отдельные и слитые предлоги. Отличие их от наречий, употребленных в виде предлогов. Ударение и правописание.

40. Коренные и производные союзы. Правописание союзов. Междометия звукоподражательные и восклицательные. Другие части речи, употребляемые в виде междометий.

Практические упражнения

А) Упражнения собственно грамматические.

- 1) Разбор примеров, данных учителем.
- 2) Приискивание примеров самим учеником в книге.
- 3) Составление учениками собственных примеров.
- 4) Письмо под диктовку.

Б) Упражнения с целью умственно-нравственного развития, за-
благовременного знакомства с другими предметами словесности и
заготовления материалов для собственных сочинений.

1) Чтение.

2) Разбор.

а) Грамматический (см. выше: упражнения собственно грамматические);

б) Вещественный, или материальный;

в) Разбор внутренней связи между частями сочинения;

г) Разбор общей мысли или смысла сочинения;

д) Разбор с целью нравственного развития;

е) Разбор относительно изящных свойств выражения и отно-

- сительно выражения прозаического и стихотворного.
- 3) Учение наизусть.
 - 4) Изустные и письменные рассказы.
 - 5) Переводы.
 - 6) Подражания.
 - 7) Собственные сочинения.

Примечания. 1. Так как предмет 1-го и 2-го общих классов — грамматика практическая, то само собой явствует, что испытание в этом предмете должно быть тоже практическое, состоящее в указании всех грамматических правил на разборе данного образца. Выставленные же в программе вопросы должны частью руководить учащихся при приготовлении к экзамену, а учащихся — при экзамене; частью же могут быть даваемы ученикам на экзамене после сказанного практического испытания, в виде проверки пройденного.

2. Практическая грамматика имеет целью применение практических правил к практике; потому при каждом вопросе, где только окажется возможным, следует обращать внимание на правильное употребление языка в разговоре и на письме. С этой целью в вопросах означено требование применить правило грамматики к правописанию.

2-й КЛАСС ОБЩЕГО КУРСА

(три лекции в неделю)

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА

Часть третья

Синтаксис

1. Разделение синтаксиса.

Отдел I

Синтаксис простого предложения

2. Подразделение этого отдела.

А. Согласование слов

3. Понятие о согласовании слов. Разделение согласования. Согласование сказуемого с подлежащим: сказуемое глагольное, сказуемое прилагательное, сказуемое существительное. Согласование сказуемого при нескольких подлежащих. Согласование сказуемого при разных лицах.

4. Согласование определительных с определяемыми: определительное-прилагательное, определение-существительное (приложение); разные виды приложения и различие в их согласовании. Согласование при нескольких определяемых. Правило, когда несколько определительных при одном определяемом отделяются запятой и когда нет; понятие о включении.

5. Согласование количественных с существительными; разные случаи оного. Согласование при разных родах.

Б. Управление слов

6. Понятие об управлении. Слова управляющие и управляемые. Разделение управления.

7. Прямые падежи: именительный и звательный. Употребление именительного. Употребление звательного.

8. Управление непосредственное: употребление падежа родительного; различные отношения, им выражаемые.

9. Управление непосредственное: употребление падежа дательного.

10. Управление непосредственное: употребление падежа винительного.

11. Управление непосредственное: употребление падежа творительного.

12. Управление посредственное. Значение предлогов. Переход от значения вещественного к отвлеченному.

13. Предлоги, управляющие родительным падежом. Разные значения этого падежа с разными предлогами.

14. Предлоги, управляющие дательным падежом. Разные значения этого падежа при разных предлогах.

15. Предлоги, управляющие винительным падежом. Разные его значения при этих предлогах.

16. Предлоги, управляющие творительным падежом. Разные его значения при этих предлогах.

17. Предлоги, управляющие предложным падежом. Разные его значения при каждом из этих предлогов.

В. Словорасположение

18. Понятие о словорасположении. Два его вида. Ударение логическое. Места подлежащего, сказуемого, связи, определений, дополнений и обстоятельств в предложении повествовательном.

19. Словорасположение в предложениях вопросительном, восклицательном, повелительном и предположительном.

Отдел II

Синтаксис сложного предложения

20. Способы сочетания предложений.

А. Сочетание предложений по способу подчинения

21. Придаточные предложения определительные: согласование местоимений относительных. Согласование причастий. Придаточные предложения дополнительные.

22. Придаточные предложения обстоятельственные: согласование деепричастий. Сокращенные придаточные предложения.

Б. Сочетание предложений по способу сочинения

23. Образование сложных предложений по способу соединения. Образование их по способу противоположения. Образование их по способу причинности (винословное сочетание предложений).

Отдел III

Синтаксис периода

24. Понятие о периоде. Отличие его от сложного предложения. Состав его: половины, члены, части членов.

25. Разделение периодов по составу и значению. Разные их виды в последнем отношении. Примеры периодов из образцовых писателей.

Грамматические фигуры

26. Главнейшие грамматические фигуры, или уклонения от обыкновенного логически правильного строения речи.

Знаки препинания

27. Понятие о знаках препинания. Отношение их к составу предложений и периодов. Разделение.

28. Употребление точки, двоеточия и точки с запятой в простом и сложном предложениях и в периоде.

29. Употребление запятой в простом и сложном предложениях и в периоде.

30. Употребление тире, скобок, кавычек. Употребление знаков вопросительного и восклицательного и нескольких точек.

ОРФОГРАФИЯ

А. Правописание букв

31. Употребление букв гласных.
32. Употребление букв полугласных.
33. Употребление букв согласных.
34. Употребление букв прописных.

Б. Правописание слогов

35. Правила разделения слов на слоги при перенесении из одной строки в другую.

В. Правописание слов

36. Правописание слов русских.
37. Правописание слов иностранных.

Просодия

38. Правила подвижного и неподвижного ударения.

Практические упражнения

К практическим упражнениям, исчисленным в программе для первого общего класса, присоединяются здесь:

разбор, сопровождающий чтение церковнославянского языка на русский.

Примечание. В этом классе должны быть повторены две первые части практической грамматики, пройденные в I-м классе общего курса, в принятой системе изложения и вразбивку.

3-й КЛАСС ОБЩЕГО КУРСА

(две лекции в неделю)

ГРАММАТИКА ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ

Изучение общих свойств языка в применении к отличительным свойствам и особенностям языка отечественного.

I

Общие свойства языка

1. Взаимное отношение этимологии и синтаксиса. Учение о слове как выражении впечатления и понятия. Переход слов от значения вещественного к отвлеченному.

2. Логическое учение о представлениях и понятиях. Понятие о представлении. Образование понятий. Определение понятия. Словесное выражение понятий. Родовые и видовые понятия.

3. Название предметов от признаков: глагол и прилагательное. Отношения этих частей речи к существительному. Понятие о признаках: определение их и разделение. Существенные и случайные признаки. Внутренние и внешние признаки. Положительные и отрицательные; двойное отрицание. Выражение признаков грамматическими формами.

4. Части речи знаменательные и служебные. Их взаимное отношение в предложении. К каким частям речи относятся междометия?

5. Учение о суждениях. Образование суждения, определение его; разделение суждений по количеству, качеству, отношению и образности. Словесное выражение суждения. Выражение формами языка логических категорий: утверждения, отрицания, общего, частного, индивидуального и проч.

6. Глагол как основа учению этимологическому и синтаксическому.

7. Части речи служебные. Отношение их к флексиям. Соответствие падежей предлогам. Сличение в этом отношении рус-

ского языка с французским и немецким. Соответствие родовых окончаний членам, союзов — наклонениям.

8. **Местоимение.** Лицо говорящее и слушающее и предмет разговора; вопрос и ответ; указание. Переход вопроса в отношение. Переход местоимения в член; сличение в этом отношении русского языка с французским и немецким.

9. **Наречие.** Отличие наречий служебных от знаменательных. Связь служебных наречий с местоимением и предлогом.

10. **Числительные** как служебная часть речи.

11. **Предлог.** Понятие о пространстве и времени. Переход к логическим категориям причины, цели и проч.

12. **Союз** — самое отвлеченное и высшее выражение логических отношений формами языка. Понятие об уступлении, соединении, противоположности и проч.

13. **Силлогизм.** Образование силлогизма, составные его части, определение. Полные и сокращенные силлогизмы. Словесное выражение силлогизма. **Период.** Различные виды сочетания предложений.

II

Историческое изучение языка русского сравнительно с церковнославянским

14. Отношение языка русского к церковнославянскому. Свойства, общие тому и другому, и особенности каждого.

15. Древнейшие формы языка русского в отношении к звукам.

16. Формы древнерусского языка в отношении к производству.

17. Формы древнерусского языка в отношении к флексиям: особенности склонений и спряжений, преимущественно в языке народных произведений.

18. Синтаксические особенности древнерусского языка.

Практические упражнения

1. Чтение.

2. Разбор.

а) Грамматический;

б) Разбор расположения и содержания сочинений;

в) Разбор грамматических особенностей церковнославянского языка;

г) Разбор грамматических особенностей древнерусского языка;

д) Разбор свойств прозаических и поэтических сочинений;

е) Разбор относительно умственного и нравственного развития и обогащения ума познаниями.

3. Учение наизусть.

4. Собственные практические упражнения.

а) Письменное изложение читанного или рассказанного учителем;

- б) Переложение с церковнославянского и древнелитературного языка;
- в) Подражания;
- г) Переводы;
- д) Извлечения;
- е) Собственные сочинения.

Примечание. В этом классе должна быть повторена вся практическая грамматика, пройденная в классах предшествующих, как в принятой системе изложения, так и вразбивку.

4-й КЛАСС ОБЩЕГО КУРСА

(две лекции в неделю)

I

Теория слога

1. Понятие о слоге. Деление науки об общих свойствах слога на два отдела: логический и художественный.

А. Начало логическое

2. Отношение слова к выражаемой им мысли. Слово как выражение впечатления и представления. Слово как выражение отвлеченного понятия. Учение о ясности слога. Примеры из образцовых писателей. Уклонения от ясного выражения. Примеры из образцовых писателей.

3. Точность в употреблении слов. Примеры. Синонимы, их образование в языке, средства определять их, примеры. Уклонения от точного выражения. Примеры.

4. Правильность в грамматическом употреблении языка и преимущественно в сочетании слов в предложении и в сочетании предложений в периоде. Примеры. Уклонения от правильности. Примеры.

Б. Начало художественное

5. Деление художественного начала на музыкальное и изобразительное.

1. Начало музыкальное

6. **Б л а г о з в у ч и е**: в отдельных словах и в сочетании слов в предложении и в периоде. Примеры. Первоначальные способы благозвучного течения речи: аллитерация, тавтология и пр. Уклонения от благозвучия. Примеры.

7. **В е р с и ф и к а ц и я**: различие стихов от прозы; основание тонического стихосложения; ударения; слоги высокий и низкий; отличие этого стихосложения от силлабического. Примеры.

8. **В е р с и ф и к а ц и я**: образование стоп, виды их; образование стихов, виды их; рифмы; разделение стихотворения на части: строфы,

стансы, октавы, куплеты и пр.; главные свойства народного стихосложения (песнь). Примеры.

2. Начало изобразительное

9. Общие понятия об изобразительности языка. Отношение ее к выражаемой словом мысли. Средства, употребляемые языком для изобразительного выражения отвлеченных понятий. Происхождение и свойства языка украшенного. Примеры.

10. Различные роды тропов. Примеры.

11. Различные роды фигур. Примеры.

Примечание. Как здесь, так и в следующих вопросах, где требуется приведение примеров, последние должны быть приводимы непременно из образцовых писателей.

II

Теория прозаических сочинений

12. Деление прозаических сочинений на виды. Описание как один из элементов истории: его значение, содержание, свойства, расположение. Различие между простым и картинным описанием. Примеры.

13. Повествование об одном отдельном событии (фактический элемент истории). Изображение характера (характеристика). Примеры.

14. Различие между летописью и историей. Прагматизм. История художественная. Исторический слог. Примеры.

15. Две стороны истории: историческое исследование и историческое изложение. Примеры.

16. Биография: ее задача, принадлежности, отличие от характеристики. Примеры.

17. Дидактические сочинения: составные части рассуждения; два способа развивать мысли: аналитический и синтетический; учение о расположении мыслей вообще; определение рассуждения, слог его. Примеры.

18. Ораторская речь: составные части ее; два ее элемента: общий и частный; сущность ораторской речи и ее отличие от дидактических сочинений. Примеры.

19. Сущность и отличительные свойства военного красноречия. Примеры.

20. Особенные формы сочинений: разговор и письмо. Свойства разговора. Примеры.

21. Свойства писем относительно их содержания, расположения, внешнего вида и слога. Примеры.

Практические упражнения

1. Чтение.

2. Разбор.

а) С целью вывести правила слога и свойства прозаических и поэтических сочинений;

- б) С целью дать примеры для подражаний и собственных сочинений;
 - в) С целью определить характеристики писателей;
 - г) Разбор слов, оборотов и содержания отрывков из древней литературы;
 - д) Разбор грамматический (для повторения) и стилистический.
3. Учение наизусть.
4. Собственные упражнения.
- а) Изустное и письменное изложение читаемого и разбираемого;
 - б) Записывание учительских объяснений (журналы уроков);
 - в) Переводы;
 - г) Переложения с церковнославянского и древнелитературного языков;
 - д) Извлечения;
 - е) Собственные сочинения.

Примечание. В этом классе должны быть повторены, в главных чертах, вся грамматика практическая и сверх того грамматика теоретическая, в принятой системе изложения и вразбивку.

1-й СПЕЦИАЛЬНЫЙ КЛАСС

(две лекции в неделю)

III

Теория поэзии

Различие между поэтическими и прозаическими сочинениями (основные эстетические сведения).

1. Выражение мысли в образах (идеалы). Две стороны поэтического произведения: мысль и выражение, или идея и форма. Отличительное свойство идеалов; возможность или истина поэтическая. Согласие художественного идеала с умственными и нравственными убеждениями. Примеры.

2. Отношение изящного к нравственному. Как изображает поэт безнравственное и вообще всякое зло? Отличие нравственного начала в поэзии от практического нравоучения, выразившегося в дидактическом направлении поэзии вообще и в дидактической поэзии в особенности. Примеры.

3. Два способа поэтического представления: положительный и отрицательный — и основанное на них деление поэтических произведений на два рода: возвышенное и смешное, трагическое и комическое. Примеры.

4. Разные виды изящного: собственно прекрасное, возвышенное, грациозное и пр. Примеры.

5. Способность художника: фантазия. Отношение фантазии к прочим душевным способностям. Свойства и действия каждой из них. Понятие о творчестве.

6. Различные роды изящных искусств. Отличие поэтического изображения от живописного. Отличие поэтического выражения чувств и мыслей от музыкального. Отличие живописного представления от ваятельного.

7. Свойства поэзии. Отличие поэтического слова от прозаического. Разделение поэзии на роды.

8. Видоизменения художественных произведений вообще и поэтических в особенности по отношению ко времени, стране, народу, обществу и личности художника. Примеры.

А. Эпическая поэзия

9. Отличительные свойства эпической поэзии. Отличие от лирического и драматического изложения. Примеры.

10. Видоизменения эпической поэзии. Поэзия эпическая самородная, или безыскусственная: древнеклассический эпос, восточный, средневековый, русский. Изложить содержание главнейших поэм, относящихся к этому роду эпоса.

11. Поэзия эпическая искусственная и ложноклассическая: римская, средневековая, новая, русская. Изложить содержание главнейших поэм, сюда относящихся.

12. Переход эпического склада в другие. Переход эпического склада к лирическому в поэмах Данта, Ариоста. Лирическая поэма. Содержание главнейших лирических поэм.

13. Переход эпической поэзии к роману и повести. Средневековая новелла. Повесть новых времен. Повести Пушкина и Гоголя. Роман. Содержание образцовых романов. Внесение в роман направления лирического, драматического, дидактического.

14. Переход эпической поэзии в дидактическое направление. Басня. Свойства ее. Поэтическая сторона ее. Степени последовательного ее развития. Известнейшие баснописцы и отличительный характер каждого.

Б. Лирическая поэзия

15. Отличительные свойства лирической поэзии. Примеры.

16. Видоизменения лирической поэзии. Две ее ветви, соответствующие двум способам поэтического представления: положительному и отрицательному. Примеры.

17. Песнь в общем ее значении. Песнь древняя, или ода (Пиндар, Анакреон, Гораций). Песнь средневековая (трубадуры и миннезингеры, Петрарка). Ложноклассическое направление лирической поэзии и влияние его на наших образцовых писателей. Ломоносов, Державин и другие сочинители од. Примеры.

18. Радостное и печальное в лирической настроенности. Элегия: свойства ее. Отечественные писатели элегий. Различие между элегиями Жуковского, Пушкина, Баратынского и Лермонтова.

19. Сатира. Свойства ее. Известнейшие сатирики. Примеры.

20. Идиллия. Древнеклассическая и новая. Свойства ее. Примеры.

21. Переход лирического склада в другие. Баллада как лирическая песнь и как рассказ народного предания. Баллады Жуковского и Пушкина.

В. Драматическая поэзия

22. Отличительные свойства драматической поэзии. Примеры.

23. Видоизменения драматической поэзии: трагическое и комическое. Трагедия. Степени в историческом ее развитии. Трагедия древнеклассическая (Эсхил, Софокл и Эврипид). Содержание главнейших трагедий.

24. Трагедия христианского мира (Лопе де Вега, Кальдерон, Шекспир, Шиллер). Содержание главнейших трагедий Шекспира и Шиллера. «Борис Годунов» Пушкина (содержание). Различные виды трагедии в литературе христианских народов.

25. Трагедия ложноклассическая (Корнель, Расин, Сумароков, Княжнин, Озеров). Отличительные ее свойства. Содержание известнейших трагедий Озерова.

26. Комедия. Древнеклассическая комедия (Аристофан, Плавт, Теренций).

27. Новая комедия (Мольер, Фон-Визин, Грибоедов, Гоголь). Содержание «Недоросля», «Горя от ума», «Ревизора».

28. Другие виды драматической поэзии, кроме трагедии и комедии: собственно драма, мелодрама, опера, водевиль.

Практические упражнения

Те же, что и в 4-м общем классе.

Примечание. В этом классе должны быть повторены грамматика практическая и теоретическая в общих чертах, а теория слога и теория прозаических сочинений — в принятой системе изложения и вразбивку.

2-й СПЕЦИАЛЬНЫЙ КЛАСС

(две лекции в неделю)

ИСТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ИСТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ ИНОСТРАННОЙ

I

История русской словесности

1) История языка и слога

1. Отношение русского языка к языкам индоевропейским. Отношение его к славянским наречиям. Отличительные его свойства.

2. Историческое образование составных частей русского письменного слога, т. е. языка церковнославянского, русского разговорного, или народного, и чужеземных влияний в древнем периоде.

3. Язык церковнославянский. Кирилл и Мефодий. Изобретение

славянской азбуки. Перевод священного писания. Перенесение оногo в Россию. Влияние христианства на славянский язык. Отличие языка церковнославянского от древнерусского. Древнейшая славянская грамматика в переводе Иоанна, Экзарха болгарского.

4. Язык русский разговорный, или народный. Отличительные свойства его по древнейшим памятникам, от «Слова о полку Игореве» до древних русских стихотворений и пословиц XVI и XVII вв.

5. Чужеземные влияния на русский письменный слог. Язык греческий. Наречие болгарское. Влияние варягов, половцев и монголов на русский язык. Образование азбуковников и словарей, составленных для объяснения неудобопонятных заимствованных речений.

6. Древний литературный язык: преобладание церковнославянского языка в сочинениях Нестора, Иллариона, Кирилла Туровского и других писателей духовных.

7. Древний литературный язык: преобладание языка русского разговорного в юридических памятниках, в «Слове о полку Игореве», в «Слове» Даниила Заточника, в позднейших летописях.

8. Новый период в истории языка и слога, от Петра Великого. Изобретение гражданской азбуки.

9. Историческое образование русского слога, в новом периоде, по стихиям церковнославянской, народной и по влиянию чужеземному. Отделение светской письменности от духовной. Внесение чужеземных слов и синтаксических оборотов.

10. Деятельность отдельных писателей нового периода относительно образования и составных частей русского слога. Ломоносов. Его грамматика относительно отделения русского языка от церковнославянского. Его сочинение о пользе церковных книг. Противодействие вторжению иностранных речений: Ломоносов, Сумароков. Строение периода Ломоносова.

11. Деятельность Карамзина в истории образования русского слога. Отношение его произведений к языку древних и народных памятников русской литературы. «История государства Российского» в этом отношении. Преобразование ломоносовского строения речи. Начала, которыми Карамзин руководствовался при преобразовании. Нововведения. Отношение Шишкова к школе Карамзина.

12. Переход в истории русского слога от Карамзина к Пушкину. Жуковский и Крылов. Пушкин. Окончательное устройство русского слога. Внесение в него народной стихии. Мнения Пушкина о русском слоге.

2) История древнего периода русской словесности

13. Памятники церковнославянского языка. Остромирово евангелие. Перевод всей Библии. Исправления перевода Библии при Константине Острожском, Алексее Михайловиче и Елизавете Петровне.

14. Памятники разговорного, или народного, языка. Народная литература: сказки и песни. Разделение их на эпические и лирические. Песни духовные или стихи.

15. Памятники древнелитературного языка в XI в.: сочинения митрополита Иллариона, Русская Правда, Нестор.

16. Памятники литературы XII в.: Поучение Владимира Мономаха, Путешествие Даниила Паломника, Слово Даниила Заточника, Кирилл Туровский, Слово о полку Игореве.

17. Литературные памятники XIII в.: сочинения Серапиона, Патерик Печерский. Памятники XIV в.: Сказание о Мамаевом побоище. Памятники XV в.: сочинения Вассиана, Иосифа Волоцкого, Путешествие Афанасия Никитина.

18. Литературные памятники XVI в.: сочинения Максима Грека, митрополита Макария, Иоанна Грозного, князя Курбского, Домострой Сильвестра. Книгопечатание.

19. Литературные памятники XVII в.: сочинения Авраамия Палицына, Симеона Полоцкого. Начатки драматического искусства. Дмитрий Ростовский. Народная поэзия этого века.

3) История нового периода русской словесности

А. От Петра I до Ломоносова

20. Петр Великий. Преобразования, им совершенные, относительно языка, наук, литературы. Учреждения на пользу просвещения. Влияние чужеземное и отношение оно к народному образованию и языку. Попечение Петра Великого о народном и древнем русском языке. Собственные сочинения Петра Великого.

21. Духовные писатели первого отдела нового периода русской словесности: Стефан Яворский, Гавриил Бужинский, Феофан Прокопович. Отношение слов последнего к преобразованиям Петра Великого.

22. Светские писатели первого отдела нового периода русской словесности: Тредьяковский как ученый и как стихотворец; Татищев; Крашенинников; сочинители исторических записок.

Б. От Ломоносова до Карамзина (ломоносовский период)

23. Ломоносов. Биография его. Сочинения. Разные стороны его деятельности. Ломоносов как ученый: его рассуждения и речи по предметам физики, химии, астрономии, горного искусства. Исторические его сочинения.

24. Ломоносов как оратор: его похвальные слова; влияние на них древнего классического красноречия. Ломоносов как поэт: введение им тонического стихосложения; достоинство его стихов; эстетическое значение его стихотворений. Влияние ложноклассической словесности на нашу оду. Примеры из духовных и светских од Ломоносова.

25. Сумароков как драматический писатель и как сатирик. История нашего театра. Влияние ложноклассической литературы на нашу драматическую поэзию.

26. Духовные писатели ломоносовского периода: Георгий Кописский, Гедеон Криновский, Димитрий Сеченов, Платон Лев-

шин, Анастасий Братановский. Известнейшие их духовные слова и другие сочинения.

27. Литература отечественной истории в ломоносовском периоде: князь Щербатов, Болтин, Миллер, Шлецер, Стриттер, граф Мушин-Пушкин, Голиков. Образование делового слога: Теплов, Безбородко, Завадовский, Храповицкий.

28. Главнейшие писатели ломоносовского периода по разным родам поэтических сочинений. Херасков: влияние ложноклассической поэзии на нашу эпопею. Петров. Княжнин: отношение его трагедий к трагедиям Сумарокова. Комедии Княжнина. Богданович. Хемницер. Аблесимов. Капнист. Князь Долгорукий.

29. Державин: его биография и сочинения; два периода его поэтической деятельности (подражательный и самобытный); отличительное свойство его лирических произведений; различные их виды. Оды, написанные в похвалу Фелице. Отрывки из его духовных и торжественных од.

30. Фон-Визин. Его биография и сочинения. Историческое и эстетическое значение его комедий «Недоросль» и «Бригадир».

В. От Карамзина до Пушкина (карамзинский период)

31. Карамзин. Биография его. Сочинения. Разные стороны его литературной деятельности. Карамзин как преобразователь языка; предшественники его в новом строении речи и его последователи.

32. Карамзин как историк. «История государства Российского», относительно исторического исследования; состояние истории до Карамзина и заслуги Карамзина. «История государства Российского», относительно исторического изложения: ее достоинства и недостатки. Отрывки из «Истории...».

33. Дмитриев. Образование легкого стиха. Дмитриев как баснописец; отношение его басен к басням Хемницера. Дмитриев как сатирик.

34. Крылов. Биография его. Сочинения в разных родах. Крылов как баснописец. История басни до него. Отличительные свойства его басен относительно а) общих законов басни, б) народности, в) современности. Язык его басен.

35. Жуковский. Биография его. Сочинения. Введение романтизма в русскую поэзию. Понятие о романтизме; два его вида (средневековой и новый). Отличительное свойство романтических произведений Жуковского. Введение в русскую поэзию баллады. Господство элегии над другими родами поэтических произведений. Жуковский как переводчик; влияние немецкой и английской поэзии на русскую. Стих Жуковского и его видоизменения. Проза Жуковского.

36. Батюшков. Творчество в духе древнеклассической поэзии. Переводы его с греческого и итальянского. Собственные его стихотворения. Стих Батюшкова. Батюшков как прозаик.

37. Озеров. Трагедия до него. Подражательный и самобытный элементы в его трагедиях. Патриотический элемент.

38. Духовные писатели карамзинского периода: Августин Виноградов, Михаил Десницкий, Амвросий Протасов, Амвросий Подобедов, Иоанн Леванда, Евгений Болховитинов. Известнейшие их духовные слова и другие сочинения.

39. Главнейшие светские писатели карамзинского периода в прозе: М. Н. Муравьев, Мерзляков, Подшивалов, Макаров, Беницкий.

40. Литература отечественной истории в карамзинском периоде: заслуги Московского общества истории и древностей, граф Н. П. Румянцев, Бантыш-Каменский, К. Калайдович, Каченовский, Языков; академики: Круг, Лерберг, Эверс. Занятия отечественным языком: Словарь русского языка, Академическая грамматика, труды Московского общества любителей российской словесности. Греч. Преобразование делового слога. Сперанский.

41. Главнейшие писатели карамзинского периода по разным родам поэтических произведений: Мерзляков, Гнедич, Нарезный, Воейков, Измайлов, Федор Глинка, Денис Давыдов, князь Шаховской, Хмельницкий, Кокоскин, князь Вяземский.

Г. От Пушкина до нашего времени (пушкинский период)

42. Пушкин. Биография его. Сочинения. Отличительные свойства его поэзии. Обращение к национальности в литературе. Периоды его поэтической деятельности. Стих Пушкина; образование стиха художественного. Пушкин как прозаик; заслуга его в этом отношении.

43. Грибоедов: его комедия, отношение ее к современности, эстетическое значение; история комедии до Грибоедова.

44. Духовные писатели новейшего периода: Филарет и Иннокентий. Отличительные свойства их духовного красноречия. Известнейшие их проповеди и другие сочинения.

45. Литература отечественной истории в пушкинском периоде: труды Археографической комиссии и Московского общества истории и древностей. Арцыбашев, Погодин, Устрялов, Соловьев, Н. Бантыш-Каменский, Строев; академики: Френ, Шегрен и Кеппен. Военная история: Бутурлин, Михайловский-Данилевский. Военное красноречие: Скобелев.

46. Занятие в пушкинском периоде отечественным языком и литературой: труды Второго отдела Академии наук; Словарь церковнославянского и русского языка и общесравнительная грамматика. Отдельные труды Востокова, Рейфа, Шимкевича, Павского, Давыдова, Плетнева, Шевырева, Бодянского, Срезневского, Буслаева.

47. Главнейшие писатели пушкинского периода по разным родам поэтических произведений. В лирическом роде: Языков, Дельвиг, Баратынский, Веневитинов, Козлов, Кольцов, Лермонтов. В повествовательном: Загоскин, Лажечников, Гоголь, Вельтман, князь Одоевский, граф Соллогуб, Лермонтов, Казак Луганский. В драматическом: Загоскин, Гоголь.

48. Гоголь. Отличительное свойство его таланта. Комизм и юмор. Степени в развитии его таланта. Главнейшие его сочинения.

49. Лермонтов. Отличительное свойство его таланта. Отношение к Пушкину. Главнейшие сочинения.

II

История иностранной словесности

50. Греческая литература: эпическая (Гомер); лирическая (Пиндар и Анакреон); драматическая (Эсхил, Софокл, Эврипид и Аристофан).

51. Римская литература: эпическая (Виргилий); лирическая (Гораций); драматическая (Плавт и Теренций).

52. Средневековая литература. Эпическая поэзия: Эдда, Нибелунги, английский эпос, романский эпос, романсы о Сиде, эпическая поэзия у славянских народов. Лирическая: трубадуры, миннезингеры. Начатки драматического искусства.

53. Итальянская поэзия: Данте, Петрарка, Боккаччио, Ариосто, Тасс.

54. Испанские и португальские поэты: Сервантес, Лопе де Вега, Кальдерон, Камоэнс.

55. Английские поэты: Шекспир, Мильтон, Байрон, Вальтер Скотт.

56. Французская словесность: Корнель, Расин, Мольер, Лафонтен. Господство ложноклассической теории.

57. Немецкие поэты: Клопшток, Шиллер, Гёте.

Практические упражнения

1. Чтение.
2. Разбор читанного: а) фактический, б) критический.
3. Записывание объяснений учителя.
4. Письменное изложение содержания и расположения образцового сочинения (разбор фактический).
5. Письменное изложение суждения о каком-нибудь образцовом сочинении (разбор критический).
6. Извлечения или изложение сущности какого-нибудь сочинения.
7. Изложение мыслей о каком-нибудь предмете по нескольким источникам.
8. Переложения с древнелитературного русского языка.
9. Переводы.
10. Сличение двух русских сочинений или русского и иностранного и указание различий между ними.
11. Собственные сочинения.

Примечание. В этом классе должен быть повторен, в общих чертах, весь предшествующий учебный курс русского языка и словесности.

ОБЩИЙ ПЛАН И ПРОГРАММЫ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКАМ И ЛИТЕРАТУРЕ В ЖЕНСКИХ СРЕДНЕУЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

I

Чтобы составить себе определенное и точное понятие об объеме изучаемых предметов и о систематическом их преподавании, надобно сначала ознакомиться с программами, принятыми у нас в лучших женских училищах и уже испытанными на практике многолетним опытом.

Хотя обучение языкам рекомендуется во всех программах практическое, на чтении, переводах, сочинениях, в разговоре и рассказах, однако вместе с тем дается слишком широкое место теоретическому и систематическому изучению грамматики по учебнику в порядке его параграфов. По «Уставу женских учебных заведений ведомства императрицы Марии» этот предмет доводится до последних классов, а именно: для русского языка в последнем классе — «повторение теоретического курса грамматики русского языка сравнительно с грамматическими особенностями французского и немецкого языков», а для иностранных в двух последних классах: «систематическое повторение грамматики иностранных языков по учебнику».

Нет ничего вреднее в педагогическом отношении, как чрезмерное преобладание утомительного для ума и памяти бесплодного заучивания наизусть грамматических правил, отрешенных от живой, осмысленной речи, как в младших классах, так и особенно в старших, где время должно быть сберегаемо для предметов, более обязательных по их образовательному действию в умственном и нравственном отношении.

Впрочем, это было уже замечено в среде учреждений ведомства императрицы, потому что Марииинское и Усачевско-Чернявское училища и женские гимназии, отклоняясь от «Устава...», назначают последние три класса не по учебнику русской грамматики, а по русской литературе и ее истории.

Сверх того, заключительный курс русского языка в женских гимназиях и Усачевско-Чернявском училище (в 4-м классе) излагается сравнительно с церковнославянской грамматикой: предмет в высокой степени необходимый, которого «Устав...» вовсе не касается.

Конечно, грамматика изучается во всех классах, но более практически, нежели теоретически, а учебник служит справочную книгою, и особенно в старших классах, в которых девицы должны уже уметь находить в ней, что им нужно для справок. Такая сноровка, воспитанная практикой, несравненно полезнее и дороже бессмысленного долбления параграфов. Она пригодится и потом в жизни.

В низших классах должно начинать иностранные языки не с грамматики, чтения и письма, а с практических упражнений в разговоре, и не приступать к обоим языкам за один раз в том же классе, но один из них начинать по малой мере годом ранее другого.

Впрочем, как трудно понять руководящие принципы, по которым в разных программах определяется важность одного и того же предмета и, соответственно тому, объем его преподавания, можно наглядно, с математической точностью, усмотреть в самых цифрах недельных уроков, назначаемых для русского языка в низшем классе, т. е. в 7-м. В Екатерининском и Александровском институтах по 2-а урока в неделю, а в Мариинском училище — 6 (притом столько же и в приготовительном, или 8-м, классе). Из такого резкого противоречия вышло училище Елизаветинское, назначив среднюю цифру — 4-е урока, согласно с «Уставом...» по его изданию 1884 г.

Переходим к истории литературы. В преподавании иностранных языков, как и следует, она не допущена. Что же касается до истории русской литературы, то положение ее в курсе женских учебных заведений очень неопределенное, можно сказать, двусмысленное: то допускают ее нехотя, то прилаживают к теории словесности, то дают уже слишком широкий объем с излишними подробностями. Полагается она в последнем классе или же в двух классах — последнем и предпоследнем.

По «Уставу...», она принята только в одном последнем классе и, очевидно, не более как для формы. Она так стеснена со всех сторон другими задачами и требованиями, распределенными на три урока в неделю, что едва ли останется для нее времени. Судите сами по выдержке из самой программы этого класса.

«1) Опыт эстетической критики доступных девицам литературных произведений.

2) Сжатый обзор истории русской литературы.

3) Повторение теоретического курса грамматики русского языка сравнительно с грамматическими особенностями французского и немецкого языков.

4) Декламация.

5) Самостоятельные сочинения в форме описаний, повествований и рассуждений по плану, выработанному самими ученицами».

Сделав такую незначительную уступку для истории русской литературы, «Устав...» в объяснительной записке старается сколько возможно умалить значение этого предмета в средних учебных заведениях: «Что же касается до истории литературы, то преподавание этого предмета, если понимать под ним картину постепенного

развития народа, насколько оно выразилось в слове, мыслимо только в университете и, если может быть допущено в женских институтах, то только в самом конце курса, и то в виде сжатого очерка» (с. 227).

Литература имеет благотворное действие в педагогическом отношении, развивая ум и облагораживая сердце и воображение, но — только в подробном знакомстве с лучшими из ее произведений, чем, собственно, должна и ограничиваться вся задача в преподавании этого предмета в средних учебных заведениях. Общий вывод в историческом порядке, извлеченный только из такого обстоятельного изучения, может быть понятен и разумно воспринят учащимися. Потому всякий сжатый очерк истории литературы с перечнем писателей, с произведениями которых ученицы не успели познакомиться прежде, — принесет только вред, оправдывая в их глазах неосновательность и поверхностное верхоглядство. И особенно неуместно предпринимать такую меру в старшем классе в виде результата всего пройденного по литературе.

Указанную неловкость в постановке истории литературы старались исправить программы женских гимназий ведомства императрицы Марии и училищ Александро-Марининского и Усачевско-Чернявского. Во всех этих заведениях на историю русской литературы полагается по два года: для древнего периода — в предпоследнем классе и для нового — в последнем.

Колебание в этих программах оказывается по вопросу древнего периода, до Петра Великого, очевидно, потому что этот период, до крайности скудный памятниками литературы, собственно изящной, имеет значение вообще для истории образования нашего отечества преимущественно в литературе церковной.

В программе женских гимназий 1881 г., собственно московских, кое-что из этого периода помещено в виде случайного приложения к статье о теории словесности вообще. Таким образом, вслед за трагедиями Софокла и Шекспира, за «Борисом Годуновым» Пушкина и «Горем от ума» Грибоедова и за русскими народными песнями следует: «Нестор, Кирилл Туровский, Даниил Заточник, Слово о полку Игореве, Домострой, переписка Иоанна IV с Курбским, юго-западная схоластическая литература, Московская академия, Котошихин».

Но для тех же гимназий и это немного в «Сборнике всех программ и правил и проч.» 1885 г. сокращено в таком виде: «Нестор, Слово о полку Игореве, Домострой, переписка Иоанна IV с Курбским, Котошихин» (с. 431).

Ясно, что такая нерешительность в допущении или исключении того или другого из памятников древнерусской литературы свидетельствует о несогласии ученых и педагогов в значении и ценности этих произведений. Без сомнения, все они более или менее важны для истории России вообще, рисуя живыми чертами наш старинный быт, и в этом смысле могут иметь место и для элементарного курса русской истории в женских учебных заве-

дениях, но составлять из них особый отдел в истории литературы — в педагогическом отношении — несправедливо.

Особенно много не литературного, а вообще исторического, внесено в курс древнерусской словесности и частью XVIII в. в программе училищ Александро-Мариинского и Усачевско-Чернявского. Приводим выдержки из программы первого:

«Византийское влияние. Просвещение славян Кириллом и Мефодием¹. Славянские письмена. Остромирово евангелие. Летопись Нестора. Понятие о летописи и происхождение ее... Списки Несторовой летописи. Содержание Летописи Нестора. Источники летописи: а) византийские хронографы, б) палеи и др. Областные летописи, Степенная книга, Софийский временник, Воскресенская и Никоновская летописи.

Схоластическая наука, ее характер и влияние на образованность Южной России. Появление схоластической науки в Москве.

Реформа Петра I. Начало прямого влияния Запада на русскую образованность. Характер наук Петровского времени» (с. 7—8).

Все это и многое другое того же рода составляет прямую задачу истории России вообще, оживляя и освещая ее политическое содержание, даже сам Ломоносов с Академиею наук и оды Державина при славных победах и блистательных торжествах царствования Екатерины Великой.

Вообще разделение на перегородки того, что в жизни народа происходит в совокупности, вредит пониманию, раздвояя и рассеивая мысль. Надобно стараться в видах педагогических, чтобы книга, т. е. учебник, как можно менее заслоняла собою жизнь. Тогда дети полюбят и книгу.

Учитель русского языка пусть прочтет со своими ученицами и Поученье Владимира Мономаха, и Слово о полку Игореве, и характеристические отрывки из Домостроя или Котошихина, но только история России вообще может внести все эти памятники в общую раму картины и дать им настоящий смысл, который новым светом оживит и осветит исторические лица и события.

Тогда почувствуется и полюбится русская история и русская жизнь.

Оканчивая об истории литературы, не можем не обратить внимания на одну непонятную странность, допущенную в программе женских гимназий. Хотя, как замечено выше, вполне разумно изъять этот предмет из классов иностранных языков, однако, неизвестно для чего по сказанной программе в двух старших классах произведения французской литературы читаются в историческом порядке. А именно: в предпоследнем классе: «Чтение литературных отрывков XVII столетия, драматических, эпических и проч.».

В старшем же классе к такому чтению присовокупляется да-

¹ По программе Усачевско-Чернявского училища Кирилл и Мефодий внесены трижды: 1) во всеобщую историю, 2) в историю церкви и 3) в историю русской литературы, как приведено здесь.

же история французской литературы: «те же упражнения, которые в предшествовавшем классе по отрывкам из прозаических и поэтических произведений XVII и XVIII веков; история литературы от возрождения до XVIII века» (Сборник всех программ и правил и проч., с. 430—432).

То есть, это будет такой же «сжатый очерк», с которым мы уже знакомы для русской литературы по «Уставу...».

II

Успешное обучение языкам, русскому и иностранным, возможно только при постоянном стремлении преподавателей к выполнению их главной задачи, состоящей в усвоении учащимися правильного и свободного употребления этих языков в разговоре и на письме. Такое усвоение приобретается в течение всего учебного курса, с самого низшего класса и до высшего, в уроках как грамматического содержания, так и потом — литературного. Практического свойства цель обязывает усилить и практические для достижения ее средства.

Разговор, чтение, рассказ прочитанного и писание стоят на первом плане, дают содержание всем урокам. Теоретическое руководство служит только пособием, и именно преимущественно грамматика, так как при опытном, дельном преподавателе не окажется для учащихся нужды в теории словесности, а история литературы, как то будет показано ниже, проходится на изучении самих писателей.

Что же касается до грамматического учебника, то он столько же необходим в низших классах для практического обучения в языках, сколько и в старших для постоянных справок, при чтении литературных произведений и при изготовлении ученицами письменных работ.

В обучении родной язык имеет громадное преимущество перед иностранными. Вступая в школу, дети уже свободно на нем говорят и потому прямо начинают учиться читать и писать. Что же касается до французского и немецкого языков, то, чтобы достигнуть известной доли той же свободы, воспитанницы постепенно должны быть доведены до этой цели с низших классов и до высшего, и чем раньше начнут они учиться говорить на этих языках, тем легче и успешнее будет идти вперед преподавание.

По самому свойству родного языка учитель русской грамматики и словесности берет на себя обязанность в обучении всей грамматической, стилистической и литературной терминологии, чтобы все это у преподавателей иностранных языков уже не отнимало времени, которое они должны посвящать преимущественно на практическое изучение этих языков в их специальных особенностях. Таким образом, учитель русского языка познакомит учениц с частями речи и их принадлежностями, с составом предложений простых и сложных, с периодом, с тропами и фигурами и вообще с элементарными сведениями по стилистике и теории литературы, сколько это нужно для яснейшего уразумения читаемых и изучаемых воспитанницами произведений словесности и для письменных работ.

Читать и разбирать в классе следует только образцовое и лучшее, что может пригодиться всегда и впоследствии, и вообще то, что годится и взрослому, а не так называемые детские книжки, нарочно изготовляемые с исключительным назначением для детского и юного возраста.

Такое чтение учитель русского языка начинает уже в низших классах, учителя иностранных языков — только тогда, когда это найдут возможным, соразмерно успехам учащихся.

Кроме чтения и писания, сначала под диктант и потом в письменных задачах, воспитанницы учат наизусть краткие литературные произведения или отрывки из более объемистых, и преимущественно стихотворения, потому что стихи легче для памяти и звучнее по своей форме, чем проза; и тоже по-русски с низших классов, а на иностранных языках — когда это окажется возможным.

Так как далеко не все одарены одинаковою степенью памяти, то при этом надобно согласоваться с менее способными ученицами и задавать наизусть не более десяти стихов по-русски, а на иностранных языках и того меньше.

Упражнение это назначается более для низших классов.

Заученные наизусть стихи надобно заставлять воспитанниц рассказывать своими словами, что особенно полезно для практики в иностранных языках.

Впрочем, не надобно строго обращать внимание на то, чтобы дети не забывали раз выученных на память стихов, и потому не задавать им повторять их и тем менее заучивать вновь для репетиции или экзамена. Надобно помнить, что это упражнение есть только одно из средств в обучении, а не цель его.

Чтение должно быть принято в классах двойное, так называемое беглое и остановочное, т. е. с непрерывными остановками в объяснениях грамматических и стилистических, в толковании значения слов и в указании порядка и связи мыслей. Тому и другому чтению назначается урочное время, чтобы не запускать ни того, ни другого. Чтение остановочное господствует в низших классах, беглое в старших.

Чтение остановочное состоит в непрерывной связи с учебником грамматики и с уроками правописания. Чтение беглое служит двойной цели. Во-первых, оно дает материал для литературного образования вообще и, во-вторых, в отношении педагогическом, способствует успехам в изустном и письменном употреблении языка, предлагая содержание для рассказа и для письменных работ.

Чтобы не нарушать интереса отступлениями, не надобно беглое чтение перегораживать комментариями и длинными рассуждениями. Особенно необходимое для уразумения назначаемой для чтения статьи пусть объяснит учитель прежде, чем приступит к ее чтению, так чтобы многословие объяснений не загораживало содержания изучаемой статьи.

Статью бегло прочитывает в классе не всегда только сам учитель, но время от времени заставляя ту или другую из вос-

питанниц продолжать начатое им чтение. Такое упражнение в родном языке очень полезно, а в иностранных — настоятельно необходимо.

В тех же видах желательно, чтобы и вне классов, приготовляя уроки из русского и иностранного языков, воспитанницы читали вслух, а не глазами, про себя.

Назначенные в программах литературные статьи, особенно для высших классов, не все сполна могут быть прочтены во время уроков. В таком случае учитель прочитывает в классе только главное и более затруднительное в статье, предоставляя ученицам прочесть ее всю сполна вне класса. Это особенно касается русской литературы в высших классах.

Что не поймут ученицы в прочитанном без учителя, обязаны спросить у него объяснения. И вообще, чем чаще они будут осведомляться, обращаясь с вопросами к своим наставникам, тем успешнее будет идти преподавание и обучение.

Литературное образование учениц не прекращается и в течение святков и летних каникул. На это время указываются им для чтения произведения лучших писателей на русском языке, начиная с низших классов, а на иностранных — в высших, смотря по успехам.

Какое бы ни предложено было литературное произведение для учения наизусть, для разбора или для чтения, учитель всякий раз обязан называть ученицам имя автора, даже в низших классах, а в высших к его имени присовокуплять некоторые биографические данные. Эти указания не записываются в тетрадках, а удерживаются в памяти сами собой, будучи повторяемы учителем несколько раз при каждом случае.

В отчете, который учитель берет от учениц в прочитанном в классе или вне класса, он должен ограничиваться только общим обозрением с удержанием особенно выдающихся подробностей и никогда не придирается к мелочам. Надобно помнить, что это чтение, оставляя по себе в результате и общие только обозрения, все же будет служить самою полною по содержанию историею литературы, и именно такую, которая, не обременяя память собственными именами и цифрами годов, должна иметь образовательное и воспитательное значение.

Так как в обучении языкам самое существенное и наиболее трудное дело состоит в усвоении учащимися грамматических правил в их практическом употреблении, которое не только должно быть доведено до сознания, на основании параграфов учебника, но и войти в привычки в такой степени, чтобы правописание, так сказать, приросло к самому перу, которым пишут, то я должен коснуться некоторых подробностей грамматического обучения, преимущественно в низших классах, которые полагают основу для дальнейших успехов в классах высших.

При этом я укажу несколько педагогических приемов, которыми я сам не без успеха пользовался, когда в начале сороковых годов

был преподавателем русского языка в низших классах одной из московских гимназий. Рекомендую их учителям, я вовсе не желаю стеснять их педагогическую практику в присовокуплении и других полезных приемов, для облегчения в достижении предполагаемых ими задач. Может быть, мои приемы не вполне были бы пригодны для слишком многолюдного класса. У меня бывало в классах около тридцати учащихся.

Главным орудием и средством в грамматическом обучении, столько же как и в математике, служит классная доска. На ней сначала сам учитель начертывает мелом, что нужно преподавать в уроке, потом пишут и сами ученицы, вызываемые поодиночке для диктанта.

Начертанное учителем на классной доске краткое предложение или изречение, сопровождаемое грамматическим разбором, будет соединять в себе теоретическое правило из параграфа грамматики с практическим руководством в правописании. При этом должна быть наблюдаема последовательность, соразмерно успехам учениц.

Когда они усвоят себе на таком разборе параграф учебника, тогда преподаватель приступает к диктанту.

Таким порядком должно вести грамматическое обучение в каждом уроке трех низших классов по русскому языку, а по иностранным и в следующих классах, смотря по успехам.

Написанные учителем на доске фразы, которые он разбирает, воспитанницы вносят в свои тетрадки, нарочно для того назначенные.

Особенно успешно можно вести грамматическое обучение на разборе продиктованного, уже с самых первых уроков низшего класса, и затем продолжать это упражнение и в следующих классах до тех пор, пока по программе предписывается в них преподавание грамматики.

При диктанте преподаватель удобнее может следить за успехом всего класса, наблюдая контроль над вниманием каждого из учащихся. Для этого с пользою употребляются следующие приемы, особенно пригодные для низшего класса.

Продиктовывается очень немногое, именно столько, сколько нужно для твердого усвоения той грамматической статьи, которую учитель имеет в виду. Сначала даются для диктанта краткие фразы, составленные самим учителем или взятые из книги, но очень скоро можно приступить и к стихотворениям. Я начинал сказкою Пушкина «О рыбаке и рыбке» и затем переходил к басням Крылова.

Одна из слабейших учениц вызывается и пишет под диктант на доске, другие пишут в своих тетрадях, и лучшие из них не станут списывать с доски, где сами уже видят ошибки.

Учитель для исправления написанного на доске вызывает сначала слабейших, потом, если те не сладят, переходит к лучшим.

При этом учащиеся сами должны поправлять ошибки в своих тетрадках.

Учитель во время диктанта ходит по классу и там и сям заглянет

в тетрадки у более слабых учениц, как то или другое слово написано, особенно несколько затруднительное для правописания.

После того тетрадей с диктантом учитель уже не берет к себе для поправления. Это лишняя трата времени, потому что ученицы, получив свое писанье назад, не станут интересоваться, как исправлена там ошибка. Если у кого из девочек во время диктанта и останется не исправленная в тетради ошибка, это не беда. Со временем все сгладится и приведется к желанному результату при помощи постоянного упражнения в диктанте. Такие тетради назначаются не на показ ревизору, который казнит и учителя, и учащихся за всякий малейший промах. Это черновая работа, это одна из ступенек, ведущих к будущему успеху.

Что диктуется в классах из стихотворений на русском, а на иностранных языках и из прозаических статей, и при этом подробно разбирается, то и дается потом выучивать наизусть и легко усвоется в памяти, как уже коротко знакомое.

Заучивая такую статью на память, воспитанницы должны обращать внимание на все грамматические подробности, объясненные в ней учителем. На следующий раз, заставляя учениц сказать ее наизусть, учитель от одной из них требует указать, где какой стоит знак препинания, от другой — как пишется то или другое слово, более затруднительное в правописании, напр. в уроке из русского языка — назвать все слова, где стоит буква *ѣ*, и притом в корнях слов и в окончаниях.

Из русского языка диктант с разбором продолжается до V класса, а из иностранных до II включительно.

По-русски в трех нижних классах диктант практикуется в каждом из недельных уроков, а в V только один раз в неделю. По иностранным языкам диктант принимается в каждом из недельных уроков во всех классах до III, а во II только один раз в неделю.

Без сомнения, очень желательно, чтобы удовлетворительные успехи в правописании дали возможность сократить диктант и освободить от него высшие классы, заменив его сочинениями, в которых учитель, само собою разумеется, строго следит за правописанием воспитанниц.

При этом должно наблюдаться следующее требование. Так как в высших классах, и преимущественно в последнем, темы для сочинений будут задаваться не одним учителем русского языка, но и другими преподавателями, именно законоучителем и преподавателем истории, то и оба последние, не ограничиваясь только содержанием сочинения, обязаны обращать внимание и на его правописание и слог.

Пока это в высшей степени важное дело будет на ответственности только преподавания русского языка, а не всех педагогических средств, какими только может школа располагать, до тех пор не достигнет оно желаемых результатов.

Даже уроки чистописания в младших классах, кроме своей прямой задачи каллиграфической, должны приносить немалую долю

пользы в обучении правописанию. Соответственно классам грамматики, пусть упряжняются ученицы в чистописании на таких словах, которые затрудняют их в правописании.

Разбор и заучиванье наизусть стихов, начинающееся для родного языка с самого низшего класса, заменяется для языков иностранных в младших классах разговорными фразами и самыми коротенькими рассказами, которые должны давать материал тоже для разговора.

По всем классам, где преподаются языки по указанному практическому методу, в конце годового курса, грамматика повторяется систематически по учебнику, с которым в течение того времени учащиеся уже довольно познакомятся, постоянно справляясь, по указанию преподавателя, с отдельными параграфами, независимо от принятой в учебнике системы. Таким образом, с малых лет воспитанницы будут упражняться в умении наводить в грамматике нужные для них справки, что и войдет у них в привычку, когда потом понадобится им это в старших классах.

Экзамены из грамматики полагаются только практические.

В отметках на испытании сведения воспитанниц оцениваются по грамматическому разбору, по рассказу из прочтенного в классах, по диктанту и по письменным задачам.

ОПЫТ ПРОГРАММЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И СЛОВЕСНОСТИ

ПРИГOTOВИТЕЛЬНЫЙ КЛАСС

(6 уроков)

Состав главного и придаточных предложений в связи с частями речи и с некоторыми из их принадлежностей. Все это изучается практически, по выше указанному методу, на классной доске и на диктанте. Сначала разбираются краткие предложения, небольшие фразы, составленные самим учителем для того или другого правила, которое он должен объяснить; можно взять материал для этого и из книги. Потом, смотря по успехам, переходят к сказке Пушкина о рыбаке и рыбке и затем к басням Крылова.

Уроки в этом классе преподаватель ведет по моей книжке «Руководство к первоначальному изучению русского языка».

В конце года с учениками I класса гимназии я успевал до того, что они умели отделять запятыми части главного предложения и придаточные предложения от главного.

Надобно с самого низшего класса воспитывать в учащихся и усвоить им привычку, чтобы они по написании слова или предложения тотчас же ставили надлежащий знак препинания, а не потом, когда уже напишут целый период или отдел, как это многими принято.

В уроках чистописания воспитанницы начинают привыкать к наблюдению самых элементарных правил орфографии, каковы, напр., *зуб* (а не *зуп*) — *зубы*, *друг* (а не *друж*) — *други*, *тетрадь* (а не *тетрать*) — *тетради*, *маленький* (а не *малинький*) — *маленек* (в связи с объяснением ударений, предложенным в классах русской грамматики) и т. п.

В самой программе должен быть подробный перечень слов, нужных для правописания, которыми будут воспитанницы пользоваться в уроках чистописания.

Для чтения на вакатное время: князя Львова «Серый армяк». Кроме того, как для этого класса, так и для VII и VI рекомендуется «Сборник стихотворений для приготовительного и низших классов гимназий и прогимназий», изданный Сыркиным, Вильно, типогр. Сыркина, 3-е изд., 1881 г.

VII КЛАСС

(4 урока)

Этимология — по краткому учебнику, который будет указан в программе. Тот же практический метод. Диктант и заучиванье стихов, тоже из Крылова, с прибавлением немногих стихотворений Пушкина, легких для детского уразумения, каково, напр., «Птичка божия не знает». Особенное внимание обращается, как в теории, так и на практике, на разные этимологические формы, затруднительные в правописании. В учении об образовании слов особенно полезно заставляя воспитанниц приискивать производные одного и того же корня. Это уясняет им форму слов с приставками и окончаниями, а вместе с тем раскрывает и самый смысл коренного значения в его видоизменениях по словам производным. К такому упражнению придется прибегать всякий раз, как в разборе встретится слово, неясно или не вполне, как следует, понимаемое ученицами. Напр.: *от-вет-ить*, *от-веч-ать* (*вещать*); *от-вет*, *при-вет*, *за-вет*, *за-вещание*, *у-вещание*. Из этого примера явствует, что и для изучения правил о букве *ѣ* надобно приучать детей к такому упражнению в словопроизводстве.

Хорошее подспорье грамматическому обучению могут дать уроки чистописания, между прочим, в начертании слов, в корне которых употребляется буква *ѣ*.

Как в этом, так и в следующем, VI классе для постепенной последовательности в практическом обучении грамматике рекомендуется хрестоматия для низших классов, составленная Николенком.

Так как практическое обучение не может быть стесняемо границами параграфов учебника, ни даже систематическим разделением изучаемого предмета по классам всего учебного курса, то в классе низшем постоянно приходится забегать вперед и заготовлять материал для следующего, высшего класса. Потому уже в этом, VII классе, при чтении и объяснении этимологических терминов (напр.,

существительные собственные, нарицательные слова значения вещественного и духовного или отвлеченного, прилагательные качественные, количественные и т. п.), а также в объяснении словопроизводства, учитель не обойдется без того, чтобы не коснуться вопроса о переходе слов от одного значения к другому, и особенно от вещественного к духовному, как, напр.: *кус-ать, кус-ок и ис-кусить, ис-куш-ение*, наконец, *ис-кус-ство и в-кус*, в смысле вещественном и духовном и т. п. Здесь должно быть положено начало учению о тропах, но не как параграф научной системы, а как случайная при чтении заметка, повторяющаяся неоднократно.

В руководство самому преподавателю для стилистических и риторических объяснений, как при чтении, так и в сочинениях учениц, рекомендуется, особенно для следующих классов,— Бена «Стилистика и теория устной и письменной речи» в переводе Грузинского (изд. Солдатенкова. М., 1886). Недостаток филологических данных в этом руководстве должен быть дополняем самим учителем, на основании грамматического анализа отдельных слов и целых фраз, как это показано далее в программах для VI и V классов.

В этом же классе, при диктанте и заучивании наизусть стихов, учитель начинает знакомить детей со стихотворным размером, что уже само собою напрашивается в повторяемой практике. Таким образом, дети узнают в этом классе ямба и хорей (причем усиливается внимание к ударениям), а также и рифмы, мужские и женские.

Для беглого чтения и на вакатное время рекомендуются сказки в переложениях Пушкина и Жуковского, а также посвященные к «Руслану и Людмиле» Пушкина и «Конек-Горбунок» Ершова.

Из назначаемого для беглого чтения учитель заставляет детей рассказывать своими словами и в отрывках учить наизусть.

VI КЛАСС

(4 урока)

Такие же практические упражнения в обучении синтаксиса, причем постоянно повторяется и этимология, особенно в формах более затруднительных для правописания. Что же касается до теоретического обучения синтаксису, то оно должно быть начато краткими сведениями из формальной логики о понятиях, суждениях и умозаключениях.

По согласованию и управлению слов и по синтаксическому употреблению частей речи особенное внимание обращается на затрудняющее воспитанниц в устной и письменной речи.

В учении о сложных предложениях надобно заставлять воспитанниц самих составлять такие предложения, как изустно, так и письменно. Это будет первым опытом к упражнению в сочинении.

Такого рода упражнение делается целым классом. Учитель дает содержание и назначает синтаксическую форму предложения, т. е. в и н о с л о в н у ю — *ибо, потому что, условную — если — то,*

уступительную — *хоть* — *однако*, соединительную — *и — и — и*, *во-первых* — *во-вторых*, *сначала* — *потом* — *далее*, противительную — *но*, разделительную — *или* — *или* и т. д., потом ученицы приискывают и сами содержание для предложений и одна другую поправляют.

Слабейшая вызывается к доске и пишет составленное сообщаемое целым классом сложное предложение.

Когда воспитанницами усвоится до некоторой степени сочетание предложений при помощи союзов, тогда можно будет упражнять их в составлении сложных предложений и без этой грамматической связи, где это бывает употребляемо.

В этом упражнении объясняется период и речь периодическая в отличие от отрывистой.

Тут же завершается и учение о знаках препинания.

В этом же классе, кроме составления периодов, ученицы должны делать переложения басен Крылова своими словами. Этот род литературных произведений особенно удобен для прозаического переложения, потому что писатели с давних времен усвоили для него ту и другую форму: и прозаическую и стихотворную.

Вместо стихов для остановочного чтения в синтаксических уроках принимается проза из таких писателей, у которых особенно явствует отличие речи периодической от отрывистой, а именно из Карамзина отрывки из Истории, писем и повестей и из Батюшкова описание Финляндии. При этом учитель пользуется стилистикой Бена и моею книгою «О преподавании отечественного языка».

Вместе с этим продолжают наблюдения над фигуральными формами речи, причем могут быть уже подробно объяснены различные роды тропов и фигур. Ученицы сами должны приискывать примеры метафоры, метонимии, синекдохи. В учении о так называемых фигурах не следует вдаваться в подробности. Это более схоластическая часть стилистики, вовсе не такая существенная, как учение о тропах и эпитетах, которых основание лежит в самом существовании языка.

Потому учение о тропах будет более и более проясняться воспитанницам в следующих классах, по мере изучения церковнославянского, древнерусского и народного языка в связи с моим учебником русской грамматики, сближенной с церковнославянской. Напр.: *тяга*, древн. *туга*, *тугой* и *тужить*; *мяту*, *мутить*, *смущение* и *смятение*; *укрух*, *крушить* и *сокрушение*; *лук* (для стреляния), *лукоморье* и *лукавый*; *хитить* и *хитрый*.

На этом же принципе должно быть основано и учение о синонимах. Напр.: *прекрасный* (*краса*) и *прелестный* (*лесть*). Слич. *диавол* *прелестник*.

В дополнение к стилистике Бена, как в этом, так и преимущественно в высших классах, должно служить учителю и руководство в моих Исторических очерках, I, с. 158—191.

Для диктанта в этом классе берутся те же отрывки из Карамзина и из статьи Батюшкова.

На все вышесказанное дается три урока в неделю. Остальной, четвертый урок назначается для беглого чтения: из Жуковского «Светлана» и другие баллады и перевод идиллии «Овсяный кисель»; из Пушкина «Кавказский пленник» и «Цыганы».

Отчет о прочтенном берется частью в том же уроке, а частью в следующем. Воспитанницы рассказывают, как умеют, коротко или подробно, все целое в общем очерке или отдельные части, более заслуживающие внимания, по указанию учителя.

Так поступать и в следующих классах.

Кроме басен Крылова, заучиваются наизусть некоторые из Дмитриева и Хемницера и из указанных стихотворений Пушкина.

То, что не прочтется из указанного в классе, предоставляется для чтения вне классов и в вакатное время.

Сверх того, для вакатного времени (вакационного времени, т. е. каникулярного.— П. и Х.) назначаются: Пушкина «Повести Белкина» и Загоскина «Юрий Милославский».

V КЛАСС

(4 урока)

Когда дети в предыдущих классах уже значительно знакомятся с церковнославянскими формами в уроках законоучителя, можно будет в этом классе приступить к основательному изучению русского языка в связи с церковнославянской грамматикой и этим завершить грамматический курс. Обучение должно быть производимо тоже практически и именно на остановочном прочтении всего предложенного в моем учебнике из Остромирова евангелия. (При этом указать, когда, кем, где и для кого этот памятник был составлен.)

Приемы преподавания состоят в следующем. Сначала учитель прочитывает стих или два из Остромирова текста и русский перевод. Потом, объясняя каждое слово, делает ссылку на указанный мною параграф грамматики, в котором и прочитывает воспитанницам, что нужно. На следующий раз берет с них отчет в объяснении грамматических форм прочтенного текста и в знании соответствующих им выдержек из учебника грамматики.

Так поступать и в следующих классах.

Хотя параграфы учебника будут состоять в зависимости от разбираемого текста, но вместе с тем они сполна, сами по себе, должны быть изучаемы ученицами, только не в их систематическом порядке, а по указаниям той или другой грамматической подробности самого текста, как это в точности обозначено в моих примечаниях к Остромировым чтениям. Таким образом, к концу года в этом классе воспитанницы нечувствительно ознакомятся со всем существенным в грамматическом строе русского языка, в его коренном сродстве с церковнославянским. Система составит у них в голове прежде, чем они обратят на эту систему внимание в параграфах учебника. Потом им не затруднительно будет в конце года при повторении

всей грамматики сделать себе ее общий обзор, для того чтобы впоследствии, в высших классах и по выходе из уч. завед., уметь ориентироваться в ее параграфах и наводить для себя справки там, где представится надобность по какому-либо вопросу, затрудняющему в понимании формы слова и в его правописании.

Таким образом, хотя курс грамматический оканчивается в этом классе, но обучение грамматике не прекращается в практических упражнениях и в высших классах, и учебник остается справочною книгою как при чтении древних и новых произведений словесности, так и в письменных задачах.

Так как славянская грамматика изучается здесь только для полнейшего познания языка русского, то никоим образом не обязывать воспитанниц заучиванием парадигм церковнославянских спряжений и склонений и разных подробностей, исключительно принадлежащих древнему языку, каковы, напр., употребление юсов и буквы ѣ в таких словах и формах, которые уже не имеют прямого отношения к языку русскому.

Для надлежащей ясности в уразумении Остромирова текста воспитанницы сличают его с ныне принятым в церкви чтением и с переложением его на русский язык по приложенному в моем учебнике.

На церковнославянскую и русскую грамматику и на чтение Остромирова текста уделяется два урока в неделю. Из остальных же двух уроков один назначается на беглое чтение и разбор следующих произведений в таком порядке:

В первом полугодии:

Из Одиссеи по переводу Жуковского.

Из Илиады по переводу Гнедича.

Во втором полугодии:

Из русской народной поэзии.

Стих о Егории Храбром.

Волхв Всеславьевич.

Вольга Святославич и Микула Селянинович.

Святогор и Илья Муромец.

При чтении этих русских произведений не вдаваться в подробности комментариев, у меня приложенных, и вообще объяснением не отвлекать внимание воспитанниц от течения рассказа, а сообщать что нужно для уразумения читаемого или перед тем, как начать чтение, или останавливаться по прочтении какого-либо целого отдела или эпизода.

Так же поступать и в следующих классах при чтении из моей хрестоматии.

При беглом чтении таким образом будет допускаться и остановочное, вызываемое только настоятельною потребностью в объяснении неудобопонятого.

Объяснения будут частью грамматические и стилистические, частью реальные как здесь, так и в следующих классах.

Изучение слога в этом классе дополняется объяснением э п и

ч е с к и х форм, каковы: постоянные эпитеты, длинные уподобления, эпические описания подробностей, повторение того же самого по нескольку раз, общие места, так же неминуемо повторяющиеся, как и постоянные эпитеты, и т. д. Учение о с т и х о с л о ж е н и и дополняется здесь объяснением гекзаметра, дактиля, анапеста, цезуры и белого, или нерифмованного, стиха.

Изучение церковнославянского языка по Остромиру и русского народного по былинам и по духовному стиху даст возможность объяснить в нашем книжном языке а р х а и з м ы, п р о в и н ц и а л и з м ы, в а р в а р и з м ы и н е о л о г и з м ы.

В следующих классах эти элементы русской речи более и более будут уясняться в сознании воспитанниц: провинциализмы как совокупность говоров, составляющих то, что мы называем русским народным языком в географическом отношении; архаизмы как предание, ведущее свое начало от церковнославянского перевода св. писания, а неологизмы и варваризмы как результат успехов европейского просвещения.

В этом же классе, тоже практически на разборе читаемого, начинается уч е н и е о с л о г е, так называемом высоком, или витиеватом, и простом; о слоге разговорном и книжном, постепенно слагавшемся из народных и церковнославянских элементов в древней русской письменности.

Такое изучение, постоянно извлекаемое из практики, будучи начато на чтении памятников древней письменности, особенно уяснится в следующих классах на изучении слога писателей XVIII в., Ломоносова, Державина, Фонвизина, затем — Карамзина и, наконец, завершится на разборе произведений Пушкина, Гоголя и новейших писателей.

Но основание этому изучению элементов русской книжной речи дается именно в этом классе на разборе читаемого при помощи моего учебника русской грамматики. Напр., в различении форм: *глава* в книге, на церкви — и *городской голова*; *един*, *единица* и *один*; *длань* и *ладонь*; *перст*, напр. в выражении *перст Божий* (народное — *пёрст*), и *большой палец*; *глас*, напр. *глас народа* — *глас Божий*, и *громкий голос*; *мужья* и *великие мужи*; *сыновья* и *сыны отечества*; *учителя гимназии* и *учители церкви*; *невежа* в обращении и *невежда в знании*; *вопреки* — *поперек*, *запрещать* и *перечить*; *чрав* и *норов* и т. д.; даже в составе предложений, напр. *говорящий*, *сказавший* и *который* или *кто говорит*, *сказал*.

Руководством для учителя во всем сказанном выше может служить отдел о русском слоге в моем сочинении «О преподавании отечественного языка».

На вышеозначенное литературное чтение в этом классе полагается, как сказано, один час; последний из четырех часов посвящается диктанту и письменным задачам, к которым воспитанницы приступают именно в этом классе и продолжают это дело в следующих. На диктант полагается не более 10 минут, остальное время назначается на задавание письменных работ и на их разбор:

Главнейшею основою сочинений во всех классах должно служить изложение своими словами прочтенного и хорошо понятого материала, который воспитанницы приобретают частью в уроках учителя, частью вне класса из прочтенного ими самими.

Задача воспитанницам будет состоять в известной обработке этого материала, начиная от голословного пересказа в этом классе и до более трудных работ в следующих классах, согласно успехам и умственному развитию воспитанниц, и по мере того, как вместе с нарастанием и усложнением сказанного материала будет становиться серьезнее и самая задача, вызывая более и более самостоятельность и самостоятельность. Так как обработка добытого чтением материала может быть излагаема в форме описания, повествования и рассуждения, то уже в этом V классе учитель должен объяснить своим ученицам значение и состав этих литературных форм, и здесь собственно формы описательной и повествовательной, как более доступных их возрасту, и только в отличие от формы рассуждения, в которой будут практиковаться ученицы не ранее, как в III классе. Руководством для самого учителя по этим письменным задачам учениц, как в этом, так и в высших классах, будет служить та же названная выше стилистика Бена.

Интерес писания определяется целью и отношением пишущего к предмету, о котором задумал он писать. Так должно быть с сочинениями девиц во всех классах, так должно быть начато уже и в этом V, чтобы с первого же раза постановить дело как следует и внушить и воспитать в них убеждение, что они пишут свои сочинения не для одного только механического процесса писания, а для того, чтобы этим способом уяснить себе данный материал, чтобы в него вдуматься и усмотреть в нем более или менее важное и интересное или заметить что-либо для себя вовсе непонятное или почему-либо странное и невразумительное, несмотря на то, что оно было уже прочтено в классе и объяснено, а и тем более из того, что читается вне класса.

Во-первых, значительность письменной задачи окажется для воспитанниц уже тем самым, что, изготовляя сочинение из прочтенного, назначенное для следующего (через неделю) класса, они вместе с тем нечувствительно приготавливаются и дать отчет в этом прочтенном, буде учитель кого из них заставит то же самое рассказать.

Во-вторых, задавая сочинение, учитель рекомендует ученицам из прочитанного написать о том, что ту или другую более интересуется и почему именно интересуется, и в этом V классе всего пригоднее будет начинать описание или повествование от первого лица, т. е.: *Мне особенно понравилось* и т. д., или: *С особенным интересом я читала* — или — *слушала* и т. д. *Мне не совсем понятно, как и почему* и т. д. Так будут писать более даровитые ученицы; менее даровитым дается полная свобода написать, как сумеют.

Таким образом, письменные задачи имеют двоякую цель: упражнение в сочинении, правописании и слоге — и поверку, как усваивается читанное и объясненное в классе.

Сочинения в этом классе должны быть не более четвертки листа. Воспитанницы пишут еженедельно по одному сочинению.

Для вакатного времени назначается: «Капитанская дочка» Пушкина, «Русские сказки» Афанасьева и «Вечера на хуторе близ Диканьки». Повести Гоголя в названном собрании дадут отличный, можно сказать, классический материал для учения о провинциализмах. На это учитель должен обратить внимание воспитанниц, рекомендуя им эту книгу для прочтения, и потом возьмет с них об этом отчет.

IV КЛАСС

(4 урока)

Чтение и разбор в этом классе состоят в двух отделах: на один назначается два урока в неделю и на другой один урок; что же касается до остального, четвертого урока, то он полагается для устного отчета в прочтенном и на письменные задачи учениц.

Читается, по сказанному, частью бегло, частью, где нужно, с остановками.

Два урока в неделю в течение всего года, по моей хрестоматии:

Летопись Нестора.

Киевопечерский патерик.

Житие Феодосия Печерского.

Хождение игумена Даниила во святую землю.

Поучение Владимира Мономаха.

Даниила Заточника моление к своему князю.

Из русских былин, по хрестоматии:

Добрыня Никитич.

Соловей Будимирович.

Дюк Степанович.

Пиры князя Владимира.

Садко — богатый гость.

Василий Буслаев.

Нашествие монголов.

Щелкан Дудетьевич.

Учитель читает сам и заставляет время от времени читать ту или другую из воспитанниц как эти литературные материалы, так и всякие другие. То же наблюдается и в следующих классах, для того чтобы воспитать в девицах способность и навык хорошо читать вслух, внятно, с надлежащими остановками и с некоторою выразительностью, чуждою, впрочем, всякой аффектации и театральности.

В начале каждой статьи, по приведенному у меня, учитель объясняет значение памятника и затем, не вдаваясь в подробные комментарии моего учебника, прочитывает произведение сам и иногда заставляет читать ту или другую из учениц; остальные следят за чтением по книге, причем, для поддержания внимания, изредка спрашивает у менее надежных учениц объяснения встречающихся при чтении каких-либо грамматических или стилистических особенностей.

Пользуясь старинным правописанием древнерусских памятников, учитель постоянно на практике повторяет с своими учениками русскую грамматику в ее сближении с церковнославянской и, на самом различии старинного правописания от ныне принятого, укореняет их в уразумении этого последнего. И чем более будут воспитанницы присматриваться к сказанному различию, в этом и в следующем классе, тем легче и легче будет им становиться такое практическое упражнение в грамматике для ее теоретического изучения, которое они проверяют по параграфам учебника, пользуясь моим указанием в хрестоматии, и тем более привыкают наводить справки в параграфах.

По прочтении того или другого памятника учитель, что окажется нужным, излагает воспитанницам из приложенных внизу текста комментариев, особенно из таких, где даются некоторые подробности или выдержки откуда-нибудь.

Особенно рекомендуется учителю заставлять воспитанниц прочитывать из «Истории Государства Российского» Карамзина те места, которые ближе и точнее соответствуют изучаемым в классе памятникам древнерусской литературы, так чтобы изучение древнерусской литературы служило вместе поводом и к изучению языка и слога Карамзина. При этом учитель обращает внимание на слова и выражения, заимствованные этим писателем из летописи и других изучаемых в классе источников. Так поступать и в следующем классе.

Кроме исторических и литературных сведений, в этом отделе ученицы, по указаниям преподавателя, пополняют себе теорию словесности и стилистики новыми данными.

Они знакомятся с литературными формами летописи (в ее отличии от истории), патериков, житий святых и легенд, путешествий, поучений и наставлений юношеству, или домостроев, и посланий.

В былинах отличают содержание богатырское, или героическое, от исторического и по местностям — киевское и новгородское.

В изучении слога, по указанию учителя в комментариях моей хрестоматии, воспитанницы обогащают свои сведения массою элементов церковнославянских и народных в их книжном сочетании, в Летописи Нестора, у Даниила Паломника. Запас стилистических форм дополняют они себе изобразительными описаниями измерения пространств (у Даниила Паломника), притчами (у Нестора), поговорками и пословицами (у Даниила Заточника) и т. п.

Остальные два урока в неделю употребить следующим образом.

Один урок назначается на чтение литературных произведений, беглое с краткими замечаниями реального и литературного содержания, а именно:

Из финской Калевалы в переводе Бельского (Пант. литерат.).

Из Рустема и Зораба в переводе Жуковского. Вслед за этим прочесть согласные по содержанию: русскую былинку о единоборстве Ильи Муромца с сыном (или с дочерью по другому варианту) и древненемецкое стихотворение о Гильдебранде в Гудобранде в кратком пересказе в моей «Народной поэзии».

Из Песни о Роланде по переводу Алмазова и по пересказу в моей «Народной поэзии».

Романсы о Сиде в переводе Жуковского. При этом для общего обозрения всего эпоса о Сиде с более характеристическими эпизодами воспользоваться моим переложением в той же «Народной поэзии».

Пушкина «Сцены из рыцарских времен».

На основании прочитанного в этом и предшествующем классах, воспитанницы должны составить себе довольно полное и ясное понятие об эпической поэзии и ее отличительных свойствах и о ее национальном значении у разных народов.

Для объяснения свойств эпической поэзии в ее связи с другими словесными формами народной поэзии учителю рекомендуется в руководство: в моих «Исторических очерках», в 1-й части, с. 55—76, и в моей «Русской хрестоматии» введение к «Образцам изустной народной поэзии».

В остальном из четырех уроков учитель берет у воспитанниц отчет в прочитанном, заставляя их рассказывать и задавая им письменные задачи, как в предыдущем классе. Описания и повествования будут уже не от первого лица, а в объективном изложении и в большей соразмерности и округленности подробностей. При этом учитель руководствуется тою же стилистикой Бена.

Сверх того, вместо собственных сочинений раз в месяц воспитанницы делают переложения более интересных эпизодов из древнерусских памятников и из народных былин на современный язык, с удержанием характеристических выражений подлинника.

Сочинения или переложения подаются тоже один раз в неделю, величиною не менее четвертки листа.

Чтение на вакантное время:

«Последний день Помпеи» Бульвера.

«Айвенго» Вальтер Скотта.

«Коло ди Риенци» Бульвера.

«Семейная хроника» С. Т. Аксакова.

«Монастырка» Погорельского.

Пушкина: «Дубровский», «Пиковая дама», «Братья разбойники» и «Бахчисарайский фонтан».

Назначая для прочтения эти сочинения, учитель делает краткое указание о каждом, чтобы заинтересовать воспитанниц, и потом берет отчет в прочтенном, сопровождая оный тоже замечаниями.

Так поступать и в других классах.

III КЛАСС

(4 урока)

В течение всего года два урока в неделю читаются и разбираются, по сказанному, следующие произведения древнерусской литературы по моей хрестоматии:

Митрополита Иллариона Слово о Ветхом и Новом заветѣ.

Слова Кирилла Туровского.

Слово о полку Игореве.

Житие Антония Римлянина.

Сказание о Петре, царевице Ордынском.

Слова Серапиона.

Послание Кирилла Белозерского.

Житие Сергия Радонежского.

Задонщина.

Стоглав.

Домострой Сильвестра.

Князя Курбского «История Иоанна Грозного».

Из былин: Взятие Казанского царства.

Послание Иоанна Грозного игумену Кирилло-Белозерского монастыря.

Из переписки его же с кн. Курбским.

Песни, записанные в 1619—1620 гг.

Из былин: Гришка Расстрига и князь Михайло Скопин-Шуйский.

История об Азовском осадном сидении.

Котошихина о России.

Урядник Сокольничья пути.

Вирши Симеона Полоцкого (при этом объяснить силлабическое стихосложение).

Кое-что из этого будет предоставлено воспитанницам прочесть вне класса, напр. русские былины, из житий названных русских угодников, из Домостроя, из Котошихина. Тогда в следующем уроке учитель берет с воспитанниц отчет в прочтенном ими самими.

Все, на что следует обратить внимание в названных памятниках, указано в моей хрестоматии. Надобно только из многого выбрать самое важное и существенное.

Где окажется удобным, учитель указывает воспитанницам на переложения древних памятников у Карамзина в «Истории Государства Российского».

И в этом классе, столько же, как в предыдущем, воспитанницы, кроме исторических и литературных сведений, продолжают практическое изучение фактов для их теоретического обобщения. На изучении древнерусских проповедей они познакомятся с византийским стилем красноречия в его характеристических особенностях символики и параллелизма. В Слове о полку Игореве, в Задонщине и Азовском сидении — образцы внесения эпического и песенного склада в письменный, книжный слог. Домострой, письма Ивана Грозного и История князя Курбского дадут образчики простого и витиеватого слога, в резком различии элементов тогдашней письменной речи, именно народной и книжной, с преобладанием церковнославянских форм и с внесением иноземных варваризмов и провинциализмов.

Затем один недельный урок посвящается на беглое чтение сле-

дующих произведений, с краткими реальными и литературными замечаниями:

Из Дантовой «Божественной комедии».

Из «Ада» по стихотворному переводу Мина: главы 1, 3, 5, 33 (стихи 1—84).

Из «Чистилища» по прозаическому переводу: главы 4 (стих. 103—139), 5 (стих. 85—136), 6, 7 (стих. 1—24), 10 (стих. 97—139), 11 (стих. 1—105).

Из «Рая» по прозаическому переводу, глава 17 (стих. 19—142).

При этом прочесть Пушкина «Подражания Данту».

Учитель для объяснения пользуется комментариями короля Иоанна Саксонского при его немецком переводе Данта, которые приняты и у Мина.

Боккаччио «Гризельда» в переводе Батюшкова.

«Похвала глупости» Эразма Роттердамского по переводу Кирпичникова.

Роман Рабле в пересказе Авсеенко («Рус. вестн.», 1877).

Шекспира «Макбет» по переводу Кронеберга, «Юлий Цезарь» и предисловие к переводу Карамзина.

Сервантеса «Дон-Кихот» по переводу Карелина, в более характеристических выдержках. Остальное прочтется воспитанницами вне уроков. Для истории литературы обратить внимание на 6-ю главу 1-й части.

Остальной час в неделю назначается на отчет в прочитанном и на письменные задачи, в которых, кроме пересказа из названных материалов по русской и иностранной литературе, можно уже приступить к систематическому изложению в форме рассуждения, напр., о значении житий святых для истории быта и нравов, о влиянии монгольской эпохи на содержание литературных и народных произведений русской словесности. Русский быт по Домострою, по Котошихину и т. п. Общие обозрения и краткие характеристики из прочтенного по иностранной литературе в классе, а также и из романов и повестей, данных воспитанницам на вкатное время.

По указаниям преподавателя, ученицы в своих рассуждениях должны держаться известного плана, который они в виде тезисов прописывают под темою в самом начале своих сочинений.

Это строго должно быть наблюдаемо и в следующих, обоих высших классах.

Наставник объясняет значение и состав рассуждения, пользуясь тою же стилистикою Бена, как и в следующих классах.

Кроме того, раз в месяц, вместо сочинения, воспитанницы изготовляют переложения на русский язык из Слова о полку Игореве, из Задонщины, Азовского осадного сидения и др., с удержанием характеристических особенностей в языке подлинника.

Сочинение или переложение подается один раз в неделю, величиною не менее полулиста.

Для чтения на вкатное время:

Графа А. Толстого «Князь Серебряный».

Пушкина «Борис Годунов» и «Полтава».

Гоголя «Миргород» и «Ревизор».

Гончарова «Обломов».

Вальтер Скотта «Квентин Дорвард», «Вудсток» и «Веверлей».

Диккенса «Давид Копперфильд».

При этом и вообще следует рекомендовать для этого и следующих классов романы Бульвера, Диккенса, Теккерея и Тrolлопа.

II КЛАСС

(4 урока)

Три часа для беглого чтения с небольшими остановками из произведений русской литературы от Петра Великого до наших времен. А именно:

Басни Эзопа.

Апофегмата.

Юности честное зерцало.

Посошкова книга «О скудости и богатстве» и «Отеческое завещательное поучение».

Татищева «Духовное завещание».

Записки кн. Н. Б. Долгорукой.

Сатира Кантемира «На хулящих учение» («К уму своему»).

Тредьяковского «О древнем, среднем и новом стихотворении российском».

Ломоносова: оды «На взятие Хотина» и «На день восшествия на престол императрицы Елизаветы». Ода, выбранная из книги Иова, «Вечернее размышление о божием величестве».

Несколько отрывков из его прозаических сочинений (при этом познакомить воспитанниц со статьей Пушкина «Ломоносов»).

Екатерины II: комедия «О, время», из «Сказки о царевиче Хлоре» и из «Былей и небылиц».

Записки кн. Дашковой.

Из сатирических журналов.

Из «Письмовника» Курганова.

Записки Данилова.

Фон-Визина «Недоросль» и из комедии «Бригадир».

Державина: «На смерть кн. Мещерского», «Фелица», «Видение Мурзы», «На взятие Измаила», «Властителем и судиям», «Бог», «Вельможа», «Приглашение в обеду», «Памятник», «Жизнь Званская».

Князя Щербатова «О повреждении нравов в России».

Записки Лопухина.

Карамзина: «Письма русского путешественника» (при этом познакомить с моею речью в «Моих досугах»), из «Бедной Лизы», «О воспитании», из «Истории Государства Российского» (предисловие и некоторые отрывки).

Дмитриева: «Чужой толк», «Причудница».

Графа Ростопчина: «Мысли вслух на Красном крыльце», «Афиши 1812 г.».

Жуковского некоторые стихотворения («Певец во стане русских воинов») и прозаические статьи («Сикстинская мадонна»). Письма. Грибоедова «Горе от ума».

Пушкина: «Евгений Онегин», «Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь», «Медный всадник» и лучшие из лирических произведений. Мелкие прозаические статьи и письма.

Кн. П. А. Вяземского: из «Старой записной книжки», «Допотопная или допожарная Москва», «Московское семейство старого быта».

Лермонтова из «Героя нашего времени» и лучшие из мелких стихотворений.

Гоголя «Мертвые души».

Тургенева «Записки охотника».

Графа Л. Толстого «Детство», «Отрочество» и «Война и мир». Островского «Свои люди — сочтемся».

Чтобы успеть справиться со всею этою массою произведений, некоторое учитель прочитывает в классе, более характеристическое в каждой статье, и остальное в ней дает воспитанницам дочитать вне класса; другое, по усмотрению, назначается на праздники и вообще для вакатного времени.

Большая часть произведений, в отрывках, читается по историческим хрестоматиям Галахова, Полевого и Петрова. Иное прочитывается сполна, как, напр., Карамзина «Письма русского путешественника», «Горе от ума», «Евгений Онегин», «Мертвые души» и мн. др.

При выше приведенном перечне произведений должно быть приводимо в своем месте все прочтенное из новой литературы в прежних классах, начиная от самого низшего, как, напр., басни Хемницера, Дмитриева и Крылова, стихотворения Жуковского и проч. При этом предлагаются краткие сведения о каждом из писателей, как это принято и в низших классах, но здесь в большей подробности.

В этом классе учитель русского языка не дает воспитанницам переводов иностранных писателей, потому что здесь они пользуются уже оригиналами в уроках французского и немецкого языков — первого, по успехам, разумеется, более, чем последнего.

Остальной один час в неделю назначается на письменные задачи. Они состоят в р а с с у ж д е н и я х на основании вычитанного воспитанницами материала. Например: о влиянии западной литературы на того или другого из писателей XVIII в. Несколько тем о нравах XVIII в.; по домостройным сочинениям Петровского времени, или по мемуарам XVIII в., или по сатирическим журналам, по комедиям Фон-Визина. Странные обычаи и нравы по характеристикам кн. П. А. Вяземского. Державин — представитель блистательной эпохи Екатерины II. О «Письмах русского путешественника» Карамзина. Типы разных личностей в произведениях Пушкина, Гоголя и др. Значение Жуковского как переводчика. Кто самый лю-

бимый из русских писателей? Из иностранных? Какое произведение литературное особенно понравилось и почему? Если выбор в этих случаях затруднит, то какие писатели или какие произведения особенно произвели сильное впечатление? И т. д.

Воспитанницы пишут по одному сочинению в неделю, величиною не более листа.

В вакатное время девицы дочитывают все то, чего по программе не успели они прочесть в течение учебного времени, и потом дают учителю отчет о прочитанном.

І КЛАСС

(4 урока)

В этом классе два урока в неделю назначаются на чтение и изучение литературного материала и два урока на задавание девицам сочинений и на обстоятельный оных разбор.

Материал для чтения состоит не только из собственно литературных произведений, но и из сочинений по теории, критике и истории литературы. При этом учитель излагает содержание и дает девицам для прочтения и такие руководства, которыми он сам пользовался для низших классов. Таким образом, они познакомятся, сколько возможно, с самою литературою предмета.

Уроки, назначенные как для чтения, так и для письменных задач, распределяются в систематическом порядке. При этом литературный запас, добытый во всех предыдущих классах, должен быть восполняем, сколько найдет преподаватель это нужным.

В двухнедельных классах для чтения девицам предлагается следующее:

Отдел 1-й

Из «Теории поэзии в историческом развитии» Шевырева:

Греческие мифы. «Разговоры» Платона.

«Пиитика» Аристотеля.

Горация „*Ars poetica*“.

Теория ложноклассическая: Буало, Лагарп.

Лессинга «Лаокоон» и «Гамбургская драматургия». При этом указать для подробного изучения и переводы этих обоих произведений, сделанные Эдельсоном и Рассадиным.

Августа Шлегеля «О драматической поэзии», в переводе Лавдовского (в 3-й части теории словесности Давыдова). При этом познакомить девиц с комедиею Аристофана «Облака», по переводу Муравьева, и с трагедиями Софокла «Антигона» и «Эдип-царь», по переводу Шестакова.

Отдел 2-й

Из критических разборов Белинского целые статьи и отрывки о ложноклассических и романтических писателях русской литературы, о Пушкине, Грибоедове, Лермонтове, Гоголе, Гончарове и т. п. При

этом неизвестные девицам произведения русских писателей давать для прочтения.

Гончарова о «Горе от ума»: «Мильон терзаний».

Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», «Фауст, трагедия Гёте».

Отдел 3-й

Для ознакомления с основанною братьями Гриммами школою изучения народной поэзии в связи с религиею и бытом — из моих «Исторических очерков» в 1-й части: Эпическая поэзия. Древне-северная жизнь. Песни древней Эдды о Зигурде. Сказание новой Эдды о сооружении стен Мидгарда и сербская песня о построении Скадра. Славянские сказки. Древние эпические предания славянских племен, областные видоизменения русской народности. В моей «Народной поэзии»: Русский богатырский эпос, Песнь о Роланде, испанский эпос о Сиде и русские духовные стихи.

Отдел 4-й

Для ознакомления с ученою школою взаимной между народами передачи литературного предания, а также и для истории домостроев — перехожие повести в «Моих досугах».

Для истории и теории романа — о значении романа в наше время в «Моих досугах».

Отдел 5-й

Для русского языка и слога в исторической переработке их элементов, которые установились наконец и пришли в согласие в нынешнем языке образованных людей и в книжной речи.

Ломоносова «О пользе книг церковных в российском языке».

Сумарокова «Об истреблении чужих слов из русского языка».

Шишкова из книги «О старом и новом слоге».

Мысли Пушкина о народном языке в книжной речи, в его критических заметках 1830 г. В дополнение к этому — Тургенева «О русском языке» в его заметках, т. I, с. 118—119, по изд. 1883 г.

Примечание. С духовным красноречием в его высших образцах воспитанники этого класса знакомятся в уроках законоучителя.

В заключение, столько же для общего обозрения литературных форм и ее видов, как и для справок девицам в их письменных работах, сделать общее обозрение «Стилистики и теории устной и письменной речи» Бена, в переводе Грузинского, с указанием и объяснением литературной терминологии. А именно: *аллегория, басня, притча, контраст, эпиграмма, каламбур, ирония, стиль, юмор, эстетический вкус, поэзия* и ее виды, *ода, элегия, сонет, идиллия, сатира* и проч.

Хотя на все вышеуказанное назначается в течение года не менее 60 уроков, но все же девицам придется кое-что из этого дочитать вне класса. Само собою разумеется, учитель примет все зависящие от него меры, чтобы своими объяснениями облегчить им это серьезное чтение.

Кроме того, как в этих двухнедельных уроках, так и в назначенных для письменных работ в остальные два часа, преподаватель время от времени, когда понадобится, знакомит девиц с литературою предмета, но всякий раз непременно принося с собою самые книги, чтобы они видели своими глазами издания и по указанию кое-что перелистывали в них. Это могут быть книги или вообще по истории литературы разных народов, как, напр.: Сисмонди «О литературе Южной Европы», Кирпичникова «Средневековая литература», Гетнера «История всеобщей литературы XVIII в.», старинное сочинение Вильмена «О литературе французской в связи с английскою» и т. п., или специально литература какой-либо одной страны, напр. по русской: Шевырева, Галахова, Порфирьева, по испанской: Тикнора, в переводе Стороженко, и т. д., или сочинения об отдельных писателях и отдельных произведениях, каково, напр.: Вегеле «Дант Аллигиери», Даудена «Шекспир», Веселовского этюды о Мольере, Морло, Руссо, Дидро; князя Вяземского «Фон-Визин» и т. д. Далее, общие обозрения литературы в связи с прочими изящными искусствами, каковы: Карьера «Искусство в связи с общим развитием культуры», в переводе Корша; Буркгарда «Ренессанс в Италии» и т. п., или, наконец, замечательнейшие издания литературных произведений, напр. Данта и Рабле с иллюстрациями Доре, Державина большое академическое издание, тоже с иллюстрациями, и т. п.

Такие библиографические указания, так сказать, наглядно и осязательно знакомя с литературою предмета, будут вполне оценены девицами впоследствии, когда выйдут они из института. Они будут знать, где что найти и куда обратиться за справками.

Два урока в неделю, назначаемые на задавание и разбор письменных задач воспитанниц, по возможности согласуются с материалом, изучаемым в других двухнедельных уроках этого класса, т. е. темы для сочинений должны соответствовать каждому из пяти отделов в их последовательном порядке.

При этом учитель частью берет темы из читаемого и изучаемого в этих пяти отделах, частью приравнивает к ним содержание сочинений, предлагая для того новые данные, которые он объясняет и дает девицам как материал для их письменной работы. А именно:

Имеют ли в настоящее время значение художественная и литературная теории Платона и Аристотеля? Учение первого о вдохновении и идеях и второго о подражании природе. Как должно разуметь подражание природе?

Объяснить трагическое и комическое на разборе одной из трагедий Шекспира и Гоголева «Ревизора».

Принадлежат ли только драме трагическое и комическое или же входят и в другие поэтические произведения? Привести пример того и другого в повестях и романах.

Собственно комическое и сатирическое и крайности того и другого в карикатуре, пародии и пасквиле.

Идиллическое настроение у Гоголя в «Старосветских помещи-

ках». У него же — элегическое и юмористическое в повести «Шинель».

Юмор у Шекспира. У Диккенса или у Теккерея. У Гоголя. У Гончарова в «Обломове».

Что составляет существо драматической поэзии? Привести примеры стремительности действия в некоторых из трагедий и комедий, указанных преподавателем.

Что такое классицизм и романтизм? Объяснить примерами, по указанию преподавателя.

Чем отличается настоящий классицизм от ложного или псевдоклассицизма? Для этой темы дать прочесть: одной из девиц Сумарокова трагедию «Хорев, или Гамлет», другой — Хераскова «Россиаду» (в отрывках), третьей — из комедий Княжнина «Хвастун» и «Чудаки» и четвертой — Озерова «Дмитрий Донской», и каждая из них воспользуется своим материалом для выполнения сказанной темы. Причем может сделать указания на образцы настоящего античного классицизма в прочитанных ими в этом классе произведениях Софокла и Аристофана, а в сочинении о «Россиаде» — указать на настоящие эпические качества Гомеровых поэм, Калевалы, русских былин, Песни о Роланде или эпических сказаний и романсов о Сиде.

Или вообще: эпическая поэзия безыскусственная, или народная, и искусственная.

Живописность в поэзии в отличие от изображений собственно в живописи. Объяснить: для одной из воспитанниц — на описаниях природы у Тургенева в «Записках охотника», для другой — по роману графа Льва Толстого «Семейное счастье», для третьей — по стихотворениям Пушкина, для четвертой — графа Алексея Толстого, для пятой — Лермонтова.

Вообще описания в поэзии. Их художественные качества, объясненные примерами: для одной из воспитанниц — в романах В. Скотта, для другой — в романах Диккенса, для третьей — в «Евгении Онегине» Пушкина, для четвертой — у Гоголя в повести «Рим» и в «Мертвых душах», для пятой — у Гончарова в «Обломове» и т. д.

Типы и идеалы по указанным образцам.

Характеры и страсти по указанным образцам.

«Дон-Кихот». Всемирное и непреходящее значение этого идеала.

Мнение Белинского и Гончарова о «Горе от ума» Грибоедова. (При этом указать на предисловие Суворина к сделанному им изданию этого произведения.)

Несколько сочинений могут быть написаны на тему: Женские идеалы. У Софокла Антигона. В русских былинах. У Шекспира: Офелия, Дездемона, леди Макбет. У Шиллера Орлеанская дева. У Пушкина Татьяна. У гр. Льва Толстого: героиня в романе «Семейное счастье», Наташа в «Войне и мире». Женские идеалы в романах В. Скотта, Диккенса, Теккерея и др.

По отношению художественного произведения ко времени, когда было составлено.

Дант в отношении к его времени и ко Флоренции и вообще к судьбам Италии в ее прошедшем и настоящем. (Для этого указать в «Моих досугах» — шестисотлетний юбилей Данта' Аллигиери.)

«Дон-Кихот» как сатира на сентиментальные увлечения рыцарством, которые во время Сервантеса были распространяемы чтением рыцарских романов и утопических идиллий.

Отношение ко времени и обществу в русской литературе: для одной из девиц — в комедиях Фон-Визина, для другой — в «Горе от ума», для третьей — в «Ревизоре», для четвертой — в «Евгении Онегине» (напускной байронизм), для пятой — в «Записках охотника» Тургенева.

Сентиментальность XVIII в. и нашего времени, по Карамзину в «Бедной Лизе» и в «Письмах русского путешественника» и по Достоевскому в некоторых из его произведений, по указанию учителя.

Настоящее эгегическое настроение, по Пушкину и Лермонтову, и его крайности в тревожном раздражении, например по Некрасову.

Идеальность романтизма и реализм, по Жуковскому и по Гоголю в «Мертвых душах», или по Островскому в его комедии «Свои люди — сочтемся».

Поэтические и назидательные элементы в поэзии вообще (в лирической и дидактической), или только в повестях и романах с указанием примеров.

Анализы ощущений, чувствований, дум и разных волнений человеческой души в произведениях гр. Толстого: «Детство» и «Отрочество», «Семейное счастье», «Война и мир». У других писателей — русских и иностранных.

Витиеватость периодической речи Ломоносова и Карамзина, более свободное и естественное сочетание предложений у Пушкина и других новейших писателей, согласное со слогом народных произведений и некоторых из древнерусских памятников, каковы летописи, Слово о полку Игореве, Домострой и нек. др. Все это объяснить на примерах, разделив на несколько тем.

Церковнославянские и древнерусские архаизмы и народные формы у Пушкина в «Борисе Годунове», «Русалке», в сказках и в других произведениях. Тоже несколько тем.

Народный склад в некоторых из стихотворений графа А. Толстого. Чем отличается Кольцов от графа А. Толстого по отношению к народности?

Наконец, соображаясь с программами прочтенного в высших классах по-французски и по-немецки, преподаватель задает темы и из этого материала, и непременно с выдержками из иностранных писателей, старательно переведенными на русский язык.

Все эти темы предлагаются в руководство наставнику и для соображения, не стесняя его свободы в выборе. Трудное для девиц он может устранить или дать и другие темы из предложенного здесь материала, впрочем, согласные по системе и по образовательным и воспитательным целям с указанными мною. Сверх того, мно-

гие из данных здесь тем можно разделить на несколько, чем значительно облегчится задача.

Как здесь, так и в предшествующих классах надобно строго держаться правила — не задавать дела не по силам, неисполнимого. В приведенном перечне тем предлагаются высшие требования, чего могут достигнуть девицы в школе, если в предшествующих классах они успеют и наполовину обогатить себя результатами прочтенных ими материалов. Смотря по успехам учениц, на первое время требования эти могут быть несколько понижены.

Уже самый размер сочинения, не менее двух листов по одному разу в месяц (всего восемь сочинений в течение года), дает разуметь, что от девиц требуется немного. Кроме того, каждой из них дается свободный выбор взять ту или другую тему, какая кого более интересует, причем преподаватель соображается со сведениями и способностями каждой.

Надобно иметь в виду, что такое разделение труда на отдельные темы для письменных работ должно служить главнейшим условием успехов всего класса, при обширности материала и при разнообразии задач, в которых, для повторения всего учебного курса, подробности, добытые в предшествовавших классах, из чтения, изучения и разбора литературных произведений, сосредоточиваются здесь в общие теоретические обозрения.

Преподаватель, разбирая в классе сочинение, писанное одною из девиц на свою избранную ею тему, обращается с вопросами для разъяснений и замечаний к той или другой, и таким образом частную работу делает достоянием всего класса, приводя в исполнение тот образовательный принцип, который называется взаимным обучением.

III

По различному отношению воспитанниц к родному языку и к иностранным, программы этих последних в объеме и содержании существенно отличаются от программы языка отечественного. Та степень понимания, умелости и свободы говорить по-русски, с которою они вступают в школу, представляется желанною целью, которой в иностранных языках, при всех стараниях и усилиях обучения, они не могут достигнуть и в самом конце учебного курса.

Литературное образование, которое, уже начиная с средних классов, входит в состав программы по русскому языку, должно быть отодвинуто к самым последним классам учебного курса: для французского языка примерно в III, II и I, а для немецкого только во II и I. Практическое обучение, столь необходимое и для родного языка в его письменном употреблении, должно быть сколько возможно более усилено во французском и немецком, для того чтобы школа, всеми зависящими от нее средствами, хотя бы несколько сумела наверстать в иностранных языках то, что в родном так легко и свободно добывается навыком с самых ранних лет детского возраста.

Чтобы успешнее вести это трудное дело, надобно с первого же раза облегчать предположенные в нем задачи двумя способами.

Во-первых, не приступать к обоим языкам за один раз; потому французский начать в приготовительном классе, а немецкий в седьмом.

Во-вторых, тот и другой язык начинать усиленным обучением в разговоре. Во французском языке первое полугодие приготовительного класса назначается только для разговора, а во втором — к разговору присоединяется обучение в чтении. Обучение немецкому языку, не представляющему такого разлада между выговором и начертанием, как французский, начинать в одно время и разговором, и чтением.

При самом вступлении в разговор надобно название предмета и действия, т. е. имя или местоимение и глагол, слагать в целое предложение и давать ему разговорную форму.

Начинать это трудное дело с немногого, ограничиваясь в первые две недели двумя или тремя фразами в день, потом постепенно прибавлять, и чем далее, тем более и более вводить воспитанниц в настоящий разговор, и притом сначала заставлять воспитанниц отвечать на сделанный им вопрос из усвоенного ими материала фраз, а потом уже и самим спрашивать, и таким образом нечувствительно доводить, чтобы они мало-помалу привыкали обмениваться разговорными фразами и между собою.

Для согласования сказанных групп необходимо, чтобы каждая из них в одно и то же время упражнялась приблизительно в одних и тех же разговорных фразах, а также в чтении одного и того же, когда ученицы начнут читать.

Со второго полугодия, в приготовительном классе, воспитанницы начинают учиться читать по-французски, и именно по тем фразам, которые они уже твердо усвоили в разговоре и к которым вполне привыкли, для того чтобы этим приемом, сколько возможно, облегчить им трудное дело французского выговора начертанных букв и целых слов.

И учителю чистописания давать для прописей тоже знакомые воспитанницам фразы обоих иностранных языков.

Когда воспитанницы значительно обогатятся фразами в разговоре, можно будет приступать к чтению коротеньких рассказов не более пяти строк, предварительно приготовив их в разговоре к тем словам и фразам, которые до тех пор были им неизвестны.

При всех сказанных упражнениях надобно предвидеть тот случай, что из вновь поступающих будут и такие, которые более или менее умеют говорить по-французски, а может быть, и по-немецки.

Школьная дисциплина обязывает, чтобы такие воспитанницы не отвыкли от усвоенной ими практики и вместе с тем приносили бы пользу и всему классу. Одна из таких в каждой группе своих подруг будет служить хорошим подспорьем классной даме или ее помощнице. Услужливая готовность быть полезной другим должна способствовать развитию нравственного чувства.

Сверх того, такие из воспитанниц под руководством классных дам, согласно указаниям преподавателя, будут заняты каким-нибудь легким чтением и рассказом прочитанного из хрестоматий, назначенных для низших классов.

Желательно было бы, чтобы начатая с такими стараниями разговорная практика не прекращалась и во всех последующих классах и без постороннего принудительного руководства, по доброй воле воспитанниц; но едва ли это исполнимо. Подруги в интимных беседах всегда будут выражать свои мысли и чувства на родном языке. Преследовать в школе это нельзя, а налагать запрещение, чтобы ученицы друг с другом не говорили по-русски, не только бесполезно, но и вредно, потому что они с раннего возраста будут привыкать к опасной мысли, что возлагаемые законом обязанности очень легко можно и не исполнять.

В VII классе воспитанницы начинают учиться по-французски и по-немецки уже у преподавателей этих языков, но с тою разницею, что по-французски они уже целый год упражнялись на практике, а к немецкому языку приступают только теперь, и притом ежедневно в течение недели, учатся у преподавателя в классе и назначенных для этого языка дам вне класса.

Связь между занятиями в классе и вне класса непрерывно поддерживается тем, что преподаватели того и другого языка каждый раз, начиная свой урок, обращаются к воспитанницам с вопросами, каждый на своем языке, т. е. по-французски или по-немецки, что они вчера со своими наставницами делали и о чем говорили, и таким образом заставляют учениц повторить усвоенные ими фразы.

Потом тот и другой приступают к предмету своего урока.

Разговор на иностранном языке, чтение и писание, будучи начаты с VII класса, непрерывно продолжают в течение всего учебного курса, последовательно осложняясь новыми материалами и новыми задачами.

Чем раньше преподаватели иностранных языков начнут в классе говорить со своими ученицами по-французски и по-немецки, тем успешнее достигнут желанных результатов. Во всяком случае, желательно, чтобы преподавание в четырех старших классах было ведено на французском и немецком языках.

Преподавателю французского языка в VII классе предстоит трудное дело довести учениц до правильного чтения и надлежащего выговора.

Преподаватель немецкого языка, поставленный в более выгодное положение по легкому отношению алфавита к выговору, будет иметь достаточно времени в шести недельных уроках согласовать свои усилия с разговорною практикою в немецком языке, производимую по вышесказанному вне классов.

Собственно грамматическое обучение новым языкам в систематическом порядке учебника может быть начинаемо не ранее как в средних классах, но в котором именно для того и для другого языка предоставляется решить самим преподавателям на основании

успехов в практическом обучении. До тех пор воспитанницы упражняются в этих языках только практически, по тому же способу и с теми же приемами, как показано выше в обучении родному языку в двух низших классах.

В низших классах все внимание преподавателей должно быть обращено на возможно большее усвоение самого материала иностранных языков, состоящего в словах, фразах и разных оборотах речи. Для этого ученицы рассказывают прочтенное в классе и заучивают наизусть краткие прозаические отрывки, предварительно разобранные в классе учителем, и наконец пишут под диктант.

Впрочем, такое практическое обучение не только не исключает грамматической теории, но на ней основывается и постоянно ведет к ней, как это подробно объяснено выше, в наставлениях об обучении родному языку.

Уже в самых начальных уроках учителя иностранных языков будут основывать свою практику на грамматической теории, данной в классах русского языка о составе предложений и о частях речи и их принадлежностях.

Изучение спряжений во французском и немецком языках и склонений в последнем, производимое на разборе фраз и небольших отрывков, на заучивании их наизусть и в диктанте, будет сначала состоять в разрозненных единицах, которые из одного урока в другой будут собираемы преподавателем в общие итоги.

Сначала познакомятся воспитанницы с простейшими формами настоящего, прошедшего и будущего времени изъявительного наклонения, а также и с наклонением повелительным, разумеется, из тех глагольных форм, которые они уже усвоили себе на практике. Точно так же и с формами склонения в языке немецком.

Особенную трудность представляет учащимся грамматический род в иностранных словах, отличающихся в этом отношении от слов родного языка. Таких существительных в согласовании с ними прилагательных и членов *le, la* или *der, die, das* воспитанницы в своей разговорной практике усвоили себе уже значительное количество, и преподаватель без особенного затруднения для учениц, анализируя эти формы, может привести их в группы того или другого параграфа в учебнике.

Точно так же из практики должно извлекаться и на ней основываться и изучение более и более затруднительных форм этимологических.

Отдельные выдержки из парадигм спряжений и склонений, извлекаемые из практического обучения, преподаватель пишет на классной доске, а ученицы заносят их в свои тетрадки.

Все это многосложное дело регулировать в подробных программах по французскому и немецкому языкам предоставляется самим преподавателям этих языков, не стесняя их особыми инструкциями в последовательной постепенности практического метода.

Когда на практике воспитанницы обогатятся значительною массою отрывочных сведений по грамматике, тогда приступают к ее

систематическому изучению по учебнику, выбор которого предоставляется преподавателям, но с тем условием, чтобы был он по возможности краток, однако такой, чтобы годился и в высших классах для справок в практических упражнениях воспитанниц.

Это теоретическое обучение продолжается в двух классах, примерно в V и IV для французского языка и в IV, III — для немецкого. Собственно на грамматику назначается один из четырех недельных уроков. Остальные три урока в неделю посвящаются практическим упражнениям в грамматическом разборе читаемого, в диктанте, в передаче воспитанницами наизусть выученных стихов и в изложении своими словами, причем они должны дать отчет о каждой грамматической форме того стихотворения, по методу, указанному выше для уроков русского языка. Это остановочное чтение, соединенное с заучиванием наизусть, должно быть последовательно приурочиваемо к параграфам грамматического руководства.

Само собою разумеется, что этимологические формы, подлежащие разбору в классе, не заучиваются наизусть в их голословном перечне, а разумно усваиваются в целых фразах, которые тотчас же вводятся в живой разговор и потом заносятся ученицами в их тетрадки, для того чтобы на следующий урок их приготовить на память. обстоятельное объяснение таких фраз в классе и неоднократное их повторение в разговоре должно облегчать воспитанницам заучивание их наизусть.

В первый из двух годов, назначенных на учебник грамматики, проходится этимология, во второй синтаксис, однако так, что на практике, при объяснении этимологических форм, постоянно придется касаться и синтаксиса, и на второй год, анализируя формы синтаксические, надобно будет дополнять новыми данными и запас сведений этимологических; потому что в практическом усвоении языка одно от другого отделять невозможно, а, как сказано, уроки теоретические должны и основываться на практике, и ею же проверяться и усваиваться в сознании и памяти.

Вести это сложное дело в средних классах будет вовсе не трудно, когда воспитанницы в их практическом обучении уже с низших классов привыкнут к этому же методу, который рекомендуется и здесь, при изучении параграфов учебника.

Кроме разных подробностей в образовании частей речи с помощью приставок и окончаний и в изменении по спряжениям и склонениям (в немецком языке) и проч., преподаватели иностранных языков на этимологическом разборе должны дать воспитанницам твердые основания для уразумения перехода слов от одного значения к другому. Например, франц. *entier* значит не только целый и цельный, но и совершенный, или полный, а также и упрямый, и в этом последнем случае становится в группу синонимов: *opiniâtre, obstiné, entêté*. В первом из этих слов, от глагола *opiner*, указывается на различие в значении окончания *âtre* от употребляемого в производных словах от имен прилагательных, в смысле нашего окончания *-оватый*, напр. *grisâtre* — сероватый, от *gris* — серый.

Таким образом, на анализе этимологических форм должно быть основано учение о тропах и синонимах.

В немецком языке должно быть обращено особенное внимание на разнообразие в изменении смысла глаголов посредством приставок. Напр.: *geben*—*abgeben*, *angeben*, *aufgeben*, *ausgeben*, *begeben* (существ. *Begebenheit*, *Begebniss*), *beigeben*, *ergeben* (существ. *Ergebenheit*, *Ergebniss*), *nachgeben*, *übergeben*, *umgeben* (существ. *Umgebung*), прилаг. *untergeben* (и другого происхождения *unterthan*), *vergeben* (существ. *Vergebung*, нареч. *vergebens*), *vorgeben*, *zugeben*.

Такое многосложное дело, как указываемый здесь этимологический разбор отдельных слов с объяснением их значений, будучи начато в одном из средних классов, продолжается непрерывно и в следующих высших, при всяком случае в практических занятиях воспитанниц, в чтении, разборе и в их письменных задачах. Упражнения такого рода, внушая в них интерес к отдельным речениям, должны мало-помалу привести их к умению пользоваться лексиконами иностранных языков и, при помощи учителя, в массе значений одного и того же слова, предлагаемых словарями, усматривать его коренной собственный смысл и переход к значениям несобственным, тропологическим, или переносным.

К потребности и необходимости в изучении тропологических и синонимических форм иностранных языков воспитанницы уже с низших классов постепенно будут подготавливаемы подобными же упражнениями в уроках русского языка, и привычка к анализу подобных форм в языке отечественном должна облегчить им это дело и в иностранных. Таким образом, целыми рядами новых данных обогатится их взгляд на существо самого языка, по отношению выражаемых им впечатлений и понятий, как в переходе слов от одного значения к другому, по системе тропологической, так и в группировании синонимов, в которых одно и то же понятие характеризуется разными оттенками впечатлений и отношений, выражаемых разными словами. Потому для более ясного и точного истолкования значения слов преподаватели иностранных языков постоянно должны приводить вместе с французскими или немецкими речениями и соответствующие им русские. Этим сравнительным методом слов иностранных с русскими преподаватели французского и немецкого языков мало-помалу вводят воспитанниц в круг представлений и воззрений этих языков и нечувствительно приучают их облекать понятия, общие французскому и немецкому с русским, в эти воззрения и впечатления, выражаемые тропами и синонимами, т. е.— сколько возможно — мыслить по-французски и по-немецки, когда они говорят или пишут на этих языках.

Само собою разумеется, что в этих этимологических упражнениях преподаватели иностранных языков воздерживаются от всяких лингвистических тонкостей, строго преследуя практические задачи своей программы. Впрочем, для французского языка, основанного на латинском, такие специальности невозможны уже и потому, что

воспитанницы жен. уч. зав. не учатся по-латыни. Немецкий язык, самостоятельный в своей формации, предлагает наставнику более удобства и простора в этимологическом анализе, но и здесь не следует переступать за границу практичности, в область других германских наречий, формы которых постоянно предлагает, например, Вейганд в своем немецком словаре. Русский язык в этом отношении дает преподавателю еще более льготы и свободы, не потому только, что он родной и что принадлежит к самобытной и независимой группе славянских наречий, но и особенно потому, что предлагает в своих формах неразрывное сочетание элементов собственно русских с церковнославянскими, скрепленное многовековым развитием нашей книжной речи, как это подробно объяснено в программе русского языка.

Желательно было бы, чтобы преподаватели иностранных языков, обучивши воспитанниц пользоваться как следует словарями Рейфа, Макарова, Павловского, Ульянова, к концу учебного курса, в последнем классе, познакомили их со словарями толковыми, т. е. без перевода на русский язык. Таковые для французского языка: *Littré. Dictionnaire de la tangué française*, и в сокращении: *Beaujean. Dictionnaire de la langue française. Abrégé du Dictionnaire d. E. Littré*, а для немецкого: *Sanders. Handwörterbuch der deutschen Sprache*, и упомянутый выше: *Weigand. Deutsches Wörterbuch*. Если бы возможно было довести воспитанниц института до того, чтобы они с интересом и пользою могли наводить справки в этих словарях, то это было бы очевидным доказательством их успехов во французском и немецком языках не только на практике, но и в теоретическом отношении. Если для усвоения этимологии по учебнику требуются постоянные практические упражнения в разговоре, в остановочном чтении с разбором и т. п., то и тем более для синтаксиса, потому что словосочинение имеет своим предметом целые фразы, сочетание слов в речи и в разговоре.

Второй из двух средних классов, назначенных для учебника грамматики, посвящается синтаксису. Так как общий строй сочетания слов в простом и сложном предложениях, основанный на логических законах мышления, будет уже хорошо усвоен воспитанницами в уроках русской грамматики, то преподаватели иностранных языков, не тратя времени на все это, должны сосредоточить синтаксическое учение только на особенностях, составляющих свойства французского и немецкого языков в синтаксическом употреблении частей речи, в согласовании и управлении слов, в сочетании предложений и в порядке слов; так, напр., в обоих языках употребление местоимений и членов, наклонения сослагательного или условного, времен глагола и отношения их между собою и т. п. Во французском языке сочетание неопределенного наклонения с глаголами: *faire, se mettre, laisser, aller, venir*, или сослагательного с формами: *on dirait, je ne saurais*; употребление и значение частиц: *y, à, de, en*, и т. д. В немецком языке — независимые или самостоятельные падежи, предлог *zu* с неопределенным наклонением глаголов и мн. др.

Многое из синтаксических форм, которые будут здесь объясняться, должно быть уже предварительно знакомо воспитанницам и усвоено привычкою в разговоре: теперь же все это должно быть скрепляемо уразумением и сознанием того, что доселе они употребляли бессознательно, только по навыку. Что же касается до оборотов и синтаксических сочетаний, еще не усвоенных ими в разговоре, то, чтобы усвоить себе как следует и эти новые для них формы, они должны будут не заучивать их в учебнике, а подвергнуть тому же практическому процессу, только обратным путем, в котором учебник грамматики будет точкою отправления, а разговорные фразы и остановочное чтение с разбором пусть заменят им бестолковое и мучительное затверживание на память разных перечней по особенностям французского и немецкого синтаксисов.

Таким образом, воспитанницы должны не только изучить, но, так сказать, воспринять в свое сознание и в навык все то, что составляет самый дух или гений языка, т. е. так называемые галлицизмы и германизмы, которые суть не что иное, как специальное, исключительно французам и немцам свойственное приурочивание логических законов мышления, общих всем народам, к звукам и формам только их собственных языков. А вместе с этим, одновременно с синтаксическим разбором, иногда в одной и той же фразе, воспитанницы привыкают и общие всем народам понятия, как сказано выше, облекать в живые образы впечатлений и воззрений, по свойству французского и немецкого языков, как тот и другой видоизменяет значение слов и группирует их по системе тропологической и синонимической.

Такое введение воспитанниц в замкнутую область чужого языка, с его воззрениями и синтаксическими оттенками мысли, должно быть желанною целью всего курса преподавателей французского и немецкого языков. Практически должно быть преследуемо решение этой задачи уже с низших классов, в средних оно уясняется грамматическими уроками по учебнику и затем постепенно достигается в высших классах опять на практических уже упражнениях, но уже постоянно сопровождаемых теоретическим уразумением параграфов грамматики.

Согласно успехам воспитанниц и в постепенном порядке, определяемом практическою их подготовкою, преподаватели французского и немецкого языков для своих уроков этимологии и синтаксиса должны изготовить подробные конспекты, сообразуясь с принятыми учебниками, выбор которых предоставляется им самим.

На всякий случай, для соображения, можно указать им на «Отчет о занятиях комиссии, учрежденной попечителем Кавказского учебного округа для изыскания мер к улучшению преподавания новых языков в средних учебных заведениях округа, 1883 г.».

Надобно сказать еще несколько слов о тех трех уроках, которые в средних классах, при одном теоретическом, назначаются для практики.

Кроме остановочного чтения для более ясного и полного усвоения параграфов грамматики, в этих трех уроках, смотря по успехам уче-

ниц, преподаватели иностранных языков приступают и к беглому чтению, которое потом продолжается и во всех следующих классах, до последнего.

Учитель читает сам и время от времени заставляет продолжать начатое им чтение ту или другую из воспитанниц по очереди. Затем они рассказывают прочтенное, а к следующему классу в виде отчета излагают письменно краткое содержание того же, что ими уже было рассказано.

Такие письменные работы продолжаются до самого последнего класса, заменяя воспитанницам то, что, собственно, называется сочинением.

В этих письменных упражнениях они усваивают себе богатый и разнообразный материал прочтенного и упражняются в языке и слоге.

При исправлении ошибок в этих письменных работах преподаватели постоянно повторяют с воспитанницами грамматику, ссылаясь на тот или другой из параграфов руководства.

Так же повторяется грамматика и на диктанте, который практикуется до тех пор, пока воспитанницы не утвердятся как следует в правописании.

По мере их успехов в старших классах вышесказанные изложения читаемого в письменных работах более и более увеличиваются в объеме, будучи осложняемы подробностями. Такие работы, начатые в средних классах несколькими строками, могут быть доведены в классах старших до листа. Должны изготовляться ежемесячно по два раза.

Сверх того, в двух старших классах воспитанницы упражняются в сочинении писем на иностранных языках, так чтобы навык к этому делу, столь необходимому в жизни, был приобретен в школе.

Так как воспитанницы будут говорить по-французски и по-немецки, то переводить на эти языки с русского нет надобности.

Но собственно для усовершенствования в русском слоге воспитанницы упражняются в письменных переводах с иностранных языков на отечественный. Это дело очень трудное и назначается только для двух старших классов, не более четырех переводов в год с того и другого языка. Преподаватели иностранных языков подробно объясняют назначенную для того статью и потом переводы ее отдают учителю русского языка для просмотра и оценки. Такая работа должна быть не более полулиста.

Когда воспитанницы настолько усвоят себе иностранные языки, что могут и без помощи учителя понимать читаемое, тогда им дается чтение и вне класса, а также на праздничное и вакатное время.

Так как при чтении вне класса воспитанницам придется наводить справки в словаре, то преподаватель, задавая им статью из хрестоматии, обязан обращать их внимание на указанное выше учение о переводе слов от одного значения к другому, чтобы они приучались ориентироваться в массе значений, приводимых в лексиконах при одном и том же слове.

Обязательное чтение как в уроках, так и в другое время ограничивается пределами хрестоматий, которые должны быть прочтены сполна в течение всего учебного курса. А именно:

Для французского языка: J. P. de Suzor. Nouvelle chrestomathie progressive, и J. G. de Lafosse, C. Parfait et J. Fleury. Bibliothèque littéraire. Anayse et extraits de tous les chefs-d'oeuvre de la langue française depuis 1600 jusqu'à nos jours.

Для немецкого: G r e t h m a n n. Deutsches Lesebuch für mittlere und obere Klassen russischer Lehranstalten. Zweite umgearbeitete Auflage. Со словарем.

Кроме существенной задачи практического обучения в иностранных языках, содержание этих хрестоматий, предлагая литературный материал, вместе с тем должно вносить новые данные в состав общего образования институтского курса, в связи с другими предметами преподавания.

Сообразуясь с успехами воспитанниц в иностранных языках, разместить это содержание по классам, соответственно курсу истории и чтениям из русской литературы, никоим образом невозможно. Чтения из иностранных хрестоматий всегда будут отставать от содержания, излагаемого в этих двух предметах, в последовательном их распределении по классам, и таким образом будут укреплять в памяти воспитанниц и дополнять приобретенные уже ими сведения по тому и другому предмету.

Предоставляя полную свободу преподавателям иностранных языков в размещении чтений из хрестоматий, соответственно постепенным успехам воспитанниц, я укажу здесь примерно только на некоторые из желаемых результатов в общей сумме сведений, какие могут усвоить себе воспитанницы из прочтенного ими по-немецки и по-французски.

В уроках немецкого языка, по хрестоматии:

Для средних веков до реформации включительно. Верованья, нравы и обычаи, народная поэзия и вообще средневековая культура.

Народные сказки и саги по изданиям братьев Гриммов, Маннгардта, Вольфа, Шварца и др. Сказания о Водане (или Одине) и Донаре (или Торе). Гольда, Перхта (или Берта), Норны, Эльфы. Сказания о Зигфриде (или Зигурде). Дезидерий и Змея. Рыцарь Лебедя. Вечный жид.

Арминий и битва в Тевтобургском лесу. Крещение Хлодовика. Победа Карла Мартелла над маврами. Сказания о Карле Великом.

Борьба между Генрихом IV и папою Григорием VII. Следствия крестовых походов, по Шиллеру. Гогенштауфены. Фридрих Барбаросса.

Лютер и реформация. Ее следствия, по Шиллеру.

Германцы в древнейшие времена. Переселение народов.

Происхождение ремесел. Происхождение городов. Цехи и университеты, по Гердеру. Средневековый город и общественная в нем

жизнь, по Фрейтагу. Жилища в средние века, одяние и костюмы, по Шерру. Союзы городов и разбойничьи набеги рыцарей. Вооружение рыцарей и турниры, по Раумеру. Средневековый замок, его устройство и образ жизни его обитателей, по Шерру, Фальке и Фрейтагу. Собор в Шпейере.

По так называемым народным книгам — эпизоды из Еленшпигеля (или нашего Совесдрала).

Для воспитанниц последнего класса: «Растительный покров земли» Александра Гумбольдта, «Человек и его жизнь» Гердера, «Человек и дар слова» Вильгельма Гумбольдта, «Человек и вселенная» Канта, «Изменения, производимые человеком во внешней природе» Карла Риттера.

В уроках французского языка по „Bibliothèque littéraire“ и по хрестоматии.

Для истории и географии:

«Ниагарский водопад» Шатобриана, «Пустыни каменистой Аравии» Бюффона, «Египетские пирамиды» Вольнея.

«Цезарь», из сочинения императора Наполеона, «Развалины Помпеи» Дюпати, «Катакомбы» Шатобриана.

«Галлы» Меровея, Шатобриана, «Аттила при Орлеане» Амедея Тьерри, «Галесвинта» Авг. Тьерри, «Гастингское сражение», «Смерть Фомы Беккета» его же, «Карл Великий» Монтеस्कье.

«Д'Азенкурское сражение и смерть Иоанны д'Арк» Мишле.

Из истории Фронды — казнь Сен-Марса. Из истории английской революции Гизо — смерть Карла I. «Кромвель» Боссюэта и Вильменя.

«Из истории французской революции» Тьера и проч. и проч.

Для характеристики нравов и лиц, мемуары и письма XVII—XIX столетий. Особенно рекомендуются письма мадам де Севинье. Из переписки Вольтера с Екатериною Великою.

Краткие сведения о разных литературных знаменитостях. Демосфен, Гораций, Овидий, Плиний, Дант, Паскаль, Ла-Брюйер, Ла-Фонтень, Боссюэт, Шатобриан, Вальтер Скотт, Виктор Гюго, Диккенс.

Заметки художественного содержания. Аполлон Бельведерский. «Эмерика» Давида. Гольбейнова «Пляска Смерти», С. М. Жирардена. Рафаэль и Микель-Анджело, Анри Мартена.

Вообще для умственного и нравственного образования воспитанниц предлагается много полезного в хрестоматии Сюзора, под рубрикою „Religion, morale et philosophie“, с присовокуплением „Maximes et Pensées“.

Собственно для образования литературного из «Bibliothèque littéraire» предлагаются следующие статьи, приводимые здесь по порядку, принятому в этом издании.

Из прозаической части: Фенелона „Télémaque“; Шатобриана „Les Martyrs“; Скаррона „Le Roman comique“; Ле-Сажы „Gil Blas“; Монтеस्कье „Lettres persanes“; Вольтера „Zadig“; Дидро — рассказы; Бернарден де С.-Пьерра „Paul et Virginie“; „La Chau-

миère indienne“; Шатобриана „Atala“; Мадам де Сталь „Corinne“; Ксавье де Местра „La jeune sibérienne“; Виктора Гюго „Notre Dame de Paris“; Бальзака „Eugénie Grandet“; Жорж Занд „La Mare au diable“; Ламартина „Graziella“; Мольера „Les Précieuses ridicules. Gozlan“; L'Avare „Le Bourgeois gentilhomme“; „Le Malade imaginaire“; Бомарше „Le Barbier de Séville“; Декарта „De la Méthode“; Паскаля „Pensées“; Боссюэта „Oraisons“, „Discour sur l'histoire universelle“; Ла-Рошфуко „Maximes“; Ла-Брюэра „Les caractères de ce siècle“; Фонтенелля „Entretiens sur la pluralité des mondes“; Монтескьё „L'Esprit des lois“; Д'Аламбера „Préface de l'encyclopédie“; Ж. Ж. Руссо „Les Confessions“, „Les rêveries du promeneur solitaire“, „Emile ou l'Education“; Бюффона „Histoire naturelle“.

Из стихотворной части: Корнеля „Le Cid“, „Horace“, „Cinna“, „Polyeucte“, „Pompée“; Расина „Andromaque“, „Britannicus“, „Iphigénie“, „Esther“, „Athalie“; Вольтера „Oedipe“, „Brutus“, „Zaïre“, „Mahomet“, „Mérope“, „La Henriade“; Мольера „Le misanthrope“, „Tartuffe“, „Les femmes savantes“; Ла Фонтена „Fables“; Малорба „Stances sacrées“, „Consolation à Duperrier“; Андре Шенье „La Jeune Captive“; Казимира Делавинь „La mort de Jeanne d'Arc“, „Madeleine“; Беранже „L'Orage“, „Les Hirondelles“; Ламартина и Виктора Гюго — лирические стихотворения, означенные в этой части; Буало „L'art poétique“, его сатиры и послания, означенные там же; Вольтера „Épître à la Marquise de Chatelet“, „Sur la philosophie de Newton“, „Le pauvre diable“.

По заметкам, приложенным в „Bibliothèque littéraire“, преподаватель сообщает воспитанницам краткие сведения о каждом из писателей, выше означенных, и, где окажется нужным, делает общее обозрение целого произведения, из которого приведены отрывки. Сверх того, желательно, чтобы некоторые из классических произведений были прочитаны воспитанницами сполна.

Что же касается до литературы немецкой, то сведения воспитанниц о писателях должны ограничиться только Шиллером и Гёте, с произведениями которых в большей подробности познакомит их преподаватель только в последнем классе. При этом желательно, чтобы они прочли из переписки обоих этих поэтов, а также из „Wahrheit und Dichtung“ Гёте и из его бесед с Эккерманном и с канцлером Фридрихом Мюллером.

ОТЗЫВ ПРОФ. Ф. И. БУСЛАЕВА О ПРОГРАММЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ, СОСТАВЛЕН- НОЙ УЧИТЕЛЯМИ ГИМНАЗИЙ МОСКОВСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА НА СЪЕЗДЕ 1866 г. В МОСКВЕ

Метод филологический, выработанный на изучении языков классических, рассматривает язык как средство для уразумения писателей и предлагает основательное знакомство с грамматикой для правильного употребления языка устно и письменно. Правильно говорить и писать по-латыни и понимать латинских и греческих писателей — вот задача филологического обучения, которое потому и называется к л а с с и ч е с к и м, что имеет предметом изучение классиков. Сколько грамматика древних языков способствует для умственной гимнастики, столько изучение классиков, поэтов и прозаиков обогащает сведениями реальными, историческими и воспитывает нравственное чувство и эстетический вкус. Это вместе и материал для истории — и преимущественно для истории литературы, и практическая школа для риторики и эстетики. До какой степени доведено это реальное изучение древних классиков в немецких гимназиях, можно видеть из того, что на педагогическом съезде филологов в Гейдельберге (29 и 30 сентября прошлого 1865 г.), между прочим, принято рекомендовать изучение древних поэтов (Гомера, Вергилия, трагиков) при пособии памятников античного искусства. «Здесь, — сказано в тезисах этого съезда, — монументальное обучение служит столько же для уразумения писателей по взаимному отношению литературы и искусства, сколько и для изучения древностей вообще, для которых в одинаковой мере важны оба эти источника» (Сборник на 1866 г., изд. Обществом древнерусского искусства, отд. II, с. 144).

Итак, основательное грамматическое изучение классических языков, доведенное на практике до правильного употребления их устно и письменно, и чтение прозаиков и поэтов Греции и Рима в связи с древностями и историей литературы и искусства — вот та приуготовительная основа, которая называется г у м а н н ы м образованием, та о б щ а я пропедевтика, которая предшествует в гимназиях университетским специальностям. Молодой человек, так подготовленный, поступаая в университет, не только знает древние языки грамматически, но и владеет элементами общечеловеческого образования, завещанными Европе ее историей. На какой факуль-

тет он ни поступит, хотя бы на медицинский, он уже вооружен элементами просвещения, которые навсегда оставят в нем неизгладимые следы общего, гуманного образования. Таких результатов не может дать преподавание ни одного из языков новых народов. Потому-то в гимназиях классических гуманное образование, воспитывающее ум, нравственное чувство и эстетический вкус, почерпается преимущественно из классического обучения. Язык родной служит только дополнением к этому источнику гуманности.

Школы реальные, лишенные этих преимуществ классического образования, тщетно стремятся восполнить этот недостаток историей литературы родного и новейших языков.

Наши гимназии, при незначительном обучении латинскому языку и за отсутствием в них языка греческого, имели и доселе имеют характер реальных школ. Образование гуманного они не давали и доселе не дают. Педагоги, следуя реальному методу, стремились восполнить этот недостаток историей литературы и дошли до вредного энциклопедизма, как это основательно замечено на учительском съезде. Последнюю попытку удержать в некоторых границах произвол энциклопедизма, господствующий в классах русской словесности, предлагает ныне принятая программа для поступающих в университет. Но, исходя от одностороннего направления реального, ввиду преобразования русских гимназий в классические, эта попытка оказалась мерой отсталой.

Программа, выработанная учительским съездом, берет в основу предположение о существовании уже в наших гимназиях гуманного образования и рассматривает обучение отечественному языку только как дополнение к этому классическому воспитанию и, сверх того,— ограничивает обучение грамматикой и практическим употреблением языка.

Очевидные достоинства этой программы следующие:

1) приспособляя обучение русскому языку к преподаванию языков древних, эта программа имеет твердую основу классического направления; потому

2) предохраняет преподавание отечественного языка от вредного энциклопедизма;

3) сосредоточиваясь на языке, она значительно очищает класс отечественной словесности от пустословия и произвола и, наконец,

4) практическим направлением обеспечивает наши гимназии в отношении правильного употребления языка в письменных упражнениях.

Что же касается недостатков программы, то, по моему крайнему разумению, они состоят в следующем.

1) Уже в самом принципе, принятом программой, заключается причина ее несостоятельности в настоящее время. Будучи составлена по образцу программ немецких классических гимназий и в предположении гуманного образования, которое со временем

может быть дано нашим гимназиям обучением классическим, программа учительского съезда, ограничивающая преподавание отечественного языка только стороною формальною и не дающая никакого исторического содержания, может быть полезна только тогда, когда наши гимназисты, так же как и немецкие, будут свободно читать в подлиннике Гомера, Виргилия, Софокла и изучать их в отношении древностей и истории литературы и искусства. Нет надежды, чтобы этих результатов достигли наши гимназии даже через четверть столетия. Иное дело — желать водворения в наших гимназиях истинного и полного гуманного образования, в объеме немецких классических гимназий, иное — ввиду будущих надежд, более или менее обманчивых, — в настоящем жертвовать для будущего гуманизма в наших гимназиях всеми средствами, какие для умственного, нравственного и эстетического образования может дать преподавание отечественного языка и словесности. До тех пор, пока у нас еще не водворится истинно гуманное, т. е. классическое, воспитание, наши гимназии еще не классические, а реальные, и когда будут настоящими классическими — неизвестно, потому что это зависит не от предписаний правительства, а от местных и временных средств. Программа, составленная для гимназий классических, как бы ни была она удовлетворительна, без существенного ущерба образованию не может быть введена в гимназиях реальных, ибо, как сказано, те и другие гимназии не могут иметь одну и ту же программу преподавания отечественного языка и словесности. Программа учительского съезда может годиться для наших гимназий по малой мере через 25, и то в том случае, если счастливые обстоятельства, теперь еще непредвиденные, будут способствовать у нас успешному развитию классического гуманизма.

2) Опасаясь энциклопедизма и произвола, господствующих у нас в гимназическом преподавании отечественного языка, программа учительского съезда вдалась в крайность формализма и безжизненной схоластики. Грамматика и логические разборы разных статей, составляющие преподавание во всех семи классах гимназии, — дело очень полезное, но оно далеко не объемлет всех задач преподавания. Слово получает свое значение от мысли, и логическое расположение сочинения есть только абрис, внешнее очертание более существенной части сочинения, именно его жизненного, бытового, исторического содержания. В немецких гимназиях читаются Нибелунги и другие произведения древней немецкой литературы, по хрестоматии Вакернагеля, не для одного только языка и слога, но и для истории быта, мифологии и литературы, как это замечено и в статье преподавателя Поливанова, приложенной к программе учительского съезда. На упомянутом мною прошлогоднем съезде немецких филологов в Гейдельберге предположено в гимназиях чтение Лессинга и Гёте в связи с историей развития художественных идей, при пособии памятников искусства. Напротив того, программа учительского

съезда требует только чисто внешнего, формального — грамматического, стилистического и логического — разбора разных статей и отрывков из писателей новой русской литературы и немногих древней и народной, именно: из Жития Феодосия и из Летописи Нестора, Слова о полку Игореве и одной русской былины (о Садко). «Объяснение этой былины, — говорит программа, — должно быть направлено исключительно на особенности языка и стиля. Преподаватель не касается ни историко-литературного значения, ни мифологических элементов былины». Это требование едва ли исполнимо на практике между знающим и даровитым учителем и способными учениками, которые непременно пожелают видеть в этой былине какой-нибудь смысл: и тогда окажется необходимым объяснение реальное, бытовое, историческое. То же должно сказать и о Житии Феодосия, и о Летописи, и о Слове о полку Игореве — о произведениях, которые программа предписывает изучать только для языка и стиля. Сверх того, едва ли можно основательно изучить стиль какого-нибудь произведения, особенно древнего, независимо от истории языка, быта и литературы. Точно так же разбор отрывков и небольших сочинений Ломоносова, Карамзина, Пушкина ограничивается, как сказано, тем же внешним, схоластическим разбором течения мыслей, независимо от реального содержания, которое дается историей и личностью писателя, так что ученик гимназии, по окончании курса прочитавший таким образом несколько десятков более или менее мелких статей и отрывков, не обязан знать ни Ломоносова, ни Жуковского, ни Пушкина, хотя и прочел кое-какие выдержки из их сочинений. Поступив в университет с такими отрывочными и поверхностными сведениями, молодые люди только на историко-филологическом факультете могут восполнить и расширить свои понятия о русских образцовых писателях, на других же факультетах навсегда останутся в полном о них неведении, только с знанием их имен, почерпнутым из политической истории. Это чисто формальное обучение отечественному языку, возможное при гуманном образовании классических гимназий, у нас в настоящее время может принести существенный вред — именно в том противодействии, какое не преминут оказать реализм и энциклопедизм схоластическому обучению отечественного языка, лишенному исторических основ литературы и разбором одних внешних форм, доведенному до пустоты излишних логических словоизвитий и тонкостей. Против удручающей массы материалов реального направления классическое образование действует не одними склонениями и спряжениями, а тоже массой реального содержания, которое почерпается из непосредственного знакомства с классиками. Ученик классической гимназии получает гуманное образование не потому, что логически разбирает разные отрывки, а потому, что изучает именно Гомера или Виргилия. В тех же гимназиях в Германии изучаются Лессинг и Гёте; почему же мы опасаемся для своих гимназий предложить изучение Ломоносова, Жуковского или Пушкина и скрываем их имена и их историческую

деятельность под логомахией так называемой д и с п о з и ц и и разных отрывков из их сочинений? Итак, программа учительского съезда хотя и составлена по методу, принятому в классических гимназиях Германии, но существенно уклоняется от своего образца. Она предоставляет отечественному языку и словесности несравненно меньшее значение в гуманном и реальном образовании, нежели сколько допускают классические гимназии немецкие в преподавании языка и литературы немецкой.

3) Несмотря на строгость в выдержке и в систематическом проведении принятого программой принципа, она не могла избежать самых резких противоречий себе самой. Это произошло по двум причинам. Во-первых, потому что составители программы чувствовали, что они дают эту классическую программу отечественного языка гимназиям еще реальным, а для того внесли в нее, как вопиющее противоречие, чтение одной песни «Илиады» по переводу Гнедича (в 6-м классе) с объяснениями не только языка, стиля и диспозиции, или расположения, но и реальных сведений, предлагаемых ею (черты быта, мифологию и проч.), и даже отношения автора к своему произведению. При этом сделано одно замечание, которое, по моему мнению, подрывает всю систематическую выдержку программы и которое ясно свидетельствует, что учительский съезд был убежден в возможности непременно ввести эту классическую программу в наши еще реальные гимназии. «Само собой разумеется,— сказано в программе,— что когда чтение Илиады в предложенном виде будет возможно в греческом классе,— чтение ее на уроках отечественного языка будет устранено». Если здесь сделана уступка для Гомера в ожидании, когда упрочится в наших гимназиях классическое обучение, то, снисходя к настоятельным потребностям учащихся в гуманном образовании, для чего съезд не дал ему более обширного развития в программе отечественной словесности,— конечно, с той же оговоркой, что эта уступка допускается, покамест не водворится в гимназиях надлежащее изучение древних классиков? Съезд это, очевидно, чувствовал и сделал другую уступку, уже в пользу Шекспира, из которого рекомендует прочесть одну трагедию в 7-м классе. Это — противоречие, тем более грубое, что оно вконец подрывает кредит программы, принявшей в основу классический и именно филологический принцип. Если допущен в программу русского языка Шекспир, то не будет конца разным уступкам и исключениям. Самый прием — изучать писателя в переводе, да еще не вполне удовлетворительном, противен строгому классическому методу, основанному на непосредственном знакомстве с оригиналом. Та же уступка и такая же ошибка программы — и относительно «Апологии Сократа» Платона, в переводе Карпова (для 7-го класса). Вторая причина противоречий программе себе самой состоит в решительной невозможности упорно держаться только внешней стороны при объяснении произведений литературы. Программа учительско-

го съезда не допускает истории литературы (состоящей в связи с историей быта и культуры) и читает с гимназистами Житие Феодосия, Летопись Нестора и Слово о полку Игореве только для языка и стиля, а вместе с тем для ученических сочинений задает темы по тем же произведениям с точки зрения литературы и быта; а именно в 6-м классе: «Составление на основании образца, разобранного в классе, характеристики быта и лиц (например, по Житию Феодосия, по Летописи Нестора)»; или в 7-м классе: «Отношение древнерусского писателя к книжной мудрости, по предисловию Нестора к Житию Феодосия, по послесловию мниха Лаврентия» и проч. И та же самая программа в 6-м классе, как приведено выше, запрещает учителю касаться историко-литературного значения и мифологических элементов русской былины, т. е. ее реального, бытового содержания, между тем как в том же классе по «Илиаде» в переводе Гнедича изучается быт и мифология греков. Отрывки из новых писателей, от Ломоносова до Гоголя, изучаются только ради диспозиции, а не содержания, которое объясняется историей литературы, устраненной из программы. Наконец, это противоречие программы себе самой высказалось и в результате, в требовании на экзамене 7-го класса «объяснения избранных образцов (указанных выше рассуждений, трагедии Шекспира, одной песни «Илиады» и т. д.) со стороны логического их построения и по отношению к их содержанию».

4) Противодействуя пустословию и произволу, программа учительского съезда дает, однако, повод к тому и другому, основывая все литературное образование гимназистов на разборе образцов. Разбор — это прием самый растяжимый. Всякий учитель будет разбирать и объяснять образец по-своему: учителю даровитому это — широкое поле для полной свободы его мыслей и фантазии; учителю недаровитому (каких больше) это — камень преткновения, тяжелое бремя, которое наляжет невыносимую скукою на способности учеников; наконец, для учителя бойкого, с пикантными тенденциями — отличный конек, на котором тем ловчее ему красоваться, что из разбора устранена положительная, реальная, т. е. историческая, сторона. Чтобы решительно и окончательно устранить произвол, этот главнейший порок в преподавании отечественной словесности, необходимо ввести обязательное руководство для риторического или логического разбора, или руководство к прикладной логике, или что-нибудь другое, что заменило бы в гимназиях и риторикку с пиитикой, и историю русской литературы, если уж этот предмет будет обречен на изгнание из гимназического курса. Пока не будет такой книги, введение программы учительского съезда в гимназиях невозможно.

5) Распространение грамматического обучения по всем классам гимназии, как сказано, составляет одну из лучших сторон программы; но не мне быть судьей, до какой степени может быть полезна, как гимназическое руководство, моя «Историческая грамматика», составленная, как я надеялся, для публики более развитой

и более знакомой с историей русской литературы, нежели та недалекая публика гимназистов трех старших классов, которую программа учительского съезда лишает возможности узнать, кто такие были Ломоносов, Державин, Фон-Визин и Пушкин. Сверх того, за отсутствием в гимназии живого, интересного преподавания, основанного на истории литературы, надобно опасаться, чтоб это непрерывное заучивание параграфов грамматики не повело к отупению учеников и к апатии самих учителей, которые могут облегчить свою обязанность старинною рутинною — задавать ученикам затверживать наизусть §§ руководства, чему найдут они законное оправдание в самой программе, которая на экзамене 7-го класса требует именно «теоретических ответов по грамматике русской и церковнославянской». Иное дело — твердо и основательно знать грамматику практически и давать из нее ответы на разборе текста, и иное дело отвечать из нее теоретически, т. е. делать перечни грамматическим правилам по §§-м и рубрикам, с разными подразделениями и исключениями. Такие ответы даже для самого составителя грамматики по его собственному руководству были бы сущою пыткой.

б) Школа есть приурочивание к общественной деятельности, потому вопросы педагогические, в их общем результате для цивилизации страны, не могут быть отделены от вопросов политических и государственных. Вот причина, почему публицисты так часто берут в свое ведение педагогию. Вопрос о преподавании отечественного языка в наших гимназиях тесно связан с вопросами о русской национальнойности, о централизации и сепаратизме, которыми особенно заинтересована публицистика нашего времени. Имеющие причину игнорировать русскую национальность в литературе, как выражении жизни, охотно дали бы простор классическому образованию в гимназиях и поспешили бы изучением Гомера и Виргилия удалить на задний план Ломоносова, Пушкина и других представителей русской цивилизации и национальности. Может быть, некоторое оправдание этому предположению видим в Западном крае, где с большей энергией, нежели у нас, преобразуются гимназии в строго классические школы и, вероятно, не по одному только тому, что тамошняя публика развитее нашей. Превосходство русской национальности над малорусскою, в отношении литературы, может быть убедительно для учащихся поколений южной Руси только при возможно полном, для гимназий, обозрении литературных заслуг лучших наших писателей, начиная с Ломоносова до Гоголя, а не в схоластическом наблюдении над ходом мыслей в некоторых отрывках из их сочинений. Господствующий правительственный язык законно и прочно преобладает над местными наречиями провинций не потому, что на нем преподаются все предметы гимназического учения, а потому, что самая литература его имеет обязательную силу, заставляющую всякого образованного человека эту литературу ведать. Хотя программа учительского съезда составлена для гимназий только Московского учебного округа, но

если она будет утверждена для экзамена поступающих в Московский университет, то получит значение всероссийское, потому что в наш университет молодые люди стекаются отовсюду. В программе русского языка, будет ли то для реальных или классических гимназий, должно быть заявлено полное уважение к русской национальности в лице ее лучших писателей, из которых главнейшие должны быть коротко знакомы всякому поступающему в университет.

В заключение почитаю нелишним сказать два слова о самом съезде. С рвением, очень понятным в этом новом для нашей педагогической публики деле, учительский съезд, кажется, слишком много взял на свою ответственность, поусердствовав в какую-нибудь неделю выработать целую гимназическую программу преподавания отечественного языка и словесности; потому следует быть снисходительным к этому первому опыту. Много сделано на съезде удовлетворительно; много поднято дельных вопросов, но главное и существенное еще ожидается впереди.

Е. Будде

О ЗАСЛУГАХ БУСЛАЕВА КАК УЧЕНОГО ЛИНГВИСТА И ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

(Речь, читанная в торжественном заседании Казанского общества археологии, истории и этнографии 28 сентября 1897 года)

В 1818 году в Керенске, уездном городке Пензенской губернии, родился тот самый ученик Белинского — Буслаев, имя которого через 30 лет сделалось уже известным всей России; к этому времени окреп его авторитет, и не прошло после этого и десяти лет, как вся грамотная Россия добровольно признала в Ф. И. Буслаеве своего учителя по предмету отечественного языка. Все мы помним то время, когда именем Буслаева защищался школьный учитель, авторитетом его мнения прикрывались ученые в своих трудах, с благоговением к нему относилась молодежь, обращаясь за решением трудных и спорных вопросов в области русского правописания к книгам Буслаева, а прочая публика усваивала правила русской грамматики, черпая грамматические познания из его сочинений. Кто из нас не учился по грамматике Буслаева? Кому из нас не известна еще со школьной скамьи его «Русская хрестоматия», остающаяся и до сих пор единственной лучшей учебной книгой для древнего периода русской словесности? Мы все собственно буслаевцы, мы все его ученики и воспитанники! Его мысли и взгляды облетели все уголки России и проникли в общество через его непосредственных учеников и слушателей. Припомним то недавнее время, когда 10 лет тому назад было введено официальное правописание Грота... Какую путаницу внесло оно в наше сознание, какие затруднения встретились при этом в школе, сколько неудовольствия в обществе, сколько попыток примирения нового правописания со старым, а старое-то ведь было Буслаевское!

Буслаев был учителем нескольких поколений, и нелегко было

нам переделывать себя на новый лад! При таком положении дела интересно вдуматься и разобраться в нашем прошлом: в чем же собственно заключалась сила воззрений Буслаева? Почему ни одно имя не стало таким популярным среди русского общества и молодежи, как имя Буслаева? Где надо искать причин такого влияния его мыслей и трудов на наше сознание? Причины этого заключались, с одной стороны, в учености и знаниях Буслаева, с другой, — в его личности. Ввиду этого интересно подвергнуть рассмотрению как одну, так и другую сторону. Без знания истории нашей науки, как бы мы ни разбирали научную деятельность Буслаева, сколько бы мы ни останавливались на его научных трудах и мыслях, мы теперь, в наше время, все-таки не найдем прямого ответа на выше поставленные нами вопросы: для нас все-таки не будет ясно то, чем по преимуществу мы все обязаны Буслаеву... Действительно, нужно рассмотреть всю историю нашей науки в связи с положением науки о языке и народности на западе Европы, чтобы уяснить себе научное значение Буслаева. Всякому известно; что наиболее крупные и важные открытия в филологических науках не так ощутительны для общества, чтобы оно могло каждый раз дать себе отчет о связи его мировоззрения с открытиями и мыслями того или другого ученого-филолога. А между тем наши теперешние воззрения на народную словесность и, следовательно, на духовную жизнь нашего народа, наша привязанность и склонность к той области знания, которая называется этнографией; наконец, наша критика и наше недоверчивое отношение к так называемым «аристократическим» взглядам на русскую старину и народность — все это отголоски той учено-литературной и преподавательской деятельности, которая связана с именем Буслаева. Он первый показал нам своим отношением к делу и направлением своих работ, что любовь к народу возникает и развивается на почве глубоких изучений народного языка и литературы, что истинно любящим свой народ человеком является тот, кто научно знает жизнь своего народа, что любовь к народу из принципа или из моды есть любовь не сознательная... Нашедши в языке средство проникнуть в тайны духовной жизни русского народа, следя за отражением в русском языке понятий быта, культа и религиозной жизни русского народа, Буслаев углубился в занятие русским языком и употребил его как средство для изучения русской народности. Со своими взглядами на язык и метод его преподавания Буслаев выступил в 1844 году в сочинении под заглавием: «О преподавании отечественного языка». В своих первых работах Буслаев пошел по стопам тех дорогих всей германской нации двух братьев Гриммов, которые, исходив всю Германию с котомкой под мышкой, дали начало новым наукам — археологии, права, языка и быта немцев. Получив подготовку по сравнительному языковедению на западе, Буслаев явился у нас представителем тех новых положений сравнительного языковедения и научного метода в исследовании старины, которые в то время проповедовались в Германии по трудам Боппа, Гумбольдта и Гриммов. До Буслаева у нас в

России никто не дерзал заглянуть в доисторические времена Руси при посредстве нового орудия — языка. Сблизить историю народа с его литературой и искусством, найти связь произведений искусства и словесности с формами народного языка у нас в России, уметь читать в языке судьбу народа русского — это дело великое, которое впервые открыло новые горизонты для русской этнографии и археологии и обнаружилось в труде Буслаева под названием: «О влиянии христианства на славянский язык» (1848 г.). После Буслаева мы узнали, что можно изучать язык в его истории, или, что то же, историю языка, мы знаем, что язык имеет свою историю, как и все на свете; нас убедил Буслаев в том, что язык есть наиболее беспристрастный свидетель прошлого, что показания языка не зависят от личных отношений свидетеля к современному событию или лицу, что всякое название вещи в языке есть уже самое точное доказательство того, что вещь эта существовала у народа, в языке которого мы нашли и соответствующее название. Доводы и убеждения Буслаева были так сильны, что и сейчас опровергать их представляет значительные трудности, а многое, очень многое из его названных выше сочинений по языку и преподаванию осталось и до сих пор в полной силе и не заменено ничем лучшим. Мы увидим, что из других его трудов осталось многое, с чем считается и его потомство, признав его мысли верными и для нашего времени. Здесь уже мы имеем дело с гением. Конечно, было бы понятно, если бы наука в лице своих представителей, приняв учение Буслаева, шла по его следам, развивая это учение до тех пор, пока не изменится метод и не будут найдены лучшие и вернейшие результаты, но является на первый взгляд непонятным то обстоятельство, как такие специальные работы, как филологические и лингвистические, проникли не только в кабинеты ученых, но и в общество, которое отнеслось к Буслаеву с живейшей благодарностью и интересом. В решении этого вопроса надо обратиться именно к личности Буслаева; его личность настолько обаятельна, его лекции были настолько полны жизни и силы, что привлекали массу студентов разных факультетов: каждый, привыкши со школьной скамьи смотреть на Буслаева как на авторитет, ссылаясь на его мнения, спешил в университете послушать его, научиться у него и всмотреться в его личность. Вот аудитория и была тем очагом, в котором теплились буслаевские симпатии к народу, тем очагом, с которого разносились искры научного, идеального, платонического увлечения содержанием, которое раскрывал Буслаев в языке и словесности русского народа перед своей аудиторией. Читая лекции Буслаева, отрешаясь от всяких житейских забот, тенденций и мелочей: он переносит вас в ту отдаленную эпоху народной жизни, от которой история не сохранила нам никакого следа; он ведет свою аудиторию в сельскую избу, и мы слушаем в ней говор и рассказ простолюдина о том, как он понимает природу, как устраивает свою жизнь, кого считает святым, кому поклоняется и чем живет... Не выходя из аудитории, студенты успевают познакомиться с воззрениями русского

народа на всем необъятном пространстве России; молодежь учится читать старину в современном ей русском языке и пробегает своими мыслями громадное пространство веков. Картины, рисуемые Буславевым в аудитории, заставляют слушателей жить жизнью чувства; увлечение учителя сообщается и ученикам, которые в своем воображении идут за своим профессором... Буславев жил сам в своих лекциях, влагая в них всю свою личность и душу, и в этом ему помогала его даровитая и пылкая фантазия. Это был профессор-поэт, который нам рисовал нашу старину и народность так, как рисует ее Пушкин в «Песни о вешем Олеге», и мы не находили ничего неправдоподобного в картинах русской жизни по лекциям Буславева о русских духовных стихах, о русских былинах, сказках и преданиях родной земли. Эта фантазия была фантазией ученого, и она-то помогала ему восстанавливать старину...

В Румянцевском музее (ныне Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.— Л. Х.) в Москве, в отделе рукописей, хранится рукописный курс Буславева о патериках, подлинная рукопись Буславева; мне пришлось прочитать всю эту громадную рукопись, но я не заметил того времени, которое я посвятил на чтение этого курса. Я за это время успел побывать с Буславевым на отдаленном востоке Сирии, Египта, Палестины и проник вместе с ним в смысл отшельнической жизни; повел он меня и на запад, представил мне ряд живописных картин природы и указал на влияние природы на мирозерцание наших отшельников, отразившееся в разнообразных их сочинениях, в патериках, и все это путешествие не с мертвой книгой в руках, а с живыми людьми, которые навевают на вас своими рассказами то чудное спокойствие духа и настроение созерцательного философа, то заставляют вас испытывать волнение души и страстей, мстись духом. Казалось бы, что, раскрывая наш старый рукописный патерик в любом книгохранилище России, вы не найдете ничего в этой пыльной хартии и с удивлением подумаете, для чего только люди копаются в этой старой пыли, но у Буславева в его изложении и глубокоом понимании вы чувствуете всю силу жизни и мысли наших предков, о которых он вам расскажет, изучивши эти патерики.

Так воспитывал Буславев наши чувства народности, так умело и дидактически тонко он преподавал нам знание нашей старины! В его лице мы имеем дело с несомненно крупнейшим талантом преподавателя и даровитостью ученого человека. Это вскоре было замечено людьми, стоящими во главе школьного дела в России, и вот управление военно-учебных заведений в 1852 г. приглашает Буславева в качестве авторитетного специалиста для преобразования преподавания русского языка и словесности в этих заведениях. Буславев готовится к этому делу, сидя за рукописями и изучая жизнь русского народа в его языке и литературе; в 1855 году он издает целый ряд отрывков из этих рукописей для столетнего юбилея Московского университета, а в 1858 г. появляется его «Историческая грамматика» — первый опыт по истории всего русского языка, представляющий перед нами этимологию и синтаксис русского языка в его исто-

рическом движении. Этот труд, едва ли не самый главный из всех его трудов, лег в основание наших научных представлений о русском языке.

Те мысли, которые мы выше назвали гениальными по их живучести и пророческой осуществяемости, разбросаны по всей его грамматике, и громадный материал, вошедший в это сочинение, остается и по сих пор еще не исчерпанным во всей полноте. Сказать о языке в то время то, что сказал Буслаев, было новостью; ввести в грамматику народный язык с его говорами и искать в них научного освещения нашего литературного языка, предсказать путь развития русской лингвистики на почве изучений народных говоров,— было делом пророческого чутья и глубокого понимания науки с ее перспективами. Действительно, теперь мы все понимаем, что в языке простого и неграмотного народа просвечивает старина и отсталость точно так, как в его costume отражается его сельское искусство и его старые привычки: во многих местностях России носят женщины кички на головах, вкладывают в серьги «пушки», убирают голову причудливыми повойниками, носят «понёвы» не из удобства этих нарядов, а из привязанности к старине, которая живет и в их быте с полной силой. Теперь немислим русский лингвист с одними старыми книгами и без знания живых народных говоров, а во время Буслаева еще почти никто не помышлял о том, что русские говоры какой-нибудь Тверской, Калужской, Вятской, Подольской или Минской губернии входят и должны входить в науку сравнительного языковедения не потому, что в изучении этих и других народных говоров выражается тенденциозная любовь к народу, тенденциозное народничество, а потому, что в них живет старина и кроется средство для разъяснения истории русского народа, для исследования пути его передвижения, коренится свидетельство его давности и оседлости в той или другой местности России. В настоящее время мы не сомневаемся в том, что всякое наречие, всякий говор своим началом восходит к той эпохе, которая может быть раскрыта лишь сравнительным изучением языков и наречий; мы не знаем сейчас такого языка, который не дробился бы на наречия и говоры в самое отдаленное от нас время, как не знаем такого семейства, в котором все его члены имели бы одну общую духовную организацию и были бы лишены индивидуальных особенностей, но во время Буслаева, повторяю я, подобные мысли и заключения, выведенные из изучений языка, были новостью и прокладывали потомству новые пути для его научной работы.

Посмотрим, что Буслаев говорит в своей грамматике. Уже на первых страницах мы читаем: «Как родство всех языков индоевропейских, так и разделение их по наречиям относится к эпохе доисторической. Все они суть языки самостоятельные, и потому ни один из них не происходит от другого... Разделение славянского языка на наречия относится ко временам, предшествовавшим появлению славян на историческом поприще.... Русское наречие не произошло от церковнославянского, но искони было так же самостоятельным, как и

это последнее. Чем язык древнее и первобытнее, тем более дробится по местным говорам. Сопутствуя народу как в исторической его жизни, так и в размещении его по областям, язык претерпевает двоякого рода изменения: 1) по времени, в течение которого народом употребляется, 2) по пространству, по которому он вместе с народом распространился. Изменения первого рода именуются историческими, второго рода — областными... Первоначально язык книжный не мог отличаться от народного, ибо первым писателям свойственно выражаться в письме так, как говорят... Книжный язык русский уже с древнейших времен отличался от разговорного, потому что образовался на основе церковнославянских книг, по которым наши грамотные предки учились читать и писать. Язык книжный, подчиняясь правилам и обычаю писцов, распространяет однообразный уровень по местным говорам; напротив того, местные наречия стремятся к обособлению и дробятся на множество различных говоров, потому что предлагают большее разнообразие и богатство грамматических форм, нежели язык книжный, стремящийся к искусственному однообразию. Борьба разнообразных местных говоров с искусственным однообразием книжной речи составляет главное содержание истории языка... В областных наречиях различие в выговоре звуков основано на законах языка, а не на случайных ошибках в выговоре... Изменяются грамматические формы, вносятся в язык новые и забываются прежние действием особенной силы, которая вместе с основными законами врождена всякому языку и которая действует в нем неукоснительно, пока он не вымер вместе с народом. Эта сила именуется употреблением. Употребление действует на язык двояко: 1) благотворно, сохраняя в нем древнейшие формы, как следы некогда действовавшего в нем закона, 2) разрушительно, вытесняя прежние формы, а вместе с тем и ослабляя силу тех законов, на которых они основаны.

С утратою грамматических форм может ослабевать и сила самих законов... Для изучения законов русского языка равно важны: и язык разговорный с его местными видоизменениями, и язык книжный. Просторечие не только расширяет силу закона, стесняемую книжною речью, но иногда вернее и тверже держится первоначального закона, уже нарушенного в речи книжною (*хочем — хотите — хочут*)... В местных наречиях, менее книжного языка подвергшихся изменениям, сохранилось больше старины... В грамматике должно отличать законы от правил. Грамматические правила основываются на современном употреблении книжного языка (*прежде, но прежний*)... Грамматические законы основываются на свойствах языка постоянных и не зависящих от временного употребления, ограниченного только некоторыми формами. Отсюда понятно, что правила грамматики иногда могут стать в противоречие с законами языка... По законам языка равно правильны формы как *прежде, прежний*, так и *преже, переже, прежний*... с тою только разницей, что одна форма не русская, усвоенная современным употреблением по влиянию языка книжного, а другая — русская, не усвоенная тем же упот-

реблением в языке книжном, но сохранившаяся в языке народа. Примеры значительного противоречия грамматических правил законам языка предлагает современная орфография буквы *ѣ* (сравните правописание: *ночлег, сѣдло, гдѣ, здѣсь, песок, темя* — и произношение: *зѣзды, гнѣзда...*). В употреблении языка принято соглашаться с правилами. Но чтобы понять правило, необходимо знать тот закон, к которому оно относится (*сдѣлать* и *здѣсь*)... Современный русский язык представляется совокупностью грамматических форм самого разнообразного происхождения и состава... Такое разнообразие форм объясняется историческим образованием языка. Из богатых запасов языка церковнославянского и древнерусского, а также нынешнего областного наш современный образованный язык удержал в своем составе те грамматические формы, которые оказались в употреблении нужными, какого бы времени и происхождения они ни были. Следовательно, грамматика нашей книжной речи относится к истории русского языка, как часть к целому... Мы получили бы превратное понятие об истории языка, если бы стали рассматривать ее так же, как историю какого-либо искусства, ремесла или даже науки. Все эти отрасли народного образования возникают из малых начатков и постепенно совершенствуются. Что же касается до языка, то мы не знаем первых начатков его, знаем только, что все языки, в их древнейшую эпоху, нам доступную по оставшимся памятникам, отличаются особенно полнотою и разнообразием грамматических форм... Потому мы должны обращаться к древнему языку не с тем, чтобы из сравнения с ним современной образованной речи определять ее успехи, а преимущественно с тем, чтобы яснее понять ныне употребительные грамматические формы, сблизив их с соответствующими им древними... Буквы всякого алфавита в наибольшей точности передают произношение звуков только во время изобретения или введения письмен, притом только в том наречии, для которого составлен алфавит. Потому с изменением произношения, по мере исторического развития языка, а также с распространением письменности одного наречия на другие, неизбежно происходит разногласие между письменами и звуками живой речи... Русские читают свою грамматику, изменяя письмена по выговору, не только общепринятому, но даже иногда по местному или провинциальному... Пока язык не вымер, не может просвещение заставить говорящих произносить буква в буква каждое слово, как оно по принятому правилу пишется. Что же касается до письмен церковнославянской литературы, то мы должны выговаривать их без всякого изменения на русское произношение, как потому, что было время, когда церковнославянская грамота в наибольшей мере соответствовала произношению, так и потому, что, не зная, как читали ее некогда на месте, где переведено было святое писание, мы не имеем права искажать старину, подновляя ее современным обычаем... Значение и польза языка древнерусских памятников и областного просторечия, в грамматическом изучении современной образованной речи, определяются, таким образом, самым существом исторической грамматики

русского языка» («Историческая грамматика», М., 1875, с. 2—23).

Прошу извинения у слушателей за столь многочисленные выписки из сочинений Ф. И. Буслаева, но я при этом нахожу оправдание для себя в том, что, желая выяснить заслуги такого человека, как Буслаев, я должен просить выслушать его подлинные слова и проследить его собственные мысли. Эти мысли теперь уже не новы, многие из них сделались уже азбучными, элементарными положениями нашей науки, другие из них уже исправлены, дополнены и изменены; после Буслаева открыто уже несколько новых законов в нашем языке, но 40 лет тому назад от этих мыслей сразу повеяло какой-то свежестью научных взглядов; эти взгляды для русской публики были новизною, в них светилась истина и мощный талант молодого ученого, в них открывалась целая бездна новых задач, предстоящих русскому ученому миру. В самом деле, вспомним содержание только что приведенных мною выдержек из сочинений Буслаева! Здесь установлена точка зрения на язык и его историю, здесь выяснено отношение правила к закону языка, здесь мы находим ясное доказательство необходимости изучения народных говоров для понимания законов отечественного языка; и эти доказательства очевидны всякому; всякий видит, что только серьезное и глубокое изучение языка народа дало право Буслаеву настаивать в интересах науки и просвещения на изучении просторечия. Это не была проповедь народолюбия, этими мыслями Буслаева не затрагивались аристократические отношения к простому народу и не высмеивались так, как это можно было найти у тенденциозных публицистов: Буслаев в своей грамматике собрал и подверг тщательному разбору громадный материал из народного языка и таким образом положил перед каждым из нас, для нашей проверки и убеждения, весь запас фактов, из которых он делал свои заключения.

Мы видели, что в отношении к Буслаеву дело обстоит серьезнее, чем в отношении кого-либо другого. С Буслаевым надо было считаться на почве науки, его благородное и идеальное отношение к науке исключало всякую возможность игнорировать его лекции, его советы и призыв к работе. Для оппозиции ему надо было много работать, много и долго учиться, а это всегда бывает трудно, да и не всякому обеспечен при работе такой результат, какой выпал на долю Буслаева при его талантах. Вспомним еще ближе в те выдержки, которые я предложил Вашему вниманию из сочинений Буслаева! Ведь в этих мыслях Буслаева мы, кроме всего сказанного, находим еще указания на метод разработки русского языка; здесь предложена вкратце целая методика чтения и изучения русского и церковнославянского языка, здесь определены надлежащие отношения преподавателя к предмету преподавания, здесь, наконец, найдутся для всякого мыслящего учителя те руководящие начала, которых он должен держаться при оценке правописания учеников. Отличая принятое обычаем в языке от научно обоснованного и независящего от временного употребления, учитель под руководством Буслаева перестает быть схоластиком, он направляет учеников в

их уразумении законов и духа языка, не теряя своего достоинства в мелочных и глупых придирках или требованиях педанта. Пользуясь научной постановкой вопроса о языке в труде Буслаева, учитель начинает и сам понимать силу и влияние на себя науки в лице глубокомысленного Ф. И. Буслаева.

Открыв настоящий смысл изучений народного и старого языка, связав историю нашего языка с историей говорящего на нем народа, указав метод изучения языка и дав нам интересную его грамматику, Буслаев к концу 50-х годов является самым крупным представителем науки о русском языке своего времени. Вложив свою душу и свои чувства в излагаемый им предмет, он привлек к себе массу учеников, из которых теперь некоторые стали не менее знамениты, чем был их учитель...

Вместе с этимологией русского языка Буслаев дал нам первый полный синтаксис его в историческом развитии. Этот синтаксис, составляя 2-й том «Исторической грамматики», есть и до сих пор единственное печатное сочинение в русской литературе, представляющее из себя опыт изложения всего синтаксиса русской речи в его историческом развитии. Здесь собрана такая масса материала, которая и сейчас подавляет собой всякого, занимающегося вопросами синтаксиса.

В своем «Синтаксисе» Буслаев впервые прочно установил в учении о предложении различие между логикой и грамматикой. Определяя отношение языка к мышлению, Буслаев говорит: «Язык к мышлению находится в двояком отношении: с одной стороны, формы языка служат точнейшим выражением всех действий нашего мышления, так что, думая про себя, постоянно облачаем каждую мысль в слова; а между тем, с другой стороны, опыт каждого говорящего и пишущего свидетельствует, что мысль развивается в голове независимо от форм языка и что весьма часто случается встречать затруднения в приискании слов для выражения мысли. Такое противоречие в отношениях языка к мышлению объясняется существом самого языка. Язык образовался в эпоху незапамятную, в ближайшей связи с раскрытием умственной деятельности целого народа, но независимо от личного мышления одного или нескольких людей. Потому логика языка точнее, строже и совершеннее логики отдельных лиц, сколько бы проницательны и глубокомысленны они ни были. Стоит, например, обратить внимание на выражение тончайших оттенков одного и того же понятия в словах производных, чтобы убедиться в глубоком логическом смысле языка: например, *деять, дело, делать, делание, деяние, действие, действовать* и пр.» (Синт. *ibid.*, с. 14). (Например, мы скажем: *делание веревок*, но *деяние и действие человека*.) В этом же классическом сочинении Буслаева мы найдем объяснение тех процессов языка и мысли, которые легли в основание образования различных тропов и фигур русского языка в речи народа и отдельных писателей. Сличая синтаксис народной речи нашего времени с синтаксисом речи образованной, мы здесь воочию видим, что наши предки, каковы бы они ни были

по образованию: грамотные князья и бояры, дьяки и подьячие, книжники и начетчики, помещики и воеводы или ставленные «видоки», совершенно неграмотные свидетели, по какому-либо судебному делу дававшие свои показания,— в своей речи были настолько близки к современным нам неграмотным простолюдинам, что строили свою речь так, как ныне строят ее только крестьяне.

Например, в языке Котошихина мы находим обороты: *покупают также на товарные деньги которые товары продают у Архангельского города; или: дается на церковное строение которые церкви бывають разорены*. В языке официальных юридических актов XVI в. читаем: *или по нем который игумен будет или переж сего те деревни и починки за прежними митрополитами за которым бывали ли?*

Так выражались прежде грамотники, литераторы, такой язык был и языком официальным и домашним, а ныне имеем эти обороты лишь в языке народном: *и вздевал на себя шубу соболиную. которой шубе цена три тысячи или а которые оставались люди похужее, на другой стороне в такую ж они пещеру убиралися...*

Сравните с этими выражениями современное нам народное в великорусских говорах *которые люди побогаче, можут и сразу подати отдать* и т. п. (см. Синт. *ibid.*, с. 325). Таких интересных примеров и сопоставлений прежней образованной речи с нынешним просторечием можно было бы извлечь из книги Буслаева громадную массу, но я ограничиваюсь этим, не желая придавать своему изложению слишком специальный характер. Достаточно сказать, что в этой книге Буслаева нашло себе место как учение о простом предложении, так и учение о сложном предложении в его постепенном развитии из одного слова, из одной части простого предложения. Своей «Исторической грамматикой русского языка» Буслаев сделал серьезную и удачную попытку построения нашей грамматики на данных нашего же русского языка. Буслаев дал нам образец такой грамматики, которая действительно является грамматикой нашей национальной речи, нашего национального языка; своим глубоким проникновением в дух и свойства русского языка он оторвал нашу грамматику от тех схоластических упражнений на грамматические темы, в которых русская грамматика принимала вид грамматики какого-то латинского или греческого языка. Грамматика Буслаева представляет из себя блестящее доказательство справедливости тех его мыслей, с которыми мы познакомились выше, именно, что «все языки самостоятельны, и ни один из них не происходит от другого», что «в самую раннюю эпоху своего бытия народ имеет уже все главные нравственные основы своей национальности в языке»... Чтобы ознакомиться с приемами Буслаева, при посредстве которых он ищет отражения национальности в языке, я приведу несколько примеров из его замечательной для своего времени статьи: «Областные видоизменения русской народности» (Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Спб., т. I, с. 151 и след.). «Сколько сокровищ областного говора, никем еще доселе

не тронутых, таится в каком-нибудь захолустье, куда не проникал взор наблюдателя! Даже около самой Москвы слышатся такие речения, которые до сих пор не успели войти в сборники областных речений. Так, например, вместо варварских слов: *безбоязненность* и *безнаказанность*, подмосковные мужики употребляют *безгрозища...*»

В Подольском уезде Московской губернии вместо *ветрено* говорят *воздушно*; в Сибири мужа и жену называют *венком* (это и у нас в Казанской (и Вятской) губерниях священники получают *ругу с венца*). В областных говорах мы находим обозначение различных оттенков понятий, которых в образованном языке и не встретим, а между тем в этих понятиях одинаково нуждаются все: *прочика* — первая показывающаяся по весне зелень из почек, первые отпрыски зелени, травы (от глагола *прочкнуться*); *прошибка* — распускание, развертывание листьев (от глагола *прошибиться*); *расколосье* — появление колосьев из стебля. Усматривая в областных словах русского языка отражение национального быта, обряда, верований, Буслаев приводит массу областных слов для обозначения приданого, свадебных костюмов, свадебных обрядов, главных деятелей при праздновании свадьбы, названия жениха и невесты и восстанавливает таким образом по данным народного языка национальный и старинный русский обряд, который в былое время был общим и для крестьянина, и для князя, и для царей, а в наше время он сохранился, как и самый язык, в простонародной массе. Усмотревши, что в Рязанской губернии про песни говорят *играть*, а не *петь*, Буслаев сопоставляет это выражение с теми, в которых это слово означает драматическую обстановку какого-либо обрядового действия, как, например, *играть свадьбу*, и указывает нам на то, что народные песни, как свидетельствуют нам данные языка, сопровождалась действием, драматическим элементом, условными жестами и сценами, изображавшими моменты из жизни народа.

Таким образом, если мы обратимся к трудам Буслаева только по русскому языку, то мы уже и в них найдем ответ на вопрос, почему Буслаев является единственным воспитателем наших воззрений на язык и на нашу народность и держится на высоте своего общественного значения столь продолжительное время. Его влияние сказалось в целом ряде поколений русских учителей и ученых и будет сказываться еще до тех пор, пока окончательно не станет на твердую почву то изучение и преподавание русского языка, которое рекомендовал нам и завещал Буслаев. В самом деле, обнаруживши всю несостоятельность построения русской грамматики по образцу грамматики мертвых классических языков, Буслаев вдохнул живую душу в преподавание и преподавателей русского языка; он дал нам грамматику с о в р е м е н н о г о нам русского языка, а не чужого. Посмотрим, как отразилось это в дальнейших учебниках по русскому языку. Всякому известно, что одним из трудных и непонятных вопросов современного нам русского языка является вопрос о разделении имен существительных на склонения. Причина запутанности этого вопроса заключается именно в схоластическом намерении состави-

телей учебников, различных грамматистов подделать русское склонение под шаблон склонений в мертвых языках, а Буслаев попробовал обойтись только средствами русского языка и сближением его со старославянским, влияние которого на книжный русский язык было выяснено им с достаточной ясностью. Отсюда получается в изложении этого вопроса Буслаевым простота и ясность, и после него появился целый ряд учебников, которые и до сих пор единственным основанием для деления имен существительных на склонения в русском языке признают те основания, находящиеся в самом русском языке нашего времени, которые признаны и Буслаевым.

Если бы наша школьная система не изменяла так часто своего русла, то мысли таких лиц, как Буслаев, успели бы дать полный результат, и их значение обнаруживалось бы с большей силой, чем теперь. Но, к сожалению, мы не можем сказать про наши средние школы, чтобы они успели вполне провести на практике принципы и метод Буслаева, а потому и его учебники и труды, приютившись в кабинетах ученых людей, стали мало-помалу залеживаться в книжных складах, не удовлетворяя изменчивым потребностям школьного преподавания. После «Грамматики» в 1861 году Буслаев издал свою знаменитую «Хрестоматию» в качестве учебного руководства для военно-учебных заведений. Мы опять здесь имеем дело с тем обстоятельством, что Буслаев пишет свои руководства для военно-учебных заведений, управление которых, как мы помним, оценило раньше других лиц преподавательские заслуги Буслаева и поручило ему составить план преподавания русского языка и словесности... Эта Хрестоматия представляет из себя такой громадный и крупный по своему значению ученый труд, что уже вскоре не могли без него обходиться ученые-специалисты, жившие вдали от главных книгохранилищ и рукописных собраний России. В этой Хрестоматии помещены отрывки рукописных и старопечатных сочинений и редких изданий из разных книгохранилищ России и расположены в хронологическом порядке так, что всякий занимающийся языком и литературой может следить по этой Хрестоматии за развитием и изменением русского литературного языка на всем пространстве России, где только была в древности литературная деятельность... В этой Хрестоматии многие памятники изданы впервые в России, и мы по ней можем следить за областными изменениями языка, поскольку последние отражались в письменности. Кроме того, каждый отрывок снабжен в Хрестоматии Буслаева его примечаниями лингвистическими и историко-литературными.

В конце издания приложены образцы народного говора в песнях великоруссов, малоруссов (украинцев.— *Л. Х.*) и белорусов. В «Предисловии» к Хрестоматии указана цель издания и значение примечаний. «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков,— говорит здесь Буслаев,— имеет двойное назначение: во-первых, служит руководством к изучению этих языков и, во-вторых, предлагает образцы для древнего периода истории нашей словесности. В первом отношении эта хрестоматия состоит в

связи с Опытом исторической грамматики русского языка, во втором — с Историей русской литературы Галахова, принятой в число учебных руководств для военно-учебных заведений»... «Что в истории литературы и в грамматике излагается в систематическом порядке, то в примечаниях раздроблено применительно к объяснению подробностей, предлагаемых объясняемую статью. Учащийся, пользуясь примечаниями, непосредственно знакомится с памятниками словесности и самостоятельно выводит из чтения те результаты, которые потом находит в систематическом изложении Грамматики и Истории литературы»...

В этих строках мы опять знакомимся с методом преподавания Буслáева и с его пониманием задач преподавания и изучения русского языка и словесности. Он прямо в основу преподавания и изучения ставит образцы и памятники, то есть приучает учащихся к наблюдению фактов, развивая в них точное и фактическое знание, а не поверхностное фразерство о том, чего учащийся не видал и не читал.

Мы видим, таким образом, из слов Буслаева, что он уже в начале шестидесятых годов стоял на той точке зрения относительно метода и задач преподавания русского языка и словесности, которая признается и в настоящее время единственно правильной. Это обстоятельство указывает нам, как нельзя лучше, на значение Буслаева как преподавателя и опять убеждает нас в том, что если бы мы в своей школьной системе преподавания все держались метода Буслаева при преподавании отечественного языка и литературы, если бы наша система осталась верна заветам Буслаева, то мы видели бы в своих учениках людей, сознательно относящихся к своей литературе, к отечественному языку и к своей родине. Хрестоматия Буслаева, обнимая громадный материал, вскоре, однако, обнаружила и свои недостатки при употреблении ее в средних школах: она оказалась слишком велика и потому понадобилось составление новой, «сокращенной» Хрестоматии, которая с большим удобством могла бы применяться в средней школе, где русскому языку отведено было сравнительно малое количество часов на прохождение курса. Очень естественно, что новые потребности школы вызвали в свет и новое издание «Русской хрестоматии» Буслаева и новый учебник «Русской грамматики, сближенной с церковнославянской». Но и в этих учебниках у Буслаева осталась та же основная точка зрения, тот же метод и то же научное изложение предмета. Жаль и неприятно признаться в том, что теперь сочинения по языку и учебники Буслаева притаились в книжных складах и остались лишь в употреблении ученых, но мы видели, что в этом не были виноваты ни метод преподавания, ни основная точка зрения Буслаева, ни его научные симпатии к русской народности... Мы подошли с вами к шестидесяти годам и в общих чертах наметили то, что сделал Буслаев для русской науки и школы за время от 40-х до 60-х годов включительно; собственно говоря, к этому времени изменились несколько интересы Буслаева, который начинает с этого времени все более и более изу-

чать русское искусство в памятниках старины, а потому мы и заканчиваем здесь свое слово.

Оглядываясь назад, мы можем усмотреть во всех научных работах Буслаева по русскому языку истинно благородное и глубокое отношение и редкое уважение к науке. Лишь только это отношение к знанию и к тому труду, которым дается это фактическое знание, служит причиной того, что Буслаев может и должен по праву считаться первым ученым пятидесятих годов, который писал о русском народном языке и народе то, что действительно заслуживает название науки. Мне остается с глубокой благодарностью вспомнить здесь и о тех личных беседах, которые я имел счастье вести с Буслаевым во время своего пребывания в Москве в 1889 г. Я припомню здесь только одну беседу, которая является лучшей иллюстрацией всего того, что я высказал здесь о заслугах Буслаева как ученого — лингвиста и преподавателя. В 1889 г. Ф. И. Буслаев был уже глубоким старцем и даже тяготился беседами, но следующие слова его, сказанные им мне в это время, особенно ценны для будущности нашей науки. Когда Буслаев спросил меня: «Чем вы хотите собственно заниматься?», то на мой ответ, что я занимаюсь и интересуюсь народными русскими говорами, Буслаев сказал мне: «Да, это занятие имеет свою будущность; я жалею, что не с этого и я сам начал». Как известно, его первые труды были посвящены изучению письменных памятников.

Мой очерк был бы не полон, если бы я не указал на то, что Буслаев сам был очень скромного мнения о своих ученых заслугах: он прекрасно понимал и открыто признавал в своих беседах в последнее время, что лингвистика сделала громадные успехи за последние 25 лет и что многие объяснения лингвистических явлений у него должны быть теперь признаны уже устаревшими. Например, его предположение о каких-то эстетических факторах, о началах благозвучия, руководящих фонетическими законами, об отражении в звуковых вариантах форм языка каких-то психических мотивов; его объяснение мифа только из данных того языка — народа, у которого он находит миф; наконец, отсутствие строгого разграничения лингвистических эпох и их преемственности в его трудах — все это и подобное еще при жизни Буслаева уже признано отжившим, и Буслаев не протестовал против этого общего признания. Напротив того, он мне же в своей беседе заявил о том, что он отстал от современной лингвистики. Но мы видели, что Буслаев не этим создал для себя бессмертное имя; не тем он велик, что отжило свой век еще при его жизни, но именно тем, что никогда не умрет: воспитанием наших чувств к науке и народности и методом преподавания в России отечественного языка.

КОММЕНТАРИИ

О преподавании отечественного языка. Руководство Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» первым изданием вышло в Москве в 1844 г. в университетской типографии. На титуле было указано, что это «сочинение старшего учителя 3-й Московской реальной гимназии».

В 1867 г. Ф. И. Буслаев подготовил новое, второе издание труда «О преподавании отечественного языка», значительно сократив его, в основном за счет второй части, которая включала «Материалы для Русской грамматики и стилистики». В 1941 г. это второе издание было повторено под ред. проф. Е. Н. Петровой. К сожалению, при подготовке текста к переизданию Е. Н. Петрова допустила ряд сокращений, которые не всегда давали возможность правильно и полно представить сущность высказанных Ф. И. Буслаевым положений.

В 1867 г. Ф. И. Буслаев издал «Краткое руководство к первоначальному преподаванию русского языка» (М., 55 с.), которое является отрывком из раздела «Опыт преподавания» (целиком подраздел «Начальная грамматика») из труда «О преподавании отечественного языка». В приложении в «Кратком руководстве...» даны «образцы для чтения и разбора вполне, из которых в этом руководстве приведены только отрывки». Ф. И. Буслаев включает следующие тексты: «Сказка А. С. Пушкина о рыбаке и рыбке», басни И. А. Крылова «Лисица и Сурок», «Мальчик и Змея», «Вол и пастухи». В настоящем издании, как уже было отмечено, воспроизводится полностью текст первого издания произведения Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка», ставшего этапным в истории русского языка. Этот труд выдающегося отечественного ученого-педагога заложил научные основы методики русского языка, стал образцом для многих поколений учителей и методистов.

При подготовке текста составители стремились как можно полнее отразить особенности стиля, языка этого выдающегося произведения. Поэтому в значительной мере отражена орфография примеров, приводимых ученым, в отдельных случаях воспроизведена пунктуация в самом изложении, в основном сохранена терминология, принятая в этом сочинении Ф. И. Буслаева, и т. д.

История создания этого замечательного произведения рассказана самим Ф. И. Буслаевым в книге «Мои воспоминания»: «Одновременно с приготовлением к магистерству я работал над сочинением «О преподавании отечественного языка». Оно

вышло в свет в 1844 г. в двух частях. Первая содержит в себе дидактические правила и приемы, как преподавать этот предмет, собранные мною по указанию графа (Строганова.— Л. Х.) в материалах и пособиях его богатой библиотеки, а вторая — мои исследования по русскому языку и стилистике во множестве более или менее объемистых заметок, накопившихся у меня по мере того, как я готовился к магистерскому экзамену. Вместе с капитальным исследованием Вилгельма Гумбольдта о сродстве и различии индогерманских языков, я изучал тогда сравнительную грамматику Боппа и умел уже довольно бойко читать санскритскую грамоту, которой обучил меня университетский товарищ, Коетан Андреевич Коссович, — в Москве только он один и знал этот язык до возвращения известного санскритолога Петрова из-за границы. Но особенно увлекся я сочинениями Якова Гримма и с пылкой восторженностью молодых сил читал и зачитывался его историческою грамматикою немецких наречий, его немецкою мифологиею, его немецкими юридическими древностями. Этот великий ученый был мне вполне по душе. Для своих неясных, смутных помыслов, для искания ощущью и для загадочных ожиданий я нашел в его произведениях настоящее откровение. Меня никогда не удовлетворяла безжизненная буква: я чуял в ней музыкальный звук, который отдавался в сердце, живописал воображению и вразумлял своею точною, определенной мыслью в ее обособленной конкретной форме. В своих исследованиях германской старины Гримм постоянно пользуется грамматическим анализом встречающихся ему почти на каждом шагу различных терминов глубокой древности, которые в настоящее время уже потеряли свое первоначальное значение, но оставили по себе и в современном языке производные формы, более или менее склонившиеся от своего раннего первообраза, столько же по этимологическому составу, как и по смыслу. Сравнительная грамматика Боппа и исследования Гримма привели меня к тому убеждению, что каждое слово первоначально выражало наглядное изобразительное впечатление и потом уже перешло к условному знаку отвлеченного понятия, как монета, которая от многолетнего оборота, переходя из рук в руки, утратила свой чеканный рельеф и сохранила только номинальный смысл ценности.

Вот каким путем я наконец открыл себе жизненную потайную связь между двумя такими противоположными областями моих научных интересов, как история искусства с классическими древностями и грамматика русского языка. <...>

Язык в теперешнем его составе представлялся мне результатом многовековой переработки, которая старое меняла на новый лад, первоначальное и правильное искажала и вместе с тем в своеземное вносила новые формы из иностранных языков. Таким образом весь состав русского языка представлялся мне громадным зданием, которое слагалось, переделывалось и завершалось разными перестройками в течение тысячелетия в роде, например, римского собора Марии Великой (Maria Maggiore), в котором ранние части восходят к пятому веку, а позднейшие относятся к нашему времени. Гуляя по берегам Байского залива, я любил реставрировать в своем воображении развалины античных храмов и других зданий; теперь с таким же любопытством я реставрировал себе переиначенные временем формы русского языка. Современная книжная речь была главным предметом моих наблюдений. В ней видел я итог постепенного исторического развития русского народа, а вместе с тем и центральный пункт, окруженный необозримой массою областных говоров. Карамзин и Пушкин были авторитетными руководителями в моих грамматических соображениях. Первый щедрою рукою брал в свою прозу меткие слова и выражения из старинных документов, а второй украшал свой стих народными формами из сказок, былин и

песен. Этот великий поэт всегда ратовал за разумную свободу русской речи против беспощадного деспотизма, против условных, ни на чем не основанных предписаний и правил грамматики Греча, которая тогда повсеместно господствовала. Еще на студенческой скамейке из лекций профессора Шевырева я оценил и усвоил себе это заветное убеждение Пушкина и старался сколько мог провести его в своих разрозненных исследованиях о языке и слоге, помещенных во второй части моего сочинения «О преподавании отечественного языка».

Несмотря на мою неопытность в книжном деле, сочинение это имело решительный успех, потому что тотчас же, как только появилось в печати, было замечено критикою. Одни меня хвалили, другие ругали донельзя и всячески надо мною издевались» (Б у с л а е в Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897, с. 281—283).

Необычайная глубина и широта обобщений автора «О преподавании отечественного языка», постановка очень важных вопросов, связанных с методикой его преподавания, убедительность высказанных суждений, подчас разрушающих традиционные оценки деятельности предшествующих лингвистов,— все это, бесспорно, не могло не вызвать различные мнения по поводу труда Ф. И. Буслаева, заложившего фактически основы научного подхода к методикам преподавания русского языка. Закономерной явилась дискуссия по поводу труда молодого ученого, возникающая на страницах журналов и продолжавшаяся в течение нескольких лет. Одновременно с разбором сочинения Ф. И. Буслаева рецензенты высказывали мнение о состоянии образования в России, о принципах преподавания русского языка. Анализируя эти рецензии, можно представить картину состояния просвещения в России в этот период, увидеть борьбу разных направлений в научно-педагогическом мире. В числе откликнувшихся на появление труда Ф. И. Буслаева были ученые-лингвисты, журналисты, учителя.

Сразу же после публикации книги «О преподавании отечественного языка» появились рецензии на страницах журналов «Современник» (1844, т. XXXV, сентябрь, с. 330—334), «Москвитянин» (1844, ч. V, № 10, с. 392—415), «Библиотека для чтения» (1844, т. LXV, ч. 2, отд. IV, с. 53—57), а также в газете «Русский инвалид» (1844, № 211).

В последующие годы обсуждение этого труда Ф. И. Буслаева продолжается в журналах и периодических изданиях «Отечественные записки» (1846, XLVI, июнь, отд. V, с. 37—54), «Известия отделения русского языка и словесности» (1854, т. III, вып. 3, с. 120—121—рецензия И. И. Давыдова), «Отечественные записки» (1859, т. XXVI, сентябрь, отд. III, с. 19—рецензия Эк. С-та), «Известия отделения русского языка и словесности» (1859—1860, т. VIII, вып. 2, с. 113—114), «Сборник Петербургского университета» (1860, вып. 2, с. 177—отзыв П. П. Шафарика), «Воспитание» (1863, т. XIII, кн. 4, отд. II, с. 119—120—рецензия И. Глебова), «Циркуляр Спб. учебного округа» (1863, № 5, с. 23—34), «Известия Московского Университета» (1866—1867, № 5, отд. II, с. 440—441), «Филологические записки» (1876, вып. II, с. 78—81—статья А. Смирнова «О Слове о полку Игореве»).

Как видим, труд Ф. И. Буслаева на долгие годы привлек внимание всех тех, кто был связан с просвещением, с преподаванием русского языка. Рецензенты, имеющие непосредственно дело со школой, с преподаванием русского языка, как правило, достаточно высоко оценивали сочинение Ф. И. Буслаева, хотя и высказывали ряд замечаний, несогласие по тем или иным положениям работы «О преподавании отечественного языка».

В одной из первых рецензий, появившейся в «Современнике» (1844, т. XXXV),

было сказано: «Оно (сочинение Ф. И. Буслаева.— *Л. Х.*) по многим отношениям замечательно и совершенно выходит из ряда бывших в этом роде сочинений». Сообщив читателям о принципах построения книги, делении ее на две части, указав, что «в первой — метода преподавания, во второй — самый предмет», рецензент отмечает: «...Строго судя, мы могли бы сказать автору, что естественнее показать прежде сущность науки и ее содержание, а после уже заметить, сколько и как брать в преподавании из представленных сокровищ. Но дело в том, что сочинитель, по-видимому, нисхождению от целого к частям везде предпочитает восхождение от частей к целому. По его убеждению, например, изучение языка и его истории должно начинаться с разбора полного сочинения и переходить к отдельным предложениям, а отсюда к его членам и, наконец, к частям речи порознь. Таким образом, и в сочинении своем он первоначально обнимает разные взгляды на излагаемый им предмет, сравнивает известнейшие методы обучения грамматике, риторике, пиитике, истории литературы и проч., а потом уже приступает к теории русского языка.

<...> В первой части сочинения своего, изложив сущность разных педагогических партий, он (имеется в виду автор книги.— *Л. Х.*) говорит сперва о грамматике, потом о риторике и пиитике, наконец, о чтении, письменных упражнениях и истории литературы. Все это можно бы лучше пройти обратным путем, так, что грамматика, отвлеченнейшая из всех наук словесности, служила бы заключением этой части его курса. То же можно заметить и о второй части, где автор, как и предшественники его, начинает со звуков, от них переходит к теории образования слов, рассматривает все части речи в обыкновенном порядке, после занимается объяснением ономастики или словопроизводства и оканчивает свой курс беглым, но у нас еще совершенно новым и, следовательно, чрезвычайно полезным взглядом на язык народный и архаизмы (старинные слова), присоединяя в некотором смысле и историю того и другого предмета. В заключение он представляет несколько образцов, провинциализмов Вологодской, Архангельской, Ярославской, Костромской, Тверской, Владимирской, Тульской и Рязанской губерний, также Сибири, Малороссии, окрестностей Полоцка, Смоленска, по Волхову и других. Исчисление предметов, столь разнообразных и в первый раз приведенных как бы уже в систему, должно убедить каждого благомыслящего читателя, до какой степени сочинитель вывел свой труд из старинных границ. Кроме филологических наблюдений над составом русского языка, изданных Протоиреем Павским, много способствовавших и предприятию и совершению рассматриваемой нами книги, мы не знаем другой, которая бы так обогащена была серьезными и полезными данными касательно русской словесности, как сочинение г. Буслаева. Особенно большую пользу оно доставляет исследователю разных эпох русского языка, потому что автор, внимательно перечитавший замечательнейшие из старинных сочинений наших, отметил каждое выражение в них, какое только можно было взять в доказательство какой-нибудь филологической истины. Правда, что в книге г. Буслаева при методе, по наружности строгой, именно нет никакой методы, но частных указаний столько, что они выкупают этот странный беспорядок сочинения, приготовленного как бы в руководство преподавателями».

На страницах «Москвитянина» (1844, ч. V, с. 10) с развернутой рецензией выступил постоянный сотрудник отдела критики и библиографии, известный прогрессивный педагог, автор популярных учебников для первоначального обучения грамоте, широко известных пособий «Начальные основания русской этимологии» (М., 1844), «Лексикология русского языка» (М., 1845) и др. А. Е. Студитский. Мнение этого рецензента особенно интересно, так как оно отражает отношение к книге Ф. И. Бус-

лаева и теоретиков, и практиков, а также показывает, в каком состоянии находилась методика преподавания русского языка в 30—40-е годы XIX в. Приведем фрагменты из этого отзыва, отражающие его основные положения.

«...Особенно хороша показалась нам,— пишет рецензент,— статья «Образцы преподавания», выказывающая в авторе русскую меткость, с которою он объясняет все, не вдаваясь в ухищрения». Подробно рассмотрев «Материалы для грамматики», А. Е. Студитский заключает: «Автор хотел дать только материалы и сдержал свое слово. Он не брался за систему — нельзя же и требовать ее. Можно желать, чтобы он же или кто другой составил ее. Повторим еще — мы готовы дивиться этому огромному труду...»

В рецензии подробно, с интересом рассмотрены разделы о народном языке, архаизмах, отмечено, что все эти материалы могут быть развиты, приведены впоследствии в порядок и единство. «Покуда,— читаем в отзыве,— довольно того, что, имея книгу г. Буслаева под руками, мы можем избавить себя от несносного труда — перерывать множество книг для одного слова».

Далее говорится: «Г. Буслаев совершенно прав в отношении к практическим упражнениям, кроме упражнений в правописании, которые по нашим началам требуют некоторых особенных приемов».

Анализируя вторую часть сочинения Ф. И. Буслаева, А. Е. Студитский говорит о разных подходах к изучению грамматики: «Если и здесь мы будем спорить много с г. Буслаевым, это докажет только то, что мы дорого ценим его труд, но на многое смотрим с различных точек зрения... Г. Буслаев в грамматике своей идет историческим путем, к философии языка в грамматике он прибегает редко; по-моему, философия языка надо положить в основание — и только тогда можно изучать его сравнительно и исторически». Как видим, новый подход к анализу грамматических явлений при преподавании русского языка, предложенный Ф. И. Буслаевым, был не вполне понят даже такими преподавателями, как Студитский. И это не случайно. Дело в том, что Ф. И. Буслаев фактически предложил совершенно новый подход к преподаванию русского языка. Рецензент, несмотря на несогласие с некоторыми положениями Ф. И. Буслаева, увидел, что этот труд отличается от всех ранее выходивших работ, посвященных вопросам преподавания русского языка. Поэтому он считает сочинение Ф. И. Буслаева «почти необходимою настольною книгою для русских учителей», называет «драгоценным подарком, содержащим много нового или, если не нового, то дельного и обдуманного». По мнению Студитского, «О преподавании отечественного языка» касается не только обучения, преподавания русского языка, но и других предметов, поскольку правила преподавания вытекают из правил общего обучения и воспитания.

Критические замечания, высказанные в рецензии, выявляют не только позиции Студитского, но и взгляды многих учителей того времени на методические проблемы. Так, например, рецензент не разделяет мнения Ф. И. Буслаева о необходимости методического аппарата в учебнике, что сейчас столь бесспорно, что никем не оспаривается. В рецензии сказано: «Учебник не то, что самоучитель. Составитель учебника должен заботиться о том, чтобы основания своей науки изложить в возможно простой, систематической и краткой форме: дело учителя применить к нему методу преподавания. Иначе никогда учебник не достигнет цели, потому что понятия так различны, так неопределенны, что ни один учебник не угодил бы даже на сотую долю учителей. Личность учащегося не должна входить в учебник, хотя, разумеется, он должен быть понятен».

А. Е. Студитский не соглашается с Ф. И. Буслаевым и по ряду методических вопросов, связанных с преподаванием русского языка. При этом выявляется именно дальновидность Ф. И. Буслаева, умение его находить новые пути, новые приемы обучения языку. «Он (Буслаев.— Л. Х.),— читаем в рецензии,— постоянно держится решительного анализа, я постоянно стою за снятие. Он говорит: дети лучше поймут предложение, чем звук,— я думаю, лучше поймут звук, чем предложение. Он ссылается на то, что с первого детства дитя выговаривает первые звуки, потом простейшие слоги, потом слова и уже после образуются предложения.

...Г. Буслаев учит писать упражнением: я заставляю наперед понять закон, потом диктую пример, потом другой — то же и т. д. Собственно упражнению предоставляется то, чего уже нельзя определить законом, напр. *л* и *ө* в корнях. Прошедши грамматику, занимаю детей разборами, требуя постоянно отчета. Мы не согласны в способе преподавания русского языка с г. Буслаевым, что мы считаем возможным вводить ученика в науку с самого начала, с первых уроков, что мы считаем самостоятельным теоретическое преподавание науки русского языка. Метода г. Буслаева решительно аналитическая и практическая, наша — синтетическая и вполовину теоретическая.

Я согласен вполне, что не нужно говорить детям того, что они знают,— стало быть, и не нужно мучить их склонениями и спряжениями со множеством подразделений и различий. Но я думаю, надобно заставить отыскать общие законы и потом постепенно и на каждом шагу применять их к частностям».

В сентябрьском номере 211 газеты «Русский инвалид» была опубликована рецензия на труд Ф. И. Буслаева. При анализе книги рецензент высказывается о специфике преподавания русского языка, о значении сравнительно-исторического метода при изучении русского языка. В рецензии читаем: «...Нет ни одного гимназического предмета, в котором бы так тесно и гармонически совокуплялось преподавание с воспитанием, как в обучении отечественному языку. Постепенное раскрытие дара слова и законов его должно быть вместе и раскрытием всех нравственных сил учащегося, ибо родной язык есть неистощимая сокровищница всего духовного бытия человеческого. Сверх того, современные блистательные успехи философии и лингвистики заставили педагогов основательнее вникнуть в язык. Кто понял сравнительное языкознание, для того уже не существует непроходимого средостения между своим, т. е. русским, и между чужеземным. Столь же недостаточно изучать только свое, не ведая чужого, как и толковать только о чужом, ни во что не ставя свое. Истинный гуманизм везде видит и уважает человека: сравнительная лингвистика и в языке народов грубых открывает великие законы творческой силы. Точно так же отстали в науке и те, которые думают, что наш древний быт не имеет никакой связи с теперешним. Истинный гуманизм, повторяю, везде видит человека и сознает, что в необъятной машине создания не пронадеет ни единого волоса с головы человеческой. Историческая лингвистика убедит всякого в настоятельной необходимости изучения всей нашей древности для преуспения настоящему и будущему. Столь же правы и те, которые полагают, что исследование буквы убивает в ученом всякое сочувствие к живой идее. Чем более вникаем в малейшие подробности творения, тем разительнее и глубже созерцаем неистощимость и многообразие творчества, а буква есть самая дробная стихия человеческого слова. Философия языка только тогда будет незыблема, когда глубоко укоренится на изучении буквы. Кто с надлежащей точки смотрит на букву, тот понимает язык во всей осязательности его, изобразительности и жизненной полноте».

После этого пространного вступления, отражающего общетеоретические позиции рецензента в вопросах преподавания русского языка, приводятся сведения о содержании сочинения Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка». Затем дается оценка труда, которую следует воспринимать, учитывая то, что она сделана в первой половине XIX в., когда в России получили широкое распространение идеи сравнительного анализа языковых и литературных явлений, получившие теоретическое обоснование и практическое воплощение в трудах Якоба Гримма. «Мы не можем не прибавить от себя,— пишет рецензент,— что в книге господина Буслаева есть много дельных замечаний насчет отечественного, т. е. русского языка, и что она принадлежит к числу замечательнейших книг в учебной нашей литературе. Заметим еще, что из всех современных ученых г. Буслаев, по его собственному сознанию, преимущественно следовал Якову Гримму, почитал его начала самыми основательными и самыми плодотворными и для науки и для жизни.— Книга издана прекрасно».

Как видим, появление труда Ф. И. Буслаева привлекло внимание тех, кому дороги были и проблемы обучения русскому языку, и проблемы образования в целом. В основном, руководство «О преподавании отечественного языка» получило в этих первых рецензиях достаточно высокую оценку, признание, говорящее о значимости сочинения для учителей, ведущих занятия по русскому языку.

Но были и иные оценки книги Ф. И. Буслаева. Так, например, в 1844 г. на страницах журнала «Библиотека для чтения» (т. 65, ч. 2), известного своей борьбой с «Современником» А. С. Пушкина и выступлениями против писателей «натуральной школы», появилась рецензия, в которой анонимный автор (фактически им был О. Н. Сенковский) злобно обрушился на труд Ф. И. Буслаева, назвал его «умозрительством», в балаганном тоне высмеял содержание и язык книги, ее основную мысль о том, что «изучение родного языка раскрывает все нравственные силы учащегося, дает ему истинно гуманистическое образование». Столь же грубо и бездоказательно в отзыве были раскритикованы, названы «бессмыслицей» тексты, предлагаемые Ф. И. Буслаевым для упражнений.

К Сенковскому не замедлила присоединиться и «Северная пчела» Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча, назвавшая руководство Ф. И. Буслаева «странной книгой о том, как научиться писать по-русски».

Появление этих отзывов на страницах названных журналов закономерно, т. к. то новое, что несла в себе книга Ф. И. Буслаева в методику преподавания русского языка, утверждавшая принципы сознательного усвоения материала, отстаивавшая тесную связь теории и практики, учет возрастных особенностей детей, было чуждо тем, кто выступал как верный последователь укоренившегося, принятого и одобренного официальными представителями Министерства народного просвещения.

На склоне лет Ф. И. Буслаев писал по поводу названных рецензий: «Мне было стыдно и жутко читать не только вслух, но и про себя, как перед целым светом окатили мое до сих пор никому не известное имя помоями и втоптали его в грязь. Но я вполне утешился и ободрился сочувственными мне отзывами в «Русском инвалиде» и в пушкинском «Современнике», которые отнеслись ко мне не только вежливо, но и ласково и вполне одобрительно» (Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания. М., 1897, с. 285—286).

Приводя в «Моих воспоминаниях» пространные выдержки из рецензии О. И. Сенковского, Ф. И. Буслаев показывает, насколько рецензент предвзято отнесся к его труду, насколько не захотел понять сущности высказанных в нем положений. И в связи с этим говорит: «Я всегда думал так: когда мое писанье ругают за дело, то

было бы глупо отвечать на критику, которая, в сущности, желает мне добра в исправлении моих ошибок, а если лаются сдуру, то бог с ними, пусть себе тешатся: брань на вороту не виснет» (Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания. М., 1897, с. 286).

В последующие годы после опубликования сочинения «О преподавании отечественного языка» интерес к нему не ослабевает, а, наоборот, все более усиливается. Этому свидетельством являются отзывы и рецензии, продолжающие появляться на страницах периодических изданий, а также многочисленные ссылки в трудах ученых-языковедов, в методических работах учителей, преподавателей. Так, например, в 1846 г., а затем в 1859 г. на страницах «Отечественных записок» были опубликованы отзывы об этой книге. В рецензии, появившейся в 1846 г., были высказаны интересные мысли о требованиях, которые следует предъявлять к учебнику. «Для учебника,— читаем в рецензии,— мало одной науки, нужна еще педагогическая метода, которую не надобно смешивать с приемами преподавания, зависящими или от произвола самого учителя, или от личности учеников... Не в том сила, чтобы дети знали, что такое понятие, что суждение, а в том, чтоб умели понимать и судить».

И далее говорится о тех требованиях, которые важно соблюдать при обучении отечественному языку: «...Должна существовать тесная и гармоническая совокупность преподавания с воспитанием; постоянное раскрытие дара слова и законов его должно быть раскрытием нравственных сил учащихся». В рецензии обращается особое внимание на специфику изучения отечественного языка, отличие от изучения иностранного: «Правила в отечественной грамматике стоят совершенно в другом отношении к практике, нежели в грамматике иностранного языка. В преподавании отечественного языка сначала упражнение, потом возведение форм к ясному сознанию,— сначала умение, потом знание,— сначала упражнение в языке, потом упражнение над языком,— сначала практика, потом теория, и к тому же аналитическим путем». Как видно, многие общетеоретические положения рецензии не только совпадают с тем, что отстаивает, пропагандирует Ф. И. Буслаев, но и вызваны к жизни этим сочинением замечательного отечественного ученого, педагога.

В 1860 г. в «Сборнике Петербургского университета» (вып. 2) выдающийся славянский филолог, чех по национальности, П. П. Шафарик отмечает труд Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» как одно из замечательных произведений по русскому языку.

Знаменательно, что в специальном «Циркуляре по управлению Петербургским учебным округом» (1863, № 5) при анализе проекта программы преподавания русского языка в 1-м, 2-м, 3-м и 4-м классах гимназий, составленного Николенко, рекомендовано обращаться к материалам книги Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка», где есть «дельные указания» относительно упражнений в сочинениях и другие ценные мысли.

В 1863 г. на страницах журнала «Воспитание» (М., 1863, т. XIII, кн. 4, отд. II, с. 119—120) опубликована рецензия И. Глебова, где было отмечено, что труд «О преподавании отечественного языка» — это первая блестящая попытка сравнительно-исторического изучения русского языка применительно к школьному курсу. Еще в 1844 г. профессор Ф. И. Буслаев, — пишет рецензент, — в своей книге «О преподавании отечественного языка» опровергал односторонность философской грамматики, упрекая ее за то, что она видит в языке одну только логику и упускает из виду полноту и многообразие народной жизни, он отдает преимущество исторической грамматике; которая одна только и может познакомиться с внутренними силами и богатством языка. Но так как русский язык стоит в тесной связи со всеми славянскими наречиями

и преимущественно с церковнославянскими, то русский язык он предлагает изучать сравнительно, а взаимное действие русского и церковнославянского языков в течение всей истории нашей словесности и, вследствие того, изменение форм того и другого языка налагают на нас изучать русский язык исторически. По мнению автора книги «О преподавании отечественного языка», такое сравнительно-историческое изучение языка должно преподаваться в высших классах гимназий... Хотя сравнительно-историческое направление в изучении русского языка и словесности началось у нас ранее 1844 г., но книга г. Буслаева представляет первую блестящую попытку применить методу Я. Гримма к преподаванию русского языка и словесности в наших гимназиях».

Как видим, современники в целом достаточно высоко оценили труд Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка», постепенно он стал основным методическим руководством для нескольких поколений учителей, для составителей учебников, методических пособий. Это сочинение Ф. И. Буслаева заложило научные основы нашей методической науки о преподавании русского языка.

Высокую оценку книга Ф. И. Буслаева получила в конце XIX— начале XX века у выдающегося отечественного филолога А. А. Шахматова. В 1898 г. он опубликовал статью «Буслаев как основатель исторического изучения русского языка», в которой дал подробную детальную характеристику этого труда замечательного ученого XIX в. Приведем фрагменты из работы А. А. Шахматова: «...Первый научный труд Буслаева есть вместе с тем труд педагогический: это вышедшее в 1844 г. сочинение «О преподавании отечественного языка».

Оставляя в стороне важное педагогическое значение этой книги, остановлюсь на ней как на первой ученой работе автора «Исторической грамматики».

В этом труде Буслаев воспользовался трудами своих учителей в славянском и русском мире (Востокова, Павского, Добровского и др.), связал их с данными юной, еще только зарождавшейся в Западной Европе науки — сравнительного языковедения, осветил и оживил их учением Гримма, «начала которого он (говоря его словами) признавал самыми основательными и самыми плодотворными и для науки и для жизни», соединил таким образом «способы» сравнительной и исторической лингвистики, применив их к исследованию родного языка, — и в результате заложил основания для обширной «необъятной» науки — русской грамматики и стилистики; скажу еще определеннее — основания исторического, а следовательно, научного изучения русского языка.

Я назвал учителей Буслаева: они остановились у преддверия науки о русском языке, расчистили к ней путь, частью наметили, частью же сами приготовили материалы для постройки. Востоков вместе с Добровским и Копитаром должен быть назван основателем славяноведения. Своим рассуждением о славянском языке, где отмечены главные звуковые черты языка старославянского в отношении их к звукам других славянских языков, Востоков положил прочные основания для исторической грамматики отдельных славянских наречий. И русский язык уже с этого замечательного рассуждения, напечатанного в 1810 г., получил научное освещение, так как впервые здесь указаны были исконные отличия между ним и языком старославянским. Последующие труды Востокова привели его к знакомству с древними нашими памятниками; многостороннее изучение их и замечательная наблюдательность по отношению к живому русскому языку дали ему возможность уже в 1831 г. издать обширную Русскую грамматику. Но исторической грамматики Востоков не оставил: он приготовил лишь материалы, которыми воспользовался Буслаев. Востоков со

своими строго научными приемами, со своею обширною ученостью и глубокою начитанностью был более чем кто-либо иной способен стать у преддверия молодой, неопытной, едва зарождающейся науки. Отличным изданием Остромирова евангелия, образцовым описанием грамматических особенностей старославянского языка, точным исследованием бесчисленного количества рукописей и составлением церковнославянского словаря Востоков готовил путь, по которому пойдут исследователи родной старины и родного языка. И на этом пути, вслед за главными трудами Востокова, мы встречаем ученика Гримма и немецких лингвистов, автора «Материалов грамматики и стилистики», помещенных во второй части названной нами книги «О преподавании отечественного языка».

Со времени выхода этих Материалов прошло уже полстолетия. Но из всего написанного о русском языке я не читал ничего более интересного, более живого и талантливого этого ядра «Исторической грамматики» Буслаева. Работы Востокова весьма поучительны: сам он удивляет своей проницательностью, но от него веет холодом. «Востоков,— говорит Срезневский,— увлекался мечтою в поэзии, но не в делах науки». Про Буслаева можно сказать, что он отдавался науке весь: сила ума и воображения, точный анализ и блестящая гипотеза, мечта и глубокое знание, наука и поэзия — все это одинаково является достоянием трудов Буслаева. Такой человек более, чем кто-либо другой, был способен заложить о с н о в а н и я новой науки, начертав предварительно план всего здания, наметив таким образом пути, по которому должны идти работы будущих ученых поколений. Буслаев заложил новую науку на широком фундаменте: задуманное здание далеко еще не окончено, некоторые части его еще и не тронуты. Тем более удивляешься тому, что еще в 44-м году скромный учитель 3-й Московской гимназии сумел начертать такие широкие задачи, так всесторонне охватить содержание и цели науки о русском языке.

Материалы для русской грамматики и стилистики извлечены Буслаевым из древних памятников русского языка: две-три летописи, несколько грамот; издания Калайдовича и Тимковского, издания и труды Востокова, выписки из старинных рукописей в примечаниях к «Истории государства Российского» Карамзина — вот откуда собран тот скудный материал, который, благодаря Буслаеву, оживившему его сравнительно-историческими приемами, стал ядром будущих исследований по отечественному языку: «Буслаев установил, с одной стороны, родственные связи русского языка с другими индоевропейскими языками, а с другой, историческую связь между древним языком наших памятников, языком современных писателей и живыми народными говорами. В этих материалах мы находим исторические данные о звуках русского языка, о словопроизводстве, о склонении и спряжении, роде имен существительных, о степенях сравнения; тут же предлагаются синтаксические замечания об имени, глаголе, употреблении предлогов и союзов. В отделе, названном стилистикой, Буслаев знакомит нас с лексическим составом русского языка: его внимание обращает на себя собственно наш литературный язык, «но,— говорит он,— в языке выражается вся жизнь народа; следовательно, разложить на стихи язык так же трудно, как и характер народа. Речь, теперь нами употребляемая, есть плод тысячелетнего исторического движения и множества переворотов. Определить ее не иначе можно, как путем генетическим; отсюда необходимость исторического исследования». Поэтому, выводил Буслаев, для понимания языка современного необходимо изучать язык народный, как «основную стихию литературного языка», и древний язык, отражающийся в современном в целом ряде архаизмов; кроме того, только знакомство с историей культуры нашего народа объяс-

нит происхождение элементов, заимствованных нашим языком из других, а также наших варваризмов. Впервые в русской науке так ясно и определенно указывалось на важность и необходимость исторического изучения языка. Между историею языка и историею словесности Буслаев постоянно проводит параллели. В одном месте он говорит, что «об языке должно сказать то же, что о народных исторических песнях: как к древнейшему преданию о Владимире в продолжение столетий присовокуплялись различные исторические факты..., так и к чистой струе русского языка постоянно примешивался чуждый наплыв; как один и тот же герой в продолжение столетий действует в различных событиях народных и тем определяет свой национальный характер, так и язык, многие веки применяясь к самым разнообразным потребностям, доходит к нам сокровищницею всей прошедшей жизни нашей». В другом месте Буслаев говорит, что «народный язык относится к языку образованному точно так же, как самородная литература к образованной науками и влиянием чужеземным». Убеденный из знакомства с Гумбольдтом, что язык — это отражение человеческой мысли, внешнее проявление внутренней духовной жизни человека, Буслаев в своих Материалах старается показать это на истории русского языка. В отдельных главах этих Материалов перед нами, действительно, раскрывается широкая картина исторического развития русского народа: история языка, в изложении Буслаева, знакомит нас с воинским, религиозным, семейным бытом наших предков, с их мифологией, языческой поэзией и христианской символикой, с понятиями о нравственности и стремлениями к искусству, с народной мудростью, сказавшеюся в пословице, и с главными моментами нашей образованности, нашедшими выражение в красноречии и бытописании. Буслаев, доказав, в первой части Материалов, органическую связь между древним языком и языком современным, убеждает нас в том, что связь эта имеет значение не только сама по себе, но в особенности и потому, что ею доказывается и освещается органическая связь между современными и прошлыми — жизнью, верованиями, учреждениями. Язык отразил на себе историю народа и таким образом служит ценным материалом при исследовании судеб говорящей на нем народности. Особенно поэтому обращает на себя внимание Буслаева народный язык, так как, по его мнению, именно этот язык «проникнут органическою жизнью»; термин «народный язык» он применяет «в противоположность теперешней речи письменной и употребляющейся в кругу людей более или менее образованных». Особенно важно, что Буслаев верно понимал всю важность знакомства с областными наречиями. «Изучение народного языка и языка древних памятников,— говорит он,— само собою предполагает уже и изучение областных наречий». «До нас дошли памятники литературные из разных мест России; мы пользуемся ими и в теперешнем слоге; значит, вносим в слог провинциализм. Мы изучаем язык народный: где он? В Киеве, Вологде, Новгороде, Москве; следовательно, вместе изучаем и провинциализмы». Буслаев замечает, что «сочувствие к народному языку мало по малу теряется, так что для многих этот, по преимуществу родной язык, стал вовсе чуждым». При всяком случае он старается доказать важность изучения народных областных говоров, а зародившийся под влиянием этого у читателя интерес спешит удовлетворить, приложив к своим Материалам несколько областных словариков. Я думаю, что шире охватить предмет исследования, яснее и определеннее наметить его задачи невозможно и теперь...

Автор книги «О преподавании отечественного языка» не только ученый и не только педагог: в первой части он говорит о лучших методах преподавания родного языка, во второй — о самом русском языке в его истории; в первом томе видим

педагога, обвиняющего Востокова и Греча за то, что они «смотрят на грамматику только с ученой стороны, не обращая внимания на учебную, забывая личность учащегося»; во втором томе удивляемся ученому, основывающему науку о русском языке на прочном историческом фундаменте. Но в обоих томах этой книги прежде всего мы находим человека. Живое, полное любви и творческой силы отношение этого человека к знанию — вот что создало историческую науку о нашем языке.

Книга Буслаева должна быть поставлена в самую тесную связь с современными ей течениями русской мысли: общество создало необходимость сделать самопознание основой образования. В изучении своего прошлого и своего настоящего, в привлечении к умственной и общественной жизни стоящего вне его народа — русское общество надеялось найти новые силы, нужные для поддержания и развития новой национальной идеи. «В недавнее время возродившееся стремление к национальности,— говорит Буслаев,— возвысило ценность народного языка». И это возродившееся стремление находит достойное и талантливое выражение в скромной книге Федора Ивановича» (А. А. Шахматов. Четыре речи о Ф. И. Буслаеве, читанные в заседании Отделения Коменского 21 января 1898 г. Спб., 1898, с. 7—12).

В 1903 г., выступая с докладом «К вопросу об историческом преподавании русского языка в средних учебных заведениях» на Первом съезде преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях, А. А. Шахматов вновь говорит о значении труда Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка». «Мысль ввести в старшие классы средних учебных заведений изучение истории русского языка,— отмечает А. А. Шахматов,— встретила бы, мне кажется, общее сочувствие со стороны всех, кто близко стоит к делу преподавания, если бы не одно важное затруднение, несомненно способное вызвать колебание и даже отрицательное отношение к полезной реформе. Это затруднение — в полном отсутствии подходящего учебника, руководства для преподавателей... Наша учебная литература может похвалиться прекрасной попыткой дать такое пособие: переработка его, согласование с новейшими работами по истории русского языка не может представить особых трудностей. Я имею в виду изданную Ф. И. Буслаевым в 1844 г. книгу «О преподавании отечественного языка», а именно вторую часть этого замечательного труда, не повторенную в последующем издании его, в 1867 году... В 1844 г. Буслаев указывал на то, что преподавание отечественного языка в высших классах должно носить характер сравнительно-исторический; оно должно вестись «геистически»: формы устарелые должно сближать с теперешними, чуждые с родными, и намеками представлять ученикам возможность открывать неизвестное посредством известного. В указанной выше второй части книги Буслаева собран обильный и ценный материал из памятников и народного языка; с ним, по мнению автора, должны под руководством преподавателей ознакомиться ученики старших классов. При этом русский язык во всем его объеме описан Буслаевым в самой живой, увлекательной форме: сначала этимология и синтаксис, затем стилистика изображены мастерской кистью талантливого педагога, устремившего все внимание на то, чтобы ни на минуту не ослабевал интерес в учащемся».

Более чем через пятьдесят лет вновь возникает потребность в труде Ф. И. Буслаева, вновь к этому руководству рекомендует обратиться А. А. Шахматов.

Как видим, все более отступая от 1844 г.— времени первого издания «О преподавании отечественного языка»,— рецензенты все выше оценивают этот труд Ф. И. Буслаева, отмечают его все возрастающее значение в развитии методики преподавания русского языка, актуальность тех проблем, вопросов, которые ученый поставил в этом сочинении.

Нечто о русском слоге. Для программы к годичному испытанию в Аренбургском уездном дворянском училище, 20 и 21-го декабря 1843 г. Рассуждение учителя высших классов русского языка Николая Варадинова. Дерпт. 1843 г., в 4-ку, 23 стр.

Опыт пояснения видов русских глаголов. Рассуждение И. Николича, старшего учителя русского языка при Дерптской гимназии. Дерпт. 1843, в 4-ку, 18 стр. Для публичного акта дерптских училищ. Рецензия Ф. И. Буслаева на эти две работы учителей русского языка была опубликована в «Москвитяине» (1844, ч. III, № 5, с. 55—59).

О воспитании в начальном обучении родному языку. Статья опубликована в 1845 г. в «Библиотеке для воспитания» (М., 1845, ч. I, отд. II, с. 1—27). Сразу же после опубликования статья привлекла внимание новизной поставленных в ней проблем обучения родному языку на начальном этапе, вызвав противоречивые отклики в печати. Сразу же на статью откликнулся журнал «Отечественные записки» (1845, т. 39, отд. VI, № 3—4, с. 43—45), назвав ее «замечательной». Рецензент, подробно пересказав общее содержание статьи, одобрил мысль Ф. И. Буслаева о соединении воспитания с начальным обучением родному языку: «Первоначальное обучение отличается от последующего тем, что непосредственно соединяется с воспитанием и из него исходит — вот основная мысль рассуждения». Раскрывая содержание статьи Ф. И. Буслаева, рецензент характеризует два способа обучения родному языку: латино-школярный и наглядный. По первому способу учат детей родному языку, как языку чуждому, неизвестному, не касаясь воспитания. По второму (наглядному) способу, занимаясь умственными упражнениями, воспитывают детей, отбросив всякое учебное занятие.

По мнению рецензента, обе эти крайности, и латино-школярная и наглядная, «неизбежно ведут к пустому препровождению времени. Латино-школярные грамматикки вредны тем, что всякое живое впечатление покрывают отвлеченным названием: сквозь грамматические термины дети не видят в языке ни природы, ни жизни. Метода умственных упражнений бесполезна тем, что не сближает учащих с действительностью, поскольку детям скучно говорить о том, что они ясно видят и понимают с младенческих лет».

Рецензент считает, что воззрение на язык Ф. И. Буслаева отличается от старых, укоренившихся понятий и заслуживает полного внимания преподавателей отечественного языка. Он поддерживает мысль Ф. И. Буслаева о том, что «первоначальное обучение родному языку должно быть не грамматическое, а реальное и логическое, постоянно соединяемое с чтением и рассказом», т. е. учитель объясняет вначале не части речи и флексии, а значение отдельных слов и предложений, встречающихся при чтении. Таким образом, синтаксис даст первоначальное логическое образование; этимология же, ограничивающаяся объяснением происхождения слов, предлагает живую энциклопедию всех понятий народа (образование реальное). «...Родной язык, — отмечает рецензент, — и отличается от прочих предметов обучения воспитывающим характером. Преподаватели родного языка должны отличать внешние приемы, воспитывающие нрав, от воспитывающей силы, в самой сущности языка заключающейся. Дитя воспитывается самим языком в определении нравственных понятий».

Автор рецензии поддерживает критику Ф. И. Буслаевым современных грамматик.

Противоположной точки зрения придерживается рецензент «Библиотеки для чтения» (1845, т. 72, ч. II, отд. VI, с. 30), который в обзоре статей журнала «Библио-

тека для воспитания» за 1845 г. подверг резкой критике работу Ф. И. Буслаева за то, что он «недоволен всеми русскими грамматиками», что он осуждает все прежние методы изучения русского языка, что подобные рассуждения надо прятать от детей. «Пора выйти нам из хаоса всех этих метод,— читаем в обзоре,— нововведений и умствований. Нет, не из них надо составлять библиотеки для воспитания детей! Ошибка важная воспитывать детей сборными статьями, писанными наскоро, небрежно, даже без достаточной опытности в авторском деле. Еще хуже прибавлять к этому какие-то исключительные будто бы новые методы». Это обобщение показывает, что критик «Библиотеки для чтения» явно не понял значения высказанных Ф. И. Буслаевым положений для совершенствования преподавания русского языка.

Материалы для Русской грамматики. О местоимениях вообще и о русских в особенности. Первая статья по Отделению русского языка и словесности, напечатанная в особом прибавлении к журналу „Bulletin Scientifique“, издаваемому от историко-филологического отделения имп. Академии наук. Рецензия Ф. И. Буслаева появилась в «Москвитянине» (1845, ч. I, № 2, с. 41—55).

О преподавании русского языка и словесности (Заметки на статью г. Греча в 7-м № «Морского сборника» за 1856 г.). Рецензия Ф. И. Буслаева, в которой сделан разбор грамматической системы Греча, проанализированы его взгляды на методику преподавания грамматики русского и старославянского языков, была опубликована в 1856 г. в «Отечественных записках» (т. 109, декабрь, отд. I, с. 327—344).

Н. И. Греч в статье «Заметки о преподавании русского языка и словесности», опубликованной в 1856 г. в «Морском сборнике» (т. XXII, № 7, отд. III, с. 109—203), дал подробную характеристику методов преподавания русского языка при первоначальном обучении дома и в средних учебных заведениях, изложил основные методические правила преподавания морфологии и синтаксиса, охарактеризовал объем программы по морфологии и синтаксису в средних учебных заведениях и высказал мнение о месте старославянского языка в общей системе преподавания.

Программа русского языка и словесности. Составлена на основании Наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений, высочайше утвержденного 24 декабря 1848 года.

Программа составлена Ф. И. Буслаевым в соавторстве с известным преподавателем словесности А. Д. Галаховым на основании Наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений, утвержденного 24 декабря 1848 г. В 1852 г. Управление военно-учебных заведений пригласило Ф. И. Буслаева, одного из авторитетнейших ученых в области преподавания русского языка и словесности, для составления специальной программы. Подготовленная Ф. И. Буслаевым и А. Д. Галаховым программа была утверждена на пять лет в 1852 г. Главным начальником военно-учебных заведений. Программа по русскому языку была предназначена для подготовительного и 1—4 классов военно-учебных заведений и содержала материалы по фонетике, морфологии и синтаксису. Помимо этого, в программе приведены методические указания и образцы упражнений, а также уделено большое внимание развитию логического мышления, работе над словом.

На составленную Ф. И. Буслаевым и А. Д. Галаховым программу опубликова-

на в журнале «Воспитание» (М., 1863, т. XIII, кн. 4) рецензия И. Глебова. В обширной статье «О программах по русскому языку и словесности для желающих поступить в студенты Московского университета», проанализировав ряд учебных программ и пособий, И. Глебов отметил, что в новой программе Ф. И. Буслаева и А. Д. Галахова преобладает прогрессивное историческое направление над теоретическим, которое уходит в далекое прошлое, характеризующееся схоластикой. Рецензент пишет, что эта программа предполагает преподавать очень подробно историческую грамматику русского языка сравнительно с языком церковнославянским и современным русским, а это, в свою очередь, дает возможность учащимся понять сущность каждого языкового явления.

Общий план и программы обучения языкам и литературе в женских средних учебных заведениях. Программа была составлена в 1886 г. для предполагаемого к открытию Московского дворянского института благородных девиц и в этом же году отпечатана небольшим тиражом. В 1889 г. текст программы был вновь опубликован в ежемесячном историко-литературном журнале «Пантеон литературы» (кн. 11—12), а в 1890 г. издана отдельной брошюрой в типографии Н. А. Лебедева в Спб. По тексту отдельного издания 1890 г. печатается программа в настоящем томе избранных педагогических работ Ф. И. Буслаева.

В программе даны подробные рекомендации по постановке родного языка и литературы во всех среднее учебных заведениях как мужских, так и женских. Ф. И. Буслаев проводит мысль о необходимости развития логического мышления учащихся на уроках родного языка и литературы, об изучении русского языка «во всем его разнообразии», о важности развития речи как устной, так и письменной. Особо Ф. И. Буслаев обращает внимание на изучение живого слова, народной речи.

Отдельное издание 1890 г. открывалось небольшим предисловием «От редакции», в котором кратко излагались история создания программы и ее содержание. В связи с тем, что эти сведения могут дополнить некоторые данные о деятельности Ф. И. Буслаева, воспроизводим полностью текст предисловия.

«Среди обширных научных работ по языку, литературе и искусству, на которых воспиталось не одно поколение русских ученых, внимание Федора Ивановича Буслаева, как известно, нередко останавливалось и на учебной постановке этих предметов. Глубоко просвещенный ум почтенного главы русских лингвистов давно уже оценил важное значение правильного ведения этого дела в наших учебных заведениях. Еще в 1844 г. вышло в свет известное сочинение его «О преподавании отечественного языка», до сих пор остающееся классическим. Затем, по приглашению Главного управления военно-учебных заведений, в 1858 г. Федором Ивановичем изданы были два труда «Опыт исторической грамматики русского языка» и «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков» (1861 г.). Оба эти сочинения до сих пор, да и долго еще будут незаменимой настольной книгой для каждого преподавателя родного языка.

Между тем, в 1886 г., т. е. за два года до окончания первого пятидесятилетия славы ученой деятельности, Федор Иванович еще раз возвратился к вопросу педагогическому и по просьбе московского дворянства составил «Общий план и программы обучения языкам и литературе», предназначавшиеся для предполагавшегося в то время Московского дворянского института благородных девиц. Труд

Ф. И. Буслаева тогда же отпечатан был в незначительном числе экземпляров и в продажу не поступал.

Благодаря любезному отношению знаменитого ученого к нашему скромному изданию мы получили возможность познакомить читателей с этим ценным трудом. Обширная и разносторонняя эрудиция Ф. И. Буслаева в связи с его педагогической опытностью придают особенно важное значение его указаниям и советам по столь близко известному ему делу. Сочинение это, разбирая основы правильной постановки в школе одного из важнейших предметов учебного курса, представляет наиболее близкий интерес для преподавателей родного языка и литературы во всех средних учебных заведениях как мужских, так и женских.

В настоящем издании помещены те части «Общего плана», которые касаются преподавания родного и иностранных языков, а также литературы».

Отзыв проф. Ф. И. Буслаева о Программе русского языка и словесности, составленной учителями гимназий Московского учебного округа на съезде 1866 г. в Москве. Печатается по тексту, опубликованному в «Сборнике Общества любителей российской словесности на 1891 год» (М., 1891, с. 87—96). До этого времени Отчет о съезде учителей, проходившем в Москве в 1866 г., не был издан и находился в рукописи.

Отзыв Ф. И. Буслаева на Программу русского языка и словесности, составленную на съезде учителями гимназий Московского учебного округа, содержит некоторые высказывания, выдержанные в духе проводившейся в те годы официальной национальной политики. Этим обусловлены указания Ф. И. Буслаева о преобладании государственного языка над местными наречиями провинций, а также над некоторыми национальными языками. К этим положениям ученого нужно подходить критически, с должным пониманием положения в России в 60-е годы XIX в.

Одновременно в отзыве высказаны важные положения о большом значении изучения русского языка учащимися нерусских национальностей, т. к. это язык, на котором созданы бессмертные произведения литературы и выдающиеся памятники культуры.

В отзыве Ф. И. Буслаев говорит о необходимости возможно полнее дать учащимся представление о лучших русских писателях, начиная с Ломоносова до Гоголя, возражает против схоластики при анализе отрывков из их сочинений. Ф. И. Буслаев считает, что каждый поступающий в университет должен хорошо знать русский язык и произведения лучших русских писателей.

Е. Будде. О заслугах Ф. И. Буслаева как ученого лингвиста и преподавателя (Речь, читанная в торжественном заседании Казанского общества археологии, истории и этнографии 28 сентября 1897 года).

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
Ф. И. Буслаев — выдающийся филолог и педагог	7

I

О преподавании отечественного языка	25
Предисловие	—
Часть первая. Педагогические начала	27
Предмет и метода преподавания	—
Педагогические партии	34
Грамматика	43
1. Умственные упражнения и энциклопедическое учение	—
2. Обучение отечественному языку по латинской грамматике	48
3. Метода обучения отечественному языку	54
4. Отношение отечественного языка к прочим предметам преподавания	57
5. Грамматика	64
6. Результаты	65
Риторика и пиитика	70
1. Схоластики и беллетристы	—
2. Филологи	73
3. Лингвисты и философы	75
4. Практика	79
5. Педагоги-систематики	81
Чтение	82
Письменные упражнения	111
1. Деловые бумаги	—
2. Письма	113
3. Описания, повествования и рассуждения на выдуманные учителем темы	115
4. Отношение письменных упражнений к прочим предметам преподавания	118
5. Отношение письменных упражнений к преподаванию отечественного языка	121
а) Правописание	122
б) Начальные письменные упражнения	124
в) Переводы	125
г) Переложения	—
д) Извлечения	126
е) Собственные сочинения	127
История литературы	129
Опыты преподавания	—
1. Начальная грамматика	—
2. Чтение Карамзина	152
3. Чтение древнего памятника	165
4. Чтение од Ломоносова	169
Заключение и переход ко второй части	189
Часть вторая. Материалы для русской грамматики и стилистики	192
Введение	—
Материалы для русской грамматики	198
Членораздельные звуки	199
Звуки гласные	—
Звуки полусогласные: придыхания и плавные	204
Звуки согласные	210
Приставки и окончания	215
Сложные слова	220
Образование наречий	224
Производство местоимений	229

Местоименные наречия	232
Склонение	233
Спряжение	234
Значение и разделение местоимений .	235
История русских местоимений	237
О родах имен существительных .	241
1. Царство животных .	243
2. Деревя и растения .	245
3. Царство ископаемых	246
4. Вода	—
5. Воздух	248
6. Небо и звезды	—
7. Мир, земля, страна, путь	—
8. Тело и части его, части растения .	249
9. Земледелие	—
10. Город, место	—
11. Корабль, лодка	250
12. Храм, дом	252
13. Оружие	—
14. Болезнь, смерть	253
Степени сравнения	255
Синтаксические заметки	258
Имя	—
Глагол	262
Предлог	266
Союз	268
Материалы для русской стилистики .	269
Ономастика	272
1. Слово, поэзия, чародейство, знание и пр. .	273
2. Вещь	275
3. Мир	—
4. Пространство и время	276
5. Душа, жизнь	277
6. Познавательная способность, чувства, искусство, наука .	278
7. Понятия нравственные, правда, вера, блаженство .	280
8. Судьба	281
9. Бог	282
Народный язык	—
1. Тавтология	—
2. Описание	284
3. Эллипсис	285
4. Эпитеты	—
5. Период	287
6. Сравнение	289
7. Фразеология	291
История народного языка	292
Архаизмы	301
1. Ономастика	302
2. Изобразительные выражения	305
3. Быт воинский	—
4. Быт юридический. Летопись. Старина	307
5. Быт религиозный. Отечество. Честь	308
6. Быт семейный и общественный	311
7. Языческий взгляд на природу физическую. Языческая символика, мифология, поэзия, игры	314
8. Христианский взгляд на природу физическую. Христианская символика. Красноречие	325
9. Зодчество, валяние, живопись, музыка	328
10. Предложение, пословица, период, речь	331
История архаизмов	337

Стихияи чужеземные	340
1. Грецизмы в церковном языке	343
2. Время	344
3. Науки и искусства	345
4. Алфавиты	346
5. Варваризмы в летописях	348
6. Варваризмы в народном языке	349
7. История варваризмов от Петра Великого	—
Провинциализмы	354
1. В Вологодской губернии	357
2. В Архангельской губернии	359
3. По Волхову, в окрестностях Полоцка, Смоленска и пр.	360
4. В Ярославской губернии	361
5. В Костромской губернии	362
6. В Тверской губернии	—
7. Во Владимирской губернии	363
8. В Тульской губернии	364
9. В Рязанской губернии	—
10. В Сибири	365
11. В Малороссии	370
Заключение	372

II

Нечто о русском слоге. Для программы к годичному испытанию в Аренбургском уездном дворянском училище, 20 и 21-го декабря 1843 г. Рассуждение учителя высших классов русского языка Николая Варадинова. Дерпт. 1843 г., в 4-ку, 23 стр.	
Опыт пояснения видов русских глаголов. Рассуждение И. Николича, старшего учителя русского языка при Дерптской гимназии. Дерпт. 1843, в 4-ку, 18 стр. Для публичного акта дерптских училищ (<i>Рецензия</i>)	374
О воспитании в начальном обучении родному языку	378

Материалы для Русской грамматики. О местоимениях вообще и о русских в особенности. Первая статья по Отделению русского языка и словесности, напечатанная в особом прибавлении к журналу „Bulletin Scientifique“, издаваемому от историко-филологического отделения имп. Академии наук (<i>Рецензия</i>)	386
О преподавании русского языка и словесности (Заметки на статью г. Греча в 7-м номере «Морского сборника» за 1856 г.)	396

III

Программа русского языка и словесности. Составлена на основании наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений, высочайше утвержденного 24 декабря 1848 года	410
Общий план и программы обучения языкам и литературе в женских среднеучебных заведениях	431
Отзыв проф. Ф. И. Буслаева о Программе русского языка и словесности, составленной учителями гимназий Московского учебного округа на Съезде 1866 г. в Москве	472
Приложение. Е. Б уд д е. О заслугах Буслаева как ученого лингвиста и преподавателя (<i>Речь, читанная в торжественном заседании Казанского общества археологии, истории и этнографии 28 сентября 1897 года</i>)	480
Комментарии	494

